

Потомкам праправнуков Ноя,
Гайка и Картлоса,
братьев по крови,
посвящается

**Одно у нас отечество,
и горек его дым.**

Арсен Еремян

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ
«РУССКИЙ КЛУБ»

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АРМЕНИИ

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

АРСЕН ЕРЕМЯН
ПОЗОВИ МЕНЯ
КАК СЫНА

Тбилиси
2013

Сборник избранных стихотворений, рассказов и очерков заслуженного журналиста Грузии Арсена Еремяна «Позови меня как сына» опирается на грузинские и армянские материалы. Автор, литератор, коренной тбилисец во многих поколениях, верен своим корням, его произведения художественны и в то же время документально точны и исторически уникальны.

Книга призвана способствовать обмену духовными ценностями двух народов, сохранению и развитию многовековых культурных и общественно-политических связей между Арменией и Грузией.

Издатель -
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Издание осуществлено при поддержке
Международного благотворительного фонда «КАРТУ»

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

К VI Международному русско-грузинскому
поэтическому фестивалю
«Во весь голос»

Фотографии
***М.Заргаряна, Г.Тиканадзе, А.Саакова, А.Которашвили,
Т.Кикава, Г.Киквадзе, Э.Гигилашвили
и др., из архива автора.***

ISBN 978-9941-9264-9-5

КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА

ПУСТЬ ВЕЧНЫМ БУДЕТ НАШЕ БРАТСТВО!

Тысячелетия насчитывает история наших народов, тысячелетия совместной борьбы и жизни.

Когда под ногами у тебя такая высь – говорить и легко и трудно. Это естественно. Легко, потому что под рукой тысячи фактов. Трудно, ибо не знаешь, какой из них выбрать, как раскрыть свое сердце самому родному, близкому другу.

В этом случае молчание красноречивее всего, но как же молчать, как не воспеть вековую дружбу наших народов, скрепленную пролитой кровью, звоном сабель и песней труда. История – могучий кузнец, выковала и закалила нас, история сделала нас братьями.

И на протяжении многих веков народ слагал легенды о нашем братстве.

В «Картлис цховреба», провозвестнике истории моего народа, есть такие строки: «А восемь из его сыновей прославились как смелые и непобедимые богатыри, первому имя – Хайос, второму – Картлос...»

Это быль, а не легенда, созданная воображением. И подтверждение тому – века.

Братство армянского и грузинского народов – редчайший пример в истории. Мало найдется в мире народов, которые на протяжении двух тысячелетий жили бы так сплоченно, в такой нерушимой дружбе, как наши народы.

Какие только несчастья не обрушивались на Армению и Грузию, кто только не посягал на нашу национальную независимость, самостоятельность, пытаясь отнять у нас родной язык и песню, кинуть наши земли в туман веков: персы и византийцы, арабы и сельджуки, турки и татары. Топтали памят-

ники нашей древней культуры, рушили и жгли наши селения, народ предавали мечу.

Много крови пролито на нашей земле, но и героических деяний великое множество...

Народы наши никогда не пользовались неудачами друг друга, никогда не присоединялись к ворвавшемуся в Армению или Грузию врагу. Не раз, объединив свои силы, боролись с завоевателями армяне и грузины, побеждали, праздновали победу, кровью крепили братство.

Когда император Византии Константин Мономах обманом завлек в Константинополь царя Гагика, а сельджуки напали на Армению, на помощь армянам пришли грузинские войска, враг встретил героическое сопротивление, и только благодаря землетрясению был покорен Ани, впоследствии, в 1123 году, освобожденный Давидом Строителем.

Пришло на помощь Армении и войско грузин под руководством Закарэ и Иванэ Долгоруких, разделив с армянами тяготы войны.

Немало можно привести таких фактов из истории двух наших народов. Если Грузия была для Армении северо-западным оплотом в борьбе против иностранных завоевателей, то Армения, по словам Ильи Чавчавадзе, была «нашим южным щитом».

Век за веком все сильнее и сильнее крепла, расширялась армяно-грузинская дружба.

Это была не только дружба по оружию, это было и общностью идей, культур, взаимным обогащением.

Яркий пример тому – XIX век.

Вместе рождались и развивались современные литературы армянского и грузинского народов, армянский и грузинский театры, другие ветви культуры. На новую ступень поставлены деятелями литературы и искусства вековые традиции.

Прекрасно сказал мой великий друг, незабвенный Варпет – мудрый Аветик Исаакян: «В истории наших народов была священная традиция. Чтобы еще более крепло братство, во многих местах, где совместно жили грузины и армяне, грузинские матери кормили грудью армянских детей, и наоборот».

Дружба крови, оружия, молока, мысли!

Дружба, ставшая символом вечности, крепить которую мы

должны всегда.

В 1942 году, в присутствии моих друзей Аветика Исаакяна, Дереника Демирчяна и академика Иосифа Орбели, я сказал и повторю теперь, в день такой счастливой возможности, когда речь идет о любимом мной армянском народе, восхищающем мир своей культурой, народе, поражающем своей стойкостью:

– Мы, грузины, любим вас, армян, за то, что наши народы, как близнецы, похожи друг на друга, у нас одна история, похожи наши реки, горы, языки и архитектура.

Обязанность современников – никогда и никому не позволить нарушить братство армянского и грузинского народов, способствующее нашим успехам и победам.

Мы должны завещать детям свято хранить это братство.

Пусть будет вечным оно!

Журнал «Литературная Армения».
1971г. №6

Константинэ Гамсахурдиа (1893 – 1975) – выдающийся писатель, классик грузинской литературы, академик Академии наук Грузинской ССР (1944). Автор исторических романов «Десница великого мастера», «Давид Строитель», а также «Похищение луны», «Цветение лозы». Перевел на грузинский язык «Божественную комедию» Данте.

РАССКАЗЫ
РАЗНЫХ
ЛЕТ

ВЕЛИКАЯ ОБЩНОСТЬ

Как-то раз мы с внуком Арсеном вышли погулять, поднялись на Метехское плато, подальше от шума городского.

Не по-осеннему светило солнце, согревало и высвечивало зеленый овал площади Горгасала внизу, далекие шатры тянувшихся друг к другу Мтацминды и Нарикалы, крутой излом неспешно текущей Куры.

Благовест колоколов Святого Сиони величаво плыл над городом, над которым простер могучую каменную десницу его строитель и первый правитель.

- Какой красивый город Тбилиси, - неожиданно сказал мой шестилетний внук, как и я, очарованный этим мгновением.

Скольким пылким менестрелям еще должен дать жизнь этот город, чтобы выразить сполна его красоту и притягательность, неповторимый характер тбилисцев, поэтов и художников от рождения, чьи предки, испив воды этой реки хоть раз, навсегда сохранили в крови пожар негасимой любви к вечному городу.

Мтквардалеулни¹. Великая общность людей.

¹ Испившие воды Мтквари - Куры (груз.).

ДОМИНАНТА

«Полюбуйтесь на этого хулигана!» Одишария Пифагоровы Штаны бросил мел, которым стучал по доске, выводя формулы, подошел к окну. Он наконец увидел то, за чем заинтересованно следил весь класс, - свидание Омарова с Томой, самой симпатичной девчонкой соседней школы. Саша только что стал чемпионом города, купался в лучах славы. В вестибюле женской школы она напомнила о себе дождем записок с объяснениями в любви. Придумавшие раздельное обучение бесполое наробразовские чинуши были посрамлены. Весна превратила в райский сад узкую полоску ничейной земли между дворами и скалой, с грудями щебенки, ржавыми железками, постыдными человеческими отправлениями, бросила слабую, податливую плоть в сильные, годами тренированные руки, привыкшие ломать сопротивление.

Они приблизились к стальной трубе, - считалось особым шиком съехать по ней с Комсомольской аллеи, поживаясь от страха, - зашли за кирпичную кладку, недоступные взглядам, как темная сторона луны, а мы, далекие от консультации по математике, от предстоящего экзамена, ревновали и тревожились за Тому, держа в уме его шоковую откровенность: как он со знакомым, имевшим не одну судимость, встретили за городом двух сельских девчонок и, угрожая ножами, затолкали в Коджорский лес, где, соревнуясь в скотстве, оживленно переговариваясь и торопя последний миг, позабавились ими.

«Сумароков на война, Одишария больна, на телефоне Сара».

Как часто вспоминалась из школьного фольклора сорок третьей эта фраза уборщицы в гулкой немоте учительской. Сумарокова в школе мы не застали, он начальствовал в летнем училище, удостоился офицерского звания, но уровень учебного процесса, поднятого им на небывалую высоту, долго оставался образцовым. В круговерти годов и событий стерлись в памяти подробности, и нелегко ответить на вопросы шутливой викторины выпускников знаменитой тбилисской школы: вспомнить имя и внешность старика, сололакского жителя, - он имел собственное знамя и за умеренную плату шел с ним во главе похоронной процессии, - и как звали, к примеру, чистильщика обуви на улице Кирова.

Одно из самых ярких впечатлений - подготовка к парадам и

демонстрациям народного ликования. Гордость школы духовой оркестр, обязанный своим рождением маэстро Николаю Чичинадзе, могучим легким двух дюжин ребят, положенным в общий котел нашим кровным десяткам, становится впереди школьной колонны, которая строевым маршем стекает вниз по улице. Охрипший от команд, физрук Шота Павлович забегает вперед, припадая на правую ногу. Гремит медь оркестра, мельтешат голые коленки, сотни ног печатают на асфальте четкий шаг. Нежный, как девушка, запевала из нашего класса заводит песню: «Летят перелетные птицы». Колонна дружно отзывается: «В штанах». Нам знаком этот нехитрый фокус. Расстояние в двести метров до женской школы, из окон которой свешиваются любопытные головы, - они начинают движение после нас - надо пройти так, чтобы на музыкальную фразу запевалы: «А я остаюсь с тобою» радостно выкрикнуть в сотни глоток: «Без штанов». Бедный Исаковский! Бедный Блантер!

Теперь мимо моего дома топаем вдоль по набережной, чтобы надолго застрять в районе госцирка, всецело завися от сценария распорядителей праздника. Если повезет - школа, гремя агапкинским маршем «Прощание славянки», идет мимо правительственной трибуны - угрюмо-равнодушных лиц с нахлобученными на уши шляпами, но чаще музыкантов забирали в сводный оркестр, сводя дело к обычной уравниловке. Последние сотни метров проходим по Пушкинской улице, как стадо баранов. На Колхозной площади ненужные знамена летят в раскрытые чрева грузовиков.

Жизнь оказалась много сложнее нескольких стаканчиков, пропущенных в винном погребе на Майдане, где у дяди Сандро всегда имелось неразбавленное саперави. Крайне редко шел я на традиционные встречи в Тбилиси и Ереване, на апрельские торжества, к чему нас обязывает школьный устав. Но всегда волнуясь, оказавшись волею судьбы возле трехэтажного здания с высокими окнами, со следами на фронтоне былой надписи: «Манташевская торговая школа», вспоминая, какими мы уже не будем.

Александр Семенович Пампалов, наш учитель пения, обладал редким даром рассказчика. В его изложении либретто оперы об истории любви египетского полководца и черной рабыни, дочери эфиопского царя, обретало библейскую поэзию и му-

дрость, отравляя на всю жизнь сладким дурманом творчества.

Неистошимый на лабораторные выдумки милейший Яков Иванович Костава, во славу периодической системы Менделеева, однажды едва не превратил нас в прах, взорвав на уроке адскую смесь собственного приготовления.

Неизменно корректный Ник-Ник Тавдгиридзе никогда не прибегал к конспектам и классному журналу, рисуя в записной книжке одному ему понятные знаки, очерчивая на доске одним взмахом руки идеальную окружность под общий вопль восторга.

Елена Георгиевна, урожденная княжна Туманова, приобщила к книге не одно поколение лауреатов и генералов, профессоров, агрономов, авиаконструкторов, писателей, журналистов, юристов, врачей, музыкантов, художников. Это Елена Георгиевна изготовила стенд о своих учениках: с черной обугленной доски, с опаленных огнем листков бумаги смотрят на сегодняшних несмышленишек мальчишки, кто навечно остались семнадцати-восемнадцати лет, сгорев в самолетах и танках в первые дни войны, и среди них неожиданно – лицо нашего первого завуча Нины Антоновны Добрыни фотографией ее сына.

Зара Юрьевна Мусиева, завуч и педагог русского языка и литературы, после выпускных экзаменов удивила меня советом поступить в технический вуз, а когда я этому воспротивился, сделала запоздалое признание: «Из-за тебя я чуть было не ушла из школы».

Помню педсовет, грозный, неумолимый, как суд жрецов в «Аиде», себя, опасную скверну, от которой следовало немедленно избавиться. Но почему она все эти годы молчала?

Педсовету предшествовала контрольная работа по основам дарвинизма. Писать я ее отказался, считая бесполезной в данной дисциплине, о чем откровенно сказал Ивану Павловичу, за откровенность удостоился единицы в журнале, был выставлен в коридор, где очень некстати попался на глаза директору школы. Попыхивая знаменитой трубкой, он прохаживался мимо прилежных классных комнат, приторно слащавого афоризма Лаврентия Берия на стене: «Героизм и мужество школьников – это учеба на отлично» и, конечно же, постарался раздуть из этой самой по себе неприятной истории пламя возмездия, перед которым померк бы московский пожар 1812 года. Райком комсомола

решение об исключении, ясное дело, не подтвердил.

Последняя четверть кончалась. Не будучи аттестованным по предмету и предвидя страшную месть, готовлюсь подороже продать свою жизнь. Для начала одолжил на вечер учебник, которого на весь класс было несколько, прочел от корки до корки.

Кавтарадзе вызвал меня первым, предупредил, что задаст три вопроса, и я вышел в открытое море удивительной науки биологии, любимой давно и беззаветно, с неистовством первой любви, которой собирался заняться всерьез, в чем меня поддержал приехавший домой на побывку мамин брат Василий, впервые мной увиденный, в тридцатых годах сосланный на пожизненное поселение в Вятку.

Скоро я почувствовал себя неуютно в малознакомых местах, взял себе в спутники молодого зрителя станционных часов – работа непыльная и соответственно низкооплачиваемая – в губернском городе Козлове, который тогда еще не был Мичуринском, узнавая его мечту покрыть садами родную Тамбовщину. В одном из них, таком малом, что на него можно было накинуть его форменную шинельку, он высмотрел скромную светловолосую девушку, которая, распевая, возилась с цветами, радуясь солнцу и утру. Он просил руки маленькой певуни и получил согласие, найдя в ее лице восторженную поклонницу и крохотный сад для опытов. Как часто бывает, поначалу он мало знал, смутно представляя себе то, что со временем свяжут с его именем, назовут методом отдаленной гибридизации, а пока заглядывался на плодовые деревья за высокими оградами богатых усадеб, угощался яблоками, когда угощали, пряча украдкой в карман огрызки с драгоценными семенами, пока его не уличили, после объяснения нарвали разных яблок кулек, охотно рассказали о прививках. Он остановил свой выбор на яблоне китайке, низкорослой и непритворливой, ее кривобокие плоды проигрывали рядом с безупречными формами аристократок – бельфлеров, шафранов, ранетов, кандилей, но могучие жизненные силы, угаданные им в дурнушке-простолюдинке, неизменно побеждали в споре родительских пар, давая высокоустойчивое потомство.

«Доминанта!» - сказал Иван Павлович и торжествующе посмотрел в притихший класс.

Как жаль, что гордые слова мечтателя из сонного Козлова о невозможности ждать милостей от природы, призыв взять их у

нее, объявленный чуть ли не всенародной задачей, - мне кажется, он сказал это, не подумав, - были превратно истолкованы приспособленцами от науки, бездумными авторами рукотворных морей, на дно которых ушли божие храмы, деревенские погосты, старинные поселения с улицами, по которым гуляют волны. Результаты апокалипсические, как это было с другим, не менее известным тезисом буревестника революции: «Если враг не сдается, его уничтожают», оприходованным ежовщиной.

Иван Павлович тогда спросил, известны ли мне имена селекционеров-дарвинистов на Западе. Первым называю Лютера Бербанка, прошедшего долгий путь познания, признавшегося в горькую минуту, что ему пора открыть дровяной склад.

«Сегодня ваш класс сделал мне подарок, - Кавтарадзе не пытался скрыть волнение, - это самый счастливый день в моей жизни».

И теперь, через много лет, в трудные часы разочарования и слабости, черпаю силы в уроке нравственности и великодушия педагога, ставшего выше собственной обиды доминантой добра.

Потом по моей просьбе он написал для классной стенгазеты совершенно блестящую статью, которую перепечатали в школьной газете. Она сделала бы честь толстому столичному журналу, - что-то вроде наказа молодежи, вступающей в жизнь, не похожая на заветы вождя, лысого и картавого, вещавшего делегатам третьего всероссийского съезда комсомола в октябре 1920 года о коммунистической нравственности, уже к тому времени полно себя выразившей. Многие делегаты съезда косаревского призыва поплатились за нее жизнью.

Осталось загадкой, откуда пришел к нам в школу, никогда не испытывавшую недостатка в блестящих педагогах, этот ученый человек, сочетавший специальные знания с литературным мастерством, как нашел он добрые, человеческие слова, смело цитируя сакраментального Ивана Петровича Павлова, великого старца, распинаемого в те годы средневекового мракобесия, странной войны с вейсманизмом-морганизмом, щедрых посулов шарлатанов, обещавших молочные реки в кисельных берегах; и сегодня несть им числа.

Мы хоронили Ивана Павловича через одну весну, первого педагога, чья смерть застала нас в школьных стенах, растерянные, шли по пустой улице, перекрытой от транспорта, нетвердо

зная, что еще уготовит нам жестокая жизнь.

«Сумароков на война, Одишария больна, на телефоне Сара».

Для кого-то это смешная история из школьного фольклора, несвязный разговор бедной уборщицы, вынужденной отвечать на телефонные звонки в опустелой учительской далекой военной поры, а я вижу ее как живую.

В войну мы приносили из дома по квадратiku детской хлебной карточки, за него в школьном буфете выдавали маленькую булочку землистого цвета. В тот день случилось ужасное: я потерял хлебный квадратик, право на дневной паек, и тогда Сара, чей единственный сын так и не вернулся с войны, наша малограмотная Сара, над кем до сих пор незлобно подшучивают, дала мне булочку, свой пайковый хлеб, собственно говоря, незнакомому мальчику, так просто решив для себя государственную задачу: все лучшее детям.

СОБАКА И УЛИЦА

Собака ни о чем не подозревала. Она сломя голову гонялась за воробьями, потом оказалась рядом с пьяным, и он ударил ее ножом. Отрывистый лай, в котором захлебнулась боль. Пьяный, хватаясь за стену, пошел по улице. Он сыпал проклятиями, словно его отвлекли от важных дел. Собака осталась на мостовой, ей неудобно на острых камнях, но трудно разгуливать с порезанным горлом.

Я вижу глаза собаки, затуманенные страданием.

- Держитесь подальше, - предупреждает незнакомая женщина, - собака может укусить.

Я слышу топот множества ног - к собаке спешат любопытные. Они боятся опоздать, ведь не часто на улице ножом ударяют собаку. Ударяют так удачно, что собаке не выкарабкаться. Потом они стоят рядом и смотрят на темную струйку, которая стекает на камни. Голова собаки бессильно откинута набок. Она вздрагивает всем туловищем, и тогда струйка стекает быстрее. По мостовой расплывается темное пятно. Когда у собаки вытекает столько крови, ей крышка. И всем любопытно взглянуть на собаку, которая цепляется за жизнь. Люди тесным кольцом окружили собаку, и запах крови щекочет им ноздри.

Я смотрю на умирающую собаку, и беспокойство мое растет: с минуты на минуту подойдет Мадо. Я медленно иду к дому. Солнце бросает мне в спину сотни сверкающих ножей, они кусают кожу и не причиняют вреда. Нож пьяного острее, он пригвоздил собаку к пыльной мостовой. Я поднимаюсь на второй этаж. Как много ступенек у короткой лестницы. Я преодолеваю ступеньки и попадаю в комнату. Дверь с грохотом захлопывается за мной, со страшным ударом, после которого все кончено.

Я прислушиваюсь к голосам снаружи. Я слышу шаги на пороге моей комнаты. Нас разделяет глухая дверь.

- Почему вы позволили ее убить?

Это Мадо, бывший портной. Он живет в комнате, выходящей на мостовую. Никто не знает, откуда пришел Мадо, из какой сирийской пустыни, остался один как перст, и это считают не в его пользу. Мадо спрашивает, почему мы позволили убить собаку. Я отвечаю молчанием. В моей комнате умирает собака, и Мадо ждет ответа за закрытой дверью. Я многое мог бы рассказать о собаке, но молчу. Мне трудно говорить со стариком. Никто на нашей улице не помнит, чтобы к старику кто-либо приходил. В середине месяца забегал почтальон. После его ухода Мадо шел в гастроном. Он жарил яичницу и смотрел, как собака ест. И это видела наша улица. И люди удивлялись, что собака ест, а старик только смотрит. У Мадо подозрительно блестели глаза, но ведь к старости глаза сами собой начинают слезиться.

Теперь собака умирает на мостовой, и старик спрашивает: за что? Мы были хорошими соседями, и он спрашивает, почему мы позволили.

Я падаю на постель, зарываясь лицом в подушку. Пойманной птицей в руке трепещет пульс, и подушку швыряет из стороны в сторону. Я слышу глухой шум толпы. Я вижу мостовую в крови. Толпа нетерпеливо напирает. Все мои соседи вышли на улицу. Мы были хорошими соседями, нас связывают годы дружбы. Я вижу своих старых партнеров по футболу. В детстве мы играли в футбол на мостовой. На мостовой умирает собака, умирает на футбольном поле, и никто не знает, сколько ей осталось жить. Толпа напирает, смотрят с интересом, обмениваются репликами. Смотрят, как занимательный фильм, историю одной собаки. Смотрят мультфильм, рисованный кровью. И все смотрят.

Кто-то идет по улице и упирается невидящими глазами в таксофон. «Скорая» обещает помочь.

На улице появляется машина кремового цвета. Взвизгнули баллоны, как собака, которой раздавили лапу. Из машины выходит человек в белом и спрашивает, кто умирает на нашей улице. Его подводят к несчастной собаке, и собаке уже не гоняться за воробьями.

В комнату вползают сумерки. Ритмичный стук за стеной, это соседи, распаленные жарой и ничегонеделаньем, кинулись в любовное беспамятство.

Я выхожу на улицу, забитую народом. Я думаю о Мадо. Старик вешает на дверь игрушечный замок, и его можно раздавить ладонями, как грецкий орех. Сейчас дверь в комнату распахнута, но старика не видно, он там, на острых камнях.

Улица растворилась в темноте. Темнота, одна темнота. В темноте бегут люди. Они натываются на меня и вскрикивают от неожиданности. Собака мертва и спешить им незачем. Этим людям здорово не повезло – вечерний сеанс отменен, но они не подозревают об этом. Они подошли, когда все кончено. Но люди пока не знают, им не терпится увидеть собаку. И люди пока не знают. Не знают, что все кончено. Не знают и бегут. Бегут по темной улице.

На нашей улице убили собаку.

СТРАХ

По утрам мальчик просыпался от стука молоточков. Невидимые дятлы без устали долбили пористый туфовый камень, которого было вдоволь всех цветов и оттенков, но больше всего розового, будто в него однажды вошло холодное утреннее солнце и осталось. Дятлы на поверку оказались обыкновенными каменотесами. Дома у них получались легкие, аккуратные, как коробки от тортов, немислимо дорогих и недоступных, которые после голодных военных лет мальчик подолгу рассматривал в витрине коммерческого гастронома на улице Кирова.

Бабушка про утренних дятлов сказала, что это их соотечественникам разрешили вернуться на родину, и мальчик вспомнил песню о страннике, спрашивающего у журавля, нет ли

вестей из нашей страны. Он впервые видел эту зависшую в небе двуглавую библейскую гору, с нетающими на близком солнце снегами, и в долине розовый город, который после многовековой спячки проснулся и стремительно рос. Дядя, в чьем доме мальчик гостил, был одним из виновников строительного бума. В свое время он отстроил чуть ли не полгорода, а теперь шел на рекорд – за пятнадцать дней предстояло собрать двухэтажный блочный дом. Рекорд состоялся, о нем даже писали в газете; его отметили воскресной вылазкой в Долину Цветов, где позже вырос центр олимпийской подготовки спортсменов. А в то первое послевоенное лето дядя со своим стройуправлением на радостях опорожнили уйму бутылок. Мальчик, хотя и пил одну родниковую воду, на обратном пути заснул и его сонного, после поломки машины, внесли в сельский дом, где их угостили виноградом и теплым хлебом.

Возводя дома другим, дядя строительство собственного жилья забросил, руки не доходили, хотя предстояло построить половину, другая – принадлежала приятелю Гаро, жившему за стеной с семьей, в одной большой, как и у них, готовой комнате, с окнами в сад, часть его пришлось вырубить. Сухие ветви абрикосов лежали в подвале и мягко пружинили, когда мальчик прыгал на них с высоты второго этажа, с безрассудством молодости, зажмурив глаза, чтобы не напороться на сучок. Соседский сын так прыгать не умел, а у него получалось, делал он это из озорства, от избытка энергии, вовсе не рисуясь перед девочками – своими двоюродными сестрами и соседской дочкой, которая была наивна и мала, не закрывала дверь нужника на краю огорода и показывала хорошенькую щелку. Он считал ее гадким утенком и удивился, увидев случайно через много лет, в полном расцвете женской привлекательности, в оперном театре, на гастрольном спектакле болгарского лирико-драматического тенора Димитра Узунова.

Немцы появились неожиданно, высадились на берег Гедар, как десант. В зеленоватых френчах, припудренные мелом, они сновали по участку, обменивались короткими командами, смысл которых мальчик смутно улавливал: сестра его по отцовской прихоти изучала с репетитором непрестижный немецкий язык, и он часто заглядывал в ее учебники. Безоружные немцы были совсем не страшные, как подобает пленным, и верилось с тру-

дом, что недавно они убивали и жгли, гнали на морозе юную девушку, раздетую и босую, прижигали ей лампой щеки и лоб, вешали в Петрищеве, как в тысячах других деревень. А теперь их, смиренных и покорных, привозили в студебеккере, американском грузовике с брезентовым верхом, строить соседу-генералу трансформаторный киоск на углу сада, темного и большого, как лес. В саду как-то незаметно поспели все фрукты, которые охраняли неразговорчивые красноармейцы. Они, как тени, появлялись из-за густых деревьев, когда их не ждали. Правила домом женщина с надменным неулыбчивым лицом. Когда мальчик вырос, он наткнулся на громкую фамилию соседа в увесистом томе истории войны, где современные плутархи жизнеописали заслуги генерала, крепыша со смуглым моложавым лицом, который спешил наверстать упущенное в войну. Гости приезжали в трофейных мерседесах и опелях, виденных мальчиком в кинофильме «Подвиг разведчика», не спеша, с шутками входили в просторный удобный дом, освещенный как на пожаре, благо светомаскировку отменили. Их встречала оживленная, похорошевшая хозяйка, в которой не было ничего от обычной генеральши-несмеяны.

Поработав в саду, немцы садились обедать, говоря окружающим их мальчику и его команде, что в привезенном супе воды много-много, а риса мало-мало, на что дети довольно бестактно спрашивали у недовольных этой, отнюдь не генеральской кухни: «Гитлер капут?» Пленные с ними не спорили и предлагали крестики, которые вырезали из оргстекла, в обмен на помидоры, ревниво охраняемые стариком-садовником, который явно не ладил с немцами. Мальчику вначале казалось, что крестики немцы отрывают от себя, а потом он понял, что нельзя кому-то одному обладать таким великолепием, даже самому доброму католику.

Кто-то из этих крестоторговцев вполне мог оказаться убийцей его двоюродного брата, чья похоронка пришла из Белоруссии в первые месяцы войны. Дядя побывал в местах недавних боев и даже видел неоплаканную братскую могилу, но верил в чудо.

А известия с фронта были одни хуже других, и мальчик боялся траурно-черной радиотарелки, подвешенной над старым холодильником. В нем хранили хлеб, но его всегда не хватало, хотя отец мальчика работал в аппарате Наркомпищепрома, курировал хлебозаводы, а в выходные дни выезжал с сослуживцами в

подсобное хозяйство под Поти, где им выделили участок. Привозимую отцом кукурузу относили на водяную мельницу; здесь, засыпав золотистое зерно в ненасытные жернова, можно было спуститься на первый этаж и подставить мешок под струйку теплой сладковатой муки.

Строительство генеральского киоска шло ни шатко ни валко. Мальчик интерес к пленным потерял, собирая гербарий в книжечках Аркадия Аверченко, улыбчивых и грустных, случайно обнаруженных в шкафу. Истинную цену королю русского смеха он узнал, будучи студентом филфака. Двоюродный брат, научный сотрудник, вместе с дядей и старым садовником создавал это садово-огородное пиршество красок и поощрял его интерес к природе. Но сам оплошал – искупал в средстве от блох приبلудную собаку, не очень чистых кровей, отчего она тотчас сдохла. Собаку они закопали в саду, положив сверху бетонный кубик с эпитафией, передающей смятение их душ и печаль от загубленной собачьей жизни, а когда закончили работу, увидели немцев, стоящих у них за спиной и читавших эти нехитрые слова. Было видно, что они понимают ребячьи чувства и разделяют их, вспомнив оставленных дома фрау и киндер, но уходя все же унесли камень, взятый детьми со стройки.

Солнце клонилось за гребни гор, с обнаженного Канакерского плато подул северный бриз, когда взволнованный садовник сообщил, что кто-то опустошил огородные грядки. Дети восприняли это, как сигнал к игре, рассыпались по саду, громко обсуждая услышанное, призывая все беды на головы воров и угрожая им скорой расправой. Разгоряченный бегом мальчик вбежал в ближний отсек недостроенного киоска и вздрогнул от неожиданности: в шаге от него, на бетонном полу, сжался в комок немолодой немец, закрывая натруженными руками седеющую голову. Его большое тело била мелкая дрожь, а рядом стыла горка помидоров и огурцов, теплых от солнца. Он смотрел на мальчика глазами затравленного зверя, обреченно и заискивающе, готовый нести наказание за кражу, осуждаемую у всех народов и во все времена, а тут его вина усугублялась положением пленного.

Мальчик ростом с его ногу, которого сейчас можно было ушибить одним пальцем, увидел высокое безучастное небо и, чувствуя в сердце жалость и печаль, молча вышел наружу.

«Ты никого не нашел?» – спросила подбежавшая сестра, но он только покачал головой.

РОБИНЗОНЫ В ГОРОДЕ

«Не нравится мне этот матрос», – сказала тетя, собирая к ужину. «А почему, собственно, он тебе должен нравиться?» – игриво спросил дядя, не отрываясь от бумаг на столе. «Не знаю, – стояла на своем тетя, – что-то в нем есть такое». Сказала и задумалась, не замечая, как горячая кастрюля жжет ей пальцы.

Я тогда еще подумал, в чем провинился молодой матрос, который днем лежит в саду, как бревно, не видя яблок над головой, которые так и просятся в руки. От хозяев дома мы знали: он друг их сына, убитого в самом конце войны, и приехал погостить у моря.

Гость нигде не работал и вскоре предложил купить у него шелковую сорочку, голубую и красивую, но дяде она оказалась мала. Матрос этим несколько не огорчился и под вечер пошел с младшим сыном хозяина Гошей и со мной на дикий пляж, разрисованный сухими коровьими лепешками. Он разделся, татуированный, как маорийский вождь, ласточкой нырнул под вздыбленную волну, высотой с наш дом, и так долго не появлялся на закипающей морской поверхности, что я забеспокоился. Нырлящик, отчаянная голова, все-таки всплыл в полусотне метров от нас. Потом поплыл быстрым кролем, и мне захотелось его сфотографировать допотопным гомзовским аппаратом, выпрошенным на время у двоюродного брата в Тбилиси. Я знал о технике съемки спортивных сюжетов из книги по основам фотографии, которую купил перед отъездом в магазине на площади Берия вместе с коробкой фотопластинок очень низкой светочувствительности – у меня с ними ничего не получалось из-за солнца, его здесь было слишком много.

Видя мои фотомытарства, Гоша обещал научить меня плавать, что было нелегко после того, как мы поймали в речке пару сытых неповоротливых бычков и носом к носу столкнулись с красивой змеей, которая, как я выяснил дома по картинке в учебнике, оказалась вульгарной гадюкой. Гоша не растерялся, ударом палки перешиб ей голову, но этот случай надолго отбил

у меня охоту заниматься водными процедурами.

В самом городе пляжи были знаменитые: с крупной галькой, добросовестно отмытой морем, некогда облюбованные царствующими особами. Но занятый строительством завода мясных полуфабрикатов, дядя редко выбирался в город, и мы, дети, поневоле оставались робинзонами на этом малолюдном берегу, известном как Сухой Лиман, среди пыльных посадок лавра и табака. Пригодной земли вокруг маловато, приусадебные участки подступают к самому железнодорожному полотну, и дядя, по-человечески понимая хозяина, сохранил ему, ради достатка в доме, кусище мандаринового сада, который попадал под план и подлежал вырубке.

Трудно было не только с землей, но и с рабочими руками. В эти райские кущи приезжали отдыхать, не работать, и у дяди выбора не было, приходилось принимать на стройку случайных людей, кто сами к нему шли. Раз в месяц в городской сберкассе он получал зарплату на всех, а деньги до выдачи рабочим держал в нашей комнате, в мешке под кроватью. Основания беспокоиться у него были, но он не подавал виду. Только раз не сдержался, когда мы поехали в город на служебной грузовой машине, и он грохнул кулаком по крыше кабины, когда что-то ему не понравилось. Машина как бы нехотя остановилась на шоссе, и над бортом показалась кудрявая голова Арута. «В чем дело?» – спросил он у дяди. «Стоячий, – сказал дядя. – Как ты разговариваешь со старшим?» Арут обиженно посмотрел на своего начальника, а потом заулыбался. К машине подходили две приятные девушки с перекинутыми через руку полотенцами. Они явно спешили на пляж, а что им другое было делать далеко за полдень, когда высокое солнце зло кусало их налитые плечи. И знакомые девушки, хотя с виду и приезжие, ласково глядя на нашего водителя, занятого на работе, тут же с ним договорились встретиться вечером, называя при этом Алешей, а может быть, сам он им так представился – для конспирации.

Я подумал, с чего это мамин брат вдруг кидается на людей как бешеный. Может быть, оттого что детство у него было трудное – малолеткой начал работать. Сыну купца второй гильдии поступить в институт и устроиться на работу в те годы было непросто. Дедушка надежду на лучшие времена не терял, но однажды расстроился до слез, когда его, надевшего шляпу-коте-

лок, мальчишки на улице встретили криками: «Буржуй воскрес!» Он почти бегом вернулся домой и в сердцах забросил шляпу на самый большой шкаф, в котором мы любили прятаться. А дедушка никогда ни от кого не прятался, был честен и прям, что подчас было важнее капитала. В расстрельном тридцать седьмом, во время обыска, в его доме нашли в печной трубе толстенную пачку николаевских пятисотрублевых ассигнаций с изображением государя императора Петра Великого. На вопрос красноармейца: «Для чего это прячешь, отец?», он ответил с обезоруживающим прямотушием: «Кто знает, может быть, когда и пригодятся». Чекисты то ли план по арестам уже выполнили, то ли пребывали в хорошем настроении, только рассмеялись и простили нашего дедушку, который умер естественной смертью в тридцать восьмом году.

Теперь что-то недоброе было разлито в сыром ночном воздухе, угрожая его сыну. Первая это почувствовала невестка.

Я скоро об этих страхах забыл, уехав домой, а вспомнил через месяц, когда узнал от вернувшейся тети, что того матроса арестовали. Он действительно ночью собирался убить дядю, обычно спавшего во дворе, на балконе. И только дожидался очередной полочки. И подбивал на это злодейство рабочих со стройки, сколачивал свою разбойничью шайку, а один из них проговорился, просто оказался совестливым. И топор их нашли под хозяйским домом, острый, как бритва. Рассказывали, матроса еле вырвали из дядиных рук. Так его он разукрасил, родная мать не узнала бы.

И каждому воздалось. Ибо сказано в Священном Писании: нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы.

Я удивился, как это тетя издалека почувствовала беду, а потом думать об этом перестал.

Меня больше интересовало, почему на проявленных стеклянных негативах море и берег сливаются в одну сплошную линию, как в летний день, особенно если смотришь, прищурив глаза.

БЕСАМЕ МУЧО

Женщину он скоро отпустил, как только пробежал глазами ненужную справку, которую начальство ведомства исправно присылало, подчиняясь некогда заведенному порядку. Он спокойно отметил ее неброскую привлекательность и, подписывая пропуск, задержался на редкой фамилии и спросил, не родственница ей такая-то, о которой вспомнил. И женщина подтвердила, что это ее двоюродная сестра, живет, как он и предполагал, в другом городе, у нее муж и два сына. Эта скупая информация о чужом благополучии его вполне удовлетворила и даже обрадовала. Он больше ни о чем не спрашивал, не попросил передать привет, как это принято. Она определенно его забыла, а он вспомнил и все с ней связанное. Видно, сказалась его профессиональная память, которой он в душе гордился, не выставляя напоказ. Он усмехнулся собственной шутке, подумав, что тогда деревья были большими, а бедняга Радж только вышел из тюрьмы, куда его упрятали за украденную булку.

Натела, сказала она, протягивая хорошую руку, мягкую и прохладную, и он понимал Виктора, знакомого по школе, который скучал и места себе не находил до приезда сестры с подругой, но ждал, конечно, не сестру. Сестра стояла тут же на перроне вокзала, блондинка в голубом, чуть полноватая для своих лет и старше их всего на год, но уже студентка политехнического института, известного джазом, баскетболом и анекдотами про чудаковатых доцентов по сопромату и прочим мудреным предметам, которые ему не по зубам. Избалованная ранним вниманием мужчин, она смотрела на них, как на желторотых птенцов, а Виктор был покорен и околдован той второй, что не так вызывающе красива, но тоже хороша в свои неполные семнадцать. Уже сидя в машине, он сокрушался, что оставил на стуле у открытого окна новый коричневый костюм, что так ему шел, и ночью его стянули с деньгами, которые дал, не считая, его богатый отец. Это в корне меняло программу развлечений встреченных двух юных особ, и, чтобы как-то компенсировать моральный урон, Виктор рассказывал, как они не просыхали в сочинских кабаках - он и два друга. И это была истинная правда. Виктор среди ровесников особо выделял чемпиона по боксу с забавным воробьиным прозвищем и влюбленного в физику и

поэзию Блока близорукого красавца, который, не таясь, посылал на киностудии свои фотографии, наивно полагаясь на классический профиль и бескорыстное внимание посторонних людей.

Он вспомнил, как через год они с боксером и физиком пришли на панихиду Виктора, который, запутавшись в делах, застрелился из редкого в те времена пистолета, и уже на пороге зарешеченного особняка-крепости услышали: «Витины товарищи пришли!»

Так кричать могла только мать.

Это Виктор тогда предложил пойти на танцы, и все бесечно согласились, не зная, какая недобрая слава у этого парка, бывшего Английского, а потом, неизвестно за какие подвиги, нареченного Комсомольским.

Богом забытый уголок на окраине города.

Опасность он почувствовал почти физически, когда они вышли к танцплощадке, чей наследенный тысячами ног овал тонул в тусклом больничном электрическом свете, и уселись на осевшую под ними разбитую садовую скамейку. Опасность исходила от плохо освещенного парка и щемящей тоски заезженного шлягера «Бесаме мучо». Он смотрел на Нателу и видел, как ей хочется танцевать, но именно этого сейчас делать было нельзя, как и громко разговаривать и смеяться, привлекая к себе внимание. Это он понял шестым чувством, а потом увидел тех юнцов, свободно развалившихся на противоположной скамейке, их глаза, бесцеремонно щупающие ноги девочек, которые ничего не замечали и смеялись.

Так случилось, что первое любовное чувство, испытанное им к женщине, не было связано ни с поцелуем, робким и шадящим, ни с обрывающей сердце близостью, а с не менее острым ощущением ответственности за нее. Видя эти американские кинофильмы, которыми нас потчуют по всем телеканалам, где за первым глотком выпивки следует молниеносное соитие, откровенно и долго смакуемое режиссером, всей съёмочной группой, после чего взмокшая героиня в халате хозяина дома исчезает в ванной, охотно демонстрируя свои длинные ноги и другие пострадавшие прелести, он вспоминал, как сильнейшее потрясение, мгновенное касание упругой молодой груди, когда они спешили выбраться из парковой западни.

Они все-таки настигли их на открытой местности, откуда

было рукой подать до выхода на улицу, к троллейбусной остановке, где всегда люди; они откровенно ухмылялись, привычно-плотоядно преследуя свою жертву. «Уходите скорее!» - успел сказать он Виктору, останавливаясь и оборачиваясь лицом к преследователям. В те мгновения, пока они преодолевали это ничтожно малое расстояние, он только успел подумать: хорошо, что ходил в боксерскую секцию на стадионе. Несмотря на запрет школы, куда даже вызвали его отца, который не на шутку встревожился, что сын растет хулиганом. Он страшно удивился, когда его старик, в общем далекий от спорта человек, спросил, как бы невзначай, у кого он тренируется, и назвал двух известных динамовских тренеров Сашу Бакрадзе и Гоги Дарахвелидзе.

А теперь он был готов к самому худшему-и драться, бить в эти подлые потные рожи, пока не подрастет Виктор, который не станет отсиживаться на остановке, за спинами других. Боковым зрением он видел, что девочки за воротами, в безопасности. Его действия и слова, видно, озадачили подонков, но потом он услышал: «Которая твоя? Забирай ее и уходи!», но не согласился, чувствуя за собой в эту минуту силу, от которой могут бежать и львы...

Вечностью показались ему те минуты, когда он вышел на остановку троллейбуса, где ждали его, волнуясь.

Он невесело подумал, что шансы его возросли после того, как Натела предложила ехать домой в дядиной «Победе» по дороге мимо озера, славящегося красотой и форелью, но он этим не воспользовался и вернулся поездом.

Нателу он встретил довольно скоро, в автобусе на Университетской улице, по пути к двум вузам, куда тем летом они готовились поступать. Она похудела, выглядела неважно и нервничала из-за тройки, которая была некстати, а у него, как назло, одни пятерки и ему неловко перед ней.

Больше они не виделись, хотя она жила по соседству, на улице, которую старожилы по-прежнему называют Сергиевской. Он помнил неудачную вылазку в парк и нерастраченную злость вложил в боксерские перчатки, выступая за команду филфака, в которую призвали почти всех учившихся мальчиков. Наверное, у него было очень свирепое лицо, потому что после того спартакиадного боя, сумбурного и больше похожего на откровенную драку, однокурсница Лина сказала: «Я не знала, что ты такой».

Он промолчал, не зная, каким она его увидела, а через несколько дней, сидя в пустом библиотечном зале, обнаружил в только что полученном журнале декадентские стихи Юрия Живаго, которые на самом деле за него написал Борис Пастернак в процессе работы над романом. Именно в тот день ему впервые признались в любви. Лина подошла неслышно, села рядом и, скользнув рассеянным взглядом по незахвачанному журналу, сказала, что любит. Он растерялся от неожиданности, глядя прямо перед собой, на свои руки, вены которых мгновенно набухли от притока крови, а она, серьезная и решившаяся, смотрела пытливо, готовая отставить свое чувство.

Это было после мимолетной встречи с Нателой, когда мало-помалу, по замечанию Доктора Живаго, ушли на дно его души ее черты и формы. Но на потайной глубине остался летний вечер, когда они, чувствуя в себе тревожное и новое, поднимались по обсаженной чинарами красивейшей улице южного города, к горе, увенчанной гигантским бронзовым идиолом в широкой маршальской шинели, в одном рукаве которой могло спрятаться отделение солдат в синих фуражках.

Страх не было. Страх пришел позже, дома, когда, наскоро рассказав о случившемся, он увидел, как бледнеет лицо брата, и услышал: «Вы с ума сошли, несколько дней назад там в парке убили человека!»

ИДУЩИЕ НОЧЬЮ

Утро подкралось незаметно, как кот на мягких лапах, просочилось в окна, высветило осунувшиеся лица участников застолья. Нагрузившись за ночь вином, они старались взбодрить себя апельсинами и сладостями, принесенными неустомимой Тamarой, у которой сна не было ни в одном глазу.

Я вышел размять ноги, по пути заглянул в ванную и долго плескался под краном, подставляя под холодную воду разгоряченное лицо, и, не оборачиваясь, почувствовал – в который раз за ночь – ее пристальный, как бы оценивающий взгляд.

Она стояла рядом, почти касаясь моего бедра. Я мог дотронуться до нее и даже услышать, как бьются наши сердца, если бы не громкая музыка, бьющая в открытую дверь, и неторопливый

разговор куривших на лестничной площадке. Тамара молча ждала, я видел, как ей не хотелось вернуться домой одной, из этой мужской компании, где она, не считая невесты, была единственной женщиной в суматошной суете свадьбы, где намеками и с пьяной развязностью говорили о любви, о море любви, волны которой закружили ее, как безвольную щепку. Ей хотелось своего счастья, пусть маленького, как у Ламары, которая, уступая ей в женской стати, выходила замуж, прикупив законного спутника жизни к цхнетской даче и связям отца-военного.

Ночь как-то сразу сникла и умерла. Наступила предрассветная пора, время обнимать и уклоняться от объятий, которые помогают забыть, как слаб человек и как он одинок. Я вдруг понял, что хочу быть обманутым, испытать эту сладкую ложь. Ведь я был очень молод и меня тоже не ждали дома. Потом в моей нетрезвой голове мелькнула мысль, что у меня под пиджаком лопнувшая по шву, нарядная снаружи сорочка, а я об этом дома не подумал, затягивая галстук-удавку, и теперь некстати вспомнил гамсуновского героя, журналиста из Христиании. Его отвергла молодая девушка, говорящая на жаргоне и нестрогих правил, которая сначала всерьез заинтересовалась им и позволяла себя ласкать, а потом узнала, что он умирает от голода. Он еще придумал ей имя, скользкое и волнуемое – Илаяли. Быстро трезвея, я, как ребенок, продолжал плескаться в воде, притворяясь более пьяным, чем был на самом деле, и чувствуя ее разочарование, которое она не пыталась от меня скрыть.

На свадьбу я попал неожиданно, можно сказать, случайно. Поднявшись по ступенькам особняка, удостоенного в двадцатые годы золотой медали и гран-при международной выставки, все еще чопорно красивого, я деликатно утопил пуговку электрического звонка, вылитый сосок женской груди. Дверь открыла незнакомая молодая женщина с блестящими черными глазами, для которой я был никем, не был даже другом того, в чьем доме она находилась. Я прошел в лоджию, где Леван в спортивных трусах неловко гладил брюки от костюма. «Знаешь, завтра женюсь, - объявил он мне с места в карьер, - и ты будешь на свадьбе». Я невольно посмотрел на большеглазую молодую женщину, которая впустила меня в квартиру, и заметил улыбку на припухлых губах и еще высокие бюста груди под красным свитером, и всю такую ладную и желанную, что другой кандидатки в не-

сты здесь просто не видел. Проследив за моим взглядом, Леван засмеялся: «Нет, это не она». И, обратясь к ширме, попросил: «Ламара, высунь руку». Рука тотчас показалась – обнаженная, очень полная и белая – и приветственно пару раз помахала в воздухе. Вскоре к нам вышла сама невеста, пышная, как сдоба тех лет, уже одетая, чуть смущенная и в меру влюбленная, и повторила приглашение, что они с Леваном меня ждут и все такое отменно-вежливое, что принято говорить у воспитанных людей.

Я сбежал со свадьбы, когда под голыми ветвями деревьев заскользили первые троллейбусы с полупустыми салонами, разгоняясь на близком мосту, но подниматься в машину не стал, спустился на набережную и пошел вниз по течению реки, на которую возле гребной станции и динамовских теннисных кортов спускали на воду плоскодонку.

Я шел по Пескам, где трудолюбивый ремесленный люд обычно лудил и паял сковородки и кастрюли, ставил заплатки на камеры автомашин, а теперь отсыпался после встречи невыдуманного праздника. Я шел по этому сонному царству, провожаемый настороженными взглядами потерянного поколения кошек, которые, как старые сплетницы, разглядывали меня и не собирались дать стрекача.

На Майдане, возле опустевшей хашной, я купил со стола на улице маленькую, объемом в общую тетрадь, книгу рассказов Уильяма Фолкнера, и каждый из них оказался шедевром. Этот американский писатель с внешностью римского сенатора был очень мал ростом, изящно сложен, худощав и мускулист. Но каким гигантом духа он остался в мировой литературе! Маленькими аристократическими руками Фолкнер в одиночку построил округ Иокнапатофа, миниатюрную копию родного Юга. Тогда в морозном Стокгольме, в Нобелевской речи на церемонии вручения премии лауреатам, он сказал глубоко запавшие мне в душу слова: «Я верю, что человек не просто выстоит, он восторжествует. Он бессмертен не потому, что никогда не иссякнет голос человеческий, но потому, что по своему характеру, душе человек способен на сострадание, жертвы и непреклонность».

Этот старый район был моим домом. Стараясь идти не шатаясь, я срезал угол сквера, где стоит коленапреклоненный Пиросмани, с каменными мышцами молотобойца и боксерской челкой, прижимая к крутой груди неживого от страха молодого

барашка, который, кажется, прыгнул к нему на руки из строчки Мандельштама.

Дома я прочитал книгу Фолкнера, впервые у нас изданную, населенную индейцами и неграми, не желающими умирать, а потом, ближе к полудню, пошел к Сандрику, в его живописный дом-скворечник, прилепленный к скале с Комсомольской аллеей наверху. Вчера мы скинулись и купили свадебный подарок – чемодан, незаменимую в хозяйстве молодоженов вещь. В доме – полная чаша – аппетитно пахло вином, жареной индейкой, поросенком, блинчиками с мясом и другой вкусной снедью, приготовленной руками добрейшей тетушки Анны. Все братья Чиковани были в сборе: гладко выбритые и как всегда приветливые.

Сандрик встретил меня ликующей улыбкой: «Я только что от Тамары. Ты знаешь, я с ней переспал». Он без утайки рассказал, как она утром поспешно провела его в свою комнату через открытый тифлисский балкон, делающий личную жизнь разведенной молодой женщины доступной взорам, как игральная карта, а я слушал его, довольного собой и неожиданно привалившим счастьем, смотрел на щегольские усики курортного ловеласа, никогда не упускающего того, что плывет в руки. «Тамара мне рассказала, - продолжал он, - как кто-то из ребят приставал к ней во время танцев. Сначала я решил, что это ты, а оказалось - Жора. Тамара сказала, что ты наоборот...»

В эту минуту он очень напоминал избалованного домашнего кота, наевшегося до отвала свежей сметаны и жмурящегося от удовольствия. Обиды на него я не держал, глупо было обижаться и горевать. В их большом хлебосольном доме уже собирались родственники и друзья отца, такие же крепкие, знающие себе цену мужчины, и каждый, как положено, приходил с бутылкой коньяка.

Был первый день нового года, и его следовало хорошо начать и прожить, зарабатывая на жизнь и любовь прекрасных женщин, которых суждено встретить.

МАЛЬЧИК НА СТУПЕНЬКЕ

Он сидит на ступеньке вагона, взъерошенный, как воробей, и кричит, опьяненный волжским простором. Оглушительный перестук колес глотает слова. Мост гудит от быстрого хода поезда, от потоков воздуха, несущихся над рекой.

Волга раскинулась далеко вокруг и нежится под лучами солнца, пленительная в своей наготе, упругий ветер доносит чистое дыхание реки.

Я окликаю мальчика на ступеньке. Он удивленно вскидывает голову и поднимается в тамбур. Лукаво смотрят глаза, в них столько света, кажется, сорвется с губ радостный крик. Вот он метнулся к самому краю площадки и машет шоферу полуторки, ползущей к переезду.

От километровых знаков рябит в глазах. Поезд отщелкивает расстояние с проворством кассового аппарата.

В нашем вагоне студенты университета. Мягкий хмель кружит головы. Мы пьянеем от бесконечных полей, от взгляда девушки в окне встречного поезда, знакомых мелодий, насвистываемых ветром, и от споров, которые ведем с самого дома. Мы пока верим в добрую волю администрации, пославшей нас убирать невиданный урожай, и, распевая бодряческую песню Мурадели о первых целинниках, вслед за Хрущевым думаем, что весь хлеб будет нашим.

Мир еще очень молод, как и мы, двадцатилетние. Только через три месяца уйдет с Байконура первый искусственный спутник Земли. Все еще живы: Комаров, Гагарин, Добровольский, Волков, Пацаев, Королев и ребята из нашего вагона.

Появление русоголового Юры в нашем грохочущем доме на колесах разом прервало споры, и сам он доверчиво тянулся к людям, двенадцатилетний человек.

Юра жил у дяди, который днем где-то работал, а вечером пропивал заработок, он долго слонялся по двору, бормоча нескончаемую песню о суровом капитане и девушке из маленькой таверны, и все порывался стукнуть Юру тяжелым кулаком.

Весной дядя продал баян Юриного отца, не вернувшегося с войны, и мальчик в одной майке ушел из дому.

Непрерывное волнение, от него, как от голода, кружится голова, жесткие скамьи станционных залов и несговорчивые

проводники, ветер, фамиллярно хлопающий по спине, загорелые студенты на ступеньках вагонов, и юная жизнь, настолько беспокойная, что половина услышанного кажется вымыслом.

Мальчик знает, что поезд идет в Кустанай, и просит взять его с собой.

Но что это? Я слышу, как кровь тяжелым потоком приливает к голове. Кто-то, роняя слова-кувалды, говорит, что Юра и не думает ехать на целину, а попросту сойдет ночью, прихватив кое-что из наших рюкзаков.

Коренастый, со скользким взглядом, он много старше своих однокурсников и покровительственно называет нас романтиками.

«Ребята, нам лапшу вешают на уши, – убежденно говорил он, читая в газете о четверке Асхата Зиганшина. – Вы не знаете, какой у них там на барже НЗ – тушенка, ведра картошки... Так что людоедство никак им не грозило».

Он всю дорогу предается воспоминаниям, но стоило ли побывать в этих городах, если житейский опыт ржавчиной оседает на его сердце?

Юру на ночь оставляем в нашем вагоне. Остаток вечера проводим с ним, но разговору недостает доверия, с которого началось наше знакомство.

Ночью я проснулся от резкого толчка. Вскрикнул испуганно тепловоз и, словно смутился, умолк надолго. На стыках вагон трясет, и тогда вздрагивают плечи Юры, лежащего у входа.

В опущенное окно влетает соленый запах близких озер. Из темноты выскакивают огни жилья, и снова бесконечная ночь, снова тишина, от которой звенит в ушах.

Юра исчез перед самым рассветом.

Мы обступили его полку и долго смотрим на аккуратно сложенную телогрейку, которой ночью кто-то укрыл мальчика. Мы слышим упреки совести, и время только усилит их.

В жизни будет много озорных и упрямых мальчишек. Потом они возмужают и успеют состариться, но память удержит боль в детских глазах, сломленные обидой худые плечи Юры который мог стать нашим другом.

ВОТ КАКАЯ БЕДА

Посылку мы получили к вечеру. Мы сидели в гостиничном номере и чувствовали себя обеспеченными.

Потом пришла Наташа и предложила пойти в кино. Кино-театр был в двух шагах, и мы знали, что сегодня идет «Старик Хоттабыч». Мы видели афишу днем. Я уже днем знал, что не пойду в кино. Старик комик, но я сидел в первом ряду и боялся, что во время полета он выронит свою фальшивую челюсть и проломит мне голову.

Толя ушел переодеться, и я занимал нашу гостью. Наташа хохотала, как сумасшедшая. Она сказала, что представляла меня совсем другим. Интересно, каким я был, по ее мнению? Серьезным и скучным чудачком, который разбирает партии матча на первенство мира Ботвинник-Смыслов?..

После их ухода я поклонился по комнате, подошел к столу и принялся рассматривать посылку. Эту бутылку следовало откупорить сегодня. Можно пригласить Нодара, отметить его приезд в Казахстан, но на троих вина маловато. Пару лет назад Нодар играл за сборную команду университета. Он пробивал любой блок, и когда выходил к сетке, болельщики в восторге кричали: «Ложись!»

Теперь Нодар важная шишка в комсомоле, и его неудобно приглашать на скромный ужин.

Бутылку мы могли бы распить с Толей, но он потащился в кино. Он согласен на любой фильм. Они сидят рядом в полумраке зала и смотрят, как Хоттабыч изощряется в ловкости перед пионерами. Толе, конечно, наплевать на его ловкость. Ему просто хорошо с Наташей. Я знал, что ему нравится Наташа, и держался с ней официально. Это было на руку Толе, но сегодня Наташа разгадала маленькую мою хитрость. Я чувствую себя мальчишкой, с которым возится Хоттабыч. И мне неудобно за наш босяцкий вид при первой встрече.

Мы приехали ночью, когда свободных мест в гостинице не было, и, делать нечего, завалились спать на полу в конце коридора, где утром обнаружила нас Наташа. Хороши мы были после многодневного мотания по степи в кузовах большегрузных самосвалов с зерном, запыленные до самых глаз, несмотря на жару в негнущихся брезентовых плащах, но спокойные и гордые

за переданные в редакцию материалы. Как сказал поэт, жив ты или помер – главное, что в номер материал успел ты передать. Сраженные усталостью, но победившие, лежали мы навзничь на обшарпанном гостиничном полу, пряча лица от настойчивого света, бывшего из близкого окна, и нас, спящих, с изумлением и пробуждающимся интересом разглядывала незнакомая молодая женщина.

Я растерянно постукиваю по столу. Мои пальцы натываются на что-то твердое – на коробку рыбных консервов. Ее не стоило открывать вечером: утром эту сельдь придется выкинуть вместе с томатом. Я кладу себе на тарелку кусок рыбы, жую волокнистое мясо и не чувствую вкуса, словно ем старую газету. Я все еще не знаю, как убить время. Я наполнил стакан водой из графина, осушаю его наполовину и отодвигаю подальше – вода на редкость соленая.

В комнате дежурной бывает хорошая вода. Сегодня день дежурства Гали. Я выхожу в коридор, заглядываю в окошко дежурной и слепну от сияния золотых волос. Галя склонилась над книгой. Заслышав шаги, она поднимает голову, и я вижу, что это «Семья Тибо».

- Лорелея, умираю от жажды.

- Скоро у нас будет вода, – говорит Галя. – Об этом заботится Наташа. Вы знаете, не сегодня-завтра они дойдут до воды.

Я знаю об этом. Наташа только по вечерам ходит в кино, днем они бурят скважину в полукилометре от гостиницы.

Гале нравится Наташа. Она говорит, что Наташа хороший инженер, и скоро будет хорошая вода.

- Отлично, – говорю я, – а пока она не уступает по вкусу лугеле. Это такая вода минеральная в Грузии, хлористый кальций. Ее пьют при больных легких. Вы болели воспалением легких?

Галя качает головой.

- Это скверная шутка, – говорю я. – Хуже одиночества в летний вечер.

- Вам следовало пойти в кино.

- Я должен написать кое-кому.

- Я чувствую себя одинокой, когда остаюсь одна.

- Это испытываешь и в компании. Перед отъездом кто-то из нас вспомнил о знакомой и подошел к телефону. Он долго шептался с трубкой, а когда вернулся к столу, я предложил выпить...

- За ту, с кем он разговаривал, - улыбается Галя.

- За тех, кому мы не позвоним.

- Вы должны были пойти в кино, - повторяет Галя. - Хотя бы на «Хоттабыча».

- Я буду писать письма. Спасибо за воду.

Я иду по длинному коридору и встречаю нашу соседку, артистку Одесской филармонии. Она несет стакан воды, бережно, как молодая мама своего первенца. Мне хочется именно этой воды, но прохожу мимо.

Я вхожу в нашу комнату. В комнате слабый запах рыбы. Я ложусь на кровать, стиснутый этими стенами, как рыба в коробке. Далеко отсюда, в городе Черкесске живет девушка, мой верный гид по лермонтовским местам. Она такая юная, что сам себе кажусь современником Лермонтова. Я словно хлебнул из бутылки на столе и чувствую - не смогу написать ни строчки. Письмо получится излишне откровенным и не стоит его посылать.

Бум! Бум! Я слышу раскаты грома. Дождь все же пошел. Я открываю глаза: в комнате темно. Я вижу Толю - он опрокинул коробку с сельдью.

- Прости, что разбудил, - говорит он, - не хотел зажечь свет. Ты не откупорил бутылку?

- Мне она не нужна.

- Что ты хочешь?

- Я хочу в Черкесск.

Мы молчим и думаем о своем. Потом слышу голос моего друга: «Ты только не удивляйся, но Наташа весь вечер спрашивала о тебе».

Утром мы уехали в город Рудный, что, как крепкий гриб-боровик, вырос на месте Соколовско-Сарбайского месторождения, и больше не наезжали в Пешковку, островок районного масштаба, в ее невзрачную гостиницу, где в комнатах на столах графины из простого зеленого стекла с не утоляющей жажду соленой водой. Не возвращались мы и к разговору о Наташе, хотя многие годы помнили о нем, и она, невидимая, стояла между нами. Я тогда ничего не сказал, никак не отреагировал на неожиданный интерес к моей персоне, а теперь сказать некому. Толю недавно похоронили, и его смерть, неприметная и тихая, как и все, что делал при жизни этот умный и красивый человек, потрясла скоростежностью конца.

Я сидел среди чужих людей за длинным поминальным столом, пил горькое кахетинское вино, привезенное его родственником, и думал, что человеку на всю жизнь дается один настоящий друг, о чем он не знает до самого порога могилы.

Я тогда в гостинице ничего не сказал. Теперь это ему безразлично, и Наташе безразлично давно.

ОЧКИ НАДЕНЬ

«Почему я не сломал ногу, поднимаясь на третий этаж, - сказал в сердцах Артем, - когда на первом такие невесты были?» Это запоздалое прозрение в последнее время нередко осеняло его. Говоря так, он намекал на несложившуюся личную жизнь. Бывает жена, говорила бабушка Нина, которая дом построит, а другая - разрушит. Артем, видно, сделал выбор не в стане строителей, забыв, что миловидность обманчива и красота суетна.

Сейчас он сидел на балконе, в этот час истины, когда августовская духота выгнала наружу соседей Хлебной площади. Они хором судачили, посвящая посторонних в свои заботы и беды, древние, как дома нашего заповедного района, чья охрана осуществлялась государством деликатно, ненавязчиво, а со временем стала совсем незаметной. А охранять было что. Взять хотя бы соседнюю Петхаинскую улицу-лестницу, редкую в своем роде. Мало кто о ней в городе слышал, не то что в Америке или в Европе. Она уступает в популярности всем этим историям вокруг Пизанской башни, падающей, как девчонка на материнских каблуках, или гибели «Титаника», который в настужь распахнутых просторах Атлантики не сумел разойтись с ледяной горой с такой еврейской фамилией.

Я как-то проверил, спросил про улицу у знакомого писателя, автора книги о Тбилиси. Он заинтересовался и даже покинул на время свой великанских размеров редакционный кабинет. Сели мы с ним в номенклатурную черную «Волгу» и в пять минут оказались у подножья невидимой улицы, но неожиданно с низких небес посыпался холодный осенний дождь, и знакомство с достопримечательностью нагорного квартала пришлось отложить до лучших времен.

Или мы в самом деле ленивы и не любопытны.

Улица-невидимка карабкается по склону Сололакского хребта, к маковке Петхайнской церкви, традиционного центра праздника Успения Пресвятой Богородицы.

В начале века большевики устроили под самой горой конспиративную квартиру в дарбази с плоской земляной кровлей. Молодежь здесь обучали пистолетной стрельбе. Священник церкви тогда не знал, что окаянные соседи, забыв о Боге, через десяток лет силой обратят всех в свою веру Карла Маркса, и всячески им помогал; когда понадобилось помещение для конференции, предоставил свой дом всего за двадцать пять рублей. Соседи выделили людей для охраны делегатов и патрулирования, но филеры не зря ели хлеб. Вскоре стало известно о провале конспиративной квартиры, была команда всем уходить. Делегаты разошлись, в спешке оставив шляпы, и они попали в руки фараонов. Доставленный в полицию священник утверждал, что шляпы остались от покойников, которых он хоронил, но ему не поверили и сослали в Сибирь, где он умер.

Такая вот грустная история, как в старом анекдоте об аресте чекистом пассажира поезда с фамилией Райхер, в которой зашифрованы обещанный большевиками рай на земле и нечто из трех букв, полученное взамен.

О пострадавшем за большевиков священнике я узнал от монашек соседнего Девичьего монастыря. Христовы невесты Рипсимэ, Катарина и Нина, все еще красивые, особенно младшая сестра Нина, были из старинных тифлисских купеческих семей, большие охотницы кофе с молоком. Он подавался к столу в гарднеровских чашечках фисташкового цвета вместе с рассыпчатым печеньем «хворост».

Перед Светлым Христовым Воскресением сестры приносили краски для пасхальных яиц, с ангелочками на золотистых паке- тиках. В последний раз я их видел в нашем доме на панихиде моей матери, которую они взяли отслужить, посчитав это своим христианским долгом.

О «Титанике» вспомнилось неслучайно. В конце концов, все оказывается связанным самым невероятным образом, стоит только присмотреться к несовместимым, на первый взгляд, вещам. Среди пассажиров, спасшихся после столкновения с айс- бергом, был наш зять Володя, который уцелел по той причине, что не достал билет на тот гибельный рейс, а взял на следующий,

без приключений доплыл до берегов Америки, изучал сталелитейное производство на востоке страны, приобрел фундаментальные знания, что ему припомнили в тридцать седьмом году, оторвав от жены, трех детей и литейного завода имени Камо, присудив десять лет без права переписки, а попросту говоря, пулю в затылок. Вредителем или шпионом он не был, потому что получать высококачественное литье из дырявых, ржавых лоханок не умели ни у нас, ни в Питтсбурге, да и кто его слушал. Успел только сказать знакомому оперативнику, когда вели по тюремному двору: «Передашь Артему, что меня расстреляли».

Нашего зятя больше никто не видел. Трагическим предвидением оказалось его любимое: «Когда я в гробу лежал, никто меня не оплакивал». И гроба у бедного не было, разве что нещедрая горсть негашеной извести.

Артема известие это не подкосило. Крепок он был как кремень, похвалялся, что в молодости пули глотал, когда в него стреляли в упор, покупал драку за деньги, уважал бокс и мог продержаться один раунд против чемпиона страны в тяжелом весе Андро Навасардова, который работал шофером в их гараже.

Потому две войны прошел без единой царапины, видно, пуля для него не была отлита. С годами он сильно сдал. Старый и беспомощный, сидел подолгу на балконе, невольно слушая уличные откровения молодой жрицы любви Аиды, убнис хайтараки, которая уже не видела большой корысти от древнейшей профессии и думала заняться спекуляцией, а также ленивую перебранку одуревших от жары инкассатора Сергея и его соседа шофера Ваника. Судя по долетавшим репликам, разговор шел о Сережиной дочери. Ей грозила какая-то опасность. Когда красивая Лера, сверкая полными икрами, взлетала к себе на верхотуру по крутой винтовой лестнице, ее тяжелые груди под откровенной нейлоновой блузкой трепыхались, как гандбольные мячи. В этот миг она святого могла ввести в искушение, не только нас, простых смертных, и это не на шутку тревожило ее отца.

«Вчера вас видели вместе в кинотеатре на Католической улице», - ходил Сергей с козырной карты. «Ты меня за болвана держишь, - лениво отбивался Ваник. - виданное ли это дело, распечатать такую красавицу за билет на «Аршин мал алан?» - «Сказки мне не рассказывай, - горячился Сергей, - не оставишь ее в покое, так тебя по кусочкам потом не склеют».

Такая угроза могла смутить кого угодно, только не Ваника, отчаянного враля и первого драчуна – одним ударом сбивал с ног крепких мужчин на Хлебной площади, которая издавна развлекалась кулачными боями. Это на нашей площади побили Александра Дюма в 1858 году, когда он ради своего удовольствия приехал в Тифлис.

Причиной нелюбезного обращения с экстравагантным романистом могла быть женщина. Высокий, полный, пышущий силой, весельем и здоровьем Дюма слишком доверчиво принял на веру свидетельство голландского путешественника Яна Стрейса, полагаясь на его принадлежность к нации, известной хладнокровием и нелегкой воспламеняемостью. Написанные в Амстердаме в 1681 году, в начале царствования Короля-Солнца Людовика Четырнадцатого, превосходным слогом, достойным Жентиль-Бернарда, поклонника женского пола, через два столетия дошли до автора «Графини де Монсоро» глубокомысленные уверения Стрейса, будто кавказские женщины, имея прекрасные внешние данные, не жестоки, не боятся любезностей мужчин, к какой бы нации мужчина не принадлежал, и если даже он подходит к ним или касается их, они не только не отталкивают его, но сочли бы за обиду помешать ему сорвать с них столько лилий и роз, сколько нужно для приличного букета.

Милый, доверчивый, как ребенок, Дюма совсем некстати проявил интерес к кавказской флоре.

На этой версии особенно настаивал Артем. Соглашаясь с Кипплингом в том, что знатная леди и Джуди О'Греди во всем остальном равны, сам терпеть не мог козлов, норовящих забраться в чужой огород.

Помню переполох в доме – приехал на пару дней Артем со своим другом капитаном, с неподходящей для фронтовика фамилией Могильченко. В большой комнате сели за стол те, кто ковал победу, и не особенно рвущиеся на передовую близкие родственники, наш героический тыл, атаковав с ходу выставленные закуски под огневой разговор фокстрота «Для тебя, Рио Рита».

Начало ссоры я пропустил, когда хвативший лишнего Артем рвал непослушными пальцами кобуру, откуда фронтовой друг предусмотрительно вытащил пистолет, но щегольский браунинг в руке чернявого родственника увидел. Родственник ворочал шальными деньгами от халтурных ездов собственной грузовой

машины, насобирав блинные стопки пластинок запрещенного Петра Лещенко, всегда имел при себе шоколадные конфеты и хранил дома в чемодане, отчего они пахли клопами, как уверяли его пылкие поклонницы в туалетах от Саши-портного Ахвледзиани, тбилисского Валентино тех лет. Еще не остыв после исподволь разгоревшейся ссоры, он угощал всех конфетами, и мне, в чью комнату от греха подальше увели родственника, достался один «мишка» давно забытого вкуса.

Артем уехал так же внезапно, как появился, обиженный на всех, а больше всего на жену, которую это нисколько не задело. Она не очень обрадовалась и удивилась, получив телеграмму из Батуми. Муж писал, что их воинский эшелон проследует через Тбилиси и просил встретить. Анна весь день жарила и пекла, как на Маланьину свадьбу, но в последнюю минуту раздумала брать корзину с едой, взяла бутылку водки.

Увидев жену с пустыми руками, как у солдата при отступлении, Артем не удержался от упрека: «Эх ты... мы двое суток не ели». Подошел Могильченко, забрал без лишних слов водку, отбил белую головку о вагонное колесо и тут же на путях запрокинул бутылку над головой. Проводив мужа на Дальний Восток, Анна вместе с родней в один присест умяла ужин фронтовиков, поела и обтерла рот свой и говорит: «Я ничего худого не сделала».

Мечту об идеальном союзе любящих двух сердец Артем пронес через молниеносную войну с японцами, вернулся домой с тяжеленными чемоданами, что окончательно лишило Анну рассудка. Она снова заважничала, близких родственников представляла подругам, как обыкновенных соседей, считая неровней себе.

В унесенных с войны чемоданах, среди шелковых отрезов и покрывал с райскими птицами, было десятка два фотографий узкоглазых красоток, экзотичных, как принцесса из андерсеновской сказки, целующаяся со свинопасом, с удивительно красивыми ртами, не знавшими хирургии, посредством которой женщинам последующих поколений вживляли прокладки силикона, для придания губам неотразимой припухлости. Но те, военной поры, были натуральные, как мать родила, жены японских офицеров, диковинные трофеи победителей.

Анну такое объяснение не удовлетворило, она порвала фото-

графии чужих жен, за исключением одной. Артему удалось ее спасти исключительно из эстетических соображений.

К тому времени в нашем нефронтовом городе появились первые японские военнопленные. В отличие от немцев, они носили меховые шапки-ушанки и занимались ремонтом улиц.

Оборудованные под убежища подвалы понемногу начали убирать от военного хлама. Был такой склад на нашей стороне улицы. Однажды к нему подогнали грузовик, в кузов стали забрасывать запыленные противогазы. Подошли мальчики, несмело попросили противогазы.

Скоро на нашу улицу пришли мальчишки со всего города. Они тащили противогазы, какдохлых кошек. Жестяные коробки гремели по мостовой. Прохожие улыбались, готовые верить, что этим мальчишкам не надевать противогазы, не стрелять в своих сверстников. Так мечталось в послевоенные сороковые.

На улице догорал августовский пожар.

«Очки надень, - сказал охрипший от спора Ваник. - Пальцем я до твоей дочки не дотрагивался. Целая она и невредимая, как в швейцарском банке».

ПОСЫЛКА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

Остаток жизни Мушега уходил на детские стулья. Однофамилец правого края ереванского «Арарата», весь увешанный стульями и щетками, появлялся по утрам, когда молодые матери тащили плачущие, упирающиеся чада в детские сады.

О другой жизни соседа, невидимой ее части, можно было догадаться. Свой Георгиевский крест, солдатский Егорий на лацкане выцветшего пиджака, он с честью заслужил не за столярное дело - за что-то героическое.

Отличались не только в условиях фронта. Дальний мой родственник получил один год тюрьмы за болтовню в саду на Абас-Абадской площади, когда неожиданно во всеуслышание объявил окружавшим его бездельникам: «Немец идет!» Реплика по тем временам прозвучала неприлично бодро, а кто-то нашел ее радостной и стукнул. Но родственник выдал истинную правду. Немцы были близко, на Северном Кавказе. Гитлер сказал, что проиграет войну без кавказской нефти и рвался к ней.

Родственник отбыл свой срок, вернулся домой без единой царапины, худой и ошеломленный запретами и вольницей шарашки. Война к тому времени окончилась. Никому в голову не приходило искать антисоветчину в его бухгалтерских отчетах. Более важным делом он собирался заняться, получив гонорар за отцовские исторические романы о разрушении Сасуна и Ани. Власти не спешили издавать патриотические книги и защищать чужое авторское право.

На фоне вселенской разрухи и неспесивой трофейной выставки в парке на набережной, где сегодня неробкие женщины открыто торгуют золотом и бриллиантами, его откровения о зоне не слишком удручали, а новизна лагерной темы, долго не допускаемой в литературу, убеждала, как не совершенны знания человека об окружающем его мире, и долог и тернист путь к истине, к которой ни на йоту он не приблизился, изготовив сверхбомбу.

Старый Мушег слыхом не слыхал о столовой горе Лос-Аламос и секретном заводе у Альбукерка, но пропустив рюмку – другую вина в минуту откровенности, которая всегда полезна тому, кто слушает, любил напомнить собеседнику, что сам не лыком шит и сын его в Нью-Йорке владеет таксомоторным парком. В его авто садились сенаторы, хозяева китайских ресторанов, филиппинцы, секс-символ Америки Мэрилин Монро, Джо Луис и Рубен Мамулян, чей таинственный Зорро восхитил киномир. Сидя в удобном кожаном кресле, невидимый, как черная кошка в темной комнате, Зорро пускал роскошные кольца дыма. Так классно курить никто из нас в школе не умел.

Америка для моего рода осталась недосыгаемо далекой, как нирванная Шамбала. Но если достижение ее Соединенных Штатов считать за счастье, то оно было возможно и близко для моего отца в пятнадцатом году в Лесном, 3 декабря – в день защиты дипломного проекта на механическом отделении Петроградского политехнического института императора Петра Великого. Имя лакея помещицы в Тверской губернии, а позже токаря Путиловского завода и всесоюзного старосты с жидкой бородкой ассирийского царька, присвоили институту большевики. На отцовской защите присутствовали военный министр и министр путей сообщения. Он защищал диплом по паровозу, до этого два месяца стажировался на Николаевской железной

дороге, окончил курс с первой степенью и сразу после защиты узнал, что включен в число русских инженеров, кандидатов на поездку в Америку, где им предстояло наладить производство оружия и военно-промышленный комплекс. Такую новость от семьи не утаишь. Скоро из Тифлиса пришел ответ старшего брата отца – Артема. Выпускник Петербургского технологического института, управляющий нефтепромышленника Александра Манташева имел собственное мнение, телеграфировал жестко и однозначно: мать больна, от предложения откажись. В Америку вместо отца поехал его однокурсник. Сикорский из него не вышел, а может быть, сам стал знаменитостью.

Об отказе своем отец никогда не жалел. Америка еще раз поманила его златовласой русалкой. В 33-м вместе с ансамблем Шара Таяна «Ашуги» имел на руках выездные документы, но помешало злодейское убийство Кирова, становившегося вторым медведем в кремлевской берлоге. В девятнадцатом году помог уехать в Лондон молодой девушке с соседней Бебутовской улицы. Она стала женой влюбившегося в нее англичанина, повторив ситуацию гумилевской хокки «Вот девушка с газельими глазами выходит замуж за американца, зачем Колумб Америку открыл?!», и вызвала к себе младшего брата – Рубена Мамуляна. Через три года председатель Совнаркома, у которого появились первые признаки угасания мозга, выдворил за кордон интеллигенцию – соль земли российской. Надолго затерялся след тифлисского юноши, недурно рисовавшего и бредившего работой в театре. Отсутствие информации мы восполняли богатой фантазией, приписывая знаменитому земляку режиссуру любимых американских трофейных фильмов. Осталось для меня тайной, как отец узнал название не самого кассового мамуляновского фильма тридцатых годов «Люби меня этой ночью». Больше они не встречались, хотя в год смерти отца Рубен Мамулян был на Московском международном кинофестивале, приехал в грузинское село Мухрани поклониться родительскому дому и не увидел его.

Рядом на камне задумался древний старик.

«Скажи, приятель, - обратился к нему немолодой гость, - здесь был дом Мамулянов...»

Старик медленно поднял на него мутные глаза и сказал: «Бичо, маленький Рубен».

Время остановилось на пороге разоренного очага: старик снова видел своего ровесника, с которым играл в лахты, совершал опустошительные набеги на сады созревшей медовой черешни, предвестницы лета, узнавая его черты в рано поседевшем мужчине, чья жизнь прошла на чужбине, и ничего о ней не знал, как одержимо работал Мамулян, черпая полными пригоршнями из национальной памяти и американского опыта, когда заговорил «великий немой», чьи уста отверзлись не в последнюю очередь его стараниями, как в благословенный час судьбы встретил дочь шведского булочника Грету Гарбо, свою Королеву Христину, в которую влюблялись капризные монархи, кровавые фашистские диктаторы, самые богатые, знаменитые и красивые мужчины, и обессмертил в киношедевре ее ангельской красоты самое знаменитое лицо XX века; как в последний день сентября тридцать пятого под неумный шквал аплодисментов в бостонском Колониал Тиэтр вместе с Джорджем Гершвином, дирижером Александром Смолленсом и обнимавшими их исполнителями заглавных ролей – Тоддом Данканом и Энн Браун выходил к зрителям, свидетелям родившегося у них на глазах чуда гершвиновской оперы: четверть часа назад нищий калека Порги под скорбную негритянскую мелодию спиричуэлс отправился на инвалидной коляске в Нью-Йорк, в долгий путь за своей ветреной, ненадежной Бесс, без которой не мог жить.

Нью-Йорк с его небоскребами-утюгами с подачи советского классика долго представлялся Городом Желтого Дьявола, огромной челюстью с неровными черными зубами, дышащим в небо тучами дыма и сопящим, как обжора, страдающий ожирением.

Войдя в него по любезному приглашению великого пролетарского писателя, поневоле чувствуешь себя пророком Ионой в чреве кита, современного левиафана из камня и железа; взору представляются улицы – скользкое алчное горло, по которому плывут темные куски пищи – живые люди, вагоны городской железной дороги – огромные черви, локомотивы – жирные утки.

Прочитав про этот кошмар, дети потом не могут заснуть.

Другой колосс отечественной литературы отобразил историческую сшибку революционной России с оплотом мирового капитализма США в футуристических стихах, вызвав неудовольствие Ленина, который любил одну Инессу Арманд и нежных чувств к американцам никак не питал.

Современник и литературный оппонент поэта-главаря за три года до страшного конца в «Англетере» слетал на фоккере на Запад, околдованный, одунканенный женщиной сорока с лишним лет, скверной девочкой и своей милой, увидел в стране Колумба Железный Миргород, незабвенной гоголевской памяти нравы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, у которых не было города лучше Полтавы, и там прозорливой душой не пришлось ко двору, привычно пил водку стаканами, как экранный бутлегер дрался в гостиницах и окончательно разругался с босоножкой, танцующей «Интернационал» с красным флагом в полных белых руках.

Каюсь, в молодости сам кинул камешек в американский огород, когда пылко и безответно влюбился в шахматы и, пока хватало денег, брал уроки английского у мистера Мейера, высокого господина из Шанхая, со стальным рукопожатием и худым породистым лицом старого актера. Для начала он поставил мне потрясное американское произношение, от которого разинули рты наша англичанка и девочки на курсе.

Я верил: каждый человек может пройти от пешки в ферзи, если его не побьют на проходе. Мистер Мейер был того же мнения. Вдвоем мы придумали, как будут звать моего героя – Аллен Вудхед. Вудхед, понятно, деревянная голова, а в выборе имени заключался секрет, открыть его я не вправе, он принадлежит не мне одному.

Герой рассказа – талантливый шахматист, страдающий от хронического безденежья, играет в шахматы на деньги. Нескончаемые стрессы разрушают его нервы, как капля, которая камень точит частым падением. У него больна сестра и нужны деньги позарез. Он играет с одним парнем, между прочим, первоклассным мастером, и, разумеется, проигрывает. Конец трогает до слез: он идет по улице, ругая себя за плохую форму, в последний момент решает вернуться в бар и еще раз попытаться счастья, но его сбивает машина.

Рассказ «Ставка – жизнь» с иллюстрациями молодого художника-графика Альберта Яралова опубликовала вечерняя газета. Для дебюта было не слабо. У меня появились поклонницы. Нелли Долидзе, самая красивая женщина в нашей редакции и не только в ней, повергла меня в смятение. «Ты станешь писателем, – уверенно сказала она. – Почему бы тебе не жениться

на Лерочке?» Лерочка стояла рядом, смущенная не меньше меня. Интеллигентная еврейская девочка с яркими глазами и привлекательными формами. В студенческом симфоническом оркестре она играла не первую скрипку, но на нее приятно было смотреть.

Примерно тогда к нам неожиданно заявился Мушег и пригласил отца на плов. По случаю приезда сына из Америки. Когда отец пришел со званого плова, от него приятно пахло пловом, красным вином и дорогими американскими сигаретами. Я поинтересовался, не высказывал ли Мушегов сын за столом каких-либо пожеланий, и узнал, что высказывал – как разменять пятьдесят долларов на наши деревянные. Откидной плов определенно пробил брешь в их семейном бюджете, и я спросил, нет ли у сына других проблем. Оказалось, есть. Он очень хотел увезти с собой четки, из тех, что перебирают за молитвой и чашечкой кофе. Именно такие, с красно-белыми бусами, в нашем доме имелись, и я порадовался за него.

Мой отец ходил по комнате и все поглядывал на картину Ваграма Гайфеджяна. Она висела, сколько помню, на не топившейся стенной печке, отчего ей было ни холодно ни жарко, и вблизи казалась ничего не стоящей мазней, но стоило отойти на несколько шагов, и каждый, даже не будучи ахалцихцем, догадался бы, что перед ним Ахалцихский базар в великолепии южных красок, выставленных дефицитных продуктов и с отчетливым ослом на переднем плане. Получалось, что и очаг имелся, и еды в доме полно, но все это не настоящее, как в каморке под лестницей старого шарманщика папы Карло, нарисованное на куске пыльного холста. Ахалцихец Гайфеджян оказался земляком Мушега и его сына, которые сами были из эрзрумских армян, обманувших смерть в восемнадцатом году. Кому как не ахалцихцам должна принадлежать эта картина, заглушая вечную тоску по родным местам. Кажется, я начинал понимать и от себя добавил книгу Ашота Арзуманяна «Дружба» - об армяно-русских культурных связях.

На следующий день отец отправился к Мушегу с подарками, но определенные трудности ему пришлось преодолеть. Американец, отчаявшись как-то оплатить свалившиеся ему на голову дары, просил дать наш адрес, чтобы он мог прислать хотя бы посылку, но мой добрый отец сумел отговорить его.

Долго потом я мысленно общался с Мушеговым сыном, обдумывая что бы послать ему поинтереснее о наших армянских делах, и старался не мелочиться. Будь я даже обладателем счастливого мяча, которым араратовцы обыграли киевлян в кубковом финале, и его бы не пожалел. Но не было у нас бритоголового крепыша Марио Америко, массажиста бразильской сборной, который на чемпионатах мира крал мячи у зазевавшихся судей.

Натерпелись мы страху, когда перехватив мяч, Блохин с Колотовым вдвоем вышли на ворота. Блохин потом вспоминал: надо было убрать мяч под себя, когда бросился ему навстречу Алеша Абрамян, или отдать налево Колотову, и так хотел забить.

Америка нас не забыла. Как-то вечером пришел Мушег, которого мы уже начали забывать, и сказал, что получил посылку и в подтверждение своих слов вручил нам сорочку – одну на двоих.

Разные бывают посылки. Тетя Хая получила из Шанхая посылку, а в посылке два китайца почему-то красят яйца. Нас научили не привередничать в бедности, присылая что им негодже, но чтобы богач из Нью-Йорка дарил заношенную сорочку московского пошива – поверить в такое было трудно.

Круглолицый, румяный Мушег, рассказывая, загадочно улыбался, зная какой-то одному ему известный секрет, точь-в-точь, как карабахский балагур и сумасброд Пыл-Пуги, а мне очень не хотелось быть одураченным Мелик-Шахназаром, но отец сделал мне знак: не обращай внимания, и я послушался – не обращал, и простил, и потерял из виду, а когда вспомнил, никто не знал, куда он девался, и имени его не помнили, называя его по-разному, и только один сосед сказал, что Мушега вроде вызвал в Америку сын – в семью, к внукам, прежде чем всезнающий и премилостивый Бог взял его к себе.

И это самое светлое в его печальной истории со счастливым концом – нельзя бросать старых родителей, близких своих, когда от них мало прока и руки их не могут что-либо сделать, даже детские стулья.

ВИРТУОЗЫ ДОКТОРА ВЕРДИЯНА

Шел 1942 год. До окончания войны еще далеко, но музы не молчали. Восточный оркестр доктора Вердияна репетировал при неровном свете коптилки на Первомайской улице в клубе Берия (это потом он стал имени комсомола). Оркестр, состоявший из сорока человек, готовился к грандиозному концерту, посвященному 230-летию со дня рождения Саят-Нова. Интерес публики был огромный, люди готовы были платить любые деньги за входной билет. Вечер открыл вступительным словом о великом ашуге мой отец – Левон Богданович Еремян, ведущий праздника, который завершился товарищеским ужином на квартире Григория Вердияна, где было сказано немало теплых слов в адрес участников ансамбля – его руководителя Вердияна, непревзойденного исполнителя на таре Баяти Ширази, а также выдающегося кяманчиста, заслуженного артиста Армении Левона Карахана (он был репрессирован, выслан в Среднюю Азию – это аукнулись бедой гастролеры в двадцатых годах в Германии, Румынии, Польше, Бельгии, Великобритании, Франции, Австрии, Турции, Иране. После ссылки ему было запрещено проживание в больших городах. Он жил в Кутаиси, а в Тбилиси приезжал на репетиции и концерты.) Другой солист – популярный исполнитель азербайджанских песен Мамед Якубов, его супруга Шура работала в нашей 43-й школе и тоже входила в число артистов.

Всех не вспомнить. Но память подсказывает необычный концерт у нас дома в день моего рождения, когда нашими гостями были Вердиян и Левон Карахан. Стоял июньский вечер, окна были распахнуты настежь, и немудрено, что перед домом собралась такая аудитория слушателей, что позавидовал бы любой гастролер. Григорий Мартынович блеснул виртуозным исполнением своего коронного номера – Баяти Ширази, Карахан – песнями Саят-Нова, мой отец, как обычно, не имел равных среди исполнителей классического Чаргя. А сколько было сыграно в тот вечер старинных мугамов, баяти, шикьяста, шедевров тбилисского городского фольклора нашими гостями, пришедшими со своими инструментами.

Григорий Мартынович родился в 1889 году в Нагорном Карабахе, в Шуше, как и мой отец. Обоих связывало родство душ,

с детства знание закавказских языков и классических восточных мелодий, виртуозная игра на таре. После окончания гимназии Григорий Мартынович завершил учебу в 1914 году на медицинском факультете Харьковского государственного университета. На этом же факультете училась старшая сестра моего отца, Ашхен. Отец, студент механического отделения Петербургского политехнического института, после летних отпусков обычно провожал сестру из Тифлиса до Харькова, а затем следовал поездом в северную столицу. Я выскажу предположение, что именно тогда он подружился с Вердяном, который уже в 1913 году основал в Харькове восточный оркестр из числа студентов армян, в репертуаре которого были армянские, грузинские и азербайджанские мелодии. На счету оркестра десятки выступлений. После окончания интернатуры в терапевтической клинике Харьковского университета (директор – профессор Шатилов) в конце декабря 1914 года он был мобилизован на военную службу на Кавказский фронт ординатором полевого передвижного госпиталя, а мой отец в 1916 году – начальник автотранспорта и механических мастерских Кавказского фронта. После окончания войны Вердян проявил незаурядные организаторские способности. Во время массового потока беженцев в Закавказье и Россию, будучи уполномоченным, он обеспечивал медицинскую помощь, питание, эвакуацию тысяч обездоленных армян. Одних только сирот детей было до трех тысяч!

Апрель 1920 года застал доктора в Баку, где он вступил добровольцем в XI Красную Армию и был назначен начальником госпиталя, затем был перебазирован в Тифлис, вместе с вступившей в него армией. Он оставался на руководящих должностях, наряду с административной службой вел и лечебную работу. В 1927 году по состоянию здоровья демобилизовался из армии. Значителен вклад доктора Вердяна в курортное строительство. Пятигорск, Боржоми, Абастумани, Ессентуки – поле деятельности этого энергичного медицинского работника, главврача санаториев и физиатрического института, лечащего врача С.Орджоникидзе, С.Кирова, С.Буденного...

Часть его дружеской переписки чудом сохранилась. Нарком здравоохранения РСФСР Николай Александрович Семашко называл Вердяна заслуженным работником Красной Армии. «С такими руководителями, - отмечал он, - мы продвинемся вперед

в нашем деле!» Семен Михайлович Буденный, член Военного совета, инспектор РКК, будущий Маршал Советского Союза, писал председателю Терского облисполкома: «Доктор Вердиян возвращается на работу в санаторий №9, прошу оказать ему помощь в работе, знаю его лично как хорошего и неутомимого работника, а также как добровольца на протяжении многих лет Красной Армии. С коммунистическим приветом,

С.Буденный».

А вот еще письмо: «Здравствуй Григорий Мартынович! Из-за этой дьявольской работы все некогда было Вам написать, а думаю об этом давно. Во-первых, я приношу глубокую благодарность Вам за то внимание, которым я пользовался во время отдыха. Чувствую себя в физическом отношении очень хорошо... Чему, безусловно, Вы способствовали, как никто другой... Пока всего доброго. Привет Вашей супруге. С.Буденный. 19.10.30».

Академик Владимир Петрович Филатов – Вердияну: «Дорогой Григорий Мартынович! Мне кажется, что вот уже несколько сот лет прошло с тех пор, как я Вас видел. Но память моя хранит тот приятный вечер, который я у Вас в свое время провел.

Как здоровье, дела, настроение? Я был в январе в Москве, куда ездил на конференцию по глаукоме и для получения золотой медали имени Мечникова от Президиума Академии наук СССР. Кроме того, выступил с лекцией. Как Ваша композиция на мои стихи? Еще один композитор (пианист) тоже хочет над ними поработать. Вы друг другу не помеха.

Ваши инструменты разные. Слышали ли Вы пение моего пациента и друга Артура? (Речь идет о певце, исполнителе главной роли в музыкальном фильме «Сердце поет» Артуре Айдиняне – А.Е.) Привет Вашей семье. Вл.Филатов. 8.04.52».

Пора нам вернуться к рассказу о восточном оркестре. Где только ни выступал его коллектив – в Госцирке, в клубе Ворошилова, в домах культуры, но лишенный государственной дотации оркестр распустили. И тогда Григорий Мартынович благословил своего солиста Мукуча Казаряна, отправив в самостоятельное плавание с его ансамблем «Саят-Нова».

Творческая биография маэстро Казаряна заслуживает отдельного разговора.

«Ты что, парень, решил, без тебя не победим?» - военком с раздражением посмотрел на посетителя, который настаивал на

своем. Он студент, у него бронь, не зря ведь занимался боксом, плаванием, у него первый разряд по стрельбе. «Да пойми ты, война идет. На войне всякое может случиться, а потом за тебя отвечать...» Махнув рукой, юноша отправился в Кировский райсовет, благо, был по соседству, к председателю Саркисяну. Паруйр Арутюнович немедля связался с военкомом: «Пойди ты ему навстречу. Человек просит...» - «Если вы настаиваете». Мигом вернулся в уже знакомый кабинет. «Ты что, жаловаться на меня решил? Завтра придешь с вещмешком».

Так 18-летний Казарян оказался, как говорили в старину, на театре военных действий. Его, выпускника шоферских курсов, направили в танковое училище, где он выучился на механика-водителя. К тому времени окончилась короткая странная война с белофиннами.

Но по-прежнему тянуло порохом от всех границ, и он вспоминал дом в Харпухи, цельносварной Мухранский мост, построенный по проекту Евгения Патона, так бездумно снесенный в начале 60-х; с его верхнего пролета он прыгал вместе с закадычным другом Гришей. Это Гриша предложил собирать медяки среди зрителей.

Их полк стоял в местечке под Шяуляем. Тут проявилась незаурядная музыкальная одаренность молодого воина – как-никак еще в школе Казарян организовал ансамбль восточных инструментов. Своим даром он обязан маме, профессиональной певице. Рипсимэ Каспаровна сорок лет пела в хоре церкви Сурб Геворк. И сын в совершенстве овладел игрой на фортепиано, на всех восточных инструментах, особенно преуспел в игре на таре и первым учителем называл Аршака Котоева из Баку, слепого музыканта (ашуги в большинстве своем были слепыми). Потому никого не удивило, когда написал домой, чтобы прислали ему тар, не самый нужный на войне. Но инструмент получил целехонький, хоть и пересек он полстраны. И теперь молодой механик-водитель возил его в танке, к удивлению однополчан, не забывая о художественной самодеятельности. Командир полка даже поручил ему обучить жену грузинским танцам, выступали в паре. А потом с земляком, Жорой Мерангуляном, попробовал силы в вокале. С «Сулико», правда, вышла неувязка. Помнили только первый куплет на грузинском, остальные забыли. Пришлось импровизировать. После концерта вызывает их майор –

светлый такой, с рыжими усами: «Что вы такое пели?» - «Сулико» - «Сулико?» - «Да, - говорит Жора. - И вообще, что вы знаете о Грузии, Тбилиси, Хлебной площади» - « О Хлебной площади? - начинает злиться майор. - Я сам родом из Зестафони. Эх вы, земляки, а я вас на городской смотр самодеятельности думал отправить». Со смотром пришлось подождать.

Была вторая половина июня сорок первого. Подняли их ночью по тревоге. Слышались бомбовые удары. Примчался на «эмке» комбат. «Заводи машины». Сел механик-водитель Казарян в свой танк, только выехали из леса, обнаружил противотанковое ружье, передает командиру и радисту-стрелку: «Вижу огневую точку».

Никакого ответа. Оба, как оказалось, убиты. Башню снесло прямым попаданием снаряда. Вот тогда, в литовском лесу, Мукуч повесил на дерево свой тар до лучших времен.

Уже отмечился он орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», когда подстерегла Казаряна большая беда. Вызывают его в штаб, посылают в разведку. Шоссе надо было перейти, оно просматривалось, как на ладони. Залег он в трубе, наблюдает. Прямо в его сторону идет здоровенный немец, оглядывается по сторонам. Немец его не видит. Эх, молодость! Ему бы не высываться. Но восемнадцать лет сказались. Сбил с ног подсечкой немца, молотит кулаками (вот когда пригодились уроки бокса Бориса Меладзе, будущего чемпиона СССР в командном зачете), а тот не поддается, силен вражина, а потом каким-то образом выхватил пистолет. Выстрелом ранило Мукуча в правую руку. Очнулся уже в санчасти, кто-то в белом плачет над ним. Сам он на забинтованные пальцы старался не смотреть, подумал: только бы не ампутация. Потом санитарный поезд, эвакогоспиталь под Челябинском. Казалось, никогда не вернется к музыке, но сделал невозможное, как Сашка-музыкант из купринского рассказа «Гамбринус». «Человека можно искалечить, но искусство все перетерпит и все победит». И он победил, вернулся к жизни, к музыке.

Казарян и музыкант-инструменталист, и инженер, и композитор. Бессменно руководил ансамблем более полвека и привел его в числе первых к званию народного коллектива, сам удостоился звания народного артиста Грузии. В составе его ансамбля выступали Левон Карахан, Рашид Бейбутов, Геворк (Глахо)

Захаров, Маро Тархнишвили, Ованес Касьян... Десятки других имен, украшающих сцены Грузии, Армении, США, Болгарии, России... Все они служат большой цели – формируют образ мышления, национальное сознание, высвечивают жемчужины тбилисского городского музыкального фольклора – тот оберег, который не позволяет забывать, кто мы и откуда пришли.

Григорий Вердян скончался в 1962 году, через год не стало и моего отца. В середине 70-х с редакцией газеты «Заря Востока» активно сотрудничала заслуженный инженер Грузии Мария Григорьевна Гевондян-Церетели. Ее отец, Григорий Тер-Гевондян, был известным тифлисским фотографом, чьи работы я обнаружил в книге «Петрос Адамян» Рубена Заряна. Моя знакомая хранила у себя дома редкое фото 1915 года представителей кавказского землячества, которые учились в Петрограде. На фото вторая справа – Мария, слушательница Бестужевских курсов. «А это в центре, в френче, - говорит она, - мой брат, композитор Анушаван Тер-Гевондян, на юбилей которого я приглашаю вас в Ереван. В первом ряду в центре – знаменитый тарист Бала Меликян».

Конечно, я был наслышан о нем. Бала родился в 1888 году в Шуше, в семье известного музыканта Григория Меликяна. В 1912 году, когда Бала учился на экономическом факультете Петербургского университета, Шаляпин взял его на концерт в императорский дворец, где он восхитил слушателей своей игрой. В конце 20-х нарком просвещения Луначарский, услышав игру Балы в Боржом-парке, писал, что такие исполнители рождаются раз в столетие. 31 мая 1934 года Бала – участник концерта старинной иранской музыки в Ленинграде, посвященном 1000-летию со дня рождения Фирдоуси.

«Позвольте, - говорю я, - если это Бала, а он наш родственник, то рядом с ним должен быть мой отец, он в том году закончил политехнический институт». Всматриваюсь в фотографию, и, в самом деле, справа от Балы узнаю моего отца.

Вспомнил я хранившийся в нашем доме траурный листок «Памяти несравненного виртуоза». На похоронах Балы Меликяна (1935) мой отец шел во главе процессии, с его таром в руках.

Такая вот неожиданная встреча с отцом через годы и расстояния.

УРОКИ ГИГОЛОВА

В ту ночь нам было не до шуток. Мы ввязались в уличную драку и, хотя в наших рядах был чемпион Грузии по боксу, краса и гордость сорок третьей школы, одному из нас потребовалась врачебная помощь.

Ничего страшного – обычное рассечение брови, как это случается на ринге. Какие претензии к другой стороне, которая сама пострадала? Мы на центральной площади, возле здания сегодняшней мэрии, «под часами», как тогда говорили. Идем к Гиголову, к кому же еще в столь поздний час. К знаменитому хирургу и клиницисту, почетному члену Тбилисского научного общества хирургов.

Несмело топчемся у подъезда особняка на тихой сололакской улице. Михаилу Георгиевичу не привыкать к ночным визитерам. Быстро «чинит» пострадавшую бровь. Непонимание возникает, когда пытаемся оставить гонорар. На голоса из соседней комнаты выходит сын Михаила Георгиевича – наш университетский лектор, элегантный и представительный, даже в пижаме. Узнав о возникшем затруднении, говорит с такой знакомой иронией: «Спрячьте деньги, ребята. Ночью их предлагают, знаете, кому...»

Инцидент исчерпан, но не хочется уходить из квартиры, где со стен смотрят красивые женщины, а все жизненное пространство занято книгами.

В последующие дни мы уже по-другому смотрим на Георгия Гиголова, что-то новое нас объединяет. На его лекциях обычное столпотворение, приходят даже с других факультетов. Поди разберись в большой аудитории первого курса, кто лирик и кто физик. А мы сидим в задних рядах, на самой верхотуре, галантно уступив лучшие места нашим девочкам. Еще малоискушенные в макияже, лихорадочно наводят красоту, не подозревая, что их кумир уже сделал свой судьбоносный выбор. Мы, мальчишки, – как сейчас удержаться от вздоха! – пока не понимаем, какое счастье свалилось нам на голову – русскую литературу XX века читает Гиголов! Пишем эпиграммы на однокурсниц и, слушая вполуха лектора, переписываем в тетради редкостные в те годы стихи Есенина. И еще новинка – в журнале «Знамя» декадентские стихи Бориса Пастернака из романа «Доктор Живаго», над которым он работает. А от взгляда учителя ничего не ускользает: ни пыльные взгляды зубрил-отличниц из первого ряда, ни полуприсутствие

на лекции мальчишек, которым он никогда не грозил страшной мезтью на экзамене, к которому действительно невозможно подготавиться – за несколько дней поднять огромные пласты всей советской литературы да еще блистательную русскую начала века. Но мы не жаловались на нехватку времени и общей картины не портили. Помню его лестный отзыв в мой адрес, по секрету переданный однокурсницами: «Сидел, видите ли, постоянно где-то на «камчатке», а оказалось...»

Позже я писал дипломную работу у Гиголова. И была защита в присутствии заинтересованных и трогательных первокурсников, которым еще предстояло пройти школу Гиголова.

Он вышел из нашей сорок третьей. И его, наверное, как и других, рано приобщила к книге Елена Георгиевна, наша первая учительница.

В случае с Гиголовым сильно было влияние семьи, отца в первую очередь, широко образованного тбилисского интеллигента, ценителя литературы и музыки, создавшего этот известный дом, очаг духовности и высоких идеалов, и таким он остается целое столетие. А тяга Георгия Гиголова к музыке Моцарта, Бетховена, Верди, которую он знал на профессиональном уровне и собрал редкую фонотеку? Можно говорить о несостоявшемся музыкальном явлении, о том, что литература перевесила интересы, увлекла. И еще о генах, унаследованных по материнской линии. Красавица Джульетта, помимо имени шекспировской героини, была наделена даром великолепной пианистки. А еще бабушка Джемма (вспомним Тургенева!). Джемма Ринальдовна Галли, певица и родная племянница дирижера Иосифа Труффи, друга молодости Шаляпина, работавшего с великим певцом в Тифлисе, в Панаевском театре в Петербурге и в Русской частной опере Саввы Мамонтова.

«Это такая особенная человека!» – говорил итальянский предок Гиголова. – Но такой таланта я вижу в первый раз». Федор Иванович называл его ласково Труффочкой и выдвигал свои требования: в опере, помимо музыки и голоса певца, есть фраза и смысл. Для него фраза – главное. Он ее окрылял музыкой, придавая значение словам, которые пел. На репетиции пел вполголоса, часто останавливал Труффи, прося повторить, и, повторяя, пел полным голосом. Отбивая громко такт ногой, даже своему другу, который не обижался и говорил, смеясь, Константину Коровину: «Этот Черт Иванович Шаляпин – таланта огромная. Но он постоянно

меняет и всегда хорошо... Я, когда дирижирую, – плачу, удивляюсь и наслаждаюсь. Но я так устаю. Он требует особого внимания. Эта такая великая артист...»

Вот где разгадка музыкальных талантов, артистической внешности, неповторимых жестов профессора кафедры истории русской литературы Тбилисского госуниверситета Гиголова, которого его ученики, сами давно профессора, называют столпом кафедры.

Начинал скромно – с ФЗУ. Окончив училище, работал электриком, как Павка Корчагин. На предприятиях Управления высоковольтными сетями Грузии. Поступает на филологический факультет университета и оканчивает его в первый предвоенный год. Преподает русский язык и литературу в 42-й средней, позднее 9-й мужской средней школе Тбилиси, но как! Среди его учеников той далекой поры – Отар Тактакишвили, Тамаз Гамкрелидзе, Сергей Параджанов... Этот список бесконечен. Нина Роинишвили, доктор наук, руководитель отдела физики космических лучей Института физики АН Грузии, вспоминала: «Мое отношение к искусству определил, как и у многих из тех, кто у него учился, Георгий Михайлович Гиголов, преподававший нам в школе русскую литературу. Прежде я была убеждена, что наивысшим достижением интеллекта является математика. Гиголов открыл нам другой мир».

Такой редкий талант грех было зарывать в землю, и молодой педагог поступил в аспирантуру ТГУ по специальности русская литература, которую окончил под руководством философа и литературоведа – профессора Серги Данелия, первого заведующего кафедрой истории русской литературы. С первых шагов в науке шел непроторенным путем. Кандидатскую диссертацию защитил по творчеству драматурга XVIII века Владимира Лукина – о его роли в становлении русской национальной комедии.

В семейном архиве Гиголовых, в его многопудовых эпистолярных залежах есть свидетельства очевидцев того славного события в литературной жизни Тбилиси. Обратимся к письмам Леонида Гроссмана, блестящего знатока эпохи, мастера занимательного, интригующего сюжета, чьи литературоведческие работы и историко-биографические романы «Записки д'Аршиака», «Рулетенбург. Повесть о Достоевском», «Бархатный диктатор», обеспечили ему признание уже в 30-е годы. Вот что он пишет в мае пятидесятого тбилисскому другу: «Дорогой Георгий Михайлович! Мы вернулись в Москву, полные самых светлых впечатлений о дивном Тбилиси

и наших чудесных новых друзей, среди которых Вы оказались нам особенно близким... Моя работа в Вашем университете вспоминается, как сплошной праздник. Сегодня уже присутствовал на заседании кафедры нашего МГПИ и многих заинтересовал рассказом о Вашей диссертации. Вы, вероятно, готовитесь к приближающемуся решительному дню генерального сражения, который, не сомневаюсь, окажется и днем блистательного триумфа!»

Через месяц Гроссман-Гиголову: «Сердечно поздравляю Вас с удачной защитой, завоеванной степенью, научно-общественным признанием и от души желаю дальнейших успехов, в которых несколько не сомневаюсь. Помимо Ваших блестящих способностей, в Вас столько человечески ценного, что это, несомненно, проложит Вам путь к новым достижениям и в области духовной культуры. Вперед же, «без страха и сомнения!»

Вы чудесно описали Вашу одинокую прогулку на тбилисских вершинах, где мы провели с Вами такой незабываемый вечер. Надеюсь, что нам еще удастся снова провести там вечер в дружеской беседе... Меня искренне тронуло все, что Вы мне пишете об отношениях ко мне тбилисских ученых кругов, пленивших меня своим радушьем и высокой культурностью».

Через две недели он же: «Спасибо за новое, такое же сердечное и дружеское, как и первое письмо, которое мы прочли с Серафимой Германовной, любясь «Человеком» (речь идет о гиголовской работе – проблематика поэмы в прозе М. Горького), который весь отражается в своем теплом и артистическом стиле! От души благодарю за все Ваши сообщения и пожелания. Вы, вероятно, уже знаете, что я ответил Ване Семеновичу Шадури согласием и искренне радуюсь тбилисской «осенней» перспективе.

Снова побеседуем с Вами, но уже на колоритном фоне «багреца и золота» если не лесов, то листвы парков и проспекта Руставели. Под серыми московскими небесами, которые не перестают слезиться, так отрадно думать о ярко-синем небе над горою Св. Давида!

Одно из первых заседаний кафедры после каникул будет посвящено учету ее выводов на фронте литературоведения. Уже говорилось, что и мы не должны изучать язык и стиль писателей с классовых позиций – какой же язык либерала-дворянина у Тургенева или «мещанская стихия» в народном слоге Крылова и проч.! Все это очень интересно, очень верно и весьма плодотворно».

Задумаемся над последними словами из письма. Как созвуч-

ны они были душе Георгия Гиголова, позиции исследователя, сохранявшего независимость и авторитет ученого, свободного от конъюнктурных соображений, его смелым в ту пору откровениям на лекциях, когда речь шла о творчестве Горького, Бунина, Блока, Куприна, Короленко, Ахматовой, Гумилева...

От того же корреспондента: «Меня искренне тронуло и чрезвычайно порадовало Ваше теплое дружеское письмо со столь хвалебным отзывом о моих скромных «опытах». Вы так тонко, изящно и эмоционально пишете о них, что мне вспомнились слова Гюго, обращенные к блестящему эссеисту Полю де Сен-Виктору: «Стоит написать целую книгу, чтоб вы написали о ней одну страницу!» Поистине не жаль, что молодость и жизнь ушли на написание книг, если через годы и десятилетия на склоне твоего пути встречается такой читатель, как Вы, и получаешь такую «нечаянную радость», как Ваше озаряющее и согревающее письмо.

Мои литературные дела ориентируются на два юбилея: Достоевского и Лескова. По первому принимаю участие в редакционной коллегии в Госиздате по новому изданию и готовлю статью (намечен сборник о Достоевском в Институте мировой литературы), по второму предвидятся некоторые переиздания и статьи.

Как хорошо, что Ваша семья растет – это самое главное в жизни! Шлем наши сердечнейшие приветствия Вашей прелестной жене (помню ее светлое имя и, к стыду моему, забыл отчество... «Старо стало», как говорил Кречинский)).

Прелестная жена, и Гроссман несколько не грешил против истины, ангел-хранитель гиголовского дома, родилась в семье заслуженного инженера Станислава Кошута и заслуженного архитектора Грузии Галины Грессель, как-то неспешно и негромко (и это тоже в семейных традициях) выросла вдумчивым ученым, с широким спектром литературных интересов, преимущественно по взаимосвязям грузинской и русской литератур, защитила кандидатскую диссертацию по ранней прозе Бунина.

Но самая громкая известность пришла к ней с исторической родины, когда в шестьдесят третьем венгерский журналист открыл в Тбилиси грузинских Кошуты – потомков Эдуарда, двоюродного брата Лайоша Кошута, организатора борьбы венгерского народа за национальную независимость во время революции 1848-1849 гг. И опубликовал о них статью с иллюстрацией в журнале. Десять лет спустя Георгий Гиголов защитил докторскую диссертацию на

тему «Драматургия М.Горького эпохи первой русской революции в свете современной ей критики и публицистики». На вышедшую монографию известный горьковед, профессор Борис Бялик откликнулся неравнодушно-взволнованно: «Поражает широта охвата материала, демонстрирующего все направления и течения критики и прессы, вплоть до церковных изданий... ценю и то, что Г.Гиголов выходит за рамки русской прессы, обращаясь, например, к печати Грузии. Но еще более ценно то, что в книге широта охвата материала важна не само по себе, а как путь к более глубокому пониманию драматургии М.Горького».

Другой коллега – ученый из Воронежа З.Анчиполовский писал: «Очень признателен Вам за присылку Вашей книги. Я познакомился с ней совсем недавно, но для меня стало совершенно очевидным, что, занимаясь началом века, нужно иметь ее под рукой. Вы собрали поистине громадный материал и ввели в научный оборот издания забытые и затерянные среди множества других, им подобных. Трудно даже представить себе, что такое можно было сделать, не живя ни в одной из «обеих столиц».

Перевернем и эту страницу жизни, наскоро пробежав глазами письма Людмилы Маяковской, Аркадия Райкина, Сергея Параджанова, Булата Окуджава, Бориса Мейлаха, Георгия Фридендера... Переведем дыхание, как после быстрого бега, иначе придется назвать весь цвет отечественного литературоведения, деятелей русской культуры, мастеров искусства, врачей, грузинских родственников и друзей.

Вспомним, что только летом семьдесят восьмого профессор Гиголов и Светлана Кошут, старший научный сотрудник Института грузинской литературы, смогли выкроить время на поездку в Венгрию по туристической путевке. Семь газетных статей и одна журнальная – результат их пребывания на земле, где имя Лайоша Кошута открывает сердце каждого. Георгий Михайлович с улыбкой наблюдал за волной популярности Светланы, чувствуя себя в некотором роде в «роли супруга Барсовой». Но внимание широкой аудитории было привычно, она его вдохновляла и окрыляла, недаром он был потомком маэстро Труффи.

Он не искал славы – она находила его. Сохранив имя в десятках научных и научно-популярных работах по вопросам истории русской литературы, эстетики, культуры, отпечатками которых дорожили коллеги в далеких городах и весях, не утративших свое назна-

чение. В написанных для Грузинской Энциклопедии шестидесяти статьях, в учебнике русской литературы для грузинских школ. В воспоминаниях бывших его студентов и учеников.

Я уходил из гоголовского дома, где все по-прежнему напоминало о вкусах хозяина, истинного тбилисца, его увлечения музыкой, шахматами, теннисом, конным спортом. И конечно, книги, книги, с водруженными на них здесь и там объемистыми папками – материалами, ждущими будущих исследователей. Он, как бывалый альпинист, навесил веревки и перила на предвершинном гребне, чтобы облегчить путь вверх идущим следом.

ЧЕТЫРЕ ДЕВУШКИ И МОРЕ

31 ноября 1940 года четыре подруги Юлия Пайлодзе, Шушана Туманишвили, Нина Каландадзе и Вайде Гваришвили окончили отделение судовождения Батумского мореходного училища. Получив редкую для женщин специальность, они сдали государственные экзамены и стали штурманами дальнего плавания.

«Смотрите, вам в море предстоит очень тяжелая работа. Море не для девочек, – предупредил директор Семен Аласания, подписывая заявления о переводе с гидротехнического отделения. – Обязательно доведите дело до конца – доплавайте до капитанов».

Подруги дали слово, не подозревая, какие тяжелые испытания поставит перед ними уже недалекая война...

А теперь мысленно перенесемся в начало марта 1969 года, когда Батумское мореходное училище отмечало свой 25-летний юбилей.

Я сижу в библиотеке училища-юбилея и слушаю рассказ Юлии Александровны Пайлодзе, почетного работника Министерства морского флота СССР, заслуженного библиотекаря Аджарской АССР:

- По распределению мы с Ниной попали на Дальний Восток, Шушана и Вайде – на Каспийское море. Ребят с нашего курса оставили в Батуми, им предстояла служба в армии. 27 января 1941 года приехали во Владивосток, нас сразу послали работать на суда. Меня - на пароход «Арктика», а Нина 29 января на танкере «Донбасс» ушла в Америку. Наше расставание было очень тяжелым. Пароход наш отправился в Петропавловск-Камчатский. Войдя в бухту, мы пробирались среди льдов, потеряли винт, в течение десяти дней нам его устанавливали, мы выгрузились и пошли во Владивосток. По

дороге попали в сильный шторм. Меня сильно укачало, два дня не могла стоять на вахте, но потом к шторму привыкла. Вначале очень переживала, что если не привыкну, то должна бросить плавать. На четвертые сутки пришли во Владивосток. Меня временно перевели на пароход «Ф. Меринг» четвертым помощником капитана. Я несла вахту с 20 часов до 12-ти. Капитан поднимался на мостик и наблюдал, как я работаю, как отношусь к вахтенным матросам. Он сказал, что ему понравилась моя работа и что скоро меня переведут на большое судно – пароход «Минск». 6 июня меня перевели на «Минск». В это время во Владивосток пришел танкер «Донбасс», мы встретились с Ниной Каландадзе. Такая радость была! 8 июня они снова ушли в Америку, а я с нашими – на север, в бухту Провидения, где мы оставили груз и взяли курс на Америку.

В Беринговом море, когда проходили Командорские острова, радист сообщил капитану Терентию Передеррию о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Терентий Герасимович собрал команду и сообщил о начале войны, что мы должны быть бдительными, и что торговый флот переводится на военное положение.

Мы пришли в порт Сан-Франциско. Нас приняли хорошо, интересовались, как мы работаем, и удивлялись, что четвертый помощник капитана – молодая девушка. Мы загрузились и пошли в Австралию. В пути я заболела малярией. В порту Сидней меня поместили в больницу, откуда я на пятый день сбежала, опасаясь, что уйдут в рейс без меня. На пароход пришел представитель властей и сообщил капитану о моем побеге. После моего объяснения все уладилось. Гость оставил мне лекарства и пожелал удачного плавания. Мы держали путь на Цейлон, зашли в иранский порт Бендер-Шахпур, вернулись в Австралию, где наше судно получило вооружение. Был февраль сорок второго года. Плавать было небезопасно. Штурманы и механики после основной вахты вели усиленное наблюдение за вражескими судами и самолетами, которые могли нас обстрелять.

Наш «Минск» - снова в Сан-Франциско. Здесь уже стоял танкер «Донбасс» с моей Ниной. Американцы выпустили газету с сенсацией: на советских судах четвертые помощники – девушки-грузинки! «Донбасс» ушел первым в рейс. Нас загрузили военным грузом. Я стояла на вахте. Недалеко от нас строили новые суда – американцы за десять дней собирали суда типа «Либерти». Когда судно спускали на воду, вся наша команда с капитаном наблюдала за церемонией,

все суда салютовали гудками. Через несколько минут раздалась сирена. Капитан сказал: «Судно почему-то идет в нашу сторону». Оказалось, что лопнул левый трос, который придерживал судно при спуске, чтобы оно не набрало большой скорости. Уклониться от столкновения мы не могли – впереди нас и за кормой вокруг стояли суда. Скоро послышался сильный удар. Мы все страшно опасались взрыва, но все обошлось. Представители судостроительной компании немедленно примчались к нам, измерили пробоину на корме – полтора метра высотой, от воды – 15 сантиметров, от взрывоопасного груза – 10. Они очень удивлялись, что мы не взорвались, и все нас поздравляли. Представители компании сказали, что в случае взрыва все склады и полгорода сгорели бы.

В течение десяти дней мы починились, и вышли в море, некоторое время шли в сопровождении американских судов. Когда проходили Тихий океан и Берингов пролив, все время над нами летали вражеские самолеты, совсем низко, почти задевая мачту. Нас бомбили, мы маневрировали, молили бога, чтобы всегда был туман.

25 сентября меня перевели на корабль «Циолковский» четвертым помощником капитана. Я встретила Лизу Селеменеву, с которой подружилась во время практики в Одессе, на паруснике «Товарищ». Сейчас она была третьим помощником капитана, имела большой опыт работы и многому научила меня. Совершали регулярные рейсы в США. Во время одного из них радист принес сообщение, что танкер «Донбасс» просит помощи. Капитан объяснил мне, что «Донбасс» находится в проливе Ла-Манш, в караване судов. Радист наш ночью пытался поймать позывные «Донбасса», но танкер молчал. Мы узнали, что он был торпедирован немецкой подводной лодкой и потоплен. Весь его экипаж погиб. Мне было тяжело перенести гибель этого судна и моей подруги Нина Каландадзе. Все меня успокаивали, напоминали, в каких опасных условиях мы сражаемся и сами можем быть потоплены.

20 января сорок третьего года нас с Лизой перевели на другие суда. Лизу – вторым помощником капитана на «Херсон», меня – третьим помощником на «Циолковский». Мы снова расстались. Они ушли в рейс из США на 12 часов раньше нас. Наш пароход находился недалеко от Петропавловск-Камчатского, когда радист поймал сигнал SOS с борта «Херсона». Наш капитан изменил курс и просил сообщить местонахождение терпящего бедствие судна, которое в тумане село на подводные камни недалеко от Петропавловска. Через 12 часов туман рассеялся, и мы подошли близко,

как и другие суда. Пароход переломился пополам, и помочь ему не было возможности. Одну часть отбуксировали в Петропавловск мы, вторую – другое судно. Всю команду мы приняли на борт и доставили во Владивосток. Лизу послали вторым помощником капитана на пароход «Кола».

7 мая сорок пятого года меня перевели вторым помощником капитана на более крупный пароход «Войков». Мы совершали рейсы США – Владивосток. Во Владивостоке выгрузили спецгруз, взяли продукты и пошли на Сахалин. Вошли в порт Отомари, который уже был занят нашими войсками. К капитану пришел командующий войсками, он оказался из города Тбилиси и, узнав, что второй помощник капитана - грузинка, попросил познакомиться со мной. Очень удивлялся, как девушка может выполнять такую тяжелую работу.

К капитану пришел еще один гость – старший помощник с парохода «Кола» и рассказал, что пароход и Лиза Селеменова погибли в феврале сорок пятого: «Стоял на вахте с 20 до 24 часов. Лиза сменила меня. Я обошел судно, проверил все и ушел в свою каюту, что-то плохо себя чувствовал. Жарко было, открыл иллюминатор, лег спать. Во сне чувствую, что тону, задыхаюсь, проснулся – и в самом деле лежу в воде; начал вылезать в иллюминатор, вылез и стал всплывать. Когда вынырнул из воды, поплыл подальше от потопленного корабля. Вижу - что-то на воде темнеет. С трудом подплыл и увидел шлюпку, забрался в нее. Вспомнил, что в шлюпке имеется запас питания и теплые одеяла, компас. Я все это достал; начало рассветать. Вижу: матрос еле живой, вытащил его, привел в чувство. Погода была хорошая, море спокойное, как никогда. Мы долго плыли, видели погибших из нашей команды, Лизу Селемеву. Еще подобрали нескольких живых. Нас стало пятеро. Мы очень долго плыли к берегам Камчатки. Потом нас подобрали рыбаки и доставили на берег, привезли в Петропавловск».

Трагедия произошла в Корейском проливе.

Во Владивостоке меня вызвал капитан Гордиенко и сообщил о моем направлении старшим помощником на танкер «Донбасс». Я сказала: «Мне обещали отпуск, раз не пускают в отпуск – не пойду». Капитан сообщил, что на «Донбассе» капитаном плавают мой земляк Гогинов. «Вы попросите, и, возможно, он поможет с отпуском».

Гогинов плавал капитаном еще на старом «Донбассе», который немцы торпедировали и потопили. Но до этого его оставили

представителем в США, а на танкер послали капитаном другого. Гогинов в США получил новый танкер «Донбасс», который тоже погиб, но команда спаслась. Мой земляк получил еще один танкер «Донбасс», третий по счету, который прибыл во Владивосток.

Когда я пришла на корабль, у капитана был гость – капитан порта Батуми, мой хороший приятель и сосед Климентий Каранадзе. Он воевал на Черном море, а потом – на Дальнем Востоке. Так я была рада, когда его увидела! Но пойти на танкер «Донбасс» старшим помощником капитана отказалась. Вместе с Гогиновым пошла к начальнику пароходства и попросила отпустить меня в отпуск домой, наша семья очень нуждалась, старший брат погиб на фронте, младший служил в армии. Но меня не захотели и слушать. Я отказалась идти в рейс на «Донбассе», отпуск не получила и осталась на пароходе «Войков», мне объявили выговор за непослушание.

19 декабря 1945 года «Донбасс» взял у нас горючее и ушел в рейс. Я попрощалась со своим земляком. Он сказал, что я очень нехорошо поступила.

Потом мы ходили на «Войкове» в Китай, Корею, возили грузы и продукты.

И вот мы в Желтом море. На мостик поднимаются капитан, радист, старший помощник капитана и поздравляют меня с тем, что я осталась жива. Оказалось, что у берегов США во время сильного шторма затонул «Донбасс». Я потеряла сознание после услышанного.

Когда «Войков» пришел во Владивосток, всему экипажу объявили благодарность, с меня сняли выговор и отпустили в отпуск. Потом по моему заявлению откомандировали в Одесское пароходство, в распоряжение «Совтанкера». В 1948 году, в феврале, вышел приказ правительства освободить женщин от службы на флоте.

С 14 апреля 1949 года я работаю в Батумском мореходном училище, которое окончила накануне войны.

Я слушал рассказ Юлии Пайлодзе и думал, сколько испытаний выпало на долю этой немолодой библиотекарки, в облике которой тщетно искал черты героические. Вспомнился Копенгаген, город Ханса Кристиана Андерсена, его сказочной Русалочки, в чью честь Эдвард Эриксен создал знаменитую скульптуру на набережной Лангелинье этого приморского города. А тут в Батуми – четыре отважные и прекрасные девушки не из сказки,

наяву оказались сильнее смерти, но поставить им памятник не спешат. А ведь были в их жизни подвиги и не один! И я в который раз уважительно разглядываю боевые награды Юлии Александровны – медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «За победу над Японией».

«КУНАК КУНАКУ ЕСТЬ БРАТ...»

В январе шестьдесят седьмого в редакцию «Вечернего Тбилиси» пришел немолодой человек с добрыми глазами волшебника. Так я впервые увидел классика отечественного этюда Александра Гербстмана. Привели его в Тбилиси обязанности арбитра международного конкурса по составлению этюдов «Шахматная Руставелиана». Под этим названием конкурс и вошел в историю шахмат, став составной частью программы юбилейных торжеств по случаю 800-летия рождения поэта.

Был ли знаком с шахматами творец «Витязя в тигровой шкуре»? Прямых указаний на этот счет не сохранилось, но многочисленные афоризмы Руставели дают право это утверждать. И самый известный – «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Не правда ли, полное впечатление от шахматного сражения? Вспоминаю советы доброхотов во время претендентских матчей 16-летней Майи Чибурданидзе, в надежде, что я их доведу до сведения тренера будущей чемпионки мира. «Смените пластинку!» – требовали они отказаться от староиндийской защиты в финальном матче с Аллой Кушнир, не зная еще, что именно «староиндийка» станет одной из составляющих победы. Но довольно о скептиках.

Более интересным представляется свидетельство Иосифа Гришашвили в «Литературной богеме старого Тбилиси»: издревле в Грузии приданое невесты включало «Витязя...» и комплект шахмат.

Отдавая дань традиции, редакция «Вечернего Тбилиси» и Федерация шахмат Грузии объявили международный конкурс в честь поэта поэтов. Участвовать в нем пожелали этюдисты Австрии, Англии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Нидерландов, Швеции... Пришло даже письмо из Индии, родины шахмат. Наиболее полно были представлены хозяева – прекрасно высту-

пившие шахматные композиторы Грузии. На суд жюри поступило небывалое в истории этюдных соревнований количество произведений – 230 от 170 авторов. Высокий уровень конкурса определили богатство ярких идей, отличная разработка ценного наследия прошлого, и конечно же, отменное судейство. Кстати, уже через год коллективный этюд Александра Гербстмана и Гии Надареишвили – творческая разработка идеи победителя конкурса Леонида Митрофанова – с фантастической жертвой ферзя – занял первое место на конкурсе «Шахматной Москвы».

Гербстман не скрывал радости, приехав в очередной раз в Грузию. Ведь он учился в Тбилисском университете и, участвуя в 1919 году в первом студенческом шахматном турнире, занял второе место. Его нынешний приезд совпал с чемпионатом СССР, и он с удовольствием посещал малый зал Руставели, болея за Василия Смыслова, и не потому что тот самый старший среди участников, а потому что тоже был этюдистом. Сам Гербстман еще в 1928 году, в 28 лет, завоевал первый приз национального шахматного союза США, став впоследствии глубоким исследователем и теоретиком шахматной композиции. В 50-х годах решением ФИДЕ в числе первых ветеранов шахматной элиты удостоен звания международного арбитра и международного мастера. Доктор филологических наук и профессор Ленинградского университета, автор шахматных книг, он хранил в памяти любопытные истории и щедро делился ими со слушателями. Докторскую защитил по пушкинским автографам «Евгения Онегина». «Как вы думаете, – сказал он мне, – мог бы я написать диссертацию, не обладая памятью шахматиста, и, прежде всего, зрительной?»

В 1924 году Александр Иосифович, выпускник Высшего литературного института имени Валерия Брюсова, гостил в Тбилиси, часто бывая во Дворце искусств, нынешнем Союзе писателей Грузии. Он встретил здесь другого гостя из России – Сергея Есенина, посвятившего товарищам по чувству и перу – «голуборожцам» стихотворение «Поэтам Грузии», впервые опубликованное 23 ноября 1924 года в газете «Заря Востока».

Пребывание в Тбилиси вызвало у Есенина не только приятные воспоминания. Проезжая по ремонтируемому Михайловскому мосту, поэт уронил в пролом портфель с документами. Есенин собирался выехать в Батуми и без паспорта был как без

рук. Друзья – Тициан Табидзе и Паоло Яшвили написали автору «Москвы кабацкой» справку, удостоверяющую что податель ее действительно является русским поэтом Сергеем Есениным и заслуживает всяческой поддержки и помощи. Поручительство братьев по писательскому цеху вполне заменило паспорт. Тициан и Паоло прятали от неожиданных ночных визитеров оставшиеся без документов русского друга, закатав его в ковер.

Вот какие удивительные истории рассказал старый петербуржец на празднике поэзии Руставели. И позже, в 1970 году, когда судил объявленный редакцией «Зари Востока» и Федерацией шахмат всесоюзный конкурс в ознаменование 150-летия со дня рождения Николоза Бараташвили. И название конкурса этюдов – «Мерани», взятое нами из известного стихотворения, стало «флагом» творческого соревнования, отражая литературные вкусы и привязанности организаторов.

Больше с Александром Гербстманом я не встречался. В 1980 году он переехал на постоянное жительство в Швецию и через два года умер в Стокгольме, оставив о себе добрую память и сборник своих избранных этюдов с автографом. Напоминает мне о юбилейных днях и Почетная грамота Спорткомитета Грузии «за организацию и образцовое проведение» обоих конкурсов, полученная из рук тогдашнего заместителя председателя комитета Вахтанга Балавадзе.

КАК ДАНАИДЫ В СТАРИНУ

Начну с начала, с прекрасного далека, когда я получил первое редакционное задание. Был сиреневый май, лучшая пора в Тбилиси. Сажу в салоне «Волги» тренера по боксу Ашота Израеляна, чья фамилия прославилась в тридцатых годах богатырским соперничеством его младшего брата – Гайка Израеляна с Виктором Михайловым, абсолютным чемпионом страны, и добросовестно переносу увиденное на бумагу. Мы побывали в Дидубе и на Авлабаре, подвезли дочь хозяина машины к музыкальной школе в Сололаках, и всем знакомым он объявлял, что у него в машине пишет статью корреспондент.

Не одному мне приходилось работать в некомфортных условиях. Редакция «Вечерки» была напротив здания

ТБИИЖТа, говорили, что оно сверху имеет форму серпа и молота, обязательной атрибутики советского времени. Миновав тесный двор, заставленный расшатанной деревянной тарой, посетитель попадал в редакцию, в две комнаты, где готовили русский дубль газеты «Тбилиси». Потом производственные площади урезали до одного стола. Работая за ним, можно было ненароком уткнуться в черную как смоль шевелюру штатного переводчика или в необъятную грудь молоденькой сотрудницы, которые тут же, на краю стола, что-то строчили в номер. На тесноту никто не жаловался, понимая, что трудности эти временные. Нас всю жизнь учили этому.

Вопрос помещения редакции положительно решался наверняка. «Вечернему Тбилиси» быть! Ждали только приезда редактора из Москвы – Павел Васильевич заканчивал журналистское образование в Высшей партийной школе. Скоро он приехал – молодой, напористый, склонный к полноте. А меня ждали первые радости и огорчения на выбранной стезе.

Заметку свою я сдал, как положено, и прилежно посещал лекции. Заметку поставили в первый номер, но редакционный художник решил блеснуть клишированным заголовком; цинкография подвела, не выдала в срок. На этом неприятности не кончились. Мой дебютный материал наряду с другими попал к штатному сотруднику редакции, порядочному сухарю, и он ничтоже сумняшеся прошелся по чужим работам недрогнувшей рукой. У меня пострадало начало – своеобразное стихотворение в прозе. Стилисту тогда крепко досталось от редактора. На заре моей туманной журналистской деятельности меня дружно называли будущим редакции. Некоторое время я этим был чрезвычайно горд, забывая, что сегодняшнее яйцо лучше завтрашней курицы.

Здесь я несколько опережаю события, спрессованные в добрый десяток лет, выбирая эпизоды, возможно, не самые интересные и яркие, но одинаково дорогие моему сердцу.

Семь редакторов знал я по совместной работе, но Павел Асланиди запомнился больше. Может быть, потому что был первым для нас, еще не зрело знающих работу, как сказал поэт, вместе мечтающих о славе; и некоторые действительно угодили в прицел, но и остальные мазилками себя не считали, как данаевы дочери, изо дня в день наполняя водой бездонную бочку

газеты – по классическому определению Карела Чапека. Нам одинаково нравилась в первом номере «Журналиста» статья академика Иосифа Кассирского «Человек создан без запасных частей» – о трудностях журналистской профессии, где она, со своими требованиями универсальных знаний, ежедневными стрессами и потерями, приравнивалась к шахтерскому труду, за который сегодня платят копейки. По молодости нас даже не шокировало в журнальной статье утверждение (ничего себе напутствие для первого номера), что в силу вредности профессии продолжительность жизни среди журналистов самая короткая.

Павел Васильевич, будучи не намного старше, по газетному обычаю называл нас стариками и не скупился говорить, как любит. Видимо, так оно и было.

Помню, как взял он на руки моего сына, впервые пришедшего в редакцию, и годовалый ребенок доверчиво прижался к гладко выбритой редакторской щеке. «Ни к кому не шел, а редактора сразу признал», – ревниво заключила прекрасная половина «Вечерки». Растроганный Павел Васильевич гостя без подарка не отпустил, выйдя с нами на улицу, выбрал в соседнем магазине белый беретик.

Любимчиком его я все же не был, семьями мы не дружили – сказывалась разница в возрасте, как говорится, детей с ним не крестили, ограничиваясь служебными обязанностями, но отношения оставались уважительными. Как-то раз он с сожалением и даже с досадой сказал: «Я так и не нашел ключ к твоему сердцу». До сих пор испытываю неловкость, вспоминая свой ответ, показавшийся тогда мне остроумным, но, увы, несправедливый, а он, думаю, обиды не помнил. Однажды признался, что рассказал обо мне студентам журфака – он читал им курс теории и практики советской печати, а что именно – умолчал. Кто-то из великих заметил: мужчину интересует больше то, что о нем думают, женщину – что о ней говорят. В нашем случае интерес представляло и то, и другое.

Он обожал неизбежные розыгрыши. Помню, завел меня в свой кабинет и спросил, хочу ли я поехать в командировку. Эта новость почему-то не вызвала у меня всплеска радостных эмоций. Довольный Павел Васильевич, в лучших традициях детективного жанра, вытащил из-под стола магнитофон и дал послушать в записи мой унылый ответ.

Он умело повышал тонус редакционной жизни. Его знаменитое «В двери редакции стучатся» не пугало катастрофой увольнения с нищенски оплачиваемой должности, а было скорее игрой, желанием держать форму коллектива. В пятидесятые-шестидесятые годы легче верблюду было пройти сквозь игольное ушко, чем новобранцу попасть в штат. Помню, как в горькоме партии не утвердили в должности заведующего отделом промышленности нашего молодого товарища, облачившегося по этому случаю в свою лучшую сорочку. Партийный божок произнес при этом классическую фразу: «Хорошо писать – не самое главное». Почему-то с ударением на первом слоге глагола. Такой пассаж огорчил редактора, который сам двери редакции открывать не спешил. Видимо, его благие намерения расходились с его возможностями. В один прекрасный день позвал меня и предложил: «Пиши заявление о предоставлении тебе квартиры. Будешь жить в доме ЦК». Я, удивленный, упрашивать себя не заставил, и он спрятал заявление в лязгнувший засовами сейф. И опять что-то не работало.

Я потом ушел в республиканскую газету. Трехкомнатную квартиру в новом доме ЦК мне предоставило другое ведомство, но я от нее отказался. Шла постыдная война в Афганистане. На рыжих перевалах бензиновыми кострами горели советские танки и бэтээры, мстительные духи лезли из каменных колодцев, неся смерть и увечье шурави, непрошенным пришельцам с севера, «выполняющим интернациональный долг». Сын мой служил в армии, в частях горной пехоты, числясь формально снайпером, и меня волновало одно – чтобы поскорее он живым вернулся домой. Так я остался жить в родительском доме, внесенном в реестр исторических памятников Старого города.

Как замечено не только мною, мне и рубля не накопили строчки, но журналистика одарила радостью встреч с людьми, вспоминая которых чувствую себя богатым и счастливым. С годами отсеивается шелуха необязательных слов и отношений, отличаешь золото от позолоты, забываются сиюминутные обиды, остается тепло и щедрость человеческого общения.

Павел Асланиди чаще вспоминается не в президиуме юбилейного заседания десятилетия «Вечерки» в Концертном зале Руставели и на скромном товарищеском ужине в гостинице «Иверия», не за редакторским столом, за которым он подписывал в

печать наши материалы, в кабинете, представлявшимся таким огромным. Мне он открылся в вечернем разговоре по душам, на его квартире, позади высоченной доминошной костяшки гостиницы «Аджария», строительство которой так его огорчало. Он достал альбом своих ранних публикаций в «Гудке», где трогательно немногословные рабкоровские заметки соседствовали с проблемными письмами собкора по Закавказью. Рассказывая, он не делал скидку на размеры публикаций, подтверждая, что в журналистике нет мелочей, есть мелочные люди.

Помню одну из традиционных редакционных встреч. У нас в гостях – создатели фильма «Иные нынче времена», он только начинал победное шествие по экранам. Несколько недель назад мы с Котэ Макаридзе побывали в селе Дигоми, где снимались последние кадры. Одолеваемые одышкой, Васо Годзиашвили и Сергей Мартинсон потешно сражались в дорожной пыли за поруганную справедливость. Красавица невеста из бедняцкой крестьянской семьи спасалась на фаэтоне от сексуальных домогательств сластолюбивого князя...

На широком балконе господского дома сидим и слушаем Софику Чиаурели, еще не отдохнувшую после отснятого эпизода, не снявшую грим.

Теперь она в редакционном кабинете. Как молод Арчил Гомиашвили. Он пока не Остап Бендер и владелец элитарного московского ресторана, он взволнованно говорит, какая это для него честь сниматься у Михаила Чиаурели. «Перестань, пожалуйста, – машет рукой Михаил Эдишеревич, – меня Сталин называл лучшим кинорежиссером».

Могучий Хорава с улыбкой наблюдает за этой сценой.

Я сижу рядом с Верико Анджапаридзе, смотрю на прекрасное лицо княгини, нет, не княгини – царицы. «Угощай!» – делает мне отчаянные знаки Павел Васильевич, и я кладу ей на десертную тарелочку самую красивую грушу и самую красивую виноградную гроздь. «Спасибо, деточка», – говорит она, слушая тост хозяина кабинета.

Он в своей артистической стихии, говорит не переставая, хлебосольный сын старого Тбилиси, усташаши газетного амкарства. Господи, как давно это было.

В последнее время мы виделись редко. Он по обыкновению куда-то спешил с неизменным портфелем под мышкой – в ЦК,

как некогда говорил знакомым и сослуживцам, и мы знали об этой невинной мистификации и не осуждали, ведь и без того значительным и интересным он был всегда, только с годами выглядел бледнее обычного, и костюмы, которые носил с особым изяществом, становились широки ему в талии. Но как бы ни спешил, выкраивал минуту-другую для разговора, и в этом проявлялись не только понятное человеческое внимание, но и интерес газетчика ко всему новому, им он оставался до последнего дня.

Так случилось, что я вернулся ненадолго в коллектив «Вечерки», о которой помнил с любовью и светлой печалью.

В тот день в редакцию позвонили коллеги-журналисты и сказали, что Павлу Васильевичу плохо, очень плохо. В канун октябрьского праздника он пришел в газетно-журнальное издательство на заседание ветеранов журналистов, на свое последнее производственное совещание, обсудить обязательные, как они считали, дела.

Он тихо лежал в кабинете на диване, впервые никуда не спеша. А потом мы осторожно, чтобы не потревожить его, спуускали с пятого этажа носилки, и страшная новость, опережая нас, катилась лавиной по этажам, достигая улицы, где стояла «скорая», и она ничем не могла помочь.

На следующий день, сидя за редакционным столом, на котором было личное дело нашего первого редактора и материалы его домашнего архива, я писал правительственный некролог, втискивая обязательные слова в прокрустово ложе официального сообщения, снова чувствуя себя осиротелым.

МЫ НАХОДИМ РУКОПИСЬ

Необыкновенная эта история берет начало в середине 60-х, когда заведующий кафедрой русской литературы Тбилисского госуниверситета Вано Шадури пришел в редакцию «Вечернего Тбилиси», другом которой себя считал. Профессор обнаружил в архивах письмо Рафаэла Эристави и принес статью со своими комментариями.

Речь шла об окончательном авторском экземпляре грибоедовского «Горя от ума», считавшемся бесследно потерянным.

Софья Гвелесиани, при поддержке редактора Павла Асланиди, не упускавшего возможности вставить фитиль всем прочим газетам, немедленно опубликовала сенсацию профессора. В письме Эристави утверждалось, что в середине 19 века рукопись еще находилась в Грузии и была подарена Грибоедовым одному из его грузинских друзей. После смерти друга она оказалась у его сына. Рафаэл Эристави приводит беседу Нины Грибоедовой-Чавчавадзе, свидетелем которой он стал.

«Князь Александр! – сказала вдова. – Одолжите мне рукопись моего мужа, списать. Я вам скоро возвращу...» И добавила: «Я бы списала из других полных рукописей (у многих есть), но все же лучше списать с подлинной». Обращение Нины Александровны не встретило понимания. Князь Александр знал, каким сокровищем располагает, и уверял, что рукописи у него нет. Ему тогда не поверили.

И вот, спустя годы, посоветовавшись с Ваном Шадури, в Сачхере, в место обитания князя Александра, устремилась журналист Софья Гвелесиани. Читателей ждало разочарование – рукописи она не нашла. Но поиск этот, сопровождавшийся корреспонденциями с места событий, вызвал живой интерес, был отмечен «Литературной газетой» и продолжен Софьей Ираклиевной в Москве, которая спустя годы скромно говорит, что вошли в научный оборот два списка «Горя от ума» - один тбилисского кинорежиссера Лео Эсакия, другой, московский, букиниста Старицына из Леонтьевского переулка.

Эта история, напоминающая увлекательный роман, - свидетельство научного поиска журналиста описана в книге «Мы ищем рукопись...»

«Первая моя книга», - говорит Софья Ираклиевна, не удержавшаяся от вздоха. А таких ценных материалов немало в ее небольшой, но удивительно емкой книге. Важа Пшавела, Саят-Нова, очерки о науке и ее великих служителях... И это соседство не случайно. Софья Гвелесиани влюблена в грузинскую культуру и науку, и все ее книги и статьи – объяснение в этой любви. Общественный отклик вызвали ее статьи о преподавании грузинского языка в русских школах.

Я вспоминаю слова Константина Паустовского, что литераторы десятилетиями извлекают крупинки драгоценной пыли, собирают их незаметно для себя, превращают в сплав и потом

выковывают из него свою «золотую розу» - очерк, повесть, роман, поэму. И думаю, как порой размыта зыбкая граница между журналистикой и писательским трудом, и как счастливы те, кто сочетает два этих великих ремесла.

«Я очень люблю Важа Пшавела», - говорит Софья Гвелесиани, словно догадываясь о ходе моих мыслей. Очерк о муже пшавском соседствует с грибоедовской историей, под одной обложкой, о жизни скромной и величественной, как его родная природа, прослеженной до последнего вздоха, до палаты госпиталя, из окон которого не видны милые его сердцу говорливая Чаргула, лесные великаны, под сенью которых так хорошо думалось и слагались стихи. Он лежал в постели, укрытый охапками горной травы, и чутким слухом горца слушал ее шорох, словно надеясь хотя бы теперь понять ее шепот...»

Этот поэтический рассказ о великом Важа (а поэтичностью проникнуты самые, казалось бы, строго научные повествования С.Гвелесиани) впервые был опубликован в сборнике «Сны Грузии» в знаменитой горьковской серии ЖЗЛ и стал визитной карточкой Софьи Ираклиевны, которая, по наблюдению литератора-исследователя Ираклия Андроникова, и в имени своем сочетает мудрость с силой. А еще бесстрашие журналиста-исследователя, здесь ее фамильные корни уходят в кахетинский дворянский род, к грамотам за храбрость, пожалованным ее предкам царем Ираклием Вторым.

Мало журналистов, кто сегодня помнит свое родство, а эта нашла грузинских потомков Пушкина - Григория Сванидзе, студента Одесского университета, который привез в Грузию Веру Воронцову-Вельяминову из знаменитого пушкинского рода. Их сын Андрей сам стал родителем, у него два мальчика. «Мы насчитываем трех грузин-потомков Пушкина», - говорит она.

Вы думаете, Софья Гвелесиани ограничилась этим? Нисколько - она едет в Иркутск и находит там родного брата Веры Владимировны!

Такой мы знали и любили Софью Ираклиевну, одной из первых в списке грузинских журналистов удостоенную звания заслуженного. Сама же вспоминала себя выпускницей филфака Тбилисского госуниверситета имени Сталина, свой приход к редактору: «Я хочу работать в «Заре Востока».

Определили ее на первых порах литсотрудником по радио-

приему – не было еще ни телетайпов, ни факсов, а она обнаружила ошибку в названии японского информационного агентства, ее даже премировали двумя сотнями рублей.

Какая огромная дистанция разделяет эту девушку, писавшую в директорской ложе оперного театра в номер отчеты с концертов народной музыки и спецкора «Зари Востока» в Москве на Декаде литературы и искусства Грузии 1958 года, премированную за работу поездкой в Ленинград, в город ее детства. От автора книг о жизни и научном наследии Элевтера Андроникашвили (в соавторстве с Юрием Мамаладзе), Георгия Церетели, Виктора Купрадзе, Вагана Мамасаклисова, Ксении Бахтадзе, написанных с профессиональной глубиной, когда свободное владение материалом наводит на аналогию с подводной частью айсберга.

Незабываемые встречи в редакции «Вечернего Тбилиси» с деятелями грузинской культуры и гостями столицы, устраиваемые по инициативе отдела культуры и науки. И его бессменной заведующей – Софьи Ираклиевны. Много, очень многое связывало меня с этой редакцией, а эти встречи – из самых дорогих. Мы перебираем имена знаменитостей, и она вспоминает, как музыковед Павел Хучуа попросил опубликовать статью о выступлении 15-летней девочки, способностей необыкновенных. Это выходило за рамки правил, но просьба профессора была уважена.

«Знаете, кто это была? – спрашивает с улыбкой Софья Гвелесиани, - Лиана Исакадзе».

Слушал ее, еще накануне удостоившуюся благодарности академика «от математиков» - за статью о Николае Мухелишвили, и все держал в памяти первую книгу Софьи Ираклиевны «Мы ищем рукопись...» с автографом: «На память о пребывании в нашем квартете». Сколько журналистов обязаны ей своим профессиональным подходом к нашему трудному и опасному для здоровья делу! И еще я горд, что наш квартет, в отличие от крыловского, никогда не фальшивил, и это, в первую очередь, заслуга его руководителя.

«Помните, - говорю ей, - нам писали не ради славы, не ради гонорара, который всегда был символическим, а из личных симпатий». «Да, да», - говорит она и вспоминает тех, кто помогал и словом и делом, о ком напишет в своих воспоминаниях. И,

вспомнив о гоголевской шинели и вышедших из нее, спрашиваю напоследок, в чем она ходила зимой, и узнаю – в котиковой шубе.

АВТОПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ ВРЕМЕНИ

Встреча с его книгой доставила мне истинную радость. И одновременно печаль от сознания, что ее творца нет с нами. Это чувство усилилось, когда в заключительной части Триптиха – «Ave, Aria!» я встретил страницы, отведенные рассказу о нашей 43-й школе, автор, скрывавшийся под псевдонимом Июри Мо, наш школьный товарищ Юрий Мосешвили, живший на улице Куфтина, и вошедший в число самых именитых воспитанников школы – лауреатов, генералов, писателей, композиторов, художников. . .

Юрий родился в семье музыканта театра оперы и балета, его колыбель покачивали Музыка и ее старшая сестра Любовь. Игрушки в детстве ему заменили книжные фолианты, во-бравшие в себя мудрость и человеческое недоумение, под их тяжестью гнулась-не ломалась китайская лаковая этажерка. А когда он спешно проглотил эти яства на книжном пиршестве, зачистил в библиотеку, которая была рядом – в клубе работников потребкооперации. В этом же здании находился кинотеатр, и, прихватив с собой пару книг из дому, якобы для обмена, можно было, не покупая билета, посмотреть фильм «Щит Джургая», продефилировав с независимым видом мимо контролеров, которые давно раскусили хитрость мальчишек.

Воспоминания о школе изобилуют милыми подробностями, легко узнаваемыми моментальными портретами наших педагогов, к примеру исторички, которая в незапамятные времена была красавицей одалиской и увековечена фотографом восседающей на верблюде на фоне египетской экзотики.

Дорогого стоит рассказ о знаменитом духовом оркестре, в котором соединились воля директора школы иметь свой собственный зычный голос на парадах, в соответствии с воцарившейся после войны победно - маршевой атмосферой, декадентские устремления отставного капельмейстера, две дюжины ребят, которые, не жалея ослабленных военными годами легких, дули

в трубы, альты, теноры, валторны, тромбоны, геликоны, получая сомнительную компенсацию в виде мини-булочек землистого цвета и прибываемого по ленд-лизу американского яичного порошка.

Итак, Музыка и Литература – две области человеческой деятельности, в которых Юра не чувствовал себя чужаком в школьные годы и, учась на филфаке ТГУ, оставаясь глубоко компетентным на всю оставшуюся жизнь непререкаемым авторитетом в студенческой и преподавательской среде. Память услужливо подсказывает стихотворные строчки, которые не могли не нравиться: «На столе стояли незабудки, профиль ваш очерчен был зарей...»

Знакомство с Триптихом, с его заключительной частью – о любви земной и безнадежной, возвышающей каждого, кого она коснется крылом, и дает право считать себя человеком, каждая страница отмечена печатью добра и поклонения прекрасному.

К ним припадаешь с благодарностью и пьешь медленными глотками, принимая как поэтический дар нашего друга. Ибо, несмотря на вымысел и эпизоды из реальной жизни, мастерски чередуемые в этих трех философских повестях, на стилизацию под древние свитки и великие книги человечества, наследие культурной памяти, голос автора в этой богатырской симфонии звучит мощно и ясно, нисколько не фальшивя, как у профессионала-музыканта, которым был Юрий Мосешвили.

Его авторство легко узнаваемо в дивных стихотворениях, которые напевает фараону его писец. И даже единственная поэтическая цитата из соломоновой Песни Песней – «положи меня как печать на грудь свою...» - о любви царя возлюбленной Суламифи – объясняется автором как учение любви человеческой, которая рождает нас и бережет нас, и Бога в нас.

Элитарная проза Юрия Мосешвили, две другие повести Триптиха «Прекрасная придет» и «Кто соберет ветер?» уводят в глубь тысячелетий, в Древний Египет и земную жизнь Спасителя, в поисках ответа на извечные вопросы человечества, перед которыми блекнут загадки Сфинкса.

Что есть истина, почему люди распинают Христа каждый божий день, почему поднятый в совместной борьбе меч стал обоюдокарающим? Автор, как и великие его предшественники, не надеются найти ответы, но мы благодарны ему и за то, что,

рассказав об одиночестве человеческой души, о тщетности усилий изменить мир к лучшему, он говорит о пути, который и есть Смысл жизни.

Итак, мы возвращаемся к Началу пути. Николай Гумилев рассказал нам об изысканном Жирафе, который бродит на озере Чад. Юрий Мосешвили избирает иной маршрут – северо-восток Африки – родину одного из древнейших очагов цивилизации. Время правления фараона Аменхотепа IV, его красавицы супруги Нефертити, чьи скульптурные портреты хранятся в Египетском музее Каира и в Берлине. Но, вопреки общему мнению, авторство их ставится под сомнение.

Знаменитый портрет, внесший в обиход понятие египетского поворота, на самом деле вроде создан подмастерьем ваятеля Тутмеса, который, как это часто бывает, остался безвестным. Юноша, лица которого еще не касался во время бритья бронзовый серп, замыслил осуществить то, что доверено и подвластно только посвященному, прикасавшемуся к небесным чертам в полнолунии, при загашенных светильниках и удаленной челяди, когда снимается маска и чему свидетель может быть только Фараон, если пожелает.

И сотворивший чудо, а это действительно чудо, когда камень становится живой плотью буквально на глазах, а прикоснувшиеся к нему клялись, что почувствовали бег крови по алебастровым стрелкам шеи. В ваятеле «поселилась новая боль, во много раз сильнее перетруженных рук и нераспрямляющейся спины. Он не нашел этим мукам названия, но чувствовал, что не будет уже прежних радостей от шумных праздников плодородия, куда допускались и подмастерья, одевавшие ладьи в гирлянды и зажигавшие при красном закате Атена светильники, весело трещавшие в каменных чашах в ожидании главного действия, когда избраницы Ахет-Атена сбросят одежды и медленно войдут в воды, отдавая себя плодоносящему Нилу, и Нил, возделая, поднимется из берегов».

Пересказывать эти волшебные строки – занятие неблагоприятное. Лучше, забыв о лауреатских знаках и регалиях, других книгах Юрия Мосешвили – поэта, публициста, общественного деятеля самим обратиться к Триптиху этой, увы, последней его книги. Испытать магию ее слов, рождающих желание творить.

Чтобы еще раз услышать голос автора: «Я пребываю отныне

и вовсе в чужом и странном мире – без пределов и ограничений, без веры либо неверия, без надежд и без любви. Этот страшный мир бесконечен.

Как и предупреждала мать я обречен теперь вспоминать о том, что желалось, но, увы, не свершилось.

Вспомнил я и о том, как мечталось когда-то о неведомых краях, где над нашим с любимой белым ложем из лепестков осыпающегося миндаля зависали бы на мгновение мимолетные, лупоглазые от любопытства золотисто-голубые стрекозы».

Что это, как не воспоминание о Потерянном рае?

ТЯЖЕЛОВЕС В ЖУРНАЛИСТИКЕ

Он пришел в редакцию «Вечернего Тбилиси» со студенческой скамьи журфака Тбилисского университета и сразу же не то что пришелся ко двору, но стал полноправным исполнителем редакционных заданий, общим любимцем вроде олимпийского Мишки, хотя до Московской олимпиады еще далеко, как и до заключительной производственной практики в столице, в знаменитом отделе информации газеты «Известия».

Пока только шестьдесят второй. Но Давид (Дэви) Имедашвили уже печатается в газете, участвует в рейдах, цель и смысл которых мне до сих пор не понятны и ясны, добросовестно готовит и сдает свою часть разоблачительных материалов, призванных обеспечить образцовый порядок в городе.

Позже вспоминая время нашей журналистской юности, считал, что ему повезло – в редакции работали и сотрудничали Эмиль Минасян, Темо Степанов, Семен Свердлин, Леван Палавандишвили, Александр Буслаев... Легко убедиться, что недостатка в учителях он не испытывал, но что-то сблизило меня и Дэви – то ли успешное выступление в команде «Вечерки» против шахматистов газеты «Врастан», то ли совместно написанный фельетон, опубликованный в «Известиях» и затем перепечатанный рижским журналом «Шахматы», редактируемом Михаилом Талем.

Прошло много лет, но мы продолжали наши дружеские отношения, которые плавно переходили в творческие.

«Я готовился стать спортивным журналистом, – говорил он мне, и это стремление, творческую нацеленность уже тогда

было трудно скрыть, как мускус в кармане. Он пробовал силы на самом ответственном участке – в ватерпольных воротах юношеской команды тбилисского «Буревестника», пройдя основательную подготовку в плавании брассом. И вроде все было в порядке, взрослая команда даже завоевала право играть в высшей лиге чемпионата страны, но Дэви вратарем не поставили, и самолюбивый наш друг (а кто не был самолюбивым в семнадцать!) ушел из водного поло. Не удачливее была и его команда, которую, несмотря на громкие победы, а может быть, по этой причине расформировали.

Так или иначе, но Дэви скоро появился в борцовском спортзале, в помещении бывшей церкви, в знаменитом «Петрес дарбази» на Орджоникидзеvской улице, куда пришел со своим одноклассником. «Иди в раздевалку», – сказал ему Нерсес Акопов, которому он обязан своей короткой борцовской карьерой. «Но у меня нет с собой спортивной формы», – возразил он. Но этот довод не приняли, а он и сам мечтал остаться в этом зале. У него просто глаза разбегались от созвездия чемпионов: Гиви Картозия, Роман Руруа, Омар Эгадзе, Ростом Абашидзе...

Конечно, до них ему было очень далеко, как до Луны, но лиха беда начало. Новичком на ковре он недолго себя чувствовал, это не в его характере. Яркая деталь: когда Картозия, олимпийский чемпион Мельбурна, краса и совесть советской сборной, готовился к своей второй Олимпиаде 1960 года, спарринг-партнером его был Дэви.

«Меня готовили тяжеловесом», – говорил мне и вспоминал, как с Шота Ломидзе под негодующие реплики очереди брали поднос пончиков в кондитерской секции магазина Цекаvшири – румяных, посыпанных сахарной пудрой, – и ели в первом ряду кинотеатра «Руставели». Дэви надо было набрать вес в интересах команды, он все еще был полутяжем, с тонкой фигурой пловца и ватерполиста. «Ты хорошо боролся», – сказал ему весной 2001 года Гурам Сагарадзе. И добавил: «Не было у нас другого борца, с такой фигурой». Это было сказано в моем присутствии в кабинете олимпийского чемпиона Романа Руруа, у которого вместе с Сагарадзе шесть титулов чемпионов мира и набор олимпийских медалей. И как-то само собой напрашивался вопрос, кем стал бы Дэви, не пожертвуй он спортом ради учебы. «Высоко бы пошел», – коротко говорит

мне в доверительной беседе.

Уже доводилось ему бороться с Сосланом Андиевым, будущим двухкратным олимпийским чемпионом, четырехкратным чемпионом мира, привлекаться на сборы сильнейших тяжелоесов страны. Была в его активе золотая медаль лично-командного чемпионата СССР, за победу в команде Грузии «Трудовые резервы».

Вспоминал в разговоре со мной, как в процессе тренировки стало известно, что в районе динамовского стадиона с десятков парней напали на их товарища. Это была игра против правил, и к стадиону немедленно отправились Гиви Картозия и Давид Цимакуридзе, два богатыря, два олимпийских чемпиона. «И я с вами», – вскинулся было Дэви. «Оставайся в зале», – коротко сказал Картозия. Через полчаса оба вернулись в отличном расположении духа, после того, как мешки с мукой, раскидали всех десятерых нападавших, у которых, наверное, надолго отпала охота обижать борцов.

Он с детства не чурался труда. Работал машинистом башенного крана в девятом стройуправлении «Главтбилстроя», помогал строить дома в Сабуртало, поднимая многотонные панели. Не подозревал, какие тяжеленные грузы придется взваливать на свои плечи на мировом информационном рынке. Но в рабочих буднях не избегал и интеллигентных шахмат. Гроссмейстер Андрэ Лилиенталь, легенда советских и венгерских шахмат, пришел в их стройуправление. Дэви единственный среди участников сеанса добился почетной ничьей. Лилиенталь подарил ему свои фотографии, показал несколько дебютных секретов и настойчиво советовал всерьез заняться шахматами.

Это было сказано при отце Дэви – Шалве Иосифовиче, и он отчасти виноват, что журналистика перевесила остальные интересы сына. Она у него действительно в генах.

Дед Иосиф Захарьевич Имедашвили был предводителем дворянства в Кахетии. 29 сентября 1893 года он поставил первое открытое народное представление – пьесу Авксентия Цагарели «Иные нынче времена». Наверное, об этом вспомнил Дэви, когда в редакцию на одну из знаменитых вечеркинских встреч пришли участники одноименного фильма Михаил Чиаурели, Верико Анджапаридзе, Акакий Хорава, Васо Год-

зишвили, Софико Чиаурели, Арчил Гомиашвили...

Иосиф Имедашвили – писатель, журналист, общественный деятель, основатель народного театра – был редактором журнала «Театри да цховреба». Об этом вспомнила Сесилия Такашвили, когда к ней, в театр Марджанишвили, по редакционному заданию пришел Дэви. Дед выступал поборником справедливости. В 1905 году, во время восстания в Грузии, пришел к наместнику царя на Кавказе и потребовал отменить карательные акции, в противном случае пригрозил привести вооруженных кахетинцев, которые уже стояли в пригороде Тбилиси. Он же взял художником в свой журнал Ладо Гудиашвили, когда художнику отказывали в работе, после того как он расписал церковь Кашвети.

Не будем забывать, какие это были годы. Шалва Иосифович, известный к тому времени журналист, не избежал ареста в тридцать седьмом. Семья получила извещение о его казни в тюремных застенках. Иосиф Захарьевич не верит в гибель сына, едет в Москву к Сталину. «Возвращайся домой, Иосиф, – сказал ему Сталин, – твой сын встретит тебя дома».

В семье Иосифа Захарьевича вырос профессор-руставелолог Гайоз Имедашвили. Есть известный грузинский литературный критик и публицист Коба Имедашвили, писатель Михо Морчиладзе. Вот к какому славному роду принадлежал Дэви, который вместе с младшим братом Валерием, окончившим факультет журналистики МГУ, – представители третьего поколения журналистской династии Имедашвили. Есть и журналисты четвертого поколения – его дети Елена и Александр.

Дэви Имедашвили – ровесник Совинформбюро – работал в коллективе Агентства печати «Новости» – РИА «Новости», этой огромной информационной империи, имевшей свои представительства в 169 странах. Бывший стажер «Вечерки», о которой он вспоминал, как о своей журналистской колыбели, после работы заведующим отделом информации и спорта газеты «Молодежь Грузии» и службы в армии, 31 год работал в информационном поле агентства, соперничавшего в популярности с ТАСС, – вначале корреспондентом, а с восьмидесяти пятого заведовал его грузинским бюро. Был соучредителем независимого агентства «Black Sea Press».

Как выделить самое памятное, когда радость со слезами

пополам, когда события в Грузии идут на первых полосах газет и журналов, на первых телеканалах всех стран, когда твой рабочий день начинается в шесть утра и завершается за полночь, когда золото футболистов тбилисского «Динамо», незабываемые победы Ноны Гаприндашвили и других выдающихся грузинских олимпийцев расшифровываются в сотнях репортажей, очерков, бесед; когда трагические апрельские события на главном проспекте Тбилиси и в стреляющем Сухуми (он 10 раз выезжал на место событий, где пули находили и журналистов), когда надо сиюминутно откликаться на боль, от которой заходится сердце.

В канун празднования Дня независимости Грузии глава государства, отмечая «особо отличившихся в деле строительства государства», вручил Дэви Имедашвили высшую гражданскую награду – Орден Чести и вместе с традиционным поздравлением неожиданно сказал: «Я все помню».

Не время и не место было переспрашивать, что конкретно имел в виду президент Эдуард Шеварднадзе, хотя вспомнить можно было бы многое.

Радость творчества помогала забыть обидные придирки заведующих отделениями. Удивляла позиция руководства – на должность заведующего по совету местных партийных деятелей легко назначались люди со стороны, утверждаемые ЦК КП союзных республик. А его отодвигали в сторону – молод пока, твое время еще придет, жди. И он удивлялся, обижался и ждал целых 15 лет, и эта «обязаловка» оставляла раны на сердце. Какой мелочной представляется сегодня эта недостойная закулисная возня, от которой и у самых сильных опускаются руки.

Он успеваает, встречает, помогает работать в невыносимых условиях, когда, казалось, все моторесурсы на исходе, когда приезжают по 10-12 делегаций за неделю, и у каждой своя программа, свой интерес к Грузии.

Везет гостей к своим друзьям и знакомым, которых у него множество, ведь ему знаком каждый уголок родного края. Ему всюду открыты двери, как в Тбилисском аэропорту, где директор Тенгиз Купатадзе делает невозможное.

Он – участник съемки международной программы «Один день мира» – 15 мая 1987 года, в Советском Союзе, которая

до этого охватывала Австралию, Америку, Канаду, а потом – Японию. 19 фотографий вошли тогда в грузинский раздел книги, подготовленный американским фотохудожником Стефанией Мейз.

Вот это была работа, вспоминал Дэви. Разбудила она его в четыре утра. Рано, говорит ей, а она – ни в какую. «Приезжай! Немедленно начинаем съемки». С рассветом Дэви бросается во Мцхета. И застаёт за завтраком семью их героя – Стефания прямо светится от счастья. Отснялась, а за стол не садится. Времени, говорит у нас нет. Возвращаются в Тбилиси, поднимаются на фуникулер. Вдруг Стефания требует: «Остановите машину!» Вроде – ничего подходящего для кадра нет, а она уже фотографирует двух мальчишек с букетами сирени. Снимает со спины. Прекрасный снимок получился, и вошел в книгу.

А можно ли забыть совместные литературные и иллюстративные материалы с мастерами художественной фотографии Александром Сааковым, Валерием Соколовым, Серго Эдшерашвили?

Слушая устные рассказы Дэви Имедашвили, насыщенные событиями, незабываемыми встречами с выдающимися людьми и простыми тружениками, не менее славными, было нелегко удержаться от вздоха, что не нашли они отражения в его книгах, до которых никак не дошли руки. Но многое сделано. Его документальный телефильм, созданный с японской компанией «ННК», был показан по первому каналу, в самый прайм-тайм, и, как отмечалось в письме, присланном в МИД СССР, в восемь раз увеличил количество людей, пожелавших посетить Грузию. Его туристический путеводитель вызвал такую рецензию: «Именно так надо писать о Грузии». Принадлежала она Георгию Хуцишвили, который сам подавал пример в этом деле. Вспомним творческие командировки в страны Восточной Европы, ФРГ, Финляндию, Испанию, Канаду, Мексику, Японию, Китай, Южный Вьетнам от АПН и РИА «Новости», за которые надо было отписаться, его публикации.

Выхватим наугад из этого обширного калейдоскопа работ и впечатлений одну, не самую экстремальную. Обычный летний день семьдесят шестого. Звонок из отдела международных связей АПН: «Выручай!» Группа из Японии, печатающая фотоальбомы и календари, задумала выпуск «Кухни мира».

Вернулась из Молдавии, Украины, Белоруссии, России, можно сказать, с пустыми руками. Звонят в пятницу, а на воскресенье японцы имеют билеты домой. У Дэви всего один день на всю работу. Звонит Михаилу Мшвилдадзе, директору ресторана на Тбилисском море. Тот обещает: устрою царский стол.

Утром прилетает японская группа: продюсер, два фотокорреспондента, переводчик. Устроили они гостей в гостинице «Иверия». Приезжают на море. Стол накрыт, какого в жизни не видывали. Японцы говорят: «Не будем же мы снимать один стол. Давайте гостей».

Вместе с фотожурналистом Эдуардом Гигилашвили Дэви мчится в город. Находят на проспекте Руставели колоритнейшего грузина, работника бухгалтерии Министерства культуры. Предлагают ему быть тамадой. Он говорит: «Ладно, помогу вам». Едут к нему домой. Тамада облачается в малиновую чоху, цепляет огромный кинжал, забирают певца Ростома Сагинашвили, знакомых. Собрали команду из 15 человек. Сели за стол, японцы в восторге, работают. Выпили и съели все до последней крошки. Хозяин ресторана еще каждому гостю подарил по свертку грузинских вин.

Приехали в город. Время позднее, ближе к двенадцати ночи. Все еле дышат от усталости и съеденного, а японцы говорят, где еще можно чаю выпить. Кухня и буфет в гостинице уже не работают. В ресторане знакомые прислали им со своих столов и чай, и еду. Календарь получился отменный, разобрали его нарасхват. Один экземпляр удалось Дэви добыть в Москве. Привез его в подарок директору ресторана.

Вот так, в трудах праведных и творческих заботах, не всегда столь безобидных, проходила большая часть жизни Дэви Имедашвили, который забывал, что человек создан без запасных частей.

В 2002 году я предложил Дэви быть редактором моей книги об олимпийцах Грузии – «Гром победы». Он согласился, не раздумывая. Признался, почему: во-первых, читать эти материалы для него одно удовольствие, а, во-вторых, он понимал, что будет иметь дело не с обычными статьями, а с исследованиями, которые не просто возвращают нас в прошлое, но делают соучастниками великих событий, вводят в круг выдающихся спортсменов, их соперников, тренеров, которые продолжались

в своих учениках.

В книге он нашел несколько имен людей, с которыми дружил всю жизнь, про кого сам писал для газет и журналов АПН. Он готовил материалы для зарубежного читателя, и, естественно, они имели совершенно другую цель и направленность. Мы никогда не ставили во главу угла соперничество. Наоборот, удачными находками и редкими фактами в материалах обменивались всегда и охотно.

В ту мою книгу вошли две главы, которые стали предметом спора автора с редактором – о Дэви Имедашвили и Александре Саакове. Но я настоял на своем, включил их в издание, объясняя: оба так или иначе были связаны с победами героев книги, сами занимались спортом и с ними связывали надежды наставники чемпионов. Но у каждого своя дорога. В какой-то период оба сделали свой выбор, всецело посвятив себя журналистике и художественной фотографии.

В середине апреля 2006 года я позвонил Дэви, сказал, что друзья Гиви Картозия готовят книгу о великом чемпионе, его большом друге, спросил, не хотел бы он принять участие. Дэви медлил с ответом, в конце концов, отказался. Видно, испытывал проблемы со здоровьем.

Через две недели день его рождения. 1 мая мы приходили в его гостеприимный дом, встречались за праздничным столом, он обычно усаживал меня рядом с собой, и никто на это место не претендовал, его заслужила наша сорокалетняя дружба семьями и домами.

Дэви ушел из жизни 9 мая, в день великой Победы над фашизмом, ушел, как падали бойцы на войне. Не выпив чашки чаю, спеша помочь старшему товарищу по «Вечерке», до последнего мига откликаясь на чужую боль. И забывая собственную. Ушел, поставив перед нами, его друзьями, архисложную задачу – привыкать жить без него.

ВСЕ ПРОХОДИТ

Трех молодых женщин сняли мы в ресторане близ Михайловского моста, за гастрономом на площади, называемым по-военному «Боец», праздным июльским вечером, когда синий воздух удручающе влажен и, как в серной бане, горяч.

После сдвинутых столов выпитого и сказанного показалось мало, решили добавить за новое знакомство. Презрев условности комфорта, набились в такси, как сардины в коробке. Левый бок мне подпирал Паустовский шестью томами собрания сочинений, правый – жаркое бедро Тамары. В нетерпеливой очереди на нижней станции фуникулера, за Давидовской площадью, охотно смотрим на подруг, посланных случаем два часа назад. На макушке лета собирались провести отпуск на море, а пока пребывали транзитом в городе, зная о нем понаслышке, ослабленные от вина.

И уже к нашим услугам работяга вагон, где меняться местами и хлопать дверцами с детства было одно удовольствие.

Потом вагон не спеша поплыл вверх. Сразу стало тихо, светло, надвинулась прохладной стеной Святая гора, воспетая поэтами и композиторами, каждым в меру своих способностей и социального типа. Сравнивали ее со сказочным шатром, с эстрадой, откуда можно говорить с планетой, а кто-то называл самой поэтической принадлежностью Тифлиса и ресторанной горой, расточая похвалу вину, которое учит мудрости умных и неразумных лишает ума.

Я вспомнил совет ставшего антикварным сборника новейших анекдотов «Тифлисский кинто»: «Кто не видэл наш Кура, кто не видэл наш Типлис – на Давытски на гора тот скорее подымись», еще застал в Старом городе задиристых балагуров в черных архалухах и широких шароварах, с деревянным блюдом табахи на голове. Под неправдоподобно красивыми чайными розами влажная от росы белоснежная тута блестела, как слеза.

Крупные звезды водили хороводы и не думали падать. Женщины вокруг стали видными, загадочными, заставляя вспомнить всякую чертовщину из шоколадных томов последнего романтика, купленных по случаю днем на проспекте Руставели, подрагивающих сейчас на скамейке от хода вагона, - любовную аварию капитана грузового парохода, с открытым лицом и застенчивым

сердцем, он бросился в море между Керчью и Феодосией после ночной встречи-разлучницы; наполеоновского маршала, забывшего свой воинский долг в лесных ночах, наполненных густым снегом, медленно падающим на заколдованные черные деревья, живым серебром в незамерзающем ручье, коротким счастьем впервые полюбившей женщины, чье имя звучало, как музыка.

В такую ночь хотелось молчать, и я с нарастающим раздражением слушал Павла, который надолго завелся, и с пафосом интуристовского гида вспоминал Давида Гареджийского, одного из тринадцати сирийских монахов-миссионеров, присвоил его красноречие, чудодейственную силу разрушителя женского бесплодия и устроителя браков, шел в толпе пригожих богомолок, простоволосых и босых, испрашивающих себе мужа или ребенка, загадав желание, прикладывал камешки к северной стене церкви и волновался вместе с ними: прилипнет – не прилипнет, прислушивался к шороху падающих со скалы камней, что тоже было приметой близкого замужества; и, слушая его, наша новая знакомая Валя, ужас какая любопытная, как все женщины, заинтересованная, высовывалась из вагона, желая разглядеть решительно все на свете – святыни справа внизу, чудодейственную церковную стену с ее пророчествами, грибоедовский грот, богомолок, которые уже спали, и тех, кому еще предстояла ночь любви; и, наверно, опасаясь, как бы она не выпала на ходу, Павел крепко держал ее за плечи.

Глядя на эту идиллическую пару, мы не знали, что Валя первая нарушит согласие в загулявшей компании. Пока мне все нравилось и я нравился, нравились галантные тосты за милых дам, которые и в самом деле были милыми и ласковыми, нравилась частая смена бутылок на столе шашлычной в верхней аллее, где с наивысшей точки парка культуры и отдыха смотрел с тяжелого постамента вождь всех народов, вдохновляя на труд и на подвиг.

Потом вместе со всеми я стоял у каменного парапета, над пешеходной тропой среди темных островков бирючины, куда сбегали торопливые парочки, и смотрел на город, который был как на ладони, весь в потоках света, не зная лимитного снабжения; справа, почти вровень со Святой горой, каменные куличи башен Нарикалы и нагорный квартал Клдисубани, сердце Старого города, с домом моего прадеда по материнской линии.

Прадед давно находился на вечном покое в Кукия, в обществе других тифлиских дардимандов, которые в свою земную жизнь гуляли в Сололакских садах, выезжая на учебу в Петербург, Москву, Дерпт, пили воду из Терека, слушали итальянскую оперу в Казенном театре, читали газеты «Иверия» и «Кавказ», подкатывали к дому суженой в фаэтонах на мягких шинах, пели под окнами песни Саят-Нова и Иетима Гурджи, играли в баккара, кутили в «Белом духане» и шантане «Бельвю», помогали бедствующим вдовам и сиротам, отвозили зерно на водяные мельницы Эликашвили и Тамамшева, выпекали самый вкусный в мире грузинский хлеб, добывали густую, как кровь, бакинскую нефть, пополняли списки приданого незаметно созревших дочек-барышень, крещенской ночью приходили к Авлабарскому мосту, когда вода в Куре словно останавливалась, веря, что капли зачерпнутой воды, стекая, превратятся в жемчужины, под плач зурны, шелест амкарских знамен уходили из этого бренного мира, не взяв с собой ничего, кроме разбитого сердца.

Старик Лазарь был из древнего тифлиского рода Басилашвили, насчитывающего в городе семьсот лет, родословную вел от одного из семи братьев-дворян, чье генеалогическое древо, исстари хранимое в банковском сейфе его сына, купца второй гильдии, затянуло вместе с вкладами в огромную черную дыру, но не все пропало – следы их рода я обнаружил в алфавитном списке старинных фамилий горожан в книге, выпущенной к 200-летию Георгиевского трактата, в числе прочих сувениров розданной гостям очередного партсъезда, и обрадовался – с учетом естественного прироста населения за семь веков, половина коренных тбилисцев приходится мне родней, сами того не подозревая.

Я часто думал о тех, кто проверяет свои силы в Гималаях, идет в горы, потому что горы стоят; многие из них, не понимая мудрости сирдаров шерпов, что горы нельзя победить, этих небесных колоссов с безжалостными характерами – Джомолунгма, Чогори, Канченджанга, Макалу, Лхоцзе, уподобляются слепым щенкам, и беда ходит за ними, а я, живя в двух шагах от дома прадеда, где ребенком был однажды, не нуждаясь в непальской визе и многолетней очереди за право штурмовать вершину, без риска умереть наверху от кислородного голода, соскользнуть в трещину с ледяного карниза, замерзнуть на холодной ночевке

и в снежной буре, быть раздавленным многотонным прессом лавинного льда и камней, не мог себя заставить подняться по тихой горной улочке, пройти сотню метров и убедиться, что стоит он невредимый на прежнем месте, выйти на широченный тифлисский балкон, ажурным козырьком нависший над обрывом, над Сурб-Геворгской церковью с могилами Саят-Нова и Лорис-Меликова в церковном дворе, приложить ладони к нагретым солнцем доскам и узнать, что душа очага жива. Я видел свою праздность, презирал себя за леность и любил всех родственников и тех, кого не знал и не узнаю никогда, и всех тбилисцев, и желал им счастья, и молил Бога, чтоб ни одна пушинка не упала на их головы.

Это ощущение легкой радости не покидало в доме Володи, старинном особняке мавританского стиля, с ним происходили какие-то странности – он дважды обрушивался уже на начальной стадии строительства, хотя строил искусный зодчий и инженер Казарос Саркисян, впоследствии профессор кафедры архитектуры Академии художеств; говорили, что это знамение большой крови недобрых дел, так оно и вышло в подвалах особняка, и связывали их с ведомством, о котором старались не говорить или говорить хорошо; а в сотне шагов был не менее зловещий дом, от него через три улицы вел подземный тоннель, где находили человеческие кости.

Володя, приведя нас, веселых и хмельных, в свой дом, благо, семья выехала на дачу, был по обыкновению деликатен и мил, никак не обольщался своими способностями, всегда отмечал удачи других, сам больше тяготел к контрольной работе, записывая выявленные нарушения красивым, крупным почерком. Будучи офицером-фронтовиком, он освобождал Бухарест, Прагу, Вену, Будапешт, но знание европейских столиц удивительно замыкалось на привокзальных ресторанах, винных погребах, где они пили знаменитые вина фужерами, стаканами, фляжками, кружками, касками, пилотками, пригоршнями, осушая бутылки, вышибая дно бочек, пили и не могли утолить великую жажду. Говорил об этом Володя мечтательно и красиво, как о любивших его женщинах. Сейчас на него благосклонно поглядывала Елена Ниловна, которая на пять-шесть лет старше подруг и наверняка преподавала что-то серьезное – физику или астрономию.

И все шло прекрасно, когда прозвучал тревожный звонок.

В Володином доме девушки первым делом заинтересовались планировкой его квартиры, местонахождением ванной, которая в уважающих себя старых особняках была где-то на отшибе, а не вплоты к столовым сервизам и книжным полкам, вернулись свежие и симпатичные, готовые дружить дальше; и тут выяснилось, что с подругами недобор, остался без дамы сердца Сергей, из числа самых бойких перьев редакции; он любил и других увлекал обходить подряд питейные заведения в центре, принимая помалу, но малое фатально переходило в категорию больших доз, у Володи успел рассказать рискованный анекдот, способный павиана вогнать в краску, заподозрил тайный сговор, оскорбился до глубины души и нелестно проехался о чести некоторых присутствующих; это была игра не по правилам, и ему пришлось уйти домой, к жене и детям, но слово воробей, вылетит – не поймаешь, и что-то нарушилось, сломалась какая-то нужная пружинка в их отношениях, и первыми это почувствовали женщины.

Сидя с Тамарой на жалкой кровати без матраса, увезенного дачниками, кляня тугие пружины, хватающие за мягкие места, я прислушивался к возне на каменном уличном балконе, где уединились Павел с Валею, к их резким, злым репликам, потом почувствовал прикосновение к затылку легких Тамариных рук, услышал шепот: «какие волосы густые», благодарно вернул комплимент: «у тебя тоже» и удивился обнаженной откровенности правды: «у меня коса фальшивая».

Я подумал, что с Сергеем вышло нехорошо, не стоило куражиться, и вспомнил, как сам в половине девятого утра ломился в гостиничный номер художественного руководителя московского театра, знаменитого режиссера и сына знаменитого режиссера, заспанно говорившего, что спать легли поздно, в четвертом часу ночи, и как у нас гостей беспощадно накачивают коньяком, прямо убийство какое-то; потом приглашение на прогон крутой толстовской драмы в Руставелевском театре: затемненная сцена, звуки рыдающей шарманки, ущербный месяц на небе, патриархальный старик-резонер на печи, свидетель ужасного преступления, в котором узнаю великого артиста, а на второй день столпотворение у подъезда редакции, куда на традиционную встречу пришли москвичи; знакомый режиссер

пробился ко мне в толпе, поблагодарил за опубликованную беседу.

Щедрые фрукты на столах. Именитая артистка утонула в глубоком кресле... классные ноги, заставляющие забыть о талланте, а иногда его заменяющие, ее мечта вслух сыграть Анну Каренину, снисходительная улыбка главного режиссера на каприз красивой женщины.

Подозрительная возня на балконе продолжалась.

«Очень хочется спать, мы так измучились в дороге», - сказала Тамара умоляющим голосом, мягко отводя нескромные руки, и я верил и ничего не имел против сна. Она давно сняла блузку, и ее полные плечи и грудь светились в темноте. Никто никому ничего не должен, и плата за ночлег казалась непомерно высокой, да и полагалась не мне.

Чуть свет залетные пташки упорхнули к поезду регистрировать билеты. «Транзит так транзит. Сик транзит gloria mundi», - думал я, вспоминая подробности суматошной ночи. Все проходит, оставаясь занозой в неизменяющей памяти. Огорченный Володя признался, что у него ничего не вышло. Елена Ниловна, оказывается, замужем и уступить обещала, только после сдачи крепостей подругами, иначе они ославят ее дома. Что ж, в этом была своя логика. Эх Валя, Валя, неласковая гордячка с потрясающей фигурой, как сообщил нам Павел, прошував ее ночью на балконе под легким штапельным платьем с безошибочностью опытного хирурга.

Я продолжал вкалывать в газете, марал бумагу, участвовал в рейдах по качеству товаров, которые лучше от этого не делались, теща пресловутым валом сердца горкомовских вельмож; кроша зубы, грыз гранит науки, посещая лекции и влюбляясь в однокурсниц, которые по традиции были самые красивые в университете.

Как-то осенью в саду, в перерыве между занятиями, прислушиваясь к очередной серии анекдотов верийского острослова и журналиста Ниаза Диасамидзе, который сошел с задней площадки троллейбуса и за этот страшный проступок был доставлен в отделение милиции сержантом по фамилии Павлов («я ему сказал, что Павлов гений, а он дурак»), читал я полученное письмо. «Алеша, здравствуй, с приветом к тебе Тамара...»

Она писала, как долго дулась на нее в поезде Валя, которая,

видишь ли, хотела провести время со мной и потому была так резка с Павлом. «Я удивилась – она сказала так поздно...», – читаю, сам удивляясь. «А потом к нам перешли два парня из соседнего купе, и Валя успокоилась, – чемпион Европы по классической борьбе Абашидзе и его тренер Дадашев... мы удивились: известные люди и такие доступные... сошли все вместе в Вардане...»

Напоследок Тамара с доверительной интимностью спрашивала, как я собираюсь провести лето будущего года. «Обыкновенная курортная история, – подумал я, – чистое надувательство, соревнование кто кого надует».

Меня не удивила чужая доступность, основанная на обмане. Абашидзе чемпион мира, к тому же двукратный, тренером у него Петр Иорданишвили, настоящий профессор борьбы. Оба выехали на традиционный международный турнир в Венгрию, на озеро Балатон, и в то время никак не могли отдыхать в Вардане. Что касается дорожного трепана, то велосипеда парни те не изобрели. Сосед наш Сандрик, отдыхая на море, представлялся незагорелым белокурым курортницам олимпийским чемпионом по боксу Владимиром Енгибаряном. И, представьте себе, ему верили. Со всеми вытекающими последствиями.

Так рассуждал я про себя, не слыша звонок на лекцию, не замечая, как обезлюдели аллеи. Как хорошо нырнуть сейчас в море, погрузиться с головой в зеленую толщу воды, где выделяется на дне каждый камешек, освещаемый солнечными зайчиками, зная, что на берегу тебя ждут. Это все-таки здорово, когда тебя ждут.

СМЫСЛ ВСЕЙ ЕГО ЖИЗНИ

«Песня – составная часть моей жизни, однако это дело не стало моей профессией и претензий на то не имею», – говорит почетный президент Национального Олимпийского Комитета Грузии Джано Багратиони, а я вспоминаю события восьмилетней давности. Грузия чествует свою великую дочь – пятикратную чемпионку мира по шахматам Нону Гаприндашвили. В Тбилисском оперном театре звучат поздравления и приветствия. Самым оригинальным и впечатляющим было выступление

Джано Багратиони: приняв микрофон от ведущей юбилейного вечера Нино Шубладзе, он из «семейной» ложи приветствовал чемпионку песней, которая давно стала визитной карточкой славного рода Багратиони-Давитишвили.

«Я пел и вспоминал отца, который выступал вот в этом великолепном театре», – говорит мне Джано Багратиони-младший.

Так последуем за его рассказом о событиях, от которых нас разделяют десятки лет.

«Было это в 1938-м в Тбилиси. На сцене оперного участники всегрузинского конкурса грузинских танцев. И мой отец среди них. Но прежде чем рассказать об этом творческом состязании, нелишне будет вспомнить, как отец, обладатель редкого по красоте тенора, оказался среди танцоров. Он учился в Тбилисской консерватории, как и мама Кетеван Мгалоблишвили, студентка по классу вокала. Кстати, она пела тогда вместе с Надеждой Харадзе и Мери Накашидзе, и танцевала с отцом в ансамбле. А потом я появился на свет, и она оставила сцену и артистическую карьеру, всецело посвятив себя воспитанию двух сыновей – меня и Георгия, который на восемь лет младше. События, с которых я начал свой рассказ, относятся к далекой поре, когда мне было всего несколько месяцев. Итак, почему мой родитель отказался от карьеры оперного певца, о которой мечтал с консерваторских занятий. Он еще больше укрепился в своем решении, услышав лестный отзыв о себе композитора Дмитрия Аракишвили после исполнения песни «Урмули». Но на третьем курсе у отца пропал голос. Он все же поступил на работу в оперный театр, но уже в другом качестве – в труппу грузинских танцев, которой руководил Давид Джавришвили.

Это было уже после концерта. А происходили на нем удивительные события. Отцу для исполнения обязательного танца «Картули» требовалась партнерша. Обратился к киноактрисе Александре Тоидзе, которая по неизвестной причине отказалась составить ему пару. Оставалась еще одна кандидатура – Тамара Цицишвили. Очень популярная в то время, она только что исполнила героическую роль крестьянской девушки, возглавившей народное восстание, в фильме «Дарико» (1937) кинорежиссера Сико Долидзе.

Пришел отец к красавице и говорит: «Выручай, Тамара» – «Но я не умею танцевать!» – «Предоставь это мне», – говорит

Джано-старший. За две недели танец был готов. Задумал он вот что: вопреки традиции, партнерша выходит на сцену, пересекает ее и останавливается, стоя спиной к правительственной ложе. А потом выходит он. Зал встретил артистов аплодисментами. Оба молодые, красивые, представители княжеских родов. Шум в зале стоял такой, что поднялся со своего кресла Лаврентий Берия. Недовольно посмотрел в зал, блеснув зло стеклами пенсне. Но аплодисменты не смолкали.

По итогам конкурса отца назвали в числе победителей и включили в состав делегации, выезжавшей на международный фольклорный фестиваль в Англию. Это была большая победа, и остаток вечера отец с друзьями провели в ресторане гостиницы «Ориант». Наутро, приехав в аэропорт, он не обнаружил свою фамилию среди 16-ти артистов, проходящих регистрацию рейса на Одессу. Позже он узнал, что уже в Одессе отказали в поездке на фестиваль Шуре Тоидзе, сняв с парохода. И тоже не объясняя причины.

Не будем забывать, что на дворе – 1938 год. Над семьей Багратиони продолжали сгущаться тучи, от больших неприятностей отца спас родственник-генерал. Но пресс продолжался еще долго. И после того, как в послевоенные годы отец создал первый в Грузии джаз-оркестр и был его художественным руководителем, который, несмотря на большую популярность, так и не выпустили за ее пределы. Семья всю жизнь ждала получения квартиры. В конце концов, нас осчастливили ею в Сабуртало, в конце улицы Павлова. За нашим домом уже начиналось поле, и потому отец шутил, что фактически живем в Хашури.

Кстати, в джаз-оркестре отца пела и его сестра, певица Манана Багратиони, мать Бубы Кикабидзе, прекрасная исполнительница грузинских романсов.

Почему я об этом вспомнил? Чтобы сказать, какие мы, Багратиони, способные в пении. Про своих родителей сказал. Бабушка, мать моего отца, Ольга Амирэджиби, очень хорошо пела. Дядя, Гогина Багратиони был исполнителем грузинских танцев. И моя племянница, дочь Георгия, Лиза Багратиони стала известной эстрадной певицей... Вот в какой творческой атмосфере я рос и воспитывался, и если бы даже был глухим, то все же что-то должен был вынести от постоянного общения с этими удивительными людьми. И я вынес. Но это произошло не

раньше, чем я, окончив тбилисскую мужскую первую гимназию, стал студентом ГПИ.

Здесь самое время предоставить передышку моему собеседнику и объяснить, почему Джано-младший в 1956 году поступил в Политехнический, на факультет легкой промышленности, будучи уверенным, что со специальностью инженера-технолога принесет наибольшую пользу. Как оказалось впоследствии, сам того не ведая, он принял судьбоносное решение. Он учился на первом курсе, постигал науку, одновременно был обладателем приятного баритона. И все же удивился, когда ему предложили испытать силы на студенческой олимпиаде. Гурам Бзванели написал к олимпиаде песню «Страх», и Джано с Цисаной Хугашвили бесстрашно ее исполнили. Получилось вроде неплохо, потому что скоро его пригласили солистом в эстрадный оркестр ГПИ, очень популярный в 50-е годы, которым руководил Иосиф Тугуши. Последовали концерты в Тбилиси и Кутаиси, Москве и Ленинграде, Киеве и Ереване, Алма-Ате и Баку, Целинограде... Они стали лауреатами VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года в Москве.

Джано сказал их руководителю и первому трубачу Иосифу Тугуши, что исполнит песню отца – его любимую «Квавилебис квекана» (Страна цветов). Автор неизвестен, а услышал ее отец в Кутаиси, в исполнении Гоги Васадзе, сына знаменитого грузинского артиста Акакия Васадзе. Гоги пел, сопровождая пение игрой на гитаре. Отцу очень понравилась песня. После оркестровки Михаила Чиринашвили он ее прекрасно исполнял. Джано-младший, десятилетний, часто сопровождал отца в гастрольных поездках. С этой песней связана любопытная история. Был у них в джазе солист Темо Хелашвили. Великолепная внешность, стройная фигура, бархатный баритон – очень тепло его принимали на сцене. Снялся в кинофильме «Счастливая встреча» с Додо Чичинадзе. На концерте в Кутаиси Темо девять раз заставили спеть на бис песню о букете цветов, собранных в горах. Джано-старший обнял его, поздравил и сказал, что споет свою «Квавилебис квекана» десять раз. И спел по вызовам зала 11 раз!

Но не одними песнями был популярен отцовский джаз-оркестр. Особый успех имели танцы, которые он, народный артист, ставил, следуя народной традиции, не изменяя их

национального характера. Особо отличались «Свадебный танец», танец с мечами «Парикаоба» и румба. А еще солисты – победительница конкурсов Нона Гуния и Вахтанг Гунашвили, впоследствии известный артист балета.

В оркестре ГПИ Джано пел лет десять. Именно на этих концертах познакомился со своей будущей женой Мананой Мгалоблишвили, студенткой биологического факультета ТГУ. Когда отмечали 50-летие оркестра, собрали всех солистов, пели все их песни, многие из них и сегодня на слуху.

Сейчас самое время рассказать еще об одной ипостаси Джано-младшего – о спорте, ставшем для него смыслом всей жизни.

Со спортом он познакомился рано, с пятого класса. Начал заниматься в секции баскетбола Республиканского Дворца пионеров и школьников у мастера спорта Тамары Гегелашвили. Казалось, баскетбол – это надолго. Продолжил тренировки у лучшего специалиста и замечательного человека Михаила Кекелидзе, который сыграл главную роль в становлении Джансуга-спортсмена и спортивного руководителя высшего ранга, будучи тренером юношеской сборной Грузии, и позже, когда занимал должность заведующего кафедрой спорта и физвоспитания ГПИ. После ухода из жизни Кекелидзе по конкурсу на замещение вакансии в 1973 году прошел Джано Багратиони и проработал доцентом на кафедре 11 лет. Отныне его спортивная деятельность выходит на другую орбиту – он заочно закончил Грузинский институт физкультуры, многие годы был председателем Тбилисского спорткомитета, зампреда Спорткомитета Грузии, замминистра спорта и туризма, заместителем начальника Департамента спорта, парламентарием.

Сам особенно охотно вспоминает счастливую пору молодости, первое поколение грузинских гандболистов. Кое-кто считал их несостоявшимися баскетболистами, но как они ошибались, эти лжепророки! Его самого это никогда не задевало. Талантом они не были обделены, кто-то не вышел ростом, для других места не нашлось в «основе». А они молоды и верят, что победы к ним придут. К слову сказать, их бомбардир Джемал Церцвадзе перешел из тбилисского «Динамо» и скоро и в гандболе не имел себе равных в «Буревестнике» и Советском Союзе. Уже в 1957 году сформировалась у них первая команда, фактически сборная Грузии. И тренер у них был свой, из баскетбола – Георгий

Шарашидзе, которого с детских лет близкие и друзья ласково называли Крошкой. Джано с ним очень дружил, несмотря на разницу в возрасте в десять лет.

Георгий Германович привел их тбилисский «Буревестник» к победе в первом чемпионате СССР в 1962 году. Джано после встречи с каунасцами, решившей судьбу золотых медалей, сидел на трибуне и плакал. От радости и огорчения. В период предсезонной подготовки он повредил мениск, перенес операцию и надолго выбыл из борьбы. Через год их команда завоевала бронзовые медали, а в 1964 году они, пионеры отечественного гандбола, во второй раз выиграли золото. В его блеске немало труда Багратиони. Специалисты отметили приятные перемены в игре мастера спорта. Хотя он был ярко выраженным защитником, все чаще «расстреливал» ворота, отличался как бомбардир. Три года они ходили в серебряных призерах, но в 1967-м, когда у них необъективным судейством в матче с командой из Кунцева отняли чемпионское звание, он и Лери Картозия, крайне расстроенные, сняли майки после игры и закончили выступление в большом спорте. Джано ушел на тренерскую работу. Еще играя за свой клуб, готовил команду девушек, а потом и «Буревестник».

Здесь его ждала наибольшая радость: Александр Анпилов, кого он выделил еще в юношеской команде и готовил к соревнованиям, стал в 1976 году в Монреале олимпийским чемпионом, а через четыре года и чемпионом мира. Первые поздравления со званием заслуженного тренера СССР Джано получил от обладателя этого же звания Георгия Шарашидзе, тренера и друга.

В 1996 году Багратиони избрали президентом Национального Олимпийского Комитета Грузии. Первый президент НОК Нона Гаприндашвили выдвинула кандидатуру Джано на этот пост и призвала поддержать его, два года занимавшего пост первого вице-президента комитета. В 2001 году Джано Багратиони избрали на второй срок руководителем грузинского олимпизма.

О заслугах в спорте Джано Багратиони, ученом, авторе 30 научно-исследовательских трудов и соавторе двух монографий, почетном гражданине Тбилиси, удостоенном высших орденов, его вкладе в олимпийское движение можно говорить много и все же не исчерпать темы. Прибегну к красноречивой цитате. Она принадлежит президенту Международного Олимпийского Комитета Хуану Антонио Самаранчу. Он высказался по очень

волнующему событию – награждению Багратиони в 1998 году Олимпийским орденом. «Господин Джано, – сказал маркиз де Самаранч, – вы были успешным спортсменом, заместителем министра спорта, одним из основоположников НОК Грузии. Теперь его президент. Я благодарю за то, что вы сделали за это время. Благодарю Олимпийским орденом МОК. Этот орден принадлежит всем, кто вместе с вами на славу работал. Рад, что этим орденом вы входите в историю спорта».

Вспомним, что до Багратиони этой высокой награды была удостоена Нона Гаприндашвили. «Очень порадовала меня эта награда – высший орден МОК. Среди его лауреатов – спортсмены, премьер-министры, общественные деятели. Попасть в этот круг для меня высшая честь», – говорит мне сегодня.

Это признание спортсмена и замечательного спортивного руководителя, одного из основателей Дома Багратиони (руководитель – Нинука Багратиони, Джано – заместитель), рода, насчитывающего десятивековую историю царствования в Грузии и объединяющего сегодня около ста представителей; человека, который с молодости был обречен на лидерство, на огромную популярность, любовь и уважение. Он и сегодня, не побежденный болезнью, остается народным любимцем, все так же доброжелателен и приветлив.

Вспоминается одна из наших встреч по редакционным делам. Субботний день, но он по-прежнему в своем кабинете, работает. Вспоминает в беседе один эпизод за другим. Отвлекается на очередной телефонный звонок. Немедленно связывается с кем-то, с невидимым для меня человеком, просит записать на прием такого-то и помочь, непременно помочь. «Трудно не помочь нуждающемуся в твоей помощи», – говорит мне, положив трубку.

Я слушаю его, и думаю, как красив и значителен этот Человек Спорта, который на равных встречается с президентами и королями. Каким запечатлен на фотографии с королем Испании Хуаном Карлосом. «Это в Барселоне, на олимпийском теннисном турнире, – объясняет, перехватив мой взгляд, происхождение фотографии с королевским гербом и монаршим автографом. «На кортах и познакомилась. Оказалось, король особенно хорошо знает историю Багратиони, связанную с Испанией. Хуан Карлос вспомнил известного в Испании автогонщика Хорхе Багратиони и других грузинских спортсменов. Мы сфотогра-

фировались на память. По возвращении в Тбилиси я получил фотографию – этот поистине королевский подарок». «Вы, наверное, единственный человек в мире, снявшийся в шортах с королем», – говорю я, изумленный. Он только улыбается – сам король в своих владениях, в своем доме, в своей крепости.

ТЕНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА

Часы принадлежали отцу – золотые, массивные, хотя и не такие большие, какими казались в детстве. Настоящая семейная реликвия, с которой родители не расставались ни в военные годы, ни позже. Мне нравилось их разглядывать и, отколупнув крышку, читать на горящей холодным жаром поверхности затейливую вязь факсимиле мастера: Павел Буре, поставщик Его Императорского Величества.

Что-то родное, навсегда утерянное, связывалось с этим старинным хронометром, как с фотографиями семейного альбома, на которых отец с приятелями на мосту через речку и возле дворца, в легкой коляске великого князя Александра Михайловича. На фотографиях отец молод. Монументальный кучер без особого труда сдерживает для фотографа пару горячих лошадей, и даже развязно облокотившийся на заднее колесо местный мальчишка, которого настойчиво гнали из кадра, нисколько его не портил.

«Хей гиди Абастуман» вспомнилось ностальгическое выражение старшего поколения, когда после смерти отца понесли деньги.

Не без колебания я решил расстаться с отцовскими часами, на которые в семье сохранялось табу; вместе с невестой друга пришел в пункт скупки на Пушкинской улице – узнать хотя бы их приблизительную стоимость, не рискуя оказаться обманутым. Обман исключался присутствием моей спутницы, заместителя директора ювелирторга, и, главное, порядочностью немолодого мастера, которая прямо-таки была написана у него на лице.

Услышанное обескуражило: цена на презренный металл, за который гибнут люди, в то лето установилась низкая – я мог выручить сумму не более месячной зарплаты служащего, но выбора не было. По совету мастера Арпака эти часы следовало

продать не по весу, а кому-то из врачей, кто использует их в качестве хронометра. Говоря так, он вскрыл механизм, не спеша вычистил щеточкой, а от предложенного гонорара отказался.

Я знал, что делать. Среди спутников редакции, из того окружения, каким со временем они неизбежно обрастают, как дно корабля ракушником, был знакомый виолончелист с Земмеля Гамлет, который до пяти раз на дню мог повстречаться вам на проспекте Руставели, где обычно пробегал с громоздким инструментом, задевая за ноги прохожих, а по вечерам подрабатывал на панихидах, пока магнитофонная монополия похоронного треста не перекрыла источник дохода.

Отец Гамлета, часовщик, в одно время был обижаем райисполкомом, который очень хотел отсудить помещение мастерской в пользу соседнего магазина, нисколько не церемонясь и не скрывая личной заинтересованности. Написав в редакцию, Гамлет, во многом с моей помощью, благополучно отбил от незаконных притязаний на его недвижимость.

Он взялся свести меня со своим отцом, к слову сказать, хорошо знакомым с маркой Павел Буре.

Я был представлен как друг семьи. Часовщик вертел часы так и этак, а потом отложил в сторону, обещав завтра сменить завод механизма, о чем его не просили. За эту операцию пришлось выложить три рубля; еще три, последние, у меня выманили за чистку часового механизма, который якобы давно не чистили. Говоря так, хозяин дома не сомневался в моем полном неведении, забыв, что постыдная прибыль хуже убытка, и расходясь в этом мнении с Публием Сиром. Мне дела нет до древнеримского поэта, жившего две тысячи лет назад; было стыдно, хотелось поскорее уйти.

Часы пришлось сдать в скупку по весу, как лом, так что с самого начала не имело смысла их чинить и чистить.

Я потом ушел из газеты, надолго сменил место и характер работы.

Как-то в книжном магазине, напротив оперного театра, покупаю справочник металлиста для сына и слышу: меня зовут. Гамлет собственной персоной. Лет десять не виделись. Жизнь его порядком потрепала: глядя на него, не скажешь, что он писал рецензию на концерт Исаака Стерна.

Не сразу понимаю, что от меня требуется. Оказалось, всего-

навсего три рубля. На этот раз для покупки нового дверного замка в доме, где меня когда-то так беспардонно облапошили. Не поверив в басню про воров и взломанную дверь, все же даю деньги. Они, скорее всего, нужны на другое. Виват, пьяницы!

Я шел домой и думал, что дети в самом деле сильны своими родителями, и это справедливо не только в части достатка семьи, но и всего уклада жизни, того нравственного стержня, что от рождения заложен в человеке.

Я чувствовал себя богатым и отомщенным.

СЕГО-КЮ

Александровский сад – большая пятнистая кошка на солнце – голова на Головинском проспекте, хвост упирается в парадный подъезд гостиницы «Лондон». В гостинице поселился Кнут Гамсун. Знаменитый писатель – певец природы и любви – утром пьет свой кофе и гуляет в саду, обдумывает новую книгу, где могучий зов тела, трепет и опьянение страсти – все то, что роднит норвежца с господином Мопассаном.

И сам он запоминается: красивое, худое, длинное лицо, высокий лоб, светлые волосы, пенсне, надменный взгляд лейтенанта Глана. Его можно принять за доктора с Вельяминовской. Почему-то тифлисские врачи снимают квартиры на этой улице. По субботам они обедают у Тиграна Исааковича Георг-Бекияна, в доме номер восемь. Доктор получил образование в Германии и считается лучшим по глазным болезням. Однажды сказал в шутку друзьям: «У человека два глаза. Достаточно знать все о глазе, и вы знаменитость».

Тигран Исаакович милейший человек и выручил Степана на первых порах, когда он вернулся с Дальнего Востока с пустым кошельком. Жена Степана, Зарвард, помогает холостому доктору вести хозяйство. В уютной квартире бельэтажа угощаются обедом после партии-другой в нарды светила медицины послевоенного Тифлиса.

Степан – фотограф-моментальщик в Александровском саду, облюбовал себе место возле ротонды, где удобно любезничать с какой-нибудь гимназисткой. Их в саду по вечерам пруд пруди;

гуляют парами, опустив голову, словно потеряли что-то дорогое, а в глазах чертики играют, как на занятиях в частной школе европейских танцев Вани Этаряна. Как в стихке, который сочинил один шалопай, пожелавший остаться неизвестным: «В Александровском саду музыка игралася, разным сортом девушка туда-сюда шлялася».

Но зачем так грубо? Гуляют и весьма уважаемые горожане. «Мое почтение, мадам Катенька Меписова!» Хороша чертовка – Степан восхищенным взглядом провожает удаляющуюся женщину. Она идет вдоль бассейна, где, как амы, японские ныряльщицы за жемчугом, кувыркаются на воде папиросные коробки табачной фабрики «Бозарджианць и К⁰», компаньоном его был мой отец.

В саду по вечерам играет духовой оркестр, чаще других – вальс «Мокшанский полк на сопках Манчжурии», больше известный в укороченном названии. Написал его полковой капельмейстер Илья Шатров, удостоенный в русско-японскую войну 1904-1905 гг. офицерского ордена Святого Станислава с мечами. Скорее всего, за этот вальс, и, право, он того стоит. «Ночь подошла, сумрак на землю лег, тонут во мгле пустынные сопки, тучей закрыт восток». Гремит оркестр, кружатся пары, катятся волны вальса, поющего о боли и грусти, невозможности счастья.

Степану близка и понятна эта боль, сам он из тех мест. Работает в саду несколько дней, а уже отбил часть клиентуры у рослого ассирийца с казацкими усами Мишеля, которому это очень не по нраву. С Мишелем ссориться – себе дороже. У ассирийца большой маузер, из которого бьет без промаха в подброшенную монету. При знакомстве представляется как первый заместитель армянского генерала Дро Канаяна. Будучи не в духе после похмелья, грозитя всех выдать за государственную измену. Но конкурировать в фотоделе ему слабо. Смог бы он, к примеру, изготовить фотоаппарат в форме винного бочонка? А Степану собрать несколько образцов пара пустяков. Экзотику охотно покупают. Привлекает необычная форма деревянного аппарата, а больше сам мастер – щегольски одетый красавец с диковинным именем Се-го-кю. Так подписывает свои снимки. А все объясняется просто – Степан Григорьевич Кюркчян. В самой фамилии ключ к разгадке рода деятельности. Куртки шили

дед и отец Степана. Родом они из Эривани, а может быть, из Западной Армении. Сам он пошел по другой части, обстоятельства заставили. И связано это с историей, одинаково романтической и опасной. Было ему восемнадцать лет, и он влюбился в девушку, по которой сох и другой охотник ее сердца.

Дело нешуточное – запахло убийством, и Степан, от греха подальше, уехал на Дальний Восток, в добровольную ссылку. Пережил немало опасных приключений в краю старателей, контрабандистов, бродяг и беглых каторжан. В Хабаровске познакомился с земляком, специалистом мясного производства. Компаньоны завезли свиней, наладили выпуск мяса и скоро стали основными поставщиками свинины на Сахалине для российского гарнизона. Дела шли как нельзя лучше, свою кормилицу – племенную свиноматку – окружили отеческой заботой, спать укладывали на кровать, на шелка и тюль, а когда ее не стало, поставили памятник. Шальные деньги текли в руки, но не удержались. После Сахалина Степан три года жил на Японских островах, оставил большую часть нажитого капитала в веселых домах японской столицы.

О тех годах вспоминал неохотно, улыбаясь чему-то одному ему известному. После практики в Александровском саду стал фотографом Руставелевского и оперного театров, владельцем фотографии-фантазии на углу Чавчавадзевской улицы. Во дворе дома бассейн. Сын нефтепромышленника Александра Ивановича Манташева, Леон, искупал в нем в шампанском хоровод барышень. Степан тогда получил бумагу от полицмейстера – два-три дня не выходить на работу, в случае неповиновения – арест. Жильцам соседних домов предписывалось закрыть окна газетами. Самые предприимчивые все же пробуравили дырки в газетах и могли видеть красавиц в чем мать родила.

Желанный гость студии – режиссер Руставелевского театра Сандро Ахметели. Очень любил фотографироваться и Тициан Табидзе, приходил не один, радовался, если дочь Нита была рядом. Вдова поэта, Нина Александровна, вспоминала: некоторые фотографии от Се-го-кю сохранились, но большая часть пропала во время обыска, почему-то забрали первым делом портреты и фотографии.

Так прожил среди людей и для людей мастер, чьи снимки еще сохранились в домах тбилисских старожил. Жил по совести, как нам завещали наши благородные и мудрые предки. Чувство разочарования посетило его в самый неподходящий момент, на

пике популярности. Человек, с которым он многие годы общался и часто помогал деньгами, возомнил о себе бог знает что и однажды высказался предельно откровенно: «У меня дома бывают большие начальники, наркомы. Что они скажут, увидев фотографию, на которой я с тобой». Услышав эти речи, Степан разделил карточку на две равные части, передал бывшему другу его половинку и навсегда ушел из дома, где на словах проповедовали кодекс чести истинного карачохели и предали его главный постулат.

Эту историю мне рассказал сын Степана Григорьевича, Эдуард Кюркчян, который держал фотоателье в Тбилисском окружном Доме офицеров. Хозяин квартиры военного городка на Черноморской улице только выписался из больницы после долгой отлучки и, придя домой, остановился, изумленный, на пороге. Все вокруг было заставлено ящиками с его вещами, готовыми к выносу и продаже – близкий родственник торопил самое худшее и времени, видно, не терял.

«Подвел я его, - сказал мне Эдуард, - не умер. Бог ему судья, а я простил».

МУЧЕНИК С ВОЗНЕСЕНСКОЙ УЛИЦЫ

Двухместный «Альбатрос», безнаказанный, уходил на запад. Беспорядочный ружейный огонь с земли вреда ему нанести не мог, когда прямо по курсу выскочил наперерез быстроходный «Моран» и, используя преимущество в скорости, ударил мотором в альбатросову плоскость. Через мгновение оба летательных аппарата начали стремительно падать: тяжелый австриец и атаковавший его российский самолет. Наблюдавшие за драмой в воздухе, едва выйдя из шока, устремились к месту катастрофы. Там, западнее Жолкева, в поле, среди обломков самолета, лежал навзничь в траве штабс-капитан Петр Нестеров. Он первый увидел в зачастившем к ним разведчике реальность провала операции 3-й армии, гибели десятков тысяч солдат, и ценой собственной жизни прервал разведывательный полет австрийского лейтенанта барона Фридриха Розенталя, сына владельца местного имения.

Был полдень 26 августа 1914 года. Год и один день разделяли два события в жизни Петра Нестерова – день его триумфа и

день геройской гибели. Первая в мире «мертвая петля» и первый в мире воздушный таран. Два подвига на пределе сил и возможностей человека, взявшегося доказать, что в воздухе везде опора. Воздух предал его, бросил с размаха вниз, с перебитым позвоночником, бездыханного.

Оглушенные горем, обнажив головы, стояли над мертвым командиром офицеры и младшие чины. Сжал в руках кожаную авиаторскую каску подпоручик князь Абашидзе. О чем думал он, стоя на солнечной лужайке? Может, о бренности жизни горстки этих смельчаков, бросивших вызов небу. Сейчас оно безучастно смотрело на небывалое скопление людей. Свидетель бесчисленных смертей на бессмысленной кровавой бойне, так и не привыкнув к потерям, Абашидзе вспомнил Сырецкий военный аэродром близ Киева, откуда в редакцию петербургской газеты «Вечернее Время» была отбита телеграмма сенсационного содержания: «Киев, 27 августа 1913 г. Сегодня в шесть часов вечера военный летчик 3-й авиационной роты поручик Нестеров, в присутствии офицеров-летчиков, врача и посторонней публики, сделал на Ньюпоре на высоте 600 метров мертвую петлю, т.е. описал полный круг в вертикальной плоскости, после чего спланировал к ангарам. Военные летчики: Есипов, Абашидзе, Макаров, Орлов, Яблонский, Какаев, Мальчевский, врач Морозов, офицеры Родин и Радкевич».

Заочное соперничество с французским асом Адольфом Пегу за лавры первого исполнителя «мертвой петли» завершилось триумфом лучшего авиатора России. Его обеспечили нестеровское летное умение, точный математический расчет, безудержная отвага победителя воздушной гонки наперегонки со смертью. Поистине смертью смерть поправ. Петля показала авиаторам выход из тупика катастроф, уносящих человеческие жизни.

Среди подписавших киевскую телеграмму обнаруживаю начальника 12-го корпусного авиаотряда штабс-капитана Макарова, спортивного комиссара при Киевском обществе воздухоплавания военного летчика штабс-капитана Орлова, спортивного комиссара Императорского Всероссийского аэроклуба поручика Есипова и поручика Мальчевского из 9-го корпусного авиаотряда.

В этом списке меня особенно заинтересовала фамилия Абашидзе. Кто вы, наш земляк, военный летчик из далекого прошлого, именуемого героическим периодом авиации? Вспо-

минаю с признательностью помогавших мне советами и просто человеческим сопереживанием одного из старейших российских летчиков обаятельного Михаила Сергеевича Мачавариани (мне бесконечно дорога его книга воспоминаний «Глаза на юг» с теплой дарственной надписью), двух сестер, настоящих аристократок, из старинного особняка выше Кирочной улицы (ныне улица Марджанишвили), под самой горкой, за которой громыхла железная дорога. Их брат летчик погиб незадолго до начала Первой мировой войны – не смог вывести из штопора опрокинутый ветром аэроплан, «мертвая петля» тогда была неизвестна.

Поиск осложнялся тем, что были неизвестны инициалы первого военного грузинского летчика. Как мало я знал, пускаясь без нити Ариадны в каменные лабиринты миллионного города. Впрочем миллионным он стал позже, десять лет спустя, а тогда я знал одно: у летчика Абашидзе жена была красавица. С этим зыбким ориентиром – сколько красивых женщин в Тбилиси! – включаюсь в поиск. Постепенно круг сужался, захожу как-то в очередной двор, расспрашиваю жильцов, не очень надеясь на удачу, и о чудо! Случайно вышедшая в то время на балкон женщина мне говорит: «Я знаю ту, кого вы ищете» и называет адрес!

Иду по адресу. На звонок дверь открывает Екатерина Николаевна, усаживает меня за стол под уютным большим абажуром и, выслушав, говорит: «Да, это мой муж. Он окончил Севастопольскую авиационную школу в один год с Петром Николаевичем Нестеровым». Хозяйка уходит в соседнюю комнату и возвращается с коробкой, достает из нее фотографии разыскиваемого мною военного летчика. Еще на одной – сама Екатерина Николаевна в молодости – истинная петербурженка, с толстой косой на высокой груди; даже на фотографии видно, какая она тяжелая и золотая. «А это сестра Михаила Дмитриевича», – говорит хозяйка, протягивая мне портрет молодой девушки.

В тот вечер, перебирая редкие семейные фотографии, я узнал от Екатерины Николаевны подробности, которые тщетно искал в архивах.

Михаил Дмитриевич Абашидзе родился в 1889 году в семье командира Северского драгунского полка. Окончил кадетский корпус в Тифлисе и Николаевское кавалерийское училище – в те годы звание военного летчика могли получить только лица с высшим военным образованием. Осенью 1912 года Абашидзе

окончил курс Севастопольской авиашколы. Одновременно с ним на севере, в Гатчине, окончил Петербургскую офицерскую воздухоплавательную школу Петр Нестеров, выпускник Нижегородского кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища. Случайно ли это совпадение? Думаю, нет. Оба принадлежали к числу прогрессивно мыслящих людей своего времени, горячо любили авиацию, стремились приблизить ее к насущным делам. Очень скоро их дороги сошлись. Весной 1913 года обоих зачислили в 3-ю авиароту, расквартированную под Киевом, неподалеку от полустанка Святошино, где размещался основной аэродром авиаотрядов; оба принимали участие в занятиях на Дарницком артиллерийском полигоне, к которым впервые привлекались авиаторы для корректировки огня.

И еще факт, подтверждающий дружбу двух летчиков, общность их интересов. О дальних перелетах Петра Нестерова Киев – Одесса – Севастополь и Киев – Гатчина в марте и мае 1914 года написано немало. Его глубокие теоретические расчеты, знание материальной части самолета позволили установить новые всероссийские рекорды скорости и дальности. Но долго оставалась неизвестной мечта Абашидзе о фантастическом перелете, на который в те годы мог решиться только авиатор богатырского размаха. Как рассказал мне Михаил Мачавариани, Абашидзе в конце 1913 года задумал перелететь через Главный Кавказский хребет. Он перегнал самолет из Киева во Владикавказ, отсюда собирался совершить воздушный прыжок в Тифлис, но состояние мотора вынудило его прервать полет. Начавшиеся войсковые маневры заставили его покинуть Владикавказ, для мирных перелетов времени не оставалось. Любопытно, что его идея транскавказского перелета была реализована только 2 октября 1917 года выпускником Кавказской авиашколы военным летчиком Е. Виташевским и в 1918 году летчиком А. Русановым и наблюдателем Н. Просвириным.

С объявлением всеобщей мобилизации 31 июля 3-я авиарота в составе третьей армии юго-западного фронта выступила на театр военных действий в Галиции. В роте четыре авиаотряда, в их числе 11-й корпусный, где командиром Нестеров, и 12-й корпусный, где служил Абашидзе. 1 августа, в день объявления Германией войны России, он только возвратился из Сумского уезда Харьковской губернии, куда был командирован вместе с

военным летчиком поручиком Соколовым для закупки на конном заводе двухсот лошадей, используемых в качестве гужевого транспорта при отправке имущества авиаотрядов на фронт. Факт достаточно красноречивый, подтверждающий, что в период мобилизации и с началом боевых действий летчиков нередко загружали поручениями, не имеющих никакого отношения к их редкой профессии.

Моя первая статья об Абашидзе в городской вечерней газете попала на глаза дочери авиатора Нестерова Маргарите Петровне, меццо-сопрано оперного театра в Нижнем Новгороде. Она просила сообщить ей неизвестные подробности об отце, возможно, имеющиеся в архиве его боевого друга. К сожалению, о последнем периоде жизни Михаила Абашидзе мне было неизвестно. Вдова о нем не распространялась, и я не расспрашивал, хотя и догадывался; время было такое – хрущевская эйфория по разоблачению преступлений сталинщины пошла на убыль, о трагедиях в семьях все еще предпочитали молчать. Тогда же я отписал в Нижний Новгород, что архив летчика Абашидзе не сохранился. Но чувство неудовлетворенности и вины осталось. Оно заставило меня отказаться от публикации в журнале «Огонек», о чем просила при каждой встрече его собственный корреспондент по Закавказью Ия Семеновна Месхи.

Шли годы, другие события отодвинули образ летчика божьей милостью, как называли в империалистическую войну крылатых сынов человеческих, воевавших с одним маузером на борту хрупких аэропланов, но фотографии сохранились, и тема будоражила сознание.

«Отречемся от старого мира...» – пели безбожники на страшном шабаше окаянных дней, унесших светлые души тех, кто был солью земли. Как цветы запоздалые, приходят к нам память, покаяние, слезы, и, увы, слишком поздно. Уже осудили кровавые репрессии, вернули доброе имя тысячам невинно загубленных, другие люди брались за дело, чтобы насилие и произвол никогда не подняли голову.

Я позвонил по правительственному телефону генералу КГБ. Он внимательно выслушал и отреагировал как следовало: «Да, конечно. Передайте о моем согласии». Через считанные минуты я оказался у цели, к которой шел долгие годы. У подъезда ведомства меня дождался офицер, молча провел длинными

коридорами в небольшой читальный зал. «Сколько вам нужно времени для ознакомления с делом?» – «Один час». И вот, наконец, на столике передо мной тонкая папка из следственного фонда Государственного политического управления Закавказья по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, бандитизмом, спекуляцией и преступлениям по должности. Горькая правда о последнем пути подследственного. Торопливо читаю дело, стараясь не думать о происхождении бурных пятен на страницах.

Абашидзе Михаил Дмитриевич, 39 лет, имеретин, уроженец Кутаисской губернии, беспартийный, бывший князь, бывший дворянин, бывший офицер царской и белой армии. Последний чин – полковник. Служил до октября 1915 года в авиационных и автомобильных частях, с 1915 года до марта 1917 года в штабе 5-й армии адъютант начальника, профессия в авиации – летчик, в автороте – командир взвода, позже – старший офицер. До февраля 1918 года в 5-й армии редактор газеты, позже – командир автороты. В феврале попал в плен. С апреля по декабрь содержал ресторан «Прага» в Киеве. С апреля 1919 по 1920 год – в Одессе, в Добровольческой армии офицер-порученец при главном начальнике военных сообщений вооруженных сил юга России. С ноября того же года по 1927 год заведовал беженским отделом персидского генерального консульства в Тифлисе. С 1927 года в комитете восстановления в Ленинкане, с декабря того же года – техник при управлении эксплуатации ЗАГЭСа.

Арестовали Михаила Абашидзе 14 апреля 1928 года в 10 часов вечера возле его дома на Вознесенской улице (ныне улица Давиташвили). В квартиру, где его ждали мать Вера 62 лет и жена Китти, он не вернулся. Постановлением органов 8 мая Абашидзе привлекли к следствию в качестве обвиняемого. Тогда же с трехнедельным опозданием было выписано постановление на его арест. При обыске в доме обнаружены и приобщены к делу золотые часы и серебряное кольцо с простым камнем. И еще запомнилось: вещественных доказательств по делу не имелось и обвиняемый с июля находился в центральной больнице исправдома. Оба обстоятельства, похоже, не смущали творивших суд скорый и неправый. Абашидзе обвинили в связи в 1922 году с «военным центром» при паритетном комитете антисоветской партии Грузии в лице бывшего полковника, расстрелянного в 1923 году, а также в военном шпионаже в пользу Персии, сборе

военных сведений о Красной Армии, использовании служебного положения во вред советской республике и отправке диппочтой за границу контрреволюционных данных, и под видом персидских эмигрантов заведомых шпионов. Сам он, тревожась за судьбу оставшихся дома, истязаемый пытками, не пытался опровергнуть эти чудовищные обвинения, да и факт пребывания в тюремной больнице достаточно красноречив, вряд ли причиной послужили записанные в деле кишечные заболевания.

Александр Исаевич Солженицын, говоря в «Архипелаге ГУЛАГ» о карающей тяжелой длани 58 статьи, писал, что шестой пункт – шпионаж «прочтен настолько широко, что если бы подсчитать всех осужденных по нему, то можно было заключить, что ни земледелием, ни промышленностью, ни чем-либо другим не поддерживал жизнь наш народ в сталинское время, а только иностранным шпионажем и жил на деньги разведок».

Как жил на широкую ногу, на деньги разведок скромный техник ЗАГЭСа Абашидзе свидетельствует реквизированное у него при обыске серебряное кольцо с простым камнем, но ненасытные жернова ГПУ уже готовились смолоть очередную жертву...

Протокол судебного заседания коллегии ЗакГПУ 22 октября 1928 года по обвинению Абашидзе Михаила Дмитриевича завершался коротким, как выстрел, словом «расстрелять». В левом верхнем углу обвинительного заключения зловещая подпись председателя ГрузГПУ Берия – «утверждаю».

Я закрыл тонкую папку, потрясенный обыденной простотой этого страшного конца.

Несколько дней спустя, неожиданно для себя, оказался у знакомого дома. Хлопнула парадная дверь. «Вам кого нужно?» Смотрю на спрашивающую. Хорошее лицо, участливые глаза, помнит ли она... Оказалось, помнит. «Ту статью написали вы?» И женщина тут же, на улице, рассказала, что Екатерины Николаевны два года как нет в живых, после нее никого не осталось, где-то в Москве живет племянница Михаила Дмитриевича, приезжала на похороны.

На этом закончилась история семьи Абашидзе. Так считал я, но ошибся. Эта история была написана, когда, беседуя с соседкой, я назвал фамилию Абашидзе, и Анна Сергеевна вспомнила, как летом 1927 года отец пригласил отобедать у них дома,

кого вы думаете? Абашидзе! Оба работали на строительстве по ликвидации последствий землетрясения в Ленинакане. Самое удивительное: Анна Сергеевна помнила, что Абашидзе, бывший князь и летчик, жил на Вознесенской улице!

Знакомый прокурор, с кем я поделился этой историей, сказал: «А почему не допускаете, что причиной гибели Абашидзе была его красавица жена?»

Вспомнились шокирующие кинокадры аксеновской «Московской саги»: черный автомобиль со сластолюбивым главным чекистом страны в темном салоне. Камера панорамирует по Головинскому проспекту в Тифлисе, выхватывая в толпе лица и ноги красивых женщин. Пуркуа-па? (почему бы и нет?), как говорят французы. И если прав был поэт, сказав, что «свет погасшей звезды еще тысячу лет к нам доходит», то, наверное, рано ставить точку в этой удивительной и трагической истории.

ШАГНИ В БЕЗДНУ

Славу Иванидзе с утра не покидала тревога. Устав ворочаться в постели от одолевавших мыслей, он продолжал тревожиться, видя зарождающийся день, по-южному теплый, безветренный, невесомые облака, скользящие, как бесшумные аэростаты.

Он тревожился, глядя на порозовевшие со сна лица жены и детей, безмятежные и незащищенные, чувствуя черный страх. Будучи сам неробкого десятка, он боялся этого так много значащего дня – от него ждали конца тянущейся за группой несчастливой полосы.

Три дня, как разбился насмерть курсант, самый надежный и плечистый, видно, растерялся, на слишком малой высоте раскрыл парашют, и беспомощно обвисший шелк не погасил скорость падения. Потрясенный смертью курсанта, Слава осмотрел подвесную систему, карабины и вытяжной трос, и убедился, что в порядке это хитроумное устройство, которому доверили самое ценное – человеческую жизнь.

Но воздух предал парашютиста, негостеприимной оказалась земля, зеленая земляничная поляна, усыпанная алыми, как угольки гаснущего костра, ягодами, которыми теперь никто не лакомился.

Группа запаниковала и отказывалась прыгать. Эти юноши и девушки с производства работали на допотопных станках ДИП (догнуть и перегнуть), а в выходные дни выезжали в район Руставского аэродрома; в ожидании погоды, жили в палатках. И не хотели быть следующей жертвой. Настаивать на прыжках Слава не мог. В свое время он один из десяти выпускников авиаучилища согласился стать парашютистом и прошел курсы инструкторов.

Ему верила группа до самой катастрофы, которая обещала стать концом его летной карьеры.

Он помнил, как их вызвал в бывший особняк наместника на Кавказе на Дворцовой улице вальяжный мужчина в полувоенном кителе. Он прилипчивым взглядом разглядывал девушек, угостил чаем, чудесно пахнущим белым хлебом и швейцарским сыром, и каждому досталось по бутерброду, а потом сфотографировался с ними в дворцовом саду – вожди любили фотографироваться, – но снимков им не дали.

Слава знал: один из этих снимков лежит в папке где следует, его извлекут на свет и неизвестно как повернут события. Рита тоже знала, потому вызвалась прыгать первой и доказать, что парашют тут ни при чем, злого умысла нет. Произошла трагическая ошибка, ее не объяснит неудачно прыгнувший курсант, которому страшно не повезло в бабье лето тридцать пятого.

Он подумал, как виноват перед женой, занятый без остатка работой, и чувствуя ее обиду, никогда открыто не высказываемую. Эта сильная и великодушная женщина осталась для него загадкой. Каждый прожитый с ней день был подарком свыше после того, как она на восьмом месяце беременности упала на улице, поскользнувшись на мандариновой корке.

Господи, спаси и помоги, не дай ей умереть, молился он, стоя перед белой больничной дверью, за которой рушился мир.

Вышел знакомый врач, которого поднял с постели его ночной звонок, молча пожал ему руку и ушел, озабоченный несчастьем и предстоящей работой, а он остался один, не видя никого вокруг, ни поступающих новых пациенток, ни утром – чужих родственников с бутылками молока и записками роженицам о переполняющей их радости.

Чудом избежав смерти, она ревностно постигала курс наземной подготовки, не допуская послаблений к себе, как к жене

инструктора. Твердо отвергла его возражения: она ни перед чем не остановится, смерть ее не страшит. Что бы ни случилось, их маленькие увидят этот прыжок и запомнят навсегда. Прыжок она посвящала детям, которые, как мотыльки, носились по поляне. «Ты смотри, мама, прыгай хорошо, а мы будем ждать».

Слушая их, Слава думал о том, что инструкции и теоретические выкладки мало помогают человеку, страшно одинокому на высоте, когда он выбирается на плоскость крыла и видит сверху землю, далекую, как дно сотен колодцев.

Сегодня этим человеком будет Рита, и ей не скажешь подчеркнуто благоразумно: «Ты только не спеши, не волнуйся, выйди на крыло и шагни в бездну, а потом через две-три секунды выдерни кольцо».

Оттого, что сам он неспокоен, в голову лезут жуткие истории в воздухе, когда кольцо вытяжного троса рвали слишком поспешно, и шелковое полотнище опутывало хвостовое оперение, делая самолет неуправляемым.

Так в Рустави разбился инструктор Тбилисского аэроклуба Федор Филиппов.

Он вспомнил февраль прошлого года – траурный митинг на Красной площади, похороны экипажа стратостата «Осоавиахим-1». Страна провожала в последний путь красноармейцев космоса. Одну из урн нес хмурый Сталин. Урны с прахом героев замуровали в Кремлевской стене, а два дня назад все трое были живы.

Стратостат, детище Ленинграда, строили на средства фонда «Штурм стратосферы», по инициативе академика Абрама Иоффе, снарядившего в экспедицию за космическими лучами, на уникальный эксперимент, самую большую надежду Физикотехнического института комсомольца Илью Усыскина. Вместе с ним места в тесной высотной лаборатории заняли боевой командир гражданской войны, орденоносец и астронавт-рекордсмен Павел Федосеенко и конструктор стратостата Андрей Васенко.

Последние напутствия перед дальней дорогой. Федосеенко уже на борту летательного аппарата успевает выкрикнуть: «Да здравствует семнадцатый съезд!»

Стальной шар исчезает в воздушной пучине. В течение часа обновлены мировые рекорды бельгийца Пикара и стратостата «СССР-1».

Федосеенко шлет радиogramмы ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным, сообщает о штурме двадцатого километра.

На земле, в зале партсъезда победителей, также бушевала буря. Громом аплодисментов встречали делегаты рапорты из космоса. С высоты двадцати километров пятьсот метров поступило приветствие великому трибуну международной революции Сталину, его соратникам Молотову, Кагановичу, Ворошилову, Кирову...

Как ласкали слух вождя народов эти приветия, когда делегатам предстояло избрать генсека, и старые партийцы решили вернуться к завещанию Ленина и передвинуть его, Сталина, на другой пост. Чудак Киров сам рассказал об этих разговорах; спасибо ему за это, такая услуга не забывается. А пилоты молодцы. Сейчас нужен рекорд, суперрекорд, чтобы все его враги лопнули от злости; штурмовать небо темпами, достойными Страны Советов, с лозунгом – догнать и перегнать. Именно так передать стратонавтам.

Подогреваемый приказами с земли, командир Федосеенко опрометчиво сбрасывает остатки свинцового балласта, рвется в неведомое. Уже достигнута рекордная отметка высоты – двадцать два километра. Они в зоне осадков.

Ураганные вихри, как тысячи свирепых псов, набрасываются на стратостат, рвут несущую оболочку. Облепленный льдом тяжелый аппарат начинает падать. Одна за другой рвутся восемь стальных строп. Освобожденная от оболочки гондола с исследователями, как камень из пращи, с высоты устремляется вниз, в район Саранска, к месту проживания семьи Ильи Усыскина. Быстро смеркалось...

В кровавом месиве останков стратонавтов, одежды и аппаратуры, среди обломков серебристой гондолы нашли бортовой журнал с записанными при падении скачущими строчками, и среди них – неожиданные два слова о красоте неба, опередившие на несколько суток тревожную радиogramму с тонущего ледокольного парохода «Челюскин».

Вспоминая свои страхи, Слава снова видел буравящий небо в стрекозу размером биплан У-2, от которого отделился черный комочек. Рита все сделала молодцом: выбралась на крыло и по команде «прыгайте!» оторвала руку от борта кабины.

Она падала лицом вниз, земля стремительно неслась навстре-

чу. Потянула кольцо, но падение не замедлилось – парашют не раскрылся, у нее сил не хватило. Наблюдавшие на земле решили, что она идет на затяжной прыжок. Мысль работала четко, не растерялась, вспомнила слова мужа: «Рука руку всегда найдет», обеими руками потянула кольцо запасного парашюта...

На землю ступила со счастливой улыбкой – теперь группа может прыгать. И повалилась навзничь от жесткого толчка.

Ее обнимали и поздравляли, и первым среди встречавших был Слава, обеспокоенный заминкой в воздухе и кровью на ее лице, из-за ушибленного при падении носа, и оба подумали, как счастливо они будут жить дальше, радуясь жизни, растя детей.

Но еще долго Слава просыпался ночью, лежал с открытыми глазами, заново переживая увиденное: Рита камнем падает на землю, и он ничем не может помочь. О своих снах она предпочитала молчать, оберегая спокойствие в доме, которого и так уже не было.

Начиналась война, самая свирепая и кровопролитная, похожая на пирамиду из человеческих черепов с картины Василия Верещагина, увеличенную тысячекратно.

БРИЛЛИАНТЫ ВСЕГДА В ЦЕНЕ

Весной мы всем классом дружно заболели. Благоволившая к нашему физруку рыженькая доктор – ее спелые округлости лезли из пеннобелого халатика, как опара из квашни, – поставила диагноз: баскетбол. Всей ватагой мы отправлялись на Мтацминду, неся по очереди многострадальный мяч, не зная одышки, избегали на верхнее плато, где среди скрипа поджаренных на солнце планирующих кузнечиков ждала нас желанная награда – открытая школьным «колумбом» баскетбольная площадка.

Наша сорок третья школа преуспела в этой игре, придуманной Джеймсом Нейсмитом, преподавателем Спрингфилдского колледжа из штата Массачусетс, став первой в городе. Марку надо было держать. Класс наш, чемпион школы, твердо помнил: не боги горшки обжигают. Воспитанники сорок третьей Леван Инцкирвели и Тенгиз Медзмаришвили, будучи не намного старше нас, играли в тбилисском «Динамо» – одном из ведущих европейских клубов.

А пока, кроме верхнего плато фуникулера, мы облюбовали спортивную площадку в Александровском саду, где обычно решалась судьба городского первенства. Как-то в финале против нашей стартовой пятерки вышли пять баскетболистов сорок четвертой школы, наши недавние ученики. Не поладив с директором, они вынуждены были уйти. Мы приветствовали их перед игрой как наш филиал, и за свою вольность чуть не поплатились дисквалификацией.

Я запомнил этот эпизод, потому что в перерыве сам отличился: со второго ряда трибуны забросил в корзину отскочивший мяч – с угла площадки, любимой точки московского армейца Сергея Белова, откуда он забил «золотой» мяч ленинградскому «Спартаку» в решающем матче суперсерии. Только бросок мой был дальше. Мяч по высокой дуге опустился в сетку под одобрителный гул трибуны и реплику капитана школьной команды Джамбула: «Это наш золотой запас».

Через много лет узнаю из газет, что за один сверхдалний бросок одному американскому любителю удалось выиграть миллион долларов, который ему почему-то не выплатили. Так что по части материального поощрения у нас с ним полное равенство, но всякий раз чувствую себя счастливым, вспоминая ту удачу.

Как молоды мы были, целыми днями пропадая в Кировском парке на играх тбилисского тура первенства страны, где блистал Отар Коркия, великий спортсмен с высоким лбом мыслителя, наделенный редкой для баскетболиста силой, как негодовали, когда ему шикали с трибун, мешая пробить штрафные. Но Коркия раз за разом посылал мяч точно в цель. Так же мужественно сражался на хельсинкском стадионе с американцами, которые были сильнее. Коркия играл с вывихнутым большим пальцем правой руки, но именно его, а не американца Клайда Ловелетта, признали лучшим центровым олимпийского турнира.

В Тбилиси съехались гранды отечественного баскетбола – москвичи, каунасцы, тартусцы, рижане, но наши сердца безраздельно отданы бедняку – ереванскому СКИФу, команде-загадке, чей стартовый, он же основной, состав представлен армянами-репатриантами. Американец Том Мурадян, француз Жан Маркарян, египтяне Абрам Амамджян, Жирайр Минасян и Арменак Алачачян, как мотоциклы «Харлей Дэвидсон», носились по площадке, готовые бросить и попасть в корзину из

немыслимого положения, дать скрытый пас-откровение для соперника и нередко для партнера. Они могли бы получить первый приз за красоту игры, если бы, конечно, он разыгрывался. Это мнение Ивана Лысова, капитана знаменитой тартуской команды УСК (университетского спортклуба), одного из самых ярких виртуозов советского баскетбола. Впятером они могли обыграть любую команду и проиграть могли любой. Их сил хватало на один тайм, не больше.

Слишком коротка скифовская скамейка запасных игроков. Не оказалось больше баскетболистов на борту теплохода «Победа», доставившего в Батуми первую волну репатриантов – тысячи горемык из числа рассеянных по свету. Потом все набились в поезд-тихоход; была не предусмотренная расписанием остановка в малопримечательной местности, но пассажиры высыпали из вагонов. Потомки прирожденных пахарей и скотоводов, воинов и поэтов, познав горечь эмигрантского хлеба, целовали бедную, каменистую свою землю, плача от радости, что увидят наяву не запятнанную в тысячелетиях белизну Арарата, истекающий голубой кровью жертвенный Севан, неистошимый, как армянское горе – безбрежное море; обласкают взглядом спасенные от меча и огня духовные ценности Матенадарана; подобно искателям жемчуга опустятся в каменные волны Гегарда, где глубоко в горах откроется им скрытая жемчужина средневековой архитектуры – творение гения Галдзага.

В начале шестидесятых наша редакция городской газеты получила из Агентства печати Новости очерк «Счастливчик» Анатолия Пинчука. Спортивный журналист утверждал: в баскетболе Арменак Алачачян – явление, равнозначное по масштабу Валерию Брумелю, Владимиру Куцу, Петру Болотникову в легкой атлетике, штангисту Юрию Власову. Их имена тогда были у всех на слуху, и автор очерка, кого кое-кто из коллег упрекал в непомерном захваливании Алачачяна, впервые попытался проследить, как начинался этот спортсмен, который беспощадным режимом сам сделал себя звездой. Свой анализ он продолжил в их совместной книге «Не только о баскетболе», собравшей под одной обложкой радости и горести большой спортивной жизни.

По удивительной случайности нет в ней рассказа о встрече, за которой я наблюдал с крыши грузинского альпклуба, когда уютный баскетбольный стадион Кировского парка не мог

вместить всех желающих. Ереванцам в тот вечер противостояла алма-атинская команда, за которую играл самый высокий человек в нашем баскетболе Увайс Ахтаев, чаще его называли русским именем Вася. Как чеченец Ахтаев оказался в Казахстане – история отдельная, и это не воля судьбы, какое-то положение звезд и планет, а злодейская сталинская акция насильственного переселения народов, наиболее ревностные исполнители ее получили орден Ленина. Помню, как на железнодорожном вокзале в Кустанае меня, тбилисского студента, остановили ссыльные ингуши: «Земляк, возьми для нас билеты в кассе. Нам их не продают».

За Ахтаевым ходили гурьбой. Тбилисцы всегда обожали тамашу – забаву, развлечение, а тут к нам пожаловал настоящий «гулливер» ростом за 230 сантиметров. «Гулливер» был достаточно приветлив и покладист, охотно давал автографы, расписываясь авторучкой величиной с велосипедный насос, и вмещала она не меньше пол-литра чернил.

Вечером я увидел, какой Ахтаев большой спортсмен – в прямом и переносном смысле. Опекать техничного гиганта поручили малышу Алачачяну, держать по возможности плотно, не позволяя беспрепятственно принимать мяч. Вроде ничего мудреного, но как трудно играть! Господствуя на «втором этаже», Ахтаев полностью хозяйничал и на своем щите, как заправский вратарь, забирая в длинные, загнувшиеся ручки летающие в корзину мячи. Стиснув зубы и не впадая в отчаяние, южане использовали медлительность Ахтаева, который не спеша возвращался на свою половину площадки.

В перерыве меня окликнул мой племянник Вилик Мсерян. Как все мы, он поднялся по узорам декоративной деревянной решетки альпклуба. От карниза крыши его отделял один шаг, не самый трудный, на который он не решался, уверяя, что ему и снизу хорошо видно. Я до сих пор гадаю: видел – не видел, и как он мог отказаться от такого зрелища, а потом переехать в Ереван, в губительные для его большого сердца условия высокогорья и неустроенного быта?! В душный летний день он сопровождал Давида Ланга в поездке к памятникам Аштарака, на берегу Касаха остался ждать английского профессора в машине, где его увидели деревенские дети. Когда прибежали взрослые, было слишком поздно...

Как мне не хватает его, – и с каждым годом все больней – так много обещавшего, не обласканного судьбой. Осталась записка, отстуканная им на пишмашинке, с удивительной лексикой молодого дипломата: «Хочу воспользоваться случаем сообщить, что по сей день решить твой вопрос мне не удастся, но те и другие каналы, по которым я действую, крайне надежные. Твой переезд в Ереван практически возможен, но при условии обеспечения квартирой. Упомянутое условие требует, по словам Н., определенного момента, который позволит сделать тебе вызов. Я в свою очередь просто не решаюсь ставить сроки относительно этого момента, но буду рад оповестить тебя в свете малейшего намека на него».

Потом другое ведомство предоставляло мне интересную работу и квартиру в этом южном городе, но как им объяснить, что без Вилика все потеряло для меня свою притягательность: ходить по улицам, посещать учреждения, где его знали, читать стихи его друга Паруйра Севака, вздрагивать при виде молодых людей, так похожих на него – все это было за пределами моих сил.

Между тем, события на спортивной арене шли к развязке. За десять секунд до конца встречи алмаатинцы вели в счете с разницей в одно очко, владели мячом, но случилось невероятное – грубо ошиблись в приеме мяча. Скифовцы мгновенно ввели мяч в игру из-за боковой линии и успели бросить по кольцу. Давид победил Голиафа. Что творилось на трибунах! Буквально скатываюсь с крыши, чуть не повредив себе глаз о невидимую в темноте проволоку.

Трудно поверить, но баскетбол мог потерять Алачачяна. После травмы его отчислили из команды, и, возмнив себя халифом, чиновник от спорта распорядился не оплачивать больничный лист тому, чей пример мог привлечь к занятиям баскетболом сотни юношей и девушек этой небаскетбольной республики.

Арменак обиду не простил, с женой-баскетболисткой Розой Вартамян уехал из Армении, по которой тосковал под чужим небом Александрии, уехал налегке, без денег и какой-либо перспективы в Москву, в тридцатиградусный мороз, как это сделал до него в послевоенные сороковые молодой чемпион Армении по шахматам Тигран Петросян – в демисезонном пальто и па-

русиновых туфлях.

Алачачяна взяли в московское «Динамо», а он, продрогший до мозга костей, уехал в благодатную теплынь Алма-Аты, куда звал его Ахтаев, и вскоре уже играл за алма-атинский «Буревестник» и за сборную Казахстана, став соавтором уникального баскетбольного дуэта «Пата» и «Паташона», а потом девять лет защищал цвета ЦСКА – чемпионского клуба, и там не потерялся со своими 174 сантиметрами, оставаясь на первых ролях, не зная себе равных в искусстве подстраховки, в умении дать пас, фантастической выносливости, живя в баскетболе и для него.

По окончании сезона его пригласили в сборную СССР. (Первый свой матч в составе сборной Алачачян сыграл, когда ему не было 23, последний – в 35.) Как он пришелся ко двору самых избранных – история особая. Это только в песне поется, как парня встретила славная семья, всюду были товарищи, всюду были друзья. Огромная страна СССР, а мест в «основе» сборной всего 12. Претендентов 25, на тренеров давит гипноз старожилы команды – чемпионы Европы. Отношение к дебютанту в условиях ожесточенной конкуренции прохладное. На счастье, в сборной-53 нашлись два игрока, которые, опекая его порой даже сверх меры, помогли стать на ноги.

Двумя добрыми ангелами-хранителями Арменака были Отар Коркия и Иван Лысов. Коркия себя в игре не щадил, рядом с ним стыдно было играть вполсилы, праздновать труса. Не было в нашем баскетболе игрока, который пользовался таким авторитетом, как этот сероглазый гигант из Грузии, вспоминал Алачачян. Не знает, чем приглянулся Отару Коркия, но относился он к нему – лучше не пожелаешь.

Коркия был покровителем, Лысов – учителем. Лысов и Алачачян – оба разыгрывающие. У старшего за плечами два чемпионата Европы и Олимпиада. С необыкновенным тактом и доброжелательностью Иван Федорович наставлял молодого: делай как я, делай лучше меня. Хотя знал, преимущество на стороне молодости. Так оно и вышло. Алачачяна оставили в команде, его учителя – нет.

В том году Алачачян выиграл золотую медаль чемпиона Европы, первую из своих четырех, и на всю жизнь сохранил величайшую благодарность двум лидерам команды – великим баскетболистам и великим личностям.

В апреле 1964 года после встречи сборных СССР и США, которую он отыграл с травмой, тренер американцев Джон Маклендон назвал его лучшим на площадке среди хозяев. По просьбе корреспондента «Советского спорта» Маклендон сравнил понравившегося ему советского защитника с легендарным Бобом Коуси из «Бостон Селтикс», который одиннадцать лет входил в символическую пятерку НБА.

После долгой паузы Маклендон сказал: «В нападении, конечно, сильнее Коуси... В защите, пожалуй, Алачачян... Алачачян побыстрее... У Коуси лучше дриблинг... Пас хорош у обоих...» И подводя итог, заметил: «Все-таки Коуси посильнее...»

После Олимпиады в Мехико Анатолий Пинчук как-то разговаривался с Александром Гомельским, тренером сборной СССР. Говорили они о поражении команды в полуфинале от югославов, что назвали самой крупной сенсацией Игр. И вдруг, скорее себе, чем журналисту, Гомельский сказал с досадой: «Чего простить себе не могу, так это того, что не взял в Мехико Алачачяна!» Журналист делает два маленьких комментария. Алачачян перестал играть за год до Олимпиады. В ту пору, когда состоялся этот разговор, Гомельский в силу ряда причин относился к Алачачяну довольно сдержанно.

В семидесятых годах потерялись следы Алачачяна – был человек и нет его. Ходили слухи, что он переехал в Канаду к сестре, тренирует национальную сборную, кто-то видел его в Панаме, работающим на бензозаправке, и даже умер от инфаркта.

И не узнали бы правду никогда, после двадцати лет полного замалчивания имени легендарного защитника, игрока сборной СССР и ЦСКА 50-60-х годов, если бы не случай.

На чемпионате мира 1994 года в Торонто второй тренер российской сборной Алжан Жармухамедов, возвращаясь с тренировки, проговорился в автобусе московскому журналисту Владимиру Титоренко: вот где-то здесь, в деловом центре, находится офис Алачачяна, его фирмы по покупке и продаже драгоценностей.

Тогда стали известны подробности исхода знаменитого шестого номера советской сборной и тренера ЦСКА. И как жаль, что о нем не знали Сильва Капутикян и Зорий Балаян, написавшие две книги об армянских диаспорах США и Канады.

Причина отъезда Арменака прозаическая – многолетний из-

нурительный пресс КГБ за отказ работать на них. Для гэбистов Алачачян – спортсмен экстра-класса, имеющий много друзей во всем мире и знающий пять языков: английский, французский, русский, армянский и арабский, представлялся уникальным агентом, но он стукачом быть отказался; став невыездным, на долгие годы отлучался от сборной СССР и официальных международных матчей ЦСКА. Помогло заступничество болельщика за баскетбол министра обороны Андрея Гречко, да и то не надолго.

Ржа железо ест, и Алачачян психологически сломался, оставил работу в престижном клубе, три года тренировал в детской спортшколе, начал готовиться к отъезду. Брежнев бумаги подписал, не препятствуя воссоединению семьи.

За океаном Алачачян отказался от выгодного предложения работать тренером в США, где его помнили и знали ему цену, но это означало бы новую разлуку с семьей. Он предпочел паркинг, обслуживание автомобилистов, повторяя судьбу многих состоявшихся миллионеров, четыре года работал, зарабатывал неплохо, хотя неудовлетворенность осталась.

Ему всегда везло на добрых людей.

Алачачян вспоминал, как однажды встретил друга из Грузии, который имеет в Канаде бизнес на золотых украшениях и взялся научить своему делу бывшего баскетболиста; как он пошел на выучку. Получал всего 400 долларов в месяц, но друг говорил: терпи, все окупится во сто крат.

И снова ему крупно повезло. Жил в Монреале его знакомый еще с египетских времен. И этот знакомый свел его с миллионером из Лос-Анджелеса, который видел по телевизору игру армейца на Кубке чемпионов в Милане и запомнил его, предоставил кредит – золотых украшений на 50 тысяч долларов. Алачачян вернулся домой в Торонто, сложил золото в чемодан и отправился по магазинам, предлагая товар и называя свою цену. Через два дня он все продал, а когда подсчитал выручку, узнал, что заработал 5 тысяч долларов.

Так начался его золотой бизнес. Бриллианты ведь вечны, и занимается ими лично хозяин ювелирной фирмы, одной из самых процветающих в Канаде.

Леонид Брежнев, как все Ильичи, оказался не таким добрым

дедушкой, каким рисовался. Система не простила Алачачяну отступничество и добровольную сдачу партийного билета. В семьдесят пятом, через год после его отъезда, в московском издательстве «Физкультура и спорт» вышел энциклопедический справочник «Звезды спорта» – судя по аннотации, о лучших спортсменах Советского Союза и выдающихся зарубежных. Справочник содержал около двух тысяч биографических справок, но в нем не нашлось места для Арменака Алачачяна, заслуженного мастера спорта, обладателя серебряной медали Токийской олимпиады и медали «За выдающиеся спортивные достижения», восьмикратного чемпиона СССР, четырехкратного чемпиона Европы.

Так Система сама себя высекла.

Бриллианты действительно всегда в цене, и, как утверждает армянская пословица, цену золота знает золотых дел мастер.

СОЛЬВЕЙГ НЕ ПРИБЕЖАЛА НА ЛЫЖАХ

«Не плачь! - сказал он огорченной жене, присев, по обычаю, перед дальней дорогой, которая для него неожиданно пролегла через пол-Европы. - Меня не убьют: я домой копейку не принес, заработанную нечестным путем». И хотя этот факт никак не способствовал пополнению семейного бюджета, сказано было не ради красного словца, но предельно искренно перед смертельной опасностью, которая отныне угрожала миллионам его сограждан, братьям и сестрам, как к ним обратился вождь, преодолев недельное потрясение.

Маленький винтик в разладившейся гигантской машине, он видел, как рушится то, что создавалось с превеликим трудом; для понимания этого ему хватало собственного опыта, которым он, не окончив Промакадемии и Института красной профессуры, обходился вполне. Рано повзрослевший сирота при живом отце-старике, знавшем иные времена, когда господин Арутюн, поэт и городской голова в вилайете соседней страны, внушал уважение и трепет отпетым головорезам, которые, похитив по незнанию его красавицу дочь, тотчас вернули домой с извинениями и богатыми подарками. Но все это в прошлом, теперь он, младший в семье, привык полагаться только на свои умелые

в обращении с металлом руки, что давало ему преимущество перед другими, желанную многими бронь, за которую он не стал держаться, как за женину юбку. Он просто представил себя не мог на улицах города, который с каждым днем обрастал приметам далекой пока войны. Знакомые его, те, что правдами и неправдами остались дома, неслыханно разбогатели, нажились на людском горе, кутали в шубы своих жен, втискивали слоновьи ноги в модельные лодочки, на улицах, как застоявшиеся жеребцы, прохода не давали женам фронтовиков, завели в домах зоопарк чернобурок, рыбок в бассейнах, а позже, так и не понюхав пороха, разжились льготными книжками участников войны, но об этом он узнал, лишь вернувшись домой с несгибающейся кистью руки, а пока, непривычно растерянный и опустошенный, смотрел на плачущую жену, прижимавшую к груди дочку, которая вся горела то ли от неведомой болезни, то ли из-за реакции на отъезд отца; на ясноглазого, вихрастого мальчугана, который оставался за мужчину в доме и в двенадцать лет пошел работать в сельскую кузницу.

Это ощущение рушившегося очага, скромного домика на краю оврага Кибальчича, откуда видны Сирачхана и Чугурет, Авлабар и Сеидабад, которые все видели и знали, даже то, что было неведомо пытавшим их особистам, что всовывали головы своих жертв в печку и стреляли у них под ухом, вырывая признание того, чего не было и быть не могло, он пронес через Лениканан, район формирования их войсковой части, пока, минуя Туапсе, вместе со своими пушкарями не оказался весной сорок второго на огромном, раскисшем от дождей поле, вобравшем в себя небывалое скопление плохо вооруженных людей, которые, видя свою погибель, шли вперед, подгоняемые жестоким и бессмысленным приказом, туда, где угадывались белесые лиманы Азовского моря. Он потом многократно возвращался воспаленной памятью к тому страшному полю, каждый раз умирая под косым металлическим дождем артобстрелов, от снарядов то ли своих, то ли немцев. Пронзенный, как болью, физическим предчувствием большой беды, он снова видел себя среди безусых мальчишек, которые, обезумев от страха и неизвестно откуда жалящих осколков и пуль, поднимались в полный рост, готовые бежать куда глаза глядят. И он, охрипший от крика, который никого не мог предупредить в этом грохочущем мире, догонял и

прижимал к земле тех, кого успевал. Но как он мог помочь всем им, рожденным в муках женщиной и в муках завершавших свои короткие, как вздох, жизни, когда их судьбы предопределили ошибки амбициозных генералов, которых ничему не научило октябрьско-ноябрьское отступление к Керченскому полуострову в первом году войны, и теперь май довершал кровавую жатву.

«Будьте вы трижды прокляты!» Он тогда не мог знать про это сталинское проклятие, которое услышал представитель Ставки после керченской катастрофы, прибыв на доклад в страшный кабинет с дубовыми панелями и длинным столом под портретами Суворова и Кутузова. Возможно, его и не было, этого проклятия. Но в симоновских военных дневниках допускается эта психологическая возможность, и не будем ее отвергать.

Пуля его все же нашла. Он неловко упал на руку после сумасшедшего бега по неровному полю, когда сердце было готово выпрыгнуть из груди, и очнулся уже в крытой машине в куче других военнопленных и конвоиров с овчарками, которые подскакивали на ухабах и скулили от неуголимого желания повиснуть у них на горле. Кто-то невидимый болевым приемом выкручивал ему руку, и эта кричащая немым криком боль осталась в нем навсегда, просыпаясь 9 Мая, в день поминовения погибших, когда на экране телевизора появлялась картинка с вечным огнем и диктор за кадром привычно читал текст, сопровождая его списком жертв, напоминающим, что по своей натуре люди еще слишком звери и недалеко ушли от ветхозаветного ковчега, в котором спасались, когда разверзлись все источники великой бездны и окна небесные отворились.

Упрямый на годы за проволочные ряды, он, как и миллионы других солдат войны, хлебнул через край лиха положения несудимых преступников, которые, вопреки людоедскому приказу июля сорок первого года, панике не поддались, при первой угрозе оружия не бросали, не тянули за собой других. Ему не в чем было себя упрекать и строго судить, как это пытались делать после войны бериевские охранники в фильтрационном лагере Новороссийска. В своих он не стрелял, в карателях не пребывал, а вот однажды пожалел пленного немца, которого ему вместе с красноармейцем-земляком поручили доставить в штаб полка. Напарник трусил идти в стылую ночь, не видел корысти в этом поручении и по дороге чудовищно просто предложил застрелить

немца, а когда он сделать это отказался, все же урвал момент для выстрела. Обернувшись на хлопок, он увидел огненно-рыжую голову лежавшего на земле паренька, который уронил фуражку при падении, а теперь непослушной рукой сгребал снег и тащил в рот, видно, горело у него все внутри...

Уже после войны вблизи своего дома он встретил того душегуба, который оказался его соседом, но ни тогда, ни позже с ним не заговаривал, вынеся приговор презрением.

«Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...»

Эта блоковская строчка, неведомая герою моего рассказа, вся как бы пронизана поэзией Генрика Ибсена и музыкой Эдварда Грига, великих сынов небольшой страны на северной окраине Европы.

В Норвегию он попал не туристом, а узником одного из самых страшных лагерей смерти, откуда не выпускали живыми. Одно упоминание его названия дало ему вольную, спасло от спецлагов НКВД, заготовленных впрок для защитников родины. Из Новороссийска его отпустили без каких-либо хвостов и проволочек - свой счет со смертью он давно выправил.

От пережитого он не ожесточился сердцем, только стал многословным, словно ушел в себя, оправдывая слова писателя, удивившего меня неожиданным признанием. «Конечно, к моей радости, - писал Константин Симонов, - я не раз встречал потом на войне и тех, кто остался в живых, пройдя невредимым через тяжкую крымскую эпопею весны сорок второго. Но они даже в дни самых больших побед не любили вспоминать о ней. На разные воспоминания тянуло людей во время войны, в том числе и на трудные. Но на воспоминания о случившемся тогда на Керченском полуострове - нет, не тянуло!»

Он оправдал сполна эту характеристику писателя-фронтовика, хотя какая-то информация мне все же перепала.

Во время кратковременного пребывания в рейхе его вместе с несколькими другими узниками отвезли на работу в поместье, чей хозяин, большой военный чин, воевал на восточном фронте. А еще через несколько дней пришла легковая машина с офицерами, лица которых красноречивее слов сказали о хозяине. Пленные приготовились к самому худшему, когда вышедшая к ним фрау Хильда объявила, что ее Зигфрид погиб, как подбавляет германскому воину, и пригласила всех к столу выпить за

упокой его души.

Но самое неправдоподобное ждало их впереди. В норвежском лагере (я до сих пор не знаю, что они там изготавливали - оружие возмездия или бочки для трески) уже в середине апреля, в самом конце войны, подошел к ним, работающим, немец-охранник и спросил: знают ли они, для кого роют вот этот ров. Они, конечно, догадывались, что скоро всех их ликвидируют, заметая следы. «Вы должны бежать сегодня ночью, - продолжал немец. - Ножницы, чтобы резать проволоку, найдете в условленном месте. С вышек будет стрелять конвой, но поверх ваших голов, а если кого зацепит, - не обижайтесь, на то и война». Этот призыв к побегу мог оказаться подстрекательством, обычной провокацией, поводом для массовых расстрелов, но выбора у них не было. Ночью они перерезали проволоку, и хотя пулеметы били с вышек, ушли в лес, где скрывались трое суток до прихода союзников. Так они выжили, вырвались из ада, ворота которого, казалось, захлопнулись за ними навсегда.

Хотя, если быть точным, спаслись они много раньше. И вот при каких обстоятельствах. Вы, конечно, помните, как русский солдат Андрей Соколов, герой шолоховского рассказа и не менее известной его экранизации Сергея Бондарчука, выпил, не закусывая, три стакана водки, которая могла влить жизнь в истощенный организм не одного - нескольких военнопленных. Как-то утром, пересекая территорию лагеря, мой герой был остановлен властным окриком высокого офицера в немецкой форме, который сделал знак: дескать, следуй за мной. Зайдя в помещение и плотно закрыв дверь, он задал узнику вопрос на грузинском языке: «Откуда ты родом, парень?» - «Армянин из Тбилиси». Офицер вышел в соседнюю комнату и вернулся с буханкой хлеба и банкой консервов: «Ешь!» Но он есть не стал, сказав, что отнесет в блок, где такие же, как он, голодные, умирающие от голода. Офицер одобрительно кивнул головой и в дальнейшем не раз переправлял через него такие передачи, которые спасли жизнь многим.

Уже вернувшись в Тбилиси после репатриации, мой герой встретил на Колхозной площади офицера из норвежского лагеря. Гражданская одежда так же ловко сидела на его ладной фигуре, как и военная форма. Он узнал его издали, сделал невольное движение навстречу, чтобы обнять своего спасителя,

привести к себе домой, угостить в ресторане. Но бывший офицер неуловимым знаком показал: не обращай на меня внимания. И мой герой понял, что лучшей благодарностью для знакомого будет, если он его сейчас не узнает. Ни сейчас, ни когда-либо. Они разошлись в разные стороны, чтобы уже больше никогда не встретиться.

Мой герой, твердо храня обет молчания, ушел из жизни, не оплатив долг их спасителю. И только как-то, разговорившись, рассказал об этом мне, своему зятю, ведь девочка, провожавшая на войну отца и горевшая от жара из-за разлуки с ним, стала потом моей женой.

МАРИНА

В комнате было темно от сигаретного дыма, и первое что он сделал – открыл окно в парк, сбегающий прохладными террасами к морю, а потом присел к столу, где сиротливо жались друг к другу припасенные к свиданию коробка конфет и бутылка кислого молдавского вина; с любопытством посмотрел на сидящую перед ним незнакомую девушку, которую накануне они с Гогой час прождали на конечной автобусной остановке. Словно испытывая их терпение, через разные интервалы времени подходили красавцы «Икарусы» с уже освещенными желтыми аквариумами салонов, выплескивали пассажиров – знакомых по престижному санаторию, которые долго шли по кипарисовой аллее к невидимым от ворот корпусам, прежде чем оба решили, что ждать дальше не имеет смысла, и оставили свой пост. Но еще раньше ему показалось: в опустелом салоне прильнула к окну гибкая девичья фигурка, бросила в их сторону быстрый взгляд и исчезла.

Он почти уверен, что в окне увидел ее, гадая: было между ней и его соседом по комнате то, ради чего Гога неделю висел на телефоне, добывал угощение, эти негодные средства легкого обольщения, а теперь сидел в стороне, смущенный и растерянный, и было видно, как у него муторно на душе, да и у нее тоже. Она мало похожа на грешницу, из которой изгоняли семь бесов, сама как маленький бесенок, в свои двадцать лет не ведает, что творит, беспечно сообщая заезжим шалопаям служебный теле-

фон, а получки еле хватает сводить концы с концами, к тому же надо платить хозяйке за комнату, которую никто не подарит за ее красивые серые глаза.

Оба откровенно обрадовались его вторжению в открытую комнату, в тесный мирок, где молчание становилось гнетущим, и сам он не чувствовал себя третьим лишним, узнав, что в автобусе все-таки была она, только выйти к ним не решилась: они, наверное, ожидали увидеть звездочку «Мосфильма», каких пруд пруди по соседству в санатории «Актер». Говоря так, гостя, конечно же, лукавила, приbedняться ей было ни к чему, выглядела она хоть куда.

И эта душевная апатия неожиданно завела его, стало обидно за неопытную дуреху, которая бесхитростна и доверчива к тем, кто ее мизинца не стоят; она не читала Уолта Уитмена, считавшего, что если что-нибудь священо, то тело людей священо, и сказано это, надо полагать, в первую очередь о женщине; да и знает ли она, выросшая у моря, в белом городе, летнем пристанище преферансистов, валютных путан, кобелей всех мастей, что означает ее имя? Оказалось, знает. И тут он, наперекор ее малопонятному скепсису, неожиданно для себя стал рассказывать историю другой Марины, женщины моря, любившей корнета Елизаветградского гусарского полка Борю Лавренева в одна тысяча шестнадцатом году, в безлунную степную августовскую ночь, когда на кургане пряно пах чебрец и свистел, подглядывая за ними, озерный кулик.

Эту евпаторийскую Песнь Песней он досказал на пляже, пропахшем йодом и рыбой, куда они пошли, спасаясь от духоты номера, который вдруг стал им тесен.

Черное море, то же, что и полвека назад в Евпатории, большое и недоброе, шумело, как приближающийся пассажирский поезд из Адлера. Марина провожала взглядом молодую купальщицу, которая брела вдоль берега, по мокрому песку, надеясь найти оброненное кем-либо дорогое кольцо. Чайки хищно носились над пухнувшей черной водой, азартно рыбака и заходясь в крике, как грудные дети. Незаметно стемнело, и уже не разобрать надписи «Бросай утопающему» на шесте со спасательным кругом. На краю бульвара быстро росли штабели влажных лежаков, с полной нагрузкой работал затаившийся в частоколе масляных магнолий лифт, доставляя наверх любите-

лей танцев и вечернего стакана кефира; и только лысый грузный мужчина, похожий на киношного штурмбанфюрера, в шортах и кедах, весь лоснящийся от пота, как угорелый носился по парку, сбрасывая зимний жирок.

Уходила Марина, заметно повеселевшая, оттаяв душой и унося билет в цирк, который им навязали на пляже. Еще двумя билетами они запаслись днем раньше, не зная, куда деваться от скуки.

Цирковое представление мало отличалось от виденных. Отработав номер, артисты возвращались на арену, куда их вызывал на комплимент инспектор манежа, величественный, как швейцар пятизвездного отеля. Курортная публика, хорошо пообедав и отдохнув, не скупилась на аплодисменты, но номера не запомнились, как потом он ни напрягал память. Разве что удивил клоун, откровенно работавший под Леонида Енгибарова, чье сердце не выдержало мучительно трудной, каторжной работы, настоящую цену которой знал он один. Его называли клоуном с осенью в сердце, а оно наполнилось безнадежной любовью к королеве трапеции и добротой, переплавленной в золото аллегорических притч, из которых особо вспомнились пронзительные по горечи слова большого артиста, знавшего оглушительный успех и полосы отчаяния: «Зря, просто так обижать человека не надо. Потому что это опасно. А вдруг он Моцарт?»

Он посмотрел на сидящую рядом Марину, увидел близко просящие глаза, готовый поклясться: только что она плакала невидимыми, облегчающими душу слезами, и позже в антракте, продираясь в толпе, с захваченными с вазочки в буфете двумя последними плитками шоколада, искал глазами ту, к кому его неожиданно властно толкнула грубая темная сила, чего за собой он не подозревал, обычно уравновешенный и сдержанный, преодолеваемый внезапным желанием оградить ее от житейской грязи, досадуя на Гогу, который весь вечер ни на шаг от них не отходил.

Он подумал, как она одна будет добираться домой, и вложил в несмелую ладошку деньги на такси, сухую ерунду, понимая, что своих у нее нет, и оглядываясь на санаторный автобус, откуда сигналили, торопя его.

Подходил к концу срок путевки. Он перестал ездить в процедурную Мацесту, откуда возвращался пропахший серой,

как черт, не выходил на утреннюю зарядку к морю, слыша издалека энергичные команды девушки-инструктора лечебной физкультуры, не позволяющие застояться, озябнуть, на которые хотелось отозваться, все чаще выбирался в город, в район облюбованного книжного магазина, где на мозаичных плитках платановой аллеи стояла темная вода талого первого снега, и знакомая по прежним сезонам медсестра Жанна сказал ему с ласковым упреком: «Солнышко наше увозите».

Он знал, что им с Гогой и двум приятелям из соседней южной республики устраивают проводы и готовился к ним, растроганный вниманием малознакомых людей. В день отъезда, после полдника, его позвали к телефону. Он шел в комнату администратора, недоумевая, кому мог понадобиться. «Здравствуй, это я, – услышал он в трубке Маринин голос. – Хочу, чтоб ты знал, мне сразу очень не понравился Гога... Хочу тебя увидеть...»

Она первая решила помочь ему по своему разумению, внести ясность в их отношения, обещав напоследок прийти к поезду. Он слушал, понимая, что, как подмечено, все приходит к тому, кто умеет ждать, но слишком поздно, не в срок, и только глупое сердце продолжает надеяться.

Через два часа его поезд, и он навсегда, без чьей-либо помощи избавится от наваждения. Но вслух этого не высказал, под впечатлением разговора налег на водку и армянский коньяк и в конце концов оказался рядом с подавальщицей Лидой, обслуживающей их столик в столовой. Обливаясь слезами, она говорила о начальнике стройуправления из соседней республики: у него на удивление синие глаза, перед ними не устояла ее подруга. По вечерам синеглазый исчезал с неизменной бутылкой, пока не стал жаловаться на боль в сердце – расплата за не в меру потребляемое глумливое вино и выстраданную бессонную любовь.

«А очи черные вас не устраивают?» – спросил он у влюбчивой Лиды, которая до этого держалась скромной монашенкой. «Следующий сезон непременно будет вашим», – успокаивал ее, зареванную. «Через год я буду старая», – отвечала Лида, тронув его сердце неподдельным женским горем.

Он нежно поцеловал женщину, набив ее руки доминошными обломками шоколада, когда всей компанией высыпали во двор, к вызванной из города машине, на вокзале сразу поднялся в свой вагон и уже больше на перрон не выходил, до самого

отхода поезда, сидя в купе и машинально отламывая кусочки чебуреков, купленных в ресторане вместе с пивом и купатами, разыгрывая и пугая попутчиков, валял дурака – требовал дать ему проводницу, которую в глаза не видел.

Марину он снова увидел только через год на вокзале, возле тбилисского поезда, который она провожала с подругой. Она упрекнула его за то, что сбежал от нее в прошлый раз, сказала, что зимой вышла замуж, держалась с ним очень уверенно, была одета по моде, отчего смотрелась лучше, и, отмечая это, он вспомнил любимого Лорку: «И не стал я в нее влюбляться: она ведь – жена другого».

Очень скоро он потерял Марину в суতোлке привокзальной площади, а потом встречи с ней не искал, следуя совету великого андалусца, и только много лет спустя случайно узнал, что она прислала письмо, которое уничтожила, не читая, его ревнивая жена.

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

В моей жизни убежденного горожанина почти не было домашних животных, и вовсе не от нелюбви к ним, просто случай не представился. Только в один день все решительно переменилось, когда в подъезде нашего дома мы обнаружили дымчатого котенка. Он тыкался слепой мордочкой в ступеньки и требовал еды, заботы, элементарного внимания. Двух мнений не было – подкидыша взяли на довольствие, напоили натуральным молоком, которое тогда и днем продавали в государственных магазинах. Угощение пришлось ему по вкусу. Он пил молоко, набирался сил, рос не по дням, а по часам, и вымахал в симпатичного взрослого кота с удивительным разрезом глаз, которым можно было только позавидовать, с белыми подпалинами на груди и низу живота, как у красавицы, нежащейся на медицинском пляже. Скоро он почувствовал свою привлекательность, право на внимание и ласку, дремал на коленях у женщин, ворча свою нескончаемую песенку; едва завидев, бросался мне на грудь и взбирался на плечи, бесстрашно поглядывая по сторонам. В эти минуты я невольно вспоминал бесцеремонную студентку журфака, которую вместе с сокурсницами направили на прак-

тику в нашу редакцию, коренастую, со сросшимися бровями, сулящими счастье, готовую удивить всех своими репортажами и выйти замуж. Не знаю почему, но на второй день нашего знакомства она посоветовала мне взять котенка, хотя к тому времени я был женат, имел десятилетнего сына и на одиночество не жаловался. До сих пор жалею, что не поставил ее на место. Вот увидела бы меня с Кишем, обрадовалась.

Котенка мы назвали Кишем. Без всякой связи с лондонским героем – вождем индейского племени тлунгетов, удачливым охотником и невезучим в любви.

Безоблачное существование Киша прервал приход сантехника. Он собирал газовую колонку в кухне, трещал горелкой, сваривая водопроводные трубы, наследил в квартире едкими карбидными пятнами, словом, когда он ушел, Киш пропал. То ли воспользовался открытой дверью, то ли кто-то красавца выкрал. Два дня всем домом сбились с ног, заглядывая в каждый двор и зовя его, придавая голосу самые нежные нотки. Раз забрезжила надежда. Поздно вечером мы с женой, обойдя наш дом, обнаружили Киша или его двойника, сидящего верхом на мусорном баке. Он без угрызений совести смотрел на нас красивыми нахальными глазами, а когда мы осторожно приблизились, спрыгнул на землю и побежал в гору ленивой трусцой, свернул во двор ближайшего дома, где влез под автомашину, оттуда под оторванную дверь, что прикрывала широкий лаз подвала, исчез, как сквозь землю провалился, никак не поддаваясь на наши уговоры благоразумно вернуться домой. Очень обидно было участвовать в этих играх, но не мы их начали.

Наутро возобновили поиски, пошли знакомым маршрутом, но с тем же успехом. Я махнул рукой на удачу, вернулся домой, открыл дверь квартиры и остановился как вкопанный. Из-под стола в коридоре доносился едва различимый шум, будто включили игрушечный моторчик. Все еще не веря, я позвал и увидел Киша, неторопливо вылезшего из своего добровольного заточения. Он умолчал, как отсидел двое суток без еды и питья, до смерти напуганный сваркой, а я и не допытывался – поспешил на улицу обрадовать жену. Вконец расстроенная, она шла мне навстречу, вначале даже не поверила, что все обошлось благополучно.

Киш зажил обычной кошачьей жизнью, пленяя наших знако-

мых красотой и врожденной грацией. Зимой, правда, приболел, да так серьезно, что пришлось показать его в районной ветлечебнице. По дороге нас останавливали дети: «Подарите котика!», а как подарить, когда сами к нему привязались. Ветлечебница оказалась на замке, и, судя по всему, уже давно. Решили идти в другую – соседнего района. Там повезло: дождался ветеринара, молодого парня. Он осмотрел Киша, надавил на спинку. Киш жалобно пискнул. Ветеринар говорит: все ясно, у вашего кота начинается воспаление легких, но мы его вылечим. И вылечил – вколот антибиотик, кот наш ожил, бегаёт по дому, греется в коридоре, в проеме форточки, на весеннем солнышке, задирая соседского кота, черного как сатана, который намного старше его и не в восторге от нарушителя границы. Но Киш не думает уступать место под солнцем, дерется, как прирожденный боец, осыпая недруга градом чувствительных ударов в ближнем бою.

Это солнце его погубило. С наступлением весны Киша перевели в мою комнату, где он не только спал ночью, но и развлекался в дневное время, прыгая на книжные полки, часто срываясь с их полированной поверхности, и, как гимнаст, подтягивая свое послушное туловище.

Окна на улицу были открыты. Разогревшись на солнце, Киш начал поглядывать на молодых кошечек, которые откровенно строили ему глазки. Как-то раз не выдержал искушения, махнул по карнизу на волю, только его и видели.

Говорят, с котами обыкновенно так бывает: поживут в доме и уходят, обычно весной.

Пожаловался я соседу на нашего кота, а он в свою очередь огорошил признанием. Это он подкинул котенка в наш подъезд, знал, не оставим без внимания. Так и было, наверно. Соседа кошка – вылитый Киш. Сестра его, сразу видно. Та же масть и бесстрашно задирает собак, ходит живым укором перед глазами.

Зазубрины на книжных полках от Кишиных когтей я не замазал лаком, оставил как есть.

Стоят, как прежде, за стеклами умные книги. Есть среди них – и о любви, от Данте до Бунина, которые много писали об этом великом чувстве, крепком, как смерть, но так и не исчерпали его до конца.

«НЕ ПЛАЧЬТЕ ОБО МНЕ ...»

Это было в те далекие годы, вспоминал мой друг детства, писатель и киносценарист Леван Челидзе, чудесных мечтаний, перелицованных пальто и трофейных бельгийских браунингов, чаще всего неисправных, которые запросто можно было купить на Руставели или Плехановском за двести-триста-четыреста рублей старыми деньгами, а потом перепродать вдвое или втрое дешевле или обменять на туфли, на джемпер, на сверхмодный галстук с изображением голой девицы верхом на саксофоне, на настоящий футбольный мяч – «камера-оболочка», и когда каждый из компании имел свою кличку, прилипающую к нему на целые десятилетия.

И вот я в который раз прихожу к подъезду старинного дома, на фасаде которого надпись на мраморе: «Здесь жил один из основателей грузинского советского театра, большой художник, режиссер, народный артист Грузинской ССР Константин (Котэ) Александрович Марджанишвили (1872-1933)». Не без волнения нажимаю на кнопку звонка.

- Баба Леля, пришел Арсен Еремян, друг семейства, - объявляет Леван, открывая дверь квартиры, в которой он живет вместе со старшим братом Константином и двумя бабушками. С бабой Лелей, Еленой Михайловной, у нас особо теплые отношения. Наши родители дружили домами и семьями. Ее отца, Михако Вачнадзе, статного генерала, я обнаружил на семейной фотографии среди бомонда на свадьбе моего дяди в Манглиси. Много лет спустя, учитывая особые заслуги генерала Вачнадзе перед отечеством, советская власть оставила ему недвижимое имущество, включая квартиру, куда я теперь пришел. «Ваша фамилия гремела в Тифлисе и Баку», - говорит она с нескрываемым уважением, возвращая меня неволью во времена тифлиских дардимандов, беззаботных кутил, которые уходили из этого брэнного мира, не взяв с собой ничего, кроме разбитого сердца.

Кстати, о делах сердечных. Кузина бабы Лели – Елена Иосифовна Донаури-Марджанишвили, была замужем за Константином Александровичем, перешла с российской сцены в Театр имени Руставели и работала в нем в 1921-1926 годах, удостоилась звания народной артистки Грузии. Свой сценический псевдоним передала дочери, Ирине Львовне, заслуженной артистке республики, красавице с серо-голубыми глазами, матери моих школьных друзей Котика и Левана. Помогло ли семье столь близкое родство с рефор-

Эта удивительная аура притягивала сюда в разные годы Зураба Церетели, Нодара Думбадзе, Резо Чейшвили, Заура Болквадзе, друга семьи Елену Николаевну Гоголеву, Леву Баячева, Юру Чикваидзе, Джемала Лолуа, Вахтанга Кикабидзе, жившего по соседству... В доме – кольца, штанга, гантели. Это тоже традиция, потребность основательного тренинга для художников, которым нужны большие физические силы, чтобы реализовать задуманное. Здесь с детства дружили со спортом. Братья еще будучи учениками знаменитой тбилисской 43-й школы, которую окончила также Ирина Львовна, занимались в секции бокса клуба МВД у Левана Гудушаури, Георгия Вартанова, Саши Бакрадзе. Леван даже стал чемпионом Тбилиси. И если старший брат Котэ, окончивший Академию художеств по классу Сергея Соломоновича Кобуладзе, впоследствии оформил немало спектаклей, в том числе и в Грибоедовском театре («Игра без правил» Л.Штейна, 1962), больше жил и работал в Тбилиси, то Леван в молодые годы сопровождал родителей, подолгу живя в Кутаиси и Сухуми.

Серго Челидзе в 1938 году назначили главным режиссером и директором Сухумского государственного драматического театра, художественным руководителем его грузинской труппы. В театре работали три труппы – грузинская, абхазская, русская, и Челидзе, по сути, руководил тремя театрами, проявив, наряду с режиссерскими навыками, талант администратора-организатора. Ведущие артисты труппы получили сценическое образование в студии Акакия Пагава при Театре имени Руставели. Сам Серго третьего студийного выпуска 1926 года, пришел в коллектив руставелевцев с Эмануилом Апхаидзе, Георгием Сагарадзе, Гогучей Купрашвили и выдвинулся в число лучших грузинских режиссеров.

Первый спектакль его на сухумской сцене 29 сентября 1938 года – трагедия «Уриель Акоста» Карла Гуцкова, осуществленный по плану и монтажу Марджанишвили – свидетельство верности творческим принципам учителя, преемственности. 18 апреля 1943 года он восстановил у руставелевцев и постановку «Фуэнте Овехуна» - символ народного героизма (до победного конца Великой Отечественной еще далеко), отметив десятую годовщину со дня смерти учителя, и сделал эту работу с совершенно новым актерским составом ярко и любовно, как и на

сухумской сцене. Пафос героики, тема верности человека своему народу, воинскому долгу, столкновения сильных характеров отличают и другие челидзеvские спектакли в Театре имени Руставели в бытность его (1944-1948) режиссером-постановщиком – драматическую поэму «Хевисбери Гоча» С.Шаншиашвили, в основу которой положена одноименная повесть А.Казбеги, его историческую драму «Царица Кетеван», пьесу «Победители» Б.Чирскова... И все это на фоне грандиозной эпопеи.

В середине 60-х Серго Челидзе руководил грузинским ТЮЗом, где работала его супруга. Мое общение с народным артистом приходится на 1962-1964 и 1967-1970-е годы, когда Сергей Филиппович был главным режиссером Грибоедовского театра, поставил «Преступление и наказание» Ф.Достоеvского, «Трамвай «Желание» Т.Уильямса, «Криминальное танго» Э.Раннета, «Во дворе злая собака» К. Буачидзе и многое другое.

Я приходил к нему на квартиру в начале улицы Махарадзе обычно вечером, это было перед открытием сезона или накануне премьеры. Несмотря на поздний час, уютно светила лампа на письменном столе, раскрытые на нужной странице книги и рабочие наброски говорили о напряженной режиссерской мысли человека, который свято следовал девизу учителя: сначала театр, а потом все остальное.

Главный наш разговор с хозяином дома, свидетелем и участником самых значительных явлений нового грузинского театра, так и не состоялся. Многиеv осталось недоговоренным, нераскрытым за однодневными запросами газеты. Каждый раз я утешал себя возможностью новой встречи, нового разговора. А потом этой возможности не стало.

Я сидел за поминальным столом в день похорон Сергея Филипповича и слушал Додо Алексидзе, тогдашнего председателя Театрального общества Грузии. Его взволнованный монолог – признание большого вклада супругов Челидзе в развитие отечественного театра. Дмитрий Александрович вспомнил реплику недоброжелателя, мол, немудрено оставаться на хорошем счету в театре, будучи зятем Марджанишвили. И достойный ответ Сергея Филипповича: «Но не за каждого он согласился

бы выдать замуж свою дочь».

Они только начали встречаться, но уже подумывали о свадьбе. Константин Александрович, узнав новость, посадил Ирину и Серго в фаэтон с откинутым верхом и прокатил по центру старого многобалконного Тифлиса. Дескать, вот мои дети, они любят друг друга.

Медленно катился фаэтон на мягких шинах по Дворцовой улице, Головинскому проспекту, по Ольгинской... Люди смотрели на эту тамашу, блистательную постановку под открытым небом, и темпераментно по-тбилиски приветствовали их.

ДВЕНАДЦАТЬ РАЗГНЕВАННЫХ МУЖЧИН

«Каждый художник мечтает написать свою Джоконду, каждый шахматист – сыграть свою «бессмертную партию». Так писал мой друг Эдуард Гуфельд, известный гроссмейстер и шахматный литератор. Думал ли он в октябре 1973 года, отправляясь на очередной тур полуфинала 41-го чемпионата СССР в Кировабаде, что встреча с Владимиром Багировым станет его «звездным часом», а сыгранная партия будет сто раз опубликована в шахматных изданиях всего мира – его Джоконда принесла ему имя Эдуардо да Винчи!

Мало кто из шахматистов может похвалиться таким шедевром, о котором будут помнить всегда. Тем более я, бросивший шахматы еще в студенческие годы, чем огорчил своего наставника международного гроссмейстера по шахматной композиции Иосифа Крихели. Но память часто возвращает меня к партии, участником которой являлся, благо сыграна она была четырьмя годами раньше «бессмертной» Гуфельда. Возвращает к другой незаурядной личности, к выдающемуся львовскому гроссмейстеру Леониду Штейну, ушедшему из жизни в расцвете творческих сил, реального претендента на титул короля шахмат. «Смерть похоронила здесь блестящее дарование и столь же блестящие надежды», – скажем, вспомнив эпитафию на могиле Франца Шуберта, и будем правы. С этим человеком, не будет преувеличением сказать, гением шахмат, сами того не подозревая, мы играли шахматную партию, первую и последнюю. Впрочем расскажу по порядку.

Давным-давно, а именно сорок лет назад. Согласитесь, отрезок времени малый по сравнению с вечностью. Каждую неделю в урочный час в редакционном кабинете отдела республиканской информации и спорта раздавался телефонный звонок, и я уже привык к бодрому голосу своего украинского коллеги Володи Голубева: «Здравствуйте, вас приветствует Киев!»

Приветствовал он нас по прозаической причине: оба мы были капитанами команд двух республиканских газет – «Заря Востока» и «Правда Украины», предложивших читателям сыграть заочный Матч дружбы. Такие шахматные партии были очень популярны в период, почему-то называемый сегодня застойным. Но шахматная жизнь была ключом. Играли экипажи теплоходов и атомоходов, научные персоналы станций «Северный полюс» и Антарктиды, читатели газет и чемпионы мира, увлеченные плодотворной шахматной идеей.

И мы вносили посильную лепту во всеобщий шахматный бум. Ежедневно в редакционной почте оказывались десятки открыток с рекомендациями читателей, подтверждая истину: шахматам все возрасты покорны. Писали нам рабочие, колхозники, инженеры, педагоги, студенты, учащиеся, научные работники, журналисты... Не писали только бизнесмены, их тогда сажали в тюрьмы. Из посланий наших корреспондентов можно было узнать об их шахматных вкусах, о периодичности служебных командировок. У нас не было секретов друг от друга. Кто-то работал над дипломным проектом, готовился к вступительным экзаменам в вуз, собирался жениться и женился, что было не легче... По ходу матча, длившегося год, наши добровольные помощники повысили свой личный рейтинг, а один – Юрий Гаспаров – даже выполнил норму кандидата в мастера.

К середине лета обнаружили, что стороны играют один из вариантов чигоринской системы испанской партии. Еще через месяц украинская команда хитро обошла ловушку, которую мы им готовили, зная как 20 сентября 1965 года на Мемориале Капабланки в его родной Гаване наш Ратмир Холмов подловил самого Роберта Фишера, не ставшего еще затворником в Пасадене. Американец играл по телефону со всеми участниками, находясь в Нью-Йорке – госдепартамент отказал ему в выездной визе на Кубу.

Наконец настало время, когда нам наскучило объясняться в

дружбе заочно. Стали все чаще подумывать, как бы встретиться. Где это проще всего сделать в декабре? Конечно же, у ласкового моря, где солнце еще не ушло в отпуск и щедро делится своим теплом, как неопытная курортница. Решено – едем в Сочи.

По положению, финал марафонской партии играем на «нейтральном поле», так что действуем согласно правилам. После 26-го хода черных, а ими играли украинцы, если пользоваться шахматной терминологией, партия была отложена, и судьбу ее следовало решить пятерым лучшим участникам обеих команд.

Скоро поезд Тбилиси-Сочи мчал нас к месту назначения. Мимо окон проплывали отдыхающие пашни и сады, стационарные постройки и полустанки, а ко мне прицепилась песенка: «Мы едем, едем, едем в далекие края...» с задорным детским припевом: «Тра-та-та, тра-та-та, мы везем с собой кота...» Песенка пришла к нам из кинофильма 30-х годов «Концерт Бетховена». В фильме резвился и пел, попадал в смешные положения и играл скрипичный концерт Бетховена Тайманов. Еще не знаменитый шахматный гроссмейстер, претендент на мировое первенство, а десятилетний Марик Тайманов. Его выбрали на эту роль за необычайно артистическую внешность: выразительное лицо, умные глаза, копну волнистых волос, а, главное, за музыкальный талант. Сценарий фильма требовал, чтобы мальчик играл на скрипке, а Тайманов мечтал стать известным пианистом. Среди юных скрипачей не нашлось, хоть днем с огнем ищи, мальчика с такими ярко выраженными способностями, как у Марика. И ему предложили: научись играть на скрипке – получишь эту роль! Пожалуйста, пожал плечами мальчик и научился. Да так сыграл первую часть труднейшего для исполнения бетховенского концерта, что долго казалось невероятным, почему после этого он полностью не переключился на скрипку.

Как оказались бы сейчас кстати ваши советы, Марк Евгеньевич!

В грузинской команде – кандидаты в мастера тбилисцы – главный инженер Тбилисского отдела ЦКБ «Союзпром-механизация» Юрий Ветохин и его тезка Гаспаров из МВД; перворазрядники – преподаватель машиностроительного техникума Тамаз Сихарулидзе, инженер зестафонского завода «Грузкабель» Георгий Порчхидзе и девятиклассник из Сухуми Котэ Джоджуа. Под стук колес команда, не мешкая, приступает

к делу – анализу партии. Душой его, как и следовало ожидать, стал наш арбитр матча мастер спорта Юрий Чиковани. Князь Чиковани, помимо принадлежности к знатному роду, воспитанник знаменитой шахматной школы Республиканского Дворца пионеров, заслуженного тренера СССР Вахтанга Карселадзе, один из самых любимых его учеников. Двумя годами раньше он защищал шахматную честь Грузии на Спартакиаде народов СССР, сыграл отменно, став вторым на четвертой доске и опередив именитых турнирных бойцов. Поэтому не очень удивился, когда трехкратный чемпион страны Леонид Штейн, от зоркого глаза которого не ускользали подвиги чемпиона Тбилиси, пригласил его на межзональный турнир 1967 года в качестве своего тренера.

События в тунисском городе Сусе вошли в историю скандальным выходом из турнира его единоличного лидера Фишера и удивительными метаморфозами со Штейном в течение всего соревнования. Первые призы в больших и малых турнирах, легкость и красота собственной игры сослужили медвежью услугу львовянину, породили в выдающемся гроссмейстере чувство собственной неуязвимости и отсутствие «иммунитета» к поражениям. Свой приезд в Тунис он рассматривал, как легкий завтрак перед обедом. Первый удар судьбы он испытал, проиграв в шестом туре Фишеру. Второе поражение от Властимила Горта (отложив партию в выигрышном положении!) лишило его самообладания и душевного покоя. Один из явных фаворитов в итоге разделил 6-8 места, а потом в тройном матче уступил Решевскому и шестое, «выходящее» место в турнир претендентов на мировое первенство.

Эта череда разочарований и потерь оставила страшный след на сердечной мышце Штейна.

Но вернемся к нашей партии. Непродолжительный анализ в купе подтвердил, что едем в Сочи на щите. Черные незаметно оказались в положении защищающейся стороны, и теперь от них требовалась осторожность. Эта уверенность и извлеченные из сумки припасы, не только шахматные, привели команду в отличное настроение. За окнами густела черноморская ночь, и бодрствующий, как и мы, проводник уже справлялся о причине нашей радости. Во избежание осложнений и намечавшегося прихода начальника поезда отправляем остатки ужина и опо-

рожденную стеклотару в открытое окно.

Наутро в редакции сочинской газеты «Черноморская здравница» встреча с соперниками. Украинцы выглядят солидно: тренер общества «Авангард» из города Хмельницкий кандидат в мастера А. Ульский, перворазрядники – пилот гражданской авиации из Чернигова А. Волков, экономист Староженецкого райпотребсоюза Черновицкой области Д. Гнатюк, агроном отделения «Сельхозтехники» Киевской области И. Мирошниченко. Несколько подпортил общий рейтинг начальник цеха Харьковского кирпичного завода В. Решта, который ввиду большой занятости на производстве оказался обладателем 3-го разряда. Но это упущение с лихвой возмещал украинский арбитр матча Леонид Штейн. И я был рад видеть, как он с Юрой Чиковани уже через несколько минут дружески беседовали о чем-то своем. Надо ли говорить, что после драмы в Тунисе отношения недавних друзей оставались прохладными. В редакции успеваю спросить у Штейна, как это он, один из сильнейших шахматистов мира, занимался разбором редакционной почты и подготовкой материалов. Мой собеседник широко улыбнулся и добродушно ответил: «Вот объясните это им», – кивнув в сторону своей команды.

Доигрывание проходило вечером в одном из старейших зданий – санатории имени Мориса Тореза. Участники заняли столики в противоположных концах зала, который неторопливо мерили шагами оба арбитра, увлеченные дружеской беседой. Володя Голубев, благоразумно державшийся вблизи нашего столика, услышав реплику из неприятельского лагеря, отозвал меня в сторону. «Старик, – говорит, волнуясь, – ты понимаешь, что такие партии должны заканчиваться ничью. Иначе, что я скажу в ЦК партии Украины?»

Я спешу его заверить, что победит дружба. Развязка получилась прекомичная. Уехав за билетами на железнодорожный вокзал, по возвращении обнаруживаю опустевшее поле боя. «На 37-м ходу согласились на ничью», – огорченно сказали земляки. Доигрывание проходило в санаторном клубе, где курортники с утра настроились на танцы, обещанные программой культурного отдыха. Их доводам трудно было что-либо противопоставить командам Грузии и Украины, и танцоры победили шахматистов.

Вот тогда я убедился, что в городе Сочи темные ночи и

вечера тоже.

Окончание матча команды отметили товарищеским ужином в ресторане.

Мы уезжали из Сочи, не зная, что видим в последний раз гроссмейстера Штейна. Партия эта вскоре была опубликована в газете «Заря Востока» и всесоюзном шахматном еженедельнике «64» с комментариями экс-чемпиона мира Михаила Таля, разделившим 1-2 места на международном турнире в Тбилиси, и с моим письмом.

4 июля 1973 года члены сборной СССР напрасно ждали на аэродроме Леонида Штейна, который после командного чемпионата Европы в Англии должен был отправиться на межзональный турнир в Петрополисе, древней резиденции бразильских королей, и ехал с намерением победить. В гостинице «Россия» он почувствовал боль в сердце... Усилия врачей не помогли.

НАМ ТАНКОВ НЕ ДАВАЛИ

Бытует мнение, что евреи не воевали, в высшей степени несправедливое. Озорной ресторанный припев «Три танкиста, Хаим пулеметчик – экипаж машины боевой» подпольного баритонального тенора Аркадия Северного для меня ближе к правде, чем эта шутка. Два еврея в поезде громко обсуждают свои торговые дела. Их слушает русский, наконец, не выдерживает: «Перестаньте, сколько можно». Один из евреев: «Когда вы воевали, мы вам не мешали».

Слушая эти байки, я вспоминаю моего друга журналиста Семена Свердлина, любившего повторять, что получил престижное образование. До войны он окончил стекольный техникум в Ленинграде. Это ему не мешало писать лучшие в нашей газете очерки и фельетоны. За внешней строгостью и колкостью мастера скрывалась легкоранимая душа ребенка, благодарно отзываясь на малейшее проявление добра, на наш пароль из симоновской «Корреспондентской застольной»: «Там, где мы бывали, нам танков не давали, репортер погибнет – не беда».

В крутогрудой гостинице «Тбилиси» у знакомого буфетчика можно было взять бутылку – другую «Оджалешу». Неспешно потягивая терпкое вино, Семен вспоминал, как нес пшено ма-

тери в блокадный Ленинград, как проскочил по льду Ладоги в кузове попутной машины ЗИС-5, устроившись на снарядных ящиках. Волоча простреленную, плохо залеченную ногу, шел темными, пустынными улицами вдоль заснеженных трамвайных путей – трамваи не ходили, - стараясь не замечать зыбкие тени, трудно волокущие непослушные салазки, и торопясь домой, где в ледяной кухне, у стынущей буржуйки, ждала его мать. Редкие прохожие безошибочным взглядом голодного человека угадывали, что он несет съестное в заплечном мешке, предлагали меняться или продать.

Не зря спешил домой солдат, разведав обстановку, мигом слетал в соседний разбомбленный дом, разжился щепками. И пшено оказалось как нельзя кстати в бедном хозяйстве, заалела крепкими боками печка-спасительница, поспело горячее варено, и смерть, близкая как Пулковские высоты, отступила перед долгожданной встречей матери с сыном, поверив, что голыми руками нас не возьмешь.

Герой очаровательной повести Генрика Сенкевича – молодой художник и светский лев, никак не решит, кому из трех юных кандидаток вручит свое сердце. Вечером он оказался на берегу Вислы и видит, как у самой его кромки опрокинулась еврейская лодка с яблоками. Все семейство в сборе. Взрослые и молодые девушки, дети растерянно металась на берегу, не в силах чем-либо помочь. Полноводная река, без раскаяния за содеянное, хладнокровно катила темные воды. Пунцовые в лучах заката яблоки кувыркались на легкой волне, и такое безысходное отчаяние было на лицах потерпевших кораблекрушение, что художник отчетливо увидел картину – Евреи на реках Вавилона. «Там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе». Выставленная в варшавском салоне, картина обеспечила ему известность и успех, особенно у прекрасного пола.

Остряки уверяли, что из десяти заповедей он облюбывал одну: не желай себе жены ближнего твоего. Но это будет много позже, а пока, наскоро поговорив с евреями, он начал писать картину прямо на берегу, но скоро остановился, заметив перемену в настроении своих натурщиков: они улыбались сквозь слезы. «Евреи, горюйте!», - крикнул он нетерпеливо. «А отчего нам горевать? – сказал живописный старик с библейской бородой. – Пусть горюют те, у кого нет работы, а пан художник обещал

нам хорошо заплатить».

Увлеченные разговором, мы не сразу замечаем, как к нашему столу подошел гигант в просторной светлой дубленке и с интересом хмельного человека разглядывал бутылку с любимым вином Сталина. Он оказался польским кинорежиссером и пребывал в Тбилиси проездом из Армении. В городских кинотеатрах «Спартак», «Руставели» и «Люксембург» триумфально, как подобает шедевру, шел «Пепел и алмаз» - фильм о трагедии Варшавского восстания. Парень из предместья Мацеж Хелмицкий, в темной рубашке и джинсах, в темных очках, со спортивной сумкой за спиной, поступает не по совести - в последний день войны выполняет нелепый приказ и убивает, а в финале картины бьется в предсмертной агонии на городской свалке. Лучшая актерская работа Збигнева Цибульского.

Мы поделились своими впечатлениями с поляком и услышали обескураживающее: «Анджей Вайда псих». Словно пытаюсь сгладить резкий отзыв, гигант пояснил: только документальное кино вправе претендовать на истину.

Как-то расхотелось спрашивать о Ежи Кавалеровиче, кого Сергей Параджанов за «Фараон» одарил именной старинной брошью. Может быть, этому своеобразному ордену художника кино суждено стать легендарным емшаном - пучком степной травы из Галицко-Волинской летописи, которую майковский хан Сырчан послал брату хану Отроку - смерть в краю родном милей, чем на чужбине, и поможет Кавалеровичу, поляку по менталитету, культуре и образу жизни - его бабушка была немка, а в жилах матери текла французская кровь - продолжателю старинного галицийского рода Кавалерян по отцовской линии, обратиться к армянской тематике, к истории страны праправнука Ноя.

Следуя ходу этих мыслей, я спросил гостя, какого он мнения о Ереване. Какая-то крупная неудача угнетала его, заставляла страдальчески морщить лоб. «У меня такое горе, - неожиданно сказал он. - На приеме в Кремле я вышел на середину зала, стал вот так, - незнакомец выпрямился во весь свой богатырский рост, уперев руки в бока, - и спросил: а что бы вы делали без евреев и армян?»

Этот вечер был щедрым на сюрпризы. Мы молчали, пораженные: решиться на такое в Кремле мог только безумец. Советские

танки пока не вошли в Чехословакию, но не забыты постыдные послевоенные кампании – борьба с «безродными космополитами», дело кремлевских врачей, травля Зощенко, Ахматовой, Пастернака, Гроссмана, когда любой разговор о национальном объявлялся проявлением буржуазного национализма.

Наш поляк совсем сдал. Мы проводили его до гостиничного номера, помогли стащить дубленку с плеч. В ту же минуту нас окружили молодые люди в одинаковых черных костюмах и вежливо, но требовательно посоветовали доверить гостя их заботам. Утром из интервью в нашей газете мы узнали имя вчерашнего незнакомца. Он в самом деле оказался выдающимся польским кинорежиссером-документалистом. В советскую страну его больше не пускали – помнили промах на правительственном приеме. Хрущев гневался не только на художников в Манеже.

С годами разошлись наши с Семеном Владимировичем стежки-дорожки. Меня сманили в республиканскую газету «Заря Востока», он трудился этажом выше – в Грузинском информационном агентстве. Общались урывками на нейтральной площадке третьего этажа, больше занятые своими служебными делами.

«Мы солдаты», – вспомнилась оценка коллеги нашего каторжного газетного труда. Так оно и было. До генеральских погон мы с моим старшим товарищем не дослужились, хотя в окопах не отсиживались, верой и правдой служа отечеству. Но начальство далеко и высоко – ему видней.

А он болел, неделями не ходил на работу. В нашу последнюю встречу меня не узнал, спросил отчужденно-растерянно: «Мы разве знакомы?» Будучи увезен семьей на историческую родину, тихо угас на руках дочери.

Остались мне от Семена Свердлина две его книги – «И смех и грех» и «Капитан не спускает флаг» с трогательным обращением: «Дорогому другу, близкому и сердечному, в знак глубокого уважения и благодарности за все что было. А счет будущего откроется надеждами на новые книги – Ваши и мои».

Ушел, оставив надежду – одну на двоих.

ГЛАДИАТОР ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Перед работами Александра Саакова хочется снять шляпу, даже когда ее у вас нет. И обрамить их, повесить на стенку в доме, каждый раз любуясь остановленным мгновением, воскликнуть вслед за великим пианистом: «Совершенно замечательно. Bravo!» Все покоряет в этом отзыве: и личная оценка портретируемого, и чрезвычайно высокая аттестация автора знаменитой «Паузы». Я люблю этот шедевр сааковского портретного цикла. Рихтер запечатлен не на концерте, затянутый в строгий фрак, а в редкую минуту отдыха (Сааков сказал мне: «Есть ли другой фотограф, снявший Рихтера в домашней обстановке, в халате?»). И хотя стоит он спиной к роялю, но опирается сильными пальцами о клавиатуру, рассеянно-отрешенно слушая умолкший аккорд, весь в творческом порыве. Как выразительны в египетском повороте головы огромный сократовский лоб, упрямо вздернутый подбородок, стиснутые губы, и как ощущается в кадре присутствие самого Саакова.

Как многие мастера художественной фотографии, он пришел в искусство из журналистики. Перешагнув порог редакции молодежной газеты, скоро зарекомендовал себя натурой творческой, с собственным видением мира, находя изюминки даже на съемках в производственной сфере, у станков, за которыми трудились такие же, как он, неизвестные работяги. Уже тогда его творчество не укладывалось в заданные стереотипы, в прокрустово ложе соцреализма. Приехавший в Тбилиси один из секретарей Союза журналистов СССР, глядя на созданных в кабинет фоторепортеров, спросил недобро: «Кто из вас Сааков?» – «Я буду», – ответил он, удивленный своей неожиданной популярностью. «За ваши «Лица» вы заслуживаете обращения не товарищ, а гражданин Сааков». К счастью, на дворе был не тридцать седьмой год. А фотографии «Лица, или Ампутированные души», заслужившей немилость журналистского начальства, выпала счастливая судьба. Лица этих пацанов, увиденных на спортивном празднике, коротко остриженных, отученных думать и готовых выполнять любой приказ, продолжают вызывать шок. Снимок удостоен 14 премий различных фотовыставок и вошел в число ста лучших на вернисаже «Европа-70» в Бергамо, оставаясь в центре внимания и в 2000 году в Москве, в вы-

ставочном зале журнала «Наше наследие» Российского фонда культуры.

Сотни снимков, самых-самых, за три десятка с лишним лет этого поэта с камерой. Из Москвы выставка отправилась далее – в Литву и Германию. 120 призов – на счету мастера, а он вспоминал пору ученичества, своих добрых наставников – выдающихся грузинских художников Елену Ахвледзиани и Ладо Гудиашвили. Первая передала ему любовь к Старому Тбилиси, второй – раскрыл секреты композиции и цветового баланса. Судите сами, каким способным учеником он оказался, «великих людей, которым всем обязан».

«Черный креп и черная кофта, – удивленно переспросила, – хоронить меня собрался?» А потом, достав требуемое, очаровательно ворчала: «Не фотомодель я. Не понравится мне – отвечать будешь». На следующий день, положив красивую руку на стопку отпечатанных портретов, сказала удовлетворенно: «А ты, оказывается, художник!» Задумалась, а потом решительно подошла к телефону: «Это я, Эличка. Слушай, Жора, у тебя в редакции находка. Держи его крепко».

Так, три с половиной десятка лет назад, с заказанного редакцией газеты «Молодежь Грузии» портрета Елены Ахвледзиани к ее персональной выставке, началось знакомство народного художника Грузии и Алика Саакова. Поистине судьбоносное. Наутро следующего дня, после обнародования портрета, в редакцию позвонила Нина Иосифовна, жена Ладо Гудиашвили: «Попросите Саакова зайти к нам».

К слову сказать, ахвледзиановские и гудиашвилевские портреты, выполненные с особой любовью и трепетом, были представлены на персональной выставке Александра Саакова в Музее истории Тбилиси «Карвасла» в числе 125 экспонируемых работ, и позже – в Арт-галерее на улице Пурцеладзе. Хотя трудно выделить что-либо из сааковской фотолетописи, этого удивительного эксперимента. «Я всю жизнь экспериментирую», – признавался он. Этот дар экспериментатора-творца был подмечен Ладо Гудиашвили: «Наше совместное сотрудничество в деле развития художественной фотографии благодаря эксперименту достигло интересной фазы. В вашем фототворчестве, в черно-белых и цветных фото вижу огромное мастерство, высокий профессионализм и наличие высокохудожественного вкуса».

Этот безупречный вкус чувствуешь в известном портрете Гудиашвили, в котором с математической точностью, до миллиметра, прочувствована зыбкая граница от дурного вкуса до произведения искусства. А вот оценка самого Ладо: «Высокоодаренный редким художественным вкусом, блестящий знаток и чародей художественной фотографии, наш любимый друг, чудный и благородный человек, Алик Сааков...»

Не менее впечатляет мнение Арама Хачатуряна: «Ваши работы – подлинные произведения искусства. Удивляют масштабность и амплитуда вашего огромного художественного дарования». «Это большая редкость, – отметила одна из основоположников фоторепортажа Шарлотта Брукс, представлявшая в столице Грузии выставку «200 лет США», – чтобы один человек мог так успешно работать в столь разнообразных жанрах. Фотографии А. Саакова живы и непосредственны, великолепны по цветовому и композиционному решению, подкупают своей искренностью».

И это только малая толика признательности и любви к человеку, сказавшему свое слово в искусстве.

«Считай, что я отчитываюсь за тысячелетие», – сказал мне Сааков. А помогал ему Тбилиси, где так многое несет отпечаток столетий. Ученик Ахвlediани сохранил и показал околдовывающие черты удивительно фотогеничного Тбилиси, море обаяния и магию его домов, улочек, неповторимых типажей старых тифлисцев – шарманщиков, букинистов, гадалок.

Графика в стиле ретро. Любимый цикл, названный им «Мотивами Старого Тбилиси», без которого невозможно представить фотомир Саакова. Как и цикл «Мои современники» – ставшие классикой глубоко психологические портреты Святослава Рихтера, Ильи Глазунова, Нино Рамишвили, Андрея Баланчивадзе, Элисо Вирсаладзе, Нино Ананиашвили... У этих работ можно простаивать часами, потрясенный открытием художника, его излюбленным приемом смотреть в глаза портретируемого, раскрыть что-то сокровенное, ему одному присущее, спрятанное за семью печатями души, не очень интересуясь, какой оптикой, каким современным техническим приемом светотрафики сняты эти люди – символы XX века, друзья Тбилиси и Александра Саакова. К этому же ряду относится знаменитый сааковский портрет Владимира Высоцкого – многократно увеличенный, он

был выставлен в Театре на Таганке в траурные дни прощания с поэтом.

К какой бы теме ни обращался фотохудожник, у него на памяти было любимое изречение Сенеки: «Гладиатор принимает решение на арене». И для самого Александра – Алика, как знали его повсюду, каждый выход на натуру Старого Тбилиси, каждая творческая командировка – был вечный бой, где на принятие решения порой отводится мгновение, прежде чем он нажмет на кнопку затвора узкоплечного фотоаппарата. Иные кадры он терпеливо караулил часами, потому они так впечатляют, как, к примеру, этот трогательный старый дворник, засмотревшийся на обнаженную красавицу, да так, что вот-вот свалится с его седой головы широкая кепка-аэродром. «Ты разрушил согласие в моем доме, – сокрушенно скажет он фотожурналисту, – после твоего снимка жена поломала метлу на моей спине». До полного крушения семейного очага не дошло. И снимок пользуется большим успехом.

Не менее выразителен сюжет «Перекур», с тремя тбилискими банщиками. Завернувшись в простыни, как римские патриции, жадно затягиваются сигаретой, каждый наедине со своими думами. Вот отдохнут минуту-другую и пойдут работать, гулко стуча деревянными сандалиями по кафельным плиткам. Кстати, эта окаменевшая музыка легко узнаваема в работах Александра. Мало кому известно, что он музыкант-ударник из первого состава «Орэра». А как же музыка, спросите? У знакомого литератора и журналиста я прочитал, как возвращался Алик поздно вечером домой, увидел двух незнакомых парней, обижавших девушку, его соседку. Она оглянулась, взглядом моля о помощи. Он бросился выручать. И вот – сломанная кисть. Прощайте, мечты о музыке. Красиво. И очень по-тбилиски. «Но ничего этого не было», – говорил с улыбкой Алик, и в жизни, и в творчестве больше всего ценя правду. А правда – травма в результате автоаварии. «Меня всегда тянуло туда, где звучали современные ритмы. Мне нравятся люди, вбирающие в себя динамизм современной жизни, неотделимые от нее своим стремлением выразить движение. Я не знал, как смогу делать это, и после долгих раздумий выбрал фотокамеру».

Стремление запечатлеть динамизм жизни привело его в спорт, в экстремальный спорт, ходить далеко не пришлось –

динамовский стадион был рядом с домом. Он постигал секреты плавания брассом, попутно находя привлекательность каждого вида спорта: остроумие футбола, молниеносность баскетбола, прозрачность гимнастики, горячую борьбу, невидимый высочайший вольтаж шахматной партии, мужественность хоккея...

Когда руководство Фотохроники ТАСС доверило новичку съемку хоккейного чемпионата мира-73, он, вопреки мнению скептиков, вошел в первую пятерку отечественных репортеров, объяснив свои профессиональные успехи: «У нас на Кавказе сильный человек всегда в почете. Наверно, поэтому меня привлекает силовая борьба – противоборство мускулов, воли, ума!»

Так говорил Александр Сааков, чьи снимки живут и пользуются успехом на выставках, как тысячи других его героев, шагнувших за пределы Грузии. Как девять сааковских шедевров, включенных в постоянную экспозицию Музея фотографии в Бьевре, под Парижем, – портреты Елены Ахвледиани, Ладо Гудиашвили, Нино Рамишвили, Святослава Рихтера, Арама Хачатуряна, Ноны Гаприндашвили, Элисо Вирсаладзе, гроссмейстеров (Тайманов, Таль, Полугаевский), цветное фото Старого Тбилиси.

Мы беседовали, сидя в крохотной квартирке Алика. Событие четвертьвековой давности было отражено в альбоме газетных публикаций об Александре Саакове, в творчестве которого прослеживался новый этап – натюрморты сюрреалистического цикла «Лоскутки сна», увлеченная работа с цветом, загадки которого он решал, изучая Данте.

«Кто автор этой статьи?» – спросили мы одновременно и дружно рассмеялись. Оказалось, я сам.

В последнее время все меньше оставалось поводов для веселья, смеха. Он стойко, до поры до времени, переносил удары судьбы. Спокойно, без надрыва рассказывал, как во время съемки соскользнул с парапета смотровой площадки облюбованной им Метехской скалы отложенный дорогостоящий его «Никон», кувыркнулся в Куру внизу. Это был удар для Алика, которого жизнь не баловала подарками. Не мирясь с потерей, он даже нанял водолазов, которые, увы, возвращались с пустыми руками. Крушение устоев в неузнаваемо изменившемся обществе стало и его личной драмой. Его шедевры оказались ненужными на конкурсах журналистов, в редакциях газет и журналов,

куда пришли новые люди со своими критериями и оценками. Гордый по натуре, он какое-то время занялся поденщиной – обучал ремеслу обладателей цифровых камер, открывал им глаза на мир. Радость встречи с прекрасным черпал у друзей, возле книжных полок, примостившись в уголочке, уверенно находя любимые строки Данте, Блока, Гейне, Надсона, Апухтина, Моэма. А потом надолго исчезал, вел уединенный образ жизни, не отвечая на телефонные звонки, оставаясь наедине со своей грозной болезнью...

С его неожиданным уходом из жизни, как это, к сожалению, бывает не раз, появились наследники, претендующие на открытие его персональной выставки и даже студии, передачи архива в музей. Это запоздалое внимание к личности большого мастера напомнило мне заключительные строки из превосходной книги Эраста Кузнецова «Пиросмани», слова виноторговца Месхишвили: «Где вы были тогда? Если он был великий – почему на него не обратили внимания? Где были ваши глаза?!»

ЭТИ ДВАДЦАТЬ МИНУТ

Не вернуть время вспять и жертвы домой живыми и невредимыми – с роковой отметки в русле главной улицы Тбилиси.

У этого лобного места страшная судьба, как у кахетинского села Архилоскало.

Почерк палачей с веками не меняется. Физический и нравственный урод из четырнадцатого века Тимур-ленг повелел своим всадникам потоптать конями и раздавить бревнами уцелевших от погрома детей и на чудовищном гумне поставил шатер, где пировал с верными ему военачальниками.

Построенная в память убиенных младенцев Калоубанская церковь Святого Георгия не избежала участи соседних церквей – была взорвана и растащена до последнего камня. Власть безбожников подняла на их месте помпезные дворцы послушных наместников и недостойных правительств.

С лица земли были стерты находившиеся за оградой Военного собора могилы капитанов Зандукели и Туманишвили и их соратников – жертв февраля 1921 года.

Трагедия 9 апреля 1989 года – из этого ряда, непреходящая наша боль.

Годы отделяют нас от черного утра расправы агонизирующей власти со своим народом, но не просыхают от слез глаза матерей. Полыхают многоцветьем костры цветов, печально колеблется пламя свечей, в упругом весеннем воздухе плывет поминальный звон несмолкаемых колоколов.

Центр города, его гордость и краса.

Вся наша жизнь связана с проспектом Руставели, раскрыта ему. Мы спасались от летнего зноя в его прохладных аллеях, гуляя не такими парижакками, а обыкновенными городскими ребятами, выгладив единственную ковбойку, шли на свидание с девушкой.

А потом гуляли с детьми и внуками мимо первой школы-гимназии, где впервые прочитали слово «родина» и поняли, что за нее отдают свободу и жизнь.

Здесь в День физкультурника проводились этапы эстафеты, и мы узнавали в лицо чемпионов и не подозревали, что на асфальтовой глади проспекта когда-либо состоятся поединки со смертью, в которых намеченная жертва бежит из последних сил, не надеясь на подмену и слыша за спиной топот солдатских ботинок преследователей с тяжелыми, как булыжник, пехотными лопатками в руках.

Но это было, было... 9 Апреля.

Днем раньше на многострадальном проспекте провели сатанинскую акцию устрашения. Перед участниками массовой многодневной голодовки прошли боевые машины пехоты. В воздухе, как вспугнутое воронье, носились боевые вертолеты, почуявшие знак беды. По замыслу командиров их грохот должен был заставить малодушных прижаться к земле, покориться злой воле кучки людей, присвоивших себе право принимать незаконные решения, в которых потом не найдут здравого смысла.

Административно-командная власть, как промотавшийся игрок, примется собирать силы, вооруженные силы по всей стране. И в считанные часы они тысячами начнут прибывать в Тбилиси, эти обученные усмирять омовцы и десантники, чья часть месяц назад вышла из Афганистана, куда их тоже не звали. Они тайно прибывали и размещались на окраинах, готовые к сшибке.

Генералы решали, как быстрее провести армейскую операцию против мирного митинга. Все, казалось, они предусмотрели

ли: как перекрыть артерии ближних улиц, выхватить из толпы и захватить отдельные группы людей, как будто речь шла не о советском городе, а о захвате вражеской территории, но главного не учли – подобно звонким весенним ручьям, уже наполнилось, наливалось силой национально-освободительное движение. И эта широкая полноводная река была готова снести нечисть и ложь, фарисейство и произвол.

Узнав, что голодающей на проспекте молодежи угрожает опасность, тысячи людей, отказавшись от привычки повиновения и синдрома вечного страха, в едином порыве устремились на площадь со священными для грузин именами – Сакартвело, Руставели, Илья.

Теперь это была неодолимая сила.

За ней следили из окон своих огромных кабинетов высшие чиновники власти, всем ходом истории оказавшейся банкротом. Не понимая, что происходит там, за циклопическими бронзовыми телами рабочего и колхозницы, лживых символов эпохи, они всматривались близорукими глазами в темноту, но видели лишь отдельные лица, освещенные зыбким пламенем свечей...

Над площадью взорвалась песня – громкая, жизнеутверждающая. И в минуту смертельной опасности грузины остались верны своему характеру – за десять минут до кровопролитного побоища пела и танцевала вся площадь.

Первыми показались бронетранспортеры. За ними шли солдаты...

Разум отказывается понимать логику дальнейших событий, и только лихорадочно пульсирующие строчки таймера документального фильма и шокирующие фотоснимки свидетельствуют о преступной акции.

Армейская операция заняла двадцать минут.

На осиротелом проспекте остались убитые и раненые. Перевернутые телефонные будки, разбитые витрины, раздавленные женские туфельки и сумки – следы чудовищного парада смерти.

Можно пытаться фальсифицировать события, разбить камеру кинооператора, засветить пленку фотокорреспондента. Рискую жизнью, эти смельчаки работали на проспекте. Солдаты гонялись за ними с особым остервенением.

Но невозможно скрыть правду, стереть народную память. И мы помним. И всегда будем помнить этот скорбный апрельский

день – символ национально-освободительного движения, восстановления грузинской государственности.

День единения Грузии.

С ШЕКСПИРОМ ПОД РУКУ

Эрнесто Росси, сын ливорнского купца, предназначавшего наследника карьере адвоката, в 18 лет уходит из дома и поступает в труппу Каллу. В его тайные планы посвящен дедушка, которому дано обещание вернуться «великим, исполинско великим артистом». Для осуществления этой мечты мало родиться в сорочке, и Росси работает над собой с демосфеновской настойчивостью. К концу 60-х годов он становится самым крупным артистическим именем Италии, наряду с великими его современниками Аделаидой Ристори и Томмазо Сальвини. Три театра в Италии были еще при жизни актера названы его именем. Рассказывали, что во Флоренции публика остановила оперный спектакль бурными аплодисментами в честь артиста, появившегося в ложе простым слушателем.

Итальянский литератор и ученый Анжело де Губернатис, впервые увидев Росси в роли Гамлета, сознается, что игра артиста заронила в его сердце искру истинного понимания искусства. Эти прекрасные слова, отмечает Росси в автобиографических письмах, сами по себе служат уже высшей наградой артисту за его продолжительную, полную терпения жизнь для искусства.

Весной 1890 года тифлиские газеты сообщили о гастролях знаменитого итальянского артиста Эрнесто Росси с труппой. Приезд стал крупным событием в театральной жизни Грузии.

Газеты писали о триумфальных выступлениях итальянского трагика на сценах Германии, Франции, Швейцарии и России.

В субботу вечером 26 мая тифлисская публика выезжает во Мцхета для встречи артиста. На железнодорожном вокзале Росси встречали с военной музыкой и бенгальскими огнями. Ему преподнесли восемь букетов, на всем пути от вокзала до гостиницы, где остановился артист, ехавшая за ним в фаэтонах публика его приветствовала словами «Evviva Rossi!»

В первом спектакле Росси выступил в роли короля Лира в одноименной трагедии Шекспира. Как пишет рецензент газеты

«Новое обозрение», Росси в «Короле Лире» – король прежде всего. Он особенно старательно занимается грандиозным контрастом королевского величия Лира в начале трагедии и его последующего падения. Начинается борьба старого короля за свое достоинство. После вспышки из-за неподанного вовремя обеда разыгрывается громовая сцена с Гонерильей. Росси произносит проклятие сдержанно, торжественно, словно читая грозную обрядовую молитву. Особенно характерную для замысла роли фразу «я все вам отдал» Росси начинал как бы в изумлении и заканчивал ее громовым угрожающим голосом. В дальнейшем, когда Лир, сломленный страданиями, постепенно становится из короля все более и более человеком, трагический подъем Росси потрясает зал: после сцены с Корделией в четвертом акте плакали и мужчины! Лир склоняется на колени перед Корделией. Он выносит ее, уже мертвую, на руках, бессвязно лепеча свой последний монолог, перескакивая с одной мысли на другую, и внезапно, как сноп, падает на землю мертвым от разрыва сердца.

Публика достойно оценила Росси, одного из крупнейших актеров-трагиков XIX века в вечер его первого выхода. Такого воодушевления, таких оваций еще не наблюдалось в Тифлисе, Вызывали и антрепренера Казенного театра В.Форкатти.

Еще ни на одном спектакле, сообщала газета «Новое обозрение», Росси не был предметом таких продолжительных, бешеных оваций, как в «Макбете». В сценах геройской самозащиты Макбета Росси ужасен. Ни один артист из всех звезд, украшающих европейские драматические сцены, не в состоянии пойти дальше Росси: искусство здесь кончается. Бледное, возбужденное и гордое лицо, громовой голос, быстрые резкие фразы – все это заставляет дрожать восприимчивого зрителя.

Русский литератор и театральный деятель Сергей Юрьев находил, что группа Лаокоона в скульптуре, Страсбургский собор в архитектуре и Росси-Макбет на сцене – три равносильные и однородные художественные явления.

Артист получил венок от грузинского драматического общества с надписью: «Царю искусства и дорогому гостю Кавказа» на грузинском и итальянском языках.

В последующие дни Росси с исключительным успехом выступил в шекспировских «Гамлете», «Ромео и Джульетте», «Кориолане», «Отелло», «Венецианском купце», в драмах «Кин,

или Гений и беспутство» Александра Дюма-отца, «Нерон» Пьетро Коссы, «Людовик XI» Казимира Делавинь, «Гражданская смерть» («Коррадо») Паоло Джакометти.

Характеризуя потрясающий художественный реализм Росси в драме «Людовик XI», театральный рецензент напоминал, что выдающийся русский терапевт Сергей Боткин в своей лекции рекомендовал студентам изучать Росси в Людовике, как на редкость типичный образец прогрессивного паралича.

Тифлисская публика с нетерпением ожидала представления «Гамлета», чтобы сравнить Эрнесто Росси с Петросом Адамяном. Армянский трагик в 1980-1890 годах с успехом выступал в России – в Москве, Петербурге, Одессе и других городах. «Ни Сальвини, ни Росси, ни Поссарт, ни Барнай не дали нам такого цельного, художественно законченного Гамлета, как г.Адамян», - пишет в 1897 году «Одесский вестник». Газеты тех лет восторженно отзываются и о таких ролях Адамяна, как король Лир, Отелло, Коррадо, Уриэль Акоста, Арбенин... Апофеозом этих восторженных отзывов стали слова одного из столпов русского театра Владимира Немировича-Данченко: «Адамян – это явление, это подлинная легенда!»

Но заглянем в воспоминания Ованеса Туманяна, который в тот вечер был среди зрителей тифлисского театра.

«Вышел Росси – прославленный актер, несчастный принц Дании. Все, затаив дыхание, следили за игрой великого трагика. Кончилось действие, зал задрожал от аплодисментов. Росси вызывали много раз. Он выходил, пока публика не успокоилась. И как только она успокоилась, так сразу же, еще под свежим впечатлением от игры, почти единодушно вынесла решение: «Прекрасен... Но Адамян выше». Может быть, никогда в жизни я как армянин не испытывал такой гордости, какую испытал в тот вечер».

Далее следуют пронзительные по горечи слова: «Однако не могу сказать, что было сильнее – гордость или печаль... Адамяна у нас не оценили и, беззащитный, сошел он безвременно в могилу».

15 июня в честь итальянского артиста был дан обед в ортачальском саду, на берегу Куры. Росси поднял тост за Кавказ, «этот полный благородства уголок земли, который при всех его превратностях тщательно сбережен природой, быть может, для

того, чтобы иметь в нем образец красоты. Я пью за здоровье вашей дорогой родины, прославленной широким гостеприимством».

После обеда началась лезгинка, от которой Росси пришел в восторг. Танцор Гиго Карангозов сделался с этого момента героем пира, и итальянский артист впивался взором в ноги танцора, «говорящие лучше языка», как выразился Росси. Лезгинка совершенно очаровала его и он долго повторял: «О, это бесподобно... сколько жизни и энтузиазма в этом народе». Публика сопровождала артиста до его квартиры, и когда он вышел из фаэтона, то был подхвачен на руки и таким образом внесен в комнату («Новое обозрение» 17 июня 1890 года).

Накануне отъезда Росси по инициативе грузинского драматического общества был устроен прощальный праздник. На сцене банковского театра были разыграны одно действие из комедии Авксентия Цагарели «Ханума» и водевиль Рафаэла Эристави «Комедия с дядюшкой». Росси остался очень доволен спектаклем. Особенно ему понравились Васо Абашидзе, Нато Габуния и Маро Абашидзе-Сапарова, которые в этот вечер были в ударе и играли с замечательным мастерством.

После спектакля Росси был поднесен роскошный букет от грузинской труппы. Росси и его спутники были приглашены на ужин, устроенный в саду «Ваза», на котором с остроумными, изящными речами выступили Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели.

Через несколько часов артист уже был на вокзале. Провожать его приехало множество друзей. Общей темой напутствий было желание видеть Росси, вернувшимся в Тифлис «с Шекспиром под руку», по его собственному выражению. «Неужели мне больше не доведется вернуться в этот прекрасный край», - со слезами на глазах отвечал публике растроганный артист.

Мечте Росси не суждено было сбыться.

В 1895 году он вновь посетил Россию, отпраздновав на сцене московского театра «Новый Эрмитаж» 50-летие своей сценической деятельности.

Артист предполагал быть в Тифлисе в конце мая. Однако 14 мая 1895 года в газете «Кавказ» появилось сообщение о том, что «по случаю землетрясения в Италии, Росси вынужден отказаться от дальнейших гастролей до будущего года».

Эрнесто Росси умер в 1896 году, до последних дней не покидая сцену. Он заболел на пароходе, на пути в Ливорно из Одессы, где прошли его последние гастроли в России. Через неделю после возвращения актера не стало.

ПЕПЕЛ СЕВАСТОПОЛЯ СТУЧАЛ В ЕГО СЕРДЦЕ

Небольшая лодка, которую получил Ярослав, вызывала обидные реплики на базе. Друзья медлили поздравлять Иоселиани. Опытные подводники знали, что лодка, командование которой доверили отважному свану, не имела на своем счету побед. Молодой командир догадывался о толках, но знал он и другое: как ни мала его подводная крепость, она представляла опасность для немецких транспортов, а свести счеты с врагом ему хотелось давно, просто руки чесались от нетерпения.

За спиной остался опаленный огнем Севастополь. А дальше открывалась бесконечная морская ширь, за которой была его Сванетия. Мальчиком Иоселиани покинул родное селение Лахири. Ярослав жил в Гагрском интернате. Потом поступил в Сухумский педагогический институт. По комсомольской путевке в 1934 году пришел в ленинградское морское училище имени М.В.Фрунзе. Море властно позвало юношу, год он работал штурманом на Черноморском флоте. Наступила пора овладения искусством военно-морского дела. В 1940 году окончил сектор подводного плавания Морской академии имени К.Е.Ворошилова. Придя на море, Ярослав остался дозорным его рубежей. Черное море, знакомое с детских лет. Только все это отступило в прошлое, и золото пляжей, и гомон купальщиков. В первый день войны Ярослав доложил комиссару дивизиона подводных лодок: «Нам не следует бояться мелководья. Мы не подходим близко к берегу, а потому не часты встречи с неприятелем».

Знал он твердо, что воюют не числом, а умением. И, обходя отсеки лодки, знакомился с экипажем. Уверенность и спокойствие Иоселиани передались людям. А командир не скрывал от экипажа своих намерений. Лодка-малютка в кратчайший срок должна была выйти на первое место в дивизионе. Это в будущем, а завтра выход в море.

Трое суток шли к боевой позиции. Еще в пути Ярослав принял

решение подходить к неприятелю на предельно близкую дистанцию, а потом бить наверняка. Запас торпед, взятых на борт, был невелик, и расходовать их следовало бережно.

После обеденной вахты обнаружили семитонную баржу в окружении трех катеров. Иоселиани пошел в свою первую самостоятельную атаку...

Сколько их было, блестяще проведенных боевых операций, в обход минных полей, где на минрепах глубоко под водой притаилась смерть, многочасовые глубинные бомбежки, только первый залп по врагу запомнился до мельчайших деталей.

Вздрыгнула, освободившись от грозного груза, лодка. Спустя несколько мгновений в носовом отсеке услышали, как торпеда глухо ударила в борт баржи. Командир начал разворачивать лодку на обратный курс. Мелькнули в последний раз иллюминаторы баржи, и тяжелая посуда неловко начала валиться на корму. Очень скоро от баржи остались одни круги на воде.

Не успели подводники отпраздновать первую победу, как над их головами прошел катер. Немцы решили, что баржа подорвалась на mine, и не проявляли признаков беспокойства. Неприятель считал район плавания чистым, а потому следовало запастись терпением и готовиться к новым схваткам.

Ждали до захода солнца. Несколько раз поднимали перископ, но в его окуляре отражалась одна водная пустыня, словно залитая алой кровью. Бежала легкая волна, и ничто не напоминало об упорном бое, разыгравшемся вокруг. Солнце утонуло за кромкой горизонта. Казалось, настало время возвращаться на базу, но подводники чувствовали присутствие врага. И вот перископ приблизил движущуюся мишень. К ним пожаловал транспорт тысяч на шесть тонн. После взрыва он заметно накренился и сбавил ход.

Очень скоро о молодом командире с уважением заговорили бесстрашные подводники. Но боевое умение оставалось бы лишь умением, если бы не огонь ненависти, полыхавший в его груди. Ярослав вспоминал пустынные улицы Севастополя, оставленного после ожесточенных боев, поверженный в руины город. Пепел Севастополя стучал в его сердце. Никакое неравенство сил не могло его заставить отказаться от боя.

Вот и сегодня он занял боевую позицию на виду у самого Севастополя. Погрузили лодку и легли вдоль Лукульского створа. Только Ярослав сомкнул веки, как его сбросил с койки шум винтов вражеских катеров. Загремели взрывы бомб. В лодке стало темно, как ночью. На центральном посту сорвало задрайку. Вода с шумом

ворвалась в подводный корабль. Трюмные под ледяным душем бросились исправлять повреждения. Семь часов краснофлотцы находились под непрерывной бомбежкой, пока не оторвались от преследования.

К ночи обнаружили конвой, следовавший на Севастополь. В перископ отчетливо вырисовывались силуэты танкера водоизмещением три тысячи тонн, транспорта - около двух тысяч тонн, четырех самоходных барж, следовавших под охраной 12 кораблей и нескольких самолетов.

Иоселиани помнил наказ командира бригады, человека легендарной смелости, предложившего вести бой на короткой дистанции.

Танкер раскололи с двух кабельтовых. Погасло освещение в отсеках. Горохом посыпались в воду глубинные бомбы, общим числом до восьмидесяти, шум катеров то удалялся, то настигал лодку.

Спасение подводного корабля зависело от быстрого погружения. Коснулись грунта на глубине сорока метров. Плотность батарей была на исходе, а сторожевые катера все еще не унимались. Лежать дольше становилось опасно. Оставалось только прорываться сквозь минное поле, несмотря на опасность каждую минуту взорваться. Катера проводили лодку до поля - западни, а потом повернули восвояси.

Вот раздался леденящий скрежет по обшивке корабля троса, к которому подвешена мина. Только ушли от опасности, как коснулись нового минрепа, и на этот раз смерть обошла стороной.

Так воевали до сорок третьего года, когда громовое эхо возвестило о разгроме немцев под Сталинградом. Снова бороздит воды подлодка, на рубке которой растет число отметок о победах.

Дорога. Разрушенные от налетов железнодорожные пути. Голые, покрытые мхом скалы. Край белой ночи, в котором не чувствовалось дыхание весны. Здесь, далеко от Сванетии, Я.Иоселиани узнал о присвоении ему 16 мая 1944 года звания Героя Советского Союза. В представлении было написано: «За 11 месяцев 1943 года подводная лодка под командованием капитана 3-го ранга Иоселиани выполнила 11 боевых походов и потопила 12 судов противника общим водоизмещением 14200 тонн, нанесла повреждения двум его транспортным судам...».

Отметить высшую награду решил командир в открытом море.

Баренцево море не было ласковым. Но настроение у командира было приподнятое, он и его люди вели корабль вдоль заснеженных, казалось, безлюдных берегов. Именно оттуда пойдут вражеские

транспорты, эскорты военных кораблей. Сигнальщик доложил:

- Товарищ командир, курсовой угол пять градусов правого борта, дистанция двадцать кабельтовых, силуэт танкера!

Танкер имел большую осадку, вез столько горючего, что мог обеспечить танковую часть па полмесяца боевых действий. Не дрогнула рука командира, не донес фашистский танкер бензин до своих «тигров», разлился он по морским волнам. Карающая торпеда сократила век нескольким десяткам убийц.

Венцом побед был назван позднее этот поход Ярослава Иоселиани. Боевой счет подлодки пополнился еще тремя победами. После танкера встретили и проводили два транспорта. Была короткая дистанция, был риск пострадать от собственной торпеды, яростный обстрел с суши и моря, была двухдневная погоня фашистского эскорта – двух эсминцев и нескольких сторожевых катеров, но, в конце концов, благополучное возвращение на базу, приветственный салют кораблей, поздравляющих с тройной победой...

Все население Верхней Сванетии, казалось, вышло встречать своего знаменитого земляка, который однажды, уже в конце войны, приехал домой. Когда его спросили, за что он удостоился Золотой Звезды Героя, 34-летний капитан сказал: «Эта награда принадлежит всему боевому экипажу «Советской Сванетии» и вам, мои дорогие друзья, которые отдали свои личные сбережения на строительство нашей замечательной лодки. И она оправдала ваше доверие».

«В НЕБЕСАХ МЫ ЛЕТАЛИ ОДНИХ...»

Нагретая за день земля дышала теплом, спеющими хлебами. Он сидел под крылом самолета, на краю летнего палаточного городка, неторопливо перебрасываясь шутками с друзьями, и думал, как проведет свой выходной день в Одессе. Разрешение на поездку лежало в кармане. Автомашина за командирами авиационной школы должна была прибыть ранним утром, а потому спать он лег рано, собрав в легкий чемоданчик свои нехитрые вещи.

Проснулся он неожиданно, как и заснул, - от гула приближающихся самолетов. Ему, военному человеку, понадобились считанные мгновения, чтобы понять непоправимость случившегося. Закричала, словно спросонок, сирена воздушной тревоги, задонхнулась в вое пикирующих бомбардировщиков, грохоте огненного

груза. Война, о вероятности которой говорили на занятиях, вошла в их жизнь. На следующий день, 23 июня, отряд получил боевое задание защищать небо Одессы.

В составе девятки «И-153» Галактион Пипия вылетел на рассвете. Командовал отрядом старший политрук Савченко, опытный летчик. Набрал высоту, построились в предбоевом порядке. «Хейнкели» показались из-за Днестра, прижимаясь к земле, старались незамеченными проскочить к белеющему у моря большому городу. Но уйти они не смогли. Истребители атаковали их двумя звеньями. Третье осталось прикрывать своих сверху. Вот когда пригодились младшему лейтенанту полученные в авиашколе знания. Пипия летел ведомым командира звена Есикова. При первом же крутом вираже он достал «Хейнкеля», поймал в прицел паучью свастику на борту и нажал на гашетку, вкладывая всю ненависть в силу своих рук. В это же время пулеметная очередь прошла тело стервятника: политрук Савченко атаковал врага.

Галактион, выйдя из боя, даже удивился, как быстротечны оказались эти десятки секунд.

На земле поздравили с успехом в бою. Памятным он оказался, этот первый бой, за которым последовал незабываемый день, когда летчику-грузину выпало счастье спасти товарища от верной гибели.

Он возвращался на базу после выполнения боевого задания и вначале просто глазам своим не поверил: прямо под ним, беспомощно раскачиваясь на стропах, спускался парашютист, а вокруг, почуяв легкую добычу, кружились два «Мессершмидта-109». Он даже вскрикнул от досады, представив, как ловят эти разбойники беззащитную цель. Раздумывать было некогда. Переведя машину в глубокое пики, летчик открыл огонь из обоих пулеметов. Разгоряченные преследованием враги бросились наутек, а парашютист ушел вниз и вскоре пропал из виду.

Тогда он не знал, кто этот летчик. Прилетел к себе в часть и скоро забыл о случае в воздухе. Не думал, что снова доведется встретиться. А вышло иначе, правда, спустя тридцать лет.

Все эти годы майор запаса Владимир Воронцов, заведующий кафедрой Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева, разыскивал своего спасителя. И нашел. По архивным документам, по бортовому номеру самолета. Пригласил к себе в Москву. Самым дорогим гостем был Галактион в его семье, а потом побратимы встретились в его родном городе Цхакая (нынешнем Сенаки).

После Одессы их полк перебазировали под Сталинград, а затем направили в запасную авиабригаду в Подмоскowie. В конце сорок второго летчика со стажем инструкторской работы вызвал к себе командир бригады. Они до этого освоили новую летную технику – быстрокрылый «ЯК», такой нужный на передовой, и теперь ждали приказа вылететь в действующую армию. Но командование знало больше: к ним направлялась группа летчиков ВВС Франции, на эмблеме которой был герб Нормандии – два льва на красном фоне, провинции, наиболее пострадавшей от фашистов.

Сообщение полковника Шумилова было кратким: летчики с инструкторским опытом оставались в распоряжении авиабригады, в сжатые сроки им предстояло помочь французским пилотам освоить наши самолеты. Уже через несколько недель Пипия встретил в коридоре жилого помещения военных в незнакомого форме. Вслушавшись в их разговор, Галактион понял, что перед ним французы. Сражаться на советской земле против общего врага советским оружием... Это горячее стремление привело в эскадрилью разных людей – сына рабочего Альбера Марселя и потомка родовой аристократии Пьера Пуйяда.

– Господин русский, – услышал он в коридоре вежливое обращение.

Галактион остановился, с любопытством разглядывая обротившегося к нему. Конечно же, он слышал об этих парнях, летевших в Москву из оккупированной Франции, из Северной Африки, Лондона и даже из Индокитая, совершавших побеги из нацистских тюрем.

– Не господин я, товарищ, – улыбаясь, пояснил незнакомцам Галактион, – с Кавказа..., из Грузии...

– Камарад грузин, – француз-крепыш ударил себя кулаком по загудевшей груди, – камарад Жан-Луи Тюлян.

Французские летчики в ту зиму, осваивая незнакомую боевую машину, прямо-таки рвались на фронт. Морозы трещали на летном поле, доходили до тридцати градусов, а их, южан, невозможно было оттащить от самолетов.

В воздухе разворачивались жестокие бои, и майор Жан-Луи Тюлян погиб одним из первых. Это был тяжелый удар по эскадрилье.

...15 июня сорок пятого сорок боевых «Яков», нарушая традицию летать над Парижем не ниже четырехсот метров,

пролетели над столицей Франции и приземлились в аэропорту Бурже. Это был дар советского правительства, отметившего подвиги истребителей полка «Нормандия – Неман», которые на советско-германском фронте провели 859 воздушных боев и сбили 273 самолета противника.

Спустя многие годы в город Цхакая пришло письмо на имя «камарада грузина»: «Дорогой Галактион Алексеевич! Шлем вам сердечные и горячие приветствия с праздником Октября. Вы понравились французским летчикам, с которыми не раз тесно встречались. Помним, как на встрече 30-летия Победы вас сердечно обнимали. Вы наш боевой друг со времен войны, перегоняли для нас первые самолеты, на которых французские летчики в один только день 16 октября 1944 года сбили 29 самолетов без собственных потерь. Вы заслужили это уважение. Вы проводите большую работу по воспитанию молодежи, рассказывая о боевом содружестве советских и французских летчиков. Вот почему мы вас выбрали почетным ветераном полка «Нормандия-Неман».

Сколько дорогих воспоминаний всколыхнула встреча в Москве, Центральном Доме Советской Армии! Пьер Пуйяд, Жак Андрэ, Суваж...

Для французских летчиков Галактион Пипия, этот невысокий, крепко сбитый инструктор, оставался непререкаемым авторитетом, олицетворением отваги и мужества советского воина.

ОПАСНОЕ СХОДСТВО

Не понимаю людей, берущихся за дело, которое им чуждо и не по силам.

А Бежан меня удивил – позвонил по телефону и говорит: «У меня для тебя подарок».

Я представил себе, как он ждет, что собеседник в душе аплодирует. Он просто слышал эти аплодисменты на том конце провода, и поскольку я молчал, удивленный неожиданной щедростью, то поинтересовался, когда можно передать мне подарок.

Так я стал обладателем номера газеты, которую ни при какой погоде не читал.

Не испытывая радость чеховского героя, попавшего под лошадь и в газету, я открываю «Ведомости» и на странице интерес-

ного факта – придет же в голову такое – обнаруживаю заметку о себе «Полезное сходство». Ужасную галиматью, которую, по словам автора, якобы сам ему рассказал.

После смерти Михаила Таля, я предложил редакции литературного журнала очерк о нем, ни в коей мере не пытаюсь выпятить свое место в журналистских и шахматных кругах, а только движимый болью, которой эта потеря отозвалась в сердцах миллионов людей. Вспомнил «звездные часы» шахматного гения, моего современника, и наряду с другими гигантскими сражениями, какими так богата талевская жизнь, - финальный матч претендентов на первенство мира с Борисом Спасским в Тбилиси 1965 года.

Счет в матче был равный, когда я по редакционным делам пришел поздно вечером в гостиницу «Тбилиси». Узнал у администратора, что Таль пока не возвращался с игры.

«Вы его брат? – спросила она. И после моего ответа сказала убежденно: «Очень похожи!»

Скоро пришел Таль в сопровождении своего верного друга, спортивного журналиста и писателя Якова Дамского. Усталый и грустный, весь еще во власти неосуществленных на шахматной доске идей, доброжелательно глядя на собеседника, рассказывал о вещах, к Бежану никакого отношения не имеющих.

Мог ли он вынести такую несправедливость судьбы? Нет, конечно. А потому, переврав на целых девять лет время проведения талевского матча со Спасским, написал, что идя в гостиницу к Талю, я редакционного удостоверения не захватил. Дежурный администратор, которая до этого меня ни разу не видела, видимо, потому что я не был фарцовщиком или сутенером валютных проституток, взглянув на меня, отреагировала мгновенно: «Вы его брат? До чего же похожи. Таль пока не возвращался с игры. Но вы, естественно, можете подняться к нему». И протянула журналисту ключ от номера.

Это человеку, у которого не оказалось при себе редакционного удостоверения, а его, оказывается, почему-то надо предъявлять дежурному администратору.

«В их сходстве можно убедиться, - развязно продолжал автор, - если зайти в редакцию «Вечернего Тбилиси».

К тому времени я в этой редакции уже не работал.

Написав и опубликовав эту чушь, Бежан в тот же вечер по-

звонил мне, ожидая похвалы и благодарности.

В жизни я никого так не отчитывал. Оказывается, написано это исключительно для моей рекламы, как будто в ней нуждаюсь, а действительные факты, показавшиеся автору пресными, густо заправлены ложью. Попутно интересуюсь, насколько тактично, отмечая внешнее сходство двух людей, указывать даты жизни и смерти одного из них, сделавшегося в 1960 году чемпионом мира по шахматам. Помню, я сказал Бежану, что Таль, как мне доподлинно известно, не сделался, а стал чемпионом мира.

Сделаться обещала проститутка Вера с Головинского проспекта из бабелевского рассказа «Мой первый гонорар», приведя клиента в прелый гостиничный номер, уставленный трехногими креслами, и ставя на керосинку кастрюлю с водой.

Как выяснилось, Бежан тифлисского рассказа Бабеля не читал, а потому растерянно даже поблагодарил меня, узнав новый для себя смысл этого слова.

Когда мне наскучило отчитывать Бежана, я не отказал себе в удовольствии упрекнуть его в отсутствии фантазии. Еще бы! Администратор выдает незнакомому человеку ключ от номера. Незнакомец, в данном случае я, по прихоти моего неожиданного бытописателя входит в гостиничные апартаменты, а потом, сраженный усталостью, засыпает. Приходит жена гроссмейстера, не зажигая свет ложится рядом, и о ужас!

Я отказываюсь описывать дальнейшие события и отсылаю читателя к великолепному Александру Дюма – отцу, к его рассказу о приключении в маленьком селении Рош-Лабейль между Тюллем и Аргулемом молоденькой белошвейки из Тура Мари Мишон, а на самом деле герцогини де Шеврез. Из числа очаровательных сумасбродных созданий, которым постоянно приходят в голову самые странные причуды и которые созданы нам на погибель, - тайну рождения виконта Рауля де Бражелона.

Немного утешало, что заметка обо мне соседствовала с анекдотами из жизни выдающихся музыкантов, и я оказался в одной компании с Джакомо Пуччини, Джоакино Россини, Энрико Карузо, Максом Регером, как утверждала подпись, собранными и обработанными Бежаном.

А еще дружеский шарж – почесывающий затылок дурень с вечным пером величиной с добрую пику, в тележке с запря-

женным в нее ослом и лирой на шее вместо хомута. Видимо, намек редакции – в порядке рекламы – на то, что автор иногда балуется стихами.

Больше Бежан не звонил и не писал обо мне – обиделся.

ЭТОТ СУХОПУТНЫЙ КРЕЙСЕР «ВАРЯГ»

21 июня Александра Каландадзе вызвали в штаб полка. В тот же субботний день он вернулся в цитадель, но все дела пришлось отложить. Наступал вечер отдыха, когда под звездным небом натягивали холст и под стрекот киноаппарата на экране оживали герои любимых фильмов. Расходились не спеша, обсуждая игру актеров, строя планы на воскресный день.

Он долго не мог уснуть в ту ночь, беспокойно ворочался на койке, когда страшной силы взрыв потряс здание казармы. Обрушилась кровля, и в сторону ушла стена. Бойцы поспешно вскакивали с коек, полусонные, толпились в проходах. В грохоте разрывов снарядов тонули крики команды. И тогда они поняли: надо брать оружие, чтобы сражаться и жить.

Александр бросился к выходу. По лестнице, объятай пламенем, сбежал в подвал, где возле узких бойниц стояли его товарищи. Автоматчики в грязно-зеленых мундирах успели ворваться в казармы мотомеханизированного батальона. Несколько метров отделяло их от обороняющихся. По приказу старшего лейтенанта Потапова бойцы 333 стрелкового полка укрепили выходы из подвала и приготовились к отражению атаки.

Из сплошной пелены дыма и пламени память потом выхватывала отдельные эпизоды. Рукопашный бой в клубе, в здании бывшего костела. Уничтожен вражеский отряд у Тереспольских ворот. Восстановлена связь с 84 полком. Женщин и детей из полуразрушенного дома погранзаставы перевели в подвал.

Такими запомнились первые недели войны политруку роты 333 стрелкового полка Каландадзе, который вместе с другими соединениями принял бой с фашистами у стен крепости, вокруг которой обрастая догадками, как снежный ком, росла легенда о несгибаемом гарнизоне. За сотни километров от фронта, в глубоком тылу врага, около Бреста, в стенах старой русской крепости, на самой границе, сражались и умирали советские

люди, которых косили снаряды и пули, голод и жажда. Они воевали как герои и как героини погибли. Через два года, после наступления в Белоруссии, Брест был освобожден, и солдаты сорок четвертого читали на стенах и сводах подвалов уцелевшие от времени надписи – послания в вечность из 41-го года, которые наполнили их сердца гневом и жаждой мести. «Мы приняли первый бой 22 июня 1941 года. Умрем, но не уйдем».

Кто были эти бойцы гарнизона, насчитывающего в общей сложности около двух полков пехоты, и как расценить их подвиг в летописи самой кровопролитной войны? Сергей Смирнов в 1954 году взялся решить эту задачу и был отмечен высшей премией страны - Ленинской, 1965 года. Он прибегает к историческому примеру. Двадцать седьмого января 1904 года, в первый день русско-японской войны, близ корейского порта Чемульпо русский крейсер «Варяг» встретился в море с большой японской эскадрой. Экипаж «Варяга» принял бой с врагом, который в десятки раз превосходил его силой. Под страшным огнем эскадры героини сражались, презрев смерть, и предпочли затопить свой выведенный из строя корабль, но не сдать врагу. «Врагу не сдается наш гордый «Варяг» – слова из этой песни – свидетельство неуязвимой воинской доблести русского человека, символ советских воинов. «Варягом» Великой Отечественной войны стала Брестская крепость, которая первая приняла на свою каменную грудь вражеский удар страшной силы.

Приступая к своей книге, Смирнов знал, что о правде, которую долго скрывали от народа, можно было услышать от немногих уцелевших защитников, рассыпанных по всему Советскому Союзу, прошедших круги ада гитлеровских лагерей, вынесших несправедливость неправильного отношения к бывшим военнопленным, которые, бежав из мест заключения, продолжали сражаться вместе с партизанами, внося свой скромный вклад в великую победу, мотая сроки в лагерях на родине, которая для многих оказалась злой мачехой. Их надо было найти, бороться за честное имя безымянных рядовых бойцов. Смирнов написал свою великую книгу, посвятил ей десять лет – поездок и долгих раздумий, поиска документов и людей, многих их считали убитыми и написали об этом в журналах и газетах, объявили в радиопередачах при встречах с ними. В этой книге, на ее последней странице, я прочитал лаконичную запись: «В

Тбилиси на грузинском языке изданы воспоминания защитника крепости Александра Каландадзе». Я был знаком с героем смирновской телепередачи, встречался с ним в бытность его работы ученым секретарем Литературного музея и заведующим отделом академического Института грузинской литературы имени Ш.Руставели, писал о нем, получая возможность знакомиться с многочисленной корреспонденцией, идущей к нему из самых отдаленных от Тбилиси мест. Вот как эта.

На столе белели листки, исписанные аккуратным женским почерком. Письмо как письмо. Только это захватывало с самого начала. Отдельные строки были отмечены красным карандашом. Видно, для кого-то очень важными представлялись подробности, сообщаемые незнакомкой. Торопливо пробегаю строки. И в уютный кабинет, кажется, ворвалось эхо войны.

Письмо из Иркутска прислала Маргарита Ананиашвили. История обороны легендарной Брестской крепости сохранила память о старшем лейтенанте Георгие Ананиашвили. Долгое время считали, что члены семьи Гриши-грузина, так звали Георгия его боевые товарищи, погибли. Неизвестны были обстоятельства их смерти. Но вот книга старшего научного сотрудника института Александра Каландадзе «Дни в Брестской крепости» попала в руки копировщице иркутского проектного института, прочитавшей рассказ участника обороны крепости на Буге. Молодая женщина написала Александру Павловичу о своей нелегкой судьбе. Это письмо было находкой для человека, посвятившего много лет поискам героев Брестской крепости.

Перед самой войной Георгий Ананиашвили и капитан Яков Гелашвили привезли свои семьи в Брест. Тревога на рассвете застала обоих командиров в расположении первого батальона в семи километрах от города. Когда от фашистских снарядов начали пылать дома, Нино Ананиашвили и Маро Гелашвили укрыли детей под железобетонной лестницей. На третий день гитлеровцы согнали женщин и детей в городскую тюрьму. Кормили одной соленой рыбой. Несколько дней спустя им разрешили жить в Бресте. Однако гестаповцы по-прежнему не спускали глаз с домов, занимаемых семьями советских военнослужащих. У Ананиашвили были две дочери – 14-летняя Елена, которую дома звали Эличка, и Магули.

Семилетняя девочка с нетерпением ждала вестей от отца, ко-

торого не видела с начала войны. Однажды, выйдя на крыльцо, она заметила мужчину в штатском. Это был отец. Он завернул за угол дома и, увидев подбежавшую Магули, послал ее за матерью. Потом, много дней спустя, он пришел уже в дом, где с его близкими находились Маро Гелашвили и ее дети. Третья встреча отца с дочерью состоялась в деревне. Они долго сидели в стог сена, разговаривали. Магули о многом хотела спросить отца, но понимала, что о самом главном спрашивать нельзя. От этого зависела жизнь не только отца, но и его друзей, работавших в подполье. Это была их последняя встреча.

Магули помнит, как мать послала ее в деревню. Вечером туда должны были подойти Маро Гелашвили с детьми. Помнит сборы перед отъездом. Говорили – надо пробиваться в лес, к отцу. Не пришла семья Гелашвили ни в этот вечер, ни на следующий. И отец не давал знать о себе. Жила Магули у знакомого крестьянина. А потом фашисты передали ей узел с окровавленной одеждой, которую она тотчас узнала.

Своих близких девочка уже не видела. Перед отступлением оккупанты сожгли деревню, и Магули, спасаясь от огня, ушла в другое село. А потом она узнала о гибели отца.

После освобождения Брестской области Маргарита попала в детдом города Кобрин. Ее записали под именем Тамара. В 1945 году к ней пришел капитан Владимир Кинкладзе, долго с ней беседовал, а потом помог переехать в Грузию. Маргарита десять лет жила в семье горийского друга отца Артема Миназарова. Она вышла замуж и переехала жить в Иркутск.

Таковыми запомнились годы войны и оккупации семилетней девочке. Маргарита не пишет о том, что с первых дней войны ее сестра и члены семьи Гелашвили вступили в ряды народных мстителей. И отдали свои жизни в борьбе.

Эличка Ананиашвили – первая партизанка-грузинка, в течение трех лет сражалась в лесах Белоруссии. Не знаем мы, какие нечеловеческие пытки выдержала 17-летняя комсомолка. Из письма ее младшей сестры видно, что Лену схватили в тот вечер, когда, перекинув через плечо автомат, она шла на встречу с отцом.

В шестидесятые годы стало известно, что в Брестской области помнят 30-летнего худощавого, кареглазого весельчака Георгия Ананиашвили. Бывший командир кобринского партизанского отряда Ганасюк, связной Григорий Комисарюк,

Михаил Образцов, Степан Дулко рассказали о десятках боевых операций, в которых участвовал наш земляк.

Летом 1942 года гитлеровцы решили расстрелять семьи Ананиашвили и Гелашвили, замеченные в нелегальной работе. Командование партизанского отряда поручило Георгию спасти обреченных на смерть женщин и детей. С несколькими бойцами Ананиашвили приблизился к окраине села, но, видно, фашисты ожидали их прихода. В перестрелке было убито несколько партизан. Георгия тяжело ранили. Фашистские изверги расстреляли безоружных женщин и детей. Умиравшего Ананиашвили перенесли в село Братулево, в дом Ольги Земляковой. Когда враги напали на его след, он ушел в другое село. Оправившись от ран, продолжал мстить оккупантам.

Летним вечером 1943 года фашисты устроили совещание в церкви деревни Жабинковская. Командование отряда поручило Георгию провести операцию. Налет был неожиданным. Многие офицеры и солдаты пали от огня лесных мстителей. Когда к врагу подоспело подкрепление, партизаны скрылись. В деревне Ластовка они наткнулись на засаду. Фашисты решили живым или мертвым захватить Ананиашвили.

Неравный бой продолжался несколько часов. В живых остались двое партизан. Истекая кровью, Георгий и его боец вышли из окружения, направились к крайней избе деревни. Здесь их настигла погоня. Партизаны заняли чердак и открыли круговой огонь. Сумерки опустились на землю. Каратели поняли, что лобовыми атаками не добьются цели. Разложив сено вокруг, они решили поджечь избу. В перестрелке погиб товарищ. Скоро Георгий отбросил последний пустой автоматный диск. И безоружный решил подороже отдать жизнь. Раскидав крышу чердака, партизан увидел фашиста, который поджигал сено. Спрыгнул ему на плечи, выхватил автомат и лишился сознания от потери крови.

Долго пытали Ананиашвили в застенках гестапо, но не могли добиться от него ни слова. С гордым взглядом, несломленный, взошел он на эшафот.

Каландадзе, помню, рассказал: «На шестой день на центральном дворе раздался лязг гусениц. Три вражеских танка, развернувшись у ворот, прямой наводкой принялись расстреливать казармы. Смирнов так описывает в своей книге начало нерав-

ного боя с танками: «И тогда из подвала 333 полка выбежали два смельчака. Это были помощник начальника штаба 44 полка старший лейтенант Семененко и неизвестный старшина-артиллерист». Оба выкатили уцелевшее 45-миллиметровое орудие и развернули его в сторону танка. Несколькими выстрелами вражеская машина была подбита. Гитлеровцы поспешно оттянули танки. Семененко перенес раненного в правую руку старшину в подвал. После перевязки старшина вместе с Онисимом Асатиани установил миномет и через здание полкового штаба вел навесный огонь по врагам. Каландадзе помнил – это был Пантелеймон Абхазова. Он вышел на прорыв вражеского кольца и во время штыкового удара погиб.

По поручению Брестского музея Александр Каландадзе в 1958 году едет в Западную Грузию, в деревню Нигвзиани. Осенний пасмурный день угасал, когда он остановился у калитки дома его старого друга. Позвал: «Хозяин!» Из двери пробился луч света. Послышались легкие шаги по тропинке. К калитке подошла старая женщина и пригласила его войти в дом. Старушка говорит: «Вот-вот подойдет Амбросий. Совещание у них в школе, не иначе, – в это время он всегда уже дома». Трудные слова, с которыми Александр пришел, вырвались помимо его воли: «С Амбросием мы не знакомы, бабушка, я товарищ Пантелеймона».

Старушка медленно подошла к нему, и он увидел скорбные складки у рта, застывшее в глазах горе. Хозяйка, вдруг обессилев, опустилась на стул.

Стараясь сохранять спокойствие, Александр объяснил: «Мы с Пантелеймоном два года служили в одной части». Она молча смотрела на него, потом встала и позвала: «Христефоре, гость – товарищ нашего Пантелеймона». В комнату вошел седой как лунь, жилистый старик. Следом за ним – молодая женщина и дети – девочка и мальчик. Старик протянул руку, присел к столу. «Пусть будет счастливым, сынок, ваш приход в эту семью. Ваша фамилия?» Александр назвал себя. «Знаем вас, сынок! В первом письме его было про ваше знакомство: встретил, писал, земляка. И потом часто упоминал. Дня не проходило, чтобы мы не получали письма... А с тех пор, как ударил первый выстрел, ничего нет о нем... Не ведаем, куда он пропал... Долго мы вас разыскивали. Амбросий кому-то писал в Тбилиси, просил сообщить ваш адрес... Слава богу, вот и довелось свидеться».

Александр осторожно, взвешивая каждое слово, рассказывает, как познакомился с Пантелеймоном, как они вместе проводили день за днем на военной службе, как началась война. Старушка перебивает его, вспоминает отъезд сына в армию. «И работал он здесь, в Нигвзиани. Видели большое здание у дороги? Это школа. Там наш Пантелеймон учился, а потом оба с братом стали учителями».

Амбросий пришел часам к девяти. Похож на брата, как одна половинка яблока на другую. Такой же великан, крепыш. Александр с ним давно переписывается. Амбросий смотрит на мать, на жену, говорит: «Моросит, целый день моросит. Холодно. Затопить бы печь в той комнате, а то гость продрогнет». Мать и жена его выходят, за ними дети. Амбросий вполголоса просит: «Не говорите им, что брат погиб. Мы никогда не говорим о его смерти. Они не читают ваших писем ко мне, и я молчу. Мы вспоминаем его, как живого, и старики верят, что он вернется, привыкли ждать».

Он берет Александра под руку и ведет в другую комнату. Старик сидит у очага на скамейке и задумчиво строгает обрубок дерева. Мысли у гостя быстрые, путанные. Пантелеймон когда-то сидел здесь, у очага, вот также думал о чем-то и строгал ножом дощечку. Двадцать лет прошло, как он ушел, а здесь его продолжали ждать. Женщины пододвигают стол к огню, накрывают скатертью, приносят бутылки с вином – изабеллой. Старик смотрит на бутылки, берет их и выходит. Возвращается с кувшином, заткнутым листьями. Старушка говорит: «Господи, как же я сама не сообразила принести чхавери».

Амбросий рассказывает, что в саду у них есть всего лишь несколько лоз чхавери. Отец ухаживает за ними. Получается два кувшина вина, не больше. Пантелеймон любил это вино, и отец бережет его до нового урожая.

Старушка приносит альбом и пачку писем, объясняет: «Это, нэна, он снимался еще в Ланчхути... А это – когда был студентом в Кутаиси... Что ни суббота или воскресенье, домой приедет, бывало. Соседей обегает, будто десять лет не видел, каждое деревцо в саду погладит, мотыгу потреплет по рукояти, как старого друга...»

Александр достает фотографию из альбома и читает надпись: «Дорогим родителям. Брест-Литовск. 10 июля 1940 г.»

Старая Агата перехватывает взгляд гостя и говорит: «Всем хорош был наш сын, нэна, и поговорить умел, и учил детей славно, и в дружбе был верен. И там, на войне, не посрамил нас... Но не дожидаться мне его больше. Кому было суждено вернуться – вернулись, уже приехали домой. Да и мы, сынок, вырастили неплохого сына!»

Военная тема - главная в творчестве Александра Каландадзе. Выпускник филфака Тбилисского государственного университета довоенного выпуска стал писателем и ученым-литературоведом, вставив в свои книги впечатления тревожной молодости и боевых операций, которых хватило бы на десяток приключенческих книг. Как рассказать на одном дыхании в рамках книги целую жизнь, опаляющий огонь Бреста, четыре тяжелейших года – участие в польском антифашистском подполье, восстание советских военнопленных в концлагере на юге Франции, участие в интернациональной бригаде Сопротивления, счастливый День Победы, когда его, капитана Советской Армии, офицера связи советской военной миссии, подхватили и на руках пронесли по многим улицам освобожденного Парижа, удостоенного почетных наград – военного креста с серебряной звездой, медали «За храбрость»; для Александра Павловича продолжалась война в его романах «Зеленая ветка», «У маки», «Преодолевая себя», «Водоворот». Он автор пятитомного труда по истории грузинской журналистики, романов об Илье Чавчавадзе («Илья») и Александре Казбеги («Танец с кинжалами»).

Кстати, в романе «Водоворот» речь идет о Тулузе, центре Сопротивления на юго-западе Франции. В офицере Беридзе легко узнаваемы черты самого рассказчика, который до ухода в маки, нащупывал зыбкие тропы туда ведущие, верных людей, которым можно было доверить свое дело, свою жизнь. И свою любовь, добавим мы, ибо на дорогах войны он встретил скромную швею Ивет, которая спасла его от провала, разгадав в месье Бланша, приветливом и любезном хозяине ателье, агента гестапо. Глядя на бледное, исхудалое лицо девушки, освобожденной среди заложников, он думает о том, сколько горя, сколько невзгод выпало на ее долю, и он обязан сделать все, что сможет, чтобы она обрела счастье. Он собирается увезти Ивет, ждущую от него ребенка, но встречает сопротивление матери, мадам Сесиль,

причитающей: «Не отнимайте ее у нас, месье! Она – наше единственное утешение, а вы ведь возвращаетесь домой, к своим...»

Отходит от парижского перрона поезд, уплывает вдаль печальное лицо Ивет. «Приеду! Вернусь! Увезу! Приеду!» – стучат колеса.

Эта история имела свое неожиданное продолжение. Дочь Александра Каландадзе, Тамара, родившаяся в 1947 году, узнает, что в Гурии в газете опубликована заметка ее брата, скульптора и гражданина Франции Тамаза Каландадзе, который всего на год ее старше. Тамаз искал в Грузии своих родственников, и в 2007 году эта встреча состоялась в Тбилиси, а потом уже Тамара приехала во Францию к брату, который не знает ни слова по-грузински и по-русски. Тамаз познакомил ее со своей матерью Люсьеной, которая оказалась той самой Иветой, которая провозжала своего суженого на послевоенном парижском вокзале, как выяснилось, навсегда; познакомил со своей женой Мари, сыном Фредериком и дочкой Клер. Так что теперь дружить не только внукам, но и правнукам Александра Павловича, который пройдя огонь и воду, медные трубы, застенки концлагерей, не зачерствел душой, не ожесточился сердцем, остался человеком на самых трагических страницах своих книг.

Вспомнилась мне каска из Брестского мемориала, которую держит в руке каменный солдат, ползущий к реке за спасительной влагой. Рассказывали, что в самую жару каска остается полной, не высыхает. Это брестские мальчишки носят солдату воду с реки.

Припадают к ней губами, как к памяти народной, которая не знает ни забвения, ни границ.

ЛИЧНО ИЗВЕСТЕН

Короткое затишье перед съемкой, как перед боем. Расплавленный августовский день за окном номера тбилисской гостиницы «Иверия», тесного для его крупной фигуры атлета, популярного киноактера, народного артиста Армянской ССР и Якутской АССР. «От А до Я», как шутят коллеги-друзья. На столе - толстенная книга на немецком языке, которую отложил после моего прихода. Говорит он неторопливо, просто, мысленно перенесясь на Руставскую дорогу, где через два часа предстоит ему скакать во главе гремящей кавалькады...

- С вашего позволения, Гурген Оганесович, начнем с конца. Продолжаете работу над образом, который давно стал визитной карточкой для вас, сыгравшего 48 ролей в кино и свыше семи-десяти - в театре?

- В эти дни мы завершаем съемку фильма о последнем подвиге Камо, выступающего по заданию наркома Дзержинского в новом для себя качестве разведчика. После выхода фильмов «Лично известен» и «Чрезвычайное поручение» на киностудию пришли десятки тысяч писем зрителей с просьбой продолжить рассказ о человеке, в жизни которого всегда было место подвигу. Его шесть раз арестовывали, четыре раза приговаривали к смертной казни (из них последний приговор был заменен 20-летней каторгой). Трижды он бежал из тюрьмы. Его побег из Метехского замка в Тбилиси, по отвесной скале, Горький назвал фантастическим фокусом. Камо пять раз был тяжело ранен и более двух лет провел в психиатрической клинике в Берлине, где, скрываясь от полиции, гениально выдавал себя за сумасшедшего. Мы уже отсняли большинство эпизодов в Москве, Ереване, Баку.

Я родился в Тбилиси, на улице Камо, в год его смерти, в 1922-м, недалеко от дома, в котором он жил. В детстве мы играли в Камо, как в России играют в Чапаева. Видимо, уже тогда этот образ как бы вошел в мою плоть и кровь. И вот я снова в городе, не похожем ни на один другой, где у меня столько друзей на киностудии «Грузия-фильм», да и не только там. В Тбилиси живет моя «мать» - выдающаяся грузинская актриса Верико Анджапаридзе, сыном которой непродолжительное время я был в фильме «Можно ли его простить?» А в снимающемся

фильме моими партнерами выступают Гурам Сагарадзе и Бадри Кобахидзе.

- После Камо вы получили приглашения и снялись в сорока фильмах. В подавляющем большинстве то были роли людей мужественных, сильных. Видимо, выбор в известной степени был продиктован и тем обстоятельством, что вы человек военный, удостоенный 11 боевых правительственных наград, чувствовали себя в родной стихии, попадая по воле сценариста в самые невероятные переплеты?

- С детства я мечтал о море. После окончания мореходки участвовал в походе по спасению «Седова» из ледового плена. В первый день войны ушел добровольцем на фронт. На борту легендарного ледокольного парохода «Дежнев» с четырьмя орудиями и несколькими пулеметами 27 августа 1942 года вместе с другими отражал нападение фашистского тяжелого крейсера «Адмирал Шеер», оснащенный 70 орудиями, на порт Диксон – один из важных опорных пунктов Северного морского пути. Это был неравный бой. Фашисты пытались высадить десант. Мы поставили дымовую завесу, и дальше все шло, как на сцене. Завеса – занавес, наш пароходишко, вошедший в историю ВОВ как сторожевой катер-19, выскакивал, стрелял и снова исчезал в дыму. Неожиданно нас поддержала береговая батарея, чьи 150-миллиметровые орудия, уже подготовленные к отправке и незакрепленные, стояли на причале. Командовал батареей лейтенант Корняков. Два точных попадания в носовую часть и пожар на корме заставили фашистский крейсер выйти из боя. Вначале я стрелял из крупнокалиберного пулемета. Потом увидел, что из орудийного расчета остались только двое. Стал помогать им. Ранило меня в ноги и спину, подносил снаряды уже ползком... Потом врачи удалили около тридцати осколков, а всего – мелких тогда не считали – их во мне было до двухсот.

Выписался я из госпиталя, признали негодным к строевой службе, инвалидом второй группы. Время было, сами понимаете, горячее. А на фронт не пускают. Все же своего я добился. Был назначен в разведку в отдельный гвардейский мотоциклетный полк прорыва, которым командовал Герой Советского Союза полковник П. Белик. Наш полк, как правило, действовал на переднем крае и даже за ним. Так, в Бухаресте мы были на три дня раньше основных сил. Вот где, в разведке, пригодились мое

знание немецкого языка и регулярные занятия спортом. В довоенные годы я мечтал о лаврах Николая Королева, выступал в соревнованиях по боксу в чемпионатах Москвы и профсоюзов.

- Тогда, во время войны, вы, очевидно, были далеки от мысли о театре?

- Времени для него не оставалось. Под Будапештом был тяжело ранен в четвертый раз и уже списан вчистую... Надо было думать, как жить дальше гвардии лейтенанту. Подал заявление на режиссерский факультет ВГИКа и был принят в мастерскую одного из пионеров советского кинематографа Льва Кулешова. А потом был заснеженный городок Кустанай, на сцене драматического театра которого я сыграл немало ролей - Фердинанда в «Коварстве и любви», кардинала Монтанелли в «Оводе», Паншина в «Дворянском гнезде», Кнурова в «Бесприданнице», сэра Тоби в «Двенадцатой ночи». Еще в Кустанае узнаю, что режиссеры, ныне народные артисты СССР Степан Кеворков и Эразм Карамян, собираются снимать фильм о Камо - профессиональном революционере Симоне Тер-Петросяне, о котором я еще в детстве был слышан от своего отца, коммуниста с 1914 года. Сделал несколько фотографий и послал на «Мосфильм». Жду. Нет ответа. Шел 1956 год. Вскоре я смог вернуться в Москву. Устроился ассистентом режиссера у Александра Довженко на фильм «Поэма о море». Случайно узнаю, что актера на роль Камо еще не нашли. Иду в киногруппу, а там удивляются: «Что? Эти ужасные, полуплюбительские фотографии ваши? Немедленно сниматься!» А дальше вы уже знаете. Кстати, не все складывалось гладко. Положение осложнялось тем, что внешне я абсолютно не был похож на Камо. Когда сестра Камо, Джаваир, консультировавшая фильм, увидела пробы, то резко запротестовала против того, чтобы я создавал на экране образ ее брата. Но все обошлось. Именно она после премьеры фильма одной из первых поздравила меня с успехом, и, плача от нахлынувших воспоминаний, говорила: «Вы вылитый Камо!»

- Ваша последняя работа расскажет о деятельности Камо после Октябрьской революции, его женитьбе и трагической гибели. Означает ли это, что тема исчерпана до конца?

- Сейчас я заканчиваю сценарий фильма в четырех частях, возможно, для Центрального телевидения. Он расскажет о боевой группе Камо в глубоком тылу деникинской армии. Мне

удалось обнаружить архивные документы и воспоминания бойцов этой интернациональной группы. Их было 17, в том числе четыре девушки. Русский, грузин, армянин, украинец, латыш, мордвин... Все коммунисты, выпускники пулеметных курсов. В тревожное для молодой республики время, когда партия бросила клич: «Все на борьбу с Деникиным!», боевая группа действовала по заданию Ленина. На счету группы похищение секретных документов белогвардейцев, разгром Алексеевского полка, взрыв неприятельского штаба, доставка оружия и боеприпасов рабочим Северного Кавказа. Надеюсь поставить фильм самостоятельно, попробовать свои силы в режиссуре. Но это потом, а пока съемки, съемки... Закончив их, хочу отдохнуть. Просто трудно вспомнить, когда в последний раз воспользовался отпуском.

Прощаясь, мой собеседник берет книгу Виля Орджоникидзе о Камо «Тифлиссский рассвет» и подписывает: «Арсену Левоничу от лично известного. Желаю попутного ветра во всех начинаниях! Народный артист Армении Гурген Тонунц. 25 августа 1973 года».

В СТЕПИ ПОД РОСТОВОМ

Танки появились внезапно, словно выросли в степи. Они двигались прямо на батарею, спеша сравнять ее с землей. Силы были неравными – около пятидесяти машин со зловещей свастикой на башне против 16 артиллеристов.

Несколько часов вели бой артиллеристы батареи лейтенанта Сергея Оганова. Уже догорали бензиновыми кострами шесть немецких машин. Враг заметался, уходя от ураганного огня батарейцев.

Короткая передышка, и снова неприятель предпринимает штурм кургана, за которым находилась огневая позиция горсточки защитников. И эта атака захлебнулась. Скоро степь была усеяна покореженными остовами сожженных машин.

Комсомольская батарея была грозой для врага. Командование части доверяло ей оборону самых важных рубежей. Вот и сейчас они должны преградить путь танкам на важном участке, за которым открывался путь к Ростову.

Неся большие потери, враги отходят. Но надолго ли? Командир уверен - скоро вернутся. Он рассматривает в бинокль расстилающуюся перед ними долину и видит - из-за дальнего леса выползают новые танки.

В эти напряженные минуты берет слово комсорг Федор Балеста: «Комсомольцы, ко мне! Комсомольское собрание объявляю открытым. Может быть, мы все погибнем сейчас, но отсюда не уйдем. Враг не пройдет. Дадим клятву...»

Девять танков шли на них.

О чем думал в свой смертный час двадцатилетний командир батареи? Может быть, он вспомнил оставшихся в Тбилиси родных и близких, мирный покой которых, как и миллионов других советских людей, он и его друзья защищали вот здесь, на противотанковом опорном участке, в степи под Ростовом. Или вспомнил февраль 1940 года, когда учеником девятого класса поступил в Тбилисское артиллерийское училище.

Тревожное утро 22 июня 1941 года внесло свои коррективы в жизнь училища. Группа курсантов, досрочно окончив учебу, направляется на передовую. Двадцатилетний Сергей Оганов назначается командиром батареи.

Перед глазами промелькнули события последнего дня. Он вспомнил, как на рассвете 18 ноября 1941 года его вызвали в штаб полка. И здесь он узнал, какие планы гитлеровцы вынашивали с захватом ключевых позиций, защищать которые поручалось артиллеристам.

Три друга стояли возле орудий - командир Сергей Оганов, политрук Сергей Вавилов, комсорг Федор Балеста полны решимости дорого отдать свои жизни.

Началась третья атака. Горстка артиллеристов выдвинула орудия на открытую позицию, чтобы удобнее громить врага.

«Скоро подойдет к нам подкрепление, - говорит Оганов своим боевым друзьям. - Будем держаться!»

Когда танки приблизились, грянули орудийные выстрелы. Еще два вражеских танка остановились, как вкопанные. Остальные продолжали продвигаться вперед, неся пламя и смерть.

Прямо на Сергея шли три машины. Вот одна завертелась на месте, подорвавшись на mine. Командир посылал снаряд за снарядом в цель. Он не отошел от раскаленного орудия, пока разорвавшийся в ногах вражеский снаряд не оборвал его жизнь.

Командование батареей принял лейтенант Василий Пузырев, уроженец Смоленщины и заместитель командира, который, как и его друг, окончил ТАУ. А когда смертью храбрых пал Пузырев, на его место стал комсорг Балеста. Убиты Шахвалиев и еще несколько бойцов. Возле пушек остался один истекающий кровью Балеста, а потом и его не стало.

Подошла пехота и заняла рубеж, который в неравном бою защищала комсомольская батарея.

16 солдат и офицеров-артиллеристов лежали навзничь, бездыханные, в ростовской степи, а вокруг догорали 30 немецких танков, которые они ценой своей жизни сожгли. Назовем их поименно, склонив голову перед их светлой памятью: командир батареи лейтенант Сергей Оганов, заместитель командира лейтенант Василий Пузырев, комсорг старший сержант Федор Балеста, комиссар младший политрук Сергей Вавилов, командир орудия Стефан Лазарев, правильный Мовсес Гулян, наводчик Фазлы Ахмедов, ездовой Шахвалиев, наводчик сержант Григорий Корсунов, ездовой первого орудия Василий Ткаченко, разведчик батареи Аслан Велиев, наводчик сержант Денис Бахишев, разведчик батареи Сурен Арутюнов, наводчик Федор Абраменко, заряжающий Исмаил Мамедов...

23 февраля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР Сергею Оганову, Сергею Вавилову и Федору Балеста присвоил звание Героя Советского Союза посмертно.

15 октября 1966 года в три часа дня я был в клубе Тбилисского Краснознаменного артиллерийского училища имени 26 комиссаров, где собрались курсанты, преподаватели, командиры, политработники. На сцене – знамя училища и стенд с документами о подвиге батареи Сергея Оганова. Среди них и приказ министра обороны СССР Маршала Советского Союза Родиона Малиновского о зачислении навечно в списки училища бывшего его воспитанника Героя Советского Союза лейтенанта Оганова.

Митинг открывает секретарь парткома училища полковник В. Солошенко. Он рассказывает курсантам о неравной схватке в районе кургана Бербер-оба близ села Большие Салы Ростовской области. Исполняющий обязанности начальника училища подполковник В. Мурадов вручает грамоту Президиума Верховного Совета СССР Героя Советского Союза командиру подраз-

деления, в списки которого навечно занесен отважный воин. Принимая дорогую реликвию, капитан В. Кулик говорит, что передаст грамоту в комнату истории и боевого пути училища, курсанты которого будут преданными Родине, как и расчеты героической батареи.

ЗАВЕЩАНИЕ ГРОССМАНА

Утром их не накормили, вытолкали прикладами автоматов на аппельплац и, наскоро пересчитав, погнали в ближний лес. Конвоиры незлобно покрикивали на овчарок. Собаки заливались лаем, бесновались от барачного духа колонны, настороженно слушали паровозные гудки. Лес насквозь прошит железнодорожными строчками, бегут к славутскому лагерю невольничьи поезда. Спешат мордастые конвоиры – сотня качающихся от слабости людей подлежит немедленной ликвидации.

Обреченная колонна бредет осенним лесом, шаркает опухшими ногами по мокрым листьям. Каждый занят невеселыми мыслями и мало похож на Гензеля и Гретель, не теряющихся детей бедного дровосека, заведенных судьбой-мачехой в лесную чащобу, откуда не выбраться. А жизнь страшнее этой свирепой немецкой сказочки. От белых камешков их избавили сразу по приезде в лагерь, теперь в карманах ограбленных людей не найти и хлебных крошек, которыми они могли отметить свой крестный путь.

Она шла вместе со всеми, не спеша и не отставая, ранним сиротством, несвободным бытом за проволокой наученная, что смерть приходит, не спросясь. Мобилизованная с третьего курса на второй день войны, привычно работала медсестрой – вытаскивала раненых из-под огня, перевязывала в пещерах и блиндажах на прибрежных керченских откосах; после майской трагедии, когда их стрелковая часть попала в окружение и земля горела от зажигательных бомб, была брошена в лагерь, на допросах подвергалась пыткам и унижениям, бита смертным боем в карцере, но не смирилась, продолжала лечить лекарственными травами – это умение унаследовала от отца врача – обратила на себя внимание подпольщика, заведующего райздравотделом Ковальчука; через местную жительницу Софью Василевскую,

партизанскую связную, переправляла в лес медикаменты и перевязочные материалы; узнавала местонахождение складов боеприпасов и продовольствия, время прохождения воинских эшелонов, национальность охранников на караульных постах – немцев, мадьяр, румын. За каждую переданную на лесную базу записку и выход из зоны по фальшивому аусвайсу грозила пуля, но Бог миловал – в лагере ее ни в чем не подозревали. Только сейчас она в одной колонне с евреями, куда попала из-за цвета волос. И это озарение пришло к ней, прежде чем пригнали их к проклятым рвам, вырыли их несколькими днями раньше такие же заключенные.

Поняв это, ее тридцать молодых лет громко возопили против чудовищной несправедливости, присвоенного одними людьми права пролить кровь других, из ее груди вырвался крик: «Ва вореk уриа до мушени око домхритат» (Не еврейка я, и почему меня должны расстрелять? - мингр.).

Столько боли и молодой силы, бездумно убиваемой, было в этом вопле затравленного существа, что ее услышали все евреи в мертвом лесу – бедные дети Израиля. Перед каждым разверзлась бездна, и ангел смерти Малэхамовес, с огненным мечом и тысячью глаз, довольно рассмеялся им в лицо. Они поняли, что уже никогда не родят младенца, не прижмут к материнской груди, защищая от множества бед, которые ему грозят со дня рождения, не дождутся внуков, не посмотрят в их чистые глаза, не поглядят шелковые волосы, не откроют священные книги, не будут соблюдать субботу покоя, не наденут все новое к празднику Песах, не возьмут в умелые руки портняжную иглу и чаровницу скрипку Гварнери, не сыграют свою «бессмертную» шахматную партию в старом, добром стиле романтиков прошлого века, не будут давать уроки французского и немецкого своим и соседским детям, не пропишут нужного лекарства в аптеке, не помогут страждущим, обратившимся к ним за помощью, потому что обращаться будет не к кому. И зная, что сейчас их станут убивать, эти пасынки истории, сыны и дочери богоизбранного народа, сошедшего с пути назначенной ему миссии дать спасение всему миру, не принявшего Христа и взявшего на себя ответственность за кровь его, внушающего мистический страх малокультурным людям от низменных, чудовищных мифов, эти праведники проявили редкую силу духа, презрев

собственную гибель, вспомнили в смертный час завещанное на века указание Талмуда: спасающий одну жизнь – спасает целый мир, и, рискуя получить пулю в лицо, - сколько Аманов может иметь один народ! – потребовали от своих убийц: «Освободите эту женщину, она не еврейка».

И случилось чудо. Нелюди, для кого чужая жизнь всего ничего, капля в море слез, в решающий миг познали справедливость высшего принципа гуманности. Чья-то сильная рука вырвала ее из толпы и отшвырнула далеко в сторону. Теряя сознание от удара об землю, она продолжала слышать плач и рыдания и автоматные очереди иродова дела.

Потом стало тихо в лесу. До ее затуманенного рассудка доносился шум крови, этой души всякого тела, потоками вытекающей из расстрелянных в еще одной безымянной еврейской могиле.

От безумия ее спас доктор Ковальчук. В декабре его самого схватили и повесили как партизана и долго не разрешали вынуть из петли, в назидание и устрашение других.

Рассказывая, Гулико Манткава плачет, через полвека заново переживая убийство однополчан и мирных жителей, породненных общей бедой. Как мало героического в облике этой седой фронтовички. Само участие в войне противоречило ее женскому естеству, когда она в составе санитарной роты высадилась с десантной группой на Керченский полуостров, выжила в двух лагерях, вышла неопалимая из барачных, подожженных гитлеровцами вместе с холерным блоком. Партизанское соединение, куда она пробралась через линию фронта, скоро влилось в Краснознаменную бронетанковую дивизию 3-го Белорусского фронта. И Гулико наградили орденом Боевого Красного Знамени, к которому сегодня мало почтения у тех, кто разъезжает в перегнанных из Германии заносчивых мерседесах, лакает баночное пиво, не зная вселенского ужаса, когда нацисты выбирали живой мишенью людей.

От горящих барачных проволок на бетонных столбах ограждения накалилась и легко отгибалась. Многие пленные тогда бежали.

Места вокруг Ровно безлесные. Гулико пряталась в высоких необрушенных хлебных полях, кормилась колосьями и травами. На десятый день услышала шорох раздвигаемой травы и окрик:

«Руки вверх!» Перед ней стоял темноволосый мужчина с черным немецким автоматом наперевес. Он спросил на армянском языке, кто она, куда идет и как здесь оказалась, а у нее был один выход – смерть или уход в Украину. Незнакомец предложил обменяться адресами, записал ее – тбилисский. С наступлением темноты бывший военнопленный Гурген Галоян тайно провел ее на станцию и спрятал в товарном вагоне, в угольной куче, посигналил электрическим фонариком, что путь безопасен. В восьми километрах от станции она спрыгнула с поезда и ушла в лес.

Гурген Григорьевич слово сдержал. В начале семидесятых приехал с женой из Сумгаита, который строила вся страна, называла великой стройкой и городом интернациональной дружбы. Ничто тогда не предвещало погромы по пятому пункту – Содом и Гоморру перестройки, звериный оскал фашиствующих уголовников, методику хладнокровного убийства беззащитных стариков, женщин, детей.

22 августа тридцать девятого года, за неделю до вторжения в Польшу, на совещании лидеров фашистской военщины в Оберзальцберге Гитлер вещал: «Я приказал своим смертоносным отрядам безжалостно уничтожать детей, женщин и мужчин польского племени и говорящих на этом языке. Только таким образом мы можем приобрести необходимое нам жизненное пространство. Кто сегодня помнит об уничтожении армян?»

Так цинично сановным палачом рейха утверждалась старая незабытая разбойничья идея: нет народа – нет вопроса. История повторилась и, вопреки известной сентенции, дважды трагедией, одной из крупнейших катастроф века. Массовые убийства евреев варшавского и лодзинского гетто во многом развивались по сценарию кровопролитных драм в раскаленной месопотамской пустыне Дер-Зор, где даже солнце усердствовало в роли палача тысяч армян.

Развивая технику обезлюдения – Гитлер понимал его как устранение целых расовых единиц – фашизм сплел в Европе чудовищную паутину лагерей индустрии смерти.

В одном из самых зловещих – в Трелинке, маленькой захолустной станции в шестидесяти километрах от Варшавы, в начале сентября сорок четвертого побывал подполковник в изношенной армейской шинели. Для него это не рядовая по-

ездка, за которую следует отписаться в газете. Военкор «Красной звезды» Василий Гроссман близорукими синими глазами за железной оправой очков увидел многое, что пытались спрятать с концами строители конвейерной плахи.

Он начинает рассказ негромким, ровным голосом много повидавшего на своем веку человека, но спокойствие это только кажущееся. Скоро мы узнаем, что Треблинка состояла из двух лагерей. В первый за незначительные проступки заключали поляков. Этот трудовой лагерь, уменьшенная копия Майданека, стоял в лужах крови, и могло показаться, что нет ничего страшнее в мире. Но его узники знали, добавляет писатель-фронтовик, что есть нечто ужаснее, во сто раз страшней, чем их лагерь. В трех километрах дымит еврейский комбинат плахи, выбрасывая облака огня и пепла.

Он говорит о бутафорской станции Обер-Майдан – с кассами, камерой хранения, стрелками мифических маршрутов, за чьей платформой растет желтая трава и обрываются рельсы надежды, видит вахманов в черных мундирах, эсэсовских унтер-офицеров на вокзальной площади, вытопанной миллионами пар ног. Их смешит, что крикливые мамы отчитывали детей, отбежавших на несколько шагов, одергивали на них матросские курточки, мужчины вытирали лица носовыми платками и закуривали сигареты, заневестившиеся девушки оправляли растрепанные волосы, испуганно придерживали трепетные юбки от порывов нескромного ветра, уверенные в надежде, что их везут в нейтральную страну, где не стреляют.

Он вглядывается в прибывших обреченным эшелонам, в их прекрасные лица, и в логове волчьем ему открывается рафаэлевская истина о высоте и неистребимой силе человеческого в человеке. Он видит, как босоногая Сикстинская Мадонна пошла в газовню, понесла на руках сына по колкому песку треблинской земли, содрогавшейся от скрежета огромных экскаваторов-могильщиков. Ему и страшно, и стыдно, и больно за эту ужасную жизнь, за упоенное властью самодовольной насилие, и он честно спрашивает: нет ли в этом и его вины и почему мы живы. Ужасный, тяжелый вопрос, признается себе писатель. Задать его живым вправе только мертвые, но они молчат.

Грозный судья, он берется за непосильную задачу – пройти путь этих живых мертвецов и вернуться, чтобы поведать правду

потрясенному человечеству. Он пройдет с ними мимо высокой, в три человеческих роста, колючей проволоки, противотанкового рва, лагерных вышек с пристрелянными крупнокалиберными пулеметами – до самого порога красивого каменного здания, украшенного деревом. Снаружи оно напоминало античный храм – самовлюбленный фашизм искал аналогии с блеском и роскошью древнего Рима. Но за широкой стальной дверью скрыто десять газовых камер. Усаженная елками и цветами, дорога без возвращения хранила на песке трудноразличимые следы босых ног: маленьких – женских, совсем маленьких – детских, тяжелых старческих ступней. И память о высокой девушке. Прекрасная в гневе, как Немезида, она выхватила карабин из рук глазеющего на их наготу садиста и вела короткий, неравный бой с десятками профессиональных убийц, пока не упала навзничь, как подстреленная белая птица.

Гроссман шаг за шагом прошел по кругам тревлинского ада, и безобидной, пустой игрой сатаны показался ему Дантов ад. Тут не отвернешься, не пройдешь мимо, не оскорбив память погибших. Он встречался со свидетелями – с крестьянами соседней деревни Вульке, с арестованными эсэсовцами из концлагеря. Увиденное и услышанное позволяет ему задать грозный вопрос: «Каин, где все те, кого ты привез сюда?»

Он собирает факты, письменные показания, сталкивает их и завершает расследование математически точно выверенной цифрой, от которой порядочного человека берет оторопь. Треблинка за десять месяцев убила три миллиона людей – больше, чем все моря и океаны за время существования рода человеческого.

Невозможно без сердечной боли читать о страшном конце смертников, когда за считанные секунды низвергались в пучину небытия большие сильные умы, честные души, славные детские глаза, милые старушечьи лица, гордые красотой девичьи головы, над созданием которых веками трудилась природа. От них остался черный пепел, вывозимый пудами на мобилизованных крестьянских подводах, лопатами разбрасываемый заключенными детьми на черной дороге меж двух лагерей. Напрягая зрение, можно увидеть в этой траурной ленте горящие медью волнистые густые женские волосы, втоптаннные в землю тонкие, легкие девичьи локоны из не вывезенного в Германию мешка

– страшное сырье людоедки-войны.

Черный пепел стучал в сердце русского писателя Василия Гроссмана. Изданный отдельной брошюрой «Треблинский ад» лег на стол Нюрнбергского трибунала весомым обвинением Холокоста. В сентябре сорок четвертого он писал: «Сегодня мало говорить об ответственности Германии за то, что произошло, нужно говорить об ответственности всех народов и каждого гражданина мира за будущее, разобраться в природе расизма, в том, что нужно, чтобы нацизм, гитлеризм не воскрес никогда, во веки веков ни по эту, ни по ту сторону океана». Как актуальны эти слова писателя-гуманиста в наши дни, когда в киосках бывшей «Союзпечати», в стране, потерявшей на войне и без нее десятки миллионов человек, продается «Майн кампф», запрещенная в покаявшейся Германии безумная книжка. Как не прислушаться к завещанию–предостережению: мы должны помнить, что расизм, фашизм вынесет из этой войны не только горечь поражения, но и сладостные воспоминания о легкости массового убийства.

Треблинка была прологом к главной книге Гроссмана. Еще в фронтовом очерке он отмечает железную логику войны: офицер с зеленой ленточкой сталинградской медали записывает показания лагерных палачей, победоносная сталинградская армия освободила многострадальную треблинскую землю. Роман-эпопею о Сталинграде он посвятил матери – Екатерине Гроссман, старой учительнице, замученной в бердичевском гетто. «Когда я умру, ты будешь жить в книге... судьба которой схожа с твоей судьбой». Ей продолжал писать письма, прося совета у мертвой, до последних своих дней, так нещедро отпущенных ему судьбой. Гроссман приводит в романе скорбные строки последнего письма Екатерины Савельевны сыну, с удивительным рефреном материнской любви: «Живи, живи, живи вечно...» Давясь от слез, его перечитывает ученый физик Виктор Штрум.

Остается загадкой, как типичный русский интеллигент, читающий в подлиннике Мопассана и Доде, зная с десятков слов на идиш, с такой пронзительной силой написал о трагедии еврейского народа, и многие страницы его романа о Сталинграде – несмолкаемый реквием по шести миллионам замученных душ. Он опрокидывает все мыслимые представления о человеческих пределах творческого процесса, вводя действия романа в белые

бетонные стены газовой камеры, куда вопреки физическому закону Авогадро, втиснуты немолодая доктор Софья Левинтон и ее непривычно молчаливые попутчики по арестантской теплушке, беспомощные, задыхающиеся, раздавленные ужасом. Близок конец... темнеет в глазах, гулко пустынно в сердце, скучно, слепо в мозгу... Слепнущая от удушья Софья Осиповна ощутила, как осело в ее руках невесомое тело бездомного мальчика Давида, которого она обнимала из последних сил, пытаясь спасти и защитить в бетонной могиле. «Я стала матерью», - подумала никогда не рожавшая женщина и умерла.

Война грохочет на Волге, ломая людские судьбы, пожирая новые жертвы. Жена Штрума - Людмила Шапошникова без вещей и продуктов ночью плывет пароходом в саратовский госпиталь, куда с тяжелыми ранами помещен сын, беззвучно шепча непослушными губами заклинание: «Пусть Толя останется жив». Больше мать ничего не просила у неба, но земной путь молодого лейтенанта-артиллериста оборвался. Свежий могильный холмик сохранил для нее на фанерной табличке имя и воинское звание сына. Она наконец нашла Толю на последнем страшном мальчишнике - однообразии и густота фанерок вокруг напомнили строй щедро взошедших на поле зерновых. Ночью она осталась одна на военном кладбище, как безумная говорила с сыном, прикрыла полрой пальто босые толины ноги, сняла с головы пуховый платок и укрыла его плечи в легкой бязевой рубахе. Людмилу Николаевну поразила мысль о вечности ее горя: умрет муж, умрут внуки ее дочери, а она все будет горевать.

На форзаце одной из немногих книг о жизни и судьбе Гроссмана недавно обнаруживаю редкую фотографию. Гроссман похож на Михаила Ботвинника и на Исера Купермана. Задумчивый и грустноглазый, сидит на большом камне, просветленный, как Он в пустыне, прости, Господи, на полотне Крамского в Третьяковской галерее. Классик, не удостоенный издания собрания сочинений. Черное демисезонное москошвеевское пальто, теплое и надежное, как он сам, толстый шерстяной шарф, белая сорочка, крупный узел темного галстука. Устало опущены сильные плечи. За ним громоздится девятый вал каменного моря, кажется, сейчас накатит на этот естественный подиум. Что-то знакомое в рыжих скалах, аскетически строгих, без единого клочка травы, в развалинах языческого храма, которому

две тысячи лет.

Гарни, древняя летняя резиденция армянских царей.

Среди старых бумаг нахожу свою фотографию, как две капли воды похожую. Та же каменная плита стилобат – основание ионической колонны. И снято, возможно, в один и тот же ноябрьский день. Сохранился и групповой снимок. На фотографии я дальше и выше других, сижу на краю пропасти с речкой-змейкой Азат на далеком дне. Снова слышу слова нашего спутника, обладателя белой красавицы «Волги»: осторожно, не скатись вниз! – и с запоздалым благоразумием не спеша слезаю с предательски неустойчивой каменной глыбы.

Гроссман приехал в Армению, когда жить ему оставалось неполных три года. Эту малую толику времени он проживет несчастливо и с достоинством. Великан, опутанный лилипутами тысячами нитей. Арестована главная книга и судьба рукописи долго будет волновать не покинувших его друзей. Лишенный обычного заработка писателя, он надевает хомут ремесла, соглашается на постылую поденщину, в Армении занимается авторизованным переводом военного романа Рачия Кочара, да так неистово, что к вечеру лицо и лоб покрываются фиолетовыми пятнами, и еще собирает материал для последней книги, условно названной «Путевые заметки пожилого человека». Она не избежала судьбы его книг-страдалиц.

Писатель, чей роман он переводил, пригласил его на свадьбу племянника. Гроссман едет в бедную деревню на южном склоне Арагаца, к выходцам из далекого Сасуна, с невероятным трудом вырубаящим хлеб из базальта, к землякам Давида Сасунского и генерала Андраника.

Суровые груды голых камней, синее небо, сахарные головы Арарата, на который смотрели писавшие Библию люди, живо заряжают его писательское воображение. Он не просто гость, кого не замечают на улице ереванские коллеги, подверженные знакомой по Москве эпидемии неузнавания, когда в квартире сутками молчит телефон. Он участник народного веселья в сельском клубе, пьет с мужиками крепкую виноградную водку, заедает огненно-режущим зеленым помидором. Он работает – его пылкий взгляд замечает, как потрескивают тоненькие восковые свечи, кажется, это глаза людей светятся мягким огнем; и очень милостивая невеста, молоденькая продавщица

из сельмага, танцую, боится, как бы расплавленный воск не попал на ее новое, светло-голубое пальто; у некоторых танцоров в руках блестят трофейные немецкие кортики и кинжалы с насаженными на острие яблоками.

В разгар веселья к нему обращается седой мужчина в застиранной добела солдатской гимнастерке. Колхозный плотник говорил о евреях. В немецком плену он видел, как жандармы вылавливали евреев-военнопленных – так были убиты его товарищи. Он говорил о своем сочувствии и любви к погибшим в газовнях Освенцима еврейским женщинам и детям, сказал, что читал военные статьи гостя, где он описывает армян, и подумал, что вот о нас написал человек, чей народ испытал много жестоких страданий, ему хотелось, чтобы о евреях написал сын многострадального армянского народа.

Я слышу этот удивительный тост старого колхозного плотника, с суровым каменным лицом; вижу Гроссмана, вытирающего платком не видящие от слез глаза. В книге об Армении он сказал о переполняющих его чувствах, низко кланялся армянским крестьянам, которые во время свадебного веселья всенародно заговорили о муках еврейского народа в период фашистского гитлеровского разгула, о нацистских лагерях смерти, низко кланялся всем, кто торжественно, печально, в молчании слушал эти речи, за горестное слово о погибших в глиняных рвах, газовнях и земляных ямах, за тех живых, в чьи глаза человеконенавистники бросали слова презрения и ненависти: «Жалко Гитлер всех вас не прикончил», давая клятву до конца жизни помнить услышанные в сельском клубе речи крестьян.

Это к нам, живущим, обратился Василий Гроссман в повести «Добро вам!» Добро вам, армяне и не армяне, люди планеты Земля!

Умирал Гроссман трудно. Лежал притихший на узкой больничной койке, прислушиваясь к боли, ненасытным пламенем лизавшей внутренности, его окровавленные легкие. Мысленно он далеко, в городе Садко, который его не любил и нелюбовью своей навлек столько бед. Он снова вел бой за Сталинградский вокзал, где оставлен биться до последнего патрона батальон старшего лейтенанта Филяшкина, и, не дождавшись подкрепления, в кольце окружения погибал вместе с ним, теряя командира за командиром, бойца за бойцом, как терял свои арестованные

книги, уже не надеясь подняться, как Виктор Некрасов, к знаменитым бакам на Мамаевом кургане, войти в стреляющие цеха тракторного, встретить среди развалин фронтовых знакомых - Новикова, Грекова, Березкина, Вавилова, Ершова...

В кровавом от рвущихся снарядов мареве дрожит странное видение – высокий мужчина в красном камзоле, в островерхой шляпе набекрень, в широченных штанах, в чулках, заправленных в башмаки с бантами, пучеглазый и большеротый. Колдун из старого Гаммельна, спасший город от нашествия несметных полчищ крыс.

Нет уже сил вспомнить, откуда этот навязчивый образ средневекового крысолова.

Играя на бронзовой флейте, незнакомец привычно шел к морю, вошел в воду. За ним, повинувшись диковинной колдовской мелодии, послушно следовали погромщики, насильники, убийцы всего живого на голубой планете, такой малой, беззащитной. Они шли, как сомнамбулы, не видя ничего вокруг, сваливая и топчя друг друга, тяжелыми комьями падали с крутого берега.

Волны смывали горланящую пеструю ленту и не было ей конца.

АРСЕН ЕРЕМЯН. ПОЗОВИ МЕНЯ КАК СЫНА

СТИХОТВОРЕНИЯ
1999-2012

QUO VADIS

Страннолюбия не забывайте;
ибо чрез него некоторые, не зная,
оказали гостеприимство Ангелам.

*Послание к Евреям
Святого Апостола Павла 13:2*

Задай вопрос себе. как странник,
Куда идти, свой крест нести.
Как под ногой тропа блестит,
Как далеки края пространные

И та земля обетованная,
Где тебя примут, не ропща,
Утрут власами твои раны,
Не осуждая каждый шаг.

Рай потерять - проделки змея,
Брести, не оставляя след,
Своих усилий не жалея,
Не сорок - много больше лет.

Неопалимый куст найти,
Извечные прочесть скрижали,
Но снова мысль тебя ужалит:
Куда идти, куда идти?

НЕСМОЛКАЕМАЯ НЕМОТА

Мы жизнь расщепляем на мелкие цели,
Не слушая, с чем не согласен наш разум,
Как будто ее кто с начала отмерит
По новому разу, счастливому разу.

Зовущего молча никто не услышит.
Замерзнешь - так «Беккер» пойдет на дрова.

Луна-акробат забралась выше крыши
И смотрит с опаской в колодезь двора.

Услышат ли голос – где взять командирский?
Дадут ли подмостки – играть свой «Разгром»?
За давностью лет отклонят наши иски
За слезы, дома и вселенский погром.

Играй, коли Бог наградил тебя слухом.
И не было более царской награды.
Разгром обернулся победою духа –
По топям провел ты стихи, как отряды.

АВТОГРАФ

В бездонном небе след оставил
Бесшумный лайнер надо мной
И философствовать заставил,
Что лучше – гром или покой.

Тот след растаял понемногу,
И небеса опять чисты.
Нас происшествие не трогает,
И самолета след простыл.

И вроде шумным путь мой не был,
Так пусть уделом будет мне
Оставить свой автограф в небе
И раствориться в тишине.

ГОЛЫЙ КОРОЛЬ

Г. Чогошвили

Дважды не войдешь в одну реку,
В редакцию можно войти,
И знают потомки абреков,
Как деньги на спирт найти.

Сверяя часы не по Брежневу,
Я снова ни свет ни заря
Спешу к тебе по-прежнему,
Старушка моя «Заря».

Тебя не бросил, как многие.
Не топчу заповедный Арбат.
Все ищу я свою дорогу,
И легка на подъем арба.

Толком не зная натуру,
Главное прочитав между строк,
«Ступайте в литературу!» –
Сказал мне профессор-пророк.

Дескать, глаз его алмаз.
Не рискуя, не пьешь шампанское.
Но я остался в который раз
Дон Кихотом, не зная испанского.

Времена на дворе иные
Подводят к роковой черте.
Надолго меня окрылили
Слова ваши добрые те.

Болевший за меня профессор
Стал потом академиком,
А я не ушел от профессии,
Вселенской ее эпидемии.

Остался слугой двух господ,
Не вникая особо в интриги,
И соломинка мой плот
В бушующем океане книги.

Поддавшись отраве пагубной,
Идя в свой последний бой,
Я снова матрос на палубе
Пьяного корабля Рембо.

Сыплют годы, как зерна граната.
Круг друзей поредел.
Снова взрываюсь гранатой
На тысячу мелких дел.

И вновь оступаясь в лужах,
Временами переходя на кроль,
С ужасом обнаруживаешь,
Что ты не голый король.

МУЗА

Как белка, свалилась на голову,
Слезой стекла по сосне,
Сквозь годы духовного голода
Стихами открылась ты мне.

Засовы, завалы, запруды –
Вокруг очарованный лес.
И помощи ждать ниоткуда,
Все водит кругами нас бес.

Мне боязно: вдруг потеряюсь,
А что если дара лишусь?
Останься бессрочной реалией,
Как чуткое эхо в лесу.

БЫЛОЕ

Уполномоченный газетой,
Фуникулером вздыблен ввысь,
На давнем празднике поэзии
С Москвою я без всяких виз.

Не знаю, я с какого боку
На этом пиршестве стихов,
Но сам и Доризо, и Боков,
И пригубил нектар богов.

Вот позабыв о южной лени,
Сам тамада, чуток хмельной,
Бросает нам стихи Есенина,
Как в кружку талер золотой.

Он снова наш, поэт московский,
И в этом вижу добрый знак,
И тают в дымке Долматовского
Любимый город, Пастернак...

Сидел он за столом напротив,
На расстоянии руки,
А Маргиани мне напомнил:
«Ты ешь – остынут шашлыки».

АЛЬТЕРНАТИВА

Висни в небе, как крепость Короглы.
Стоя века и стихов не пиши.
Т.Табидзе

Пусть талант твой прорезался рано,
Ты стихом не стреножь свою речь.
Помни мудрый совет Тициана,
Как соблазнами пренебречь.

Не гони ты стихи вал за валом.
Негасимым Керемом горя,
Хоть один сотвори, чтоб обвалом
Грозовым отозвался в горах.

Видно, прав был поэт, пророча:
Если мужества в книгах нет,
Предпочтет нам потомство мацонщиков,
Коль сошелся на них клином свет.

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Не изменив своей привычке
Писать неторопливо в стол,
Когда прочувствуешь ты лично,
Что вещь готова на все сто?

Ты ведь не первый, не последний,
Кто нетерпением горя,
Себя корит за промедление
И мысль не шпорит, как коня.

В хозяйстве чинно и картинно
За частоколом тесных слов.
Но книга, книга не картина –
Уходит в стол, как пуля в ствол.

Таится с давних пор заряд,
Ложась на сердце грозной гирькой.
А рукописи не горят,
Сгораешь ты, корпя над книгой.

ИРОНИЧНО

К Земле мы близкими привязаны,
И обязательства немалые.
Не отдыхали мы под вязами,
А вот титанами не стали.

И всюду клин, куда ни кинешь,
Не избалованный победами,
И растеряешься, прикинув,
Когда в последний раз обедал.

Не надо хныкать и загадывать,
Что день тебе готовит завтра,
Ведь можно вырваться в галактику,
Не пребывая в астронавтах.

А небеса все та же книжка,
И книжка те же небеса.
На старте засиделся слишком
Я собственной мечты вассал.

И проиграв, хоть не играл,
С одной-единственной фишкой
Иду, как слон, в игорный зал
И банк держу на эту книжку.

Хоть никого не удивите
В век атома и электричества,
Посторонитесь, отойдите –
Иду на первую космическую.

ЭВАРИСТ ГАЛУА

Наследия моего
тетрадка одна
наберется.
Может, кто
найдет его
стоящим.
Соберет он
записки
и прочтет
непредвзято
уравнения
алгебраические,
выведенные
когда-то.
А пока
пишу торопливо –
до рассвета
сжато
время жизни.

ЗАВИДУЮ ВЕТРУ

Ветер грубо ласкает деревья,
С плеч сорвав их девичий наряд.
Слышу я, как о чести потерянной,
Словно сплетницы, галки галдят.

Стать бы снова беспечным, как ветер.
Спутать все, что могло быть и было.
Отличиться в глазах всего света,
Чтоб меня никогда не забыли.

Забыли.

ВЫЗОВ

А. Бомбару

Моряк и врач, по своей воле
Он оказался за бортом.
Так часто мы себя неволим,
Чтоб не раскаяться потом.

Он налегке в вояж пустился,
Не взяв тогда с собой на борт
Еду-питье – решил поститься,
Имея лишь крючков набор.

Вода, вода, куда ни глянешь.
Пей – не хочу, водичка дрянь.
Вокруг ее никчемный глянec
И полный рыбы океан.

«Еретика» швартуя в гавани,
Он доказал, от ветров пьян,
Не так уж страшен океан,
Если продержимся мы с вами.

Решают первые минуты,
От страха умирает люд,
Когда вода зальет каюты,
В ад превращая их уют.

И только сильный и упрямый,
Не думая про славы медь,
Бросает вызов океану,
Чтобы на суше не ржаветь.

ИСТИНА

«Не сиди ты один дома, –
бросил мне сын в сердцах, –
и где все твои знакомые,
близкие на словах?»
Конец сумасшедшего века,
друзей и еды дефицит,
но звание человека
никто не сдавал в лимит.
А жизнь идет как положено.
Не любитя – не взыщи.
И камнем добро обернется,
выпущенным из пращи.
Меня, как заглухшее эхо,
все реже зовут на ужин.
Думают, что уехал.
Или еще хуже.
Но далью манит дорога,
свеж ты или устал.
Не будем судить строго,
вспомнив партийный устав.
Истина посередке.
Вера – мой меч и щит.
Стоит ли грызть глотки,
если можно дружить.

ОБ ОДНОМ ЖАЛЕЮ

Намаялась в очереди,
уронила в щель дощатого пола
два оплаченных чека
липких конфет-подушечек.
Обещала чек мальчишке –
детские пальцы тоньше.
Сколько было потерь,
а вспомнилась эта,

пустычная.
Мама,
с пятнадцати лет сирота я,
не защищенный тобою.
На судьбу не роптал.
Что-то сам упустил,
в чем-то меня обделили.
Об одном жалею:
поцеловать не успел
руки твои,
с обломанными ногтями.
Пол в магазине был в щелях.

ОТЦУ

Прощай, прощай! И помни обо мне.
У. Шекспир. «Гамлет»

Большой мороз, и скоро полночь,
Как пес, приляжет на пороге,
Но пушка сон прогонит прочь
Во славу короля в чертоге.

Дозор. Площадка. Эльсинор.
Принц Гамлет. Друг его Горацио.
Открылась тайна давних пор,
И принц клянется отыгаться.

Завидую ему. Ведь он
Увиделся с отцом, хоть с тенью,
И знаньем о предательстве вedom,
Неудержим в сыновнем мщеньи.

Я не застал твой смертный час –
Минуты развели невольню.
Как мы медлительны подчас,
Как много слов не договорено.

Но память сына мне порука.
Ты снова молод, без изъяна.
Сидим в партере рука об руку
На бенефисе Папазяна.

СТАРОЕ РУЖЬЕ

Подводной лодкой всплыло в памяти
Ружье отца, подруга старая.
Картинка кружит снежной заметью,
Не отпуская, как ни стараешься.

С ружьем навскидку не шел на зверя.
Отец, и мухи ты не обидел,
Не обольщаясь легким трофеем,
Здоров был духом и цели видел.

В час испытанья ружье взял в руки,
С малым отрядом квартал прикрыл ты,
И в правом деле нам честь порука,
На отстающих не грех прикрикнуть.

Ружье так классно было подброшено,
Как в первом акте волей классика.
Стрелой, отравленной индейским касиком,
Стучится в сердце, как гость непрошенный.

Спектакль окончен, дали занавес.
Не грянул выстрел ружья натужный.
Видно, забыли, и порох вышел весь.
Воспоминаньем прощай, оружие!

СЧАСТЬЕ

Года событиями выстроив,
Один я в церкви без икон
На книги помолюсь неистово,
В их веру снова обращен.

Я ухом к памяти приник
И тшусь отца услышать снова,
Готов уйти из мира книг
Ради единственного слова.

А счастья в этой жизни нет,
Прельщают нас его зарницы.
Толстого помните ответ
На то, что часто счастьем мнится.

Так Бунин эмигрантом в Грассе,
Входя, крестясь, в наемный дом,
Зарницы слышал те безгласные,
Кронштадтских пушек громче гром.

Цените их, живите ими.
Зарницы – дети все грозы,
Лишь на мгновение живые,
Нас озаряют, как призыв.

МАНГЛИСИ

На верхнем шоссе ревут авто –
жизнь поспешает рядом.
Сюда к тебе не придет никто,
тебе ничего не надо.

Простая плита на пыльном холме
выжмет слезу на глаза.
Двоюродный брат, ты ближе мне,
когда я родного не знал.

Горы Непала свернуть готов,
на гранит надгробий – Тибет.
Я слышу звон полевых цветов,
принесенных ветром тебе.

Пришел я снова в эти места.
Твой последний приют.
Нет рядом отца. Отец был стар,
и меня не узнают.

* * *

Быстротечны годов ливни,
И как медлительны мы
В поступках судьбоносных.

ТАЛИСМАН

Как будто снова в детство брошен,
Мираж в пустыне громоздя,
Мне лезут в голову непрошены
Твоя улыбка и твой взгляд.

И заблудившись в своих чувствах,
В трех соснах, как в глухом бору,
Ищу у равнодушных чуткость
И на душу грех не беру.

Освободиться тщетно силюсь –
Найти в тебе одну черту,
Отталкивающе-некрасивую,
И вижу, что напрасный труд.

Свои ошибки лучше видишь сам,
Переноса на чистый лист.
Изящной яхтой ты мне видишься,
Безмолвной на краю земли.

Идешь далекая, красивая
На Адлер или на Батум.
Я угадать тебя не в силах,
Не жалуясь на слепоту.

И самому не больно нужный,
Сам продираясь сквозь туман,
Шепчу губами непослушными:
«Храни меня, мой талисман».

ПЯТЬ ЧАСОВ УТРА

Как мало пройдено дорог
И сколько сделано ошибок,
И не пускают на порог
Тех, кто остался на отшибе.

А есть ли в том моя вина?
Я за собой ее не чувствую,
Пьянею, не хлебнув вина,
От навалившегося чувства.

И для меня ты вновь одна.
Хоть и без маршальского жезла,
Стою у твоего окна,
Да только вот свеча исчезла.

МГНОВЕНИЕ

«Мгновение, повремени!»
И.В. Гете

Орфея откровение в Веймаре
Иль кем-то сказанное ранее,
Ты суть восторг и озарение
И как бальзам сердечной ране.

Я не завидовал другим,
Не наблюдал успех их с грустью,
Но белым ангелом храним,
Желал постичь фотоискусство.

В охотку перебрать архив,
Пшеницу отделив от плевел,
Подметить сходство древних Фив
С Тифлиса безысходным пленом.

И до конца пройдя свой путь,
Где мед в отместку сдобрен ядом,
Хотел бы я наш май вернуть,
Увиденный влюбленным взглядом.

ОДИНОЧЕСТВО

Я умираю без тебя,
и ты не знаешь,
что наша жизнь не театр,
а шутка злая.

Как пусто стало на земле –
Шекспир не нужен.
Смерть реплику бросает мне:
«Прерви свой ужин».

Ты не услышишь мой ответ,
угасший в шуме.
И не спеши, меня уж нет.
Я, знаешь, умер.

ДОРОГА К ХРАМУ

Строкою занесен в реестры
Домов, историей отмеченных,
Наш - дирижером средь оркестра,
Приметный и в морщинах трещин.

Приводят улицы раструбы
К церквам нагорного квартала.
Непроизвольно шепчут губы
Слова молитвы и хорала.

Дал имя улице костел,
И думалось тогда - навечно.
Его на карте я нашел
И открываю каждый вечер,

Свой путь держа к родному дому.
Ориентиром льва в пустыне.
А ты доверилась иному -
Гирляндам озорной глицинии.

Она поспорит с цветом глаз,
Хоть не уверена в победе.
О, как же долго ты не шла
По этой голубой планете.

ТОЧКА

На древней улочке Кашена
Косит ореха ствол увечный,
И слева - в церкви Норашена
Не возжигают Богу свечи.

Художников прельщает точка -
Гору венчает Нарикала,
И кем-то прерванные строчки
Зовут начать отсчет сначала.

Забыть в беспамятстве года,
Где к вековым своим истокам
Мы припадаем иногда
Средь сутолоки дней жестоких.

Как жаль, что с точки заповедной
Родительский не виден дом.
В нем хлебосольные обеды
Любил нахваливать бомонд.

Чужой беды так тянет ноша,
Забыты вкус и запах блюд.
И провожал уход непрошенный
Басовой грустью Меренблум.

И как с овального табахи,
С горячих крыш сама собой,
Кончая жизнь на пыльной плахе,
Тута планирует слезой.

ПИРОСМАНИ

Два духана бок о бок,
Словно зверь о двух спин.
Смысл остроты ребенок
Только взрослым постиг.

Мир обжорства и спеси
На шекспиров сюжет.
Власть нельзя куролесить,
Не замаслив манжет.

Так надменно высок,
Угодил кур во щи,
А копытом в висок
Бить жираф норовит.

И сошедши с клеенки,
Пирсмани в углу
Притаился ребенком,
Сам с похмелья угрюм.

ИСТОКИ

Р. Кондахсазову

Забыв несправедливые годы,
Оставив дома сплин и грусть,
Готов в любую я погоду
Подъем твой взять, как Пти-Эльбрус.

Мост миновав непраздным шагом,
Иду в район Сирачханы,
Где антикварен каждый камень
И раритетам нет цены.

Вхожу в красильные растворы,
И на пороге письма
Так выдают тбилисца говор,
Глядишь, Европа не нужна.

Сирачхана, твою ауру
Я в сердце унести готов,
Увидев профиль Азнавура
В кругу знакомых стариков.

Ничто не изменилось вроде.
Легенды собраны, как дань.
И в ремеслах как встарь угоден,
Без Никала шумит Майдан.

И гостем каменным в столице,
Не променяв духан на бар,
Царь Горгасал вознес десницу:
«Стой! Дальше - Авлабар».

САЯТ-НОВА

Ты всех в Меджнунов обратишь.
Саят-Нова

Тебе от церкви видно многое –
Майдан, Кура и Авлабар.
До глубины души растроганный,
Спешит на праздник сазандар.

Интрига встречи так ясна,
Сдаёт свои права весна,
По туманьяновским заветам
Идем к тебе в преддверии лета.

Склоняем голову там низко,
Где у священных древних стен
Башинджагяновским эскизом
Прочертана могилы сень.

Тебе был свет дан в теплом городе
И в нем нашел свою судьбу.
Ширазом виделся он – родиной
Хафиза, Саади – сквозь бунт.

Песни твои гремят громами,
Ночь темную сменит заря,
И я в толпе, огромной раме,
Ее увидел – дочь царя.

Пусть злое слово не поранит,
А Бог отпустит всем грехи.
Поэты остаются с нами
И их бессмертные стихи.

В ХАШНОЙ

Не в электрических разрядах
И спевках ресторанных див –
Мы в хашной пообщаться рады,
Занудство лекций пропустив.

Стук кружек в сутолоке хашной
Не утихает столько лет.
Буфетчик выглядит вальяжно,
Стерев со стойки влажный след.

А годы не стирают слово.
Братья Табидзе оба живы,
Пробился свет стихов Паоло
Сквозь темень оговоров лживых.

В затылок выстрелили двери,
Как кулаком бьет в бок косяк.
Венчается в Кашвети Мери,
Мир обесценен, как пятак.

Чей судный час настал – не знали.
Спешили к спящим воронки.
Опережая вакханалии,
Тюрьмою слыли Соловки.

Потомки палачей готовы
Держать зубами бастион.
В тбилисской хашной, сломлен горем,
Все ждет жену Галактион.

МАРТ

«Московской саги» крик пронзительный
Сменили па детей Арбата.
Как оказалось заразительным
Ославить то, что было свято.

Идти велела всем декан
На митинг смерти годовщины
Вождя – он в парке истуканом
Вознесся символом отчизны.

И мы пошли, как встарь шли викинги
На поиски тэрра инкогнита,
И драли глотки на том митинге
За то, что до конца не понято.

Мы останавливали в горе
Автомшины непорожние,
Как на пожар спешили в Гори
И к дому бедного сапожника.

Безлюден Коммунаров сад.
Фасад щербатый Дома связи –
Весной стучал свинцовый град,
Потом следы от пуль замазали.

Наперекор ветрам, дождю
Сухой Мост служит как когда-то.
Не стерлась здравица вождю
На камне, выстуженном мартом.

Стоят толпою одураченные.
Отвоевав газона кромку,
Торгуют бойко всякой всячиной
Да орденами славы громкой.

Менять на хлеб их негрешно.
На постаменте слишком пусто.
Жизнь повернуть вспять не дано,
Как в хрониках Марсея Пруста.

Но с высоты фуникулера,
На пьедестал вновь водружен,
Грозится им расправой скорой
Тот, кто пигмеями сражен.

ПЛАЧ ПО ДЕРЕВУ

Упало дерево на улице,
На той, что Лермонтова,
А для меня оно все кружится
Воспоминанием об этом.

Как от инфаркта наземь рухнуло,
Хватаясь ветками-руками
За стену дома. Вскрикнув глухо,
Как птица, сшибленная камнем.

Под дерево давно подкапывались,
Подвала роя зал бездонный.
На иномарках вы подкатывали,
Драпировали тайной окна.

Построить дом вам не по силам
И сына сильного зачать.
И гибель дерева скрепила
Злодея Каина печать.

О том, что дерево стояло,
Напоминает мне воронка.
Как красотой оно сияло,
Загубленной рукой подонка.

Никто их ража не остудит,
Не выведет порочный круг.
Деревья бедствуют, как люди.
Как люди умирают вдруг.

РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ

О фильме не зная заранее,
Хромая в проулках эстетики,
В тумане тону женской бани
И в омуте сексотехники.

Балдеют в участке от Стоун -
Жив основной инстинкт.
Сходит лавиной стонов
На чем киномир стоит.

Но откровением дерзким
Наплыв из далеких весей.
Не миллионным ознобом секса,
Тайной откинутой занавески.

Стоя на лавке банной,
Без ложного стыда и смело
Смотрит в глаза мне Венера,
Рожденная из мыльной пены.

СТАКАН ВОДЫ

С лицом не по работе ангельским,
Не ощутив наживы зуд,
Стоял в саду он Александровском,
Что Коммунаров назовут.

Легка, как девушка, тележка,
На ней сифонами сироп.

И ни минуты не помешкав,
Он сочиняет нам ситро.

С его племянником мы дружим,
А три стакана не разор.
Мы газировку дружно глушим,
И каждый повторить готов.

Благословенна длань дающего –
Взамен не ждет он ничего.
И, знаешь, мы не стали пьющими
От угощения того.

Жизнь коротка. Желанья стерты,
Как наша школьная труба.
Мы сорок третьей все когорты:
Тот вышел в дамки, тем труба.

Потом нас часто звали в гости,
На хлебосольные пиры,
И не угнаться было просто
За газировкой той поры.

МКИНВАРИ

Мы вдвоем пуда соли не съели,
Не гуляли впотьмах до зари.
Помнишь, облако вроде присело
Отдышаться на склоне горы.

Увлекла нас лавина близости.
Воды тише и ниже травы,
Не спеша из девчонки вырасти,
Ты ко мне обращалась на «вы».

Но сегодня смотав из памяти
Экстремальное это кино,

Через годы провалов беспамятства
Распахнул я в былое окно.

Снова спальный мешок нам союзник.
Опьяняет простор высоты.
Словно спало с души бремя груза,
Палимпсеста ожили черты.

ОЧАРОВАННАЯ ДУША

Большевиков ужасный грех –
Для смеха и потехи
Открыть доступные для всех
В церквах библиотеки.

Не избежали доли злой
И фрески Норашена.
Проводки рваной бороздой
Изранен весь простенок.

Из посетителей тогда
Я был всех самый рьяный.
Столкнула летом нас судьба
Романами Роллана.

Обмен решили мы простой,
И было нам неплохо:
Мне с Очарованной душой,
Вам с бунтарем Кристофом.

Я очарован вами был
И сам вам интересен,
Но, дернул черт, судить решил
О брате неизвестном.

В науку рвались все тогда,
И брат вам очень дорог.
А жизнь обман и суета –
Я вспльчив был, как порох.

Обидеть вовсе не хотел,
Но вышло очень плохо.
Ушли вы молча между тем
С моим же Жан-Кристофом.

Потерянное налицо,
Забытое вновь резко.
И ваше юное лицо
Овнатаняна фреской.

«САМАЙЯ»

Н.Тархнишвили

Самайя - танец для троих,
В то лето было нас не больше.
Столоверчение заброшено,
Забот хватает нам своих.

Столы убрали - не сезон,
Но чем не стол обычный ящик.
Полуночным костром газон
Стихом исходит настоящим.

Из самых летних ресторан.
Боль утоли, аптека Земмеля.
Нас позвала в такую рань
Тарелка хаши, словно зелье.

Стекляшка Ванды и Сеид,
На Руставели вас не видно,
Но памятник Шота стоит
Несокрушимо, как Мтацминда.

Не разводи водою стих,
Не разбавляй ты ею хаши -
Нам хватит всем, так мало наших.
По дну котла проходит Стикс.

В ГОРАХ

Все было внове, и приличный
Шашлык из горного козла,
И друг расстреливал привычно
Бутылки, как источник зла.

Вас было, помню, три сестры.
Когда же третья отстала
От белокаменной Москвы,
Куда по Чехову вы рвались?

Конец смешали вы с началом.
Влюбленность в летчика-певца,
И провожали и встречали
Посеребренного песка.

Я был хозяином и гостем,
Как будто Пшавия мой дом.
И ладил по-житейски просто
Ручей с разросшимся кустом.

И мне нет дела до Гекубы,
Что там в плену она нашла.
Но сжатые полоской губы
Скрывали важные слова.

Не все сходилось в день рождения.
Мы, претендуя на размах,
Как ускользавшее видение,
Искали долго храм в горах.

На свист пастушеской свирели
Сбегали склоном, мятой высланным,
И падали, как на дуэли,
Сраженные злым выстрелом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В.Партугимову

Вот я вернулся на круги своя,
Отчий мой дом, крепость моя.

Есть переулок, а где же стена?
За акробаткой лозой не видна.

Спелую гроздью соседка в окне
Чью-то сестренку напомнила мне.

Старый художник там бедовал,
Стены «Симпатии» разрисовал.

Церкви Мугну заколочена дверь,
Дремлют шедевры в сонме потерь.

Вижу разор, не спешу удивляться.
Город растет и разрушается.

Годы умчались, истаяв как дым.
Мальчик вернулся на круги седым.

ЗИМА

Как холодно в доме.
Я к печке присел,
Как в крошечной домне,
В ней плавится ель.

Все были при деле.
Вмиг дело труба.
За гранью предела
Не стоит труда.

Ну кто же меняет
На север свой юг,
Где солнце сияет,
На тысячу вьюг.

Бросать так, как Разин.
Кругов не найти.
Мосты сжечь все разом
И в зиму уйти.

ИСХОД

Строю книгу прилежно.
До чего нележки,
Из-под сора подснежником
Прорастают стихи.

Парохода и книги
Есть размеры, предел.
Кто-то ситной ковригой
Запастись не успел.

Что коврига – корзины
Вы роняли за борт.
Пароход не резиновый,
Весь исход не вберет.

Вы в двадцатом по морю
Уходили в Крыму.
Как спасались в Приморье,
Чужаки не поймут.

Сотни тысяч уехали,
Оставаясь в плену,
Как проклятое эхо,
Поминали войну.

Не суди слишком ханжески,
Сквозь расстрельный обрыв.
Это очень по-нашенски:
За обрывом – отрыв.

Жить по правде положено,
Отвечать за грехи.
Как в прокрустово ложе,
Загоняешь стихи.

НЕ ОГЛЯНИСЬ

Вспоминайте жену Лотову.
Евангелие от Луки 17:32

Ты дал зарок. Не оглянись
На то, что оставляешь дома,
И бедный скарб свой не кляни,
Уложенный на дно котомок.

Не оглянись женою Лота,
Переступив зарок свой личный.
Вам соляным грозят столпом,
Как наказаньем необычным.

Содом сметают ливни серы,
Огня и сонма прочих бед,
Но в черед деяний серых
Ты помни ангелов завет.

* * *

Как давно в Армении я не был.
Позови меня, как сына позови.
Протяни мне теплый ломоть хлеба,
Выпеченный с проблеском зари.

Горы втиснуты в масштабы фотографий.
Резиденция твоих царей Гарни.
Чем-то мы кому-то не потрафили,
И душа по-прежнему саднит.

А потери, что в Арпе песчинки.
Все закрыт для явки Арарат,
И ковчег на склоне его льдинкой,
Не сойдет со стапеля назад.

Как давно в Армении я не был.
Сердце вроде потерял в горах.
С гор легко дотронешься до неба,
По атлантам мера свой размах.

УЛИЦА ЧАРЕНЦА

*Первым репатриантам
Армении*

Иду я улицей Чаренца,
Что к Айгестану нас вела,
И память выкинет коленце –
Поднимет прошлого дела.

Заложник атомного века.
Но, право, что ни говори,
Во всей вселенской картотеке
Нет слаще слова Наири.

Страна садов и древних песен,
Сплошь образованных камней,
Сквозь вереницу зим и весен
Ты всех милее будешь мне.

Стучат по камню молоточки,
Как дятлы в каменном лесу.
Найдя с семьей опоры точку,
Вы повернули жизнь свою.

Как легок и отменно теплый
Твой туф, библейская страна.
Прокладывает сердце тропы,
А нам другая не нужна.

Не пожелай иную землю.
А эту поцелуй и тронь,
Такую жесткую, родную,
Как старой матери ладонь.

Иду я улицей широкой,
И где настигнет нас конец?
Так под ухмылку злого рока
Шагнул в бессмертие Чаренц.

7 ДЕКАБРЯ 1988

Весь город на земле. Стихия злобной силы.
Ни отвести ее, ни вообразить нельзя.
Пилотам видно все, пилоты сообщили
В приемную партийного князя.

В Армении разор... Прошли квадриги Красса?
И вновь в долинах слышен смерти зов,
Холстов не тронув огненных Минаса,
Не пощадила его земляков.

Кровавые следы убийцы-века.
День угасал, закатом багровел.
И не было на свете человека,
Кто не скорбел и вас не пожалел.

Храм Мармашен стоит среди развалин.
Как выстоял, моля небесный гром.
И символом и аттестатом стал он
Бессмертия народа моего.

В АРМЕНИИ

Стадом мамонтов облака
Вытопчут охру гор.
Баранку взяв за крутые бока,
С дорогой ведем разговор.

Машину, шофер, как коня, удержи,
Не отвлекай меня.
В прохладной долине лежит
Библейская страна.

Дорога раскрыта, как свежий лаваш.
А вот и гора Медведь.
Излишними будут все слова
И впору зареветь.

Севана закланного узкий плес
Отражает небес бирюза.
Не вижу за сотню шагов из-за слез –
Соринки попали в глаза.

* * *

М. Шагинян

Гидроцентрали славя вахты
И письма Re и ту сирень,
Вы вспоминали всеохватно
Про свет и тень, про свет и тень.

Нужду деля с сестрою вместе,
Что с детства так привычно нам,
Дружили с Гиппиус без лести
И Гете был вам по зубам.

Вас магистраль звала в дорогу,
И главный ее вариант
Так мало нас сегодня трогает,
Как снег, что выпал год назад.

В столицах прожили горянкой.
Стелился молоком туман...
С утра с молоденькой армянкой
Верхом спешили в Сисиан.

Зов родины услышишь властный,
Хоть с нею ты и не знаком,
И лауреатским знаком власти
Не каждый будет оценен.

Забыв про возраст ваш неюный
И гнев не пряча на потом,
Вам реформатор на трибуне
Грозил начальственным перстом.

Неумолима жизни квота,
Но надо, право же, уметь
Войти ли в память анекдотом
Иль звонкой песней отшуметь.

СТАРАЯ КНИГА

Семье Мовсесян-Ширванзаде

Милой жемчужине Армении –
Вы книгу надписали той,
Кто Маргаритой от рождения
Была не книжной, а живой.

Росла сама в семье писателя,
Отца вознес роман «Хаос».
Война ослушалась Писания –
Несла убийства и хаос.

Песню в полях сменили стоны.
О, Маргарита, где твой Фауст?
Вместо лютни фаустпатроны
Играют смерть, не зная пауз.

Нас память детства не подводит,
Воспоминаниям не рады:
Под бомбами горят подводы,
И танки лезут к Сталинграду.

ГЕГАРД

В скале увидев храма стены,
Творя без права на ошибку,
Твой мастер преклонил колени
Пред красотой, из камня вышедшей.

Сам заключил ее в неволю,
Спасая от нескромных глаз.
Знал: красота немного стоит,
Нагой распятой напоказ.

Свет лился от вершины купола,
И свечи жгли в подземной церкви,
Но кто-то невидимкой кутал
В сумрак ночи отличья гербов.

Придя к тебе, как бедный странник,
Не веря в образа уже,
Я красотой снова ранен,
Храм унося в своей душе.

ПУШКИНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

У своей памяти в заложниках,
Я возвращаюсь мыслью вспять,
Слова достав из пыльных ножен,
Что под пятой рассудка спят.

Дорога наполнилась в то лето
Из ручейков окрестных сел,
Росла воротами Толедо,
Собой заполнив лес и дол.

Мотор трудился без обмана.
Все ближе, ближе высота,
И с покрывалами тумана
Лишалась тайны красота.

На высшей точке перевала
Родник, мороза камня твердь,
Избытка чувств девятым валом
Обрушил барельефа медь.

«Что вы везете?» – «Грибоеда».
Сам на коне, а он в гробу.
Все муки ревности изведав,
Испытывали вы судьбу.

И запоздалое участие
Придет, как сон, само собой.
При жизни рады крохам счастья,
И только памятник – горой.

ГЕРГЕРЫ

Жарким летом в забытом селе
Вдоль дороги кусты ежевики,
Словно сплетницы, шепчутся вслед
Горожанке строптивой Вике.

Не удержишь ее в селе,
И мохнатились ягоды шмелем,
Будто шмель ненароком присел,
Безнадежно запутался в хмеле.

Есть в гармонии свой разлад.
Беспокойным взглядом дуэньи
Охраняла тебя и пасла
Твоя мать с неумным рвением.

Вызываю тебя, как спирит -
Орлеанскую деву Жанну.
И пока округа не спит,
Полюбуется, кто к нам пожаловал.

Нас ковер-самолет перенес
Снова в пушкинские Гергеры.
Даром что ль его конь пронес,
Как чеканный терцет Алигьери.

ПОГОНЯ

Гнала нас в ночь лихая удаль,
И Дафною столбы бежали,
Погоня порождала ужас,
И возопили вслед скрижали.

Застыла лавром на мосту,
А бог глядел из вод Гедара.
Мотора монотонный стук
Веки сомкнул тебе устало.

Откуда взялся этот столб?
Его с утра здесь не стояло.
Анны Ахматовой прикол
За полуночными столами.

Но обошлось - помялся бок
Машины, и манит порогом

Твой дом в оговоренный срок,
И месяц – недопитым рогом.

Знай дело, веря в свой успех,
От альфы до омеги с точкой,
Забудь про мишуру утех
И что тебя сомненья точат.

Но отчий дом ты не забудь,
И пусть тебе не будет в тягость,
Пожитки собирая в путь,
Печаль укладывая на радость.

ТРИЗНА

Я время убивал в тот вечер,
А друг в мечту былую метил,
Когда к единственной на свете
Пришли мы оба в ближний дом.

Потом шампанское мы пили,
Притом нисколько не рискуя,
И эту истину простую
В полусухом вине нашли.

Друг выглядел влюбленным Лелем,
Я – равнодушным к ее чарам,
Как изваяния Кочара
В тиши картинных галерей.

Что-то огромное разрушили.
Я понимал – сию на тризне.
Она принцессою капризной
Сошла с рисунка Нади Рушевой.

В ночи убитый кем-то крик
Из нашей юности тревожной.
Мне предложила односложно
Писать проект совместных книг.

Я торопился в путь обратный.
Они остались в зарубежье.
Апатия правленья Брежнева
Нас разводила без возврата.

МУЗЕЙ В СОЧИ

Он с портрета ревниво
За гостями следит,
И, как Тоня, красива
Наша женщина гид.

В этом доме Островский
Жил и книги писал.
Хоть не граф он московский,
Лаптем щи не хлебал.

Трафарет сохранили
В назидание зрячим –
Не транжирьте, мол, силы,
Есть дела много значимее.

В доме вещи простые.
Все как было при нем.
На столе скатерть стильная
Растекается льном.

Как и все, лен не вечен.
Вещь имеет свой век.
Со своими увечьями,
Будто вещь человек.

Корки книг без замен.
Он в руках их держал.
Овод, Власов, Месс-Менд
Против своры держав.

Лавой шли на Варшаву,
И у стен Перекопа
Вы клинками нержавыми
Брали с боем окопы.

Неохота куражиться,
Вечно быть молодым,
И с чужбины покажется
Даже островом Крым.

Отдыхая на травке,
Будут трусы брюзжать.
Но останется Павка,
Жив Сережа Брузжак.

Закалялась со школы
Сталь мальчишки того,
И врага так же колет
Штык на книге его.

КЕРЧЬ

А. Галустову

Приказ был прорываться к морю
И как всегда не обсужден.
Но каждый среди вас, героев,
Уже заране обречен.

Ты ездовой, но пушка ваша –
Песчинка в этом море зла.
И даже думать было страшно,
Что пуля-дура цель нашла.

И сгнули куда-то кони,
Лишь облака, как табуны.
Тебе из крымского далека
Родные горы не видны.

Вокруг тебя орлы-подранки
И падают в гвардейский рост,
И смерть их носит спозаранку
На кровью залитый погост.

А уступать никто не хочет,
И ты кричишь: «Сынок, пригнись!»
И догоняешь что есть мочи,
И через силу тянешь вниз.

И вплоть до дальнего лимана
Идет стеной кровавый смерч.
Здесь вся земля сплошная рана,
И жертвы требует с вас Керчь.

ПАМЯТЬ

Брату Шуре

Ты ребенком от ножей
Под тахтою схоронился.
По раскладу ворожей
Жить тебе и веселиться.

Лихо знал ты не по книжке,
Виноватый без вины,
Испытал судьбу парнишкой
С первых месяцев войны.

Смерть настигла возле Курска.
В братской ты лежишь могиле
Иль на дне в окопе узком,
Старикам не сообщили.

Службы ратной срок короткий,
А потом покой и тишь.
На меня из-под пилотки
С фотографии глядишь.

КИНОТЕАТР В СУХУМИ

Д. Шелня

Ни одного билета в кассе.
Мужчина: «Да, но я герой...»
А в зале скоро свет погасят,
И вспыхнет на экране бой.

Горел он ярче всех закатов.
Сосед танкистом, видно, был.
Ловил он жадно кадр за кадром
И все на свете позабыл.

До Прохоровки снова близко,
И на груди горит звезда.
Какою страшною пропиской
Вошла война в нас навсегда.

Горели танки, словно свечи.
Рулил механик в озерцо.
Охваченный огнем по плечи,
Спешил он уберечь лицо.

Пропитанный до пят бензином,
Комбинезон ловушкой стал.
И летним был тебе и зимним,
Когда ты плакал и мужал.

А озерцо, что твоя лужа –
Притягивает, как магнит.
И танк твой снова будет нужен,
И вот поодаль «Тигр» горит.

В бою трофеев мы не брали,
И танк на танк упрямо лез,
Как на слонику слон взобрался
И не спешит оттуда слезть.

И снова ужас наважденья,
И не отпускает боль.
В Сухуми – фильм «Освобождение»,
И танки псами рвутся в бой.

ОБЕЛИСК

Г. Поженяну

Боксер и воин, бард-поэт,
Он пел про круг и место в шляпке.
Измене в дружбе места нет,
Как труса в командирской рубке.

Швыряет вал за валом море.
Ну что с того, что ты на суше.
Со шкипером любим поспорим,
И годы голос не заглушат.

Вы вытянули злой билет,
Держа удар, как Сегалович,
Жизни неполных двадцать лет
Ради других отдать готовы.

Как было страшно на войне –
В снегах, десантах и на море.
Вас извещеньем слишком скоро
В Сухом Лимане зря хоронят.

Но в минных погребках своих
Память востребует безусых
Ребят, чью жизнь продолжит стих,
Кто в бой ушел и не вернулся.

Десант сражается – он жив,
И отражаясь в обелиске,
Нам завещал достойно жить,
Гореть стожарами неблизкими.

ВОЗВРАЩЕННЫЙ АД

Нас не призвали в ту войну –
По возрасту не подлежали.
Мы не оправдывали с жаром
Свою невольную вину.

Прокладывая к знаниям тропки,
С чьей-то светлой головы,
Мы, новобранцы-одногодки,
Сдавали краткий курс войны.

Макета театр военных действий,
И как всамделишный в огне –
К нам возвращался ужас детства
Тарелкой черной на стене.

Полковник помнил академии,
А первую – прошел в войну,
Рейхстага комнаты в сраженьях
Он брал, как бюргера жену.

В спортивном зале Эвридика
Училась оседлать бревно.
И нам сначала было дико
Освоить то, что не дано.

Не повторяя путь Орфея,
В плену сонетов и баллад,
От перегрузок сатанея,
Готовы в свой спуститься ад.

ПОЛНОЧНАЯ СТОЯНКА

Мне снился сон тревожный:
По льду во весь опор
На нартах непорожных
Спешу в далекий форт.

Светает слишком поздно,
Но через три часа
Зайдет скупое солнце
За злые тороса.

Уже разбита с толком
Стоянка у реки.
Всю ночь мне скалят волки
Голодные клыки.

Прервав собак кормежку,
Стараясь не упасть,
Бросаю головешку
Волчице прямо в пасть.

Дыхнув паленой шерстью,
Зверь прыгнул от костра,
Сменив осады место
И не изведав страх.

Костер к утру сгорает,
А хвороста запас,
Как снег, от жара тает
И не спасает нас.

Как долог путь астральный.
Не выжав слез из глаз,
Доскою мемориальной
Не отмечают нас.

Мечты, где ваша сладость?
Развеялись – и пусть.
И Лондона рассказом
Скребется в сердце грусть.

ОСТРОВ БЕДЫ

Поэма

*Памяти Л. Челидзе,
В. Чимакадзе, А. Гачечиладзе*

1.

Уходят наши товарищи,
Падают как в войну.
Я вроде один на пожарище
И ставлю себе в вину.

Память, как конь, стреножена.
Помню каждый ушиб.
Режу монтажными ножницами
Живые пласты души.

Одно у нас отечество
И горек его дым.
Вспоминаю я молодечество,
Отдавая долг молодым.

Снова на равных мы с лектором.
Только друзья вокруг.
Стихи, как хинкали, лепим,
Глотая по сорок штук.

На Бесики бесятся пьяные,
И мы заявили на крик.
Ни поздно ни слишком рано.
Чимка, я, Чик-Чирик.

У нас на троих по шницелю
И возраст ребячих проказ.
Если рано жениться,
Выпить в самый раз.

Сидим в погребке за бочкой.
Бочка костяшкой лото.
Кто-то еще выпить хочет,
А другой готов.

Стипендия, наша отрада,
Сквозь пальцы уходит в песок.
Как мало нам было надо,
Как папа еще высок.

2.
Сидим в погребке прилежно,
И счет нам давно расписан.
Мы сами, как маршал Брежнев,
Не в силах прочесть написанное.

Куда нам стопы направить,
Сменив погребка кров?
В бутылку цедим саперави,
Как донора свежую кровь.

Решили: идем в гости,
Куда не позвали нас.
А дом тот найти непросто
Трем парам нетрезвых глаз.

Готовы любому дать сдачи,
Но улицы сонны, пусты.
Бутылку, с собою прихваченную,
Как женщину, тащим в кусты.

И вот мы стоим на пороге
Мтацминды притихших квартир.
Встречает нас длинноногая,
С которой никто не ходил.

Так в дом на Давидовской площади,
Тонуший в сирени кустах,

Ввалились мы, как лошади,
От вина и стихов устав.

Пока мы чай гоняли,
Костер жгли скандальных стихов,
Какой-то вор и охальник
Бутылку увел из кустов.

А я отказаться не смею,
Когда ты, щедра и легка,
Есенина книгу посмертную
Готова достать с потолка.

Взлетела стремянкой по стенке,
И я ей галантно помог,
Глаза отводя от коленок,
От стройных ее ног.

Как долго печатать медлили,
У сыска бессрочные сроки.
Настигла поэта не петля.
Бухарина злые строки.

Он бил, как палач, умело,
И каждая мысль не проста,
Поэзии дивное тело
На площади распластав.

Редает людей вереница,
С кем стоило дружить.
Есенин подарком приснился
И продолжает жить.

А годы Курою струились,
И друг мой хвалил за глаза,
И в шутку прозвал Джо Луисом,
О чем я недавно узнал.

Порядком мы все устали,
Но памяти помнит тайник,
Как лапы боксерские Двали
Болели от крюков моих.

А мне далеко за тридцать
И даже за пятьдесят.
Я часто готов удивиться,
Поймав откровенный взгляд.

Ту девушку в Сололаках
Я долго забыть не мог,
Что взглядом меня обласкала
В начале житейских дорог.

И словно решая задачу,
Хоть часто не по пути,
Ищу ту бутылку значенную
И все не могу найти.

3.
Не рвались мы в менестрели,
Себе урывая куски,
Но кое-что в жизни успели
В тяжелые марш-броски.

Поти, футбола родина,
Стал оплотом коммерции.
Тобою я больше взволнован,
Королева Мтацминды Мерция.

И «Ласточкой» в сердце ранен,
Торжественно светел и тих,
Котэ Махарадзе с экрана
Про Чимку читает стихи.

А Леву мы видим в титрах,
И он продолжает жить -
Остался ярким юпитером
Осиротелым светить.

Мы верили в добрые вести,
Надежды развеялись в дым.
Плывет в океане вечности
Алика остров беды.

У каждого есть своя песня
И к ней подбираешь ключи.
Отважного Весли «Валенсия»
Реквиемом звучит.

Позабылись девчонки и книжки,
Жизни ярмарки хоровод.
Дорогие мои мальчишки,
Как вас мне недостает.

Как часто, ища совета,
Держась за последний редут,
Я к вам тянулся, как к свету.
Знал - не подведут.

Исчезнувших вокруг тыщи,
Каждый для близких царь.
Уходят, уходят мальчишки,
Разбивая наши сердца.

АССИРИЙСКАЯ КЛИНОПИСЬ

Как часто, обращаясь к книге,
Перевернешь страницу детства,
И вновь дворцовые интриги
Напомнят о негодных средствах.

Нисходят с гор отвесных сели,
Предчувствием нас насторожат.
В «Минутке» на часок присели,
В Гегарде хлеб ломаем с сторожем.

И профиль Ашшурбанипала
Напомнил важного мужчину,
Распятого в конце тридцатых
Без уважительной причины.

Сместились времена и векторы.
Словно от боли зубной морщусь –
Не вычитал стиха корректор,
Не восхищенный его мощью.

Поднаторев в природных сшибках,
Ты от Куры до Арпачая
Чужие видишь лишь ошибки,
Свои, увы, не замечая.

* * *

Свалилась ты снегом на голову,
Хромает сравнение мое,
Слова, словно жидкое олово,
На старую мельницу льешь.

Суть правды сменит небылица,
Теснит эскадроном гусар.
Мелькают размытые лица,
А мед все течет по усам.

Медведи сбежали со льдины
И хлещут в жару квас.
С маэстро Томмазо Сальвини
Попробуй веди мастер-класс.

К вечерне спешить не надо
Героям парижских книг -
В них Хэма и Фицджеральда
Души оборвался крик.

С ковровой дорожки в Канне
Шлют другу заочный привет.
С кем вместе сдвигали стаканы,
А друга давно уже нет.

ЭКСЛИБРИС

Сниму с тяжелой полки книги
С летящим росчерком друзей,
Что громоподобным МИГом
Мелькнули в юности моей.

Не побывав в каких-то странах,
О них мы спорим без конца.
Сын классика отметил ранний
Талант наш с генами отца.

И знали записные книжки:
Нет жанра более важней.
О книгах грезили мальчишки,
В них переплавив серость дней.

Живые в памяти живых,
Подумать даже не успели,
Что книги пережили их,
Как долгожительница – Шелли.

ПОДАРОК

А вот и Вова Соколов. Это редкая книжка!
Надпись на книге «Любовь как любовь»

Ты цену знал подарка.
Следы твоих чернил,
Свидетельства восторга,
Я в книге находил.

Так в голод ломтик хлеба
И тонкий недешев.
Стихов его отведав,
Я мастера нашел.

Иду волшебным лесом
И на стволах чужих
Встречаю я зарубки –
Ты рядом и ты жив.

И дав мне хлеб, не камень,
Хоть я и не просил,
Хранить огонь оставил,
Покуда хватит сил.

В СТЕПИ

Не спросясь броду, не суйся в воду.

Пословица

Центральная усадьба
Осталась позади.
Спешу я, как на свадьбу,
А свадьбы не найти.

Не сделал пару бродов
В чужом краю степном,
Не знал он недородов
И гладкий, как стекло.

Полуторка пылила,
Как видно, год назад.
Иду я через силу,
Но мне сам черт не брат.

И не с руки мне злиться,
Беды не расхлебав.
Вокруг одна пшеница -
Хрущев растил хлеба.

Страна сильней не стала.
В полях гниет зерно.
Бригадой на комбайне
Гоняли мы в кино.

Меня предметом мэтра,
Отрада для зануд,
Спасла тригонометрия,
Ее какой-то пункт.

Сюда по доскам тонким
В распахнутый простор
Затаскивал девчонку
Чумазый комбайнер.

И новенькой растерянность
Костер не отражал.
Всю ночь метались тени
Да песни каторжан.

И не ломая ноги,
Спасаясь с высоты,
Сдавали недотроги
Напарникам хвосты.

Стоял знак на высотке,
Когда вконец устав,
Нашел я путь короткий
На полевой наш стан.

Встречали меня «молнией»
И кашей негустой
Студенты малахольные,
Как спутники - Кусто.

Нас кашеварка Таня
Все рвется угостить.
Доволен я братаньем,
А мог ведь не дойти.

Мы для ее времянки
Срезали камыши,
И рвался свист зарядки
В догадливой тиши.

ЧИТАЯ ГЕЙНЕ

Мне все не дает покою
Старинная сказка одна.
Г. Гейне

Сердца порывы умерь, не жалея,
Если тебя позвала Лорелея.

Золото кос распустила она,
Ты же поверил: в тебя влюблена.

Праздные мысли гони поскорее –
Многих гребцов погубил старый Рейн.

Замков воздушных песчаный след
Смыт волной на гиблой скале.

И не таращь ты напрасно глаза,
Мало кого кто в тумане позвал.

АМАДЕЙ

Все меньше стало Моцартов в жизни.
Больше метят выйти в Сальери.
Вздорные слухи приплели к тризне,
Признать не спешат гения гением.

Пушкин гармонию алгеброй не поверил –
Маленькой трагедии большой грех.
Сам осушил чашу яда безверия
И уверяет в злой версии всех.

Храм Солнца. Фон Борн. Зороастр на троне.
Соавтор сюжета «Волшебной флейты».
От отвара отравы навек упокоен.
Царицей Ночи напуганы дети.

Закрыли Амадея глаза вещи,
Шпаги клинок приставили к сердцу.
Горит свеча в черепе человечьем.
Масонская клятва. Реквием вечности.

Помнит кто исповедь Калиостро?
Слухи о разгуле Моцарта идут кругом.
Разорен бильярдной игрой острой,
Обрюхатил Магдалину, судачит округа.

Его заказали и зажали в тиски.
Отправляясь с женой в скучный Пратер,
Не скрывает он смертельной тоски
От жизни, ставшей узкой, как платье.

Адов коктейль – мышьяк и ртуть на воде.
Маэстро знаменит, но беззащитен.
Следов его не найти нигде.
Общей могилы приют незавидный.

Жив стереотип вечно юного гения,
А гению двести с лишним лет.
Заговора психозом охвачена Вена,
Задули Амадея свечи яркий свет.

Охота на ведьм страшной холеры.
Убийц его распознать не сумели.
Моцарт остался отравленным гением
И распятым в веках лжеубийца Сальери.

БЕТХОВЕН

Забыв про библейский бисер,
В свирепой своей глухоте
В красавиц влюблялся он быстро,
Не видя, что вовсе не те.

Шедевры твоя в запальчивости -
Крик обнаженной души,
Целовал в мечтах пальцы,
Нежно его душившие.

Как нищий, прятал в котомку
Улыбку и ласковый взгляд.
Бежал лунный свет ломкий,
Отражаясь болью в глазах.

Но помнят графиню Гвиччарди,
Кузину Терезу с галчатами -
Сонаты ладьями отчалили
В океан чувств непочатых.

Лебедем прильнув к Леде,
В любви мы богам сродни,
А знатная леди и Джуди О'Греди
Во всем остальном равны.

ПЕВЕЦ

В. Козину

Я не вернусь на материк,
За Магаданом свет не виден.
Не отозвалась ты на крик,
И на тебя я не в обиде.

Сирени веткой одинокой
Простилась ты со мною веря.
А кто-то с вышки смотрит зорко
И застрелить готов, как зверя.

Наш поезд мчал и исчезал
В дрожащей легкой серой дымке.
Там я этапом брел в слезах
И не спешил пропасть на дыбе.

В каких кругах я проходил,
За лагерем здесь лагерь стынет,
И весь во власти ты горилл
Остаток жизни злой, постылый.

Зеленый театр мне снился долго:
Танго свое пою охотникам.
В краю забытом пропал иголкой,
Но на концерты рвутся сотни.

А мой костер тебе не светит,
Он был затоптан на снегу,
Я перед вечностью в ответе
И оправдаюсь как могу.

Я не ушел на материк.
За Магаданом свет не виден.
Прощальный зов, напрасный крик.
Прошла любовь, прошла обида.

ПЕРВАЯ ЧИТАТЕЛЬНИЦА

Голоса пернатых
С каждым днем глуше.
Небо делят пиратами,
Никого не слушаю.

Держат курс на Африку.
Заскучали осенью.
Ищут страны жаркие,
А не наши сонные.

Не зайду на лекцию.
Заболел я вроде.
В воздухе инфекцией
Осени рапсодия.

В коридоре стынет
На стене газета.
Юная разиня
Шепчет стихи эти.

Выбрала. Забыла.
Ушла навеки.
Боже, когда это было?
В прошлом веке.

ЖЕНА АЛЬПИНИСТА

Мы воздушные замки строили,
Друг от друга отличные,
И тебе ничего не стоило
Оставаться на курсе личностью.

Увлекался я больше шахматами,
А девчонки смотрелись принцессами,
С формами незахватанными
И мечтой о герое «Эксцельсиор».

Позабылись брюнетки с шатенками
Без единого вздоха и боли.
Ты бесстрашно полезла на стенку
И нашла своего плейбоя.

У каждого в мечтах Эверест,
Выше галки заходятся в игре,
Распрекрасная из невест,
Несыгранная роль Гамлета.

Обращаясь за десятки лет
Долгожданной кометой Галлея,
Из далеких миров льешь свет,
Заставляя в чудо верить.

Разевают ущелья щербатые пасти,
Поглощая желания и чаяния.
Снова падаю я в пропасти
Телефона твоего молчания.

Не боюсь, что меня оспорят,
Я скажу, не забыв ничего,
Ну зачем ему эти горы,
Когда рядом вершина его.

ОБЕЩАНИЕ

Мы были, как котята, слепы,
Подброшенные кем-то в дом,
Писать пытались, как поэты,
Как Франсуа Сюлли-Прюдом.

В спортзал срывались мы без спроса,
Где Двали ставил нам удар,
И сочетая драку с боксом,
Их путали, как божий дар.

Тот зал давно уж окультурен,
И не рассудит, не простит.
В нем кафедра литературы
Своих профессоров растит.

Не снятся больше львы и драки,
И не взволнует никого
Имя тех лет Мисс Сололаки
В подъезде дома твоего.

Но чудо пишушей машинки
Не умалить и не забыть –
Мне однокурсница блондинка
Ее хотела подарить.

Мы были, как котята, слепы.

СНОВА ТЫ

Дом как дом, хоть и старой постройки.
Лифт усталый в подъезде молчит.
Снова ты, молодая и звонкая,
Одолжила у тетки ключи.

Обещала конспект свой тоненький.
Как девчонки в учебе сильны.
Двое нас и разбитые слоники
На пианино у дальней стены.

Женихов в группе нас трое.
Говорю ей: «Бросьте войну!»
А она мне: «Он кем-то настроен»
И припомнила друга вину.

Слышит плохо после болезни –
Осложнение схватило ушки.
И ничем я ей не полезен,
Хоть кричи, хоть стреляй из пушки.

Хорошо в Очамчире при штиле.
Снова вспомнил твой голос и волосы.
Солнца лучик к полу пришпилен.
И глаза немного раскосые.

На проспекте гостиницы, бары,
Ресторанов заморская рать.
Ах, как хочется стать барином,
Ничего не пытаюсь понять.

Принимая поклон за поклоном
Бывших близких, чужих потом,
Я иду, вконец разоренный,
Как сожженный питоевский дом.

Как солдат, не сберегший знамя,
От прохожих скрываю глаза.
Не дождусь я ответа-признанья
На слова, что тогда не сказал.

МОРЕ

Сухой Фонтан. Какой-то бред.
Его ведь море омывало.
Пьянило, как заморский бренд,
И лодку на волне качало.

Мы к морю шли, и вдоль дороги
Тянулись грядки табака,
Распластанные чьи-то дроги,
Как тот цыпленок табака.

Хозяйский сын был ушлый малый,
В повозке кнут он разглядел,
Довольствуясь добычей малой,
Коня украсть не захотел.

Конь же сгодиться мог в хозяйстве,
И ни к чему без него кнут.
Давали за коня полцарства,
Теперь навряд ли отдадут.

За нами тени гнались стойко,
Им бы в свидетели идти.
Мы молча миновали стройку,
Но теням, видно, по пути.

А море с каждым шагом ближе,
Все ближе пляжа полоса.
Прибой, вскипая, сыпал брызги,
Не остужая телеса.

ЕЛЕНА

Как в Ялте чеховская дама,
Гуляла с книжкой на бульваре.
И я пропал, как сын Приама,
Убитый греками вульгарно.

А все же то была игра,
И про себя ты балом правила.
И шпиц из книжки выбегал,
Опережая нас по правилам.

За поворотом поворот
Пусть не обманет ожиданья.
Нахал прыщавый у ворот,
Как старый долг, клянчил свиданья.

Пусть для кого-то это спорт,
Строка пустая в списке длинном.
Был стадион, а рядом корт
За терренкуром серпантинным.

Не ел я в номере арбуз,
А параллели просто просятся.
Мы, вылезши из лишних блуз,
Несли на пляже околесицу.

А солнце жгло и обжигало.
Под взглядами ты возлежала,
Живот атласный свой поглаживала,
К себе надолго привораживая.

И все у нас наоборот.
Вернулась ты в свою столицу,
А я молчу который год,
Как дама та, живя в провинции.

Я вспомнил чеховский рассказ,
И словно влез в чужую кожу.
Невольный вышел пересказ,
А все же что-то было схожим.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Вороньих криков толчея,
Картавой птицы срыв шарахный,
Нарушив дерзко мертвый час,
Стучат бильярдными шарами.

На море времени навалом,
И время покатать шары.
Не все на танцы валят валом,
На людях пробуя шалить.

Вот оттеня бледность щек,
Сойдя крутой тропинкой сада,
Вся незнакомая еще,
Пришла и молча села рядом.

И не ко времени, не впрок
Ты вдруг увидел нежеланно,
Как на краю постылой ванны
В часах торопится песок.

ПЕСНЯ

В море прячется светило,
Будто в море варят сталь.
Мне сегодня подфартило –
На концерт билет достал.

Гастролер собрал аншлаг.
Угасал июльский день.
Кто-то вынес белый флаг,
Безразличный, как тюлень.

Мы сидим в одном ряду,
Через восемь мягких кресел.
Ты с подругой, как редут,
Неприступные принцессы.

Все по-своему в ударе.
Как поет он, черт лохматый.
Говорят, кому-то в зале
Пылкие бросает взгляды.

Смотрят люди, не дыша.
До чего же хороша.
Видно, сильно куролесил,
Оттого румян и весел.

Моя хата та, что с краю.
Ничего о них не знаю,
Классно смотрятся вдвоем,
Есть любовь – и мы поем.

На рыбалке у реки
Тянут сети рыбаки.
И реактор где-то жарит,
В жар идут одни пожарные.

Взгляд твой тоже берегу,
Как удавшуюся песню.
На курортном берегу
До чего же мир стал тесен.

И сдается мне, вдвоем
Мы еще не раз споем.
Без рыбалки и реки
Тянут сети рыбаки.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МОТИВ

Обещала прийти ночью,
На беду хозяйка не спит
И узнать про жиличку хочет,
На ночь глядя куда спешит.

А узнает – шепнет наверх,
И тогда прощай служба.
Разлучают влюбленных всех
Обстоятельства ненужные.

Так бежали впустую часы,
Хоть реви – не поможет нисколько.
А старуха ведьма не спит,
Заставляя понять Раскольникова.

СЛЕПОЙ ТРОЛЛЕЙБУС

В чужую душу ты не влезешь
И в собственную непусти.
Бежал троллейбус по-газельи,
С салоном сонным и пустым.

И в такт ускоренного бега
Сосед мой думал и дремал.
На месте, крайнем как омега,
Тетрадку тонкую достал.

Нацелился карандашом умело
На лист, не тронутый, как снег,
Слепив портрет штрихами смелыми
Той, что мечтала как во сне.

В волнах кудрей отменно желтых
Пылало женское лицо,
Стараньем властным приближенное
Опомнившимся молодцом.

Художник в куртке нероскошной
И с виду вовсе не Тарзан.
А вот мальчишка осторожно
Косит в тетрабочку глаза.

И не польстил тогда нисколько,
Ей нос никак не уменьшил,
Он опустил в карман глубокий
Эскиз и выйти поспешил.

Она о чем-то призадумалась,
Была в салоне и не тут.
Божественный огонь задули,
Мы проморгали красоту.

Как далека она от подиума
Девиц с округлыми грудями.
И не сведет тебя с ума,
И явно на модель не тянет.

И что нам до судьбы чужой,
Сегодня вроде не до жиру.
Бежал своею стороной
Слепой троллейбус с пассажирами.

ДЕВУШКА ЕСТ СЛИВЫ

Фруктовый сад ее груди –
Ждут сбора полные корзины.
Так горы манят впереди,
Угадываемые из низины.

Приятно выпуклый корсаж –
Как льнут к грудям чертовки сливы.
Вином любви пьянит пассаж,
Нрав незнакомки шаловливой.

Вдохнуло жизнь в страницы книги
Перо волшебника Роллана.
Смятенье чувств. Канва интриги.
Неопалимый куст желанья.

Сабина, Сильвия и Ада.
Крик птицы в золоченой клетке.
И райский сад и круги ада.
А сливы гнут-ломают ветки.

ЮДИФЬ

Аббатство рядом, через Темзу.
Постой немного на мосту,
Пока тебя не увезут
И ветер вымучит слезу.

Вестминстер – Мекка англичанина –
Уходит колоннадой ввысь.
Ты, неизбежным опечалена,
С печалью больше не борись.

Разлука нам судьбой завещана,
Коль эта жизнь так дорога.
И два народа птицей вещей
Брели по разным берегам.

Брат бросил якорь в дальнем крае,
Упругий парус зачехлил.
И свадьбу там они сыграли,
И по традиции дождь лил.

Брат для тебя Ньютон и Дарвин,
И, может, даже Копперфилд.
Я вспомнил Диккенса недавно,
А он со мною шел всю жизнь.

Спешат навстречу вам прохожие,
И среди них Жерар Филип.
Ну до чего они похожи,
А этот к мостовой прилип.

Он заглянул в глаза бездонные
И утонул в твоих озерах,
Как я когда-то. Обездолен,
Рассыпав нитку мыслей зерен.

«Смайл!» – говорит он умоляюще,
Улыбку требуя к лицу,
Как жажду путник утоляющий,
Мучений радуясь концу.

И аналогией на диво
Тебя представил он мгновенно
Красавицей вдовой Юдифью
И с головою Олоферна.

НА ВОЛНЕ, КАК НА ВОЙНЕ

Самым умным в тот год
было море –
целовало тебе ноги
вором,
обнимало в волнах
исступленно.
Просто так, скуки ради,
а не влюбленно.
Я бы высек его,
будь рядом.
Показалась мне жизнь
серым рядом.
На волне, как на войне,
тащат краденое,
и дороже вдвойне
от тебя награда мне.
Я стихи твои,
как слепой, трогаю.
Для кого ты была
недотрогой?
Неуклюжие слова
тащу волоком
и под ноги твои
стелю войлоком.
Мы о счастье
до хрипоты спорим,
а удачливо
бесстыжее море.

ЗАВТРАК НА ТРАВЕ

Сидишь изящно
на краю лодочки,
скамейки парковой,
амазонкою.
Плывут от ближнего
ресторана
соблазны обморочные
и очень стойкие.
Крутая самочка
прошла аллеей,
застыла в стойке.
Проспал все праздники,
похмельем смятый,
твой недостойный.
И им непонятая,
обвиться хмелем
спешишь,
усталая.
Груди холмами,
желаньем поднятыми,
на нас
установилась.
А у тебя
в улыбке пляшут,
алея, губы.
Какой-то песик
походкой валкой
идет вдоль клумбы.
Несет хвост скалкой.
Пристал, как пьяный,
и будто спрашивает,
чего нам надо.
Слизнул с твоей руки
обломок тающий
шоколада.
Вот так
без паники

мы, видно, тоже
с тобой расстанемся.
Так для чего же
прикрыла ставни,
как паинька?

МОЯ КОРРЕСПОНДЕНТСКАЯ

Там, где мы бывали,
Нам танков не давали.
К. СИМОНОВ

Ради нескольких строчек в газете
Вы мотались на передовой
И единственной в целом свете
Наказали ждать живой.

Жизнь как ожидание встречи.
И она для вас важна,
И хочет быть вашей женщиной
На лугу, где грохочет война.

И не просто новая аура,
Которую себе приметил,
Поверив в Петрарки Лауру
И не веря в приметы.

Ради нескольких строчек в газете,
За которые ни гроша,
Я плюю на условности эти
И не сдерживаю шаг.

Не слушай меня с испугом,
Редкая, как корень женьшеня.
Снова стала планета лугом
С конями и женщинами.

СОПЕРНИКИ

Влюбиться можно за эти стихи.
Из разговора

Не влюбились в поэта,
А в его же стихи.
Может статься, поэтому
Я заметно притих.

Где же тут справедливость?
Я срываюсь на крик.
Так скажите на милость,
Фактам всем вопреки.

Ночь убита рассветом,
Небо жжет кумачом.
Вы влюбились в поэта,
И стихи ни при чем.

РОМАНС

В разгаре доброго застолья
Без сожаленья и причины
Вы боль большую причинили.
Вам, право, ничего не стоило

Сказать, что досаждаю часто,
И праздной суеты потуги
Воспринимаете несчастьем.
Но в вас я видел только друга.

Возможно, это даже к лучшему,
Отправив сердце на покой,
Запомнить преобидным случаем
Смех громкий женщины хмельной.

«ТИТАНИК»

В кают-компании
зовут к завтраку.
В их Океании
чужой я и завтра.
Уйду проспектом,
впадая в панику, –
всплыл из проекта
призрак «Титаника».
Непотопляемого
снимают на пленку.
Расчищают подвалы.
Понятны ребенку
мотивы аврала.
Рестораны, фильмы
тянут руки жадные.
Пароход жив,
дышит жабрами.
Стиснул горло
комок удушья –
вспомнились Гоголя
мертвые души.
Как вам
там кушается?
С бутафорской палубы
смахнув фишки людей,
Кэмерон
носится
с камерой
самонадеянно.
Выстроил
на воде
кладбище манекенов.
Зависти
не испытал ни капли,
смотрю на шалости
Ди Каприо.
На корабельном носу

без причины
тискает девчонку
над пучиной.
Портретом задвинут
в школьные ранцы,
без вины
зацелованным
до потери глянца,
идол Леонардо,
хоть не да Винчи.
На смену титанам –
где взять их нынче? –
приходят тираны.
Бедный «Титаник»!
И нам
уже больше
никто не завидует.
Тонут титаники,
доселе невиданные.

КОРОЛЕВСКАЯ ИГРА

Падение с шахматной доски –
Фигуры сброшены с досады.
В горле комком взошли ростки
Чьей-то боли, как рассады.

Лежат впотьмах в неловком плене,
Забыть пытаюсь горечь сдачи,
Вповалку пешки с королевами,
Не веря собственной удаче.

Как вздох, затишье после боя,
И в самый раз мечтать о кухне.
Попытка дорогого стоит,
Коль на кону надежда рухнет.

Но в предвкушении реванша
Рискнет король, доверясь слепо
Атаке храброго Маршалла,
Врага желая сжить со света.

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

Загородили, понастроили
И перекрыли все пути.
Свои могилы я, расстроенный,
Так долго не могу найти.

Сирень снежком бросает в лица,
Цветы весной ликуют тут.
И умереть или жениться -
И что за цель и что за труд.

Хлопочут женщины спесивые
Среди надгробий дорогих,
И молодые и красивые,
Как свежи голоса у них.

Не узнаны, не узнаваемы,
На этой ярмарке спешим,
Вином стаканы наполняем мы
И улыбаемся живым.

* * *

Медленно, как стихов строчки,
Прибывает вода в колодце.
Пустить бы еще лягушку -
Вода холоднее будет.

НАСРЕДДИН В БУХАРЕ

Тонул Джафар когда-то в Бухаре,
В покрытом ряской водоеме.
Тут объявился, как на грех,
Гонимый роком неумным,

Ходжа в заплатанном халате,
Шепча стихи из «Гулистана»
О той, кого любил когда-то,
Не разлюбив на расстоянии.

«На!» – подал руку бедолаге.
«Давай! Давай!» – кричали люди,
Поэта не узнав в бродяге,
Мечтающим каким он будет.

Брать куда легче, чем давать,
Как это часто многим кажется,
И очень важно различать
Не только чопорным красавицам.

А все стихи уже написаны,
А все красавицы целованы,
И все достоинства неписанные
Не удостоят гроша ломаного.

Ростовщика спасешь из омота –
Назавтра о тебе не вспомнит.
Но снова нужен ты кому-то,
И счастье для тебя неполно.

ПРОВОДЫ ЛЮБВИ

Ночь в гостинице застала.
Утром сколько ни смотри,
что отдал, считай, пропало
книгой Сент-Экзюпери.

Одолжил ее соседу.
Он, уйдя в ночной полет,
взял в полет и книгу эту,
как запретный сладкий плод.

Похищение со взломом,
кража, что ни говори.
Оценил гость незнакомый,
видно, Сент-Экзюпери.

Захватил с собой в дорогу,
не боясь людской молвы.
Но запомнились надолго
твои проводы любви.

Не придумав довод веский
удержать его, несмело
приподняв край занавески,
тайно гостью вслед смотрела.

Ночь в гостинице застала.
Утром сколько ни смотри,
что отдал, то и пропало
книгой Сент-Экзюпери.

ЗОЛУШКА НА БАЛУ

Миллионеры,
миллионеры
в зале пачками.
Не проверив – не поверят.
Не иначе.
Ты подарком среди них
ценным,
и сверлят они тебя
взглядом цепким.
Ярких глаз твоих свет
спорит с люстройю.
Увиваются за тобой
шустрые.
И не в сказке, не во сне –
наяву
ты, как Золушка,
одна на балу.
Муж разбил вигвам
в дальнем Лосе
и сидит он там сколько просят.
Зря растратил пыл и жар
на Джоконду.
Мерседесы ему подавай
либо хонды.
А тебя премьеры атакуют.
Где найдешь
другую такую?
И что за диво.
Все очень просто.
Коль ты красива,
за тобой ухлестывают.
Все своя родня, а не гости.
Как достала билет,
не спросят.
И не спросят,
из какой семьи ты.

За миллион
тут не найти
антисемита.
Честь оказана
родным завидная –
спят они вечным сном
рядом с Шиндлером.
И ему равны.
Дедушка
был раввин,
отец тоже.
Коротка наша жизнь.
Ну и что же.
Стих тебе написать
ее хватит.
А напишешь –
так спросят:
чего ради.

НОЧНЫЕ ДЕМОНЫ

Затаились гаражи,
как ежи.
Что нам делать?
Скажи.
Подскажи.
Закрутила–завела
нас жизнь.
Ты меня не брани.
Сдержись.
И о прошлом
ты не тужи.
Чего не было,
того дождись.
Но по каплям
уходит жизнь,
и так хочется
еще пожить.

А люди вокруг,
как ежи.
Не согласна?
Другое скажи.
Ну, а в общем
прекрасна жизнь.
И не надо
ни о чем тужить.

ПОХВАЛА РАЗУМУ

С возрастом становишься мудрее,
Замечая и просчет других.
Убежденный твердо в своей вере,
Удивляешь знанием, как гид.

Так заведено: к закату жизни
Разум сидит впору, как костюм.
Пусть твои желанья сникли,
Рассуждаешь, как философ Юм.

Вот и вся нехитрая наука,
Лучшей правды, право, не найти.
Разум – замечательная штука,
Если не задержится в пути.

В РЕСТОРАНЕ

За шампанское давно уже уплачено.
Что не выпито – уносим как трофей.
Апельсины позолотой схвачены
И милее скользких трюфелей.

Есть интрига встречи в каждом блюде.
Анекдоты расстреляй, стихов обоймы.
Не пребудет нас и не убудет,
Все навеселе и тем довольны.

Наш приятель из другого теста,
Он немало выпил и потехи ради
Пляшет все лезгинку под оркестр,
И ему за представленья рады.

Нож зажат в зубах зверино-крепких,
Со стола заимствован у нас.
Сам танцор он ровно метр с кепкой,
И отбой нам, видно, не указ.

Кто-то перебрал, угрюм, невесел.
Официанты - стенкой. Женский визг.
На перилах гроздьями «одессы»
Девочки повисли - пьяны вдрызг.

От вина и шума ты растерян.
Для кого-то вечер впрямь прекрасный.
Девочки мешают - их портьерой
В сторону сдвигают парни в красном.

Ну а после было все иначе.
Мы как стеклышко и по-спортивному легки.
Апельсины теннисными мячиками
По ступенькам мчат вперегонки.

ИНФАРКТ

Я, как стебель к корню поникший,
Распростерт на каталке больничной.
С медсестрой, не знакомой с Ницше,
Мчим на скорости, и она - за рикшу.

В коридоре редкие встречные
Липнут спинами к серым стенам.
В этот час череда стендов
Стала узким тоннелем вечности.

Нище миф о сверхчеловеке
Оказался обычными драками.
Вот и лев – властелин природы –
Мертвый хуже живой собаки.

Говорят, что планета в опасности,
Мир, возможно, спасет красота.
Только, знаешь, мне это без разницы.
Ситуация в корне не та.

Разуверился в чьей-либо помощи,
Исчерпал я доверья лимит,
Только жалость прочел к своей немощи –
Женских глаз беспощадный вердикт.

ОПАЛЯЮЩИЙ ЖАР

Затерялась на даче
В благодатной тени.
Не с твоей ли подачи
Буду я знаменит?

Перекинулся с неба
Опаляющий жар.
Никогда еще не был
Без псалма пономарь.

Все слова вроде сказаны,
Повторять ни к чему.
Точно клятвой я связан,
А какой – не пойму.

Упоен совершенством
И подарком судьбы.
В храме жрицею Весты
Равнодушьем убит.

Затвержу аллилуйей:
Выше планку держи.
Я косу поцелую
Жарче золота ржи.

ДОН КИХОТ

Алонсо Добрый околдован -
В безумстве видит вражий замок,
Простолюдинке шлет поклоны,
Ослеп влюбленными глазами.

Мосты подняли, сердца глухи,
И вздорных слухов полна округа,
Но он упрямо не верит слухам,
Он ищет угол в простецком круге.

Конем троянским стала книга,
В дома проникла пчелиным роем.
Стихи - заветный ключ интриги -
Засовы сердца всегда откроют.

Пусть дон Алонсо рыцарем не был,
А потаскушку за даму приняли,
Мы тайный вызов бросаем небу
И пишем кровью, не чернилами.

Как вреден север для меня,
И вся надежда на одежды.
Хоть по весне ручьи звенят,
Но по-иному, не как прежде.

С годами сдвинут ориентир,
И солнце всходит будто с севера,
Уйти с насиженных квартир,
Исполнить то, во что не верилось.

Все глуше голоса друзей,
С кем соли пуд в застольях съедено.
Чаша забвенья Колизей
До дна испита, как заведено.

Пусть вреден север для меня,
На переправе смена климата.
Как все же сладостно манят.
Туманные причалы Плимута.

РЕМБО

Обломком кораблекрушенья
Домой в Арденны занесен,
О прошлом не терпел суждений,
Не допуская даже в сон.

В скитаньях маяки сместились.
Приди, дитя, тебя здесь ждут.
А ярость строчек птицей билась
И кремнем зажигала трут.

Рембо рифмует пляски моря
Под ритмы смешанных широт,
И всех незрячих переспорит,
И их на спор переживет.

Немою раковиной с виду,
Но громче тысяч клавишин,
Море к прослушиванью выйдет -
Ты только к уху поднеси.

ОБМАНЧИВАЯ ЗЫБЬ

Хочу войти в тебя, как в море,
Пусть раздаются берега.
Готов любого переспорить
Под неумолчный чаек гам.

Дозором ненасытной бури
Идет обманчивая зыбь.
Обходит сапой берег хмурый,
Заставы неподвижных рыб.

Лохань диковинных чудовищ.
Приняв ее за океан,
Руками пустоту ты ловишь,
От солнца слеп и в доску пьян.

И поощряемый улыбкой,
Ты, отзываясь на каприз,
Ступил ногой на мостик зыбкий,
Как на предательский карниз.

ДВА ЧАСА ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

Мне был подарок послан свыше.
Мир насторожен, праздно тих.
Я, не рискуя быть услышанным,
В полночный час писал стихи.

Нежданно робко и пугливо
Вошла в палату медсестра.
Глаза смотрели шаловливо
Блеском немислимых растрат.

Все по-хозяйски чинно, ушло.
И я надежно был укрыт,
Как того требовала служба.
Ангел в обличье сестры.

Поправила подушку молча
И также молча скрылась с глаз.
Мне ей шепнуть хотелось очень:
«Как вы красивы в этот час».

Ночью все женщины красивы.
Ветер устал и вроде стих,
Пустив на ветер свои силы,
В палате трое – ночь, я, мой стих.

КОГДА ПОВЕЗЕТ

Поверив, что камень в скале сидит,
Не кувыркнется в пропасть,
На камне сажу, как в седле джигит,
Благо камней здесь пропасть.

С горы не скатись, сосед говорит,
Владелец белой «Волги».
Смелость мой рискованной шит,
Расчет меня мало трогает.

Сосед с краю сидит кое-как,
А учит других уму-разуму.
Лучше давай махнем в кабак,
Как в Арктику – Руал Амундсен.

Прошли года, но картинка жива,
Осталась мгновеньем данности.
Смелость мою простила жена,
За сроком просроченной давности.

В двадцать лет себе не даешь отчет,
Как в шаге был от смерти.
Если в жизни раз повезет,
Роптать на судьбу не смейте.

ЛОРКА

Стреляйте в меня, убийцы,
Черед уступаю даром.
Ночь коротка, чтоб жениться,
Черна, как плащи жандармов.

За жизнь гроша ломаного
Не даст за мою никто,
Вот почему взволнованно
Сердце стучит в авто.

Рвется с надрывом в горы.
Оливы бегут строем.
Как страшно жить в городе –
В Гранаде не скроешься.

Луна не пойдет в свидетели,
В бубен бьет апельсинный.
Со мной молчальники эти,
С мордами больно псинными.

Радость тревогой сменяя,
Мысли колибри мечутся.
Метили вы в меня –
Попали в человечество.

НАБЕГ

Подбирают ключи к городу –
Норовят захватить богатства.
Не склонить наши головы гордые,
Не исчезнет тифлисское братство.

Легионы идут туристов.
Волчьей пасти щелчки камер
Разбивают на кадры храмы.
Без туристов в отелях пусто.

В мертвом городе спят мои предки,
В сени роцц Петре – Павле и Кукия.
Но увидишь: чужак нередко
Перекрестит свой рот от скуки.

Легионы досужих туристов.
Нет у гидов секретов от вас.
А цари продолжают грызться,
И точит булат шах Аббас.

АМУНДСЕН

Рули, Италия, перпетуум мобиле.
Воспойте подвиг героев круче.
Трубите славу Умберто Нобиле,
Чтобы расплылся в улыбке дуче.

Сигарой в небо ушла «Италия».
Настройте уши – эфир молчит.
Метель плеснула вспышкой алой.
Закрыта Арктика на все ключи.

Согласен – выдыхаю в трубку.
На зов откликнуться душа велит.
На гидроплане летим мы хрупком,
Коль больше взяток не прикупить.

Впервые в жизни ухожу в плаванье,
Освобожденный от пут долгов.
От самой северной норвежской гавани
Спешу соперников спасти без слов.

Я футболистом на крайнем севере
Промчусь наперерез мячу.
В кабине тесной нас будет шестеро.
Вам не откроюсь, куда лечу.

В краю, и летом вечно зимнем,
В морской пучине пропал «Латам».
Пустыми баками из-под бензина
Я вам прощальный салют отдам.

Нам распахните врата рая,
Но до последнего в спасенье верьте.
Уйдем в бессмертье, мы умирая, –
У храбрых не бывает смерти.

Руал в Тромсе, на должном месте,
Орлиный взгляд стремится на север.
Он так высок на постаменте –
Нас в новых викингов заставил верить.

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Одни стояли в темном тамбуре,
И это пол бросал нас в дрожь.
Далекая, как немка в Гамбурге,
Ее не слышишь, не поймешь.

Поезд бежал, как угорелый,
Из всех своих машинных сил,
Когда я, молодостью смелый,
Про адрес городской спросил.

Вошел досмотром – ножом в масло –
К нам пограничников наряд.
Он в своей службе ненапрасной
Со мной меняться был бы рад.

В последний раз в ту ночь бессонную
Я руку легкую держал,
И ранен был, как Смит-Вессоном,
И что-то важное терял.

Кривить душой сейчас не стану:
Небезразлично было мне,
Когда на росном полустанке
Ты потерялась в полутьме.

Все отношения непрочные
Уйдут в беспмятство дорог,
Но вот подробности той ночи
Я не забыл, да и не мог.

Где ты теперь, бывая спутница,
Как ты живешь и хлеб жуешь.
Меня при встрече с кем-то спутаешь,
Вновь обретая, не спасешь.

ГАЛАКТИОН

Какая ласковость в кафешке,
А мы шумели в пивном зале.
Там жажду утолив неспешно,
Рождению стиха внимали.

Стихи рождаются экспромтом.
За Родосом проходит Крит.
Так прилежаньем скучным в спорте
Атлет вдруг за рекорд летит.

Заметив за соседом слезку
И запахнув на шее шарф,
Стаканом с кружкой вперемешку
Пьем с гением на брудершафт.

Как в горле кость, судьба вставала,
И знак бессмертья в вышине.
Иным пришлось бы из подвала...
Вас поманила смерть в окне.

ДВОЙНИКИ

В броню дамасскую закована,
При встрече вольность пресекая,
По телефону вы другая -
Ведете разговор рискованный.

И получается все просто.
Земля на трех китах стоит.
Как будто с вас потом не спросят,
Вы раскрываетесь в любви.

Но, благо, ваш двойник услужлив,
Он не позволит ничего.
Так на макушке лета стужа
Ожжет задутым очагом.

А мне по нраву та другая,
Что без руля и без ветрил.
Кремлевский горец двери рая,
Рай обещая, приоткрыл.

Исходит жизнь в глухих застенках,
И ждать награды нету сил.
Царь в веренице черных «эмок»
На дачу ближнюю спешил.

КАМЕШКИ

Мы в детстве в камешки играли
На городской площадке летом.
Узнав из книжки о Граале,
Не сбились с ног, ища по свету.

И я, как в злой немецкой сказке,
Оставлен Гензелем в лесу,
Лишенный маломальской ласки,
Был обречен на самосуд.

Калейдоскоп событий пестрый.
Мать дочерью купца была.
Нечистые на руку сестры
Все растащили по углам.

Как в сказке было, хоть не сразу.
Но бедняки умом берут.
Из-под пера, как по заказу,
Стихи алмазами сойдут.

И все так справедливо вышло.
Не на пределе моих сил.
Меня хранил и спас Всевышний,
Вас облапошит ювелир.

НЕ В СРОК

Меня, как зиму, гонят вон –
В доме затеяли уборку.
А мне бы строчек стройный звон
И новой книгой лечь на полку.

Ну чем не Гамлетов вопрос –
Быть иль не быть с великим рядом.
Так, облюбленный на снос,
Мой дом стоит столетним грандом.

Плесните мне в стакан вина.
Не срок раскачивать кадило.
И это не моя вина –
На столько лет опередил я

Тебя, родившись невпопад.
Хоть мои предки не спешили.
Признаться, лично был бы рад
Быть адресатом почты Шиллера.

ВСТРЕЧА

Отбросьте шоры,
Не время жмуриться.
Грузинка в шортах
Идет по улице.

Чинары шепчутся
Со всех сторон:
«Бросайте чепчики
Под срыв ворон.

Как снайпер срежет
Обманом зрения.
Супруга Цезаря
Вне подозрения.

Но скажем твердо:
Для большей верности
Замкните бедра
Поясом верности.

Красивей не было.
И впрямь Нестан.
Попробуй с неба
Луну достань».

И медный Шота
Главой поник.
Есть в мире что-то
Сильнее книг.

НОЧНЫЕ БАБОЧКИ

В районе цирка
займитесь делом,
оставьте охи.
Там под топор
идут платаны,
на землю грохают.
В раздетом парке
стоят путаны,
торгуют телом –
усладой жирных.
Им джинсы стиснули
тугие чресла,
и выпирают они
пружинами
из кресла.
На месте купальни
в дальнем заплыве
ведут свой промысел,
всегда опальный
и непыльный,
совсем нестарые
и видные.
Бедам всем назло
струят флюиды,
ловя козлов.
По иномаркам
глазами рыская,
спешат в «Астории»
неблизкие,
немало стоя.
В угаре пьяном
легки победы,
грядут виктории.
Все разом стали
сексапильными,
чрезмерно гордыми.
И в каждой встречной

такая сила,
кричит порода.
Так обольстительно
качая бедрами,
идут проспектом
походкой бодрою.
И все при деле.
И втайне думают
только об этом.
Судьбу-злодейку,
как кашалота,
они разделают.
Вы все красивые,
расправьте плечи.
Улыбки Голливуда
спесивого
несите гордо.
Еще не вечер
над городом.
Храни вас Бог.

* * *

Деньги все же пахнут
бензином
кровью
горем
жирной столовой
комнатой где кто-то болен

* * *

Никто не услышал обвала град.
Скатился камешек, слово твое.
Наверх поднять его – сизифов труд.

ВОЗВЫШЕННОСТЬ

Мы ждали на горе автобуса,
А он замешкался в пути.
Он за пять гривенников с носа
Наверх рядился подвезти.

Стояло вровень с горой облако,
В нем окуляром чей-то глаз,
И в состоянье полуборока
Немедленно отправил нас.

Вот яхтой облако скользнуло,
Будто подняли паруса,
Там по команде Вельзевула
Незримо ладился аврал.

В безмолвьи вечного покоя
Услышал трепет я ресниц,
И ни о чем уже не споря,
Перед тобой склонился ниц.

Курился ладан в Мухатгверди,
И с ветром спорила свеча,
А Реквием маэстро Верди
За все прощением звучал.

НЕЗНАКОМКА

Чья-то ты отрада
в высоком терему.
Не похож он на Прадо,
больше - на тюрьму.
Среди подруг ты прима.
Сравнение не грешит.
Но, как во времена Рима,
себя продаешь за гроши.

Полные губы морщишь,
дела свои побросав.
И рада б сбежать очень
и алые ждешь паруса.
Как за витриной конфета.
Не тронуть ее, не съесть.
Тревожно от одного этого –
знать, что ты есть.

* * *

Плакала дева в трамвае.
Кто отер ее слезы?

ИТОГ НЕ ЗНАЯ ДО КОНЦА

Не зная кораблекрушений,
Впрягаясь в свой рабочий стол,
Готов ты одолеть лишения,
Не покидая порт Бристоль.

Вновь магии подвластны слова,
Открыты таинства широт,
И в приозерье Гумилева
Изысканный жираф живет.

Как сколок кокнутой копилки,
Букетом выдержанных слов
Стих в закупоренной бутылке
Достигнет дальних берегов.

Покрыв просторы океана,
Через десятки тысяч миль
Пленяет светом осиянный
И повсеместно будет мил.

Природа суть каприз явлений
И сокрушительных стихий.
В каждом бою есть упоенье,
И упоенья знак – стихи.

И если недруги не съели,
Как чужеродного тельца,
Достигнешь ты конечной цели,
Итог не зная до конца.

ЗОВ

Ночная свежесть тело студит.
Макушка лета в Вардане.
Ты в сутолоке серых буден,
Быть может, вспомнишь обо мне.

В любви проигрывает робкий.
Платок накинув на роток
Чужой, и раскрывая скобки,
Заманиваешь на курорт.

Воспоминанья годы свяжут.
Ты отбираешь – те и те.
Вот мы с тобой лежим на пляже,
Неразличимы в темноте.

ТРАФАЛЬГАР

Неужто все в веках осталось,
Сквозь боль обид, пожаращ гарь.
Мне снятся южные мистрали
И бой у мыса Трафальгар.

Железным занавесом страны,
Как встарь закрыты для меня,
Не посчитайте это странным,
К себе по-прежнему манят.

Любовь заслуживает драки,
На людях или у ворот,
Злой поножовщины во мраке,
Где ваша пассия живет.

Из пожеланий всех дороже –
В Неаполе судьбу найти,
И как тебя печаль не гложет,
По зову Англии уйти.

Изысканным овалом геммы
Согреть любовью грудь твою,
Горацио остаться с Эммой,
Виконтом Нельсоном в бою.

ЖЕЛАНИЕ

Проснуться рано на рассвете,
К рабочему столу спешить,
И если в голове не ветер,
По правилам пытаться жить.

Оставить в прошлом все ошибки –
Задача эта непроста.
Время залечивает сшибки,
Диктуя с чистого листа.

Жизнь не раздача мерой счастья,
И не прогулки в сад «Арто»,
Но пусть не вспомнишь в одночасье:
Для будущего ты никто.

Князь Игорь заключен в неволю,
Для Ярославны он один.
А если так, сражаться стоит,
Как утверждает Бородин.

ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ

Не докучал в опальном Грассе
Вам до войны, да и потом,
А вот меня опять же классик
Поцеловал слюнявым ртом.

Что слава? Тень в ненастный полдень,
Твой соглядатай за спиной.
Но если сделал ты полдела,
Полдела будет за тобой.

И как в постели: был ли снизу
Или, как рейтер, на коне,
Ты возвеличен иль унижен,
Все ж отдыхаешь на спине.

Изрезал сетью в кровь ладони,
Другие потрошат улов,
Но правду, как коня, не скроешь,
Как запоздалую любовь.

СУХОЙ ФОНТАН

Какой был год – уже не помню.
Наездами я здесь бывал.
Рвал яблоки, общался с ровней
И праздно время убивал.

Сухой Фонтан у въезда в Гагра.
Я с поезда привычно слез,
И субтропическим загаром
Спешу отметить свой приезд.

Прибой стучался в берег робко.
В лепешках стада жаркий пляж.
Гори огнем командировка,
И подождет мой репортаж.

И возраст для знакомств бесценный,
Потехи час и дела прок.
Прибой лохматился без цели,
Бросался немочью в песок.

ЗАЧЕТ

Да ну вас к богу, Жанны д'Арки.
Остались в прошлом дети Шкид.
Вы к нам нагрянули подарком,
И образованным нашли.

Меня. И вам я интересен,
И снова время вспять идет.
Собранием новелл и песен
Сдаю профессору зачет.

И снова Петр свой город строит,
Миссионерствует Давид.
И ради этой встречи стоит
Бутылку с вами раздавить.

Не признаю амикошонства
Ни в радости, ни в час беды.
Но хочется немного солнца
В стакане ледяной воды.

37-й

Людей страшали Магаданом,
И Сталин выпить не дурак.
Собачий секс урвет охрана,
Ведя красавицу в барак.

И нас берут, а мы крепчаем.
На волю письмам век идти.
С мороза балуется чаем
Вохра, и вышка впереди.

Не важно вправо или влево,
Когда шаг в сторону – побег,
Но на восток от устья Лены
Ты обесценен, человек.

Не будет лишней тебе пайка,
Хоть ты ее и не просил,
Но, как всегда, решает спайка,
И хочешь из последних сил

В забытом богом Магадане,
Когда неумогу идти,
Услышать в спину лай нагана –
Свободным в сторону уйти.

МТАЦМИНДА

Застолье длится до рассвета.
И как обычно – дым столбом.
А я хочу в свою газету,
Где для меня и стол и дом.

Скользит с плато фуникулера
Вагон в объятья нижней станции,
Жену наркома увлекли в танце,
Проигнорировав донос филера.

Спешат вернуться на постой
В гостиницу хмельные гости,
И там читают стих простой,
Когда об этом их не просят.

Где подсмотрели вы стрижей,
На лоскуты стригущих небо?
Ведь это ласточки ей-ей,
О, как давно я дома не был!

Спит Нарикала – куличи
Застыли в каменном дозоре.
Все говорит: «Замри, молчи!
Где ты увидишь лучше зори?»

Тбилиси я люблю, как сын,
Шекспира сорок тысяч братьев.
Мтацминды женщины босые
К заутрене спешат собраться.

ГЮГО

Строка грабителем нагрянет,
Ячейкой в сломанную брошь,
И ты спешишь ее огранить,
И, не колеблясь, в стих берешь.

Хозяин я в отцовском доме,
А не в мифическом слоне,
Руки не знавшем мажордома –
Деталь из книг пришла ко мне.

Усталости в ногах не зная,
Шаги Гюго, как встарь, легки.
За ним простреленное знамя
Ведет несметные полки.

И не покинув поле брани,
От пуль не бегавший Гаврош
Нас удивлять не перестанет,
И тем классически хорош.

ТАЙНА

Будь ты рядом, будь даже в Твери,
Далеко до тебя, как до Рюрика.
Эти тонкие губы твои
Держат тайну как пасту в тюбике.

MEA CULPA

Про призрак ветхого Грааля
Услышать довелось стократ.
Но, право, ничего не знаю,
Как промотавшийся Сократ.

Он как растлитель молодежи,
Чужой порок приняв сполна,
Судил себя гораздо строже,
И чаша горькая полна.

ЗВОНОК

Р.Вейнбергу

Как на поверку, утром ранним
Меня востребовал Ашдод.
Ты классно смотришься с экрана -
Как тот Федот, ты все же тот.

Раз позвонил, наверно, помнишь,
А если помнишь - не забыл.
С тобой по-прежнему знакомы
От ученических чернил.

Зовут Плехановского парк
Нас доиграть последний тайм.
Втроем наваливаются Парки,
Интригу сняв со многих тайн.

Цепляют люди ураганам
Девчонок наших имена,
И мы, по жизни хулиганы,
Фасон свой держим до конца.

Хоть мяч изранен, словно сердце,
Он вновь в игре – упруга твердь.
Как мы сильны, когда мы вместе,
Все можем сметь и все уметь.

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ

В счастливую звезду с годами верю,
Ходить по струнке приучаю страсть.
У Теннисона стих увел Каверин,
Так пару строк и мне не грех украсть.

Задел плечом я ненароком полку
И грохнул наземь сотнею томов.
Стекло рассыпалось на тысячу обломков,
Сам уцелел и, кажется, здоров.

Мне полку жаль, но рассуждая трезво,
Я вспоминаю боль былых потерь.
На корешках книг раны от порезов.
Но неохота их залечивать теперь.

Как все нетвердо и грозит свалиться,
Как голы и доступны словеса.
В моей руке рвется судьба синицей,
А тот журавль курлычет в небесах.

ХМЕЛЬ

Снова август посылает в отпуск.
Вот послать его бы самого.
Мне б наладить только бойкий отпуск -
Я стихов гоняю самогон.

В кошелек смотрю с большой досадой -
Отменяется по Лувру променад.
На свидание с Венерой денег надо.
Вот такой невыгодный расклад.

Решено - мы остаемся дома.
Сочинительство - сладчайшая из страд.
Вроде факт, нам с детства всем знакомый,
Осенью переучет цыплят.

КЕРОСИН

Дырявым одеялом ключьями
Сходила ночь, как с улиц дым.
Мы, взрослым делом озабочены,
За керосином век стоим.

На цвет медовый и прозрачный,
Хоть пей его, как рыбий жир.
Не помышляем мы о сдаче -
Кто не ловчил и заслужил.

От недосыпа мы незрячие,
Всего района детвора,
Войной наказанные мальчишки
Вмиг повзрослевшего двора.

Посуда, камни мелом мечены.
Продукт, как деньги, любит счет.
Но тает, будто в храме свечка,
Надежда на благой исход.

Война всех уравнила стерва,
Лавиной спущенной с горы.
Вошь на спине соседа слева
Сигналом бедствия горит.

ХЛЕБ

Заштатный аэропорт Жуляны
Для пассажирок летом ад.
Как половчанки в вражьем стане,
Бегут куда глаза глядят.

Куда им без билетов деться,
И на обшарпанном полу
Мадонны местные с младенцами
Лежат вповалку, как в войну.

Отдам сам душу за билет –
Лечу в Кировоград к Гиталову,
Но самолетов вроде нет,
Начальник говорит устало.

Гиталов дока в хлебном деле,
А хлеб всему он голова.
И мы в газете захотели
Расшифровать эти слова.

Судьбу никак не переспоришь.
Альтернатива, к счастью, есть.
В пролом забора Томом Сойером
Спешим пролезть, спасая честь.

С попутчиком своим не спорю,
Ходы все знает паренек.
И подают нам очень скоро
Состав с названьем «Уголек».

Ночную воробьиной теменью,
И без намека на вокзал.
Автобуса совпало время,
Как будто в поле догонял.

Вот внедорожник без обмана,
Не зная за собой вины,
Мчит нас бетонкой автобана,
Немца наследием с войны.

Заходится от хода сердце,
И наваждение грозит
Мне снова голодом – за дверцей
Сухая корочка лежит.

ОТКРОВЕНИЕ

Обманул проклятый попугай.

С. Есенин

Разлука за разлукой.
Цыганке веры нет.
Позолоти ей руку,
И птица даст билет.

Гадает Боря бойко.
Ему не в первый раз.
Слова все жизнестойкие,
И правда без прикрас.

Так малою толикой
Не выдаст яд питье.
Не будет он уликой,
В сравнение не идет

С той вечною разлукой.
К последней из сторон
Пригонит свою лодку
Недорогой Харон.

СМЕРТЬ ПОЭТА

Упал, как в атаке,
Навеки затих.
Из древней Итаки
Приходят стихи.

Записан на пленку,
Читаешь навзрыд.
Проймет и ребенка
Твой яростный крик.

Душою ты странник,
Наш брат Одиссей.
Писать бы пространней,
Смотреть веселей.

Жива еще нечисть,
И цели все те же.
И делать нам нечего
В придворном кортеже.

Друзья сплошь угрюмы
В последнем параде.
Скорее из трюма
Доставьте снаряды.

Ведь после затишья
Продолжится бой.
Ты нас не услышишь,
Мы снова с тобой.

СЕРДЦЕ В ГОРАХ

Дж.Мэллори, Э.Ирвину

Когда равнины надоели,
Народ идет на зов Горы,
Собрав в кулак ресурсы тела,
И смерть со смертным говорит.

Три правила есть в альпинизме,
Не зная их – наверх не лезь.
Никто не обвинит в цинизме,
Когда ты, усмиряя спесь,

Себя спасаешь первым делом,
Вторым – того, кто будет жить;
Кого рука схватить успела,
Будь он последний из выжиг.

Двое на мертвом стадионе.
И в зрителях – твоя судьба,
Солнце на черном небосклоне,
И Бог единственный судья.

А правда выплывет с годами,
Как камера из-под льда.
И все тогда на место станет –
Кто на вершине был когда.

ГЛОССАРИЙ

Аветисян Минас (1928 - 1975) - армянский живописец, график, театральный художник. Ушел великан, опаленный пожаром своей мастерской с бесценными творениями.

Азнавур Шарль (Варенаг Азнавурян) родился 22 мая 1924 г. во Франции, в семье армянских переселенцев. Америка объявила его «выдающимся явлением современного искусства пения». Автор более восьмисот песен. Девять из них входят в число лучших французских. «Он поет о любви так, как до сих пор еще никто никогда не пел» (Морис Шевалье). 18 мая 2005 г. великий шансонье стал почетным гражданином города Канн за выдающийся вклад в мировое кино. По результатам опроса, вместе с теннисным чемпионом и удачливым шоуменом Яником Ноа и футболистом Зинедином Зиданом вошел в тройку самых популярных людей Франции.

Амкары – цеха тифлиссских ремесленников.

Амундсен Руал (1872-1928) – норвежский полярник. С его именем связаны выдающиеся географические открытия. Погиб в Баренцевом море с пятью членами норвежской спасательной экспедиции на борту французского гидроплана «Латам», спеша на выручку терпящего бедствие экипажа дирижабля «Италия» исследователя Арктики Умберто Нобиле (1885-1978). Тромсе – приморский город Норвегии, стартовый пункт великих путешествий Амундсена.

Арденны – западное продолжение Рейнских Сланцевых гор на территории Франции, Бельгии и Люксембурга.

Арпа (Восточный Арпачай) – левый приток Аракса и донор Севана (Гегамское море). переброска вод Арпы в озеро осуществляется посредством сооруженного под Вардениском хребтом 48-километрового тоннеля. Первый этап спасения жемчужины высокогорья - жертвы цивилизации и бездумного использования многовековых запасов воды Большого Севана на нужды орошения земель и гидроэнергетики.

«**Арто**» - сад в районе Плехановского проспекта (ныне Давида Агмашенебели) в Тбилиси.

Ашшурбанипал (Ассурбанипал) - царь Ассирии в VII в. до н.э. Известен в истории и как собиратель древних письменных памятников. Его знаменитая клинописная библиотека (свыше 30

тысяч глиняных табличек!) с древнейшим эпосом Месопотамии о Гильгамеше найдена при раскопках легендарной Ниневии.

Башинджагян Геворк (1857 - 1925) - армянский художник-пейзажист и беллетрист.

Бесики - псевдоним выдающегося грузинского поэта Бессариона Габашвили (1749 - 1791).

«**Беккер**», «Фабрика роялей Беккер» - русская фортепианная фирма. Основана в 1841 г. в Петербурге Я.Д. Беккером. В 1903 г. фабрику «Беккер» купил К.К.Шредер. В 1918-м национализирована и получила название 2-й фортепианной. Через шесть лет на ее основе создана фабрика «Красный Октябрь».

Бомбар Ален - французский исследователь и врач. В 1952 г. пересек Атлантический океан в маленькой резиновой лодке «Еретики», доказав, что потерпевшие кораблекрушение люди могут длительное время прожить в море без запасов пищи и воды.

Весли - герой военной книги «Приключения Весли Джексона» американского писателя Уильяма Сарояна (1908-1981).

Галуа Эварист (1811 - 1832) - французский математик. Будучи осужден по ложному доносу, в ночь перед казнью исписал тонкую тетрадку небольшим числом весьма кратко написанных оригинальных работ, из-за новизны идей не понятых при жизни ученого. Опубликованные в 1846 г. Жозефом Лиувиллем, они положили начало развитию современной алгебры и принесли Галуа мировое признание.

Гарни - крепость, с III в. до н.э. по IV в. н.э. резиденция царей Армении, с языческим храмом, построенном во второй половине I в. н.э. и восстановленном в 60-х годах XX века.

Гвичарди Джульетта, Брунsvик Тереза - две музы Людвиг ван Бетховена (1770-1827), которых он обессмертил, посвятив им Сонату лунного света («Лунная») и «Аппассионату» (Страстная).

Гегард (Айриванк) - один из самых известных монастырей средневековой Армении. После XIII века стал называться также монастырем Св.Гегарда (Св.Копья) в честь хранящегося здесь Св.Копья.

Гедар - небольшая речка на востоке армянской столицы; длиной всего в 20 километров, она отличается строптивым нравом.

Гиталов Александр - бригадир тракторной бригады колхоза Кировоградской области, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР (1975) за внедрение

комплексной механизации возделывания сельскохозяйственных культур. Автор книги «Хлеб всему голова».

«**Голубые роги**» - литературная группа грузинских поэтов (1916-1930), испытывавшая сильное влияние западноевропейского символизма. Среди ее представителей - Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Георгий Леонидзе, Григол Робакидзе, Валериан Гаприндашвили и др.

Горгасал (Горгаслан) Вахтанг - грузинский царь Вахтанг I (волколел - прозванный так из-за изображений волка и льва на шлеме), который основал Тбилиси.

«**Гулистан**» («Долина роз») - прозаическо-поэтическое собрание новелл великого иранского поэта Саади.

Давидовская площадь - в старом районе Сололаки, возле нижней станции фуникулера.

Дарбази - один из древнейших типов грузинского жилища.

Дардиманди (груз.) - беззаботный кутила.

Дафна - в греческой мифологии нимфа, дочь речного бога Пеней. Спасаясь от преследования влюбленного Аполлона, просила помощи у отца и была обращена им в лавровое дерево.

Двали Шалва - известный грузинский боксер-средневес, чемпион СССР 1945 г. в командном зачете. Закончив выступать на ринге, перешел на тренерскую работу, в частности, руководил секцией бокса ТГУ.

«**Дети Арбата**» - роман русского советского писателя Анатолия Рыбакова о судьбе нескольких молодых москвичей; широкая картина жизни 30-х годов, больших свершений и потерь.

Excelsior (англ. Вперед и выше!) - название баллады американского поэта Генри Лонгфелло (1807 - 1882) о юноше, который отказывается от мира и счастья и неудержимо идет навстречу верной и неминуемой гибели во имя идеи.

«**Заря Востока**» - знаменитая русскоязычная газета в столице Грузии, основанная в июне 1922 г. Старший бухгалтер издательства, наш ангел-хранитель добрейший Давид Алексеевич Мартирузов помнил, как выписывал гонорар Сергею Есенину, Владимиру Маяковскому, Исааку Бабелю!

Земмель - район площади Руставели в центре города, обязанный своим названием владельцу аптеки Евгению Земмелю (1858-1922), провизору немецкого происхождения. Удостоверение врачебного отделения Тифлисского губернского правления

свидетельствует о том, что Земмелю Евгению Яковлевичу «тифлисским губернатором 14 марта 1899 г. разрешено открытие в г. Тифлисе на Ольгинской улице, на севере от Московской улицы и Верийского спуска вольной нормальной аптеки».

«...знатная леди и Джуди О'Греди во всем остальном равны» – стихотворная строка из творчества английского писателя Редьярда Кипплинга (1895-1936), который памятен прежде всего его «Книгами Джунглей».

Кашвети - древнегрузинская церковь на проспекте Руставели. В дословном переводе - «родившая камень», что связано со старинной легендой о блуднице, показавшей на Св.Давида, как на виновника ее беременности, и за свой обман разрешившейся от бремени камнем, который и был положен в основание новой церкви на месте этого происшествия, получившей название Кашветской.

Кашен Марсель (1869 - 1958) - один из основателей Французской компартии (ФКП).

Quo vadis (лат.) - куда идешь.

Керем - герой восточной легенды, по преданию сгоревший от любви, из стихотворения «Как Керем» турецкого писателя-эмигранта Назыма Хикмета (1902 - 1963), лауреата международной премии Мира.

Кероглы (Короглы) – развалины средневековой крепости в окрестностях Тбилиси, по имени героя тюркского эпоса Кероглы, «благородного разбойника», заступника бедных.

Коджори, Манглиси - горноклиматические курорты пригородной зоны Тбилиси.

Козин Вадим - в 30-х гг. был одним из самых популярных эстрадных исполнителей, унаследовав от бабушки, знаменитой певицы Вари Паниной красивый голос (чистое серебро!), всенародную славу и даже любимый романс – «Нищая» Алябьева на стихи Беранже. Перед войной блестящая карьера Козина трагически оборвалась – начались долгие сроки в магаданских лагерях. В 1950 году певец был досрочно освобожден, но отказался вернуться на Большую землю, остался в Магадане жить и петь.

Колизей – амфитеатр императоров династии Флавиев в Риме, памятник древнеримской архитектуры.

Кочар Ерванд (1899-1979) – скульптор, график и живописец, народный художник СССР. Автор известного памятника Давиду

Сасунскому в Ереване.

Кусто Жак Ив – французский ученый-океанограф, изобретатель акваланга, пионер подводных исследований по освоению человеком гидрокосмоса. Автор книг «В мире безмолвия» (Лондон, 1953, с Фредериком Дюма), «Живое море» (Лондон, 1963, с Джемсом Дагеном).

«**Ласточка**» («Первая ласточка») - художественный фильм кинорежиссера Наны Мchedлидзе по сценарию Левана Челидзе о юности грузинского футбола.

Лахти – грузинская народная игра.

Леда – в греческой мифологии супруга спартанского царя Тиндарея. Зевс явился к Леде в образе лебедя, и от этого союза родились дочь Елена и близнецы Диоскуры. В античную эпоху миф о Леде и лебедь – излюбленный сюжет изобразительного искусства, как и позже в живописи Леонардо да Винчи, Корреджо, Веронезе, Тинторетто.

Лермонтовская улица - здесь все навеяно воспоминаниями о поэте, «лермонтовский дом», в котором размещалась редакция газеты «Литературули Сакартвело» («Литературная Грузия»).

Лорелея - русалка-искусительница гребцов из старинной рейнской легенды, вдохновившая крупнейшего немецкого поэта XIX века Генриха Гейне (1797 - 1856) на создание поэтического шедевра, ставшего народной песней.

Лорка Федерико Гарсиа (1898-1936) – великий испанский поэт из андалусского села Фуэнте Вакерос недалеко от Гранады. Как никто другой сумел глубоко воспеть связь испанца с его землей. Он сказал о себе, своей недолгой жизни: «Самая печальная радость – быть поэтом. Все остальное не в счет. Даже смерть». 19 августа 1936 года поэт был расстрелян франкистскими мятежниками.

Майдан, Сололаки, Авлабар - районы старого Тбилиси.

Маргиани Реваз (1916 - 1984) - грузинский поэт.

Маршалл Фрэнк Джеймс (1877 - 1944) - американский гроссмейстер, один из сильнейших шахматистов мира в начале XX века.

Матенадаран – Институт рукописей в Ереване.

Mea culpa (лат.) – моя вина.

Меджнун (Маджнун) - арабский поэт из распространенной восточной легенды о трагической любви Лейли и Меджнуна.

Меренблом - струнный оркестр Меренблума был популярен в Тбилиси в 30-50-е годы XX века, как престижный для панихид

и похорон по высшему разряду.

Метехи - крепость и дворец грузинских царей, позже тюрьма - место заключения Горького и Камо. Сегодня от величия царского дворца сохранился храм Метехской Богоматери на крутом левом берегу Куры.

«**Минутка**» - ресторан на Севане.

Мкинвари (груз.) - Казбек, горная вершина в центральной части Большого Кавказа, край ледников и туризма.

Мтацминда (Святая гора) - с церковью Св. Давида и пантеоном видных представителей грузинской литературы, искусства и науки; с мемориальным гротом А.С. Грибоедова и его супруги, Нины Александровны, в девичестве княжны Чавчавадзе. На пьедестале памятника из черного мрамора с левой стороны надпись: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя!» На противоположной стороне: «Незабвенному - его Нина».

Мугну Сурб Геворг (Св. Георгия Мугнийского) - армянская церковь в Тбилиси,

Музей в Сочи - Дом-музей русского советского писателя Николая Островского (1904-1936). Овод, Власов, Месс-Менд - литературные герои романов Э.Л. Войнич, М. Горького и М. Шагинян.

Мухатгверди - возвышенность к западу от грузинской столицы, отведенная под городское кладбище.

Мэллори Джордж Лей, Эндрю Ирвин - легендарные участники британской гималайской экспедиции, утром 6 июня 1924 года начали подъем на Эверест с Северного седла. Н.Оделл видел их идущими на высоте 8530 м, но потом, по его словам, все покрылось туманом. Этот туман не рассеялся до сих пор. О трагической гибели штурмовой связки Мэллори-Ирвин написана гора литературы, но не прекращаются споры, были ли они первыми на вершине, которая только в 1953 году покорилась новозеландцу Эдмунду Хиллари и шерпе Тенцингу Норгею, или нет.

Нарикала - крепость на гребне Сололакского хребта в Тбилиси - величественный памятник древнегрузинской архитектуры.

Никала - Нико Пиросманашвили (Пиросмани) (1862 - 1918) - замечательный грузинский живописец-самоучка. Герой хита Раймонда Паулса и Аллы Пугачевой «Миллион алых роз» на стихи Андрея Вознесенского.

Норашен Сурб Аствацацин (Пресвятой Богородицы) - армянская церковь в районе Старого Тбилиси, ныне недействующая.

Нэна (груз.) – мама.

Овнатаян - династия армянских художников шести поколений, и самый известный из них Акоп Овнатаян (1806-1881); в нем наиболее ярко проявилась творческая мощь этого рода. Один из основоположников портретного жанра в армянском искусстве.

Палимпсест (греч.) - древняя рукопись, написанная на пергаменте после того, как с него счищен прежний текст.

«**Московская сага**» – роман Василия Аксенова. Его 24-серийная телеэкранизация вызвала ажиотаж во второй половине 80-х гг.

Папазян Ваграм (1888 - 1968) - армянский актер-трагик, прославившийся исполнением ролей в шекспировских драмах. Вершина творчества мастера - его Отелло 1928 - 1932 гг. Автор книг «По театрам мира» (1937) и «Жизнь артиста» (1965). С их страниц встает образ актера, которого Вл.Немирович-Данченко считал одним из «очень немногих прекраснейших исполнителей классического репертуара, которые заслуживают мировой славы».

Парки – в римской мифологии три богини судьбы Нона, Децима, Морта; в греческой – им соответствуют мойры – дочери Зевса и Фемиды: Клото прядет нить жизни, Лахесис распределяет судьбы, Атропос в назначенный час обрезает жизненную нить.

Петре-Павле, Кукия – районы старых кладбищ в Тбилиси.

Письма Ре - писательница Мариэтта Шагинян (1888-1982) еще молодой девушкой вступила, по ее словам, в борьбу за Сергея Рахманинова. В 1912 г. она пишет статью против обвинения композитора в эклектизме. «Я не захотела назваться и подписала свое письмо ноткой Ре... Рахманинов обратился ко мне в ответном письме, как к Ре, - и потом, до последней встречи нашей в июле 1917 г., всегда и писал и называл меня Ре; и, посвятив мне свой романс - «Муза», поставил в посвящении Ре» («Воспоминания о Сергее Васильевиче Рахманинове»).

Питоев Исай (1844 – 1904) - тифлисский предприниматель и меценат. Любимое его детище – домашний любительский кружок – в 1887 г. был преобразован в Артистическое общество, которое, как вспоминал композитор и дирижер Михаил Ипполитов - Иванов, «объединяло в своих стенах все артистические силы Тифлиса и всех талантливых любителей как драмы, так и оперы».

Племянник Исая Егоровича – режиссер и актер **Жорж Питоев** (1884 – 1939) прославил фамилию на весь мир, вместе с супругой, **Людмилой Питоевой** (1895 – 1951), актрисой огромного дарования, чью ангельскую красоту запечатлела в портрете кисть Пабло Пикассо. «Его несказанное мужество позволило выжить современному французскому театру», - писал о Ж.Питоеве французский драматург Артюр Адамов.

Приам - царь Трои и отец Париса, который, по греческой мифологии, признав Афродиту победительницей в споре богинь (Суд Париса), стал виновником Троянской войны и падения родного города. Самый выдающийся сын Приама и Гекубы Гектор, предводитель и герой троянцев, был убит Ахиллом, мстящим за гибель своего друга Патрокла.

Прохоровка - деревня в Белгородской области. 12 июля 1943 г. в ходе Курской битвы в районе Прохоровки произошло крупнейшее во Второй мировой войне встречное танковое сражение, когда с обеих сторон участвовало до 1200 танков и самоходных орудий.

Пруст Марсель (1871 - 1922) - французский писатель, чей цикл романов «В поисках утраченного времени» с его опытом изображения внутреннего мира человека как «потока сознания» оказал сильное влияние на творчество многих писателей XX века.

Пушкинский перевал - заоблачная точка Базумского хребта, место печальной встречи двух гениев русской литературы на армянской земле в 1829 г.

Пшавия - горный район в Восточной Грузии. Родина (с. Чаргали) выдающегося грузинского поэта Важа Пшавела (Лука Разикашвили) (1861-1915).

Рембо Артюр (1854 - 1891) - французский поэт, который 17-летним пареньком пришел в Париж со стихами, рассованными по карманам потрепанного пальто и отмеченных печатью гениальности. Прослушав их, старик Виктор Гюго воскликнул: «Это Шекспир-дитя!»

Родос (греч. – остров роз) – остров в Эгейском море у юго-западного побережья Малой Азии, отстаивавший свою независимость от эллинистических монархий. В память о победе при входе в гавань Родоса была поставлена бронзовая скульптура бога солнца Гелиоса – покровителя Родоса. Колосс Родосский считался одним из семи чудес света. С названием свободолю-

бивого острова связано выражение «Здесь Родос, здесь прыгай» из басни Эзопа. Она рассказывает о приехавшем издалека путешественнике, похвалявшемся, будто ему удалось совершить невиданной длины прыжок. В ответ островитяне предложили ему доказать на деле свое умение.

Сабина, Ада, Сильвия - женские образы романов «Жан-Кристоф» и «Очарованная душа» французского писателя, музыковеда и общественного деятеля Ромена Роллана (1866 - 1944), лауреата Нобелевской премии (1915).

Сазандар - ашуг, певец-импровизатор, позже восточные музыкальные ансамбли.

Саперави - старинный грузинский сорт винограда. Из него получают знаменитые столовые красные кахетинские вина.

Саят-Нова (Арутюн Саядян) (1712 - 1795) – великий армянский поэт, творивший на трех языках народов Южного Кавказа.

Сегалович Лев - чемпион СССР по боксу 1940, 1944 - 1948 гг. в наилегчайшем весе.

Сент-Экзюпери Антуан (1900 - 1944) – французский писатель и профессиональный летчик. 31 июля 1944 г. не вернулся из разведывательного полета в район восточнее Лиона, оставив открытой им планете людей свои книги, сказав о главном, жизненно важном для него, что «уважение к человеку – пробный камень».

Сизиф - мифический древнегреческий царь, провинившийся перед богами и осужденный ими вечно вкатывать на гору камень, который, достигнув вершины, каждый раз скатывался обратно вниз.

«**Симпатия**» - кабачок на Пушкинской улице, чуть ниже Эриванской (Берия, Ленина, Свободы) площади, облюбованный поэтами и художниками Тифлиса начала XX века.

«**Синяя птица**» - философская сказка бельгийского драматурга и поэта Мориса Метерлинка (1862 - 1949), лауреата Нобелевской премии (1911). «Если человек найдет Синюю птицу, он будет все знать, все видеть» (слова Кота).

Сирачхана (Винный подъем) - улица в старой части Тбилиси, известная своими красильными мастерскими.

Сисиан - районный центр в Зангезуре, исторической области на юго-востоке Армении.

Смит-Вессон – американская компания, производитель огнестрельного оружия. Револьвер системы Смит-Вессон состоял

на вооружении в российской армии в 70-90 гг. 19 века и позже в полиции.

Стикс - в древнегреческой мифологии одна из рек «подземного царства», в котором обитали души умерших.

Стоун Шерон - американская киноактриса, кому удалось добиться места на звездном Олимпе не только благодаря обаянию и красоте, но и высокому интеллекту.

Сюлли-Прюдом Франсуа Арман (1839 - 1907) - французский поэт, лауреат Нобелевской премии (1901).

Табахи (араб.) - овальное деревянное блюдо; в них кинто разносили фрукты.

Табидзе - двоюродные братья Галактион (1893 - 1958) и Тициан (1895 - 1937) - классики грузинской литературы, что не убергло их от политических репрессий.

Трафальгар - мыс вблизи города Кадис (Испания). Здесь 21 октября 1805 года в величайшем морском сражении наполеоновских войн английская эскадра вице-адмирала Горацио Нельсона наголову разбила испано-французский флот, что обеспечило господство англичан на море. Сам адмирал был смертельно ранен в бою. Трагическая любовь Г.Нельсона и неаполитанки Эммы Гамильтон стала основой нескольких фильмов. Особый успех имел фильм «Леди Гамильтон» (1941) английского режиссера Александра (Шандора) Корды, с оскароносными Вивьен Ли и Лоренсом Оливье в главных ролях.

Туманян Ованес (1869-1923) - классик армянской литературы, «исключительный художник и глубокий поэт» (В.Брюсов), чье творчество неразрывно связано с Грузией, Джавахетией, где он жил и творил (стихотворения «Грузии», «Поэтам Грузии», «У склепа Н.Бараташвили», поэма «Взятие крепости Тмук», легенда «Парвана» и др.). От Туманяна идет традиция проведения с 1914 г. праздника поэзии Саят-Новы в последнее воскресенье мая. Во дворе армянской кафедральной церкви Сурб Геворг (Св. Георгия), в которой он был убит за молитвой при вторжении в Тбилиси полчищ Ага-Мохаммед-хана в 1795 г. Его последние слова: «Не выйду из церкви, не отрекусь от Христа» можно прочитать на могиле поэта у стены той самой церкви.

Убнис хайтараки (груз.-арм.) - позор района.

Хей гиди Абастуман (арм.) - как бывало в Абастумани.

Чаренц Егише (Егише Согомонян) (1897-1937) - крупнейший

армянский поэт первой половины XX века, аккумулировавший в своем творчестве новейшие завоевания мировой культуры с опытом западно- и восточноармянских литератур. Трагически погиб в расцвете творческих сил, став жертвой репрессий. Айгестан (Садовая) - улица в восточной части Еревана, где в конце 40-х гг. велось интенсивное строительство индивидуальных домов армян-репатриантов.

Шах Аббас I (1571-1629) – представитель династии Сефевидов, при нем иранское государство достигло наибольшего могущества, инициатор и виновник опустошительных походов на Грузию. После заключения перемирия с турками обратил свой взор на Кахетию. В 1614-1617 гг. четырежды с походами лично вторгался в ее пределы.

Шелли Перси Биши (1792 - 1822) – выдающийся английский поэт-романтик. Смерть оборвала его творчество в самом расцвете. Катаясь на лодке, он был застигнут бурей и утонул. Тело Шелли, прибитое к берегу волнами, было предано сожжению Байроном и еще несколькими друзьями, совершившими этот погребальный обряд. Сердце поэта покоится на кладбище в Риме. На надгробном памятнике друзья начертали слова: «Сердце сердец».

Ширванзаде Александр (1858 - 1935) - псевдоним народного писателя Армении Александра Мовсеяна.

Юдифь – красавица вдова из иудейского города Ветилуи, которая проникла в лагерь ассирийского военачальника Олоферна во время осады ее родного города и отсекла ему, спящему, голову, что привело к победе ее сограждан во время решительного наступления. День победы Юдифи был причислен к списку еврейских праздников, ежегодно отмечаемых.

Яшвили Паоло (1895 - 1937) - грузинский поэт, друг и соратник Тициана Табидзе по литературной группе «Голубые роги».

СЛАВНОЕ ИМЯ

ПОЛЕТ СОКОЛА

В дверь гостиничного номера осторожно постучали. «Вас спрашивают», - сказала дежурная и протянула визитную карточку. Вячеслав Коуб, преподаватель гимназии города Кладно. Это имя Николаю ничего не говорило, но название шахтерского города напомнило вчерашнюю поездку.

Август 1950 года. Сильнейшие советские гимнасты впервые приехали в Прагу, на второй конгресс Международного союза студентов, соревноваться со спортсменами Чехословакии, на родине сокольского гимнастического движения.

В составе советской делегации - Галина Урбанович, Таисия Каменская, Николай Серый, Владимир Лаврущенко, Леонид Тимошек, Грант Шагинян, Владимир Беляков и он, Николай Такайшвили, трехкратный чемпион страны.

Прямо со стадиона все отправились в Кладно, на пути к которому когда-то была деревня Лидице, возложили венок к мемориальной стене из серого камня. 9 июня 1942 года фашисты расстреляли всех ее жителей - 446 человек, сравняв с землей около сотни домов и даже маленькое сельское кладбище. Чудовищный оскал войны.

«Вас, наверное, удивил мой приход, - сказал Николаю гость, - но я не могу не выразить своего восторга после выступления советских гимнастов. А потом я узнал, что вы из Грузии и соотечественник Георгия Эгнаташвили. Прага помнит его - это был высший класс!»

А начало было такое. «Послушай, Гургел (так Георгия называли друзья с детства - *А.Е.*), включайся в наш оркестр», - предложил Вася Гельбах. «Это мне с моими мозолистыми руками, - возразил Георгий, - играть в вашем струнном оркестре?» Вася в свою очередь показывает свои руки и объясняет, что мозоли на них после занятий гимнастикой, они не помеха игре в оркестре. «От гимнастики? Веди меня скорее в вашу группу, а оркестр подождет».

Так, 17-летний рабочий-железнодорожник Георгий Эгнаташвили в 1906 году впервые переступил порог гимнастического зала первой мужской гимназии Тифлиса. Его знали как умелого борца после поединков на Махатской горе, он отличался и на футбольном поле, но нашел свое призвание именно в гимнастике.

Первый же подход Георгия к спортивному снаряду, брусьям, привлек внимание Антона Лукеша. Статная фигура, развитая мускулатура голубоглазого светловолосого новичка бросались в глаза. И еще оригинальные элементы, выполненные легко и ловко. Тренер только спросил: «Почему ты их включил в свое упражнение?» - «Так красивее».

Георгий Семенович не раз вспоминал первую встречу с Папашей – так любовно за глаза называли Лукеша его воспитанники. Антон поставил перед ним условия: первое и самое главное – высокая сознательная дисциплина, аккуратность, честность и справедливость. Георгию это подходило.

Опытному гимнасту и педагогу Лукешу (он был начальником Гимнастического общества и приглашен в Тифлис в 1902 году) не составило особого труда отобрать самых перспективных атлетов. Выписали инвентарь и программу пятого Всесокольского слета в Праге (1907), куда по просьбе Лукеша были допущены тбилисские гимнасты. В команде: Антон Лукеш (руководитель и тренер), Георгий Эгнаташвили, Иван Вахек, Фриц Эльзенгер, В. Живный, Роман Бояхчев. Они заняли второе место, уступив только хозяевам – пражанам. Этот огромный успех дал им право именоваться сокольской организацией.

Представитель пражан на закрытии слета сказал: «Мы были соколами с берегов Влтавы, теперь к нам присоединились братья из Тифлиса, с берегов Куры первые соколы».

За любезными словами последовало приглашение участвовать в юбилейном слете сокольской организации (50 лет!) и первом славянском слете 1912 года. До него было еще далеко, и предстояло с наибольшей пользой прожить и работать для достижения высокой цели – стать лучшими.

Эгнаташвили, как работающий на железной дороге, имел право на бесплатный проезд по любому маршруту. Руководство кавказского управления образования командировало Георгия в Прагу, на курсы теории и практики сокольской системы (9

июня – 4 августа 1909 года), которые он окончил с отличием и был приглашен преподавателем гимнастики в тифлисскую дворянскую гимназию.

Между тем, дела в сборной складывались не лучшим образом. Иван Вахек, который на предыдущем сокольском слете занял высокое место в личном зачете и мог выступать в высшей группе, отказался быть тренером. Это же право, после окончания пражских курсов, имел Эгнаташвили. Созванный совет тифлисского «Сокола» и руководителей системы образования вывел Вахека из совета тренеров. Он же поручил Эгнаташвили сформировать и тренировать новый состав сборной, которая в 1912 году победила среди 298 коллективов!

Сделать это было очень непросто. Многие местные гимнасты выехали в Россию на учебу. Гайоза Берелашвили пришлось вызывать из Москвы, из Екатеринодара – Гоштофта, из Армавира – Кашояна; позвали в сборную Нониашвили, Новака, Мохова, Урмагова, Гонеля...

Вот о каких событиях спустя 32 года напомнил Николаю Такайшвили гость из Кладно.

В 1912 году команда соколов с берегов Куры было удостоена первого приза слета, лаврового венка и Большого диплома. В личном зачете Г.Эгнаташвили занял 3-е место, И.Кашоян – 4-е, Ф.Новак – 9-е, Г.Берелашвили – 11-е, Гоштофт – 13-е, Нониашвили – 21-е... Результаты шести лучших вошли в зачет команды.

Триумф Г.Эгнаташвили-тренера и всей команды.

Еще до начала соревнований товарищи видели Георгия победителем – в такой боевой форме он находился. Но в команде недоставало одного гимнаста, и Георгий, пренебрегая личными интересами, заявил себя участником командного турнира.

Пражская газета писала: «Прага очарована грузинскими гимнастами. Их упражнения отличает высокая техника, легкость. Особенно хорошее впечатление оставляет Георгий Эгнаташвили. По нашему мнению, он в команде спортсмен №1. Безупречная высокая техника, гибкость и многоцветье упражнений выделяют его от всех своим грузинским огненным темпераментом... Эгнаташвили украсил бы любую команду мира».

На церемонии награждения руководитель российского «Сокола» поздравил Эгнаташвили, тренера и спортсмена, и сказал, что дома их ожидает еще большая награда – российский им-

ператор Николай II подписал указ о строительстве в Тифлисе гимнастического зала по лучшему по тем временам проекту. Зал построили, когда в Европе полыхала Первая мировая война, и было не до международных встреч по гимнастике, которую все еще продолжали считать буржуазным спортом; было не до соревнований, в которых Георгию предсказывали большие победы.

Сменялись правительства и хозяева гимнастического зала, ставшего на многие десятилетия одной из крупнейших спортивных арен Тбилиси, в строительство его не один кирпич положил этот великий спортсмен и человек. А зал долго называли Ленинским, и с ним связаны многие наши общие радости и разочарования...

Какое-то время зал и прилегающий к нему стадион перешли в распоряжение гимнастического общества «Шевардени», созданного в августе 1918 года по инициативе Георгия Николадзе (главой общества был избран Г.Эгнаташвили).

Как вспоминал профессор Академии спорта Автандил Цибадзе, главным в работе общества была высокая дисциплина. И приводил случай. В совет «Шевардени» входил один из лидеров правительства независимой Грузинской Демократической Республики Ной Рамишвили. Однажды Эгнаташвили сообщил ему о дате и времени проведения очередного заседания совета и попросил присутствовать. Рамишвили дал согласие, но пришел с опозданием. Проводивший заседание Эгнаташвили не разрешил ему войти, пришлось члену правительства возвратиться на работу. Он позвонил Эгнаташвили и извинился за опоздание.

С залом связана история, которая могла иметь трагический для Эгнаташвили исход.

В середине мая 1921 года у подъезда остановился отряд красноармейцев. Старший предъявил коменданту Гиге Беридзе мандат о передаче объекта в распоряжение военной власти. Вызванный к непрошеным гостям Г.Эгнаташвили показал справку, выданную 28 февраля 1921 года Грузинским ревкомом о том, что помещение общества «Шевардени», все принадлежащие ему здания и двор не могут быть заняты никакой посторонней организацией или воинской частью (с учетом заслуг Эгнаташвили его квартира новой властью освобождалась от вселения, а вещи – от реквизиции).

Справка, однако, гостей не убедила – они располагали более

поздним решением ревкома. «Откройте двери, - потребовал старший, - мы должны осмотреть помещение». Георгий Семенович отказался выполнить требование. «Пристрелите его, чего вы смотрите», - обратился командир к бойцам. Эгнаташвили не смутила эта команда: «Войдете, только убив меня».

Дело начинало приобретать серьезный оборот. К участникам конфликта вышел Ираклий Лордкипанидзе, объяснил, что гимнастическое общество «Шевардени» и Всеобуч (Всеобщее военное обучение) входят в одну систему, что Эгнаташвили преподаватель гимнастики, и почему потребовалось строительство гимнастического зала в Тбилиси, пригласил осмотреть помещение.

Увиденное удивило командира: «Это надо беречь!» Снаряды для развития силы - штанга, двухпудовые гири - приглянулись пришельцам: «Это нам пригодится. Можно взять?» Эгнаташвили: «Сюда больше сами приносят».

Договорились продолжить переговоры после обеда. Георгий Семенович позвонил Мариам Орахелашвили, своей непосредственной начальнице по отделу народного образования Грузинской Советской Республики, объяснил положение. Мариам связалась по телефону с мужем. Мамия Орахелашвили сказал: «Пришлите ко мне Ираклия Лордкипанидзе». Спрашивает у пришедшего Ираклия: «Кто этот человек, что так смело себя ведет с военными?» - «Это Эгнаташвили - руководитель тренировочными занятиями». Дал записку к Серго Орджоникидзе, в Штаб Кавказского военного округа. Товарищ Серго взял служебный бланк и написал: «Дом общества «Шевардени» на Шеварденской улице остается за упомянутым обществом. Командарм XI Армии Геккер. Член Реввоенсовета Орджоникидзе».

Мандат произвел впечатление на командира отряда: «Серьезные у вас заступники».

Прошло несколько дней. У гимнастического зала остановилась подвода с тяжелоатлетическим инвентарем. Знакомый командир рапортует: «Принимайте подарки, хозяева! Штангу взяли в школе, гири - на ярмарке». Эгнаташвили: «Штангу верните детям, это их имущество, а за гири двухпудовые спасибо».

Так со счастливым концом завершилась эта история в спортивной биографии Георгия Семеновича Эгнаташвили - основоположника грузинской школы гимнастики, заслуженного

мастера спорта СССР (им он стал в 1936 году первым в стране, вместе со своим учеником Георгием Рцхиладзе), заслуженного тренера СССР (подготовлено 12 заслуженных мастеров спорта и 33 мастера спорта только по гимнастике!), заслуженного деятеля физической культуры и спорта Грузии, руководителя физкультурной работой во Всеобуче республики (1921-1923), спортивно-технического комитета при Тбилисском городском совете физкультуры, заведующего кафедрой гимнастики Грузинского института физической культуры, директора центральной гимнастической школы г. Тбилиси.

Вспоминается, как Г.Эгнаташвили пригласили судить на первенстве Тбилиси. К брусьям подошел Николай Мейпариани. Он легко вошел в стойку и начал упражнение, но внезапно гимнаста словно подменили, движения стали ограниченными, не с той чистотой, которая отличала прекрасного гимнаста. На лице отражалась внутренняя боль.

Гимнаст закончил упражнение. Судьи выставили минимальные оценки. Эгнаташвили медлил с решением. Все взоры были обращены к тому, кто, казалось, ничего не мог прибавить к их оценкам.

«Максимум – 20 баллов!» - объявил Эгнаташвили, удивив присутствующих. «Чем привлекательна для нас гимнастика, - продолжал Георгий Семенович, - она ведь должна учить мужеству! Кто мог бы превозмочь боль, которую перенес Николай Мейпариани? Как вы этого не заметили! Он ведь травмированный мизинец ударил о брус. Взгляните на его руку. Он вывихнул палец, но упражнение выполнил до конца. Я оцениваю его мужество в 20 баллов!»

Мейпариани после того дня прекратил выступать на соревнованиях, перешел на тренерскую работу и растил всю жизнь гимнастов, как завещал его великий учитель.

Пасмурным вечером 16 января 1962 года в своей тбилисской квартире умирал человек, чья жизнь полностью отвечала приветствию, которым члены руководимого им общества «Шевардени» обменивались при встрече. «Гушагоб эрс?» - «Марад!» («Служишь нации?» - «Навеки!»)

Последние слова Георгия Семеновича были обращены к внукам – Лене и Георгию: «Не забывайте меня!»

21 февраля 1967 года президиум Совета Союза спортивных

обществ и организаций Грузинской ССР с целью увековечения памяти Г.С. Эгнаташвили, выражая мнение спортивной общности республики, постановил наряду с другими мероприятиями просить исполком Тбилисского горсовета установить мемориальную доску на доме №49 по улице Клары Цеткин, где долгие годы жил замечательный воспитатель и спортсмен, а также рассмотреть вопрос о присвоении имени Г.С. Эгнаташвили одной из улиц г.Тбилиси.

Прошло еще шесть лет, но это решение осталось невыполненным, о чем сообщала в письме в ЦК КП Грузии группа соседей по указанному дому. Но и оно, к сожалению, не вызвало должного отклика.

Думается, последние слова выдающегося педагога и спортсмена, дедушки отечественной школы гимнастики: «Не забывайте меня!» были адресованы не только его внукам, а всем, кому дороги прошлое, настоящее и будущее грузинского спорта.

А улицы Георгия Эгнаташвили все еще нет в Тбилиси...

«КРЕЙСЕР» СПУСТИЛСЯ С ГОР

Сентябрьским вечером сорок первого сидели в палатке курсанты-защитники Москвы Шалико Жоржолиани, Бокучава, Шарашенидзе, Ираклий Цицишвили (тот самый, будущий Герой Советского Союза), Гиви Чачхиани... И негромко пели «Цицинатела», «Сулико». Шел мимо комбат Гончаров, замедлил шаг - очень пришлось по душе ему песня грузин. Через пару часов вызывает к себе одного из «артистов». Удивились курсанты и ничего хорошего не ожидали от этого вызова. Строг был майор, одно его имя вызывало трепет. Но делать нечего, пришел Леван к командиру и докладывает: «Курсант Гудушаури по вашему вызову прибыл». И узнал, что ему поручается подготовить грузинский хор к концерту художественной самодеятельности. Приказ в армии не обсуждается - стали выполнять. Собрали после занятий двадцать земляков, тех, у кого был голос и у кого его не было. Нашлись и хорошие танцоры Гугули Мгалоблишвили, Миша Натидзе. Леван составил программу. Из Москвы привезли грузинские национальные костюмы и приступили к репетициям.

Сам Леван в 1941 году закончил с отличием институт по специальности «инженер-архитектор» и с первых дней войны оказался в действующей армии, в маскировочной роте – на подступах к Москве маскировали окопы и траншеи. Находил минуты для кратких записей в дневнике. Вот одна из них. «С часа ночи до пяти утра продолжали маскировку окопов. В 5.30 – завтрак. Никогда прежде не испытывал такой сладости от сна». «24 августа. Впервые испытал такой мороз за время службы в армии. Всю ночь простоял на посту под проливным дождем. Сменил мокрую одежду и тотчас отправился в палатку спать. Вошел в палатку и что я вижу: и моя постель была мокрой. В конце концов пришлось лечь в мокрой одежде. В два часа ночи из-за невыносимого холода вынужден был встать. Вышел в поле и до утра провел время в беге и быстрой ходьбе». «16 сентября. В семь утра проходили практические занятия по маскировке. Руководитель разбил слушателей на группы и фамилию каждого записал в книжечку. Когда подошла очередь Левана, спросил: «Боксер Гудушаури не родственником вам приходится?» Леван засмеялся и ответил: «Так точно родственник» – «Почему смеетесь?» – «Он самый и есть», – вмешался в разговор Гиви Чачхиани. «Неужели? Вы ведь чемпион. Я видел ваш бой с Беляевым. Молодец!»

Через три дня вечер-концерт. Принимали их горячо, в зале немало грузин из числа курсантов и преподаватели Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева. Еще одно отделение отвели под выступления спортсменов, в том числе боксеров. Руководил боксерами чемпион Саратова Маслов. Объявили две пары, а для Маслова пары не нашли. Как узнали об этом земляки, стали уговаривать Левана выступить. Подошел Маслов и спрашивает: «Ты знаком с боксом?» – «Нет, занимался когда-то, а товарищи решили, что я боксер». Маслов говорит: «Не беда. Если хоть немного умеешь – выходи. Обещаю сильно не бить». После этих слов Леван просто не мог не выступить. Гиви Чачхиани сбегал в палатку за спортивной формой и перевязочными бинтами, помог плотно бинтовать кисти рук. Через несколько минут боксеры были готовы к бою. Судья объявил: «На ринге многократный чемпион Грузии и Закавказья, чемпион СССР 1940 года по второй группе Гудушаури и чемпион Саратова Маслов». Услышал объявление Маслов – смутился, но с ринга

не сбежишь. Начался бой. Маслов бегаёт по рингу, на сближение не идет. Потом осмелел – провёл несколько серий ударов по перчаткам и получил встречный прямой. Маслов на полу. Поднялся и пропустил новый сильный удар. Снова пол ушел из-под ног. В это время в зале раздался истошный женский крик: «Не бей его так сильно!» Зрители засмеялись, а судья вызвал боксеров на середину ринга и сказал: «Товарищи, вы видите преимущество Гудушаури, его опыт и мастерство, потому я останавливаю бой и объявляю его победу ввиду явного преимущества». Ребята бросились поздравлять Левана, со смехом вспоминают слова Маслова: «Обещаю сильно не бить».

Вот так, в прифронтовой полосе Москвы, довелось Левану снова надеть боевые боксерские перчатки, вспомнить этот вид спорта настоящих мужчин, что вошел в его плоть и кровь, определил место в жизни.

Родился он в 1912 году в селе Сно Казбегского района, в семье крестьянина-бедняка. У Эстате и Софьи Гудушаури было пять сыновей: Васо, Павле, Ираклий, Леван и Арчил. Отец в поисках заработка переехал во Владикавказ с детьми мал мала меньше, определил их в грузинскую пятилетнюю школу, сам трудился чернорабочим на нефтяных промыслах вместе со старшим сыном Васо. Своего дома у них не было, часто съезжали с квартиры, ютились в одной комнатенке. Трудное было время, голодное. Первая мировая война, революция в России, гражданская война...

Эстате с семьей перебрался на ближний хутор. Хозяин оценил его редкую физическую силу и трудолюбие – дал корову и хорошую комнату. Тяжело приходилось всем, не было хлеба, продуктов. К тому времени Павле работал на строительстве ЗАГЭСа, забрал к себе следующего по возрасту брата – Ираклия. Леван ухаживал за лошадьми, состоял кучером при младшем брате хозяина хутора Амирхане, который выращивал породистых скакунов, принимая участие в беговых скачках. Скоро, в двадцать седьмом году, Леван вслед за своими братьями перебрался в Тбилиси. Как и его сверстники, молодые горцы, потянулся к знаниям. Поступил в трудовую школу, а окончив семилетку – в электротехникум, откуда вышел с дипломом техника-радииста, стал работать на радиостанции в Навтлуге.

Еще в годы учебы юноша-моховец богатырского телосло-

жения, с богатым голосом, обратил на себя внимание Котэ Марджанишвили, который только-только переехал в столицу из Кутаиси и готовил постановку по пьесе Эрнста Толлера «Опля, мы живем». По ходу спектакля ему предстояло исполнить два танца – вальс-бостон и танго. Одели Левана в подобающий случаю костюм и привели к его кумиру. Руководитель театра поставил его рядом с Цацой Мамулия, посмотрел на обоих и сказал довольный: «Подходящая пара. Приступайте к репетиции». На генеральной Константин Александрович сидел в партере, и когда Леван обеими руками поднял в танце партнершу и, лежащую на локте вытянутой руки, понес в кулисы, сказал: «Молодец, Гудушаури». Это его «молодец» было высшей похвалой в театре, и Леван почувствовал себя на седьмом небе. Вечером – премьера. Когда Леван закончил свое выступление, в зале раздались аплодисменты. Не сразу понял, что они предназначались ему. Танцы он строил на силовых, как сам их называл, гладиаторских приемах. Потому ему и поручили их исполнение.

Театр все больше увлекал. Марджанишвили отличал талантливого юношу, ввел в худсовет как представителя театральной молодежи. И уже поручал небольшие роли в спектаклях «Отелло», «Уриель Акоста», «Кваркваре Тутабери», «Иные нынче времена», в которых были заняты Ушанги Чхеидзе, Георгий Шавгулидзе, Шалва Гамбашидзе, Васо Годзиашвили. Кинорежиссер Давид Рондели пригласил Левана на главную роль в фильме «Аршаула», состоялись кинопробы, но Марджанишвили на съемки не отпустил.

Леван брал уроки у Ольги Шульгиной, профессора Тбилисской консерватории, обрабатывал голос – драматический тенор – и педагог предсказывала ему большое будущее, советовала оставить театр и всецело заняться вокалом.

В 1933 году Марджанишвили пригласили для постановки спектакля в Москву, где он скоропостижно скончался. Марджановский театр в одночасье осиротел, и Леван с головой ушел в учебу.

Но что это мы все о его приобщении к миру искусства?

Уже в тридцатом посещавший секцию бокса товарищ привел Левана в спортзал на крыше Дома профсоюзов, что размещался в гостинице «Тбилиси». Увидев его, тренер велел немедленно одеть тренировочные перчатки и, как говорят боксеры, пора-

ботать с товарищем. Так состоялось знакомство с его первым наставником Гургеном Гаспаряном, ставшим другом на всю жизнь. Через два месяца Леван Гудушаури выиграл первенство Тбилиси. Видевший его в матче боксеров Грузия-Армения Георгий Эгнаташвили посоветовал поступить в Закавказский индустриальный институт имени Кирова. Леван – студент строительного факультета по специальности архитектура. И не последняя фигура в вузовской футбольной команде, сильнейшей в Закавказье. Играет вместе с Борисом Пайчадзе, Гайозом Джеджелавя, Гвачи Джорбенадзе, Како Каличава, Арчиллом Кикнадзе...

Но выбор сделан – в пользу бокса. Отменные физические данные, упорный труд в зале, шлифовка механики движения, доведенная до автоматизма, поставленный нокаутирующий удар очень скоро выдвигают Левана Гудушаури в ряд самых популярных спортсменов Грузии. Его манера боя больше тяготеет к американскому стилю – атлетическому, атакующему, темповому. Грузинский Джек Дэмпси? К сравнению с абсолютным чемпионом мира 20-х годов, лестному для молодого боксера, все чаще прибегают специалисты.

В марте тридцать седьмого в Тбилиси состоялась матчевая встреча со сборной Ленинграда. Восемь часов вечера. На улице Бесики, на подходах к клубу имени Дзержинского, море народа. Гудушаури с трудом пробирается к подъезду. Знакомые и незнакомые люди напутствуют его перед боем: «Смотри, не подкачай!» Он в ответ плечами пожимает: бокс непредсказуем, один сильный удар может решить исход поединка. А так обещает постараться. Ему последним выходить на ринг. С самого начала намечает тактический рисунок боя – ставку на сильный удар. Первый раунд выиграл без труда, навязав Морозову быстрый темп и атакуя сериями. Во втором – противник больше вязался, избегая боя. На последней минуте раунда бьет головой и рассекает леванову бровь. В перерыве над бровью колдуют врачи и секунданты, но кровь по-прежнему бьет фонтаном. Хотели остановить соревнование, но Леван не позволил, знал: обязательно выиграет. Вышел на последний третий раунд. Морозов все так же целит в голову, в поврежденную бровь. Но Леван хозяин ринга. Судья объявляет о его победе. Болельщики усаживают его в «эмку» и везут в больницу наложить швы

на бровь. Кто-то говорит, что после такой победы его надо бы везти в «линкольне».

В первенстве страны 1938 года Леван выступил в новой для него категории «линкоров», в тяжелом весе. Вместе с другом Андро Навасардовым. И первая же встреча – серьезнейшее испытание. Недавний «крейсер» дерется с флагманом отечественного бокса Николаем Королевым. В первом раунде Левану удается провести сильнейший удар. Двукратный абсолютный чемпион страны в «гrogги». Первый раунд за Гудушаури. Во втором раунде Королев идет в атаку. Особенно опасна его левая рука, которой обычно он, как кувалдой, бьет наповал. Леван все внимание сосредоточил на этой руке. Москвич разгадал его план и меняет тактику, заканчивая досрочно бой. Гудушаури проиграл, но неудачником себя не считает. Ему удалось потрясти самого Королева и вызвать овацию зала. Просто сильный уступил более сильному. В итоге он третий призер в тяжелом весе, после Королева и Навасардова.

Второй бой с великим Королевым состоялся в сорок третьем, за звание абсолютного чемпиона страны. Старший лейтенант Гудушаури с самого начала перешел к атакующим действиям. Излишняя вера в собственные силы обернулась его поражением в первом раунде. Королев дарит ему свою фотографию с памятной надписью: «Дважды пострадавшему и очень хорошему человеку и настойчивому спортсмену. 2 сентября 1943 года». Во втором бою Леван одержал важную победу над чемпионом страны в полутяжелом весе Виктором Степановым, показав большую силу своих ударов и решительность в атаке, как отмечал в «Красном спорте» заслуженный мастер спорта Константин Градополов, к слову сказать, первый тренер Николая Королева. Следующий бой – с многократным чемпионом СССР довоенных лет в полусреднем и среднем весе Иваном Ганыкиным. Два первых раунда Гудушаури убедительно выиграл, противник дважды побывал в нокдауне. В третьем раунде Ганыкин в ближнем бою повредил ему бровь, и грузинского боксера сняли с соревнования ввиду травмы. На всесоюзном первенстве 1944 года Гудушаури второй после Степанова. Спорное решение судей вызвало тогда протест спортивной общественности.

Сорок пятый, последний год войны, принес Гудушаури сразу два диплома чемпиона страны. В апреле, когда советские

войска вели бои на подступах Берлина, в составе сборной Тбилиси (старший тренер – заслуженный мастер спорта Александр Гольдштейн) он победил в команде, за которую также выступали Борис Каладзе, Габриел Ханукашвили, Георгий Вартанов, Эдуард Аристакесян, Шалва Горгаслидзе, Борис Меладзе, Шалва Двали, Андро Навасардов – созвездье чемпионов, сплав опыта и молодости.

В личном первенстве Гудушаури стал первой перчаткой в полутяжелом весе, победив в финале эстонского чемпиона Салонга. В ноябре в Московском госцирке при огромном стечении зрителей звание абсолютного чемпиона страны оспаривали тяжеловесы Королев, Навасардов, чемпион Эстонии Мартин Линнамяги и полутяжеловес Гудушаури. Леван бьется с Королевым, мужественно и активно встречает атаки мощного противника, но после шести раундов все же уступает победу. В очередном чемпионате страны Степановы – сразу три брата – боролись за первенство в полутяжелом весе. Заслуженный мастер спорта Виктор Степанов в полуфинале нокаутировал соперника, но повредил руку и выбыл из соревнования. Младший из братьев – Геннадий проиграл Гудушаури, работавшему энергично и тактически умело. Золотая медаль на этот раз досталась Анатолию Степанову.

В 1948 году 36-летний Гудушаури выиграл Спартакиаду республик Закавказья, блеснув неувядаемым мастерством.

В его боевом списке – 137 встреч на ринге и только девять поражений. Заслуженный мастер спорта, судья всесоюзной категории возглавляет городскую и республиканскую федерации бокса, готовит сборную Грузии к ответственным соревнованиям, он директор созданной по его инициативе Глданской спортшколь-интерната.

Вклад Левана Гудушаури в воспитание молодого поколения отмечен званием заслуженного педагога.

Увлеченный работой, не сразу замечает, как болезнь точила могучий организм. Когда в июне 1979 года Левана Гудушаури не стало, друзья, приводя в порядок бумаги боксера, обнаружили запертый ящик шкафа. Какие же ценности накопил неутомимый труженик? В ящике были многие пары выдавших виды боксерских перчаток, аккуратно сложенные. Чемпион мечтал открыть в родном селе Сно школу бокса. Эти перчатки передала землякам Лиана Пиранишвили-Гудушаури на вечере памяти отца.

«ГОМЕР ЖИЛ В НАШЕЙ КВАРТИРЕ»

Интерес к встрече подогревался рассказом коллеги о романтической любви. Чемпион Берлинской олимпиады-36 влюбился в молоденькую теннисистку из Грузии. Отца, понятно, не устраивала разлука с дочерью, ее переезд в фашистскую Германию, и он спешно выдал ее замуж за тбилисца, чемпиона по боксу, который, понятно, тоже вздыхал по юной красавице. Воображение рисовало мне олимпийский стадион и возможного грузинского зятя, четырехкратный золотой триумф американца Джесси Оуэнса, Гитлера, демонстративно покидающего правительство ложу.

- Ничего этого не было, - разочаровала меня Татьяна Михайловна, - жениха из Германии. Но расскажу по порядку, если вас это заинтересовало. И о письме из Парижа.

Прадед ее, Афанасий Крупенников, служил на Кавказе, в Гори. В госпитале. Настолько усердно, что его, крепостного, со временем произвели в старшего унтер-офицера. Дед Иван Афанасьевич закончил с золотой медалью первую гимназию в Тифлисе, получив право преподавать математику. В Телави он познакомился с гимназисткой княжной Мартой Вахваховой, которая, вопреки воле родителей, вышла замуж за скромного учителя, будущего инспектора заведения Святой Нины - Института благородных девиц, - и действительного статского советника.

С Кахетией связана и служба отца Тани, Михаила Ивановича, агронома-технолога по виноделию. Жили по месту его работы. Напареули, Цинандали, Манави - от одного названия этих сел опьянеешь. Кстати, отец принял участие в выставке «Российская Ривьера» в 1913 году в Санкт-Петербурге, на которой победило его кахетинское вино, а сам он был премирован именными золотыми часами, которые спустя годы исчезли в скупке Торгсина.

Позже семья переехала в Тифлис, в дом на Плехановской, где были первые и единственные асфальтовые корты. В их коммунальной квартире две комнаты занимали Крупенниковы, а одну - Яни Гомер, родоначальник грузинской теннисной школы, бессменный чемпион Тифлиса и Грузии 20-х годов. Стоит ли удивляться, что близкое соседство с теннисной знаменитостью сказалось на спортивных вкусах молодых Крупенниковых? Брат Тани - Борис Крупенников был мастером спорта и входил в

десятку сильнейших теннисистов страны. И друзья были отменными спортсменами – ученики маэстро Яни Гомера – Арчил Мдивани, Эдуард и Роман Негребецкие, Володя и Борис Серебренниковы, Арам Хангулян...

Жить в одном дворе с кортами и не увлекаться теннисом? Им поголовно все заболели. Первую всамделишную ракетку подарил Тане маэстро Яни, заметив рвение 12-летней девочки (к занятиям в группе допускались с 16-ти лет). Но Таня ждать не могла. В семнадцать она имела первый разряд и входила в кружок Госкинпрома – так тогда назывались команды. И сегодня рассказывает мне о своей игре с Натой Вачнадзе. Кинозвезда смотрелась на спортивной площадке эффектно. И Таня не подкачала по части внешности. Она уже выезжала в составе грузинской команды на всесоюзные соревнования.

С этими поездками и связана романтическая история с письмом. Ситуация действительно интригующая. В тбилисскую женскую теннисную школу «Спартака», а Таня выступала за это общество и только потом перешла в «Динамо», пришло письмо из Парижа. Некий Ивар Бузен увидел в газете «Красный спорт» снимок Тани. Впрочем судите сами. Вот оно это письмо, которое я держал в руках: «Уважаемый товарищ Таня. Вы, конечно, очень удивитесь, получив письмо от совершенно незнакомого человека. Я надеюсь, что на меня Вы не рассердитесь. Дело в том, что я в газете случайно увидел Ваш фотоснимок и мне страшно захотелось с Вами познакомиться, хотя бы на расстоянии, и узнать все о Вас – сколько Вам лет? Какого Вы роста? Какого цвета Ваши глаза? Волосы? Как Вы живете и работаете?

Надеюсь, что простите мне мою смелость. Если у Вас есть фотоснимок более четкий, чем этот в газете – я был бы счастлив получить его. В обмен, конечно, вышлю свой. Сейчас я после экзаменов отдыхаю и увлекаюсь теннисом... Чтобы Вам не тратиться на марки посылаю два доллара. Надеюсь, что напишите хоть несколько слов. Не так ли?..»

И сейчас, по прошествии стольких лет, нетрудно установить диагноз Ивара – налицо все признаки влюбленности. Письмо позабавило Таниных друзей. Они нарисовали ее портрет со своими комментариями – ответ парижскому корреспонденту. А ей было не до смеха. На календаре – конец июля 37-го.

Таня, встревоженная не на шутку, идет в НКВД с парой

долларов и письмом. Молодые незнакомые чекисты расспрашивают голубоглазую девушку. Нет-нет, она совершенно не желает вести какую-либо переписку и заводить знакомство. Ей возвращают на память письмо и доллары, и она возвращается домой на Плехановскую.

О том, что эта история могла тогда иметь далеко не столь счастливый конец, говорит судьба Яни Гомера, который в июне тридцать седьмого с сильнейшими грузинскими теннисистами выезжал на московские сборы с участием лучшего французского теннисиста Анри Коше, серебряного призера Олимпиады 1926 г. в одиночном разряде и мужском парном. Победитель Уимблдонского турнира 1926 – 1929 гг., участник знаменитой сборной Франции, победительницы Кубка Дэвиса в 1927-1932 гг. Общение с выдающимся спортсменом, его лекции и показательные игры были подарком свыше для советских мастеров. Яни в совершенстве владел французским и больше других усвоил неоценимые знания великого Коше, который подарил ему свою фотографию с автографом. Этого оказалось достаточно для компетентных, как тогда говорили, органов.

«В конце 37-го Гомера арестовали, – рассказывает Татьяна Михайловна, – арестовали вместе с братьями Жоржем и Марселем и женой Асмик Арзумановой – она была теннисисткой и выступала вместе с Яни. Его осудили по ложному обвинению в шпионской деятельности в пользу иностранного государства». Решением «тройки» вынесли приговор: десять лет лагерей и еще пять лет ссылки. По возвращении домой и реабилитации теннисный педагог Тани Крупенниковой уехал к своей сестре Ивонне в США, но долго там не выдержал и вернулся в Грузию.

«Он жил в нашей квартире, вон за той стеной, – говорит Татьяна Михайловна, – вплоть до 1981 года, когда его не стало. Вышел из своей комнаты и упал в коридоре, умер на руках у моей матери».

И мы еще долго говорим о маэстро, на долю которого выпало счастье общения с любимыми учениками, годы безработицы и долгое забвение его неоценимых заслуг в истории отечественного тенниса. Только через много лет пришли к опальному наставнику запоздалые звания – заслуженного тренера Грузии, заслуженного деятеля физической культуры и спорта, судьи всесоюзной категории.

В том же тридцать седьмом в жизни Тани произошли значительные события: она поступила на филфак Тбилисского государственного университета и скоро вышла замуж за Сашу Бакрадзе, мастера спорта по боксу. «Он был просто знакомым моего брата Бориса, – рассказывает хозяйка дома. – По мере моего взросления это знакомство перешло в дружбу – Саша зачастил к нам. Когда мне исполнилось 18 лет, мы поженились. Саша был единственным ребенком в семье и родился 18 сентября 1913 года в Киеве. Отец Михаил Иванович (замечаете совпадение?), бухгалтер по образованию, с началом Первой мировой войны как военнообязанный переехал в Грузию, а мать с ребенком осталась в Украине. В 1921 году семья воссоединилась, а для этого матери с ребенком пришлось пройти испытания новой волны эмиграции в Новороссийске, а потом добираться пароходом до Батуми.

Саша окончил гидромелиоративный техникум, а потом поступил в индустриальный институт, на химический факультет и учился с моим братом. Но мама болела, и он ушел из института. Начал работать, помогая семье...

После рождения первенца Миши Татьяна временно отошла от спорта, посвятила себя семье и учебе. Война внесла свои коррективы в жизнь. Александр Михайлович в числе тренеров-пятитысячников готовил бойцов-рукопашников – обучал боксу, самбо и стрельбе. В 43-м у супругов родился Алеша.

В боксерские залы Саша Бакрадзе вернулся в послевоенные годы. Многократный чемпион Грузии, призер всесоюзных соревнований, заслуженный тренер СССР, готовил юношеские команды республики, вписал свое имя в историю отечественного спорта. И супруга его десять лет входила в грузинскую сборную. Матерью двоих детей (оба впоследствии стали мастерами в велоспорте и теннисе. Михаил Александрович был кандидатом биологических наук, доцентом кафедры ТГУ; младший сын, Алексей Александрович – выпускник западноевропейского факультета, в прошлом партийный работник, дипломат, замминистра иностранных дел, консул в США, Египте) – вернулась на корт. И только в начале 50-х зачехлила ракетку. Узнав об этом, Ира Ермолова-Рязанова огорчилась: «Как же мы без вас, тетя Таня?»

А она ушла в тбилисскую 32-ю среднюю школу и проработала

учителем русского языка и литературы 25 лет.

Смотрю на звезду грузинского тенниса и вижу ее давнюю компанию с Плехановской. Танина мама, Людмила Иосифовна Гайская, чешка по происхождению, в те годы работала аккомпаниатором в Гофилекте. Таню с подругой пропускали знакомые билетерши, а мальчики перелезали через забор. Они стояли на садовой скамейке и слушали джаз-оркестры Эдди Рознера и Леонида Утесова. А проголодавшись, собирали в складчину мелочь, покупали буханку хлеба.

«У нас с Сашей денег было больше, – говорит моя собеседница, – мы были спортсменами-достиженцами».

Слово-то какое забытое.

А я вспоминаю 50-е годы, боксерский зал под Западной трибуной динамовского стадиона. В ходе тренировки один из спарринг-партнеров, обидевшись за пропущенные удары, решил после занятий объясниться по-уличному. В этот момент из зала вышел дядя Саша, мигом оценил обстановку и сказал «обиженному»: «Больше здесь не смей появляться. Боксер из тебя не получится».

У Саши Бакрадзе глаз на таланты был безошибочный.

КАРУЗО ФУТБОЛА

Железнодорожная станция Чоп в Закарпатской области. Обычная приграничная проверка документов. Вот проверяющие прошли в их вагон. «Кто такие?» – «Спортсмены», – ответили. «За старшего кто у вас?» – «Пайчадзе». Офицер заинтересованно смотрит на Бориса Соломоновича. «Футболисты, значит. Видите ли, – говорит он, заметно волнуясь, – мне не довелось видеть вас на футбольном поле, но в услышанном радиорепортаже фамилия Пайчадзе повторялась чаще других. Если можно, ваш автограф».

Пайчадзе берет со столика пачку сигарет «Колхети» и расписывается на ней. Офицер-пограничник, не скрывая радости, говорит, что автограф займет почетное место в его доме.

Четверть века прошло после этого эпизода на пограничной с Венгрией и Чехословакией станции, не получившего широкой огласки, когда поведал мне о нем ветеран грузинского футбо-

ла Автандил Вардиашвили, направлявшийся тогда в составе спортивной делегации в Будапешт. Видно, запала эта встреча крепко в душу, если вспомнилась в первую очередь. Впрочем Автандил Дмитриевич он по паспорту, а больше известен в спортивных кругах как Цито. Это имя, данное пареньку из рабочей окраины грузинской столицы Надзаладеви, пристало к нему на всю жизнь. Для меня оно равнозначно силе, победе, негибамости. Узнав об этом, мои преподаватели латыни в университете схватились бы за голову, но я остаюсь при своем мнении. А медлительным его действительно не назовешь.

Всегда спешил делать добро, не ожидая благодарности, был быстрым и неудержимым хавбеком на футбольном поле, пока тяжелая травма колена не прервала его футбольную карьеру. А в ней немало славных страниц. Вардиашвили был заметной фигурой в знаменитой команде ТОДО. В олимпийском 1952 году тбилисские армейцы завоевали право выступать в классе «А», но команду расформировали через полсезона, она разделила участь армейских коллективов, как бы расплачиваясь за олимпийскую неудачу сборной страны, костяк которой составляла «команда лейтенантов» – ЦДСА. После проигрыша матча с югославами, который еще называли матчем Сталин – Тито. Окончив Грузинский институт физкультуры (он еще выступал за сборную института), Автандил ушел на тренерскую работу в спортшколу «Юного динамовца», в 35-ю футбольную школу, в которой сам учился, в гуржаанскую «Алазани» – команду класса «Б» всесоюзного первенства. Венцом ее стала работа с детьми. Он возглавил отделение футбола Глданской спортшколы-интерната и проработал в этой должности 30 лет! Назвать всех воспитанников заслуженного тренера Грузии Вардиашвили – задача архисложная. Достаточно красноречива деталь: среди динамовцев Тбилиси, выигравших 13 мая 1981 года в Дюссельдорфе Кубок обладателей кубков Европы, их восемь!

Почему я вспомнил этого высокоэрудированного и одновременно на редкость скромного человека? В Автандиле Вардиашвили и ему подобных бескорыстных работников спорта я вижу футбольный ген грузинского народа, и наиболее ярко он проявился в личности легендарного Бориса Пайчадзе, названного по результатам референдума спортивных журналистов лучшим футболистом Грузии XX века.

А еще вспомнил потому, что случай с автографом на железнодорожной станции, о котором поведал мне Вардиашвили, подтвердил популярность Пайчадзе, этого «форварда континентального масштаба», высокую аттестацию, данную ему после победного турне лучшей грузинской футбольной команды в Румынии в декабре 1945 года. Равно как и титул – Карузо футбола, присвоенный румынскими журналистами одному из лучших центрфорвардов в истории отечественного футбола – Пайчадзе.

«Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» 1945 год. «Пушки больше не стреляют» – под таким заголовком 9 мая «Правда» опубликовала знаменитый репортаж Бориса Горбатова и Мартына Мержанова из берлинского пригорода Карлсхорста. Здесь, в этой могиле гитлеровской Германии, по выражению журналистов, в зале офицерской столовой в здании бывшего военно-инженерного училища генерал-фельдмаршал Кейтель, со слезящимися глазами и багровыми пятнами на лице, подписал акт капитуляции. «Это человечество разоружает зверя». Кейтель со своими генералами уходит из зала, уходит из истории...

Мартын Иванович Мержанов вошел в историю и как человек, который задумал и возглавил издание еженедельника «Футбол», приложения к «Советскому спорту». Послушаем мнение этого авторитетного специалиста, летописца футбола – знаменитейшего изобретения англичан. Он вспоминает крайне неудачную игру динамовцев Тбилиси, принимавших дома московский «Спартак», который уверенно шел к своему второму подряд званию чемпиона страны 1938 года. Но вот что сумел разглядеть специалист в игре лидера команды хозяев: «Тогда в Тбилиси я впервые увидел Бориса Пайчадзе в полном проявлении его таланта. Отличался он от других форвардов смелыми маневрами по всему фронту атак, и потому его по праву можно считать начинателем маневренного футбола в нашей стране. Не случайно он сразу же получил кличку «блуждающего форварда». Мержанов, характеризуя маневр Пайчадзе в этой игре как смелую попытку найти новые пути к чужим воротам, и называя его скорее интуитивным, нежели научно обоснованным, аналитическим опровержением игры в рамках старой тактики, считает, что действуя так, Пайчадзе изменил игру английского «дубль-ве», совершенствовал систему и внес в нее свежесть, которая стала отличительной чертой ее советского варианта.

Новаторская смена мест нападающими, которую московский журналист называет интуитивной, на самом деле была тщательно разработанной тренером Михаилом Бутусовым, бомбардирами команды Борисом Пайчадзе, Гайозом Джеджева, Асланом Харбеция, Виктором Бережным. И оттачиваемой на тренировках.

Осенью 1939 года, когда определился чемпион СССР (им вновь стал московский «Спартак»), а за второе место спорили тбилисцы и ЦДКА, жертвой новинки стали армейцы. Этот фантастический матч, поистине неувядаемый, закончился победой динамовцев Тбилиси – 5:4, которым удалось впервые финишировать вторыми.

Борис Пайчадзе в составе динамовцев Тбилиси дважды был вторым (1939, 1940) и четырежды (1936, 1946, 1947, 1950) – третьим призером чемпионатов страны. Приняв капитанскую повязку от Шота Шавгулидзе, который первым из футболистов Грузии удостоен звания заслуженного мастера спорта, Пайчадзе десять лет оставался вожаком команды. Стал членом Клуба Григория Федотова лучших бомбардиров страны за всю историю футбола. Забил 106 мячей в чемпионатах страны, и еще 19 – в розыгрышах Кубка СССР, а ведь сторожили его, следуя отчаянным призывам вратарей: «Держите Пайчадзе!» выдающиеся мастера защиты М.Семичастный, В.Блинков, А.Старостин, В.Соколов, К.Малинин... Он был такой же редкостью природы, по словам все того же Мержанова, как золотой самородок. Со своим самобытным почерком, своим пониманием игры, своими взглядами на тактику и стратегию футбольного искусства, непревзойденный конструктор атаки, человек-гол. При этом, при всем азарте и энтузиазме, в вихре прорыва, никогда не терял голову, оставался эталоном спортсмена на поле, не получал нареканий со стороны арбитров, оставаясь в футболке и трусах джентльменом, как и положено в этой великой английской игре.

Кстати, об англичанах. Уже через пять дней после подписания в Карлхорсте акта безоговорочной капитуляции Германии – 13 мая 1945 года – на стадионах сразу нескольких городов поднялись флаги седьмого чемпионата СССР, зазвенели мячи, пробудилась футбольная жизнь. Осенью первый послевоенный чемпион – динамовцы Москвы – держали экзамен на стадионах Англии, Шотландии, Уэльса. Первая в истории советского

футбола поездка на родину футбола, встреча лицом к лицу с профессиональными командами, по тем временам гегемонами мирового спорта. Вояж динамовцев столицы был не просто путешествием за тридевять земель – испытанием команды народа-героя, победителя в смертельной схватке. Динамовскую команду усилили несколькими игроками других клубов – Всеволодом Бобровым (ЦДКА), Е.Архангельским из ленинградского «Динамо»... Итог четырех игр динамовцев на Британских островах оказался обескураживающим для хозяев, русские победили с общим счетом 19:9!

Экс-президент ФИФА Стэнли Роуз, бывший в то время генеральным секретарем Английской футбольной ассоциации, вынужден был признать: «Московское «Динамо» стало той командой, которая впервые после второй мировой войны показала нам новый, непривычный для нас футбол... Наблюдая за московским «Динамо», я пришел к выводу, что нам есть чему у них поучиться».

Особенно много лестных слов было высказано в адрес стража динамовских ворот Алексея Хомича, прозванного англичанами «тигром». Запомнился довольно неуклюжий стих из футбольного справочника тех лет: «Бенгальский тигр на туловище юркого мяча не может прыгнуть лучше Хомича». Вскоре после поездки в Англию, 26 апреля 1946 года, «тигра» вместе с его командой увидели в столице Грузии в матче чемпионата страны с тбилисскими одноклубниками, которые победили (3:2) в этой драматичной встрече, одной из самых выдающихся в истории прославленного грузинского клуба. И главным героем футбольного действия был Пайчадзе, который в одиночку решил судьбу встречи, забил первый мяч и стал соавтором третьего!

Жребий свел извечных соперников через несколько месяцев 11 октября в кубковом матче в Москве. И снова тбилисцы победили (2:1) сильного и неудобного соперника. Один мяч записал на свой счет Пайчадзе, пройдя знаменитым дриблингом опекунов – Семичастного и Блинкова. Мастерство лидера тбилисцев не оставило равнодушным наставника москвичей Михаила Якушина. После окончания матча «хитроумный Михей» зашел в раздевалку грузинской команды и поздравил Пайчадзе с прекрасной игрой: «Ты один обыграл моих одиннадцать игроков».

Ветеран закончил футбольную карьеру в 1950-1951 годах, в

возрасте 36 лет. В последующие годы он на тренерской и руководящей физкультурной работе (председатель Тбилисского комитета физкультуры), был старшим тренером (1953-1954) и начальником команды (1953, 1973) тбилисского «Динамо».

Вспоминаю, как весной семьдесят пятого вышел на экраны новый грузинский художественный фильм «Первая ласточка» режиссера Наны Мchedлидзе. Сценарий его написал мой школьный и университетский товарищ киносценарист Леван Челидзе. Он и пригласил меня на первый просмотр фильма в здании ГОДИКСа. Консультантом фильма был и снялся в роли тренера «Ласточки», заслуженный мастер спорта СССР Борис Пайчадзе, директор спорткомбината «Динамо», который тогда отмечал свое 60-летие. А фильм посвящался событиям, к которым Борис Соломонович имел непосредственное отношение – кинорассказ о становлении грузинского футбола, когда в начале XX века спортсмены Поти впервые померились силами с зарубежной командой (в фильме англичан – футболистов играет команда американского судна).

И вот я – в служебном кабинете Пайчадзе на стадионе. Разговор, естественно, заходит о недавней кинопремьере.

- Приятно было в процессе съемок вновь посетить город моего детства Поти, – сказал ветеран, – с которым связано столько родных имен: Гриша Гагуа, Владимир Бердзенишвили, Како Имнадзе, Саша Элиава... Через много лет, когда в спортивную терминологию вошел мини-футбол, я вспомнил узкие улочки нашего портового города. Собрать две полные команды из сверстников было нелегко, и мы выбирали варианты, исходя из имеющихся игроков. Но каждый раз, несмотря на число игравших, футбольным полем для нас оставались все те же пятачки пустыря, зажатого между домами.

- И все же, Борис Соломонович, вас связывает с Поти не только спортивная жизнь?

- Не сочтите за излишнюю скромность, но с футболом я поначалу не связывал своих планов. К тому времени прилично играл в баскетбол, водное поло, участвовал в первенстве Грузии по плаванию. В Поти я окончил морской техникум и с дипломом судового механика торгового флота, специалиста по двигателям внутреннего сгорания, в 1934 году получил назначение на нефтеналивное судно «Металлист». Первый рейс

нам предстояло совершить в Лондон. Неожиданно в Туапсе получаю телеграмму о болезни отца. Начальство не стало чинить препятствий, и вот в тревоге спешу домой. В Потю меня ожидала встреча с отцом. Он был совершенно здоров и очень удивился неожиданному возвращению сына-моряка. Скоро все выяснилось. Потийской команде предстоял решающий матч с батумцами на первенство Грузии, и мои товарищи решили усилить ее состав. Наш «Металлист» шел курсом на Лондон, когда на тбилисской стадионе имени В.И.Ленина мы одержали победу со счетом 2:1. Утешением за неучастие в английском рейсе стали два мяча, забитые мною в ворота батумцев. Этот матч в известной степени решил мою судьбу. Я получил приглашение остаться в Тбилиси и продолжить учебу в Закавказском индустриальном институте, чья футбольная команда считалась сильнейшей в Закавказье. Предвижу улыбки по поводу моего столь легкого зачисления в институт. Не спешите с выводами: для Пайчадзе-футболиста не было льгот. Год я проучился на подготовительном отделении и только после сдачи приемных экзаменов был зачислен студентом.

- В первенстве Тбилиси вам приходилось играть против футболистов «Локомотива», Цецавшири, «Динамо». А на следующий год вы уже надели футболку динамовца.

- Это была уже другая команда. В первом чемпионате СССР для клубных команд (весна 1936) грузинские футболисты выступали в группе «Б». Перед началом сезона решили собрать на базе тбилисского «Динамо» лучших игроков из ряда команд. Пригласили и меня - на место центрфорварда. Игры группы мы провели без поражений и были допущены в группу сильнейших. В осеннем чемпионате страны тбилисское «Динамо» заняло третье место. В том же 1936 году мы стали финалистами Кубка СССР, имея в активе убедительную победу над московским «Спартаком» - 6:3, первая, как известно, не дала перевеса никому из сторон - 3:3. (После этой встречи, в которой динамовцы в добавочное время забили три безответных мяча, столичные журналисты называли тбилисских динамовцев не иначе как «уругвайцами», имея в виду мастерство двукратных чемпионов мира - А.Е.).

- После поездки тбилисских динамовцев в Румынию в декабре сорок пятого вас называли Карузо футбола. Как вы

отнесли к неожиданному титулу?

- Особых своих заслуг в этом не вижу. Вся команда играла технично и элегантно, и я, находясь на острие атак, старался не выпадать из ансамбля. Мы в те годы не очень-то ломали голову над мудреной терминологией. Слово «финт» дошло до наших полей только в 1938 году, хотя задолго до этого мы плели кружева на зеленом газоне. Приезд в Советский Союз сборной Басконии в июле тридцать седьмого открыл нам английскую новинку «дубль-ве». Исходя из характера грузинского футбола, мы обогатили новинку частыми перемещениями нападающих. На эту уловку сразу попала в 1939 году команда ЦДКА. Первый тайм тбилисской встречи мы начисто проиграли – 1:4. зрители дружно потянулись к выходу, но после перерыва наш тренер Бутусов дал команду ввести в бой «секретное оружие», заготовленное для игры с ленинградским «Динамо». Этот незабываемый матч нам удалось выиграть – 5:4. Успех с ленинградцами в следующем сезоне был и того внушительнее – 5:0.

В моей спортивной биографии были вынужденный простой из-за травмы в конце сороковых годов и четыре года войны. Но и в военные годы мы не забывали о футболе. Вспоминается матч сборной Сталинграда, представленной в основном игроками местного «Динамо», и московского «Спартака», усиленных известными футболистами из других клубов (А.Акимов, К.Малинин, Г.Глазков, К.Беликов, В.Ермасов...). 2 мая 1943 года мы пробирались на поле через руины города-героя. Встреча закончилась вничью – 1:1. Но важно другое: многие радиостанции мира с восхищением сообщили о матче футболистов, которые продемонстрировали несокрушимый дух защитников легендарного города на Волге. В 1944 году мы играли с торпедовцами Москвы и уже после матча неожиданно узнаю из московской «Вечерки», что мне присвоено звание заслуженного мастера спорта.

- Какой состав тбилисского «Динамо» представляется вам оптимальным?

- Команда 1946 года, третий призер чемпионата страны и финалист Кубка СССР, играла как никто.

- Ваш идеал футболиста?

- Сегодня Пеле. Но моим кумиром остается нападающий ленинградского «Динамо» и сборной Ленинграда Петр Демен-

тьев, внесший в отечественный футбол вкус к техничной, изящной игре. Выступая против него, я невольно любовался его действиями на поле. Футбол – мудрая игра, и требует полной отдачи сил, времени и труда. Пусть эти трудности не отпугнут молодых. Футбол надо любить, и он ответит вам взаимностью.

- Какой подарок вы желали бы получить к своему 60-летию?

- Наш тбилисский стадион «Динамо» после реконструкции. Закрывая глаза, представляю себе его переполненные трибуны и радостный крик многих тысяч болельщиков: «Г-о-о-о-л!»

Об этом апофеозе футбольного спектакля мне напоминала подаренная Борисом Соломоновичем фотография матча 1950 года, как он забивает гол в ворота молодого Льва Яшина.

Это была моя последняя встреча с Борисом Пайчадзе, который, умерев, воплотился в стадион его имени. Но каждый раз бывая на динамовском стадионе, я останавливался возле памятника, где смотрит с постамента легендарный человек, незаходящее солнце грузинского спорта, словно ждет появления новых футбольных талантов, которые тоже удостоятся чести называться «грузинскими уругвайцами», как его поколение. И, право, для этого и жить и работать стоит.

СУЛИКО

Старший тренер советской сборной по классической борьбе рассекретил состав команды, отправляющейся в олимпийский Хельсинки. Вахтанг Кухианидзе, как и другие спортивные руководители, не имел права на ошибку. В одном он был твердо уверен: в полутяжелом весе позиции команды крепки, как нигде. Олимпийскую путевку получил Шалва Чихладзе. Дома остались Август Энглас и Валентин Николаев, бывшие на 13 лет моложе, и имена их о многом говорили специалистам борьбы, но Вахтанг Мелитонович не ошибался.

Помнил ветеран спорта начало 30-х годов, как впервые пришел к нему кутаисский паренек, уже тогда мечтавший о большом ковре. Одно смушало – перед самым отъездом в Тбилиси Шалва, прекрасный наездник, во время прогулки упал с лошадьёю в каменистую яму, повредил сустав и порвал мышцы левой руки. С тех пор юноша сочетал занятия борьбой со специальными

упражнениями, восстанавливая силу.

К спорту Шалва приобрелся будучи учеником второй кутаисской школы, с утра до вечера занимаясь с друзьями на берегу Риони, меряясь силой в борьбе, футболе, укрепляя незаурядные физические кондиции.

К тому времени, в 1920 году, его восьмилетнего паренька, соседи повели в городской цирк, где он увидел знаменитого земляка Колю Квариани, имя которого тогда было у всех на слуху. Сильный, как античная скульптура, с фигурой, словно отлитой из металла, Квариани под аплодисменты трибун одного за другим побеждал своих соперников – профессиональных борцов.

Вернувшись домой, Шалва всю ночь не смыкал глаз: в мечтах видел себя известным борцом. С 18 лет начал заниматься классической борьбой у тренера Георгия Кавтарадзе. После переезда в Тбилиси перешел под опеку Вахтанга Кухианидзе, и талант его засверкал новыми гранями.

В 1932 году Шалва выиграл первенство Грузии в полутяжелом весе, а через два года – и Закавказья. Чемпиона направили в Москву в составе сборной республики. Талант такой величины не мог остаться незамеченным. Главный тренер по борьбе Государственного Центрального ордена Ленина института физической культуры Владимир Иванов предложил ему переехать в Москву и учиться в институте. Через год москвич Чихладзе – второй в полутяжелом весе на чемпионате СССР, а в 1936-м впервые чемпион страны.

Спортивная жизнь, счастливо начавшаяся, казалась безоблачной, но в первенстве СССР 1939 года, в Тбилиси, где соревновались борцы легчайшего и полутяжелого веса, Чихладзе после победы по очкам над Константином Коберидзе, Вагаршаком Мачкаляном и Плясулей и чистой победы в одной схватке, вы был из турнира – повреждение руки, все той же левой.

Еще в конце тридцать седьмого на консультации у известного профессора Шалва узнал малоутешительную для себя правду: в руке происходят необратимые изменения и вылечить ее невозможно. «Вы уже не борец, – сказал врач, – вам следует оставить большой спорт». Шалва упрямо качнул головой: «Я знаю свои силы и еще надеюсь побороть всех известных борцов мира».

Удивленный его твердостью, профессор назначил лечение и допустил к тренировкам. Скоро пациент оказался всех сильнее

на всесоюзной спартакиаде динамовцев, а потом еще трижды повторил этот успех. Его силе вынужден был уступить семикратный чемпион страны Григорий Пыльнов, с чьим самым знаменитым учеником Константином Коберидзе, заслуженным мастером спорта, чемпионом Европы 1947 года, Шалва начнет многолетнюю захватывающую борьбу за лидерство в полутяжелом весе.

С началом Великой Отечественной войны Чихладзе в числе спортсменов-добровольцев пришел на московский стадион «Динамо» записаться в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения. Над столицей нависла смертельная опасность – враг рвался к Москве. Из состава бригады был срочно сформирован сводный отряд заграждения для минирования шоссе и грунтовых дорог, мостов и возможных путей их обхода в полосе наступления главных сил врага на столицу.

В октябре сорок первого омсбоневцы организуют оборону на отведенном участке вдоль магистрали, ведущей к Кремлю, на случай прорыва немцев со сторон Ленинградского и Волоколамского шоссе.

Линия обороны проходила по улице Горького от Белорусского вокзала через площади Маяковского и Пушкина до Кремля. Шалва с однополчанами копает шурфы вдоль улицы Горького, на параллельных улицах и площадях для закладки мощных фугасов против танков врага.

7 ноября 1941 года в составе сводного полка ОМСБОНа он участник военного парада на Красной площади, с волнением слушает речь Верховного Главнокомандующего.

Парад продолжался один час – время торопило защитников столицы – гитлеровцы возобновили наступление. Предстояло путем массированных заграждений в зоне Московское море-Клин-Солнечногорск-Дмитров-Яхрома сдержать продвижение врага к каналу Волга-Москва.

Морозным утром 16 ноября бойцы на грузовых машинах спешили в район города Клина. В пути колонна остановилась: одна автомашина угодила в воронку авиабомбы, загородила проезд. Вокруг машины бегают бойцы, ругаются, а машина ни с места, показывает характер. Вот тогда вспомнили своего Сулико, богатыря грузина, любимца и гордость бригады. Поборись, дескать, чемпион, с полуторкой. Чихладзе молча

обошел машину, взялся за передок, приподнял его, и солдаты вытолкнули машину из ямы.

На трудных пеших переходах шел, обвешанный вещмешками однополчан, брался выполнять самые тяжелые задания, никому не говоря, как невыносима боль в руке на привалах в снегу.

Прибыв на место назначения, отряд приступил к минированию участка на танкоопасном направлении. Работать было тяжело. Промерзшая земля не поддавалась ударам лопат и ломов. Пальцы минеров из-за сильного мороза теряли чувствительность и малейшая неосторожность могла вызвать гибель людей. Решено было, где возможно, заряжать мины в избах, а потом переносить к месту закладки заряда. «Боец Чихладзе, подносите мешки и ящики со взрывчаткой!» – приказал командир роты, и Шалва работал за троих.

Мужество и отвага спортсмена-чемпиона проявились в боях при минировании участка Ленинградского шоссе южнее Клина - при отражении атаки танков и автоматчиков, в составе специального отряда Кирилла Лазнюка для боевых действий в тылу врага (врачи категорически возражали против отправления Чихладзе с его травмированной рукой в тыл врага, во всяком случае, зимой, но он обратился с просьбой к командиру бригады, и разрешение было получено), освобождении жителей деревни Кишеевка Калужской области.

Ночью 20 января 1942 года отряд двинулся в сторону Кишеевки, полагаясь на внезапность удара. Бойцы-лыжники в белых маскхалатах незаметно вошли в деревню. Разведчики сняли часовых. Бойцы гранатами начали выбивать врагов из домов, которые, выбегая во двор, попадали под огонь автоматов. Но, поняв, что против них действует немногочисленный отряд, гитлеровцы открыли пулеметный огонь по белым фигурам, отчетливо выделявшимся на фоне темных изб. В бой вступили два фашистских бронетранспортера.

У противника подавляющее превосходство в силах и огневых средствах. Положение нападавших оказалось критическим, и было решено организованно отступать к лесу. Рядовой Дмитрий Бровин, поднявшись, бросил гранату в машину и тут же упал замертво, находящийся рядом Толя Королев был тяжело ранен в позвоночник.

Командир приказал Чихладзе вынести раненого из боя. Чих-

ладзе взял Королева на руки и проулками незаметно выбрался из деревни. Между тем, бой продолжался. Враг открыл по отходящим лыжникам минометный огонь. Бронетранспортеры прочесывали поле между деревней и лесом.

Оказавшись на открытой местности, Чихладзе взвалил Королева на спину и, утопая в глубоком снегу, пополз к лесу. Разрывы мин и пулеметные очереди постепенно стали утихать. В отдалении прошли бронетранспортеры с черной свастикой на борту. Шалва прижался к земле, чтобы остаться незамеченным. Спасло их то, что они с Королевым были в белых маскхалатах и спрятались в яму.

Когда вражеские осветительные ракеты погасли и стрельба прекратилась, Шалва поднялся и понес раненого на руках, через два часа достиг опушки леса, где их ждали товарищи. Королева положили на лыжи и доставили в деревню Гульцево, в расположение штаба.

Во время разведки боем у деревни Маклани Шалва был ранен в левое предплечье. В рязанском госпитале он пролежал до 8 марта сорок второго. Командование ОМСБОНа предоставило ему отпуск для долечивания раненой руки.

Шалва поехал в Тбилиси и после долгого лечения возобновил тренировки. В 1944 году он в очередной раз стал чемпионом Грузии, в том же году уехал в Москву и стал чемпионом столицы, которую еще недавно защищал. По существу, боролся одной правой рукой, но его превосходство над соперниками не вызывало сомнений.

В 1946 году Чихладзе выиграл свою вторую золотую медаль чемпиона страны, повторив высшее достижение десятилетней давности. Заслуженный мастер спорта из довоенных лет доказывал свое превосходство над своими главными соперниками – выдающимися борцами.

Последовательно выиграл чемпионаты СССР 1949 и 1950 годов. Твердо держал данное профессору врачу слово - устраивал «дни авиации» чемпионам мира, заставляя их «летать» над ковром. Стал бронзовым призером чемпионата СССР 1946 года по вольной борьбе, трижды (1947-1949) был первым на чемпионатах Москвы в этом виде борьбы, которую только начали осваивать в стране.

Вышел победителем международных турниров в Болгарии,

Венгрии, Румынии, Чехословакии.

В октябре 1949 года в московской встрече сборных СССР и Финляндии выиграл по очкам у серебряного призера Лондонской олимпиады Келпо Грендаля. За год до Хельсинкской олимпиады, в 1951 году в Будапеште припечатал лопатками к коврику неофициального чемпиона мира Дьердя Ковача, которого за выдающуюся силу прозвали в Европе «железным венгром».

К началу Олимпийских игр 1952 года Шалве Чихладзе исполнилось сорок лет. В 1948-1951 годах он не имел равных, и с ним тренеры связывали свои надежды на медаль.

Олимпийский турнир борцов-полутяжеловесов классического стиля был поистине звездным: чемпион Лондонской олимпиады швед Карл-Эрик Нильсон, финн Келпо Грендаль, неоднократный призер первенства мира венгр Дьердя Ковач, итальянец Сильвестри, – четвертое место на чемпионате Европы 1947 года.

Большинство соперников Шалвы по возрасту годились ему в сыновья.

В олимпийском зале «Мессуххали» Карла-Эрика Нильсона встретили горячо, как своего. Швед – любимец публики, сильнейший полутяжеловес мира. Но зал взорвался аплодисментами, увидев Шалву Чихладзе, его геркулесову фигуру. Швед был брошен на лопатки через 2,5 минуты, едва только попытался войти в захват. Наш нестареющий ветеран провел бросок прогибом, и олимпийский чемпион Лондона оказался на спине.

В финале судьбу золотой медали решала встреча с уже знакомым Грендалем, молодым и сильным хозяином соревнований. Около часа совещались судьи, кому присудить победу в равной схватке и лишь «по общему впечатлению» отдали предпочтение финну – 2:1. У Чихладзе, который на Олимпиаде выиграл две схватки на туше, две – по очкам, серебро, но оно из ряда спортивных подвигов.

В 1953 году он ушел из большого спорта – богатырь исполнинской силы, бросивший вызов судьбе и победивший.

ТЯЖЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ

Волгу проходили на бреющем полете. За бортом самолета угадывалась близкая вода: поведи рукой и зачерпнешь полной пригоршней. Холодом тянуло от воды снизу, и пилот зябко повел плечами, вспомнив какая глубина под ними. А тут еще «Мессершмитт» увязался с Астрахани. Пилот покосился на пулемет, на безмятежные лица ничего не подозревавших пассажиров и сказал, как отрезал: «Маслопомпа дала течь. Будем садиться в степи».

Потом они стояли на твердой земле, с наслаждением слушая тишину. Четверо в бескрайней степи, по которой скользнула тень одуряченного «Мессера». Скоро тяжелый транспортный самолет поднялся в воздух и взял курс на Москву. На антифашистский митинг советских спортсменов спешили лучшие из лучших – Александр Джорджадзе, Вагаршак Мачкалян, Андро Навасардов, Борис Пайчадзе...

Вечером он остался в гостиничном номере. Наедине со своими мыслями. Отогнув край шторы, смотрел на затемненную столицу, на исполосованное бледными руками прожекторов небо. Завтра бой с Королем. Не за чемпионский титул – показательный. Две тренировки – это очень мало. Но бой должен убедить, что жизнь продолжается. И спортивная тоже. Крепки наши люди, как гвозди. И врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова, Москва. Всем гостям митинга нашлось занятие по душе. Джорджадзе поспорит с гимнастами, Мачкалян – с абсолютным чемпионом страны в классической борьбе Иоханнесом Коткасом. Пайчадзе встретится с друзьями у кромки футбольного поля, на этот раз без мяча.

Футбол и борьба – любимые народом виды спорта. Недаром их любят вожди, знают и привечают чемпионов капризной любовью, ждут, когда они оступятся. Навасардову это известно лучше других. В 1940-м приехал он в Москву оспаривать абсолютное первенство страны. Начал с победы, потом – вторая. Повержены Александровский и Линнамяги. В финале его ждал пятикратный чемпион в полусреднем и среднем весах москвич Иван Ганыкин. К вечеру заполнился многолюдный овал цирка. Ждали выхода своих любимцев на залитый светом квадрат ринга. А его вторые сутки температурило от ангины. К вечеру

– под сорок градусов. Андро вышел из гостиницы «Националь», попробовал прогуляться, не помогло, да и настроение не боевое. Звание чемпиона в том году осталось неразыгранным.

Ближе к полуночи телефонный звонок из НКВД. К десяти утра ждут Навасардова в доме на Лубянке. Это тебе не свидание под колоннами Большого театра. Попробуй послушаться. Пришел в урочный час. Не спеша поднимается из-за письменного стола всесильный начальник автотранспорта наркомата Семен Мильштейн, знакомый по Тбилиси. Начинает разговор издали: «Ты, видно, живешь в плохих условиях». Говорит предположительно, зная наверняка. «Потому и болеешь. Пиши заявление о переводе в Москву и на дотацию. Лаврентий Павлович Берия мне сказал, что ты должен стать абсолютным чемпионом». Говорит доверительно, как другу. А у друга от услышанного озноб усилился. Как тут не вспомнишь реплику Лизы из грибоевской комедии: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Сам не зная почему, не дал себя уговорить Семену Рафаэловичу. «Постараюсь», – сказал коротко и аккуратно прикрыл за собой тяжелую дверь, понимая, только что он отправил в нокаут всесильного наркомвнудела, никому обиды не прощающего.

Короля ринга знали в бериевской семье. С начала войны, когда известных спортсменов мобилизовали в органы госбезопасности, Андро начал работать в спецгараже. Несколько раз писал рапорты с просьбой отправить его на фронт – отказали. Возил мать наркома, Марту Ивановну Джакели, сестру Анету и, конечно же, хозяйку, Нину Теймуразовну Гегечкори. Впервые ее увидел, прибыв по вызову генерала Мичурина-Равера. По дороге начальник представил его: «Знаете, кто с нами? Известный Навасардов». Красивая спутница, спешащая в крцанисский дом мужа, сказала: «Мой сын тоже боксер, смотрите, Навасардов, будьте осмотрительны. Ненароком не побейте его на ринге». И засмеялась этой шутке. Дескать, я хочу, шофер, чтоб тебе повезло. Больше чем тому бедолаге, неосмотрительно пригласившему ее на танец в Тбилисском Доме офицеров. Танец для Павла А. обернулся танго смерти – десятью годами лагерей на Колыме, куда его отправил ревнивый муж.

В 1953-м уже Нину Теймуразовну арестовали с сыном Серго. Среди прочих обвинений слышала она и то, что из Кутаиси в

Тбилиси ездила на лошадях с золотыми колокольчиками. Чего не было, того не было. Но быстрый автомобиль и шофер с пудовыми кулаками вполне реальны. Блюла свою честь хозяйка, равно как и мужнину. Когда 760 женщин подтвердили следователю свою любовную связь с шефом, она, не задумываясь, признала их работниками разведки, ее агентами. Вот так и ничего больше. Лаврентий, дескать, день и ночь проводил на работе, когда же он целый легион женщин успел превратить в своих любовниц? А он успевал на всех фронтах, как тот Фигаро из оперы. Сумел ведь выкрасть атомную бомбу у американцев.

Память у него в самом деле была феноменальная. Все служебные тайны, включая связанные с женщинами, хранил в голове. И про Навасардова знал досконально.

Андро поздно, в двадцать лет пришел в свой супермужской вид спорта. До этого три года занимался борьбой, пробуя в ней свою недюжинную силу, унаследованную от деда, Егора Навасардова, известного кулачного бойца в Сигнахи. Вошел даже в сборную команду Грузии, прежде чем убедился, что природой предназначен для бокса. Его вечный соперник Николай Королев в восемнадцать лет стал чемпионом страны, через год – абсолютным. Андро стал тенью москвича на ринге. Их многолетнее соперничество подарило поединки с захватывающим сюжетом. Особенно запомнился финал чемпионата страны 1946 года. Стадион «Динамо» в Петровском парке. Прямо против ринга – правительственная ложа. Андро два раунда атаковал абсолютного чемпиона страны. «Лаврентий, – спрашивает удивленный Сталин, – кто такой Навасардов?» Берия ответил: «Это наш тбилисский армянин с Авлабара». Этот разговор слышал находившийся в ложе генерал-полковник авиации Василий Сталин и рассказал старшему тренеру футбольной команды ВВС Гайозу Джеджелаву, а он через двадцать лет – Андро.

В тот день на северной трибуне стадиона находился малоизвестный студент из Каунаса Альгирдас Шоцикас, будущий чемпион и гроза чемпионов. В квадрате ринга он скоро убедился: бокс учит мужчину по паспорту стать мужчиной по факту. Для Шоцикаса Навасардов был не просто противником, а человеком, которым он с той минуты не переставал восхищаться, которому хотел подражать и с которым в глубине души мечтал когда-нибудь встретиться.

Такая возможность представилась через год на чемпионате страны в Риге. И оба поединка боксерам первой тройки – Навасардову и Королеву – он проиграл, получив жестокий урок и убедившись в необходимости учиться в первую очередь у своих учителей.

В бою с Королевым шесть раз брезентовый пол вздыбился под ногами Шоцикаса и вставал поперек после страшных встречных ударов москвича. Бокс – это искусство. Бой должен быть продуман, прежде всего продуман. Не драка, а тактически умный бой на ринге, столь любимый Навасардовым. Это желание подчинить своей воле волю противника. Самое важное в боксе – голова. Не кулаки с пивную кружку, не грубая физическая сила, а голова. Нужно найти слабые места, отыскать трещину в цельнометаллической тренировке противника и потом уже весь бой, по точному слову слесаря Королева, студента тренерского факультета ордена Ленина Института физической культуры имени Сталина, эту трещину расклепывать и расширять.

Вот в чем заключался секрет мастерства учителей, за чьим поединком Шоцикас следил с трибуны динамовского стадиона.

Парень с Авлабара с первых шагов на ринге вызывал уважение. Уже второй его бой с Королевым (первый был остановлен во втором раунде после рассечения брови тбилисца) в матчевой встрече с командой Москвы в марте 1937 года показал, что времени он зря не терял. Андро боксировал смело, темпераментно, легко, с удивительной для тяжеловеса подвижностью передвигался по рингу. Но судьбы отдали победу Королеву. Бывшие во Дворце спорта «Крылья Советов» Маршал Советского Союза Михаил Тухачевский и Александр Косарев разделяли недовольство зрителей. Генеральный секретарь ЦК комсомола вызвал председателя Всесоюзного совета по физической культуре и спорту Харченко и потребовал пересмотра несправедливого решения судейской коллегии. Об этом Андро узнал в поезде, по пути домой, из купленной на бакинском вокзале газеты «Красный спорт». Здесь же было помещено письмо в редакцию Королева, отказывающегося от победы в пользу действительно победителя Навасардова.

Десять поединков провели они с Королевым. И все прошли в упорной борьбе. Три из них выиграл тяжеловес из Грузии. Смело неся свой подбородок, широкий, как сцена Большого театра,

шутил его друг Георгий Вартанов, трехкратный чемпион страны конца 30-х годов. И противостоял ему великий боксер, одаренный всеми качествами чемпиона мира. Самая большая победа над Королевым добыта Андро в первенстве страны 1944 года, когда, непрерывно наступая, действуя уверенно, технически разнообразно, он взял верх над своим извечным соперником. Все решилось в матче четверки сильнейших. Королев победил эстонца Мартина Линнамяги и Николая Юрченко. На ринге последняя пара Навасардов-Юрченко. В случае успеха москвича чемпионом оказывался Королев. Андро выиграл этот бой и завоевал золотую медаль чемпиона в наипрестижной тяжелой весовой категории.

В следующем, 1945 году грузинский бокс праздновал новый выдающийся успех. Сборная команда Тбилиси на ринге Московского цирка выиграла командное первенство страны, опередив лидеров Москвы, Ленинграда, Таллина. Успех обеспечили подготовка и спаянность коллектива. Заключительную, победную точку поставил Навасардов. На поединок с ленинградцем Пичугиным капитан вышел с поврежденным локтем. Боксировал фактически одной рукой, но решающее очко обеспечил.

В 1951 году он в шестнадцатый раз подряд (с 1936-го!) удостоивается звания чемпиона Грузии. Ветерана бокса увидели среди участников очередного первенства страны в городе Сталино. Королев вспоминал, как крепко пожал руку своему товарищу и давнему сопернику. Подумал о том, что вот сейчас, когда раздастся гонг, они начнут бой. Вероятно, он будет суровым. Но то, что бой будет абсолютно товарищеским, что даже в самый напряженный момент встречи, взглянув в глаза Андро, он не увидит там и тени злобы, неприязни – в этом не было никакого сомнения. По отзывам специалистов, все в этой встрече восхищало: разнообразие атак, быстрые серии ударов, рациональная защита, продуманные тактические замыслы.

В Сталино Андро победил пятерых соперников. Это последние бои выдающегося боксера. Боевой список закрыт. Сто двадцать восемь боев на ринге, два десятка поражений, в остальных – победы. Заслуженный мастер спорта, многократный чемпион Закавказья и ЦС «Динамо», в чемпионатах страны дважды побеждал, шесть раз занимал второе место, три раза – третье. Трижды выходил в финалы абсолютного первенства. Почетному

судье всесоюзной категории доверяли судейство самых важных боев боксеров-тяжеловесов. В 1952 году он ушел на тренерскую работу и оставался на ней сорок лет!

Когда десять лет назад я спросил 83-летнего патриарха отечественного бокса, смог бы он выступить против абсолютного чемпиона мира Джо Луиса, он ответил: «Выступил бы, не моргнув глазом, против этого настоящего короля ринга, но победа, думаю, досталась бы Джо Луису. В те годы техника американских боксеров была очень высокой».

В этом ответе весь Андро Георгиевич, бесстрашный и скромный. С портретом «коричневого бомбардира» он не расставался до последних дней. Многие их все-таки роднило – и удивительные природные данные и легендарная слава.

ЧЕМПИОН, СЫН ЧЕМПИОНОВ

Она стояла на пьедестале почета, принимая поздравления под аплодисменты 70-тысячного олимпийского стадиона. Вместе с подругами по команде Ниной Ромашковой и Лизой Багрянцевой. Они первыми из полторы тысячи легкоатлетов завоевали медали в Хельсинки. Ромашкова – чемпионка с новым олимпийским рекордом. Багрянцева – вторая, а она, Нина Думбадзе, рекордсменка мира и безусловный лидер Игр, – бронзовый призер. Но ее медаль весила ничуть не меньше. Мало кто знал в тот дождливый июльский день, что незадолго до Олимпиады Нина попала в автоаварию, повредила колено и после операции, когда времени для лечения и восстановления уже не оставалось, все же приняла участие в Играх, проявив в очередной раз доблесть и стремление к высшим достижениям. Само появление Думбадзе среди соревнующихся ободрило подруг, и не только их. Старшей сестрой называла Нину бывшая шестой в Хельсинки румынка Лия Манолиу, чемпионка Олимпиады в Мехико, бронзовый призер Рима и Токио, многим ей обязанная.

Отец будущей мировой рекордсменки, Яков Константинович Думбадзе окончил медицинский факультет Берлинского университета и вместе с дипломом привез из Германии жену – баронессу Матильду фон Икскуль, шведку по происхождению. Семья поселилась в Одессе, где губернатором был двоюродный брат Якова Константиновича – Иван Думбадзе. Здесь у супругов

родилась дочь, с этим городом связаны ее первые выступления в спорте. Начинала Нина с балета и танцев, бега и прыжков в длину, установила первые всеююзные рекорды, но после травмы переключилась на метание диска и здесь раскрыла свои недоужинные способности.

В конце 30-х годов Нина Думбадзе переехала в Тбилиси, начала тренироваться у Бориса Михайловича Дьячкова, стала его женой. Когда высокая, стройная, красивая, как картинка, Нина входила в круг для метания диска, многие годы перед ней маячил белый флажок в поле, обозначающий мировой рекорд немки Гизеллы Мауэрмайер, чемпионки Берлинской олимпиады, – 48,31 м. Так было на победных для нее всеююзных первенствах, на чемпионате Европы в Осло, на знаменитой фабрике легкоатлетических и конькобежных рекордов – стадионе «Бишлет».

Преследователя они обнаружили, едва вышли из гостиницы, и потом долго кружили по улицам Осло, стараясь оторваться от назойливого поклонника. Но тот не отставал, умело лавируя в толпе. После двух часов погони норвежский полицейский решил подойти к двум красивым подружкам и, достав блокнот, попросил автографы у Нины Думбадзе и Лены Гокиели, выступление которых на стадионе «Бишлет» его восхитило. Скоро все трое оживленно разговаривали. Объясняться с полицейским не составило труда: Лена окончила в Тбилиси немецкую школу, а в семье Думбадзе немецкий, наряду с грузинским, был родным. Уже выиграв золотую медаль, Нина в числе других сильнейших советских спортсменов была приглашена на международные соревнования в Саарпсборг. Маленький городок, расположенный в ста километрах от норвежской столицы, стал ареной ее нового триумфа. Моросил мелкий холодный дождь, но уже первый бросок чемпионки Европы оказался победным – 48,60 м. «Поздравляю вас, фрау Думбадзе, с новым мировым рекордом», – сказал ей судья, замерявший бросок. «Рекорд Советского Союза, установленный мною, – отвечала Нина, – равен 49,88 м. Буду продолжать соревноваться». Через несколько минут на табло появились новые цифры – 50 м 50 см. К ней бежали взволнованные товарищи по команде, работники советского посольства. Поздравляя ее, председатель легкоатлетического союза Норвегии г-н Хельгессен сказал: «Я счастлив, что видел такой бросок! Два раза в жизни такое не повторится!»

Так заветный 50-метровый рубеж покорился ей в самых неблагоприятных погодных условиях. 30 раз улучшала Нина Думбадзе мировые рекорды в заочных поединках с Мауэрмайер, пока признание, наконец, состоялось, и ее фамилия появилась в таблице официальных рекордов мира – 53,25!

Произошло это в августе 1948 года в Москве, на центральном стадионе «Динамо», на празднике 25-летия этого спортивного общества. Француженка Мишлен Остермейер, выигрывая в те же дни Олимпийские игры в Лондоне, уступила в заочном споре рекордсменке мира более 11 метров!

К тому времени Нина Думбадзе была одной из самых ярких представительниц советского спорта. Первая мировая рекордсменка, наряду с редкой женской привлекательностью и поистине королевской статью, притягивала сердца людей, была народной чемпионкой. В военные годы, в 43-м – 44-м будучи далеко не в лучшей своей форме, все же выиграла чемпионаты страны, само провидение которых оказало огромное влияние на морально-политическое состояние людей. Потому никого не удивило участие Нины Думбадзе в параде Победы 24 июня 1945 года в Москве, когда она стояла на трибуне в числе почетных гостей народного праздника и, глядя на красавицу грузинку, стоявшую в непосредственной близости от правительственной трибуны, купающуюся в волнах всеобщего почитания, мало кто знал, какую трагедию пережила семья двукратной чемпионки Европы, кавалера орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». В тридцать седьмом арестовали Якова Константиновича – вот когда аукнулась его учеба в Берлине – и долгих 15 лет провел он в лагерях прежде, чем возвратился в семью.

Нина Яковлевна никогда не отказывалась от приглашения участвовать в соревнованиях – всего у нее их было свыше четырехсот, и она не жалела ни сил, ни здоровья, уставая физически и психологически. И продолжала с редким упорством штурмовать фантастический по тем временам рубеж 60 метров, за которые на тренировках летел ее диск. Вместе с Борисом Михайловичем она разработала и в многотрудных тренировочных и соревновательных условиях с годами довела до совершенства новый, более совершенный стиль метания, когда, появляясь на стадионе, всем на удивление, становилась в круг спиной по направлению метания и совершала поворот быстрым скачком, ловя долгожданные

скорость и силу, отличавшие эту уникальную дискболку. Мировой рекорд ее 57,04 м остался нестираемой строчкой в летописи самых выдающихся достижений своего времени, став наградой новатору, человеку неустанного поиска, лауреату референдума лучших грузинских спортсменов XX века.

Последнее выступление Нины Думбадзе в большом спорте состоялось в 1959 году, когда в интересах грузинской команды она соревновалась на II Спартакиаде народов СССР. А самым молодым легкоатлетом в составе сборной Грузии в Москве был ее сын Юрий, будущий мастер спорта международного класса, двухкратный чемпион страны в десятиборье 1963 и 1966 годов, участник Олимпийских игр в Риме и Токио. Юрий унаследовал чемпионские гены родителей – заслуженных мастеров спорта и заслуженных деятелей физкультуры и спорта Грузии. Борис Михайлович был чемпионом страны в беге на 110 метров с барьерами, в дальнейшем, как и его брат Владимир Дьячков, профессор ЦНИИФКа, основоположник знаменитой школы прыгунов-высотников (среди его учеников – Брумель, Большов, Кашкаров, Скворцов), был известным спортсменом, а впоследствии стал выдающимся тренером.

Борис Дьячков установил первый рекорд Грузии в беге на 100 метров, был рекордсменом в прыжках с шестом, первым в республике (в 1939 году) покорив высоту 4 метра. Будучи тренером-новатором широкого профиля, он одним из первых в стране опробовал методики прогрессивных тренировок. Это отцу в первую очередь обязан был Юрий своей разносторонностью, что позволяло систематически выполнять на соревнованиях норму мастера спорта в четырех легкоатлетических дисциплинах – в беге на 100 метров и 110 метров с барьерами, в прыжках в длину и с шестом. Братья Владимир и Борис, Юра Дьячков почти полвека безраздельно владели рекордами Грузии.

На Римской олимпиаде Юрий, выступая в компании сильнейших десятиборцев мира, получил травму и не смог стартовать в заключительном виде многоборья – беге на 1 500 метров, но и по сумме девяти видов был девятым в итоговой таблице. В Вечном городе он встретился с легендарным американцем Джесси Оуэнсом.

В олимпийском Токио Юрий был шестым, но рассказывает об этом неохотно, как о чем-то малозначимом. Травмы пре-

следовали его, как и Нину Яковлевну, постоянно. Согласитесь, неудачно упасть с высоты в яму для приземления, заполненную песком и опилками, а не пружинящей поролоновой «периной», – занятие не из приятных. Да и шесты ломались в его руках, не выдерживая стокилограммового веса. На первенстве СССР 1969 года в очередной раз подстерегла Юрия травма. Врачи запретили занятия спортом, а он проявил характер – вернулся в большой спорт ценой ежедневного, изматывающего труда и через год занял шестое место в споре сильнейших десятиборцев страны, показав лучший результат в толкании ядра.

Выпускник Грузинского института физкультуры, экономического факультета Тбилисского университета, Саратовского высшего военно-командного училища МВД СССР, заочно – Рижского медицинского института, полковник запаса и доцент Юрий Дьячков многие годы руководил кафедрой физподготовки Академии МВД Грузии, готовил курсантов быть мужественными и сильными, и сам никогда не тушуетя в когорте настоящих мужчин. Одним из первых участвовал в ликвидации последствий трагического землетрясения в Спитаке, охранял порядок, спасал людей; во время боевой операции под Цхинвали, рискуя жизнью, вытащил офицера из горящего бронетранспортера.

Все-таки удивительная генетика у этого человека, которого я знаю много лет, со школьной скамьи в знаменитой тбилисской 43-й школе. Не страшны ему ни травмы, ни контузия. Он увлеченно рассказывает, как мать стала дважды чемпионкой в метании связки ручных гранат в послевоенные годы (в виде спорта, совершенно у нас забытом), и показывает серебряную азарпешу – подарок коллег-офицеров Тифлисского гренадерского полка его прадеду Ивану Ефимовичу Дьячкову. Прадед был женат на чеченской княжне. Сын их, Михаил Иванович, служил в Тифлисе заместителем начальника кадетского корпуса. А начальником был сам наместник Михаил Семенович Воронцов.

Вот какие глубокие корни у семьи Дьячковых в Грузии, вот где надо искать объяснение воинской доблести его правнука Юрия.

ВРАТАРЬ НА МЕСТЕ

Мой собеседник не спешил с ответом и я его не торопил. Было это несколько лет назад, на квартире Михаила Пираева, и мой вопрос, кого из своих коллег он особо выделял – Алексея Хомича, Леонида Иванова, Владимира Маргания, Льва Яшина, Серго Котрикадзе, был адресован по адресу.

Михаил Яковлевич начинал свой путь в большой футбол с дворовых команд, пробежал за сравнительно короткий срок до золотой медали чемпиона СССР и крупнейших стадионов Англии, Венгрии, Бельгии, Болгарии, Польши, Турции. Он после долгого раздумья отвечал: «Все же Дорохов. Хотя его, возможно, превосходил Владислав Жмельков, московский спартаковец. Он еще потом играл за тбилисский «Спартак» и ТОДО».

Страж ворот динамовцев Тбилиси, кумир мальчишек 30-х годов, дружил с футболистом Сергеем Кузьминым, соседом Пираева по дому №73 на Николаевской (Калинина) улице, и это ему подражал Миша, дороховским прыжкам, в кровь разбивая коленки о жесткий, как наждак, асфальт двора, и бегая смотреть его игру на старом стадионе, напротив знаменитого ТАУ.

Родился Александр Дорохов 20 июня 1911 года в поселке Сурами, но уже двух месяцев от роду переселился с родителями в Тбилиси, рос и мужал на Потийской улице, в районе Дидубе, который дал грузинскому спорту немало замечательных спортсменов, к числу которых, ни минуты не колеблясь причисляют и Александра Антоновича Дорохова.

Дорохов – фигура знаковая не только в футболе Грузии, но и всего его поколения, а судьба, яркая и трагическая, могла бы служить основой сценария не одного фильма, как «Вратарь» – рассказанная Львом Кассилем история Антона Кандидова, заставлявшего рукоплескать трибуны в матче с турецкими футболистами. Что касается встреч с турецкими игроками, то и здесь не обошлось без дороховского участия.

Как вспоминал Александр, его сверстники начинали соревноваться в знаменитой игре по территориальному признаку. Их главным противником была команда Боржомской улицы. В этой команде играли в дальнейшем известные футболисты – братья Владимир и Михаил Бердзенишвили, в будущем его одноклубники и единомышленники. А пока у нас в команде «Нит-фабрика»

было два мяча, вспоминал не без гордости Дорохов и добавлял: скоро приобрели и майки. За амуницией пришла и первая победа в городском первенстве 1926 года в четвертой группе. Шура числился запасным нападающим и был горд своим спортивным амплуа. Через два года команда вступила в союз металлистов и вместе с первой командой «Металлиста» участвует в городском первенстве. Играют с первой и второй командами «Динамо».

20 сентября. И тут вмешивается его величество случай. В их команде не объявляется на игру вратарь Михаил Зукакишвили, и Шуру, как запасного, облачают в зеленый свитер Зукакишвили и ставят в ворота. Справедливость требует сказать: кроме него, из полевых игроков на тренировках голкипером никто не стоял. Лиха беда начало, преодолен стартовый, вполне понятный страх. Дорохов после первого взятого мяча действовал уверенно. Матч закончился вничью – 2:2. А первая их команда победила динамовцев со счетом 5:1 и они в общем зачете стали чемпионами Тбилиси.

В то время вторая команда «Металлиста» не особенно уступала в силе первой, и потому Шура не удивился, когда по окончании игры к нему подошли капитан динамовцев Шота Шавгулидзе и тренер Ассир Гальперин и предложили перейти в «Динамо». У «Металлиста» тогда своего поля не было. Шура увидел в этом предложении возможность профессионального роста, согласился. Вместе с ним в «Динамо» перешел Михаил Минаев.

В динамовском коллективе под руководством опытных вратарей Николая Солонина и Александра Попкова молодой Дорохов постигал вратарскую профессию. Играл во второй команде «Динамо», одновременно вплоть до 1933 года работал слесарем на заводе имени Калинина.

То было время междугородных встреч, и уже в самом начале 30-х Александр участвует в турне, посещает Баку, Махачкалу, Грозный, Новороссийск, Сухуми. Провели 12 матчей – восемь побед, три ничьих, один проигрыш.

Из Сухуми их срочно вызвали в Тбилиси. По приезде узнали причину спешки – московский «Пищевик» обыграл две грузинские команды. Предстояло защищать престиж грузинского футбола. Тот матч выиграли тбилисцы – 5:3. Победа из числа тех, которыми можно гордиться. За «Пищевик» играли известные

футболисты: братья Александр и Андрей Старостины, Станислав Леута, Петр Исаков, вратарь Иван Филиппов.

В апреле 1933 года Дорохов переезжает в Иваново-Вознесенск, в команду «Основа», вместе с тбилисскими футболистами Андро Жордания и Константином Аникиным, и 2 мая их ждет игра с уже знакомым московским «Пищевиком», который сейчас зовется «Дукатом». За «Дукат» играют члены сборных Москвы и СССР. Эту игру ивановцы выиграли, как и со сборной народных домов Турции – 7:4. До приезда в Иваново турки провели три встречи со сборной Москвы (2:7), Ленинграда (3:3), сборной СССР (2:1). Все мячи турецкой сборной забил ее центрфорвард Вахаб, игравший в лучших командах Англии и Франции. Каждый его мяч, взятый Дороховым, вызывал восхищение бомбардира, он вскидывал руку вверх и восклицал: «Гуд!»

После победы ивановцев в еще одном международном матче – со сборной рабочих Испании – 17:1 (гости проиграли сборной Москвы – 0:12) в газетах появились письма с предложением встретиться сборным-победительницам в Москве. Дорохов был знаком с игрой московских футболистов, но играть против сборной да еще в гостях ему не приходилось. «Ничего не бойся. Все будет хорошо», – успокоил его Жордания. После того памятного матча (3:3) Шура с Аникиным вернулись в Тбилиси, оба стали играть в «Динамо».

В 1935 году сборная Закавказья – участник антифашистских игр в шведском городе Гетеборге, победила в четырех встречах рабочие команды Норвегии, Дании, Швеции (еще три закончила вничью) и стала чемпионом Игр. За команду-победительницу выступали: В. Макогонов, Р. Рейх, В. Пацевич, С. Петросян, А. Амирджанов, А. Маркаров (все – Баку), А. Дорохов, Ш. Шавгулидзе, Д. Чумбуридзе, К. Аникин, М. Бердзенишвили, И. Панин, М. Болотин, М. Асламазов (все – Тбилиси).

В середине 30-х сборная Грузии становится чемпионом Закавказья.

Набирается сил и динамовская команда, которая удостаивается лестного прозвища «южных уругвайцев», быстро выдвигается в число одних из лучших в стране.

По возвращении из Скандинавии тбилисцев ожидает подарок – новый стадион в столице с прекрасным травяным газоном. В воротах блистает король воздуха Дорохов – высо-

кий, красивый, огорчающий своим мастерством бомбардиров с пушечными ударами, разгадывает их замыслы, отводя угрозу от своих ворот.

В 1933 году Дорохов – третий в списке «33 лучших», после харьковчанина А. Бабкина и киевлянина А. Идзковского, в 1937-м – третий после москвича А. Акимова и киевлянина Н. Трусевича (героя «матча смерти» с немецким «Люфтваффе», расстрелянного фашистами в 1942 году), в 1938-м – второй после А. Акимова.

Пик популярности Дорохова приходится на приезд команды Басконии в 1937 году, в которой играли семь футболистов испанской сборной, участницы чемпионата мира 1934 года, испанцы тогда дошли до полуфинала. Годом раньше в Испании началась гражданская война, и сборная басков с целью сбора денег для республики совершила турне по ряду европейских стран, с триумфальным успехом. Игры испанцев, а в их составе играли выдающиеся мастера Регейро, Лангара, Ирарагорри, вызвали в советской стране футбольный бум, небывалый ни до, ни после. Конечно, была поставлена задача хозяевам и гостей посмотреть, и себя показать. Только почему-то решили играть против одного из сильнейших в мире футбольного коллектива не на уровне сборных, а клубных команд. Первой жертвой басков стал московский «Локомотив» – обладатель Кубка СССР 1936 года, крупно проигравший (1:5). Предметный урон, после которого надо было принимать срочные меры. Московское «Динамо» также не снискало на поле лавров – 1:2.

Дорохов, как и Шавгулидзе, вызванный в пожарном порядке в Москву, сидел с капитаном тбилисцев на совещании в Комитете по делам физкультуры и спорта при СНК СССР, слушал старшего тренера Владимира Дубинина, разбор матчей с басками и главную задачу – как играть против выдвинутых вперед испанских форвардов. «О, это прекрасно, – думал он, – закрыть Лангару, но кто сможет закрыть Лангару?»

Наступил день матча сборной «Динамо», усиленной игроками Ленинграда, Тбилиси, Киева. Погода ненастная, накрапывает дождь. «Погода нам на руку. В дождь испанцы играют очень плохо», – говорит Дубинин, настраивая игроков подремонтированного московского «Динамо». К 20-й минуте Дорохову удается взять два трудных мяча, пробитых Лангарой и Гарастисом. Но

знаете, какой счет был в то время? 4:0 в пользу басков.

Дорохов, бывший участником трех матчей грузинских футболистов с басками, вспоминал: «Во время одной из атак басков Лангара, находясь в штрафной площадке, сильно пробил по воротам. Я беру мяч в верхнем углу, но при этом сильно ушиб спину и не сразу смог подняться. Вижу: ко мне мчится Лангара. Подумалось, хочет затолкнуть в ворота вместе с мячом. Вскочив, ложным приемом избегаю столкновения и выбиваю мяч в поле. Лангара хлопает меня по плечу и громко произносит: «Замора, Замора!» Сравнение с легендарным испанским голкипером Рикардо Заморой для него, молодого футболиста, было очень почетно и радостно.

Вратарь басков Грегорио Бласко, видевший игру Александра в трех матчах, сказал: «Из всех советских вратарей больше всех мне нравится Дорохов, который особенно хорошо сыграл в первом тбилисском матче. Прекрасная хватка, реакция на мяч, своевременный выход из ворот в соединении со свободной игрой на штрафной площадке – все эти качества отличного вратаря».

Сам Дорохов лучшим в своей спортивной биографии считал кубковый матч с ЦДКА 1939 года.

В 1/16 финала тбилисцы встречались с батумским «Динамо» и победили – 5:3. Отправляются в Москву. Дорохов на несколько дней исчезает со сборов. За день до матча появляется и объявляет, что женился. Об его участии не может быть и речи. Дорохов ходит по пятам за капитаном Шавгулидзе, старшим тренером Михаилом Бутусовым – просит простить его проступок и поставить в ворота, хочет искупить свою вину перед командой. Его просьбу уважили.

Никогда он еще не играл так вдохновенно. Армейцы атаковали два тайма. Дорохов не имеет ни минуты покоя. Играл как в тумане. Бросается то в один угол ворот, то в другой. У него словно крылья появились. Особенно огорчается Григорий Федотов. Он бьет по динамовским воротам из любого положения, но все без толка. Дорохову нипочем его пушечные удары, они ему нравятся, разгадывает все замыслы и выходит победителем. Потрясающий факт: Григорий Федотов, первый из советских футболистов забивший 100 мячей во всесоюзных чемпионатах, основатель клуба бомбардиров, за свою блистательную карьеру

не смог забить ни одного мяча в ворота Дорохова! Дорохов единственный мог гордиться таким результатом.

А ларчик просто открывался! Дорохов досконально изучил удары армейского центрфорварда. Их обоих пригласили участвовать в съемке учебно-тренировочного фильма. Так сказать, урок на всю жизнь.

Истекали последние минуты матча. Армейцы по-прежнему в атаке. Впереди стоит в одиночестве Аслан Харбедия. Дорохов забирает в руки опасно пробитый мяч и вбрасывает далеко в поле. Перед Харбедия два защитника. Крайний нападающий тбилисцев обходит обоих и неотразимо бьет по воротам – 1:0.

Армейцы так и не смогли обыграть разыгравшегося вратаря. На последних минутах Федотов в очередной раз убежал от тбилисских защитников. Выходит один на один с Дороховым. Дорохов с быстротой молнии выходит из ворот и забирает мяч в ногах Федотова. «Что ты со мной делаешь, Шура!» – кричит форвард и хватается за голову. Тбилисцы победили в том памятном матче.

Может быть, в той игре я почувствовал, что это мой последний сезон в тбилисском «Динамо», вспоминал Дорохов.

Дорохов – один из героев фантастического матча 18 ноября 1939 года. В Тбилиси динамовцы принимали ЦДКА. Армейцы на финише чемпионата в случае ничьей гарантировали себе второе место, а динамовцы, выиграв они, опережали соперников и впервые в истории клуба занимали столь высокое место. К перерыву москвичи вели со счетом 4:1. Но по окончании этого матча, изобиловавшего голами, поздравляли уже динамовцев – 5:4. Незадолго до финального свистка Федотов завладел мячом и с угла вратарской площадки пробил в ворота неотразимый, казалось бы, мяч. Дорохов в немислимом шпагате преградил путь мячу, выбив его на корнер.

В 1940 году 28-летнего вратаря, находившегося на пике спортивного мастерства и популярности, отчислили из команды. Официальная версия – нарушения спортивного режима. Сам он не особенно распространялся на этот счет. Но достаточно красноречиво его признание: «Особенно надо избегать знаков «уважения» со стороны болельщиков. «Шура, мой друг, ты сегодня блистал, как солнце, выпей один стакан за наш футбол», часто говорили мне мои «друзья». Я не проявлял должной воли.

Пил один стакан с одной группой, второй - со второй, и такое «уважение» рано отдалило меня от футбольного поля».

Я был свидетелем такого назойливого внимания от непрощенных друзей, когда Михаил Месхи вылил бокал вина на голову «почитателя» в ресторане гостиницы «Иверия». В спорте, к сожалению, не пьет порой разве что ленивый. Но обижаться на друзей, с которыми годами делил и радость и беду, съел пуд соли, держать обиду на родной коллектив, вместе с Шота Шавгулидзе, Михаилом Бердзенишвили, Борисом Пайчадзе, Гайозом Джеджелава, Асланом Харбедея, Виктором Бережным и другими, когда надевал перчатки и бился не щадя сил? С кем связаны все его успехи?

И не могло руководство команды вот так просто отчислить, бросаться своими лучшими футболистами, которыми она была славна и любима.

Борис Соломонович Пайчадзе, лучший футболист Грузии XX века, 28 декабря 1971 года на юбилейном вечере, посвященном 60-летию со дня рождения и 40-летию спортивной деятельности ветерана футбольной команды мастеров тбилисского «Динамо» Александра Дорохова, сказал: «Лично я считаю Дорохова лучшим вратарем тбилисского «Динамо» всех времен».

Я больше склоняюсь к мнению дочери вратаря - Лилии Александровны Вашакидзе-Дороховой. Обида отца связана с конкретными наградами, которые его обошли стороной. Но эту тайну он унес с собой.

«Как мало нас, Дороховых, осталось, кроме меня, племянницы и внуки, которая ухаживает за мной», - говорит мне Лилия Александровна, ветеран труда, педагог английского языка, четыре десятка лет отдавшая школе. Несколько лет назад, потеряв сына, она после инсульта приходит в себя с трудом, собирая силы, пишет аккуратным, каллиграфическим учительским почерком подробности своей родословной, которая уходит к прототипу толстовского Долохова - Руфину Ивановичу Дорохову (1801-1852) - офицеру, сыну генерала Отечественной войны 1812 года.

После тбилисского «Динамо» были выступления за ереванский «Спартак», тбилисский «Спартак», потом по совету известного радиокomentатора он переехал в Минск, играл за местных одноклубников, дебютантов класса «А», за «Стахановец» из Сталино, но это был уже другой Дорохов, другие команды, послевоенные

годы, голодные, неустроенные, тренерская работа с малоизвестными коллективами, в которых он выглядел великаном, вратарь - новатор, стоявший у истоков тбилисского «Динамо», занесенный в футбольную энциклопедию мира.

Перешел на тренерскую работу, старался передать ученикам весь свой опыт одного из зачинателей грузинской школы футбольных вратарей, помогал вырасти в настоящих мастеров.

В последние годы, пока позволяло здоровье, Александр Дорохов часто бывал в служебном кабинете Бориса Пайчадзе, в окружении ветеранов грузинского футбола, вспоминал лучшие годы своей жизни, с ними связанные, себя - стража динамовских ворот.

Чудо в зеленом свитере.

ДЯДЯ ПАВЛИК

Слабым духом и телом вход сюда был заказан - в тяжелоатлетический динамовский зал на улице Бесики. «Павлес дарбази», Залом Павла, называли поклонники «железной игры» комнату с единственным помостом, вокруг которого колдовал Павел Гумашян, смуглый, коренастый, внешне суровый, но с золотым сердцем человек. Дядей Павликом его звал и стар и млад.

Как магнитом притягивала секция мальчишек послевоенной поры. Заглянул сюда и земмельский паренек Рафик Чимишкян и, зачарованный, замер на пороге, глядя как играючи справляются с весом эти крепыши, слушал грохот сбрасываемой на помост штанги.

«Я с самого начала был покорен техникой Жгенти», - вспоминает олимпийский чемпион Хельсинки. Став полноправным участником богатырского сбора, Рафаэл, забыв о собственной тренировке, подолгу наблюдал за действиями Мамия, трехкратного чемпиона СССР. Особенно хороши были у него темповые движения - рывок и толчок.

Да только ли один Жгенти пример для начинающих? Здесь же тренировались чемпионы страны Владимир Светилко и Моисей Касьяник. У Светилко образцовый жим, он рекордсмен мира.

Сколько собиралось на этом пятачке тяжелоатлетических

знаменитостей, состоявшихся и будущих!

Душой занятый был хозяин, Павел Александрович, как-то незаметно вселяющий в воспитанников дисциплину, сплоченность и волю к победе – качества, без которых нет успехов в спорте. Заслуженный мастер спорта СССР Владимир Светилко в 1951 году писал: «Настойчивая работа – основа всякого успеха. Только в труде вырабатывается у спортсмена сила, ловкость, выносливость, решительность. Эти качества прививает мне мой тренер Павел Александрович Гумашян. Ему я обязан тем, что вот уже четыре года подряд (1948-1951гг. – А.Е.) являюсь чемпионом страны в легком весе, рекордсменом мира в жиме двумя руками».

Начинал Гумашян в 1929 году. Будучи киномехаником в тбилисском саду «Стелла» увидел здесь штангу и сделал выбор на всю жизнь. Вошел в число сильнейших штангистов Грузии, Закавказья, страны. Был вторым призером чемпионата СССР в 1936-м, после Георгия Попова. Тогда же выиграл всеармейские соревнования. Состязались в сумме пятиборья – к трем классическим движениям добавлялись толчок и рывок правой или левой рукой.

И что удивляет, так это спортивное долголетие Гумашяна. Уйдя добровольцем на фронт, проигнорировав имевшуюся бронь, в 1943 году в бою под Харьковом был тяжело ранен, пуля перебила сустав левой руки. Павел Александрович, соревнуясь одной рукой, установил рекорды Грузии в толчке правой.

И ни на один день не прекращал тренерской деятельности, к которой приобщился еще на заре своей спортивной жизни. На этой стезе ждали его наибольшие радости.

На Олимпийских играх 1952 года настал звездный час Рафаэла Чимишкяна, он стал олимпийским чемпионом в полулегком весе. На чемпионатах самого высокого уровня сразу три участника советской сборной Светилко, Чимишкян и Моисей Касьяник – половина команды – были из «Зала Павла». Заслуженный мастер спорта Мамия Жгенти в разные годы также украшал главную команду Советского Союза.

Мы еще не сказали о рекордсмене мира Хаиме Ханукашвили, серебряном призере чемпионата мира-59 Акопе Фараджяне, мастере спорта и заслуженном тренере СССР Дмитриии Капцове, чемпионах и рекордсменах Грузии Кукури Эбралидзе, Гураме

Миминошвили, Иосифе Шивце, Арнольде Татишвили.

Павел Александрович был успешным наставником. С ним команда Грузсовета «Динамо» девять раз становилась сильнейшей в стране. Вдумчивый тренер умело подводил своих «детей» к наивысшим результатам. Закончив выступать в большом спорте, заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР Павел Гумашян остался в нем, продолжаясь в своих воспитанниках.

ОБРЕЧЕННЫЙ НА ЛИДЕРСТВО

На улице за ним ходили толпами – низкорослых камбоджийцев поражал этот сероглазый гигант, тренер мужской и женской сборных страны. Но так было в Китае и Женеве, Париже и Будапеште – всюду, куда его приводил баскетбольный мяч. Живейший интерес и почитание. В большой игре Отар Коркия был изначально обречен на успех, капитанство и лидерство. При своем довольно скромном для современного баскетбола росте, оставался гигантом, самой приметной фигурой в виде спорта, где ты весь на виду – твоя игра, накопленное годами умение и даже брошенная в запальчивости реплика. Мог на спор достать в прыжке кольцо головой. При всем своенравии и взрывном характере оставался справедливым и очень добрым, как большинство сильных людей.

Этими чертами, не последними в спорте, он обязан родителям – Михаилу Дмитриевичу, известному кутаисскому врачу, и Софье Николаевне, красавице, педагогу русского языка. Жили они в начале 30-х годов в Абхазии (отец был основателем знаменитого обезьяньего питомника), когда перегибы в сельском хозяйстве привели к страшному голоду. Но уже тогда запомнился десятилетнему мальчику нравственный урок родителей, которые сами недоедая (а в семье было шестеро детей), приютили в своем доме и вынянчили полуживых десять сирот, поставили их крепко на ноги, помогли получить высшее образование.

Но это много позже, а пока над родительским домом был занесен палаческий топор – по ложному доносу в январе тридцать восьмого арестовали отца, сослали в Казахстан. Обнять отца сын смог только в пятьдесят седьмом году и купить ему на собственные сбережения шерстяной костюм.

И тогда, в далеком 1947 году, на сборах, когда они готовились, имея в перспективе чемпионат Европы, никогда не забывал, что его могут не взять в сборную как сына «врага народа».

Сборы в то голодное время были едва ли не единственным средством хоть как-то подкормить спортсменов. Был Отар в ту пору тонкий, как виноградная ветвь, веса едва-едва восемьдесят килограммов набиралось. В Кутаиси закрепилось за ним прозвище Иван Грозный. А он не обижался на друзей. Как вспоминал, в воздухе с прыжком у него особых проблем не было – ноги от природы сильно выручали. Но на земле тоже толком действовать нужно было, тем более под щитом – правила «трех секунд» в те годы не существовало, и народу, караулившего свой шанс в непосредственной близости от кольца, набиралась тьма. Чтобы выбраться из этой толчеи и всех опередить, сила нужна была немалая. И всем им, кандидатам в сборную, приходилось не раз задумываться, как вернуть себе силу, войной отнятую. Разместили их в подмосковной Фирсановке, на базе Московского авиационного института. Собрали, что называется, с миру по нитке. Компания и в самом деле получилась разношерстная – москвичи Конев, Моисеев, Алексеев и Колпаков, каунасцы Бутаутас, Кулакаускас, Лагинавичюс и Петкявичус, таллинцы Куллам и Лысов. И он с Нодаром Джорджкия, делегированные Грузией в сборную первого созыва. Перед руководством команды стояла нелегкая задача получить в сплавле хладнокровие прибалтийских «академиков», силовую выносливость москвичей и безудержный темперамент грузин. Постепенно костяк команды вырисовывался, и по игре он вроде подходил. Каждое утро начиналось с пробежки – с порога домика, где жили, и бегом на электричку.

Однажды на тренировку пришел незнакомый человек и несколько минут поговорил о чем-то со Спандарьяном, изредка поглядывая в сторону Отара. После тренировки Степан Суренович сказал ему, что Михаил Коркия реабилитирован и завтра вечером с военным эшелоном прибудет на Курский вокзал. Сын считал часы перед долгожданной встречей, продрогнув до костей на вокзале, напрасно ждал поезда. Не состоялась встреча ни в тот вечер, ни в последующие... Неспешный график помилований отодвинул ее на многие годы. И состоялась она много позже – в Тбилиси.

В Прагу, полуразрушенную войной, его все-таки взяли. Зрители принимали их как полпредов страны-освободительницы. И горячо поддерживали, хотя на пути к золотым медалям в финале они как раз команду хозяев обыграли. И каждый на площадке был горд, что игрой своей возвращал жизнь.

По итогам чемпионата обозреватель французской спортивной газеты «Экип» провел опрос старших тренеров команд-участниц и опубликовал состав символической сборной континента. Из советских баскетболистов в нее вошли Отар Коркия, Нодар Джорджикия, Евгений Алексеев, Иван Лысов.

Есть большой соблазн вернуться памятью в те далекие годы, когда физически щедро одаренный природой Отар искал свое место в спорте – метал диск и толкал ядро, был чемпионом и рекордсменом страны среди юношей. Было это в 39-м, когда Отар изменил баскетболу и переметнулся на время в легкую атлетику. А до этого, казалось, весь Кутаиси помешался на огневой игре. На стенах во дворах, на деревьях укрепляли металлические или деревянные круги от старых стульев, бочек. Отар не без успеха обстреливал эти мишени, когда старшие ребята Гиви Киладзе, Алеко и Шота Месхи взялись тренировать младших. Об измене баскетболу он не помышлял, а поступил так в интересах родного Кутаиси – некому было, как выяснилось, защищать честь города на юношеском первенстве. А новый талант Коркия раскрылся неожиданно, когда вблизи их баскетбольной площадки упал брошенный кем-то диск с соседнего сектора легкой атлетики. Но, видно, очень разозлился – так недолго и покалечить можно – взял диск и швырнул обратно. Бросок получился сильнее, чем нужно. Взяли замеры – 44 метра, всесоюзный рекорд для мальчиков его возраста. Уходить из баскетбола Отар не собирался, но пару месяцев согласился уделить метаниям – в игре пригодится. В Киеве он преодолел своим диском 50-метровый рубеж и стал чемпионом.

Но все перевесила любовь к коллективному виду, где побеждает великий принцип: один за всех и все за одного. Отар Коркия нашел свою судьбу в баскетболе в тот памятный день, когда с товарищами пришел в только открытую детскую спортивную школу, к Гиви Киладзе, своему первому наставнику. И очень скоро стал среди сверстников лидером, признанным вожаком. Оставался им в тбилисском «Динамо» и сборной Советского

Союза. Лучшие игроки страны признали верховенство Коркия. Вспоминаю слова Нодара Джорджкия: «Лидером нашего поколения был Отар Коркия, самой природой наделенный необыкновенными физическими данными и удивительным талантом, врожденными качествами вожака и бесстрашием».

Олимпийский дебют советских баскетболистов состоялся в Хельсинки в 1952 году. Тогда команда уступила только многократным олимпийским чемпионам – американцам. В финальном матче решающей оказалась 30-я минута, когда за четыре фолла площадку покинул Коркия. Американцы, а в их составе были гиганты Роберт Курланд (2,13 м), Маркус Фрайбергер (2,10), Клайд Ловелетт (2,09), восхищенные игрой лидера советской команды, проводили его аплодисментами. К тому времени счет был ничейный – 23:23. В оставшиеся минуты встречи наша команда не сумела удержать достигнутое. И кто знает, не покинь преждевременно площадку Коркия, кому бы досталось олимпийское золото.

Отвечая на вопрос корреспондента газеты «Спорт-экспресс»: «Кто из героев прошлого мог бы попасть в НБА, имея он вдруг такую возможность?», выдающийся тренер Владимир Кондрашин дал исчерпывающий ответ: «Отар Коркия – еще одна легенда послевоенных лет. При росте 190 см Коркия был одним из сильнейших центровых Европы, лидером и капитаном сборной СССР. По физическим данным он, пожалуй, мог закрепиться в НБА».

Но и это еще не все. Вернемся в олимпийский Хельсинки, где разворачивались главные события финала. Коркия играл с напроць вывихнутым пальцем. Травму получил в полуфинальном матче с теми же американцами, после умышленной грубости Ловелетта. Пытаясь завладеть мячом после неточной передачи товарища по команде, он совершил поистине вратарский прыжок и, избегая страшного удара в лицо, защитился рукой. Врачу, перевязывающему палец, сказал, стоя лицом к площадке, на которой мысленно продолжал пребывать: «Крепче, дорогой, затяни». И снова ринулся в бой, преодолевая адскую боль, играл как никогда. Фактически однурукий. И только после игры позволил увезти себя в больницу, где ему наложили швы. Но поступить иначе Коркия себе не позволил, играть в полсилы было не в его характере. Не случайно его, а не американца Ловелетта,

который был на 19 см выше, признали лучшим центровым олимпийского турнира. Так думал я, ссылаясь на авторитетные источники. «Нам обоим на равных присудили этот приз», - сказал мне Отар Михайлович, изумив своим бескорыстием и неистребимым стремлением к истине. Обладая редкой силой, являл собой блестящее сочетание – был отличным баскетболистом и великим спортсменом. В матче, когда решалась судьба золотых медалей чемпионата страны, динамовцы Тбилиси проигрывали одно очко, и никто иной, как Коркия, получив мяч под чужим щитом, поднялся с двумя опекунами на плечах и положил решающий мяч в корзину. «А что тут удивительного, – говорил он, – часто так бывало. Бросаешь по кольцу, а сам увешан защитниками, как гирлянда».

Оглядываясь на те далекие годы, понимаешь величие Отара Коркия, лучшего центрового послевоенных лет, который на целые десятилетия опередил свое время. Резкость, быстрота, прыгучесть, умение тонко разбираться в самых сложных игровых ситуациях позволяли ему, знаменитой «десятке», оказываться в нужное время в нужном месте, без промаха обстреливая корзину. Перейдя на тренерскую работу, возглавил динамовский клуб, приведя его к победе в розыгрыше Кубка европейских чемпионов 1962 года – вершине достижений грузинского баскетбола. И здесь с наибольшей полнотой раскрылся талант педагога и воспитателя, основателя баскетбольной династии Коркия.

В конце 70-х годов прошлого столетия газета «Советский спорт» провела анкету-опрос: «Кто сильнейший советский баскетболист всех времен?» Ведущие тренеры и специалисты назвали Отара Коркия.

СВЕТЛОЕ ИМЯ

Он шел к помосту спокойный и сосредоточенный, не глядя в темноту парижского Паласа де Шайо, – не то театра, не то спортивного зала. В те мгновения весь мир для него сузился, оставив наедине со стальным снарядом, с одной единственной мыслью: «Вес должен быть наверху!»

Владимир Светилко помнил слова друга, Георгия Попова: «Ну что, Кириллыч, дадим бой союзничку?» Попов – заслуженный мастер спорта, некоронованный чемпион мира довоенной поры, из его же, Светилко, поколения, за которым страшная война, голод, холод, тяжелые ранения и даже концлагерь. В Париже Попов выступал в легком весе, и главный их соперник на помосте Стэнли Станчик, американец польского происхождения, из команды тренера и мецената Боба Гоффмана, которая для многих была темной лошадкой, до выхода на сцену. Куда выше расценивались шансы ниспровергателей мировых рекордов египтян и первого из них – Кадара эль-Туни, олимпийского чемпиона в Берлине 1936 года, которого на родине встречали артиллерийским салютом.

Американцы, как и египтяне, прибыли в Париж неделей раньше и вели себя как дома, успели войти в лучшую спортивную форму и не скрывали своих планов выиграть все золото мира. А перелет наших от Москвы до Парижа занял двенадцать часов, потеряны дни из-за волокиты с визами, а потом нервозность, часы ожидания и сомнения в отеле: примут ли их страну в Международную федерацию тяжелой атлетики? В три часа руководители сборной отправились на заседание конгресса. Наконец, в половине седьмого вечера звонок: «Мы приняты, танцуйте, ребята...» Как выяснилось, решающим оказался голос египтянина Саида Носсеира, чемпиона Олимпиады в Амстердаме 1928 года, который в послевоенном Париже выступал в составе судейского корпуса и, в частности, судил выход Григория Новака.

Нашу дружину кое-кто из официальных лиц на конгрессе обвинил в профессионализме и «красной пропаганде». Таинственную команду из России, как писали французские газеты, состоящую из грузчиков и бурлаков, которые на себе таскают мешки и переносят пианино. И как бы подводя черту под заоч-

ным спором штангистов, приходили к заключению: «советский килограмм равен семистам французским граммам».

Благожелательнее высказался мэр Парижа на приеме, данном в честь открытия чемпионата мира: «Мы заждались! Вы действуете в духе вашей победоносной армии: советский десант высадился, когда его уже почти не ждали».

Через полчаса после завершения работы конгресса все десять «десантников» стояли на огромной сцене дворца Шайо – в красной спортивной форме с гербом Советского Союза на груди. Против них, в самом деле, немало факторов – незнание сил противника, непривычная организация соревнований, новая сигнализация, а главное – позади каждого война, которая выкосила немало чемпионов. Предстояло растопить лед настроенности, и лучше всех сумел это сделать Григорий Новак, которого действительно белоручкой не назовешь. Сын извозчика из села Чернобыль, что неподалеку от Киева (печальную известность он приобрел после страшной аварии на АЭС), Новак работал грабарем – возил многопудовые тачки с песком, щебнем, цементом на стройках Белоруссии, Кавказа, Сибири, накапливая богатырскую силу и готовя себя к схваткам с металлом, которые на берегах Сены принесли ему титул первого советского чемпиона мира. Под стать ему сражались товарищи.

... Светилко легко поднял штангу: принимай, Париж, подарок «бурлака». Долго держал тяжелый вес над головой, не замечая, как судья второй раз давал команду опустить. И только когда покоренный им зал заплодировал, позволил себе отдых. Он выжал сто килограммов, а во втором подходе прибавил еще пять. Большого не смог сделать американец Станчик, которому лучше удалось рывок и толчок.

На пьедестале победителей Светилко стоял на второй ступеньке, на третьей – Георгий Попов, для ветерана парижский выход в свет оказался лебединой песней.

Дебют Светилко, ставшего чемпионом Европы, расценили как блестящий. «На вес золота была серебряная медаль Владимира Светилко», – вспоминал Новак. Из Парижа Григорий уезжал в ранге рекордсмена мира в троеборье для атлетов полутяжелого веса, как и его товарищи – тяжеловесы киевлянин Яков Куценко (в толчке) и ереванец Серго Амбарцумян (в рывке левой), доказав, как вынуждены были признать газеты, что

русский килограмм весит ровно тысячу французских граммов. Светилко вернулся в Тбилиси, в маленький тяжелоатлетический динамовский зал на улице Бесики, 4 – в знаменитый «Павлес дарбази», из которого, кроме него, вышли в чемпионы и другие воспитанники Павла Александровича Гумашиана, заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера СССР. По словам Светилко, любимейшего для него человека и тренера; этот мудрый человек не позволял ему расслабляться и постоянно держал в форме.

«Я, семнадцатилетний, смотрел на них с восторгом, как на чудо-богатырей, – рассказывал мне олимпийский чемпион Хельсинки-52, – не зная, что через четыре года вместе со Светилко отправлюсь в Париж, на чемпионат мира. Владимир Кириллович на Хельсинкской олимпиаде был дублером Евгения Лопатина. Травма плеча не позволила ему сразиться с Томми Коно, но он остался для нас непререкаемым авторитетом, единодушно избранный старостой сборной. Неизменно подтянутый, дисциплинированный, всегда аккуратно одетый, в военной форме, с начищенными до блеска боевыми орденами и медалями, со спортивным чемоданчиком в руках. Мы, молодые, ловили каждое слово старших, терпеливо ждали, когда освободится помост».

Владимир Светилко ко второму для себя чемпионату мира подошел в идеальной форме, имея личный рекорд в троеборье 360 кг. Но уже в Париже травмировался, по недосмотру врачей заболел воспалением легких, но на помосте его все же увидели. Он стал на этот раз бронзовым призером. Увлекся единоборством с обладателем большой серебряной медали Лондонской олимпиады-48 Агтия Хамидой из Египта. Оба упустили рывок в чемпионы американца Джорджа Питмэна, который в сумме троеборья набрал 352,5 кг.

В Париже Владимир Кириллович во второй раз стал чемпионом Европы. А также в командном зачете, как и вся наша сборная – Рафаэл Чимишкян, Евгений Лопатин, Владимир Пушкарев, Аркадий Воробьев, Яков Куценко.

Любопытно, что Светилко впервые выиграл первенство Европы не будучи чемпионом страны. Через два года, в сорок восьмом, ликвидировал этот пробел. Всего же четырежды удастаивался золотой медали чемпиона СССР по штанге. Впервые

им стал в далеком тридцать восьмом, соревнуясь в многоборье ГТО. «Ну и диапазон у Светилко, – шутили друзья, – не знаешь, где его искать: то ли в десятке пловцов, то ли в пятерке штангистов». К тому времени Владимир был разносторонним спортсменом, мастером спорта по плаванию, стрельбе и гимнастике. Его, родившегося в Батуми, плавать и нырять научил отец, матрос Кирилл Светилко, – и учил по-флотски: плавать там, где глубоко. И еще побеждать там, где трудно. Этот отцовский наказ он пронес через всю жизнь. В сороковом впервые выполнил мастерскую норму в тяжелой атлетике, вошел в десятку сильнейших штангистов страны, но война заставила надолго забыть о рекордах в железной игре, этом спорте настоящих мужчин. Добровольцем записался в отряд торпедных катеров. Не раз участвовал в высадке десантов. Боевой путь лейтенанта Светилко пролегал через Керчь, Новороссийск, Одессу, Констанцу, Бургас.

Вот один, на первый взгляд, рядовой фронтовой случай лета сорок третьего.

...Проведя инструктаж, командир с официального, лаконичного языка перешел на «домашний» тон, вспоминал Светилко, а это означало, что задача поставлена важная. Командир: «Справишься? Пойми, задание нужно выполнить во что бы то ни стало. Торпедные катера должны сковать крупные силы противника, и от того как скоро вы будете действовать, зависит успех крупной операции... Ну, вперед, сынок!» И он обнял Владимира по-отечески на прощание.

Всю ночь в боксах кипела работа. Водители, хотя им полагалось отдыхать перед рейсом, не отходили от машин. Утром запрошенные «под пробку» бензовозы развернулись в походную колонну. Светилко еще раз проинструктировал воинов и только после этого дал команду: «по машинам». Главная плавно взяла с места, за ней ушли в путь еще одиннадцать тяжелых бензовозов. Тень от увязавшегося за колонной «мессера» первым заметил водитель головной машины. «Выследил, гад, – проговорил сквозь зубы водитель. – Теперь жди гостей – бомбардировщиков». Пилот самолета-разведчика не отказал себе в удовольствии полоснуть очередь – другой по беззащитным машинам. Пули застучали по дороге, подымая столбики пыли. На их счастье, дорога дальше шла через горный участок, и немец не имел возможности спикировать над колонной и вести прицельный

огонь. Но было очевидно – разведчик сообщил на базу район продвижения колонны, и самое страшное их ждало впереди – бомбардировщики.

Колонна подошла к цели. Маленькая бухта «фальшивого Геленджика», место их встречи с торпедными катерами. Понтонный мост уходил в море на несколько десятков метров. Задача колонны – подогнать машину к подошедшему катеру и за считанные минуты заправить его топливом. Укрыв бензовозы в лесу, Светилко дал сигнал о начале операции торпедным катерам, рассредоточенным в открытом море вблизи бухты. И вот пошел к пирсу первый катер. Водитель бензовоза бросил шланг на борт катера и начал подавать топливо. Уже были заправлены несколько катеров, когда послышался гул тяжелых бомбардировщиков. Заговорила наша береговая зенитная артиллерия. Свист летящих бомб, грохот взрывов, приглушенных морскими волнами, рев двигателей сливались в кромешный ад, но операция продолжалась. Один-единственный осколок мог поднять в воздух бензовоз, а с ним и катер с торпедами на борту. Вот и действовали краснофлотцы на волосок от смерти. Очередная машина, объезжая воронки, въехала на понтон. И вновь налетели воздушные разбойники, в очередной раз отсекали их наши зенитчики. Бомбы упали в море и разорвались совсем рядом. Взрывной волной опрокинуло бензовоз. Секундное замешательство, но к машине бросился боец, схватил шланг, из которого хлестало топливо, перекрыл кран и передал конец на катер, сам прыгнул на помощь товарищу, который из последних сил держался на плаву...

Свой первый боевой орден Красной Звезды Владимир Кириллович получил в керченском аду.

Вышел из военного лихолетья с незаживающей раной в душе, после того, как в сорок четвертом во дворе севастопольского дома погиб от взрыва схоронившейся мины его пятилетний сын Борька вместе с двумя соседскими ребятами. Эта трагедия во многом определила биографию подполковника пограничных войск, который до 1960 года не снимал военную форму, считая своим долгом защиту границы, охрану ее тишины.

Поженились они с Валентиной Гурской, красавицей гимнасткой из Кутаиси, в 1938-м и жили дружно и счастливо, когда бы не война...

В пятьдесят восьмом тревожный случай заставил поднять заставу в ружье и забыть спортивные подвиги Владимира Светилко.

Двенадцать суток продолжался поиск по обнаружению и задержанию двух агентов иностранных разведок. «Зеленые фуражки» двигались по сильно пересеченной местности, днем и ночью, но никто не жаловался на усталость и голод, на изнурительную жару. Начальник заставы Светилко возглавил одну из поисковых групп и первый шагнул к матерому врагу...

В 1960 году подполковник в отставке ушел на пенсию, еще двумя годами раньше закончил выступать на тяжелоатлетическом помосте, но остался в спорте, передавая молодежи свой огромный опыт и обучая умению побеждать.

Сложив с себя полномочия начальника физподготовки и спорта Краснознаменного Закавказского пограничного округа, был директором Республиканской школы совершенствования мастерства тяжелой атлетики и фехтования. С 1980 года Светилко – главный тренер Спорткомитета Грузии по тяжелой атлетике.

Два десятка лет назад ушел из жизни Владимир Кириллович Светилко – заслуженный мастер спорта, экс-рекордсмен мира, судья международной и всесоюзной категорий, заслуженный деятель физкультуры и спорта Грузии, бессменный ее чемпион и рекордсмен.

Свет жизни этого сильного и красивого человека еще долго будет светить людям.

КАК СОЗДАВАЛИ ЭПОХУ РЕГБИ

Из спортивных игр регби – наиболее увлекательное зрелище. Не спешите опровергнуть это мнение. Оно принадлежит Бобби Чарльтону, чемпиону мира и лучшему футболисту Европы 1966 года.

Обратим внимание на другого шестидесятника – Гиви Мрелашвили, посвятившего регби без малого всю жизнь.

В юности он увлекся баскетболом и футболом, но учась в Москве, в инженерно-экономическом институте, после ирландского фильма «Школа ненависти» с кадрами игры в регби, заболел ею. Симптомы заболевания возобновились на московском VI Всемирном фестивале молодежи и студентов 1957 года, на матче Чехословакия – Уэльс. К тому времени Гиви играл в баскетбольной команде на первенство Москвы, но понял: пора отложить в сторону круглый мяч и взяться за овальный.

Масла в огонь подлило знакомство с отцом советского регби Анатолием Сорокиным. Они принялись за организацию команд в институтах и на предприятиях. Сорокин возглавил команду МВТУ, а Гиви играл в составе МАИ. После первенства Москвы решили провести первый всесоюзный семинар в Адлере. Гиви позвонил председателю «Колмеурне» и предложил командировать игрока в лело, чтобы он познакомился с азами регби. У спортивного общества денег не нашлось. Мрелашвили понял – культивировать британскую «дыню» надо на месте, в Тбилиси.

Дом Гиви стал штаб-квартирой его единомышленников Гиви Чечелашвили, Нодара Кипиани, Отара Догонадзе, Гоги Купарадзе, Гии Цурцумия, Джемала Берадзе и многих других. Были написаны положения о проведении игр, расписаны условия пошива формы, выполнен раскрой оранжевых мячей – из Тбилиси они покатались по городам и селам. К дереву у входа в штаб-квартиру лепили объявления о приеме в секцию. Задумали и сняли короткометражный фильм «Это – регби» и показывали его в кинотеатрах перед началом сеансов. Не ограничились этой «ловлей душ», вспомнили московский опыт, пошли по предприятиям, расширяя круг энтузиастов, не всегда встречая понимание. Один директор завода даже спросил без обиняков, где можно достать музыкальные инструменты, полагая, что речь идет об эстрадном ансамбле.

По первому зову приехал Анатолий Сорокин.

Познакомился Гиви и с репатриантом из Франции Жаком Аспекяном, профессиональным регбистом и велогонщиком. Дело пошло веселее. Организовали первую команду – тбилисское «Динамо». За ними потянулись другие. Превосходство динамовцев над соперниками было подавляющим. Первый чемпионат Грузии они выиграли с рекордной разницей забитых и пропущенных мячей – 167:0!

Первая поездка команды в Москву и Прибалтику. Первая международная встреча в Варшаве – с 6-кратным чемпионом Польши клубом строителей СКРА, одним из сильнейших в Европе, проводилась в канун 50-летия Октябрьской революции. Об этом им напомнили перед отъездом в форме, не терпящей возражения. Но у тбилисцев собственная гордость, проигрывать в гостях было не к лицу, и они выиграли – 9:3, изумив специалистов.

Уважив просьбу Мрелашвили, первый чемпионат СССР по регби в 1966 году провели в Тбилиси. Динамовцы (Гиви был играющий тренер) заняли второе место, уступив регбистам МВТУ, но опередили московских динамовцев, спартаковцев Киева и Ленинграда и земляков-железнодорожников. Этот большой успех убедил, что в Грузии регби имеет глубокие корни: стойкими оказались гены лело-бурти и пришлось по характеру грузин этот рыцарский, королевский вид спорта.

Знаю Гиви Георгиевича не один десяток лет, а все не перестаю удивляться феномену его популярности в этом спорте настоящих мужчин и интеллектуалов. И играл он сравнительно недолго, но с наибольшей пользой для команды. Со дня основания сначала городского оргбюро, а потом и республиканской федерации оставался самой заметной фигурой в грузинском регби. Наиболее полно его талант лидера и организатора раскрылся на тренерской работе в тбилисских командах «Динамо», «Гантиади», «Спартак». Первым в стране вместе с Анатолием Сорокиным стал заслуженным тренером и судьей всесоюзной категории. По его инициативе в Грузинском институте физкультуры впервые на постсоветском пространстве была открыта специализация регби, и он же вел курс.

Ираклий Кизирия, виртуоз овального мяча, регбист международного класса: «Гиви Мрелашвили создал в Грузии эпоху

регби. В 60-х годах этот вид спорта у нас только внедрялся, и у его истоков стоял этот в высшей степени образованный, энергичный человек, патриот, прививший моему поколению любовь к мужественному виду спорта. Будучи немногим нас старше, он проявил необыкновенный талант воспитателя, удивительный такт в общении, что сыграло огромную роль в становлении нас как личностей. В 60-е годы он не только подготовил регбистов, но и вырастил плеяду деятельных патриотов, полезных стране людей. Я особо подчеркиваю это обстоятельство: сегодня Грузии, как никогда, нужны профессионализм Гиви, его высокие качества, патриотизм и готовность бескорыстного служения стране».

Пришедшие на матч Грузия-Португалия розыгрыша Кубка наций европейских стран в марте 2001 года не могли не обратить внимания на невысокого, крепко сбитого человека, в котором нетрудно было распознать бывшего регбиста. И выглядел он много моложе своих лет. Сидел в тесном окружении ветеранов грузинского регби, и хотя события на поле развивались по захватывающей дух интриге, появление на трибуне стадиона гостя из Франции Жака Аспекияна не осталось незамеченным.

Около сорока лет назад он вернулся во Францию, где родился и жил в Марселе, вместе с супругой Заирой Гурамишвили, родственные узы которой восходят к княжескому роду Цицишвили – она родственница Ольги Гурамишвили, супруги Ильи Чавчавадзе. У Жака и Заиры два сына – Жерар и Морис.

Жак Аспекиян связи с Грузией не прерывал, живо интересовался событиями, и не только спортивными. В 2000 году он пересек пол-Франции, чтобы встретиться с грузинскими регбистами, прибывшими на соревнования. Обещал приехать в Тбилиси, где в 50-60-х годах принимал участие в соревнованиях, бил рекорды на треке, вместе с другими энтузиастами регби создавал команды в ГПИ, СХИ, на авиационном заводе имени Димитрова, был играющим тренером, нашел много друзей и последователей.

«Приезд Жака Аспекияна напомнил наши молодые годы», – сказал Гиви Мрелашвили.

Сам Жак вспоминал, когда он и группа ребят-шестидесятников собирались на первые игры.

Что касается официального рождения, то известна его точ-

ная дата – 1 декабря 1961 года, когда Спорткомитет г.Тбилиси утвердил оргкомитет Секции (Федерации) регби, председателем его избрали Гиви Мрелашвили, заместителем – Жака Аспекияна.

Профессионализм Гиви Мрелашвили, инженера-транспортника и знатока банковской работы проявился в конкретных делах. Кавалер ордена Чести (он первый из регбистов удостоен этой награды), вице-президент Союза ветеранов регби уверен в завтрашнем дне отечественного регби, его выходе на мировую арену. Стоит прислушаться к мнению этого человека, включенного с Анатолием Сорокиным и Борисом Егуповым в Б.С.Э. как родоначальник отечественного регби, а еще – в Грузинскую Советскую Энциклопедию.

И главное: его имя вписано в спортивный сборник «Британники» - универсальной Британской Энциклопедии, издаваемой в Лондоне, в трехстах милях от городка Регби в графстве Йоркшир, где в 1823 году студент местного колледжа Уильям Эллис, играя в игру, похожую на современный футбол, схватил мяч руками и, увертываясь от соперников, приземлил его за чужими воротами.

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Его в бассейн за руку никто не приводил. Отец умер еще перед войной. Како с сестрой растила мать, которая о спорте имела представление весьма отдаленное. Жили они тогда в Тбилиси, на тихой улице Камо. Рядом с домом был пивоваренный заводик, во дворе его громоздился глубокий чан с ледяной водой. Однажды Како, поеживаясь, влез в воду. На другой день с еще большим ужасом оттолкнулся от стенки чана – сам себе тренер и ученик. Трудно представить, но через две недели после ледяной купели он впервые переплыл Куру, вылез на противоположный берег, где находился единственный в ту пору в городе открытый бассейн, с мутной водой, которую закачивали прямо из реки. Залез на забор и замер на месте, услышав окрик: «Эй, мальчик, ну-ка слезай и иди сюда».

Так Петр Мшвениерадзе вспоминал первую встречу с Лукой Александровичем Иоакимиди, который стал для их сверстников не просто тренером, а человеком, старавшимся заменить

им отцов-фронтовиков. Шла война, и эти дети, рано становясь самостоятельными, нуждались в особом внимании и заботе. Они шумной ватагой уходили вверх по Куре, редко пользуясь услугами трамвая, знаменитой десятки. Добирались до окраинного Дигоми. Играли в футбол и пекли картошку, обжигающую пальцы, восхитительно вкусную. А потом бросались в воду и, перебрасывая друг другу мяч, плыли обратно в город, до самого бассейна, где ставили ворота и играли дотемна. Мальчишки постигали навыки игры, в которой каждый мечтал стать королем, но удалось это единицам, и он, Како, был в числе первых. Но главное испытание – становление личности – выдержали Ихтиандры Куры военных лет.

Один из них – заслуженный работник спорта Грузии, судья всесоюзной категории, кавалер ордена Чести Слава (Георгий) Каландадзе рассказывает мне: «Сам я плехановский, жил по соседству с Како. Тбилиси был далеко от места боевых действий, но ужасы войны коснулись многих семейств. Старший брат Мшвениерадзе, Борис погиб на фронте в сорок втором, и все мы, мальчишки, спешили повзрослеть, чтобы поскорее встать в строй. Како жил с матерью Надеждой Семеновной и сестрой Дареджан. По дороге в бассейн-купальню, как все ее называли, я забежал за ним. Денег на паром у нас не было. И паромщик встречал нас неприветливо, гнал обратно в воду. Тогда мы придумали хитрость: ныряли под паром, хватались за весло. Паром ни с места. Пришлось паромщику сменить гнев на милость. После этого мы добирались до бассейна с комфортом».

Лука Александрович первый разглядел в Како задатки брасиста, оказавшие ему верную службу на протяжении всей его спортивной карьеры. Первая победа пришла к Мшвениерадзе в юношеском первенстве Грузии по плаванию. И вот они, питомцы тбилисской купальни Како Мшвениерадзе, Петя Дадзианидзе, Валико Чедия и Слава Каландадзе, отправились в Горький на всесоюзные юношеские соревнования. В эти последние дни июля 1944 года в сводках Совинформбюро сообщалось, что, перейдя в наступление, войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону немцев на Львовском направлении. Войска 3-го Прибалтийского фронта взяли город Остров, овладели Псковом. Войска 1-го Белорусского фронта освободили Паневежис и Люблин. Упорные бои шли под Брестом. Но в стране

возрождалось физкультурное и спортивное движение, и наши ребята добирались до места своих первых серьезных соревнований восемь дней – мимо сожженных зданий вокзалов (Слава Каландадзе: «Запомнилась надпись «Из пепла руин и пожарищ тебя восстановим, любимый Воронеж»), в нестерпимую жару. Липнувшие к телу рубашки, пустота в желудке. Они наблюдали со страхом, как таяли скудные запасы выданных команде «дорожных» – мешка сухарей, кулька сахара и пачки маргарина. Како на вокзале в Баку купил два мешка соли, в пути продавал понемногу, на вырученные деньги покупал банку простокваши, кормил всю команду – такие были времена.

И условия, в которых они соревновались, были под стать той военной поре на водноспортивной станции «Водник». «Бассейн», где проводились соревнования, образовали два плота с натянутыми между ними веревками-дорожками. Дистанции преодолевались по течению Волги и обратно. На великой русской реке 15-летний Мшвениерадзе стал чемпионом страны среди юношей на 100 и 200 метров брассом. Слава был вторым. В плавании вольным стилем Валико и Петя заняли первое и второе места. На следующий год – во Львове Како и Валико снова были первыми.

Остановились они в гостинице «Бристоль», но условия, в которых жили, были близкими к фронтовым. В городе стреляли, ребят без охраны никуда не отпускали, даже в столовую. И добирались домой они с большими приключениями, после пересадки в Пятигорске, в вагоне с уголовниками – теми, кто освободился из заключения. Места в нем нашлись благодаря Како. Был он уже тогда необыкновенно сильным, выглядел старше своих лет, но никогда не дрался, только посмотрит – и этого было достаточно. И еще был очень добрым. В Горьком отдал нищему свою дневную норму хлеба. Тот от такого щедрого дара бросился обнимать его колени.

Главные успехи пришли к Мшвениерадзе в водном поло, которым он «заболел» на всю жизнь, летом сорок седьмого на всесоюзных соревнованиях сильнейших команд страны. По совету Луки Александровича Како переехал в Москву, причина была простая: в Тбилиси не было зимнего плавательного бассейна, а с пятимесячным перерывом в тренировках нечего было и думать о дальнейшем росте мастерства. Он безболезненно

вошел в коллектив московского «Динамо», на долгие годы став его капитаном и лидером.

Связи с домом, друзьями не терял, оставаясь студентом-заочником Тбилисского государственного университета. Диплом юриста получил перед самым началом Хельсинкской олимпиады. А годом раньше в Советский Союз для проведения товарищеских матчей прибыла сборная Венгрии по водному поло, лидер которой Иштван Сивош-старший вместе с Петром Мшвениерадзе делил лавры лучшего игрока всех поколений. Венгры, будущие олимпийские чемпионы 1952 и 1956 годов, проиграли две встречи и одну свели вничью. Старший тренер гостей Бела Райки перед расставанием сказал советским ватерполистам: «Играете вы уже хорошо, а иногда превосходно. Приятно, что появляется еще одна команда международного класса. Подчеркиваю, друзья: появляется, а не появилась. Я не сомневаюсь в том, что вы станете большими мастерами и многого добьетесь... Возможно, вы завоюете сердца и симпатии болельщиков... Но важнее завоевать... судей, а это – долгая история. Судей и в нашем виде спорта завоевывают годами». Слова Бела Райки оправдались очень скоро – на Олимпиаде. Они заняли всего лишь седьмое место, хотя сам Мшвениерадзе считал: могли по классу игры рассчитывать на третье. Но класс – не всегда фактор решающий, мало еще было у них опыта. К тому же их авторитет у судей был еще не высок, что в водном поло, как и в фигурном катании, решает многое.

Так рассуждал Петр Яковлевич, который в Мельбурн приехал опытным мастером, с острейшим чувством голевой позиции. Ожидания тренеров оправдал сполна, будучи выдвинутым на главное направление – завершать атаки неотразимыми бросками. В паре с Нодаром Гвахария они составили тандем, грозный для лучших вратарей мира. До последнего дня соревнований тренеры команд соперников не могли разгадать, откуда грозила опасность их воротам: стоило защитникам сосредоточить внимание на Мшвениерадзе, как развязывались руки и становился неудержимым Гвахария. 11 мячей было на счету капитана и дирижера команды, еще семь провел Нодар. На счету грузинского тандема было 18 мячей из двадцати одного, забитого советской командой в Мельбурне. И будь она чуть опытнее и везучей, не пострадай от судейской необъективности (в матче

с победителями олимпийского турнира венграми, шведский арбитр уже на первых минутах назначил два спорных 4-метровых штрафных – ватерпольных пенальти – и удалил нашего игрока), бронзовые медали могли быть другого достоинства. Но без этого успех был налицо – советская команда утвердилась в «большой четверке» ватерпольных грандов, а ее капитан Мшвениерадзе стал заслуженным мастером спорта.

Бронзовую медаль Мельбурна Мшвениерадзе поменял на серебро Римской олимпиады, а могла быть и золотая. Он многие годы не мог простить себе эту не завоеванную олимпийскую победу.

Петр Яковлевич вспоминал: «Мы ехали в Рим с твердой и обоснованной верой в наивысший успех. И игроки и тренеры считали, что собралась лучшая за все времена национальная команда. В расцвете сил был Вячеслав Куренной, универсальный игрок, блестяще владевший техникой, импровизатор, изобретатель, выдумщик... Окрепили, набрали опыта, отлично вписались в команду молодые Юрий Григоровский и Гиви Чикваная. Четвертый год играл в сборной Анатолий Карташов... Прочно утвердились в коллективе нападающий Владимир Семенов и защитник Виктор Агеев. Функциональные тесты говорили о том, что физические кондиции команды – самые высокие. Это же подтвердили контрольные игры».

Но проиграли они хозяевам Игр, с которыми до этого встречались трижды и побеждали каждый раз с разницей в 6-7 мячей. Класс уступил место благодущию, которое незаметно вползло в их души – не увидели они, что перед ними совсем иная команда, которую к тому же из «большой четверки» никто не исключал. Да и голкипер Росси в тот день творил чудеса, чего не скажешь о нашем многоопытном Борисе Гойхмане. Жаль... Счастье было так близко. И как тут не вспомнить события в римском «Бассейне роз», за которыми с трибуны наблюдал Лери Гоголадзе, блистательно прошедший финальную игру с венграми. Перед игрой с итальянцами на тренерском совете спор, кого ставить в ворота: 41-летнего Гойхмана или Гоголадзе, который на двадцать лет его моложе, решил в пользу старшего. Так наши тренеры фактически открыли итальянцам путь к золотым медалям.

В 35 лет Петр Яковлевич ушел из спорта в зените славы – заслуженным мастером спорта, десятикратным чемпионом стра-

ны, утешая себя тем, что мы продолжаемся в сыновьях. Нугзар родился в 52-м, в год Хельсинкской олимпиады, Георгий – в 60-м, когда отец играл матчи олимпийского турнира в Риме. «Олимпийские у тебя дети», – шутили друзья, догадываясь об отцовском желании вырастить их большими спортсменами. Нугзар уже в 1972-м мог стать олимпийским чемпионом, но места для него в команде не нашли. Однако уже в следующем году он стал вице-чемпионом мира. Но кто удивлял в семье больше, так это младший сын Георгий, родившийся, по словам Мшвениерадзе-старшего, буквально в ватерпольной шапочке. Стоило кому-то из взрослых отлучиться, как он превращал комнаты в спортивный зал и начинал колотить мячом о стены, оставляя на них вмятины. «Как ты, мама, не понимаешь, что я должен научиться играть лучше отца, лучше Нугзара. Увидишь, у меня будет очень сильный удар».

Это было сказано будущим олимпийским чемпионом, заслуженным мастером спорта, который вырос в нападающего, совершенно не похожего на других, с удивительно загадочным ударом, каждый раз заставлявшим голкиперов врасплох.

«Георгий унаследовал от меня и старшего брата, – отмечал глава знаменитой ватерпольной династии Мшвениерадзе, – все лучшее, оставив нетронутыми наши недостатки».

«Я знаю иных отцов, – продолжал он, – в прошлом известных спортсменов, так и не пожелавших увидеть в детях свое продолжение: «Слишком велики были издержки сил и времени». Я этих отцов не осуждаю. У каждого своя жизнь, свои взгляды. И свои издержки. Знаю только, что спорт помог мне познать себя. Помогает и детям. Они выросли мужчинами. Верю, что их ждет интересная, полнокровная жизнь».

Он работал в Академии МВД СССР, преподавал уголовное право вплоть до 1992 года. Раз или два в неделю по пути на работу доцент Мшвениерадзе заезжал поплавать в динамовский бассейн, по воскресеньям обязательно играл в футбол со своим давно сложившимся коллективом. Так продолжалось годами, и все это время он был на виду и, глядя на сыновей, чувствовал себя молодым. И оставался для них примером, эталоном мужества и силы. Как в том далеком случае, о котором когда-то рассказал.

«В каком же это году было? Ну да, Нугзар еще не ходил

в школу. Стало быть, в 57-58-м. Мы тогда были на сборах, на Черноморском побережье Кавказа. Время летнее, многие из нас приехали с семьями. И вот в один из редких свободных дней вместе с женой Нателой, сыном Нугзаром и моим товарищем по сборной Валентином Прокоповым выбрались на озеро Рица. Был жаркий день, и яркое солнце, и ослепительные снега гор, и сказочно прозрачная вода. На берегу гуляло много людей. Однако никому и в голову не приходило искупаться, все-таки четыре или пять градусов. Нам с Валентином тем более. Мы были спортсменами, для нас простудиться означало нанести вред команде... И вдруг мой Нугзар произнес: «Папа, а неужели ты не сможешь здесь искупаться?» – «Папа такой же человек, как и все, – одернула сына Натела. – Ему тоже сведет ноги судорогой и... перестань, Нугзар!» – «Не-ет, папа может все, – возразил сын. – Ты же всегда говорила, что папа самый сильный и самый смелый».

И тогда я понял, что отступать некуда. Будь это не сын, а кто угодно другой, не придал бы этим словам значения – не люблю ухарства. Я начал раздеваться. «Подожди, я с тобой», – сказал вдруг Валентин. Мы вошли в воду. Обожгло щиколотки, колени, бедра. Поплыли. Ни словом не обмолвились о том, далеко ли, долго ли, где повернем обратно. Мы плыли. Молча, потому что раскаленные иглы вонзились в грудь и едва позволяли дышать. Мы плыли, а противоположный берег будто и вовсе не приближался. На середине озера я не остановился, а продолжал так же энергично работать. Прокопов не отставал. Мы плыли...»

Вот и берег. Они вышли из воды, обернулись. Петр Яковлевич заставил себя улыбнуться. И тут увидел, что с противоположного берега к ним несется катер, а в нем смертельно бледная Натела и довольный Нугзар. «Петр, – сказала жена, – только об одном прошу тебя: не нужно обратно вплавать. Ведь ты уже все доказал Нугзару, правда, сынок?» – «Конечно, доказал, – засмеялся сын. – Ты самый сильный и самый смелый. И дядя Валя тоже».

Этот удивительный рассказ сам заключает удивительными же словами: «Никому не посоветую следовать моему примеру. И для меня это был исключительный случай. Та победа далась мне не менее дорогой ценой, чем любая другая, в теплой воде бассейна».

Именно этот случай вспомнился мне, ярко высветив характер

этого великого спортсмена и человека, когда 3 июня 2003 года пришла в Тбилиси трагическая весть: в Московском институте гематологии скончался на 75-м году жизни от острого лейкоза Петр Мшвениерадзе, заставившая сжаться сердца его друзей и знакомых. Вспомнил я, как годом раньше осенью приехал он в родной город, когда Нугзару исполнилось пятьдесят; и рассказ его друга на протяжении всей жизни Владимира Гоиашвили, президента Федерации водных видов спорта Грузии, как приезжал Петр Яковлевич в Тбилиси каждый год, шел поклониться могиле матери, а потом к месту бывлой купальни, к водноспортивному комплексу «Лагуна Вере», и как бы ни спешил, всегда входил в воду и долго возился с малышней, терпеливо раскрывая секреты игры, известные ему одному. Как выкроил время и посетил гостеприимный дом Нины Дроновой, увидел у нее мою еще пахнущую типографской краской книгу о выдающихся спортсменах Грузии «Гром победы», украшением которой сам являлся, и увез с собой в Москву.

Похоронили Петра Яковлевича на Троекуровском кладбище. Друзья из Тбилиси привезли землю с могилы мамы – Надежды Семеновны – и еще с того места на правом берегу Куры, где была купальня, откуда они шагнули в большой спорт. «Теперь эта земля всегда с ним» – эта горькая фраза прозвучала за поминальным столом, в кругу самых близких людей, которых их Како одарил дружбой, и достойных ее.

Его называли Петром Великим и еще Пеле водного поло. А он был Петром Мшвениерадзе – великим в спорте и по жизни. Из поколения тбилисских мальчиков, опаленного войной.

БОГАТЫРЬ ГРАНИТА КРЕПЧЕ

Ночь перед взвешиванием он провел без сна. Ворочался с боку на бок, думал: «Если, Арсен, ты хочешь вернуться домой с золотой олимпийской медалью, не жалея старых костей». Мысленно переносился в село Гиоргицминда, к берегам Иори, зеленому разливу виноградников... Сосед по комнате полусредневес Слава Кожарский, «пострадавший» от арсеновой бессонницы, утром пошел жаловаться «начальству», знаменитому в прошлом футболисту Михаилу Семичастному. Семичастный

принял соломоново решение: потерянные часы Мекокишвили должен доспать днем.

Накануне соревнований старший тренер Вахтанг Кухианидзе объявил окончательный состав команды борцов вольного стиля: Георгий Саядов, Рашид Мамедбеков, Ибрагим Дадашев, Арам Ялтырян, Василий Рыбалко, Давид Цимакуридзе, Август Энглас, Арсен Мекокишвили. Удивляло отсутствие Вахтанга Балавадзе, чемпиона страны в полусреднем весе, неожиданно попавшего в разряд запасных. Тренеры предпочли отдать его место киевлянину Василию Рыбалко, стареющему чемпиону страны (1945, 1947, 1950), и он доверие «оправдал», заняв 14-е место!

На взвешивании Арсен увидел своих соперников по олимпийскому турниру. Двух он знал в лицо: участника чемпионата Европы 1947 года итальянца Наталле Векки и Бертила Антонсона. За эти несколько лет швед, чемпион мира (1951, 1953) по классической борьбе, чемпион мира (1951) по вольной, заметно возмужал, набрал вес, и теперь стоял в кругу своих почитателей. Вот подходит к Арсену турецкий чемпион Ирман Атан, на чистейшем грузинском спрашивает, есть ли в советской команде еще грузины.

Наши борцы вольного стиля выступали в Хельсинки, по существу впервые, и приходилось на ковре решать задачу со многими неизвестными. Вот и получалось, что некоторые из них, на которых особенно рассчитывала команда, в силу своего немолодого возраста, отсутствия опыта встреч с ведущими зарубежными борцами, оказались за чертой призеров, а то и в числе аутсайдеров. Неудачи настигли их на заключительном этапе; в финал, кроме Мекокишвили и Давида Цимакуридзе, вышел бакинец Рашид Мамедбеков.

Стали считать очки, медали, и получалось, что если Мекокишвили занимает первое место в тяжелом весе, команда побеждает в неофициальном зачете, опережая не знавших поражения в последние годы шведов, а также турок, американцев.

«Все в твоих руках, Арсен», – говорили проигравшие друзья, и он настроился на боевой лад, на решительные действия, продираясь сквозь строй богатырей со всех континентов. Победив на туше венгра Ковача, квадратного крепыша с копной непокорных волос, с которым боролся во время турне советской сборной в Будапеште, он во втором круге одолел по очкам молодого туч-

ного Вальтнера, борца из Западной Германии. Сумев уберечь свои лопатки от ковра, немец после этой схватки, совершенно обессиленный, уже не смог продолжать соревнования. Чемпион Великобритании Кен Ричмонд, соперник Арсена по третьему кругу, будучи брошенный на ковер, неожиданно лишил его равновесия и поставил на полумост. Борьба продолжалась в партере, англичанин прилагал все силы, чтобы хотя бы сдвинуть с места Арсена. Арбитр поднял их в стойку. Ричмонд сделал все, чтобы не растерять свое очко. Он уклонялся от поединка, еле держался на ногах от усталости, шатался, падал, прилипал к ковра, не замечая, что преимущество давно перешло к его сопернику.

Арсен вышел в финал, где его ждал Антонссон. «Северный гигант» весело, почти озорно посмотрел Арсену в глаза, крепко, с чувством пожал руку, и были в этом рукопожатии и приветствие и вызов одновременно: дескать, держись, старина. А сорокалетний «старик» не думал паниковать. Антонссону шел 31-й год. Швед – сторонник наступательного стиля. Ждать его активности Арсену нельзя, следовало опережать, сковать, а значит, самому атаковать.

Сразу после свистка чемпион мира ринулся вперед, скользким движением коснулся плеча Арсена, но он успел отпрыгнуть в сторону и сразу между ними возникла привычная дистанция, психологическая «ничья земля» – простор для маневра, атаки, импровизации. Вторично отразив напор шведа, Мекокишвили мгновенно почувствовал, что скандинав теряет устойчивость. Сейчас отличный момент для подсечки. «Северный гигант» сбит в партер, стоит на коленях, руки полуприжаты к груди. Что творилось в зале «Мессухалли». Кричали норвежцы, шведы, финны, подбадривая своего любимца. Сквозь шумовую бурю неслось к Арсену наше «Давай, ломай!» Все своей тяжестью (120 кг!) он навалился на шведа, пригибая к ковра; захватил из-под плеч шею. Это коронный прием чемпиона мира. Самое время использовать его на самом Антонссоне, который уже пришел в себя, вскочил на ноги. Поспешность его подвела, швед снова оказался внизу, подкошенный молниеносной подножкой. Теперь он не спешит подняться в стойку, набирается сил и ждет свистка судьи, возвещающего об окончании первой половины схватки.

Арсен отпускает Антонссона. Швед тяжело дышит. Он ходит

вдоль ковра, ищет глазами тренера, который что-то кричит ему, энергично жестикулируя. По жребию первым сверху борется Антонссон. Зрители привстали с мест: что-то сейчас произойдет. Их кумир берет грузина на полунельсон. Потом Арсен признавался – он мог и не позволить Антонссону захватить шею, но в запальчивости решил испытать на себе силу коронного приема, которым швед побеждал своих соперников. Конечно, очень скоро Арсен пожалел о своем легкомысленном решении, испытав мощь соединенных на шее стальных рук чемпиона. Но невдомек было скандинаву, что Арсен перед Олимпиадой отрабатывал защиту от испытанного оружия Бертила на тренировках с такими колоссами борцовского ковра, как кузнец из Эстонии Иоханнес Коткас и его земляк Август Энглас.

Сколько времени продолжался этот захват? Минута, полторы. Но вдруг захват ослаб. У Антонссона затекли руки, он разжал их, недовольный, что потратил силы впустую. Сейчас Арсену можно, конечно, не рисковать, чтобы не расплескать преимущество, но такая борьба не в его характере. Он будет наступать. Проводит свой излюбленный прием. Силой рук и ног, тяжестью тела сбивает Антонссона набок; потерявший опору швед поставлен на полумост. Есть еще одно очко. «Северный гигант», как и в предыдущей схватке Ричмонд, прибегает к глухой защите.

В стойке проходят последние три минуты схватки. Слышен голос тренера советской сборной Александра Сенаторова: «Осторожней, твое преимущество». Арсен продолжает наступать, заставляя обессилевшего соперника спасаться уходом за край ковра.

Свисток судьи застает Арсена в атаке. Мекокишвили – олимпийский чемпион в тяжелом весе по вольной борьбе.

Наказ товарищей выполнен – наша команда после его победы набирает 27 очков, опережая на очко шведов, на два очка – борцов Турции.

Он стоял усталый и счастливый, опустив большие крестьянские ладони, чувствуя не только радость, но и грусть, посетившую его так некстати в час триумфа. Победа, великая и долгожданная, пришла к нему в сорок лет, когда он, может быть, уже был не таким ловким и выносливым, как в молодые годы.

Арсен приехал в родное село Гиоргицминда, где старики

помнили его отца. Фидо Мекокишвили тоже был великим борцом – мочидаве, бросавшим вызов самому Сандро Канделаки, и в запальчивости даже утверждали, что даже более великим (но не станет Арсен оспаривать первенство отца, которого лишился в пять лет) и умел выращивать виноград, и это здесь сына, 19-летнего, будущего олимпийского чемпиона Хельсинки, выбрали бригадиром виноградарей, признав его знания и авторитет.

Утвердившись еще в довоенные годы сильнейшим палаваном Грузии, Арсен в 1944 году переехал в Москву, где его талант раскрылся в полном блеске. Мекокишвили совершил невозможное – на протяжении двух десятилетий одинаково успешно выступал в трех видах борьбы – вольной, классической, самбо. 17 золотых медалей чемпиона страны – тому свидетельство. А еще победа на Дружеских Играх молодежи в Бухаресте (1953), где он первенствовал в тяжелой весовой категории, опередив англичанина Кена Ричмонда и чеха Йозефа Ружичку.

Следующий год сборная команда СССР в преддверии чемпионата мира начала серией международных встреч с борцами Швеции. Антонссон и на этот раз не смог победить заслуженного мастера спорта – Арсен в партере стоял, как гора. Поменявшись через три минуты со шведом местами в партере, он бросил его через полумост. Не надеясь, что Бертил сможет победить Мекокишвили в повторной встрече, шведские тренеры выставили против него трех молодых тяжеловесов, но и они не смогли выстоять против олимпийского чемпиона. Через две недели наш чемпион установил своеобразный рекорд в матчевой встрече со сборной Норвегии, завершившейся разгромом хозяев ковра – 16:1. Положив на лопатки чемпиона Норвегии Э. Горгенсена, Мекокишвили попросил дать ему еще одного соперника, который смог продержаться на ковре всего несколько секунд.

Перед чемпионатом мира Мекокишвили провел более десяти международных встреч с сильнейшими борцами Европы и у всех выиграл.

Особенно восхитила его схватка в Будапеште с двухметровым гигантом Йозефом Ружичкой – вес чеха превышал 130 килограммов. Когда измученный подсечками, Ружичка, отягощенный грузом проигранных баллов, уверовал в почетный для него проигрыш по очкам, он оказался на лопатках. За 16 секунд до конца встречи.

В 42 года Арсен стал чемпионом мира в Токио (1954), вновь доказав свою силу в поединках с лучшими тяжеловесами планеты – швед Бертил Антонссон, финн Таисто Кангасниemi, венгр Нотни Невени, турок Ирфан Атан, иранец А.Вафадор сложили перед ним оружие.

Еще через два года стамбульский турнир собрал основных претендентов на золотые медали всех весовых категорий. Первый розыгрыш Кубка мира (май 1956) был своеобразным чемпионатом мира. За команду хозяев выступал молодой тяжеловес Хамид Каплан, который сразу вырвался в первые ряды «королей ковра». Судьба первого места решалась в поединке Каплан–Мекокишвили. Попеременная борьба в партере не выявила ничего преимущества. Незадолго до финального свистка Арсену удалось перевести в партер своего молодого соперника. Когда было объявлено о победе Мекокишвили, стадион разразился угрозами в адрес советского чемпиона, которого под конвоем провели в команду для участников, где он был в относительной безопасности. На другой день стало известно, что судейская коллегия под давлением спортивных деятелей объявила победителем Каплана. Так фактического победителя Мекокишвили лишили первого приза, впервые в жизни он был объявлен вторым на международном турнире. Первая и последняя «проигранная» им схватка зарубежному спортсмену.

Через несколько месяцев, в августе олимпийского 1956 года Арсен Мекокишвили снова доказал, что ему нет равных среди борцов тяжелого веса. Он выиграл золотую медаль I Спартакиады народов СССР, победив молодых атлетов Савкуза Дзарасова, Бориса Прутковского, Ивана Выхристюка.

Участники советской олимпийской сборной по вольной борьбе (старший тренер Алексей Катулин, специалист по классической борьбе) до последнего дня не знали, кто из них поедет в Мельбурн. Долго решался вопрос, кому отдать предпочтение среди тяжеловесов – 43-летнему чемпиону мира и Олимпийских игр-52 Арсену Спиридоновичу Мекокишвили или 22-летнему Ивану Выхристюку, который на Спартакиаде был только пятым. Арсен ходил за тренерами, каждый из которых, кроме Катулина, был гораздо моложе его, и умолял: «Дайте побороться в последний раз, я не подведу!»

Не уважили просьбу мудрого патриарха – в Мельбурн от-

правился Иван Выхристюк, дальше третьего круга не прошел и занял шестое место. Долго потом тренеры стыдливо отводили глаза, когда обсуждались причины провального выступления тяжеловеса, когда был нарушен спортивный принцип комплектования сборной. Олимпийским чемпионом стал Хамид Каплан, на последующих местах – болгарин Юсейн Мехмедов, финн Таисто Кангасниemi, англичанин Кен Ричмонд – знакомые все лица для Арсена, в свое время обиженные им на ковре.

И словно исправляя неисправимое, когда страна чествовала победу наших олимпийцев в Мельбурне, вспомнили Мекокишвили – наградили орденом Трудового Красного Знамени. К этой радости ветерана примешивалась печаль – он больше не выйдет на ковер.

По совету врачей Арсен едет в Грузию, поселяется в родном селе. Однажды, уже в пожилом возрасте, вновь заставил заговорить о его недюжинной силе. Из Тбилиси в Кахетию направлялся экскурсионный автобус. Когда проезжали мимо таблички «Гиоргицминда», шофер объявил, что здесь живет знаменитый борец, олимпийский чемпион Арсен Мекокишвили. «Да, я знаком с Арсеном Спиридоновичем, – неожиданно отозвался один из пассажиров. – Давно, наверное, лет десять назад я, совсем юный, двадцатилетний мастер спорта, боролся с ним и, конечно же, проиграл. Мекокишвили положил меня на лопатки». И после паузы добавил с усмешкой: «Теперь я бы наверняка смог отыграться. Чемпион-то уже старый».

Эти слова сильно задели пожилого шофера, который даже остановил автобус. «Да ты понимаешь, что говоришь, – сказал он, – нет такого человека, который мог побороть нашего Арсена. Он даже больной и старый тебя положит. Поедем сейчас в Гиоргицминда и покажи, какой ты молодец».

Через считанные минуты автобус остановился перед домом Арсена Мекокишвили. Богатырь работал в саду. Выслушав гостей, он молча снял рабочую куртку, потом повернулся к тому, кто собирался положить его, принял боевую стойку. Через несколько секунд к радости собравшихся односельчан впечатал хвастуна лопатками в землю.

Вечером пришли к чемпиону старики. Сняли шапки, низко поклонились ему в пояс: «Спасибо, Арсен! Не посрамил ты чести нашего края! Прочил хвастуна!»

Умер Арсен Мекокишвили 7 марта 1972 года, не дожив до шестидесяти немногим больше месяца.

Отдать последний долг непобедимому чемпиону приехали издалека. Лил холодный мартовский дождь, но никто не спешил укрыться от ненастья. Похоронили они Арсена на скромном сельском кладбище, выполняя его волю, на краю Гиоргицминда, где лежали его предки, и поклялись друг другу, пока жив хоть один из них, они не забудут Арсеноба – день памяти борцов.

И сегодня на фоне гор высится трехметровый гранитный памятник. Из большой монолитной скалы выходит богатырский бюст Арсена, словно могучими руками раздвинул он каменные волны.

Осушили, как принято, несколько стаканов вина – Мекокишвили любил доброе кахетинское. На обратном пути не заметили, как превысили скорость. Остановил их свисток автоинспектора. «Откуда едете?» – «От Арсена». Инспектор смотрит, не понимая. «Мекокишвили!» Спрашивающий смотрит на этих немолодых крепких мужчин, возвращает документы: «Ступайте с богом. Только будьте осторожны на дороге».

ЖЕЛЕЗНЫЙ ТБИЛИСЕЦ

«Напишите о Рафаэле Чимишкяне, – сказала мне Нана Мчедlishvili, супруга Левана Тедиашвили. – Почему вы этого до сих пор не сделали?» – «В самом деле, почему?» – думаю я растерянно. Чимишкян не прост, при малом своем росте в спорте великан, человек-гора. И иду я к нему долгие годы, как к заветной вершине, к которой без основательной подготовки не подступишься. Я иду к горе, и гора – ко мне, как к тому пророку. Чимишкяна с Тедиашвили водой не разольешь, благо живут по соседству. Когда встречаются и идут вместе, кажется улица тесной для двух олимпийских чемпионов. Заслуженных мастеров спорта и заслуженных людей, почетных граждан Тбилиси.

Сказать, что Рафаэл родился в Тбилиси, значит ничего не сказать. Родился он в историческом его центре, на Земмеле, на тихой улочке Габашвили, вобравшей в себя его тепло и свет. Родители Аркадий Чимишкян и Нина Беридзе в своих мечтах видели Рафика сильным, честным, не чурающимся труда, ис-

полненным собственного достоинства – настоящим карачохели, цветом города. Но до признания его таковым еще как далеко!

Черноглазый мальчишка с упоением гоняет мяч на улице, завидуя славе Бориса Пайчадзе, бегают к цирку, в парк, еще не поредевший под натиском закусочных и ресторанов, борется с ровесниками по правилам, когда побежденного одетым купали в бассейне, именуемом купальней, лазает по тутовым деревьям, набивая рот иссиня-черными ягодами, весомой витаминной добавкой к несытому военному детству. И уже близок день, когда он присел в своем дворе над штангой, о которой вспоминает с улыбкой, играючи вскинул над сильными руками и, победно бросив наземь, увидел изумленные глаза соседа, актера киностудии «Грузия-фильм» Вану Туришвили, который все это время отгонял его от самодельного своего спортивного снаряда, – не надорвался бы парнишка!

Выбор был сделан. 17-летний Рафик идет в динамовский тяжелоатлетический зал на улице Бесики, к дяде Павлику, который пока не заслуженный тренер СССР Павел Гумашян. Прощайте детские игры! Рафаэл включается в железную игру настоящих мужчин, которая через пять лет приведет его к триумфу в Хельсинки.

За два дня до отъезда из Выборга, где советские штангисты проходили акклиматизацию перед Олимпийскими играми, случилось то, что не мог бы придумать самый изобретательный сценарист. Чимишкян заболел воспалением легких. И оказался в санитарном вагоне, в хвосте поезда, увозившем спортсменов в Хельсинки. Его соседом по купе был Арсен Мекокишвили, неожиданно подвергшийся атаке аллергии. Весь разрисованный зеленкой, 40-летний богатырь стеснялся выходить в коридор. «Не переживай, дядя Арсен, – говорил ему Рафаэл. – До Хельсинки все пройдет» - «А я не переживаю, – отвечал он. – В таком виде больше внушаю страх соперникам. И запомни, едем мы с тобой в последнем вагоне, а возвращаться будем в первом».

Мекокишвили еще в дороге всерьез подумывал об олимпийском золоте. А Рафаэл температурил. В самый неподходящий момент и месте – в Отаниеми, на берегу моря, в восьми километрах от финской столицы, переживал за товарищей, которые уже начали борьбу. За неделю до выхода на помост тренеры разрешили ему тренировки с малым весом. Главврач советской

спортивной делегации уроженец Тбилиси Жора Куколевский распорядился, и Чимишкяну выдают в пищеблоке все самое вкусное. Постепенно возвращается сила. А он беспокоится, выпустят ли на помост его тренеры, не повторится ли парижская история двухлетней давности.

О ней вспоминал другой выдающийся советский тяжелоатлет – олимпийский чемпион в Мельбурне (1956) и Риме (1960), заслуженный мастер спорта и доктор медицинских наук Аркадий Воробьев.

Ночью Аркадия Воробьева разбудил какой-то странный звук. Он открыл глаза и увидел: Чимишкян, с которым они жили в одном номере гостиницы, поднялся с постели, походкой лунатика пересек комнату и остановился возле стола. Пошарил рукой по скатерти. Потом забулькала вода – откинув голову и не открывая глаз, Рафаэл прямо из графина пил воду. Воробьев бросился к нему. «Стой! Что ты делаешь?! – закричал он, тормоша друга за плечо. – Тебе же через несколько часов взвешиваться».

Рафаэл вздрогнул от окрика, открыл глаза. Пальцы его разжались, графин, ударившись об пол, разлетелся на мелкие кусочки. Рафаэл молча стоял и смотрел невидящим взглядом на Воробьева.

Потом он рассказывал: «Полночи мучился. Где-то шумит вода, а я слушаю и не могу уснуть. Наконец, задремал. Вижу – вокруг лес, журчит ручей. Прозрачный, холодный... А мне хочется до смерти пить... Пошел к ручью и стал пить».

Сейчас самое время объяснить природу этой великой жажды. В 1950 году на чемпионат мира в Париже не заявили нашего штангиста легчайшего веса ростовчанина Ивана Удодова, который в войну ребенком оказался на оккупированной территории.

Вес «оголился». Тренеры, ходившие мрачнее тучи, думали, как произвести срочную перегруппировку сил. Решили просить полулёгковеса Чимишкяна экстренно согнать семь килограммов и перейти в легчайший вес. Задание, прямо скажем, архисложное даже для тяжеловеса. Чимишкян согласился. За сутки до выхода на мировой помост отправился в парную, просидел там несколько часов, но вес до требуемого предела не согнал. Нечего ему было сгонять. Наутро, после ночного происшествия в гостинице, он все еще весил на полтора килограмма больше нужного. А времени до взвешивания уже не остается. Тренеры повторно

отправляют штангиста в преисподнюю жаркой парной... За несколько минут до взвешивания Рафаэла под руки привели в судейскую комнату. Стрелка весов закачалась и показала норму!

Воробьев вспоминал: «Не Чимишкян, а мощи его вышли в тот день на помост. Но в нем жил неукротимый дух бойца. Рафаэл отчаянно сражался с феноменальным иранцем Махмудом Намдью, проиграл, но, право, чистым золотом отливала в наших глазах его серебряная медаль».

Добавим от себя, что, готовя Рафаэла к решающей схватке, тренеры забыли в гостинице его вещи, выступать пришлось в чужих ботинках, великоватых для него, и в чужом костюме. Его выступление назвал героическим Яков Куценко – еще один легендарный штангист, с именем которого связана целая эпоха в развитии отечественной тяжелой атлетики. Рафаэл, хотя и был вторым, но мировой рекорд в рывке все же установил.

Оно стало прелюдией славы железного тбилисца, к звездному часу в олимпийском зале «Мессуххали-2», где соревновались штангисты.

«В Хельсинки лояльность Удодова к советской власти подозрений не вызывала, – рассказывает Рафаэл Аркадьевич. – Он выиграл золотую медаль в легчайшем весе, до того, как мы с Николаем Саксоновым, армейцем из Свердловска, вышли на помост. Реальную угрозу представлял чернокожий атлет Уилкс, единственный представитель Тринидада на Играх, серебряный призер Лондонской олимпиады. Кроме нас, в полулегком весе заявлены 19 атлетов. Наставники сборной хлопчут вокруг Саксонова, дают советы старший тренер Николай Шатов, личный тренер армейца Яков Куценко, врачи, массажисты. Я остаюсь в разминочном зале один, как сирота. Я и мой тренер в сборной Израиль Механик.

Надо сказать, что первое соревнование у Саксонова уже выиграл – на взвешивании, я легче, и это определяет тактику борьбы. Первое упражнение – жим – проходит нормально. Уилкс выжимает 100 кг, я – 97,5 и опережаю на 2,5 кг Саксонова.

Время позднее – далеко за полночь. Уходит последний автобус в олимпийскую деревню. Ко мне приходят из зала Гиви Картозия и Вахтанг Балавадзе, желают победы. Картозия подходит первым, прикладывает руку к моей: «Мою силу – тебе».

В третьем подходе вырываю 105. Саксонов фиксирует тот

же вес. Но за счет рывка выхожу вперед в сумме: у меня 202,5. У Саксонова, догнавшего Уилкса, – 200.

Все решит заключительное упражнение. Толчок – фаворитное для Саксонова упражнение. Он – мировой рекордсмен.

Готовлюсь к борьбе. И тут начинаются неожиданности. Тренеры заявляют для меня 130 кг. На тренировках я толкал 140. И сейчас энергично возражаю. Израиль Механик просит Шатова сообщить судейской бригаде, что мы пропускаем заявленный вес. Но на штанге по-прежнему 130. Меня вторично вызывают на помост. Мой подход удачен, штанга на вытянутых руках. Саксонов толкает 132,5. Мой тренер заказывает 135 – привычный для нас вес, но я так переволновался, что беру штангу на грудь и роняю. Сгоряча прошу Изю Механика пустить меня на 137,5. Но тренер убеждает остаться на прежнем весе. Подхожу к снаряду и, разгоряченный, как пушинку, взметаю его над головой. Теперь у меня в сумме 337,5 кг – новый мировой и олимпийский рекорды, что на пять килограммов превышает высшее достижение египтянина Махмуда Фаяда, чемпиона Лондонской олимпиады.

Для победы Саксонову нужно толкнуть 140, и он поднимает штангу, но только на грудь. Остается у него последняя попытка. Я затаил дыхание. Но нет – предыдущая борьба измотала Николая, он весь выложился на предыдущих подходах.

Вот он сладкий миг победы. Ликующие и радостные, мы с Механиком выходим на награждение. Но меня не оставляет досада, результат в сумме троеборья мог быть выше, не будь наши тренеры так осторожны и рассудительны.

Теперь домой, в олимпийскую деревню. Сбросить груз огромной усталости, физической и нервной. Увидеться с друзьями, которые не спят, волнуются за меня. Возвращаюсь домой, как и подобает истинному тбилисцу, – с автомобильными гудками, насилиу уговорив шофера автобуса нарушить покой уснувшей олимпийской деревни. У порога нашего дома вижу Гиви и Вахтанга. Они без слов понимают, что произошло. Картозия сажает меня себе на спину и кричит: «Наш малыш всех победил!» Мы совершаем круг почета вокруг здания. Я чувствую безграничную радость. Сияет улыбкой Картозия: «Видишь, помогла тебе моя сила». Утром на всеобщем построении советской спортивной делегации руководитель Спорткомитета СССР Николай

Романов зачитал приказ о присвоении Рафаэлу Чимишкяну звания заслуженного мастера спорта. Одновременно звание заслуженного тренера СССР присвоили Павлу Гумашяну, к которому позже пришло новое признание – он стал заслуженным мастером спорта.

Спустя 45 лет Чимишкян попытался вернуть старый долг – пришел к обреченному другу Гиви Картозия в больницу, повторил эту удивительную фразу: «Мою силу – тебе». Не получилось. Не смог помочь.

Вспоминает суетоку на железнодорожном вокзале перед отъездом из Хельсинки. Ищет в толпе спортсменов знакомую фигуру Арсена Мекокишвили. А вот и он сам – спешит навстречу. «Можешь, Рафаэл, ничего не говорить. Мы с тобой возвращаемся в первом вагоне. Заслуженными мастерами спорта». И засмеялся, вспомнив свой прогноз.

Самым необычным соревнованием в своей спортивной карьере Рафаэл считает чемпионат мира 1958 года, когда его (чемпиона мира 1954 и 1955 гг.!) в очередной раз не включили в основной состав сборной команды страны. Исходя из каких-то своих, неведомых ему целей, руководство Федерации тяжелой атлетики и Спорткомитета СССР, как и два года назад на Олимпийских играх в Мельбурне, вместо Чимишкяна поставили в «основу» Евгения Минаева из Московской области, который снова проиграл Исааку Бергеру, полулегковесу из США. Самым обидным было то, что на родине, в Грузии, по радио его неучастие в чемпионате мира объяснили болезнью. Но это было ложью. Чимишкян был абсолютно здоров. И с блеском доказал это на следующий день после чемпионата, когда шах Ирана Реза Пехлеви, большой поклонник тяжелой атлетики, распорядился устроить вечер рекордов. Во дворце спорта, специально построенном для этого чемпионата. В том соревновании Рафаэл установил два мировых рекорда – в рывке и толчке. Особенно впечатляющим был его рекорд в толчке – 145 килограммов, что на два килограмма превышало прежнее высшее мировое достижение. Сам шах стоя аплодировал успеху выдающегося спортсмена.

За восемь лет в большом спорте Чимишкян истер ладони о сопротивляющийся металл. За одну тренировку поднимал 20-25 тонн. Попробуем представить на штанге такой гигантский вес.

Попробовал я вместе с олимпийским чемпионом и долго мы проверяем друг друга. Получилось что-то за три тысячи тонн. Вспомнились увиденные по телевизору чемпионаты самых сильных людей планеты: могучих светловолосых великанов – шведов, финнов, американцев, канадцев, передвигающих, напрягая жилы, автобус. А тут не автобус – товарный железнодорожный состав.

Такова дорогая цена побед Рафаэла Чимишкяна – олимпийского чемпиона, двукратного чемпиона мира, шестикратного – Европы, десятикратного – Советского Союза, победителя третьего Всемирного фестиваля молодежи и студентов (Берлин, 1951), судьи международной категории, четырнадцатикратного рекордсмена мира, признанного лучшим штангистом Грузии XX века.

«Вы остаетесь моей путеводной звездой», – написал ему из Греции Кахи Кахиашвили, трехкратный олимпийский чемпион.

Свет этой звезды с годами не меркнет. Заслуженный работник физической культуры и спорта Грузии, кавалер орденов Знак Почета, Вахтанга Горгасала 2-й степени, Чести, Национального олимпийского комитета Грузии остается скромным и отзывчивым человеком.

И что удивляет – он не устал от железной игры, по-прежнему не расстается со штангой, она под рукой, рядом, и ей, как и хозяину, не тесно в трехкомнатной квартире, где Рафаэл Аркадьевич и Мария Суреновна вырастили четырех дочерей и внуков. Правда, некоторые живут не близко – в Москве и даже в Будапеште, но помнят завещанное Гиппократом и любимое штангистом-чемпионом: «Принимай чужую боль, как собственную». Эти золотые слова не грех помнить не только врачам. А их много. Только в семье Чимишкяна пятеро: три дочери и два зятя.

Живет чемпион скромно (хотя бы одна из этих медалей действительно была золотой!). А он не расстается с улыбкой и не всегда поймешь, когда говорит всерьез или шутит. «Лучше быть здоровым нищим, чем больным царем», – говорит мне и легонько толкает седой головой в плечо. Я держу удар и думаю, действительно ли это сказано Сократом и были ли нищие в древних Афинах.

Все-таки удивительный он человек, состоящий в родстве с основателем армянского театра в Тбилиси Георгом Чмшкяном

и в более дальнем – с византийским императором Иоанном Цимисхом, прозванным так за небольшой рост, с туфельку. Именно так это слово переводится с армянского. И долго мы оба вспоминаем свои армянские и грузинские корни, тесно сплетенные. И думаю я, как поднять на руки этот материал, удержать на узком помосте книжной страницы. Наконец, толкаю на грудь, как стакан доброго грузинского вина, и говорю хозяину дома: «Мравалжамиер, Рафаэл Чимишкян!»

ЧЕМПИОН НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Турнир борцов классического стиля в Мельбурне начался с сенсации, да еще с какой! Закончив соревнования, наши «вольники» дружно болели за своих товарищей и, как вспоминал Вахтанг Балавадзе, отдали бы половину программы Олимпиады-56 за одно выступление Гиви Картозия, безусловного фаворита у средневесов. Соперники грузинского атлета могли рассчитывать разве что на счастливый случай. И его им предоставил иранский арбитр на ковре Латифи, закрыв глаза на несколько полноценных приемов олимпийца из Тбилиси, которому противостоял Карл Янссон, наследник славы Аксея Гренберга, двукратного олимпийского чемпиона. А молодой швед и впрямь заслуживал похвалы – стойко держался в схватке с чемпионом мира и не собирался уступить.

После досадной осечки в первом круге Картозия оставалось только класть соперников на лопатки, и он принялся за дело. Победил на третьей минуте представителя Австралии Петерсона. К схватке следующего круга у Картозия три штрафных очка, бронзовый призер Хельсинкской олимпиады венгр Дьердь Гурич имел на очко меньше. Обоих устраивает только победа. Первая половина встречи прошла в обоюдных атаках, и когда судья на ковре предложил продолжить схватку, Гиви, раздосадованный необъективностью судейской бригады в первом круге, решил доказать, что остается сильнейшим в своем весе и для него все равно – бороться в стойке или партере. Он неожиданно для всех выбрал стойку. И выиграл с разницей в семь баллов. Среди претендентов на чемпионское звание специалисты называли болгарина Димитра Добрева, будущего олимпийского чемпиона

в Риме, физически очень сильного борца. Но «рассвирепевший тигр», а именно так газеты прозвали грузинского атлета, быстро разобрался с ним. Проигрывая пять очков, Добрев фактически сложил оружие, приберегая силы для встречи за серебряную медаль, которая в итоге стала его добычей.

Чемпионом Олимпиады стал Гиви Картозия. Пресса не прошла мимо его нового выдающегося успеха, отметив, что Гиви Картозия вместе с турком Мустафой Дагистанлы и японцем Шодзо Сасахара вошел в тройку борцов, имеющих все три высших достижения, – Кубок мира, золотые медали олимпийского чемпиона и чемпиона мира.

Этот успех мог прийти к нему раньше. Заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер Арам Ялтырян вспоминал, что в 1952 году Картозия был подготовлен лучше, чем в 1953-м, когда он первый среди грузинских спортсменов стал в Неаполе чемпионом мира. И, несомненно, победил бы в Хельсинки будучи включен в сборную страны. Но судьба жестоко обошлась с Гиви. Он стал чемпионом СССР в олимпийском году, победив могучего соперника чемпиона Европы 1947 года и четырехкратного победителя всесоюзных первенств московского динамовца Сергея Белова, но тренерский совет не спешил называть его первым кандидатом на поездку в Хельсинки. Назначили три контрольные встречи с Беловым, и все закончились победой Картозия. Но в состав олимпийской сборной включили Белова, который к тому же был десятью годами старше. И в Хельсинки выше третьего места не поднялся.

Картозия уже через семь месяцев доказал, что нет ему равных в среднем весе. На чемпионате мира в Неаполе победил двух призеров Олимпиады – чемпиона шведа Акселя Гренберга и на туше финна Калерво Раухалу.

Этот успех он повторил на чемпионате мира-55 в Карлсруэ, ФРГ, о котором вспоминал, как о кошмарном сне. Организаторы оказались не на высоте, и на заключительный день у средневеков пришлось немало решающих поединков. Пять раз выходил на ковер Картозия и боролся, не щадя сил. За 5 минут доказал свое полное превосходство над немцем Отмаром Зонхалтером, сильным, но недостаточно техничным борцом, и, как это бывает, повредил руку. Знал, что вечером предстоит еще одна-другая схватка, и отправился отдыхать. Подумал: посплю, и боль в руке

пройдет. Но по соседству с гостиницей была шумная стройка и отдыхать не пришлось. Рука дико ныла. Вечером он боролся с сильным и техничным югославом Бранко Симичем, будущим олимпийским чемпионом в Токио, и победил его по очкам. Направился в раздевалку, вошел в душевую и слышит из репродуктора: «Картозия-Янссон». Снова арена и борьба. Бронзового призера Мельбурнской олимпиады Янссона он победил по очкам. Подумал: «Сейчас завалюсь спать в раздевалке – никто меня не разбудит». Разбудили – через 15 минут предупредительный судья встал над головой: «Герр Картозия!» Венгр Дьердь Гурич – старый знакомый, опытный борец, но уставший Картозия его победил. Думаете, на этом все закончилось? Через 35 минут его снова вызвали бороться с хозяином ковра Хорстом Хейссом. Победил и его. Улегся потом в раздевалке и заснул как убитый. Еле его разбудили, вызывая для награждения.

Вспоминаешь эти события не без содрогания. В течение двух часов Картозия, борясь по существу одной рукой, победил четырех борцов экстра-класса. Рекорд из ряда фантастических!

Вспомнили как-то мы со знакомой случай с этим спортсменом, который был олимпийским чемпионом по борьбе и чемпионом среди людей. Возвращалась она с подругой в автомашине из Зедазени. На узкой дороге «Жигули» неожиданно заскользили и зависли колесами над обочиной. Вышли подруги с двумя детьми из автомашины. Окружили их проезжающие мимо мужчины, наперебой дают советы, никак не помогающие делу. И тут со стороны монастырского комплекса спускается «Волга» старой модели. Выходит из нее высокий мужчина, мигом оценивает обстановку. «Кто водитель?» – «Я», – ответила моя знакомая. Незнакомец смотрит на молодую женщину с сочувствием: «Переключите заднюю скорость!» Берется за машину и, как пушинку, переносит вместе с пассажиркой на проезжую часть дороги.

Это был Гиви Картозия – рыцарь на ковре и за его пределами, обладатель всех высших титулов в классической борьбе. Теперь чаще ее называют греко-римской, но будем придерживаться старого наименования. Гиви Картозия был классиком классической борьбы и остается им на все времена. В те годы чемпионаты мира проводились не ежегодно, а через раз – «классики» и «вольники» по одному году дожидались своего черед. Только в 1970 году олимпийскому чемпиону Роману Руруа уда-

лось превзойти рекорд своего именитого земляка, трехкратного чемпиона мира, – в канадском городе Эдмонтоне он выиграл свою четвертую золотую медаль. Но послушаем самого Романа Владимировича: «Если бы чемпионаты мира тогда проводились ежегодно, у Гиви Картозия было бы шесть, а возможно, и семь золотых медалей. Десять лет ему не было равных».

«Считай, все двенадцать, – сказал мне вице-чемпион мира-62 Омар Эгадзе. – Гиви был и останется легендой. Когда у руководителей советской сборной возникали проблемы с комплектованием состава, он всегда выручал и делал это с блеском».

Перед Римской олимпиадой тренеры сборной решили ввести в состав Гиви Картозия, два года назад оставившего борьбу. Выступать ему пришлось в полутяжелом весе. Полностью восстановить боевые качества он не успел, но пять схваток подряд выиграл по баллам. В финале, отягощенный грузом пяти штрафных очков, уступил по баллам молодому турку Тевфику Кишу и внес бронзовую олимпийскую медаль в копилку команды.

А вот мнение человека, обязанного Картозия жизнью, – заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера ереванца Норика Мушегяна. Уроженец Батуми Гиви был отменным пловцом. На тренировочном сборе в Алуште в мае 1958 года не было ему равных на суше и на море. Норик только год назад дебютировал на чемпионате мира по вольной борьбе в Стамбуле и выиграл бронзу. И часто составлял компанию своему кумиру в борьбе. Заплывали они дальше допустимого, и спасатели смотрели на это сквозь пальцы. Но один дальний заплыв едва не закончился трагически. Гиви в очередной раз нырнул, а когда показался на поверхности, что-то загадав, принялся считать поднятые с морского дна камушки. Его младший товарищ тоже загадал: «Если достану со дна камушки, стану, как Гиви, знаменит». Сделав глубокий вдох, он начал медленно погружаться, забыв, что пониже ростом сантиметров на двадцать, а когда понял, казалось, остановится сердце и разорвутся легкие. Все же ему удалось захватить со дна горсть песка. Очнулся уже на берегу, на руках Гиви, услышав его баритон. Гиви шептал на армянском языке: «Спаси его Бог...»

Через двадцать дней Норик Мушегян в Софии стал победителем Кубка мира, опередив самого Мустафу Дагистанлы. В последующие годы армянский борец в качестве почетного гостя

Федерации борьбы Грузии приезжал в Тбилиси, на традиционный международный турнир, подолгу беседуя со своим другом. Когда Гиви неизлечимо заболел и не мог долго оставаться в зале, приглашал Норику к себе домой.

Заслуженный мастер спорта, четырехкратный чемпион СССР, победитель Всемирных студенческих игр (1951), директор школы высшего спортивного мастерства, кавалер орденов Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Чести, Вахтанга Горгасала 2-й и 3-й степени, Международной любительской федерации борьбы (ФИЛА), он оставался самым демократичным лидером, совестью грузинской борьбы.

Весть о кончине Гиви обожгла болью всех его знавших. В Красноярске, на международном борцовском турнире, объявили, что умер Картозия, и весь зал поднялся в скорбном молчании. Тогда он еще был жив. Ушел из жизни другой чемпион – гандболист Лери Картозия. А потом, 3 апреля 1998 года, не стало и Гиви Александровича.

ЛЕТОПИСЕЦ В ШАХМАТНОМ ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Если справедливо предположение, что средством общения землян с внеземными цивилизациями будут шахматы, в наибольшем выигрыше мог оказаться этот человек. Уж кого, а Тенгиза Шалвовича Гиоргадзе, родившегося 1 апреля 1925 года, эта встреча не застала бы врасплох – было что рассказать. Всеми томами своих шахматных книг, а их 51.

Знал его не один десяток лет, награжден дружбой с ним, а все не устаю удивляться многогранности его таланта, равного которому история еще не знала. Во всяком случае, в Грузии. Человек-оркестр!

И сколько рабочих часов вмещали его сутки, как он успевал писать книги, а их только по горячим следам матчей на первенство мира с участием Ноны Гаприндашвили и Майи Чибурданидзе написано и издано десять. А еще он 30 лет руководил шахматной специализацией в Академии спорта и физического воспитания, которая по его инициативе была открыта в 1977 году. Среди выпускников специализации шесть международных гроссмейстеров – Зураб Азмайпарашвили, Георгий Багатуров, Игорь Ефимов, Нато

Эдзгверадзе, Давид Шенгелия, Давид Арутюнян. Тенгиз Шалвович ввел преподавание двух новых предметов – истории грузинских шахмат и судейства в шахматах. Его лекции способствовали подготовке тренеров с высшим шахматным образованием. Судил соревнования самого высокого уровня, включая Всемирные шахматные Олимпиады, почти четыре десятка лет заведовал отделом шахмат в редакции республиканской спортивной газеты «Лело», редактировал журналы и бюллетени, вел шахматные отделы в газетах. Чудеса, да и только!

Любители спорта постарше помнят его неоднократно защищавшим спортивную честь Грузии на Спартакиаде народов СССР (удержимся от вздоха по утерянному шахматному раю!), на турнирах и в международных матчах.

Какие любопытные подробности истории, почерпнутые в архивных источниках, литературных памятниках, хранила его безошибочная память.

И невольно подумаешь, каких спортивных и творческих высот достиг бы этот национальный мастер, не уйди он в спортивную прессу, в шахматную прессу.

Перо его всегда было отточено и талантливо. Без этих обязательных условий, как сказала мне Нана Александрия, дважды вице-чемпионка мира и многократная олимпийская чемпионка, мы не имели бы истории шахмат в Грузии.

Среди книг Тенгиза Гиоргадзе, а среди них нет ни одной малоинтересной или скучной, - есть одна прелюбопытная: о выдающихся грузинских деятелях литературы, искусства, науки второй половины XIX - XX веков. И название ее «Влюбленные в шахматы» можно с полным основанием отнести к автору, пропагандисту и организатору шахмат.

Что задумал и осуществил Тенгиз Гиоргадзе?

Ни много ни мало написал и издал три тома «Летописи грузинских шахмат», начиная с седьмого века и завершая событиями новейшими. Никогда ранее эта проблема не знала своих исследователей и автор выступил, по существу, первопроходцем. От древнейших литературных памятников и счастливых находок, озвученных литератором и заслуженным журналистом, прослеживается логическая цепочка от светлейшего князя Андрея Дадиани, который прорубил окно в шахматную Европу, до пятикратной чемпионки мира Ноны Гаприндашвили, почетного президента НОК Грузии, названной на референдуме лучшей грузинской

спортсменкой XX века.

Я затрудняюсь назвать другого шахматного журналиста, который бы так просто и по-дружески общался с патриархом шахмат. Михаил Моисеевич Ботвинник говорил нашему земляку: «Зови меня Михо!» Это право на кахетинскую транскрипцию имени шестого чемпиона мира было дано не только на время общения в устном журнале «Саморинэ» на Грузинском телевидении, который три десятка лет вел Тенгиз Гиоргадзе, выпускник философского факультета ТГУ.

«С Ботвинником мы познакомились в сентябре 1961 года, - рассказывал Гиоргадзе, - тогда он вместе с Сало Флором приехал в Тбилиси, вернув себе титул чемпиона мира в матч-реванше с Михаилом Талем. Из выступления гостей на телевидении запомнился один эпизод. Я вел интервью с обоими гроссмейстерами. Рассказывая о Флоре, отметил, что он «родился» (получил советский паспорт) в Тбилиси в 1942 году. После этого я спросил Флора, почему он не пишет воспоминания об Алехине, Капабланке, Ласкере и других корифеях, на что Флор остроумно отреагировал: «Какие воспоминания, вы только что сказали, что я родился в сорок втором». Я тогда не нашелся, что ответить. Выручил меня Ботвинник. Он сказал Флору: «Тенгиз имеет в виду ваши воспоминания, которые имеете до своего рождения!»

Дружба с Ботвинником продолжалась. Они переписывались (в личном архиве Т.Гиоргадзе есть 28 писем Ботвинника). Осенью 1963 года, после проигрыша Ботвинником матча на первенство мира Петросяну, придя в номер гостиницы «Тбилиси» экс-чемпиона, я увидел его беседующим с Гиоргадзе. Оба потом выехали на отдых в Леселидзе, в пансионат «Спорт». Тогда Михаил Моисеевич много работал над своей компьютерной шахматной программой «Пионер». Однажды он сел в лодку и увез Гиоргадзе в море - уже и берега не было видно. «Я, естественно, поинтересовался, умеет ли он плавать. Он ответил: «Нет, я рассчитываю на вас». Узнав от меня, что и я не плаваю, поспешно развернул лодку к берегу. Встречались мы с Михаилом Моисеевичем и позже. Он еще раз приезжал в Тбилиси, высоко ценя дружбу с нашими шахматистами. С его обидчиком Петросяном, который, как известно, родился в Тбилиси в 1929 году, я познакомился зимой 1944 года. До этого впервые увидел во Дворце труда, на пятом чемпионате Грузии. Мы сразу подружились, несмотря на разницу в возрасте, я был на четыре года старше. Шла война, жили бедно,

плохо питались. Тигран был одет в очень изношенное пальто, я – в телогрейку, которую мне выдали на Зестафонском ферросплавном заводе, где я какое-то время работал электромонтером. Мой отец после окончания московского института получил распределение в Зестафони и работал начальником цеха на том же заводе, что и я.

Друзья называли Тиграна Санчиком, я – по имени. Мы как-то легко переносили жизненные невзгоды, были молоды и у нас была большая любовь – шахматы. У меня было много книг, журналов и газет. И Тигран набросился на них, читал запоем. Уже тогда можно было угадать большое будущее юноши. На чемпионате Грузии в декабре сорок пятого нам объявили, что приз победителя – ордер на пальто. Тигран сразу же вышел в лидеры. Перед нашей встречей договорились играть по-боевому. И случилось так, что он не смог отразить мою атаку в защите Каро-Канн. Это была моя первая и единственная победа над будущим девятым чемпионом мира, хотя потом мы сыграли еще не одну партию.

На следующий день, как обычно, он пришел ко мне домой. «Тетя Нина, из-за Тенгиза я потерял пальто», - сказал он моей матери. Она удивленно посмотрела на меня, потом успокоила Тиграна: «Не переживай, следующую партию ты выиграешь. А теперь садитесь и подготовьтесь к главной встрече». Главной встречей была партия с мастером Николаем Сорокиным в последнем туре. Тигран выиграл партию, а с ней и звание чемпиона Грузии. Стал обладателем нового пальто. Только не подумайте, что я в те годы играл сильнее Тиграна, который за короткий срок титаническим трудом выдвинулся в число выдающихся шахматистов мира. Человек, о котором Михаил Таль сказал: «Петросян – совершенно феноменальное дарование. Подчас он находил за соперников идеи, которые им абсолютно не приходили в голову. Для меня он был совершенством. У Петросяна был просто фантастический стиль игры. Ему абсолютно невозможно подражать. На партиях Петросяна в шахматах можно научиться всему».

В сентябре-октябре 1962 года в Москве проходил матч на первенство мира между Елизаветой Быковой и Ноной Гаприндашвили. Тигран присутствовал на каждом игровом дне и, естественно, «болел» за Нону. Кстати, они вместе готовились в Подмосковье. Нона – к матчу с Быковой, Тигран – с Ботвинником. Здесь они подружились. Когда Нона выиграла матч, Петросян в тот же день – 17 октября – примчался в гостиницу «Москва», где жила наша спортивная делегация, поздравил землячку со званием чемпионки

мира и первым попросил у нее автограф. Он написал для «Правды» статью о матче. И вот что сказал мне на просьбу поделиться впечатлениями о матче: «Победу Ноны можно оценить двояко. Первое, с точки зрения женских шахмат, то, что чемпионке 21 год – это полная гарантия того, что развитие женских шахмат идет верным путем. Так и должно быть исторически. Молодые и талантливые должны нести тяжелую чемпионскую ношу. Что касается второго. Дело в том, что последнее время шахматы стали игрой молодых. Удивлен? Существует мнение, что шахматисты взрослеют к 30-ти годам, а чемпионства достигают позднее. Но пример Таля, Спаского, Фишера и Гаприндашвили в корне разрушает эту теорию».

Тигран, конечно, свободно владел грузинским языком. При встречах в Москве просил меня говорить по-грузински. «Не хочу забывать язык!» Однажды рассказал с улыбкой: «Летом 1954 года я в составе сборной Советского Союза приехал в Нью-Йорк для участия в товарищеском матче с американскими шахматистами. В аэропорту нам предложили заполнить личные анкеты. Был и такой вопрос: сколько языков знаете? Я написал: «Знаю русский, армянский, грузинский, английский и сербо-хорватский». На следующий день газеты написали: оказывается, Петросян полиглот».

Наша беседа с хозяином дома затягивалась, а я ловил себя на мысли, что многое еще не вспомнили, оставили на потом. И я в который раз просматриваю фотоматериалы, смотрю на знакомые лица, которые навсегда останутся в летописи истории шахматы в результате подвижнической жизни моего старшего друга.

ТРЕТИЙ НЕ ЛИШНИЙ

У этого супермужского вида спорта миллионы почитателей. Бокс любят, ему поклоняются, лучшие мастера кожаной перчатки соперничают в славе с кинозвездами. Бокс способен из слабого сделать сильного, из безвольного – волевого, из труса – храбреца, устремленного к победе.

Утопает в полумраке огромный спортивный зал, и только в центре его, в квадрате ринга, залитом светом ярких ламп, высвечиваются фигуры двух боксеров. Есть еще третий участник, следующий за соревнующимся по пятам, как тень. До зрителей доносятся его резкие команды. Ему беспрекословно повинуются

боксеры, чемпионы послушно опускают голову. Он рефери – глаза и совесть на ринге. Человек, способный, как и судья на футбольном поле, помочь превратить соревнование в праздник или испортить его. Последних не уважают, их ошибки остаются в памяти на многие годы. Их просто перестают ставить на ответственные бои.

Тбилисец Николай Айрапетян – известный арбитр, судья всесоюзной, европейской и международной категорий, принимал участие в судействе многих крупных боксерских турниров, включая олимпийские. Его судейский стаж насчитывает полвека.

В боксерский зал пришел в четырнадцать лет – в общество «Пищевик». Ему повезло с наставником. Попал под заботливую опеку прекрасного человека и тренера Бориса Каладзе, чемпиона СССР в команде, когда Николая призвали в армию, он тренировался у знаменитого Андро Навасардова, участвовал в армейских соревнованиях. Окончил Грузинский институт физкультуры, стал специалистом бокса, получил право учить других.

Первым в Грузии получил международную категорию. Судил как поединки любителей, так и профессионалов, утвердив за собой репутацию судьи строгого, но справедливого, готового преподать нравственный урок соревнующимся, да что скрывать, и руководителям и специалистам спорта.

Олимпийский 1968 год. Лучшие спортсмены страны перед Олимпиадой в Мехико готовятся в условиях высокогорья – в Армении, на олимпийской базе в Цахкадзоре. Здесь же предстояло назвать имена будущих олимпийцев.

В весе 71 кг в финале встретились два выдающихся мастера – олимпийский чемпион Токио Борис Лагутин и чемпион Европы Виктор Агеев. Бой был жесткий, без компромиссов.

Трудно, ой как трудно было определить лучшего. Но рефери на ринге Айрапетян, не колеблясь ни минуты, присуждает победу олимпийскому чемпиону. «Что вы, Николай Акопович, – сказали ему. – Лагутина поезд ушел, он уже не молод». Но потом специалисты поддержали судейское решение. В Мехико поехал «старичок» – 30-летний Лагутин и стал двукратным олимпийским чемпионом.

Не меньшую популярность Николай Айрапетян завоевал двумя годами раньше в Москве, на личном первенстве СССР, когда его признали лучшим в судейском корпусе, отметив при-

зом за отличное судейство, выделив из всех отечественных и иностранных арбитров.

Он много раз выезжал на Олимпиады, на крупные турниры. В 1970-1980-х годах ему часто поручали ответственную задачу – анализировать работу судей на Олимпийских играх, чемпионатах мира и Европы. Его отчеты во всесоюзном Спорткомитете получали высокую оценку, помогали отечественным боксерам готовиться к ответственным встречам.

Николай помнит в подробностях бои известных мастеров Армении и Грузии, с которыми его связывали годы дружбы и совместной работы. Патриарха национального бокса Эдуарда Аристакесяна, одного из лучших советских боксеров и тренеров, основателя армянской школы бокса, и его лучшего ученика, олимпийского чемпиона Мельбуерна Владимира Енгибаряна, с которым встречался потом на далекой американской земле, в Лос-Анджелесе, куда в начале 2000-х сам переехал жить и работать; абсолютного чемпиона страны тяжеловеса Хорена Инджеяна, выступавшего на профессиональном ринге; Карлоса Джанеряна, достойного соперника трехкратного чемпиона Олимпийских игр великого венгра Ласло Паппа; и других армянских боксеров, продолживших традиции первого олимпийского чемпиона Вараздата.

Он помнит каждый бой, в центре которого был. В частности, пять матчевых встреч советских и американских боксеров, включая тбилисскую. Особенно запомнились опытнейшему арбитру бои трехкратного олимпийского чемпиона и чемпиона мира среди тяжеловесов Теофило Стивенсона. Девять поединков легендарного кубинца судил Николай, и называет козыри своего друга – мощный концентрированный удар, широкий арсенал наступательных и оборонительных средств, быстроту реакции; а также встречи на Кубе, на традиционном международном турнире – мемориале Хосе Марти.

На заключительном банкете Айрапетян заметил, что внимание всех обращено на него. Не зная испанского, он посмотрел на большой экран телевизора, где показали кадры из грузинского документального фильма, приветствуя его, посланца страны, известной своими спортсменами, и как-то весь внутренне заторопился домой.

Он желанный гость во многих странах, на соревнованиях

боксеров-профессионалов в Англии, США и Мексике.

Очень кинематографичен этот Николай Айрапетян. Высокий, косая сажень в плечах, мужественное волевое лицо. Удивительно, как выпал из поля зрения кинорежиссеров.

Впрочем один шанс ему представился в начале 1970-х годов. В Ленинград на традиционный международный боксерский турнир приехали работники Шведского телевидения, задумавшие снять фильм о своем земляке, легендарном боксере 18 века. Его роль гости поручили чемпиону страны в весе 75 кг Олегу Каратаеву, а в соперники ему выбрали Александра Метелева. Гости попросили боксеров держаться на ринге как можно естественнее, не позировать перед камерой.

Айрапетяна выбрали на привычную для него роль судьи.

В первом раунде Метелев сильнейшим боковым ударом справа отправил своего грозного соперника в нокаут, кажется, первый в его карьере. Николай открыл счет. При команде «восемь» расшвирепевший чемпион поднялся с пола и одним ударом завершил бой – глубокий нокаут. Шведы собрали чемоданы и уехали домой.

ВРАТАРЬ СТАЛИНА

«Нашли себе занятие – двадцать дураков гоняетесь за одним мячом, – отводил душу отец, придя с работы. – Ты только скажи, каждому куплю по мячу». Шел Яков по улице Маяковского, мимо сада Муштаид, и увидел через ограду тренировочного поля динамовского стадиона футболистов и в воротах сына, Мишу. Якова можно понять, сам он известный альфрейщик и сыну того желал – получить профессию, приносящую достаток семье и уважение соседей. Однако особого открытия в тот день не сделал, знал, почему подолгу не заживают садины на коленях сына – нелегко давались на дворовом асфальте прыжки по-дороховски. Шура Дорохов, страж динамовских ворот и кумир тбилисских мальчишек 30-х годов, часто захаживал к другу, футболисту Сергею Кузьмину в их дом №73 на Николаевской-Калинина улице. Это сегодня, лишенная трамвайных путей и деревьев, она безголосая и обнаженная, как фабричная номинантка. А тогда звенела тревожной трелью

знаменитая десятка – строенный трамвай, на котором ехали на стадион в дни футбола. Во дворах подрастала смена футболистов и баскетболистов, мальчишки довоенного поколения были универсалами, имели разряды по нескольким видам спорта, осваивали кодекс чести. В силу его дворовые команды составлялись примерно равными. Именно тогда будущие чемпионы впервые начинали задумываться, чего они стоят, кого в первую очередь выбирают капитаны, как через несколько лет отбирали в разведку. Мишу, самого младшего и худого, ставили в ворота, хотя ему больше по душе самому забивать.

Я сижу в доме Михаила Яковлевича, и наша беседа за рюмкой золотистого коньяка, как мяч катится вдоль кромки футбольного поля, то убыстряется на крутых горках, на которые так была щедра жизнь его поколения.

Семь городов Древней Греции спорили за честь считаться родиной Гомера. За Михаилом Пираевым в Тбилиси приезжали «сваты» из футбольных команд Москвы, Ленинграда, Ростова, Минска, Баку, Риги, Еревана... Всего числом более десяти. Его выбор остановился на Москве. Но это особая история, трагическая в его биографии.

В конце 37-го арестовали его сводного брата Аврама (мать вышла замуж за вдовца с малолетним сыном). Выпускник парт-школы Аврам быстро пошел на повышение: заворг райкома партии, председатель райсовета имени 26 комиссаров... Миша вспоминал, как пришли они с братом на улицу Кирова, а в доме у брата непрошенные гости в синих фуражках простучивали стены, разгребали печную золу, откладывали в сторону книги, конспекты, записи. Наконец, закончили обыск – позвонили тому, кто их прислал. «Пусть сдаст партбилет... потом разберемся». Так Лаврентий Берия сдал своего выдвигенца, без которого не обходился ни на охоте, ни на рыбалке. Отец многие годы обращался во все инстанции, и отовсюду один ответ: десять лет без права переписки. И тогда Мише сказали: «Поезжай в Москву, к Василию Сталину, командующему ВВС Московского военного округа, он шеф футбольной команды летчиков и поможет узнать о судьбе брата».

Миша к тому времени в составе тбилисского «Спартака» завоевал право играть в первой лиге союзного первенства и

звание мастера спорта. Ему повезло – выступая за команду 31-го завода, попался на глаза Андро Жордания, гению селекции, которому удалось создать молодежный коллектив со своим неповторимым почерком игры. Первый сезон принес им второе место в закавказской зоне класса «Б», второй – они закончили победителями зоны и финального турнира в Ростове за единственную путевку в высший футбольный свет.

Однако, в 1950 году играть за родной «Спартак» Мише не пришлось. В Тбилиси командировали администратора команды ВВС, бывшего футболиста Юрия Канунникова. Приехали в правительственный особняк на Гоголевском бульваре, в резиденцию Сталина-младшего. Василий Иосифович испытующе смотрит на гостя: «Хочешь играть в ВВС? Твои условия». Тогда новобранцы просили у всемогущего хозяина квартиру на улице Горького. Пираев: «Мне ничего не надо». Василий Иосифович обращается к находящемуся в кабинете старшему тренеру Гайозу Джеджелава: «Кого это вы привезли?» Миша объяснил великую просьбу семьи. Сталин: «Я знаю. Сейчас позвоню, и тебе сообщат, а пока иди в финчасть, получи аванс». Скоро Миша узнал, что брата расстреляли через семь дней после ареста. Время идет, а Мише тянут с оформлением. В команде без него четыре вратаря: заслуженный мастер спорта Акимов, Пучков, Архаров, Корсаков. И Тбилиси открепления не дает – их «Спартак» играет в первой лиге. Приехал в Москву брат Володя, огорошил с порога: «Нашу семью выселяют в Казахстан». Пираев рвется на прием к шефу, он деньги получил, а тот занят.

Миша решает вернуться в Тбилиси. Во Мцхета на станции в его вагон поднимается Борис Пайчадзе, вместе едут в министерство госбезопасности. Николай Рухадзе предлагает: «Или играешь за тбилисское «Динамо» или за алма-атинское. Выбери». Можно сказать, приставил к стенке. Дали Мише заполнить анкету, из министерства – в аэропорт. В Адлере тбилисские динамовцы тренируются. А в семье Пираевых новая трагедия – Володя застрелился. До этого его исключили из института, не сообщил перед поступлением, что брат «враг народа».

В Адлер Миша приехал утром, самолет их улетел. Смотрит:

догоняют его на мотоцикле. Готовят самолет. Взлетели, самолет трофейный, грузовой, в его нутре бочки железные катаются. Адъютанты ругаются, а у Миши одна мысль: только бы живым долететь. На аэродроме ждала машина. Адрес знакомый – Гоголевский бульвар, 7. Адъютанты не хотят подставляться, шеф злой, волейболисты ВВС провалили первый круг первенства страны. Тянут жребий со спичками кому ехать – не повезло Капелькину. Приехали. На столе графин с водкой, огурцы. Сам разговаривает по телефону с Романовым. «Заходи, беглец, садись». Пираев: «Не хочу играть. Дома родители еле живые, высылки дожидаются». Василий Иосифович: «Соедините меня с Рухадзе».

На дворе ночь. Минут сорок искали министра. Василий Иосифович командует: «Капитолина, подай гостю чистый стакан» – «Я не пью, спортсменам нельзя» – «Возьми, тебе говорят». Граммов сто заставил выпить. Наконец, в трубке слышно: «У аппарата Рухадзе» – «Говорит генерал-лейтенант Сталин. У тебя там в Грузии советской власти нет?» – «Это все болельщики, товарищ генерал».

Начальники ни о чем не договорились в этом нервном разговоре. Тбилиси так просто Пираева уступать не собирался. Как-то приехал в Москву Борис Пайчадзе. Сталину-сыну доложили о его приезде. Устроил он банкет, на котором сказал: «Я большой поклонник тбилисского «Динамо», но дважды в сезоне желаю ему поражения – во встречах с ВВС. А Пираева не отпущу. Вот Акимова хоть сегодня забирайте».

Пайчадзе вернулся домой с невыполненной миссией, а Миша остался в ВВС. Ошибаются те, кто считают ее командой-середнячком, вряд ли середнячку удалось занять 4-е место в чемпионате 1950 года. А летчики сумели, лишь два очка отделяли их от бронзового призера тбилисского «Динамо». Гайоз Иванович Джеджелава помог многим игрокам раскрыть свои возможности. И набор игроков был звездный: Бобров, Башашкин, Крижевский, Шувалов. Первые двое выступали в драматичном матче олимпийского турнира-52 со сборной Югославии; проигрывая 1:5 за четверть часа до истечения основного времени, сумели с товарищами сравнять счет в поединке, названном потом матчем Сталин-Тито. Во втором,

решающем матче с югославами чуда не произошло. Проигравших на ленинградском вокзале ждал пустынный перрон. И всем уж страшным было решение о расформировании ЦДСА, базовой команды сборной СССР.

Гнев вождя народов был страшным. Мише запомнилось со вещание команды, когда зазвонил телефон хозяина кабинета. Василий Иосифович поднял трубку и стоя выслушал разнос отца – нет, не имели права сталинские соколы проигрывать московским динамовцам и так бездарно. Первым осторожно, бочком вышел из комнаты Коршунов, за ним – другие, избегая встретиться глазами с шефом, который сейчас мало походил на командующего, поднявшего во время парада, вопреки запрету, свой авиаполк над Красной площадью.

После смерти Сталина Пираева пригласил в московский «Спартак» его тренер Абрам Дангулов.

Вспоминает Никита Симонян: «В начале пятидесятых годов, после расформирования команды ВВС, к нам пришло несколько игроков, которые оставили заметный след в истории «Спартака». Среди них был Михаил Пираев, вратарь. Худой, тоненький, как тростинка, мощи – кожа да кости. Ему довольно сложно было играть на выходах, но зато в воротах мгновенно взлетал за мячом в верхний угол, мгновенно доставал его в нижнем... В команде Мишу любили. И за чувство юмора, никогда не изменявшее, и за кристальную честность, порядочность».

Патриарх отечественного футбола, олимпийский чемпион Никита Симонян пишет в книге «Футбол – только ли игра?» о своем старшем друге: «В Тарасовке прямо за стадионом начиналась сосновая роща. Иногда мы делали в ней зарядку под аккомпанемент крикливых галок. Однажды, едва несколько галок слетело на землю, Миша совершил молниеносный бросок и выпрямился с птицей в руках. Повертел ее, показал нам и выпустил. А однажды, к нашему изумлению, схватил сразу двух петухов – такая поразительная реакция».

Это важнейшее для вратаря качество у Миши тоже от Дорохова.

Другой знаменитый спартаковский голкипер Владимир Маслаченко, поздравляя Мишу с 80-летием в 2001 году, назвал его одним из лучших вратарей советского футбола 50-х годов.

Достаточно вспомнить триумфальные для «Спартака» 1953-54 годы, которые принесли Пираеву золотую и серебряную медали чемпионата страны.

О спортивной доблести Пираева говорят поездки «Спартака» в 1954 году в Бельгию и Англию, где москвичам противостояли мастера англо-саксонской школы. Бельгийцев-профессионалов из «Андерлехта» и команды Льежа ожидал разгром: гости выиграли 7:0 и 5:2.

Теперь предстояли матчи с более сильными англичанами. 9 ноября – со знаменитым «Арсеналом». Место центрфорварда Томми Лаутона, который в 1945 году противостоял Хомичу, занял молодой Холтон. Уже в первые четверть часа Пираеву пришлось взять трудные мячи от Холтона, вышедшего с ним один на один, от Мильтона, Лоджа. И все же спартаковцы одержали победу – 2:1 (мячи забили Парамонов, Симонян, Лодж). После игры английские газеты назвали Пираева «русским чудом».

Через неделю их ждал лидер чемпионата Англии «Вулверхемптон Уондерерс» с капитаном сборной Билли Райтом. Клуб, который никогда не проигрывал иностранцам на своем поле. Если в первой половине москвичи отстояли свои ворота, то после перерыва игрок сборной Англии Уилшоу поразил цель. В последние пятнадцать минут спартаковская защита еще трижды наказывалась за свои ошибки. Англичане поместили в газете обидный шарж: «Спартак» всей командой удирает в снях, за кучера – Пираев, а за ними гонятся волки. Тем не менее англичане дали высокую оценку игре москвичей. Газета «Стар»: «Ни одна из приезжавших в Англию иностранных команд не производила столь хорошего впечатления, как московский «Спартак».

Через год в Москве спартаковцы взяли реванш – «волки» проиграли 0:3. Повторилась история с карикатурой, только на этот раз уже волки бежали от них, на облучке саней – все тот же Пираев. «Волки забрели в русский лес и безнадежно растеряли всю стаю», - писала лондонская «Дейли миррор».

Еще одна памятная встреча сборной Москвы с футболистами Венгрии. В воротах – молодой Яшин, запасной вратарь – Пираев. Увидев его, Пушкаш поспешил навстречу: «Мишка!»

Оба вспомнили недавний товарищеский матч при открытии «Непштадиона» 20 августа 53-го года. За будапештский «Гонвед» выступали почти все игроки сборной Венгрии, шесть олимпийских чемпионов Грошич, Лорант, Божик, Кочиш, Пушкаш, Цибор. И «Спартак» был великолепен: вратарь – Пираев; защитники – Тищенко, Башашкин, Седов; полузащита – Паршин, Нетто; нападение – Парамонов, Бобров, Симонян, Дементьев, А. Ильин. Им противостояли футболисты, в то время сильнейшие в мире, которые в незабываемых двух матчах Англия-Венгрия победили родоначальников футбола с общим счетом 13:4.

«Тогда в Будапеште мы проиграли, – вспоминал Михаил Яковлевич, – на голы Седова и Симоняна венгры ответили тремя. И очень досадно, что радиокомментатор Вадим Снявский обратил свою критику против меня. Надо было ему как-то объяснить неудачу советских футболистов. Целый год потом от меня бегал. Не могу не сказать добрых слов о Симоняне. Это был исключительно корректный, я бы даже сказал, вежливый игрок. Но как только возникал голевой момент, он моментально преображался, делал мощный рывок и неотразимо бил по воротам. Бывало, подойдет и спрашивает: «Деньги тебе не нужны?» Я уже знал: как-то он одолжил мне – и забил сборной Чехословакии два мяча. «Андерлехту» – четыре в одном матче, правда, без моей помощи. В конце сезона 1954-го мы с Симоняном отдыхали с семьями в Кисловодске. Приехала за мной делегация из Грузии, приглашают играть за тбилисское «Динамо». У вас Маргания, говорю. Все же уговорили. Три года поиграл в команде, переживавшей кризис после естественной смены состава. Кроме Маргания, были еще вратари: Кития, молодые Анзор Кавазашвили и Серго Котрикадзе уже заявляли о себе. Успел сыграть за сборную Грузии на I Спартакиаде народов СССР в 1956 году, выиграл в ее составе серебряную медаль. Из большого футбола ушел в 1957 году – на тренерскую работу».

Расстался он с футболом довольно неожиданно. 4 июля «Динамо» принимало «Галатасарай» из Стамбула. Перед игрой динамовскую базу посетил руководитель республики Василий Павлович Мжаванадзе и говорит: «Когда приезжаю в Москву,

в ЦК спрашивают не про чай и виноград, а про футбол – что происходит с вашим «Динамо»?

Мжаванадзе поспешили заверить: «Непременно выиграем». Но проиграли 2:3. И «виновники» нашлись – Маргания, Зазроев, Пираев. Дескать, оказались недостаточно подготовлены. Правда, потом решение отменили, но Михаил Яковлевич посчитал, что пора закрывать свой лицевой счет: ВВС – 1950-52 гг., 32 игры; «Спартак» (Москва) – 1953-54 гг., 28 игр; «Динамо» (Тбилиси) – 1955-57 гг., 22 игры.

Этот человек, разменяв девятый десяток лет, член совета старейшин Ассирийского национального конгресса Грузии, оставался скромным и обаятельным, каким его все знали и любили. Никогда не забывал, что его номер первый, что выходил он на игру, становясь рядом с капитаном.

Я представил его молодого в воротах, которые никогда не казались ему большими. На него накатываются волны атак самых знаменитых бомбардиров, а он чувствует себя в родной стихии, часовым у ворот. Право же, неплохо звучит. И напоследок, спрашиваю, кто создавал для него наибольшую опасность на поле. «Конечно, Бобров», – отвечал уверенно. Трижды Бобров перенес операции коленных суставов, получил тяжелое повреждение грудной клетки, ходил весь перебинтованный, но никогда не жаловался, не таил зла на обидчиков. Был велик на футбольном поле и хоккейной площадке. Обладая поразительной реакцией, мог угадать наивыгоднейшую позицию для взятия ворот.

«Помню, в тренировочной игре выходит он против меня. я уже заранее предупрежден – осторожно играть против Боброва на выходах, недолго нанести ему травму. Выхожу из ворот и забираю мяч в его ногах. Он только начинал свой знаменитый прорыв и все потом допытывался, как я разгадал его движение».

Слушая рассказ Михаила Пираева, я, может быть, впервые прочувствовал справедливость слов «часовой у ворот», как бы банально они ни звучали.

У КАЖДОГО В МЕЧТАХ ЭВЕРЕСТ

«О'кей! Мы его нокаутировали!» – сказал Эдмунд Хиллари вышедшему их встречать, и Джордж Лоу понял. Высшая точка Эвереста была достигнута штурмовой группой, и удалось это Хиллари и Тенцингу Норгею, которые сейчас, опираясь на ледорубы, с трудом переводили дыхание.

Несколькими часами раньше их отделяли от вершины всего 350 шагов. Отвесная скальная стенка перед целью. Подняться по ней можно по узкой расщелине. Хиллари, страхуемый Тенцингом, сантиметр за сантиметром идет вверх, а потом протискивается и напарник. Еще несколько ударов ледорубов по твердому фирну – и двойка на вершине.

Великий миг. Первое чувство – огромное облегчение: не нужно больше рубить ступени, траверсировать гребни, словом, выполнять тяжелую работу, ради которой они пришли в Гималаи. Хиллари смотрит на Тенцинга, чье лицо закрывают капюшон, очки-консервы и кислородная маска со свисающими ледяными сосульками. Он оглядывает эту обитель богов, потом обнимает товарища, и оба долго хлопают друг друга по спине, пока не начинают задыхаться. На вершине нет ничего, что говорило бы о каких-либо следах Джорджа Лея Мэллори и Эндрю Ирвина, которых 8 июня 1924 года видели в последний раз в тумане на высоте 8530 метров, возможно, уже на обратном пути с вершины.

Было 11 часов 30 минут. Подъем по гребню занял два с половиной часа, но они показались вечностью. Хиллари выключил подачу кислорода и снял аппарат. Достал свою фотокамеру с цветной пленкой, которую нес под штурмовкой, сохраняя в тепле. Он заснял Тенцинга на вершине с поднятым вверх ледорубом, к рукоятке которого прикреплены на шнурке четыре флажка: Объединенных Наций, английский, непальский и индийский.

Под ними расстилалась горная страна: на востоке высилась громада Макалу, никем еще необследованного и непокоренного, инстинкт опытного альпиниста заставил Хиллари потратить несколько секунд, размышляя о возможном пути на его вершину. Вдали, сквозь облака, угадывались контуры красавца Канченджанги, а вот и старый знакомый, с прошлого года, Чо Ойю.

За ним грозной чередой уходили неизведанные хребты Непала. Он еще снял один кадр, и посчитал его большой удачей – вид с вершины вниз, вдоль северного гребня. Чувствуя, как постепенно становятся замедленными движения, а пальцы плохо подчиняются, торопливо надел маску. Тем временем Тенцинг вырыл небольшую ямку и положил немного продуктов: плитку шоколада, пачку печенья и горсть леденцов – скромный символический дар богам. И Хиллари последовал примеру напарника, вырыл углубление в снегу и поместил в нем небольшое распятие, которое двумя днями раньше передал ему Джон Хант, попросив донести до вершины.

Теперь следовало спешить вниз, к спасительным запасным баллонам под Южным пиком, поднятым сюда Чарлзом Эвансом и Томом Бурдиллоном из их экспедиции во время предыдущей попытки штурма вершины. Последняя проверка аппаратуры, а теперь вниз, к их ступеням, занесенным снегом и уже невидимым, к товарищам по команде экспедиции, которая после тридцати лет неудачных попыток целого поколения альпинистов сумела взойти на Третий полюс планеты, крышу Гималаев 29 мая 1953 года.

И вот 11 марта 1963 года, через десять лет после первого восхождения, он стоял перед нами в редакционном кабинете «Вечернего Тбилиси», Тенцинг Норгей, знаменитый сирдар шерпов, сияя белозубой улыбкой, с жесткими непокорными волосами, очень скромно одетый; на первый взгляд, нет ничего в нем от великого альпиниста, который смотрел на снега Джомолунгмы (она же Сагарматха, Джумулангфенг) из окон своего дома в Дарджилинге. Именно так. Богиня – мать Земли – просто пик-15, больше известна среди европейцев эта гигантская пирамида горы, как Эверест – в честь полковника Джорджа Эвереста, начальника британской геодезической службы в Индии.

И все-таки это он в компании с Хиллари шел, выражаясь альпинистским языком, «как бомба», и выбран был сэром Джоном Хантом – руководителем и душой счастливой британской экспедиции, по гораздо более важной причине – как шерп, сын сильного и неустрашимого народа, который десятилетиями работал с альпинистами всего мира и погибал на Горе. Задолго до его приезда в Грузию и редакционной встречи мы знали о нашем госте, участнике почти всех экспедиций на Эверест, на-

чиная с 1935 года, по книге «Тигр снегов» Джеймса Ульмана, как о человеке с четырьмя легкими и двумя сердцами.

Мы не задали Тенцингу традиционного вопроса журналистов, кто же первым из них вступил на вершину. Хиллари в таких случаях признавался: «Я не хочу говорить газетчикам, что это был я, это звучит бахвальством». Вот уж поистине, по секрету всему свету. Простим эту маленькую слабость великому альпинисту, удостоенному английской королевой дворянского звания. Но вспомним, что писал сэр Хиллари в своем дневнике, описывая последние метры ледового штурма, когда они преодолевали предвершинную расщелину: «Укрепившись на уступе, я подал знак Тенцингу, чтобы он поднимался. Я стал изо всех сил тянуть веревку, а Тенцинг, извиваясь, полз по трещине, пока, наконец, не очутился наверху. Он лежал задыхаясь, обессиленный, подобно гигантской рыбе, только что вытащенной из моря после ожесточенной борьбы».

Конечно же, Хиллари, лучший альпинист в экспедиции Ханта, имел право выбора напарника. Охотнее всего он пошел бы наверх с новозеландцем Джорджем Лоу, своим земляком и другом. Но Тенцинг, успевший поработать на Эвересте семь раз, показал себя самым выносливым в команде. От склада Ханта на высоте 8 300 метров он нес вверх запасные баллоны с кислородом, палатку и продовольствие – общим весом более 30 килограммов!

Мы спросили у Тенцинга напоследок: «Почему люди ходят в горы? Ведь иногда они не возвращаются». Он ответил: «Люди ходят в горы, потому что горы стоят». В этом мнении Джорджа Мэллори мы слышали силу и уверенность первовосходителя, гордого за свои горы и уверенного в том, что их нельзя покорить. Лишь самые смелые могут испытать в них свои силы, но не любить их, не уважать их нельзя, горы не возвращают самоуверенных и с недобрый сердцем.

Тенцинг в то памятное лето приехал погостить в Грузию, где десятилетиями вырабатывалась своя альпинистская школа и отличный от других стиль, который позволяет ее представителям не просто подниматься в горы, а шагать по вершинам пружинистой походкой, с проворством тигров скал.

И лучший среди них, Михаил Хергиани, удостоенный этого звания на суровых скалах Уэльса, добродушный крепыш с бес-

страшным сердцем, утащил гостя к себе домой – в Сванетию к Ушбе, в царство снегов и обители повелительницы зверей и гор златокудрой Дали. И еще – на Эльбрус. Снежная буря не пустила их на вершину, но Хергиани все же поднялся до отметки «4800», вывел метровыми буквами по свежему снегу: «Добро пожаловать Тенцинг!» – с щедростью горца, дарящего другому горцу и гостю то, что похвалили в его доме.

И лорд Джон Хант, руководитель эверестской экспедиции, скажет после трагической гибели Хергиани на стене Су-Альто в Доломитах 4 июля 1969 года: «В 1962 году у нас была радостная встреча в базовом лагере британо-советской экспедиции у ледника Гармо, на Западном Памире. Миша приехал с новыми лаврами после первопрохождения стены пика Щуровского... Те, кто знали его, встретили здесь того же простого сельского парня, хотя он уже был знаменитостью... В те дни мы расстались опечаленные гибелью при спуске с пика Гармо Уилфрида Нойса и Робина Смита. А через семь лет погиб и Миша. Это большая потеря для всех. Он был не только каждым дюймо́м мужчина; он был «Тенцингом» среди людей».

Ничто в тот день не предвещало трагедии. Связка Михаил Хергиани – Вячеслав Онищенко почти сделала дело: оставалось пройти полверевки трудных скал. Путь скалолазам преграждала огромная плита. Вячеслав, работавший на страховке, внимательно следил за партнером – Миша вошел в камин и начал подъем. Он шел и пел, скрылся из вида. Веревка, которую травил Вячеслав, медленно ползла вверх. Потом послышался камнепад, и из каминки вывалился Миша. Он падал, сохраняя спокойствие, надеясь до конца на спасительный рывок веревки. Но рывок так и не последовал – упавший камень, как бритва, перерезал крепкую австрийскую веревку. Миша летел на первый скальный уступ с чудовищной высоты, расставив руки и ноги...

Потом было море людей в Тбилисском аэропорту. Гражданская панихида в Альпийском клубе Грузии. Поседевший на глазах Бесарион Хергиани, сам известный альпинист, с черной повязкой на голове, молчаливый в великом горе. Отец приехал за Мишей, за своим Минаном, которого ждали в Лагами, ждала вся Сванетия...

Самолет с телом Хергиани на борту облетел вокруг Ушбы – Тигр скал прощался с горами, с красавицей вершиной, с покоренными им стенами.

ФИНТ МЕСХИ

Какой большой мастер не мечтает хоть раз сыграть на «Уэмбли», да еще в составе сборной мира! Такая возможность предоставилась двум десяткам избранных осенью шестьдесят третьего, когда великая игра отмечала 100-летие основания английской футбольной ассоциации. 23 октября тренер ФИФА Рьера вывел на идеальный газон лондонского стадиона игроков, способных, по его мнению, противостоять англичанам - сильнейшим в Европе. Яшин, Джалма Сантос, Эйсагуире, Поплухар, Шнеллингер, Плускал, Масопуст, Бакстер, Копа, Зеелер, Лоу, Эйсебио, Ди Стефано, Пушкаш, Хенто. По достаточно веским причинам не смогли воспользоваться приглашением Пеле, Гарринча, Нилтон Сантос, Ривера, Мальдини.

Англичане победили - 2:1. Мячи у них забили Пейн и Гривс во втором тайме, после того, как югослав Шошкич заменил в воротах нашего Льва Ивановича. В сборной «остального мира» отличился шотландец Лоу. Гривса и Яшина признали героями интернационального матча, а мог им стать и Михаил Месхи, персонально приглашенный на престижную встречу. Но во всесоюзной федерации футбола решили за него, посчитав, что левый крайний нападающий на тот момент утратил форму. А он рвался в бой и был не слабее испанца Хенто.

Через пару лет тренер сборной Испании Хосе Вильялонга проговорился, что мечтал бы заполучить такого игрока, как Месхи. Будучи наслышан о его доблести во время турне советской сборной в Южной Америке, когда в ноябре шестьдесят первого за десять дней были повержены сборные Аргентины, Чили и Уругвая, а сам Месхи матч на «Ривер Плейт» превратил в кошмар для аргентинских защитников Симеоне и Дельгадо; стадионы встречали гулом всякий раз, когда мяч попадал к Месхи, и он по окончании игры спасался в тоннеле от зрителей, готовых разорвать на сувениры его майку с номером «11», который еще долго будут писать мелом на спине тбилисские мальчишки.

Он был не старше их, когда перешел в тбилисскую 35-ю футбольную школу и был зачислен в ее третью команду, а скоро - в первую, став в команде победителем всесоюзного турнира футбольных школ. Но еще раньше поражал универсальностью: одновременно увлекался футболом, бегом, прыжками в высоту,

поднятием тяжестей. Стал разрядником в классической борьбе, и опытный наставник Георгий Вардзелашвили не скрывал, что растит две будущие звезды мирового ковра. Одного из них звали Гиви Картозия. Другой был Миша Месхи, но, вывихнув руку на тренировке, навсегда связал свою жизнь с футболом. В 17 лет был зачислен в тбилисское «Динамо». 7 июля 1955 года вышел играть за основной состав, в Киеве против местных динамовцев; преодолев естественную робость дебютанта, на скорости обвел трех защитников и выдал точный пас Автандилу Гогоберидзе, который переправил мяч в ворота. После этого 15 сезонов защищал цвета динамовского клуба, уступая по этому показателю одному Гогоберидзе.

Свой редкий природный талант Месхи помножил на старание, фанатичную работоспособность, с годами все познал в футболе и все в нем мог. Решительный и гордый, лучше других знал свои возможности, сложный характер, отстаивая собственные принципы и право на непохожесть. Вспоминал с обидой некоторых своих тренеров: «Объявляли: сегодня кросс. Это означало, что все должны были бежать кросс. Я сколько ни заставлял себя, никак не мог понять - для чего мне этот длинный бег. Левому крайнему полезнее заниматься спринтом, овладевать секретом стартового рывка. Говорю об этом тренеру, а он смотрит мимо меня и изрекает ледяным тоном, что инструкция не предусматривает никаких исключений. Я говорю, что в два раза больше сил потрачу, а он спрашивает, кто это сможет проверить... Но, конечно, были и другие тренеры, среди них Михаил Якушин и Гавриил Качалин, которые на это иначе смотрели, понимали, кто на что способен и кому что надо. Эти люди и дали мне многое и как игроку, и как тренеру».

Выдвинувшись в ряды лучших футболистов мира, он нередко встречал непонимание, обжигался о пламень несправедливых нападок и лед недоверия. На чемпионат мира-66 в Англию советская сборная отправилась с тремя правыми крайними нападающими и без левого крайнего, имея под боком Месхи, и потом расплачивалась за безверие и недалёковидность футбольных руководителей.

Когда на стадионах Южной Америки советскую сборную встречали аплодисментами, это было признанием заслуг победителей первого розыгрыша Кубка Европы-60. И его, Месхи,

одного из героев финала 10 июля в Париже. Основное время тогда закончилось вничью - 1:1, и все решилось в дополнительное.

Виктор Понедельник вспоминал: «Атаку начал Юрий Войнов. Обыграв Матуша, он длинной передачей выводит по левому флангу вперед Михаила Месхи. Все внимание югославских защитников к нашему левому крайнему. Я бросился вперед, к одиннадцатиметровой отметке. Милодинович опоздал на этот рывок, а Миша без малейшей задержки мягко навесил мяч на штрафную площадку. Вратарь Виденич не решался выйти на перехват мяча. Я прыгнул вверх, ударил головой и послал мяч в дальний от себя верхний угол ворот. После прыжка завалился на спину. Ничего не вижу и только по грохоту трибун парижского стадиона догадываюсь: гол!.. гол!»

Так был добыт один из главных трофеев советского футбола, при непосредственном участии Месхи, который знал великий секрет, оказываться в нужное время и нужном месте, где ковалась победа. В составе сборной, за которую сыграл 35 раз, и в своем динамовском клубе участвовал во многих «звездных» матчах, украшением которых стала его игра. 28 мая 60-го в международном матче динамовцев Тбилиси и английского клуба «Шеффилд Уэнсдей» на 74-й минуте в ворота гостей был забит единственный в этой встрече мяч - отличился Месхи с одиннадцатиметрового. 26 октября того же года тбилисцы принимают в полуфинальном кубковом матче донецкий «Шахтер». Последняя минута поединка на заснеженном поле, а счет - 1:1. Месхи каскадом финтов прорывается по флангу и за секунду до финального свистка забивает долгожданный гол. 18 ноября 1964 года в Ташкенте, в дополнительном матче с московскими торпедовцами за золотые медали чемпионов страны, левый крайний тбилисцев снова на первых ролях. В дополнительное время при счете 1:1 Илья Датунашвили выводит команду вперед, а потом настал черед забивать Месхи. И четвертый мяч в воротах автозаводцев побывал во многом его стараниями - после опасного прострела вдоль ворот защитник задержал мяч рукой. Пенальти реализовал Слава Метревели.

Таких славных историй, связанных с именем выдающегося грузинского форварда, немало, когда с превеликим трудом доставался билет на футбольное действо. В перерыве между таймами начинался массовый исход зрителей к северной или

южной трибуне, поближе к чужим воротам, где разворачивались основные события с участием Месхи. А его финт, когда он шел с мячом на защитника и ложным движением в сторону вынуждал ошибиться, мастерски подкручивал мяч и посылал за спину опекуна и, как слаломист на крутом вираже, обходил, устремляясь к воротам, над которыми загорался невидимый сигнал бедствия.

Финт Месхи знали, защитники изучили досконально и все же попадались на его уловку. Не избежал ее и двукратный чемпион мира Джалма Сантос в московском матче сборных СССР и Бразилии 1965 года. Это испытанное оружие из богатого арсенала приемов Миши готово было сработать против любого защитника, а то и сразу двух. Он в конце концов доказывал свое явное техническое превосходство, после чего продолжение игры становилось пыткой для его опекуна. Были в этом единоборстве удаль и озорство большого мастера, и отменные физические кондиции, и характер истинного тбилисца, всегда ценящего острую шутку.

Он отыграл свой последний календарный матч чемпионата страны - решил уйти. Этот день, 16 июля 1969 года, пришлось на международную встречу динамовцев Тбилиси с уругвайским «Насьоналем» из Монтевидео. Но даже уходящий Месхи продолжал не устраивать кого-то. Вначале попытались ограничить время его пребывания на поле тремя минутами, как в шахматной блицпартии, а потом расщедрились на один тайм, забывая, что речь идет о проводах заслуженного мастера спорта, обладателя золотой и трех бронзовых медалей чемпионатов страны, шесть раз входившего под первым номером в список «33 лучших». Ничего не подозревавшие уругвайцы долго не могли понять, почему уходит игрок, бывший лучшим на поле, когда в перерыве динамовцы подняли на плечи своего Мишу и совершили с ним круг почета по стадиону, мимо рукоплескавших ему трибун. Он уходил в 33 года, в возрасте Христа, на взлете своих возможностей, как Гамлет, сраженный недругами и победивший. Невольно вспомнились трагическая музыка Шостаковича и фортинбрасовы слова: «Пусть Гамлета поднимут на помост, как воина, четыре капитана...» Тот черный день наступит в апреле девяносто первого, а пока его бенефис. И не вина Месхи, что он выдался с горчинкой.

Заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР Андро Жордания в книге «Размышления о грузинском футболе» писал: «В футболе много я повидал и плохого, и хорошего, и удивить меня нелегко. Но осталось загадкой, почему Михаил Месхи оставил большой футбол. Разве плохо играл? В предыдущем году его почему-то редко ставили в состав команды, но с ним «Динамо» почти не проигрывало и, главное, он был лучшим на поле. В этом же году, после большого «отдыха», вышел против всемирно известной команды - уругвайского «Насьоналя». Думаю, его товарищи не обидятся, если скажу, что в тот день Месхи на поле не имел себе равного. Это многого стоит - так выделяться среди двадцати двух лучших грузинских и уругвайских футболистов! Так значит, Михаил Месхи может играть! И разве не удивительно, что такого футболиста провожаем как «старика»? Я, разумеется, не считаю нужным характеризовать Михаила Месхи - его рыцарскую, мужественную, взрывную игру, импровизацию, верность собственному футбольному кредо. Все это широко известно. Но одно добавлю: советский футбол никогда не имел другого такого левого крайнего, более того - он и сегодня оставался бы лучшим форвардом».

Конец карьеры Месхи побудил Эроси Манджгаладзе навсегда попрощаться с микрофоном. Мастер грузинского театра и кино дал исчерпывающее объяснение: Миши Месхи на поле нет, и его пребывание в кабине радиокomentатора потеряло смысл.

СПАРТАКОВСКИЙ ХАРАКТЕР

В пятьдесят первом его достала всесильная рука Сталина. В Кисловодске, куда после трудного сезона поехали на отдых и лечение спартаковцы Игорь Нетто, Анатолий Ильин и он, Никита Симонян. Потом он вспоминал. Прошла первая беззаботная неделя. Почти каждый день ходили в кино, и вдруг во время сеанса слышит: «Симонян! На выход!» Выходит и видит Михаила Степаняна, адъютанта Василия Сталина, командующего ВВС МВО. Они были знакомы, и футболист, естественно, воскликнул: «Какими судьбами?» - «Есть разговор, - сказал Михаил. - Сядем в машину». Вскоре они были на одной из дач. К удивлению Симоняна, он увидел там и другого сталинского

адъютанта Сергея Капелькина, в прошлом футболиста ЦДКА.

«Тебя приглашают в команду ВВС», – с места в карьер сообщил ему Степанян. – «Но я не собираюсь уходить из «Спартака» – «Представляешь, какой сдвоенный центр составите вы с Сеовой Бобровым», – сказал Капелькин, сделав вид, что не услышал его слов. – «Я преклоняюсь перед Бобровым, играть рядом было бы большой честью для меня, но и в «Спартаке» – отличные партнеры, к тому же многие из них – мои друзья!»

Капелькин и Степанян переглянулись, помолчали. Поняв, что Симонян тверд в своем решении, сменили тактику. «Слушай, если мы вернемся без тебя, командующий рассердится, сочтет это невыполненным заданием. Можешь ты, в конце концов, нас выручить? Ведь он послал за тобой спецсамолет».

В Минеральных Водах их и впрямь ждал самолет. Укрылись мехами – в воздухе действительно было холодно – и через пять часов приземлились на поле Центрального аэродрома. Их встретил полковник Соколов, начальник спортклуба ВВС, и поехали в правительственный особняк на Гоголевском бульваре.

Сталин, не мешкая, приступил к делу: «Ну, вот что, я поклялся, что ты будешь в моей команде. Сам понимаешь, клятва зря не даю». В тот момент Симонян ни о чем другом не думал, твердо знал одно: хочет остаться в «Спартаке». Так и сказал генерал-лейтенанту Сталину. Все смотрели на него с испуганным недоумением.

Василий Иосифович, помолчав, отрезал: «Ладно, иди». У выхода футболиста догнал один из адъютантов и попросил вернуться. Вернулся. Хозяин особняка спросил, может, он боится препятствий со стороны московских властей? Если так, то он все уладит. Никита Павлович ответил, что его воспитал «Спартак», поэтому видит только одну возможность играть в футбол – играть за свой клуб, не может предать тренеров, ребят.

Снова наступила гнетущая тишина, и он услышал: «Спасибо, что не стал здесь влиять, сказал, что у тебя на душе. Иди играй за свой «Спартак».

За свой «Спартак» Симонян играл одиннадцать лет. По прошествии времени возвращался к тому разговору. Не жалел, что остался спартаковцем. Так может зря он тогда? Не только ребятам бы изменил, дружбе, но и спартаковским принципам, которыми они дорожили. И подтверждает с гордостью: из

«Спартак» футболисты почти не уходили. Может, причиной тому была история, традиции клуба, у истоков которого стояли братья Александр, Андрей, Петр и Николай Старостины, основоположники этой народной команды. Может, почитатели, среди которых числилось немало знаменитых людей – писателей, артистов МХАТа. Почему народная команда – объясняет Никита Павлович. Московское «Динамо» – это МВД, КГБ; ЦДКА, а позже ЦДСА, ЦСКА – это армия; «Локомотив» – железная дорога; «Торпедо» – ЗИЛ. А «Спартак»? «Спартак» – все остальное. Вот к этому «всему остальному» он прикипел душой на всю жизнь. Сам отрицательно относится к тем, кто легко и часто меняет клубы. Куда хуже, когда футболист сыгрался со всеми, стал частицей единого целого, единого организма, и уходит из-за того, что где-то ему пообещали благ побольше. И вообще, заключал футболист, преданность – свойство отнюдь не лишнее. Хотя жизнь, случалось, и подбрасывала соблазны, но не представлял себя ни в одной другой команде.

Так и отвечал людям министра госбезопасности Николая Рухадзе в Сухуми, когда приехав, узнал, что в доме обыск и арестовали отца, вынуждая сына, знаменитого центрфорварда, играть в тбилисском «Динамо». Предложение само по себе заманчивое, можно сказать, судьбоносное. Он уроженец Армавира, где родился 12 октября 1926 года, в семье, хлебнувшей горя и лишений, спасаясь от турецкого ятагана в страшном пятнадцатом году, прежде чем перебрались в Сухуми на местожительство, и Никита никогда не забывал, как начинал свой долгий и славный путь в футболе – с детской, а потом и взрослой команды местного «Динамо», где стали выпускать его, школьника, играть за сухумских динамовцев в товарищеских матчах с именитыми клубами, которые по весне приезжали на юг, за солнцем, набираться сил. Когда сам Михаил Бутусов, первый капитан советской сборной, увидев, с каким трудом в бросках знаменитый вратарь ленинградского «Зенита» Леонид Иванов, обладатель Кубка СССР 1944 года, отбивает пробитые Симоняном мячи, воскликнул: «Ого!», а позже добавил: «Из этого парня будет толк!»

Никогда не забывал своих абхазских и грузинских друзей, с кем начинал играть на облюбованном пяточке пустыря, на пляже, этой сухумской Копакабане, и позже на зеленом поле,

оспаривая золотые медали и хрустальный кубок – верх мечтаний любой команды. Как не забыть, что внимательно приглядывался к Борису Пайчадзе, лидеру тбилисских динамовцев, с его неповторимым почерком новатора и бойца; что здесь посватались к нему московские тренеры из «Крыльев Советов» Владимир Горохов и Абрам Дангулов, предложили переехать в Москву. Аттестат был получен, и после длительной беседы с Дангуловым о необыкновенных способностях сына, родители согласились отпустить Никиту в столицу учиться футбольным и прочим премудростям. Горохов, сам бессребреник, приютил его в своей крошечной квартирке – будущая легенда отечественного футбола два года спал на сундучке в крошечном чуланчике, но был счастлив в своей свирепой молодости. Такое не забывается, и когда закончилась его футбольная служба в московских «Крыльях» – команда заняла последнее, 14-е место в чемпионате СССР 1948 года, и ее игроков разобрали по клубам, перед Никитой стал вопрос: куда идти дальше? Больше склонялся он в пользу «Торпедо». Сам знаменитый директор ЗИЛа Иван Лихачев настойчиво приглашал, но когда Дангулов перешел в московский «Спартак», Симонян последовал за наставником. А ученик из него получился отменный, в рекордно короткий срок пробежавший футбольные университеты. И вот в блокнот патриарха спортивной журналистики, футбольного летописца Мартына Мержанова ложатся первые записи о вполне созревшем современном центральном нападающем Симоняне, в игре которого можно было найти «блуждание» Пайчадзе, федотовскую технику, бобровский «таран», дементьевский пас, пономаревский прицельный удар. Крупицы опыта первоклассных советских футболистов становились достоянием нового поколения нападающих, и, в частности, Никиты Симоняна, дает профессионально точную оценку Мартын Иванович.

И добавим от себя, эти крупинки опыта выплавлялись в редкий сплав, разящее оружие, прокладывающее путь к победам.

Сороковые огневые ... Враг рвется к сердцу Родины – Москве. На подмосковный полигон доставлены сверхмощные немецкие танки «тигр» и «пантера», броню которых не пробивали наши противотанковые пушки. На испытаниях присутствовали Сталин, Молотов, Маленков, Берия, Хрущев, Тевосян. Председатель Государственного Комитета Оборона Сталин, обращаясь к

присутствующему директору горьковского пушечного завода Амо Эльяну, говорит: В двухнедельный срок сконструировать и отлить пушки, которые с первого попадания пробивали броню таких танков. Задание наркому черной металлургии Ивану Тевосяну – в недельный срок добиться такой брони для наших танков и самолетов, которую бы не пробивали немецкие пушки.

Вот так воевали. «Гремя огнем, сверкая блеском стали, Пойдут машины в яростный поход, Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, И первый маршал в бой нас поведет...», – с этими словами наши отцы и деды, старшие братья шли на смертный бой, делая все для фронта, все для победы.

Такой самоотдачи требовали в те трудные послевоенные годы уже в спортивных сражениях, где сынам народа-победителя не к лицу пасовать перед соперниками.

Все лучшие качества Симоняна-чемпиона проявились в победоносных для спартаковцев пятидесятых годах. В 1953-м, в конце сезона, в Москву приехал знаменитый венский клуб «Рapid» и проиграл «Спартаку» – 0:4. Через пять дней на этом же динамовском стадионе спартаковцы держали экзамен в матче с футболистами клуба «Дожа» из Будапешта, одного из сильнейших в Венгрии.

В этот день из Сухуми приехал Павел Никитич Симонян, вспоминает все тот же Мержанов. Он много лестного слышал об игре сына, но никогда не видел его на футбольном поле. И вот счастливый случай: сын занят в международном матче, а отец едет в трамвае по Москве и слышит отовсюду: «Симонян, Симонян, Симонян...» Первое время он думал, что это к нему обращаются, оборачивался. Потом привык, понял, что обсуждают игру с венграми. А события на поле разворачивались удивительные. После нулевого первого тайма закрутились в темпе, которого не ждали гости. На 53-й минуте Симонян забил первый мяч, затем второй. Игорь Нетто доводит счет до разгромного – 3:0, и тот же Симонян, под сплошной гул трибун, забивает четвертый гол. За несколько минут до окончания матча Симонян обошел финтом защитника, потом другого и выходит один на один с вратарем. Казалось, нужно бить самому, но нападающий передает мяч назад набегавшему Ильину, и мяч в воротах – 5:0. Победа, в которой Никита Симонян был лучшим на поле. Но его отец так и не доехал до динамовского стадиона: опоздал на

электричку из Тарасовки или спутал маршруты трамвая, сел не на той станции метро, но информацию в тот день о сыне получил сполна: «Симонян забил гол. Никита делает счет 2:0». И уехал из Москвы, убедившись во всенародной славе Никиты, о котором, впервые о спортсмене, даже песню сложили в пятидесятых: «И если Симонян забьет в ворота...»

А он забивал и забивал десятками. На протяжении четверти века, до того как раскрылся талант Олега Блохина, Никита Симонян оставался самым результативным форвардом отечественного футбола.

Ему, олимпийскому чемпиону в Мельбурне, заслуженному мастеру спорта и заслуженному тренеру СССР, четырехкратному чемпиону СССР и двукратному обладателю Кубка СССР, кавалеру Олимпийского ордена МОК, ордена ФИФА «За заслуги», Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Дружбы, «За заслуги перед Отечеством III и IV степеней, Ордена Почета (Армения), принадлежит множество рекордов результативности в истории клуба, лучшего бомбардира трех сезонов чемпионата страны (1949, 1950, 1953), знаки спортивной доблести выступлений за родной клуб, за сборную страны.

На чемпионате мира 1958 года в Швеции, по существу для него прощальном, он четыре раза выводил на поле советскую сборную в ранге ее капитана, и там в первом матче с англичанами открыл счет четким низовым ударом. Потом он гордился этим ударом, и его понимали специалисты – сборная Англии не рядовой соперник, и наш дебют в финальной части чемпионата мира, в котором он с командой дошел до четвертьфинала, и удар получился на загляденье. А форварду, не будем забывать, было тридцать два.

Но об одном симоняновском рекорде – абсолютном рекорде лучшего бомбардира чемпионата СССР следует сказать особо. В 1950 году Никита Симонян забил 34 мяча в 36 матчах. Этот рекорд оставался незыблемым 35 лет! И только в 1985 году был «превзойден» Олегом Протасовым при очень сомнительных обстоятельствах. Вот как отличался форвард «Днепра»: 10 голов забито в первом круге, во втором – 25! 28 с игры, семь – с пенальти, 25 мячей дома, 10 – в гостях!

Сам Симонян спокойно реагировал на эту «поправку» к своему рекорду: «Я считаю, что рекорд все же побит. Я забил

34 мяча, а Протасов – 35. Очень уважаю Олега Протасова, он в самом деле владел всеми качествами настоящего забивалы. Не хочу бросать камень в его огород, он должен сам, если захочет, сказать о том, как забивал свои мячи, помогали ему или нет. Обиды нет, но по этому поводу могу сказать вот что: а может ли получать удовлетворение от «легких» голов сам игрок? Когда к концу сезона у Протасова начались серии по два, по три мяча в каждом матче, мой знакомый сказал Владимиру Емецу, тренеру «Днепра»: «Владимир Александрович, чувствуется, что вы таким путем хотите побить рекорд Никиты Павловича. Но он ведь забивал голы честные, трудовые, а вы явно подтягиваете Протасова к рекорду». На что Емец сказал: «А Стаханова, что не подтягивали?»

После такого откровения тренера остается только пожать плечами и аплодировать безупречной корректности Никиты Павловича, как ему аплодировали на стадионах Венгрии, Англии, Польши, Бельгии, Болгарии, Швеции, Германии, Италии...

А заодно снимем шапки перед ним за его великие успехи на тренерском поприще. А этот послужной список знаменитого форварда 40-50-х годов поражает воображение. Он – старший тренер московского «Спартака» (1960-1965, 1967-1972), ереванского «Арарата» (1973-1974, 1984-1985), одесского «Черноморца» (1980-1981), тренер сборной СССР (1977-1979). Дважды спартаковцы под его руководством становились чемпионами страны, трижды выиграла Кубок СССР, араратовцы и вовсе отличились – сделали золотой дубль.

10 октября 1973 года, в туманный вечер на московском лужниковском стадионе Никита Симонян и его араратовская дружина дали бой в финальном кубковом поединке признанным фаворитам последних лет – киевским динамовцам. За три минуты до конца основного времени киевляне вели в счете – 1:0. Мяч с пенальти забил Колотов – за снос в штрафной площадке Буряка. Волнуется старший тренер украинской команды Александр Севидов, крупными силами защищаются киевляне. Как опытный полководец, Симонян бросает в бой свой резерв – неуправляемых в атаке Казаряна и Погосова. Когда оставалось играть две минуты, Севидов заменяет нападающих Блохина и Буряка на защитников Зуева и Кондратова – решение вроде правильное. Но что-то назревает. В центре поля завязывается

комбинация. Взвился выше рослых киевских защитников Андриасян, выиграл верховой мяч. Бьет по воротам – Самохин отбивает. На этот раз расстреливает ворота Казарян. Бьет и идет на вратаря, словно угадывая, что Самохин не удержит мяч. И действительно – упускает. Мяч у Иштояна, удар! Неужели гол? На последней минуте. В добавочное время ереванцы неустойчивы. Тринадцатая минута третьего тайма. Тот же Иштоян проводит победный мяч, после стремительной комбинации, выстрелив в верхний угол ворот, и став в один вечер самым популярным человеком в Армении.

С Бобровым Симоняну все же довелось поиграть в одной команде – в «Спартаке», в сезоне 1953 года, когда он с 17 мячами стал лучшим бомбардиром чемпионата. Четыре – на счету Боброва, замученного травмами, всего перебинтованного, и вынужденного выбирать между футболом и хоккеем. Хоккей без Боброва терял больше. И ему повезло – Бобров предпочел ледяное поле.

Середина шестидесятых. Симонян, гость редакции «Вечернего Тбилиси», делится с нами, журналистами, подробностями о предсезонной подготовке «Спартака» в Средней Азии. Говорит о финансовых трудностях клуба. Вот, если бы прибавить к его названию приставку «Аэрофлот», то многие из них можно решить, сэкономить огромные суммы только на одних авиабилетах для команды. Уже подготовлены необходимые документы, нет только одной подписи. Мы молчим, догадываясь, чья эта подпись. Потом спрашиваем, как прошла последняя контрольная игра спартаковцев с командой «Алга» (Фрунзе), где играющим тренером, после многих лет ухода из большого футбола, выступал Симонян. Не изменил ли он своему правилу не уходить с поля, не забив мяча. Симонян отвечает просто: «Я сделал пять передач» - «И что же?» - «5:0 в пользу «Спартака».

Свое 85-летие первый вице-президент Российского футбольного союза Никита Симонян встретил в Чехии, куда выехал вместе с супругой, и здесь, казалось, поздравлениям не будет конца. А потом был в праздничных огнях зал «Метрополя», где ведущими были друзья-спартаковцы Евгений Ловчев и Александр Мирзоян, и снова яблоку негде упасть. Это, пожалуй, первый вечер, когда Никита Симонян пропускал матч своего «Спартака», который играл с «Локомотивом», но подробности

о всех событиях на поле немедленно сообщались виновнику торжества. Когда Симонян узнал, что «Локо» побежден со счетом 3:0, он с удовлетворением отметил: «Теперь, можно сказать, вечер удался!»

ДОГОНЯЮЩИЙ СЕБЯ

Умер Михаил Таль...

Эта потеря болью отозвалась в сердцах миллионов. Сейчас, когда десятки горячих точек планеты полыхают ненасытным огнем, смерть перешла в область статистики. Дикторы последних новостей сообщают о десятках и сотнях потерь в терактах и военных конфликтах, и, похоже, к этому начали привыкать. На кровавом фоне сегодняшних вакханалий потеря Таля для шахматного мира не перестала быть трагедией, для людей, знакомых с партиями рижского волшебника и состоянием его здоровья.

В давней анкете Тургенев на вопрос, как он понимает счастье, ответил просто и мудро: «Счастье – это крепкое здоровье». В этом плане знаменитый романист, двухметровый богатырь с синими глазами, выгодно отличался от Таля, который всю свою сознательную жизнь сражался с неприятельским воинством на шахматной доске и собственными недугами. Кто-то тонко подметил: «В здоровом Тале – здоровый дух». Кривая результатов выдающегося гроссмейстера позволяет судить о состоянии его здоровья, а точнее, лояльности почек. И самое удивительное: считалось, что счастье – его стиль. Обжегшись на Тале, неудачники прозвали его Счастливым Счастливичем Счастливым. Сам он лучше других поставил себе диагноз: «Когда любой из нас впервые играет в шахматы, он уподобляется человеку, который уже принял порцию микробов, скажем, какого-нибудь импортного, гонконгского гриппа. Идет такой человек по улице и еще не знает, что болен – вроде здоров, прекрасно себя чувствует, но микробы делают свое дело. Нечто подобное происходит в шахматах... Идут дни, и вдруг исподволь начинаешь чувствовать, что тебе без шахмат чего-то недостает. Можешь радоваться: ты оказался в числе людей, у которых нет врожденного иммунитета к шахматной лихорадке».

Итак, главная болезнь известна – шахматная лихорадка.

Большой друг шахматистов и прежде всего Таля, драматург Леонид Зорин, говоря о самых привлекательных чертах шахмат, отмечал первым делом борьбу характеров. Под внешней тишиной шахматной встречи таится подлинный драматизм, бушует напряженная схватка двух интеллектов, двух волевых натур, и то душевное напряжение, которое многим выпадает, быть может, в особые «звездные» часы биографии, для них является нормой бытия. Так писатель объясняет высочайший вольтаж шахматного поединка, к которому добровольно приговаривают себя служители богини Каиссы, не желающие замечать, что отныне их жизнь уподобляется шагреновой коже, которую можно читать, как книгу. Вспомним, что матч на первенство мира отнимает несколько лет жизни. Эта мысль, впервые высказанная Ботвинником, позже варьировалась другими чемпионами, в зависимости от их шахматных вкусов и темперамента, но суть ее оставалась неизменной. Похоже, Таль не очень задумывался над невеселым признанием человека, которому суждено было занять особое место в его творческой судьбе.

Болезньчики со стажем расскажут, как летом 1948 года 12-летний Миша Таль пошел на квартиру Ботвинника сразиться с ним в шахматы. Легенда эта известная, и Таль добродушно посмеивался, читая газеты, и не пытался ее опровергать. Ботвинник, став чемпионом мира, действительно отдыхал на Рижском взморье, и Таль захотел сыграть с ним, но родные отговорили. А позже журналисты, прослушав об этом, вложили ему под мышку шахматную доску и отправили к Михаилу Моисеевичу, попутно введя в действие для интриги женщину (супруга гроссмейстера Гаянэ Ананова?), которая, если верить легенде, преградила мальчику путь к чемпиону. Через одиннадцать-двенадцать лет, растолкав всех, он все же пробился на аудиенцию к Михаилу-старшему, и эти встречи доставили ему величайшую радость и разочарование.

Вспоминается Таль более раннего периода, в мастерском звании, но льва уже узнавали по когтю. Тбилиси, ноябрь 1956 года, полуфинал XXIV чемпионата СССР на сцене театра имени Руставели. Несколькими месяцами раньше в своем первом финале Таль разделил 5-е место и в Грузию приехал в качестве фаворита, готового добиться большего, прежде всего в творческом плане. И едва не стал виновником сенсации. После 12

туров он имел всего одну победу и девять ничьих, шансы на выход в финал сохранял его тренер Александр Кобленц. За 7 туров до финиша «лев проснулся» и вместе с Гургенидзе сумел зацепиться за «выходящие» 5-6 места. А ведь прояви кто-то из участников большую неуступчивость, не добери Таль пол-очка, как знать, возможно, его вхождение в верхние слои шахматной атмосферы не было бы столь стремительным и феерическим. В финале чемпионата страны из восьми партий с гроссмейстерами (четверо из них являлись претендентами на мировое первенство) Таль выиграл пять, еще две завершил вничью и только одну проиграл – Болеславному. В последнем туре жертвой Таля пал один из лидеров, признанный мастер атаки Толуш.

Золотая медаль побудила отечественную федерацию шахмат ходатайствовать перед ФИДЕ о присвоении Михаилу Талю звания международного гроссмейстера. В порядке исключения, поскольку он был лишь национальным мастером. Таль доверие оправдал сполна, став чемпионом страны второй год подряд. В последнем туре рижского финала Спасский, имея с ним выигрышный эндшпиль и ночь для анализа отложенной позиции, проиграл эту, едва ли не самую драматичную партию за всю свою карьеру, выключив себя из борьбы в претендентском цикле и дав повод говорить об очередном везении Таля.

Сам счастливец не скрывал, что считает делом чести каждого мужчины-шахматиста заслужить улыбку фортуны. Таль взял себе в союзники стиль искрометный и головоломно смелый, молниеносный расчет вариантов, когда получаемое для атаки время дороже пожертвованных фигур. Это подлинное новаторство, артистизм, возвращение к романтизму, когда риск возводился в принцип игры, могли нравиться, могли и нет, но уважения, безусловно, заслуживали. Мало кто до Таля и после него (за исключением, возможно, Фишера) вызывал столько ожесточенных споров и восторгов.

У Давида Кугультинова есть поэма «Шахматист», посвященная Талю. В ней, в частности, рассказывается, как пришел к Талю друг детства, бывший шахматист, известный психиатр, и попросил гроссмейстера помочь ему в излечении одного больного, возомнившего себя сверхчемпионом по шахматам. «Но почему ты сам его не обыграешь?» - удивился Таль. «Увы, - смутился врач. - Я играл с ним, но всякий раз проигрывал».

Заинтригованный Таль приходит в лечебницу, играет с сумасшедшим и проигрывает. Помня данное другу обещание и желая помочь больному, а главное, из понятного спортивного чувства он продолжал с ним играть, пока наконец с большим трудом не выиграл, что привело к исцелению больного, который выписался из лечебницы и через некоторое время сел играть против Таля в сеансе одновременной игры. Гроссмейстер узнал его и приготовился к тяжелой борьбе, но, к его удивлению, партнер на этот раз не оказал никакого сопротивления.

Удивительная история, не правда ли? Еще удивительнее то, что на самом деле Михаил ее попросту сочинил. И поэт ему поверил – уж очень она самобытна. Выдумать такое мог только незаурядный человек. Кугультинов поэтому не обиделся на Талья за эту мистификацию. Вымысел, если он остроумен, не противопоставлен поэту.

Доказав жизнеспособность своего «некорректного» стиля на турнире претендентов в Югославии в 1959 году, опередив шахматных колоссов Смыслова, Кереса, Петросяна, Михаил Таль с первой попытки взял штурмом крепость Ботвинника и в двадцать три года с небольшим стал восьмым чемпионом мира по шахматам.

Как свежо и смело он играл!

Помню огромное скопление людей по вечерам на проспекте Руставели, перед большой доской на фасаде старого шахматного клуба, куда передавались ходы из московского театра имени Пушкина, и едва ли не каждый из них встречался аплодисментами. В Грузии Талья любили, как в Латвии, горячо и беззаветно, разве что юная Нона Гаприндашвили могла похвалиться более многочисленной армией своих почитателей. И Таль отвечал взаимностью на эту любовь, в числе его крупных успехов первые призы на турнирах в Тбилиси, Сухуми, Гори.

Но случилось непредвиденное: через год Таль был наголову разбит в матче-реванше Ботвинником. Считалось, не выдержал испытание медными трубами. Сам гроссмейстер уверял, что ко второму матчу готовился ничуть не хуже и не меньше, и в пику журналистам нашел две причины поражения. В манере, напомнимшей, что темой его дипломной работы на филфаке была «Сатира в романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Первую причину он видел в том, что во время матча 1960 года Ботвинник

жил по соседству в гостинице «Москва». Перед партиями Кобленц услаждал слух своего подопечного исполнением неаполитанских песен. Таля это вдохновляло, а Ботвинника, по всей вероятности, размагничивало. Вторая причина: к 8-й партии удалось подобрать «счастливый» карандаш, позже забытый им на столике, достойной замены ему не нашлось. Ну, а если серьезно, то виноват один Ботвинник. Многие годы он работал над созданием искусственного интеллекта и сумел запрограммировать себя на игру с Талем – держал его в партере, не позволял получать любимые талевские позиции, в которых рижанин всласть импровизировал и комбинировал. Стоит ли удивляться, что чувство неотвратимости, испытанное Бронштейном и Смысловым в предыдущих матчах с патриархом шахмат, посетило Таля в самое неподходящее время. И хотя он отмечал, что утрата короны не вызвала кризиса в творчестве, о чем ему напоминали в неделикатной форме, досада не раз покусывала сердце, как тот лисенок, спрятанный на груди юного спартанца.

Таль и без короны, как старый Лир, оставался королем с головы до ног. Он не отчаялся, не ожесточился, не сошел с ума, напротив, убедился в необходимости переучиваться. С годами его игра стала более позиционной и универсальной, обогатилась новыми дебютными идеями и техническим мастерством, но незаметно утрачивалось лица необщее выражение, принесшее ему славу одного из самых ярких и оригинальных шахматистов современности. Таль привычно выигрывал крупные турниры, включая чемпионаты страны, в составе ее сборной становился олимпийским чемпионом (восемь золотых олимпийских медалей) и чемпионом Европы, вместе с Карповым победил на «Турнире звезд» в Монреале, через несколько месяцев – на межзональном турнире в Риге 1979 года, и, оценивая свои выступления, твердо верил, что стиль остался прежним. Может быть, он просто стал постарше, чуть больше видит за соперников, чуть меньше за себя. Чувствуя себя защищенным всей этой броней, Таль утверждал, что того претендента 60-го года он просто бы растерзал! Ботвинник, которого ознакомили с этим заявлением его давнего соперника, недоверчиво покачал головой: «Таль здесь дезинформирует любителей шахмат или заблуждается». Петросян также считал, что игра его друга наиболее гармоничной была в 1957 году, когда он включился в борьбу за мировое первенство.

Такова загадка Таля, которая три десятка лет не давала покоя поклонникам шахматного искусства. О знаменитом бостонце Гарри Нельсоне Пильсбери говорили, что после Гастингса 1895 года он догонял себя, вернее, пытался догнать того Пильсбери, который в том турнире опередил чемпионов мира Ласкера и Стейница, претендентов на этот титул Чигорина и Тарраша. Так же в наше время повзрослевший Таль догонял Таля образца 1960 года.

В 1965 году он играл со Спасским финальный матч претендентов в Тбилиси. До поединка с Петросяном оставалось сделать один шаг, но какой! Внешне все было, как в лучшие времена: уютный концертный зал для игры, восторженные почитатели и друзья, но уже первые партии показали, что Спасскому удастся навязать ему тягучую позиционную борьбу без какого-либо намека на тактическое оружие, столь любимое сердцу Таля.

Счет в матче был равным, когда я по своим редакционным делам пришел поздно вечером в гостиницу «Тбилиси». Узнал у администратора, что Таль пока не возвращался с игры. «Вы его брат?» - спросила она. И после моего ответа сказала убежденно: «Очень похожи!» Скоро пришел Таль в сопровождении верного друга, спортивного журналиста Якова Дамского. Таль выглядел усталым и немного грустным, говорил неторопливо, доброжелательно глядя на собеседника, еще не отошедший от борьбы за шахматной доской и весь во власти неосуществленных идей. Я знал, что он приехал на матч из Ялты, где врачи подозревали у него что-то нехорошее с легкими и старался поменьше мучить вопросами, ведя беседу в ритме его любимого блица. Он тогда верил в окончательный матчевый успех, не зная, что проиграет три оставшиеся партии, что Спасский, уже начавший штурм шахматного Олимпа, через четыре года увенчает свой труд чемпионским титулом.

В жизни каждого большого шахматиста есть турнирные и матчевые катастрофы, они делают его человечней, восприимчивей к своей и чужой боли. Вероятность эта с классической точностью сформулирована в афористичной талевской сентенции: «Каждый шахматист – кузнец собственного турнирного счастья». Таль счастье знал. Несмотря на разочарования, болезни, он был счастлив, как может быть счастлив художник, задумавший и сотворивший красоту, над которой не властно время.

МОЛНИЯ НА ТРЕКЕ

Хареба и Гоги шли берегом Алазани и спрашивали друг у друга, какая сторона лучше. И сказал Гоги: «Лучше всего в Напареули». – «Нет, – отвечал Хареба, – лучше всего в Магаранском лесу». И спокойней там, дескать, и люди лучше, и пировать в лесу лучше.

События давно минувших дней стали нам близки и понятны через волшебство кинематографа и его признанного мастера Георгия Шенгелая, задумавшего и снявшего историко-приключенческий фильм «Хареба и Гоги» о добрых разбойниках-правдоискателях, помогающих беднякам. Успех этого фильма, лауреата международного конкурса, был изначально предопределен, хотя бы потому, что роли были с блеском исполнены людьми богатырской силы и удали, любимцами народа, как их реальные прототипы.

Когда кинорежиссера спросили, почему главные роли поручены Левану Тедиашвили и Омару Пхакадзе, он ответил, что виновата старинная фотография начала прошлого столетия, которую он обнаружил в Алазанской долине. Чем больше Шенгелая вглядывался в фотографию, тем больше его покоряли мощь, удаль, непреклонность, которые выражали лица Хареба Джибути и Гоги Кенкешвили. И понимал, как трудно будет найти среди знакомых актеров людей, способных достоверно передать их характеры. Пробы подтвердили первоначальное мнение Шенгелая. И тогда, перебрав варианты, он предложил спортсменам сниматься в кино.

Кроме Левана Тедиашвили и Омара Пхакадзе, в фильме заняты еще два чемпиона мира по классической борьбе Михаил Саладзе и Автандил Майсурадзе, помощники Харебы и Гоги, бывший слесарь по прозвищу Дядя и духанщик Ило. Они и еще три молодца – Жоржик, Залик и Черт Его Знает – составили отряд «Ребята».

Жители окрестных сел переживали за полюбившихся киногероев, наперебой приглашали артистов на шашлыки в свои дома. Когда Леван в костюме Гоги откликнулся на очередное приглашение – старики замерли от неожиданности, настолько удивительно было сходство с реальным персонажем, предво-

дителем этих грузинских Робин Гудов, друзей простого люда, гибель которых по сей день ссаднит их сердца.

Бывало, звонит Гоги после окончания съемок на квартиру друга: «Хареба дома?» - «Хареба нет, - отвечает ему хозяйка знаменитая грузинская гимнастка Донара Джанукашвили, - есть Омар Пхакадзе». И Леван Тедиашвили, а это был он, добродушно смеялся собственной шутке.

Прежде чем подружиться, сошлись оба перед камерой в борцовском поединке, в котором ни один не уступил другому в силе и ловкости. Омар Пхакадзе, чемпион мира, но в велосипедном спринте, достойно ассистировал двукратному олимпийскому чемпиону в вольной борьбе.

С Омаром никаких проблем не возникало, вспоминал Леван. Всего три минуты объяснял ему палаван палаванов, что и как надо делать, и приступили к съемке. Велосипедист действовал превосходно, в одном дубле, а их было семнадцать, провел блестящий бросок, после которого Леван с трудом поднялся на ноги. Впрочем, обиды он на друга не держал, признал, что, при своей талантливости, займись Пхакадзе борьбой, и тут бы стал чемпионом.

Силой он действительно был наделен богатырской. При собственном весе 91 кг смотрелся тяжеловатым на полотне трека, но стоило ему разогнаться, летел, как снаряд, сметая все на пути, неудержимый на крыльях победы. Велосипеды прогибались под ним, он ломал их, а они - его, прозванного тигром велосипедного спринта, знавшего триумфальные победы над гонщиками Франции и Италии и горечь разочарований.

Он вышел из бедной рабочей семьи. Отец инвалид, искалеченный в керченской кровавой мясорубке, умер, когда Омару исполнилось пятнадцать. Мать Ангелина осталась с четырьмя детьми, и будущий чемпион знал, что может рассчитывать только на свои силы. В 15 лет начал заниматься велоспортом в секции тренера Джато Меписашвили.

На соревнованиях школьников на Кубок Грузии по шоссейным гонкам внимание Гурама Джохадзе привлек малоизвестный парнишка из Кутаиси, финишировавший первым. Надо было обладать богатой интуицией и опытом незаурядного тренера-селекционера, чтобы разглядеть в победителе буду-

шего чемпиона. Гурам Джохадзе, сам еще молодой гонщик, заинтересованно следил за выступлениями кутаисца, а после его переезда в Тбилиси готовил своего подопечного, убеждая переходить с шоссе на трек, где наилучшим образом раскроются его способности.

Дальнейшие события подтвердили редкую одаренность молодого гонщика и мудрость наставника.

Гурам Джохадзе мог стать футболистом, как никак три года учебы в знаменитой тбилисской 35-й школе дорогого стоят. Тем более, если вспомнить, что его однокашниками были Алеша Котрикадзе, Вахтанг Челидзе, Шалва Чрелашвили, то мечта верийского паренька надеть майку динамовца Тбилиси представлялась не такой уж фантастичной. Но, видимо, не судьба. Он перешел учиться в техникум физкультуры, здесь впервые оседлал гоночный велосипед. Звание заслуженного тренера СССР ему присвоили в 1965 году, когда его ученик Омар Пхакадзе стал чемпионом мира. А всего им подготовлено 49 мастеров спорта и мастеров спорта международного класса, два заслуженных мастера спорта СССР. Действительно, всех не припомнишь, а это – история отечественного велоспорта 1950-1980 годов. И убеждало в этом даже беглое знакомство с домашним архивом наставника-ветерана, чемпиона и воспитателя чемпионов, где каждый снимок и газетная публикация – редкостная находка в современном обществе, когда мы стали забывать многое из того, что еще недавно было для каждого символом и предметом гордости.

Гурам шестнадцати лет пришел в секцию велоспорта, овладевал спортивным мастерством у тренеров Ивана Степанова и Аркадия Хабурзания, одновременно на общественных началах (каким анахронизмом звучит это сегодня!) обучал своих товарищей. Помогали ему в работе знания, полученные на факультете физического воспитания педагогического института. Попробовали мы с ним сосчитать, сколько раз Гурам Джохадзе выигрывал звание чемпиона Грузии в различных велосипедных дисциплинах, и сбились со счета – не меньше двадцати. Был чемпионом широкого профиля – от шоссежных гонок до спринта, выиграл даже первенство Закавказья по кроссу. В 1954-1957 годах входил в состав сборной команды

Советского Союза. Потом опыт общения с сильнейшими спринтерами оказал ему добрую службу в тбилисской спортивной школе-интернате и обществе «Динамо», где он начал работать тренером. Доскональное, на собственной соревновательной практике знание видов велоспорта позволяло ему точно угадывать спортивное будущее каждого воспитанника, помогало в работе.

Первый большой успех пришел к Омару Пхакадзе на III Спартакиаде народов СССР, когда он обыграл именитых спринтеров Москвы и Тулы, удостоился золотой медали. Двое учеников Гурама Джохадзе – Пхакадзе и Михаил Колюшев – стали участниками Олимпиады в Токио. А через год настал для обоих «звездный час» Сан-Себастьяна, где они стали чемпионами мира: Пхакадзе – в спринте, Колюшев – в командной гонке преследования на 4 км.

Сидели мы с Гурамом на его квартире, перебирая документы и реликвии, когда я обнаружил письма Пхакадзе к своему «Николаевичу» (Джохадзе: «Омар не любил писать письма»), где он, будучи на соревнованиях, просит позаботиться о новых сборах и стартах, и думал с грустью, как мало осталось у нас таких фанатиков спорта, тренеров-конструкторов, созидателей, которыми он велик и вечен. И уже прощаясь с хозяином, спохватился, как мало, собственно говоря, он рассказал о себе, больше все о других, непререкаемый авторитет в мировом велоспорте, скромный труженик.

Напоследок я не удержался, спросил о трудностях с инвентарем – на каких велосипедах тренируются его ученики. И услышал в ответ: «Омар Пхакадзе был велик не только на треке. Он сохранил для Грузии две сотни трековых велосипедов, этот бесценный инвентарь и сегодня помогает нам работать, готовить молодых спортсменов».

В двадцать лет Пхакадзе дебютировал на Токийской олимпиаде. И выбыл из одной восьмой финала, недовольный присужденным ему девятым местом, – золотая медаль чемпиона досталась Джованни Петтенелла, – еще не зная, что через год расправится со своими обидчиками: олимпийским чемпионом в спринте, его земляком Серджио Бьянкетто, чемпионом Римской и Токийской олимпиад в гонках на тандемах, с обоими

великими французскими гонщиками Даниэлем Морелоном и Пьером Трантенном.

На полотне трека испанского приморского курорта Сан-Себастьян грянул гром его – Омара Пхакадзе – победы. Тбилисец первым в истории советского спринта стал сильнейшим на планете. На пути в финал он превзошел в скорости Даниэля Морелона, 3-кратного олимпийского чемпиона и 7-кратного чемпиона мира, самого быстрого полицейского Франции, кавалера ордена Почетного легиона.

Первый финальный заезд Омар проиграл итальянцу Джордано Туррини. Потом он скажет: «Может быть, это звучит странно, но именно после проигранного заезда я почувствовал, что могу победить. Надеждой, что это будет легко сделать, я не обольщался».

Это было мнение зрелого бойца, нашедшего себя в самом престижном виде трековых гонок, где одной силы недостаточно, а побеждают совершенная техника владения машиной, молниеносная, в сотые доли секунды, реакция на действия соперника, безграничная отвага, обостренное мышление на трех кругах.

«Несмотря на то, что Джордано взял верх в первом матче заезде, он не устоял перед мощью советского спринтера – этого тигра велосипедного спорта», – писала испанская газета.

Силен был победитель в Сан-Себастьяне. Врученная Омару при награждении памятная майка оказалась слишком тесной для его могучего торса. Восхищенный победой грузинского гонщика, Туррини назвал Омаром своего новорожденного сына, а Международная федерация спортивной прессы объявила Пхакадзе лучшим спортсменом 1965 года.

На Олимпиаде в Мехико 24-летний Пхакадзе впервые среди советских гонщиков пробился в квартет сильнейших на треке.

На велодроме спортивного городка Мишука, успешно пройдя предварительные и четвертьфинальные поединки, он в полуфинале сражался с Морелоном. В первом заезде, уже при выходе на финишную прямую, Омар обходил чемпиона мира, когда тот схватил его за майку. Морелона наказали, но можно представить, какая буря бушевала в груди тбилисца, всегда отстаивающего честную спортивную борьбу. Оба следующих

заезда были выиграны французом, ставшим олимпийским чемпионом по решению фотофиниша.

Серебряная и бронзовая медали - у Джордано Туррини и Пьера Трантена. Омар четвертый, ему не привыкать к гримасам спортивной судьбы.

Удивительная велосипедная карьера Пхакадзе вмещала десять лет безраздельного лидерства на всесоюзных чемпионатах, десять золотых медалей чемпиона страны. И еще не раз, по его мнению, он обязан был победить на чемпионатах мира. Нацеленный только на победу, занимал второе-третье места и воспринимал их, как крушение собственных планов. Этот спортивный максимализм изматывал душу и тело. За год до Олимпиады в Мехико он был фаворитом мирового первенства - 67, но на тренировке упал шедший перед Омаром африканский велосипедист, и тбилисец не избежал падения и тяжелой травмы плеча. Он все же вышел на старт, но это был уже не тот Омар, готовый сокрушать асов спринта. Прощайте мечты о золоте «мира»!

Тогда его впервые назвали невезучим джентльменом трека. И самое удивительное: в это поверили руководители сборной команды, цвета которой он защищал свыше десяти лет. Бесменного чемпиона страны 1963-1973 годов, 4-кратного обладателя Кубка СССР (1963-1965, 1969), обладателя мировых рекордов, победителя Больших призов Тулы, Копенгагена, Берлина, где он сокрушал великих спринтеров Франции и Италии, посчитали неудачником.

Поездка Пхакадзе в Мюнхен была под большим вопросом даже после его очередной победы на первенстве СССР в Таллинне. Сезон 1972 года он практически пропускал. В конце концов руководители велоспорта вняли голосу разума, и велосипедный мир предвкушал битву гигантов. Морелон потом признался, что побаивался матча с Пхакадзе за золотую медаль, а потому вздохнул с облегчением, когда наш гонщик проиграл полуфинальную встречу австралийцу Джону Никольсону. Теперь никто не в силах был остановить его победный рывок. Акции «банка Морелона» снова стали золотыми.

Пхакадзе заставил поволноваться, проиграв первый заезд финала за 3-е место голландцу Клаасу Балку. Но второй и тре-

тий заезды были им выиграны в старом добром стиле - смелой атакой и за счет тактической мудрости.

Бронзовая медаль Пхакадзе была первой у советских спринтеров за всю историю Олимпийских игр.

Он слишком рано, в 28 лет, ушел из спринта, хотя сил у него оставалось для соревнований еще лет на десять. Сам так считал, а кто лучше знал возможности великого гонщика, его истинную силу?

На III Спартакиаде народов СССР (август 1963) в заезде с туляком Владимиром Леоновым, двукратным чемпионом страны, Омар рывком ушел от соперника и на скорости упал при входе на финишный вираж жесткого московского трека. Редкий гонщик сможет самостоятельно встать после такого падения, а он встал. В изодранной в клочья майке, измазанный зеленой, садится на велосипед, выжимая скорость, и обыгрывает в полуфинале Леонова. А надо еще финал выиграть, где его ждал Имант Бодниекс. Рижанин выиграл первый заезд, и теперь предстояло выиграть у него дважды. Омар вырывает эту победу, дважды первым приходя к финишу, работая с трудной второй позиции. Болельщики унесли его вместе с машиной с полотна трека.

Так побеждал Омар Пхакадзе. Заслуженный мастер спорта стал наставником, заслуженным тренером, первым президентом Федерации велоспорта Грузии.

«Скажи, сынок, – сказал ему руководитель республики Василий Павлович Мжаванадзе на приеме после золота Сан-Себастьяна, – что бы ты хотел получить? Прославил ты нашу Грузию, и я выполню любую твою просьбу».

Омар, живший тогда с семьей в одной комнатке общежития динамовского стадиона, попросил: «Постройте мне трек».

В 1975 году подарок Омару был готов – центральный вело-стадион, один из лучших в Европе.

Он был счастлив: выходил в центр трека, на его зеленый островок, широко раскрывал руки, слушая тишину вокруг, восхищаясь чистотой воздуха, исходящей от земли энергией. Он говорил, что раньше в таких местах строили церкви.

Незаметно подкралась грозная болезнь. Бегая кроссы к Черепашьему озеру, все чаще прислушивался к боли в желудке...

Пришла вечерняя газета со словами прощания из Тулы, города, где помнили его огневые финиши. Здесь он четырежды становился чемпионом страны. Тульский журналист, познакомившийся с Омаром в первый его приезд в город умельцев и оружейников, писал: «Предлагаю вывесить эту газету где-нибудь на треке у кабинок гонщиков – пусть молодые знают, кем был Омар Пхакадзе».

Кабины эти давно не слышат голоса знаменитых гонщиков Америки, Италии, Франции, Испании, Болгарии... В общезжитии трека нашли приют семьи беженцев, и вдову нашего велогонщика называли Матерью Терезой. Девочке из Сухуми потребовалась кровь первой группы с отрицательным резусом. Друг Омара был на треке и помог больной. «Когда снова мы встретимся с Омаром, – сказала мне Донара Джанукашвили, – хочу сказать ему: я выполнила свой долг – поставила детей на ноги и спасла трек. Надеюсь, Бог даст мне силы...»

А трек, его трек, давно ждет помощи, хотя бы косметического ремонта, не говоря уже о судьбе его уникального деревянного полотна. Мы как-то забываем об этом, как забыли многое – присвоить велостадиону имя Омара, без чего его название звучит серо и буднично, и нельзя допустить гибели этого уникального сооружения, где готовили чемпионов велосипедного спринта.

Омар никуда не ушел от родного трека, своего детища и гордости, остался рядом, на крутом склоне, на котором его распяла болезнь, и смотрит на трек с плиты мемориального камня.

Приходил к нему часто друг молодости Роберт Хачатуров, мастер спорта по шоссейным гонкам, сидел на каменной скамейке, им же изготовленной, и говорил, что не может иначе. Сидел пригорюнившись, вспоминая друга, его благородную и трагическую спортивную жизнь, как эта старинная грузинская песня.

Хареба и Гоги шли берегом Алазани и спрашивали друг у друга, какая сторона лучше...

КАК ПТИЦА ДЛЯ ПОЛЕТА

«А в Книгу рекордов Гиннеса я не попал, – сказал мне Владимир Угрехелидзе при встрече десятилетней давности, – хотя мог с полным основанием рассчитывать на такую славу». И улыбнулся собственной шутке.

Замечательный грузинский баскетболист, игравший за динамовский клуб Тбилиси, тогда только отметил свое 60-летие и оставался одним из самых любимых в народе. Имя Птица, на которое отзывался заслуженный мастер спорта (1971), прилипло к нему со школы, с седьмого класса, после соревнований по прыжкам в высоту, и в баскетболе, атакуя, он словно зависал в воздухе. В детские годы увлекался легкой атлетикой, волейболом, занимался шахматами у Михаила Шишова – наставника Ноны Гаприндашвили.

Много ответственных матчей сыграл Вова Угрехелидзе за свою спортивную жизнь, в том числе и те два, претендующие на рекордные, из разряда особо запоминающихся, но наибольшие испытания ждали его на Римской олимпиаде. Двумя годами раньше его, 18-летнего, выступавшего за «Буревестник», Георгий Авалишвили пригласил в динамовский клуб, и в его составе он стал победителем всесоюзного зимнего первенства. В команде, испытывающей смену поколения, уже ушли или собирались уйти признанные лидеры, с которыми были связаны громкие победы. Заполнить образовавшуюся «брешь» – задача архисложная, и ее предстояло решать молодежи. Решать и расти одновременно. Насколько Владимир Угрехелидзе преуспел в росте мастерства судите сами – скоро его призвали под знамена советской сборной, готовящейся к Олимпийским играм 1960 года.

Как ни странно, запомнилась она грузинскому новобранцу сборной прежде всего печальным эпизодом матча с пуэрториканцами. После неожиданного проигрыша бразильцам нашим для выхода из группового турнира в восьмерку сильнейших и продолжения борьбы за медали было необходимо выиграть у сборной Пуэрто-Рико, которая показала в Риме игру, которая не могла не нравиться – комбинационную, напористую, результативную. И к встрече с пуэрториканцами тренеры советской команды Степан Спандарян и Евгений Алексеев сделали не-

обходимые выводы.

«Во втором тайме, – рассказывал Угрехелидзе, – наша команда наконец заиграла в полную силу. Мы выигрывали крупно...» И за 58 секунд до финального свистка, когда разрыв в счете составил 35 очков, случилось небывалое. Кто-то из наших бросил по кольцу. Мяч попал в дужку. Петров первый пошел на добивание, за ним Угрехелидзе. В воздухе он почувствовал сильный толчок в плечо. Летит с трехметровой высоты головой вниз! Но успел перевернуться в воздухе и ухватиться за кольцо. В этот момент вся стальная конструкция пошатнулась и рухнула на площадку.

Вову спасло, что он оказался под стеклянным щитом, оградившим его от удара. У его товарища по команде Альберта Вальтина и нескольких зрителей на лице порезы от осколков. Зрители бросились на площадку разбирать осколки на сувениры. Вылез Угрехелидзе из-под разбитого щита и думает: неужели переигровка?

Подошел руководитель советской спортивной делегации, председатель Спорткомитета СССР Николай Романов, большой патриот спорта, всех спортсменов знал по имени. «Не переживай, Вова, – сказал. – Все обойдется». И погладил баскетболиста по голове, по итальянскому «ежику».

Надо сказать, «Римские каникулы» были до предела насыщены событиями, о них спортсмены забывали разве что вечером в олимпийской деревне, когда под открытым небом крутили для них диснеевские мультики, бывшие тогда в диковинку. А сходство со знаменитым фильмом Уильяма Уайлера с Одри Хепберн и Грегори Пеком в главных ролях прослеживалось в неожиданном изменении облика крайнего нападающего тбилисского «Динамо», после того как итальянец-переводчик сводил его к своему парикмахеру и тот предложил новую прическу – до этого Вова Угрехелидзе зачесывал волосы на пробор. Парикмахера того он увидел потом на трибуне «Палаццетто делло спорт» на матче с пуэрториканцами.

Время позднее – час ночи. Судейская коллегия решила зафиксировать результат, а назавтра рассмотреть на технической комиссии. Вмешался генеральный секретарь ФИБА Уильям Джонс – ввиду большого преимущества советской сборной предложил доиграть матч. Хозяиственника, ведавшего запасными щитами, в зале не оказалось, искали его, кажется, по всему Риму.

Через два часа щит заменили и игра возобновилась, и все это время зрители оставались на трибунах. Наши ребята забросили еще два мяча, и матч закончили победой – 100:63.

Матч, в котором Владимир Угрехелидзе первый в мире сломал баскетбольный щит. Только шрам на правой руке напоминал о «геройстве» тбилисского динамовца. Много лет спустя его повторил американец Меджик Джонсон.

Люди увозили из Рима золото, сказал мне Вова, а он – осколок того оргстекла.

В очень принципиальном матче с американской сборной, фаворитами Игр и бессменными их победителями (они и в Риме доминировали, набирая за матч стоочковые результаты), Вова Угрехелидзе поручили опекать звезду из Цинцинатти Оскара Робертсона, и он игру не портил, старался как мог. Вместе с товарищами удалось «закрыть» знаменитость – в первом тайме Робертсон забросил с игры только один мяч. Но у американцев были другие игроки первой пятерки – Уэст, Лейн, Лукас, Дисчингер, тоже звезды первой величины. К пятой минуте второго тайма их усилиями исход матча был уже решен. Окончательный результат – 81:57 в пользу американцев, которые в пятый раз стали олимпийскими чемпионами. Советские баскетболисты, как в Хельсинки и Мельбурне, выиграли серебряные олимпийские медали, подтвердив свою репутацию сильнейших в Европе. Дома их наградили медалями «За трудовое отличие».

Следующая дуэль Угрехелидзе и Робертсона состоялась через два года – во время турне сборной СССР в США. Оскар играл за команду профессионалов и намного прибавил в классе. Турне наши провели удачно – из восьми встреч выиграли половину. Результат одинаково почетный для обеих сторон. В Москве их даже наградили денежными премиями.

Увы, Римская олимпиада осталась первой и единственной в судьбе Угрехелидзе. И хотя он не был обделен спортивными наградами – бронзовый призер чемпионата мира-63, чемпион Европы-61, обладатель Кубка европейских чемпионов-62 (вершина грузинского баскетбола, покоренная в Женеве, когда тбилисцы, ведомые великим Отаром Коркия, победили мадридский «Реал» – 90:83. На счету Угрехелидзе в том матче 14 очков (его обычная норма), чемпион СССР 1968 года и обладатель Кубка СССР-69, четырех серебряных и одной бронзовой меда-

лей чемпионатов страны, – олимпийские путевки обходили его стороной. Назывался среди кандидатов в олимпийскую сборную перед поездкой в Мюнхен в 1972 году, но его, действующего нападающего, «не заметили», а в состав ввели московского армейца Геннадия Вольнова, два года назад покинувшего площадку и работавшего тренером в детской спортивной школе.

Это один из самых трагических эпизодов в его жизни. В те годы грузинских баскетболистов не очень жаловали судьбы в матчах чемпионатов страны. Особенно в матчах с ЦСКА. Делалось все, чтобы армейцы стали чемпионами. И в сборной предпочтение отдавали москвичам, ленинградцам...

Жертвой одной из таких интриг стал Угрехелидзе. Сборную к Мюнхену готовил ленинградец Станислав Кондрашин, который не ладил с тренером первой команды страны Александром Гомельским. Кондрашин привлек в сборную Геннадия Вольнова, который за несколько месяцев до Игр в Мюнхене опубликовал в газете «Советский спорт» критическую статью, касающуюся работы Гомельского в сборной. Этим Кондрашин отблагодарил его за статью. На Олимпиаде Вольнов играл мало, выходил на замену в конце матчей, когда их исход фактически был решен, однако олимпийским чемпионом стал.

Мы оба вспомнили исторический матч на Спартакиаде народов СССР 1959 года со сборной Латвии, целиком укомплектованной баскетболистами рижского СКА, трехкратными чемпионами Европы.

Арбитр на площадке щедро раздавал фолы. После двух таймов и дополнительных пятиминуток Угрехелидзе, выдавший нагору свои боевые 14 очков, выбыл из игры под грузом штрафных. Замены все уже исчерпаны. На площадке четверо тбилисских динамовцев против пяти рижан. За 12 секунд до финального свистка при счете 88:86 площадку покидает Леван Мосешвили. Оставшаяся тройка – Гурам Абашидзе, Валерий Алтабаев и Тамаз Какауридзе, играя против пяти рижан, сумели удержать победный счет и обеспечить команде серебро Спартакиады. Незабываемая победа, сказочная победа над непобедимой командой Яниса Круминьша!

Динамовская команда была дружная, способная на многое. И долго еще при той встрече мы вспоминали баскетбольные битвы, где мой собеседник рубился с товарищами, не щадя сил,

которые нам отпущены. Он наделял одноклубников щедрыми эпитетами, но особо выделял Отара Коркия. «Мне посчастливилось, – сказал, – именно так, играть вместе с ним в 1958 году, это была высшая школа баскетбола. После травмы Коркия стал тренером и привел нас к победе в европейском кубке. А еще хочу особо выделить Гурама Минашвили, с кем мы играли в олимпийском Риме. Другого такого дирижера на площадке тбилисское «Динамо» не знало. Гурам для всех нас служил примером трудолюбия и целеустремленности. Он всегда был в отличной форме».

Я дарю ему на прощание мою книгу о грузинских олимпийцах – «Гром победы». «Подарю ее моему внуку – он не верит, что его дед был участником Олимпийских игр», – сказал мне с улыбкой. Думал ли я, что эта встреча будет последней!

Вспоминается, как научная и спортивная общественность страны отмечала юбилей заведующего кафедрой физического воспитания и спорта Тбилисского государственного университета имени Ив.Джавахишвили, доцента Владимира Угрехелидзе, редкого таланта в спорте.

Ректор университета академик Роин Метревели по поручению президента Грузии вручил юбиляру орден Чести и медаль Иванэ Джавахишвили. Каждый выступающий считал своим долгом сказать теплое слово в адрес олимпийщика.

Гурам Минашвили вспомнил, как в 80-е годы Александр Гомельский, комментируя матчи Национальной лиги США, в частности, игру великого Майкла Джордана, сказал: «Был в тбилисском «Динамо» Птица – Владимир Угрехелидзе. Прыжок Джордана напомнил мне его».

Один журналист назвал Владимира Угрехелидзе Галактионом в баскетболе. И это небеса не только в поэзии, но и в спорте, доступные только крылатым людям.

«ЭТО ЗОЛОТО БУДЕТ НАШИМ!»

Он сидел на длинной скамье в просторной борцовской раздевалке приземистого, похожего на ангар зала «Пистахело» олимпийского Мехико и думал, как справиться с тревогой. Четыре долгих года Роман Руруа шел к этому дню. На кону – золотая медаль, последняя из разыгрываемых.

«День финала», – подумал он и усмехнулся. Усмешка получилась какая-то вымученная. Время, близкое к полуночи. Олимпийцы других видов спорта уже завершили соревнования. Борцам классического стиля предстояло поставить последнюю пробу на мексиканском золоте. Почему-то происходило это в полулегком весе. Четыре серебряные медали у товарищей по команде – чемпионов мира различных годов Владимира Бакулина, Валентина Оленика, Николая Яковенко, Анатолия Рощина. И ни одной золотой. Заколдованные вроде эти Олимпиады. Не повторится ли токийская история, когда одному Анатолию Колесову в советской сборной удалось завоевать золотую медаль в полусреднем весе.

«На Олимпиаде в Токио мне очень не повезло с судьями, – рассказывает Роман. – В шести схватках заработал 50 баллов – вот сколько провел приемов. Финальную схватку с Имре Пояком явно выиграл, на пятой минуте сбил его в партер и заработал выигрышное очко, но судьи не засчитали приема. Снова провожу прием. Выигрываю, стою, улыбаюсь и слышу: «Ничья».

Олимпийским чемпионом объявляют Пояка. Роман Руруа – второй.

Венгр тоже легенда борьбы, но на Олимпиадах вечно второй. В Хельсинки его опередил наш Яков Пункин, в Мельбурне – финн Рауно Мяккинен, в Риме – турок Музахир Силле. В Токио – на четвертой своей Олимпиаде чемпион мира из Венгрии сделал все, чтобы к своей главной финальной схватке обеспечить наиболее комфортное положение, когда ничья с Романом гарантировала ему победу в турнире.

Так у Романа отняли заслуженное первое место. Он его выиграл, а ему дали только серебряную олимпийскую медаль. А теперь их пугают высокогорьем, в котором гибнут надежды. Подумаешь, высокогорье! В Грузии есть горы повыше. Надо

просто честно делать свое дело. И тогда он сказал негромко, удивляясь хрипоте своего голоса: «Это золото будет нашим!» Но его услышали у противоположной стены. Люди, не мешавшие ему настроиться на схватку.

Роман увидел Колесова, он теперь старший тренер советской сборной, заместитель председателя Спорткомитета страны. Высоко забрался, а остался таким же близким и совестливым. Анатолий Иванович будет секундировать Роману в решающем поединке. Сто двадцать градусов жары в сауне, а он – с ним – парит подопечного. Роман уже, казалось, не выдержит, а друг: «Терпи, Рома!» И кладет на голову холодное полотенце. «Ну, – говорит Руруа, – умру, но сгоню лишний вес!» – «Зачем тебе умирать! – смеется Колесов. – Живи сто лет на страх соперникам».

Вчера Колесов собрал сборную на последнюю тренировку. Невеселая она вышла.

«Анатолия Ивановича я не подвел, – говорит Роман. – Вышел из гостиницы и скоро забрел на окраину Мехико и дальше – в какое-то селение. Ребятишки голые бегают, дым из труб домиков валит, женщины стирают белье в больших деревянных корытах. Олимпиадой, от которой обезумел мегаполис, здесь и не пахнет. Добрых четыре часа я начисто о ней забыл. Ушел за село – в горы. Ребятишки за мной гурьбой. Я им по-грузински про свое село Мухурча рассказываю, а они хохочут и все по-своему: ци, ци, ци-ци, ри, си. Но мы прекрасно понимали друг друга. Я их учил пять грузинские песни, а они меня – танцам. Далеко забрели в горы. Один малыш заплакал – устал. Посадил я его на плечи и повернули мы вниз. Передал спящего ребенка матери, которая уже начала волноваться. Угостила меня молоком и маисовой лепешкой. Потом отец малыша отвез меня в гостиницу на колымаге, наверно, выпуска начала века. Голова моя после вылазки в горы стала ясной, напряжение сняло как рукой. Вспоминаю с благодарностью, как Колесов разрешил мне эту прогулку. Считай, помог мне стать олимпийским чемпионом».

Помня уроки Токио, Роман одного за другим положил на лопатки четырех соперников – Исмаила Карагхали из Ирана, американца Джеймса Хозевинкеля, будущего чемпиона мира югослава Сретена Дамяновича, Лотара Шнейдера из ГДР, по очкам победил турка Хадира Алакоча и болгарина Димитра Галинчева.

Но схватку со старым знакомым японцем Хидео Фудзимото еще предстояло провести.

Ничья устраивает Руруа, у него два штрафных очка против пяти штрафных у Фудзимото. Японцу нужна только победа. Годом раньше на чемпионате мира в Бухаресте первым был Руруа, Фудзимото – третий призер. Но японские борцы известны тем, что никакие высокие титулы не оказывают на них парализующего действия. И Фудзимото оказался не робкого десятка.

Более двух часов их не вызывали на ковер. Роман раз шесть разминался, мог и перегореть. Фудзимото в первые минуты не делал попытки пойти в атаку. И усыпил своим миролюбием – ничья делала Романа олимпийским чемпионом. Уловив момент, «мирный» японец провел молниеносный бросок с захватом руки. Роман оказался на мосту. Два очка проиграно. Руруа бросился отыгрываться. Скоро счет сравнялся. Мог он обострить схватку, но тренеры ему запретили рисковать без нужды. А как обострить без риска? Золото это последнее действительно стало нашим. И командой победила наша сборная.

Специалисты потом подсчитали: у семерых олимпийских соперников Руруа выиграл 83 очка, а уступил только два. 83:2 – очень подходящий счет!

Получая чемпионскую медаль 26 октября 1968 года, Роман Руруа, названный на пресс-конференции самым сильным и техничным борцом Олимпиады, вспомнил свой долгий спортивный путь по маршруту Мухурча–Мехико. И ничего хорошего о своем детстве в селе, отмеченном тяжелым физическим трудом.

С поступлением в школу забот прибавилось. Уроки готовить, за скотиной ухаживать надо – травы накосить и домой притащить. Пуда два тащит, бывало. Не видно его, огромная охапка травы идет по дороге, а человека нет. Умирает, а тащит. Иначе, как в глаза родителям посмотреть.

Так прожил Роман 15 лет, накапливая силу и выносливость не в тренажерных залах – в изнурительном крестьянском труде.

Первым его увлечением в спорте стал футбол. Узнал, что в Тбилиси есть знаменитая 35-я футбольная школа, приехал, поступил и поиграл один год в основном составе юношеской команды «Динамо». Но не оценили, проглядели футбольные наставники искру божью в молодом пареньке. То, что высмотрел

орлиным взглядом один из лучших тренеров страны Акопов.

И Роман начал отрабатывать этот щедрый аванс. В 1961 году его включили в сборную Грузии. Первым номером в полулегком весе был чемпион страны Мераб Гудушаури – боец редкостного таланта и силы, и огромного человеческого обаяния. Роман рос при нем, набирался драгоценного опыта в спарринг-встречах в части техники и тактики. Гудушаури на заседании тренерского совета предложил ввести Романа в команду. Роман потом с признательностью отмечал, окажись на месте Мераба другой человек, может, его приход в большой спорт был бы значительно позднее.

Командное первенство СССР в Тбилиси. Во Дворце спорта нет свободных мест. Акопов говорит Роману: «Это все тебя пришли смотреть – большие люди! Покажи, какой ты храбрый и смелый!»

И 19-летний юноша последовал совету учителя – победил чемпиона мира Владимира Сташкевича и доселе непобедимого Олега Караваева, чемпиона Олимпийских игр, мира и СССР, с запоминающимся счетом 7:1. В их следующем поединке на 3-й Спартакиаде народов СССР (август, 1963) Руруа удалось повторить тбилисский счет, и Караваев вынужден был признать, что в полулегком весе появился боец сильнее его.

Вручая Роману золотую медаль чемпиона, президент Международной любительской федерации борьбы (ФИЛА) Милан Эрцеган сказал: «В Советском Союзе, где выросло столько первоклассных полулегковесов, таких как чемпионы мира и Олимпийских игр Яков Пункин, Владимир Сташкевич, Константин Вырупаев, Геннадий Сапунов, появился еще один боец с большими потенциальными возможностями и прекрасным будущим. Темпераментно ведя схватки, отлично владея приемами, Роман Руруа стоит в одном ряду с самыми искусными борцами. Я не сомневаюсь, что очень скоро о нем узнает весь мир».

В семидесятом году смелый прогноз заслуженного тренера СССР Нерсеса Акопова получил новое подтверждение. В канадском городе Эдмонтоне Роман добыл свою четвертую золотую медаль чемпиона мира.

Вот что говорит Роман Руруа о своем кумире Гиви Картозия: «Рождаются талантливые, смелые, верные... Он каким родился?»

– Добрый, правдивый, гордый, лидер, авторитет, физически красивый и сильный, с себя снимет и на тебя наденет, сам не съест и с тобой поделится, даст и не отнимет у тебя, положенное сам платит – его не опередишь, не обидит бедного, у богатого возьмет – отдаст бедному. Брат ты ему или друг, его ребенок или родственник, кто бы ни был, скажет тебе правду, защитит, если нужно, и побьет. Самолюбивый, скромный, непреклонный, бесстрашный, решительный. Специалисты борьбы в сильнейших сборных мира всех времен называют Гиви Картозия и наряду с ним – еще одного грузина Арсена Мекокишвили. Два грузина в сборной мира всех времен! В мире нашей борьбы Гиви управлял ситуацией. Вожаком никто его не назначал, но само собой так получилось, что спрашивали его совета, и следовали ему. Много внес в борьбу человечности и мужества. Когда сегодня говорят о большой борцовской семье и мужестве борцов, это его заслуга, и он создал традиции, которые никто не менял после смерти, в этом качестве никого не назначают и не избирают. Такими рождаются».

Многие годы спустя заслуженный мастер спорта 6-кратный чемпион СССР и капитан сборной страны, член Парламента Грузии (1999-2003) Роман Руруа, этот непререкаемый авторитет в спорте, вместивший в себя целую школу классической (греко-римской) борьбы, отвечая на вопрос, чему научил его спорт, скажет: «Терпению». И обращенный мыслями в прошлое, добавит, что для него главное в спорте: «Он быстро выдает результаты труда, но еще быстрее их забирает».

В этих словах – весь Роман, обычно не щедрый на откровенность, словно ушедший в раздумья, но предельно честный, прежде всего перед собой. И слава его не тяготит, он ее будто не замечает.

ГВОЗДИ Б ДЕЛАТЬ ИЗ ЭТИХ ЛЮДЕЙ

Олимпийский чемпион стоял на высшей ступеньке пьедестала почета в высокогорном Мехико и вспоминал свой первый приход в борцовский зал. Вместе с другом он, новичок, находился на балконе и смотрел вниз – на тренировку грузинской сборной. Их горящие восторгом глаза заметил седой человек в тренировочном костюме, засмеялся. Седоволосый скомандовал: «Спускайтесь в зал!»

Так состоялась их первая встреча. Через два года, по окончании чемпионата Грузии, этот человек Нерсес Акопов сказал: «Отрежьте мне голову, если Роман Руруа лет через пять-шесть не станет чемпионом мира». Разве мог он допустить, чтобы его дорогой тренер лишился головы? Срок истекал, и в 1966-м в американском городе Толидо он им стал, а потом еще выиграл три «мира» в Бухаресте, Мар-дель-Плата и Эдмонтоне, его избрали капитаном советской сборной единогласно и надолго.

Это было признание заслуг великого борца и его великого тренера Нерсеса Акопова, который семнадцатилетним пареньком пешком пришел в Тбилиси, начал работать грузчиком в караван-сарая Тамамшева. Судьба не раз гнула его, испытывала на прочность, а он все выдержал и победил. Родился в 1903 году в большой семье сельского кузнеца Григория. Двенадцать сыновей и четыре дочки. Накормить столько ртов дело нешуточное. Отец трудился от первых лучей солнца до глубокой ночи – с тяжелым молотом управлялся играючи, как часовщик с миниатюрным молоточком. Когда время не ждало, бил по наковальне одновременно двумя молотами, удивляя односельчан богатырской силой. А надо сказать, дивились они не однажды. Любил кузнец в редкие минуты отдыха помериться силой в армянской борьбе кох. Борьбе, которая потом подарила спорту олимпийских чемпионов и чемпионов мира. А тогда самые сильные люди планеты официальных игр не проводили. Но силачи попадались не в пример нынешним по силе и сноровке. С отцом решался бороться разве что его младший брат Аракел – он даже был сильнее, и бороться не очень любил, боялся случайно покалечить.

«Отец и дядя были нашими первыми тренерами, – вспоминал наставник олимпийского чемпиона, одиннадцатый сын кузнеца

Нерсес. - Акоповы могли выставить свою сборную команду. За поражение отца нашему дяде пришлось мне отыгрываться, в схватке с двоюродным братом Саркисом. Силен был от природы, весь в отца Аракела. В своих сапогах дошагал до самого Берлина, вернулся в орденах, израненный, от военных ран умер уже в мирное время».

Надо сказать, сам Нерсес Григорьевич не бегал от войны. К началу ее он, уже известный в спорте человек, работал тренером по борьбе в районном имени 26 комиссаров комитете физкультуры и спорта. Бронь имел – освобождение от призыва. И работа была сугубо военная, обучал бойцов искусству рукопашного боя. А все же не вынесла душа, не к лицу было сыну молотобойца прятаться в тылу.

Пришел к начальству проситься на фронт. Начальник пришел в ярость, кричит: «А здесь для тебя не фронт? Кто молодых солдат учить будет?» – «Как это учить, – отвечал Нерсес, – немец Минск взял, воевать надо!» Так покричали друг на друга, обиделись, а ни о чем не договорились.

Решил тогда Акопов действовать с другого конца. Пришел в военкомат, к человеку со шпалой в петлице, изложил свою великую просьбу. Командир спрашивает: «Бронь есть?» – «Откуда я ее тебе возьму, – отвечает доброволец, – что я начальник какой?» Смотрит, вроде сошла ему с рук хитрость. Вышел из военкомата Нерсес, бумажку с бронью к тому времени он порвал и прямехонько махнул на фронт. На работе сбились с ног, его разыскивая, выговор за прогулы объявили в приказе, а он далеко – комиссар стрелкового батальона 256 полка Первой гвардейской армии воюет с фашистами, с боями освобождает Украину, Польшу, Чехословакию. Дошел до Праги. И на японском фронте успел повоевать, в Манчжурии. Домой вернулся в сорок шестом, нагруженный боевыми наградами – двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степени, 15 медалями. Был тяжело ранен, но сумел обмануть смерть.

Тбилиси – какой город? Все друг друга знают. Встретил Нерсес Григорьевич на улице своего бывшего начальника. Начальник говорит: «Тебя, Нерсес, фашисты не убили, потому что я тебя крепко ругал. Когда человека ругают, ему везет». Начальник, получается, правильно его ругал. Нашел, кстати, тот

знаменитый приказ с выговором, подарил на память. «С тебя причитается...», – сказал не держа обиды на «провинившегося».

Акопов вернулся в большой спорт, к которому прикипел всей душой еще в двадцатые годы, стал десятикратным чемпионом Грузии по борьбе, абсолютным чемпионом Закавказья. Посещал занятия в любительской секции по французской борьбе, которую создал Георгий Чикваидзе. А секцией гимнастики в том же подвале школы руководил Георгий Эгнаташвили. «Какие ребята занимались в нашей секции, – вспоминал уже седоголовый Нерсес Григорьевич, – братья Петр и Василий Денисовы, Григорий Пыльнов, Ерванд Мартиросян, Леонид Дзеконский, Михаил Тиканадзе, Давид Джапаридзе... Многократные чемпионы Грузии, Закавказья, победители всесоюзных чемпионатов.

Свыше 60-ти лет Акопов отдал тренерской работе, руководил секцией классической и вольной борьбы в Доме офицеров ЗакВО, в ДСО «Спартак», в системе ТОНО, десятки лет был занят подготовкой олимпийского резерва, подготовил около пятидесяти мастеров спорта. У него занимались чемпион мира по самбо Гурам Черткоев, чемпион СССР 1957 года по вольной борьбе Заур Мchedlishvili, двукратный чемпион СССР Тамаз Мачавариани. Он приложил руку к росту мастерства таких виртуозов ковра, как серебряный призер Олимпиады-52 в полутяжелом весе Шалва Чихладзе, Георгий Термолаев, чемпион СССР 1946 года по вольной борьбе, заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР Арташес Назарян. Потом они сами стали выдающимися тренерами, воспитали чемпионов.

Почетных званий и регалий у Нерсеса Григорьевича вагон с тележкой: заслуженный тренер Грузии и СССР по классической борьбе, заслуженный работник народного образования Грузии, ветеран спорта, судья республиканской и всесоюзной категорий, почетный судья всесоюзной категории, ветеран войны и труда, персональный пенсионер...

Ходил в своем неизменном ратиновом пальто с меховым воротником, уже непонятного цвета. Роман Руруа не раз пытался справиться ему обнору, на что старый Нерсес отвечал: «Пальто почти новое, сейчас такой ратин не делают, так не шьют! До смерти буду его носить!»

Поздравить Нерсеса с 80-летием пришли в Парк Победы 400 человек – вся борцовская элита.

84-летнего Акопова спросили: «Не трудно ли работать?» Он ответил: «А как же без работы?» И в средней школе, где работал педагогом физкультуры, создал секцию борьбы – уговорил директора, от желающих заниматься отбоя не было. Сам считал: «В Грузии талантливые борцы никогда не иссякнут, борьба у грузина в крови, он рождается борцом. Просто их надо искать и находить». Вот, оказывается, как просто, в чем секрет великого тренера-селекционера.

Вершиной достижений заслуженного тренера СССР Нерсеса Акопова все же остается пример Романа Руруа, которого тренер называл самым любимым борцовским сыном. Их трогательная дружба началась в 50-х, когда из села Мухурча приехал паренек, крепкий как молодой дубок. Отработав на заводе смену, шел на занятия в вечернюю школу, тренировался семь дней в неделю, по две тренировки в день. У них с самого начала установились, как вспоминал Акопов, настоящие отношения. И не только на ковре. Бывало, придет Роман на тренировку, Нерсес Григорьевич спрашивает: «Обедал сегодня?» – «Обедал», – отвечает Роман. – «Врешь, небось» – «Вру», – соглашается ученик. – «Прекрасно, – говорит тренер, – сегодня кутим у меня дома». Кутежом Нерсес Григорьевич называл скромный обед из трех блюд, которого его будущий знаменитый чемпион был лишен в пору своей свирепой бедности. И Роман не имел секретов от любимого наставника, закаляя тело и душу, уже тогда поставив перед собой самые великие цели. И только в одном невольно обманывал тренера, когда Акопов уходил домой после тренировки, возвращался на ковер и несколько часов продолжал заниматься разучиванием приемов.

Когда я вспоминаю эту удивительную пару – патриарха-наставника и его любимого ученика, на память приходит стих известного поэта: «Гвозди б делать из этих людей: / Крепче б не было в мире гвоздей».

Два моих друга считали себя учениками великого Нерсеса, хотя оба слишком рано ушли из спорта в учебу, в журналистику, и с ними тоже связывали надежды спортивные наставники. Но оба помнили каждую его реплику, замечание – уроки Акопова продолжают! И слушая их рассказ, как группа Нерсеса бежала в майках и трусах многокилометровый кросс от улицы Орджоникидзе, от зала борьбы через Плехановский проспект и Бота-

нический сад к знаменитой бане, воспетой Пушкиным, а потом Нерсес покупал для всех билеты и вел в парную, я чувствую себя обделенным радостью и счастьем общения с этим нестареющим человеком, который и в беге ни на шаг не отставал от молодых. Если можно было бы вернуться в ту спортивную молодость! А ведь я сам какое-то время ходил заниматься в секцию борьбы на динамовском стадионе, пока не последовал запрет посещать ее, чтобы не подавать дурной пример другим ученикам школы, и самое интересное, что исходил он от директора, известного своим крутым нравом, скорого на расправу.

Как говорится, не судьба. Вот так не познакомился я с Нерсесом Григорьевичем.

Умер знаменитый тренер в 1990 году. Ехал после тренировки в борцовском зале, в трамвае задремал и не проснулся. Такая вот легкая смерть. Древние греки считали, что легкой смертью боги награждают своих любимцев. За несколько дней до этого ему выделили изолированную квартиру, которую он ждал всю свою долгую жизнь. Не дождался. Смерть опередила, которая до этого уносила его самых близких, а теперь забрала и самого.

КОГДА РАССЕЯЛСЯ ДЫМ СРАЖЕНИЙ

Звезда Михаила Ботвинника, вспыхнув ярко в тридцатых годах, три десятка лет служила надежным ориентиром и еще послужит верой и правдой людям, пока живы будут шахматы.

Первым в него поверил дедушка, живший с семьей в Краславе, в деревянном домике на берегу Западной Двины (Даугавы). В 1915 году, приехав в Петроград повидать дочерей, он посадил четырехлетнего внука на колени, коротко с ним поговорил и сказал: «О, этот мальчик будет ого-го...» Сам Миша это «ого-го» не помнил. Помнила Серафима Самойловна и потом рассказала сыну, каким провидцем оказался ее отец.

Мастером спорта он стал в шестнадцать лет. Факт по нынешним меркам мало примечательный. Компьютерный век в считанные годы позволяет добиться и более высокого, гроссмейстерского звания, но не будем забывать, когда начинал Ботвинник.

Радиокомментатор Вадим Сиявский, глаза и уши всех

болельщиков страны, как-то полушутя назвал его Патриархом шахмат. С ним согласились и принялись нещадно эксплуатировать чужую мысль.

В справедливости этой крылатой оценки я убедился, едва переступив порог его номера в гостинице «Тбилиси» в октябре 1963 года, который удачным для Ботвинника не назовешь. Он проиграл матч молодому Тиграну Петросяну, который с полным основанием, как и все, считал себя учеником Михаила Моисеевича Ботвинника, заимствовав форму признания в любви у классика русской литературы, высказавшегося похоже о гоголевской «Шинели» и вышедших из нее гениях.

Жизнь великого человека, ставшего эпохой в истории шахмат, не была для меня за семью печатями. К тому времени я был достаточно наслышан и начитан о его беспрецедентной турнирной и матчевой практике, равно как и о содержимом знаменитого термоса, который он брал с собой на игру, о застарелой привычке поправлять галстук, когда начинала обостряться позиция на шахматной доске. О первом международном «дебюте» четырнадцатилетнего Миши 20 ноября 1925 года в сеансе одновременной игры на тридцати досках Капабланки в малом зале Ленинградской филармонии. «Ты что, Капабланкой стать решил?», – обычно говорила Серафима Самойловна. Она не одобряла увлечения Миши шахматами, но для такого торжественного события купила сыну новенькую коричневую косоворотку. На 33-м ходу чемпион мира смешал фигуры, признав свое поражение в партии со школьником, с выражением лица не из приятных. Пошел дальше – сквозь строй участников сеанса. А его победитель остался испытывать свои юные силы в Ленинграде. Успехи стремительно шли в гору, и даже внешне он преобразился. Через год появились роговые очки и шляпа «Борсалино». Таким он запомнился на старых фотографиях.

Сидя в гостиничном номере Ботвинника, я гадал, как деликатнее коснуться событий проигранного матча, стоившего ему утраты короны, которой он владел без малого полтора десятка лет, с двумя годичными перерывами. Передо мной был безукоризненно корректный человек, знакомый незнакомец, который после треволнений напряженного шахматного года собирался на отдых в Цхалтубо.

Но отдыхать – не в характере Ботвинника. Он приехал с

большой программой, включающей и сеансы с часами с сильнейшими грузинскими мастерами. Экс-чемпион мира сказал, что не примет участие в очередном первенстве страны, возможно, выедет на международный турнир в Голландию.

Говоря тогда о недавних шахматных событиях, тепло отозвался о Ноне Гаприндашвили, у которой, по его мнению, большое будущее. Самыми ответственными для 22-летней чемпионки мира он считал чемпионаты страны. Именно в них чаще следует выступать Ноне, которая за последние годы сделала большой шаг вперед, только хочется ей посоветовать меньше рисковать в ответственных партиях.

Наш разговор коснулся проблемы искусственного шахматного мастера и новой системы розыгрыша первенства мира. Ботвинник считал, что в матчах претендентов элемент случайности почти исключен. Чтобы сыграть матч на первенство мира, пошутил он, надо немного – хорошо играть.

Слушая Ботвинника, назвавшего молодого Роберта Фишера в числе опаснейших матчевых соперников, и разделяя его уверенность в том, что советские шахматисты еще долго будут одерживать победы, хотя за рубежом изучили стиль их игры и тщательным образом готовятся к встречам с ними, я мысленно возвращался к нашему мартовскому разговору по телефону.

За два дня до открытия матча на первенство мира, на мой вопрос, с какими мыслями чемпион выходит играть на сцену Московского театра эстрады, он сказал: «Ответить не имею права. У меня такое правило – не делать прогнозов перед матчем. Очень рад вашему звонку, но на все вопросы отвечу после матча. Скажу лишь одно: чувствую себя отлично». И почувствовав мое разочарование, попросил передать через газету «Вечерний Тбилиси» сердечный привет и наилучшие пожелания всем тбилисцам.

Кажется, в тот день я попал в полосу неудач. Позвонив на квартиру Петросяна, узнал от супруги, Роны Яковлевны, что претендент со своим секундантом гроссмейстером Исааком Болеславским находится в подмосковном доме отдыха в Суханово.

Этот разговор я невольно прокручивал в памяти, слушая Ботвинника, давшего мне полгода назад слово быть откровенным после матча, а потому удивился, услышав от него: «Допустим, я выиграл бы матч и сохранил за собой звание чемпиона мира, а дальше что?..»

Тогда ответ показался мне не очень искренним. Но потом, зная беспощадную объективность этого человека к себе и другим, подивился откровенной горечи реплики. В ней были усталость и разочарование, которыми сопровождается достижение многих великих целей. Такие чувства испытал норвежский исследователь-полярник Руал Амундсен, увидев Северный полюс с борта дирижабля «Норвегия» – бесконечную белую пустыню, хаотичное нагромождение льдов, царство смерти и холода.

После проигрыша матча 1963 года Ботвинник резко сократил исследовательскую работу в области шахмат, закончились его выступления в соревнованиях на первенство мира, но представить Ботвинника без шахмат было неправдоподобно, и он продолжал баловать гурманов древнейшей игры изысканными блюдами со стола международных турниров, хотя и признавал, что с точки зрения творческой ему приходилось жить «старым жиром» - исследовательским.

Вскоре после нашей встречи Ботвинник писал в американском журнале «Чесс Уорлд» в статье «Почему я проиграл матч?» о природе охватившего его чувства: «Третью веку назад мне пришлось играть в одном турнире в Ленинграде (в областном чемпионате Рабпроса зимой 1929 года – А.Е.); в партии с А. Батуевым (будущим мастером) я имел большой перевес, но, не совершив ни одной ошибки, вынужден был довольствоваться ничьей. Было мне тогда 17 лет, и я решил показать партию другому участнику турнира – мастеру Романовскому. «Петр Арсеньевич, – обратился я к нему с обидой в голосе, – как я мог не выиграть эту партию?!» «Раз не выиграла, Миша, – последовал спокойный ответ, – значит, в подсознании не очень хотели этого...»

Далее автор статьи окончательно сформулировал суть ответа ветерана отечественных шахмат: «Да, с шахматным мастером так иногда случается. Казалось бы, он много трудится для победы, но сам не знает заранее, очень и по-настоящему ли ее хочет».

Мысль предельно откровенная, полемически задиристая, характерная для Ботвинника, человека-легенды, под стать корифеям могучей кучки – Ласкеру, Капабланке, Алехину.

О высокой репутации и надежности этого человека хорошо сказал один ответственный работник Госкомспорта. Довольно давно, когда участились аварии в гражданской авиации, он

высказался в том плане, что если бы во главе Аэрофлота стоял Ботвинник, то аварий бы не было. Это было сказано совершенно серьезно и так же серьезно воспринято. Все что делал Ботвинник-шахматист и ученый – получалось на редкость фундаментально.

Он вспоминал, как танцевал фокстрот с Галиной Улановой на заключительном банкете в ресторане «Астория» после матча с надеждой Запада, чемпионом Чехословакии гроссмейстером Сало Флором в 1933 году. «Никогда не думала, что шахматисты танцуют», – сказала великая балерина. «Я ей ничего сказать не мог – фокстрот она танцевала слабо, – снисходительно замечает Ботвинник. – Фокстрот и чарльстон я танцевал на уровне профессионала». И не делая секрета из того, как он превзошел Галину Уланову в искусстве танца, объясняет: на протяжении многих лет каждую субботу ходил на танцевальные вечера с сестрой одноклассницы. Чарльстон у него сначала не получался – не так просто вертеть обеими ногами одновременно. Но он схитрил: месяца два методически тренировался перед зеркалом и создал свой стиль, когда ноги работают поочередно. Со стороны заметить это невозможно и все на танцплощадке почтительно наблюдали за системой Ботвинника и его молодой партнерши, полагая, что это новейшая мода с Запада.

С балетом Ботвинник был в родственных отношениях – как всегда, вечером ехал к Кировскому театру за женой – артисткой балета, на «эмке», которую обменял на «газик» – подарок наркома тяжпрома Орджоникидзе, когда движение этих автомашин по Москве и Ленинграду запретили. Познакомились они 2 мая 1934 года на вечеринке в доме Якова Рохлина на Васильевском острове. Жена Якова была артисткой балета и пригласила подругу – обе учились у Агриппины Вагановой. Представляя гостя, Рохлин сказал: «Гроссмейстер балета, разрешите познакомить вас с гроссмейстером шахмат».

Возвращались ночью. Николаевский мост через Неву уже разведен. Дворцовый тоже вот-вот разведут. Полил дождь. Прическа Миши пострадала, и он волновался, что не понравится хорошенькой девушке. Но страхи были напрасными – через год друзья и близкие гуляли на свадьбе Миши Ботвинника и Гаянэ Давидовны Анановой. В марте того же года на спектакле «Дон Кихот» Капабланка, увидев в ложе Кировского театра избран-

ницу молодого советского лидера, сказал: «Et bonne, et belle» (И хороша, и красива). Капабланка и вне шахмат был обаятелен и умел говорить любезности.

Два наших разговора с Ботвинником имели неожиданное продолжение. Десять лет спустя, когда я опубликовал в «Заре Востока» очерк «Алгоритм поиска» о Гии Надареишвили, друге Михаила Моисеевича в последние десятилетия, чей самый сложный этюд тогда только решила шахматная программа «Пионер». Патриарх всенародно признался, что ему хочется почтительно снять шапку перед грузинским другом, исследователем и фанатиком – его композиции вошли в золотой фонд этюдного искусства. Аналогичные чувства владели мной во время работы над очерком. Неизвестный доброжелатель, тбилисский любитель шахмат переслал очерк Ботвиннику, который не замедлил отозваться о нем в письме Гии Антоновичу в очень лестной для меня форме. Ложная скромность помешала мне более подробно ознакомиться с этой неожиданной рецензией классика, а когда вспомнил – было поздно. По прошествии времени найти письмо оказалось делом хлопотным. Но главное было сделано – цель поиска дала результат. Имея его, необязательно ждать похвалы, знаков внимания, благодарности, пусть даже и заслуженной. Осталась радость от хорошо сделанной работы.

ИМ СНИЛАСЬ САБЛЯ

Перед последним боем с итальянцами советские саблисты вели 8:7. Один удар, один шаг отделял их от победы, от золотых олимпийских медалей Токио-64. И его предстояло сделать Нугзару Асатиани.

Сальвадоре – не подарок. Опытный боец, отвергающий классическую манеру, фехтующий в стремительном темпе. Нугзар так волновался, что потом не мог восстановить в памяти подробности поединка. Друзья говорили, что выдался он красивым и упорным. Сам же помнил: не имел ни минуты, чтобы перевести дух. Но вот последняя мгновенная флеш-атака, соперник откидывает маску и уходит с помоста. Глаза его полны слез, а Нугзара подхватывают руки товарищей.

Накануне Токийской олимпиады в сборной подобрался

слаженный сабельный ансамбль. Яркий лидер Яков Рыльский. Хитроумный тактик Марк Ракита. Вдохновенный исполнитель танцев с саблями Умар Мавлиханов. Непробиваемый защитник Борис Мельников. Нугзар Асатиани с его горячим южным темпераментом был очень кстати. Тренер сборной, обладатель первой среди советских фехтовальщиков олимпийской медали Лев Кузнецов (бронза, Хельсинки) отмечал: «Асатиани особенно удачно фехтовал против соперников, схожих с ним по темпераменту. Если же ему противостояли бойцы типа Марка Ракиты, внешне медлительные, предпочитающие комбинационную игру, его выручали большая сила воли и отличная техника владения оружием. Стихия Асатиани – искрометная рукопашная, когда соперник вынужден отступать под градом ударов».

Чествуя Мавлиханова, Рыльского, Мельникова, Асатиани, Ракиту в их звездный час, мало кто в спортзале Токийского университета заметил, как колесо мирового фехтования сделало исторический оборот. Законодателями моды у саблистов стали эти ребята. Кончилась 36-летняя пора гегемонии венгерской школы сабельного фехтования. И первыми золотую кольчугу венгров пробили итальянцы. Они выиграли 9:7 у сборной, которую вел вперед сам Тибор Пежа, чемпион Токийской олимпиады в личном зачете. Наш квартет в тот день легко расправился с американцами – 9:4, взяв реванш за поражение в олимпийском Риме. Четыре очка внес в копилку команды Асатиани.

В финальном матче с итальянцами неожиданности посыпались, как из рога изобилия. Стартовый бой поручили чемпиону Спартакиады Мавлиханову. И Умар не подвел – выиграл у Каланцини. Асатиани красиво обыграл Чикка – 2:0. Но потом события на дорожке начали разворачиваться, как в романе Александра Дюма. Каларезе в бою с капитаном команды Рыльским при счете 4:4 в непостижимое мгновение наносит решающий удар и выигрывает еще три встречи подряд. Но невозможно в одиночку противостоять команде, исповедующей мушкетерский принцип: один за всех, все за одного. И уже итальянцы плачут от досады.

О золотом ударе Асатиани долго помнят поклонники этого рыцарского вида спорта. А ему часто вспоминался давний разговор с Яковом Рыльским. Он спросил трехкратного чемпиона мира, которому в Токио было 37 лет, как стать большим фехтовальщиком. Ответ был неожиданным: «О сабле нельзя забывать

даже во сне. Снится ли тебе фехтование?» А эти сновидения все чаще посещали Нугзара после трофейного фильма «Три мушкетера». Все тбилисские дети военного поколения от мало до велика распевали песенку неразлучных друзей, мастерили самодельные шпаги, больше похожие на сабли. Фехтовальный бум закружил грузинскую столицу. А потом была встреча с тренером, который даже раскладушку притащил в университетский спортзал, выкраивая минуты отдыха после нескончаемых потоков занимающихся. Трифон Месхи сказал как-то своему ученику Нугзару, к которому пришли первые победы: «Хорошо это или плохо, никогда не изменяй своим устремлениям, своей манере фехтования».

Он послушался и никогда не раскаивался в этом. Увидев Асатиани на матче Грузия-Венгрия, участник двух Олимпиад Мароши сказал: «Удивительно, что этот темпераментный грузин еще не стал чемпионом СССР».

Асатиани, уже опытный турнирный боец и участник Римской олимпиады, через год, в 1961 году, восполнил этот пробел, а потом четырежды выигрывал Кубок СССР. На следующий после Токийской олимпиады год наша команда, сохранив свой «золотой» состав, выиграла чемпионат мира в парижском зале имени Пьера де Кубертэна.

Асатиани всю жизнь оставался рыцарем спорта, рассматривая свои победы в генетической связи с соотечественниками, отстаивающими мечом и щитом свою свободу и славу. В какой книге мог он узнать то, что в течение десятков лет дарил ему спортивный мир. Признавался: никогда бы при других обстоятельствах не встретил бы на чемпионате мира в Буэнос-Айресе грузина, который без устали повторял: «Куда только не занесет судьба человека!» И плакал, как ребенок, не стыдясь слез. Этот пожилой человек, доселе не знакомый с фехтованием, приходил на все матчи нашей команды, занимая место в первом ряду.

В Токио одним грузинским саблистом могло быть больше. Путевку на Олимпиаду по итогам сезона себе обеспечили Рыльский, Асатиани, Мавлиханов, Ракита. Оставалась неразыгранной одна вакансия. Цена ее – победа в чемпионате СССР. Морис Сахвадзе прекрасно провел весь чемпионат и вместе с Асатиани и Борисом Мельниковым становится участником перебора за 1-3 места. В его поединке с Мельниковым счет ничейный – 4:4.

Один удар отделяет Мориса от Токио. Но удача улыбается ленинградцу. Второй перебой... И снова один укол лишает Мориса, серебряного призера, права на место в сборной.

Но послушаем Асатиани: «Морис находился в наилучшей форме и считался фаворитом, но не поехал в Токио. В том чемпионате он трижды победил меня. До сих пор многие думают, что я не боролся с ним в полную силу. Это ошибочный вывод. Мы много раз встречались друг с другом, но никто не припомнит хотя бы одного сознательно сданного боя. Просто в Минске Морис был подготовлен лучше других, о чем говорят его блестящие победы над Рьльским, Ракитой, Мавлихановым...»

Каким благородством пронизано это призвание, на которое способны только большие души!

Нугзар Асатиани был рыцарем без страха и упрека. Прозванный грузинским д'Артаньяном.

Через несколько десятилетий Морис Сахвадзе снова заставил заговорить о себе мир.

В те дни мысли Мориса часто обращались к Еревану. В Армении намечался международный турнир по шпаге, а еще через день – турнир рапиристов европейской зоны, на котором разыгрывались по две олимпийские лицензии. Моего собеседника связывают с этими соревнованиями не только служебные обязанности. На вопрос, чем стал для него этот город, отвечает просто: «Там я родился во второй раз». И называет точную дату – 30 сентября 1996-го.

Поневоле вспомнились слова Гарегина Севунца, прибывшего в Тбилиси на руставелевские юбилейные торжества в 1966 году. Армянский писатель, чьим «Тегераном» мы зачитывались, мне сказал: «Наши два народа живут рядом, так близко, что мы слышим, как бьется сердце соседа». События тридцатилетней давности вспомнились как нельзя кстати.

Сахвадзе привели в Ереван в прямом смысле сердечные дела. В 1994 году видный мастер клинка перенес инфаркт и был помещен в тбилисскую кардиологическую больницу, где лечащим врачом, – надо же такое совпадение – был Николай Андриадзе, экс-чемпион мира среди юниоров-рапиристов. Мориса поставили на ноги, но он продолжал лечение, два года спустя, на Олимпиаде в Атланте, где находился в качестве члена судейской комиссии Международной федерации фехтования,

у него вновь по-настоящему заболело сердце.

Вот тогда в журнале ФИЕ была опубликована информация: Сахвадзе попал в беду. Требовалась операция, и, как в изрядно позабытом французском фильме «Если парни всего мира...», началась волнующая акция, подтвердив, что добро спасет мир. В Тбилиси потекли денежные переводы от коллег-фехтовальщиков, федераций России, Франции, Тайваня, от международной... Одними из первых откликнулись друзья по спорту Юрий Осипов, Арчил Гогелия, Гурам Джаиани. Решили оперировать в Ереване, где, как стало известно от соседа Мориса, журналиста Рудольфа Ахпателова, в прошлом корреспондента Арменпресса, имеется соответствующая клиника.

В аэропорту их встретили руководители национальной федерации фехтования. Выяснилось, что наш тбилисский рапирист Грачик Гаспарян состоит в родстве с доктором Константином Тер-Восканяном.

Морису становилось все хуже. Вызванная по телефону 911 «скорая» доставила его в больницу, а наутро в Детском кардиологическом центре Армении обследования доктора Шагена Хачатурияна подтвердили необходимость немедленного хирургического вмешательства. Операция – аортокоронарное шунтирование, проведенная директором центра, профессором из США Акопом Овакимяном, заняла пять часов. Наутро Мориса в буквальном смысле поставили на ноги, на второй день он начал ходить, на шестой – выписался из больницы и отметил в ресторане с армянскими друзьями свое второе рождение.

Такова вкратце история чуда, приключившегося с Морисом Сахвадзе, человеком, верным идеалам рыцарства и мушкетерского духа с молодых ногтей, когда он, совсем еще мальчишкой, вместе с Нугзаром Асатиани и Гурамом Костава, будущим бронзовым призером Токийской олимпиады в фехтовании на шпагах в личном зачете, пришел на первые занятия в фехтовальный зал к Трифону Месхи и в 60-х годах утверждал высокий авторитет грузинской фехтовальной школы.

Морис на боевой дорожке ни перед кем не пасовал. В 1960 году, выступая за сборную «Буревестника» вместе с Асатиани, Череповским и Мельниковым, завоевал золотые медали в командном чемпионате страны, которые ЦСКА заведомо считал своими, имея в своих рядах Тышлера, Мавлиханова, Ракиту,

Кузнецова. Окончательный счет этого матча не нарушил равновесия – 8:8, но студенты нанесли на два укола больше.

В 1963 году его – невероятно, но факт – посчитали неперспективным, лишили стипендии, а он ответил чиновникам от спорта по-чемпионски – выиграл Кубок СССР, через год был вторым и завоевал золотые медали командного чемпионата, выступая уже за динамовцев вместе с Рьльским и Асатиани против тех же армейцев. Выпускник горного факультета ГПИ и Грузинского института физкультуры, участник пяти Спартакиад народов СССР, в 1971 году зачехлил оружие и 15 лет работал государственным тренером Спорткомитета Грузии.

ВЫСОТА

Быстро смеркалось. На стадионе стало почти темно, но прожектора почему-то не включали. Очертания планки на расстоянии едва угадывались. Высоту еще надо было взять...

В тот первый день сентября на римском олимпийском стадионе Форо Италико американцы потерпели поражение в двух престижных финалах легкоатлетического турнира, где они шесть десятилетий удерживали мировое лидерство. Сначала Армин Хари из объединенной немецкой команды подтвердил свою репутацию рекордсмена мира в беге на сто метров, а потом в секторе для прыжков в высоту развернулись события, в которых фавориты оказались в роли догоняющих.

И это чудо сумел сотворить Роберт Шалакадзе.

До 1959 года он в течение пяти лет входил в число сильнейших прыгунов-высотников и в сборную страны. В силу своего характера слишком спокойно относился к ходу борьбы в любых, самых ответственных соревнованиях. Приходилось выслушивать от друзей: «Тебе, Роберт, злости не хватает». В 1959 году Шалакадзе второй на Спартакиаде народов СССР, уступив победу Кашкарову по попыткам. В Филадельфии победил на матче гигантов СССР – США, опередив олимпийского чемпиона Мельбуерна, экс-рекордсмена мира Чарльза Дюмаса, Вильямса и Кашкарова, но многие посчитали – повезло! Очень это его задело. И он решил доказать, что та победа была не случайной.

Не где-нибудь - на Олимпийских играх-60.

Американцы были уверены - золотая медаль достанется их соотечественнику Джону Томасу. В начале лета этот гигант ростом 198 сантиметров установил потрясающий рекорд мира - 222 сантиметра. Советские спортсмены, готовясь к Олимпиаде, мысленно возвращались к этим магическим цифрам, но старший тренер сборной Владимир Михайлович Дьячков, экс-рекордсмен Грузии, убедил сборников, что Томас не сумеет продержаться более двух месяцев на пике формы, а они как раз к римским Играм войдут в свою лучшую форму.

И он оказался прав! Томас приехал на Олимпиаду, твердо веря в свою победу. Передавали его заявление: «Если не выиграю, то пробегу по всем лестницам «Эмпайр Стейт Билдинг». Роберт не очень верил в эту браваду. Подумалось, придумали за него журналисты.

Мощный, стройный американский атлет в Риме пользовался повышенным вниманием представителей прессы. Они с Робертом подружились, ходили вместе обедать, на танцы, и его, бывало, бесцеремонно отодвигали в сторону. Мол, не мешай, парень, не путайся под ногами, никого ты не интересуешь. Его самолюбие было задето, и он сказал себе: «Ну, подождите, вы обо мне еще узнаете на стадионе!»

Еле дождался начала соревнований. И высота, с которой решил включиться в борьбу, - 195 см показалась небольшой. Смотрит, Томас с 2 метров начинает. Думает, а чем он хуже? Заявляет начальную высоту - 2 метра, спокойно берет ее.

В финале соревновались 17 прыгунов, в том числе трое из советской сборной. Валерий Брумел в олимпийском году имел результат 2,17. Виктор Большов уже прыгал на 2,15. Казалось, куда Шавлакадзе с ними спорить со своими 2,13 м. Высоту 2,09 с первой попытки одолели трое - Шавлакадзе, Большов и Томас. У Брумеля неожиданно начались затруднения - он дважды сбил планку. Следующая высота - олимпийский рекорд Дюмаса - 2,12 - оказалась непреодолимой для самого чемпиона Игр в Мельбурне и шведа Стига Петерссона. Из борьбы выбывают два опаснейших конкурента. Томас склонился над Дюмасом, охватившем руками голову, утешает. Сам он заявляет, что пропускает эту высоту.

Брумель со второй попытки, но взлетает над планкой. Судьи устанавливают ее на 2,14. В секторе остаются четверо – советское трио и Томас. Он прыгает первым и неудачно. Стадион ахнул от неожиданности и умолк: фаворит проигрывает! Не слышно шума даже на трибуне с американскими моряками. К тому времени соревнования в остальных видах программы закончились, и все внимание приковано к их сектору.

И тут происходит любопытный эпизод. Сбив планку, Томас бегом возвращается к месту разбега, на исходное положение, собираясь прыгнуть во второй раз. В это время Шавлакадзе готовился к прыжку. Судьям пришлось уговаривать американца сесть на скамейку и дожидаться своей очереди на вторую попытку. Поведение Томаса добавило Роберту злости, и с первой попытки он берет высоту. Потом Брумель назовет этот прыжок гениальным, потому что динамовец из Тбилиси сумел резко оторваться от соперников. Во-первых, все предыдущие высоты брал с первой попытки. И только он один. Во-вторых, первым перепрыгнул 2,14. А это уже запас психологический. Соперники покорили этот рубеж со второй попытки.

Поставили 2,16. На стадионе стемнело, и только в темном небе горят на электротабло эти цифры. Пять с половиной часов прыгуны соревновались, а полной ясности нет. Опять же с первой попытки Шавлакадзе берет высоту. На четыре сантиметра превышает олимпийский рекорд и на три – личный! После прыжка планка затряслась, а он убежал от нее, оглядываясь, и она замерла наконец. Брумель вспоминал, что вторым гениальным прыжком Шавлакадзе полностью добил Томаса – американец вторично сбил планку. Сам Валерий со второй попытки взял эту высоту, обеспечив себе как минимум серебряную медаль.

Главную задачу советский дуэт уже выполнил – лишил американцев победы, и в первую очередь, Томаса, который на тренировке (их пригласили присутствовать), для нашего устрашения восемь раз взял 2,10. Устанавливая планку, американский тренер объявлял: два пятнадцать! Получалась, что психологическая атака на стадионе «Аквачитоза» обернулась против рекордсмена мира...

Первым Роберта Шавлакадзе со званием олимпийского чемпиона поздравил Брумель, сказав, что выиграл он совершенно

заслуженно, как сильнейший и самый мудрый прыгун.

Позже Валерий понял: в Риме победил опыт. Огромный соревновательный опыт и умная голова Роберта Шавлакадзе помогли ему сохранить силы для финала и предельно мобилизовать их. Но велика сила привычки: наутро газеты поместили множество фотографий Томаса, «проигравшего из-за дурного настроения», и скупое на похвалу сообщение о победе Шавлакадзе, истинного виновника этого настроения. Сам он с улыбкой листал газеты: начали верно писать его фамилию. А вначале с легкой руки работника, сидевшего за пультом электротабло стадиона, отправилась гулять по свету фамилия Шау Каладзе».

Мир узнал о Роберте Шавлакадзе. Американцы, шестьдесят лет подряд удерживавшие лидерство в этом виде спорта, начиная с первых Олимпийских игр 1896 года, вынуждены признать: в лице Шавлакадзе получили опасного соперника, не приученного к проигрышам.

Обращало на себя внимание постоянство чемпиона из Грузии. Он не проиграл ни одного соревнования за свою спортивную карьеру. Даже великому Брумелю, трижды в 1961-1963 годах признанному лучшим спортсменом года в мире, – ни разу. Случалось, выбывал из борьбы за первое место из-за травмы. Но слабее соперника никогда не был. И поблажек ему никогда не делали. И вот что удивительно: отношение наставников сборной к олимпийскому чемпиону в Риме, как бы это мягко сказать, было прохладным. На сборы приглашали не всегда, на тренировках больше внимания уделяли другим, считая их более перспективными. А он, самый старший в сборной, в совершенстве овладевший техникой прогрессивного и рационального перекидного способа прыжка, охотно раскрывал собственные секреты подготовки.

И он загорелся желанием доказать, что рано его списывать. В олимпийском 1964 году в Киеве, на чемпионате страны, отборочном перед Токио. В захватывающей борьбе, в принципиальном споре с сильнейшими прыгунами-высотниками Брумелем, Скворцовым, Большовым, Кашкаровым золотую медаль завоевал он, Шавлакадзе. С результатом – 2,17.

С личным рекордом в 31 год!

На свою вторую Олимпиаду отправился с верой в успех. За

месяц до Токио с результатом 2,15 снова по попыткам победил Брумеля на крупном турнире в Москве. Мирового рекордсмена, которого по инерции продолжали считать фаворитом. И не без оснований: Брумель тем летом установил свой шестой рекорд мира – 2,28 и четырежды штурмовал 2,29. Но прыжки в высоту – вид спорта, где даже великие прыгуны могут оказаться в полосе резкого спада. Опустошенный и раздавленный, так и не наладив ритм разбега, приехал фаворит Брумель в Токио и начал по крупицам собирать волю.

Опасения его оправдались скоро. На утренних квалификационных соревнованиях мировой рекордсмен, по собственным словам, натерпелся такого страха и срама, каких раньше никогда не испытывал. На контрольном нормативе 206 сантиметров. Перепрыгнув два метра, Валерий застрял на 2,03. Идет первый раз – сбивает. Вторая попытка также неудачная. Подходит Шавлакадзе, говорит: «Ты что спятил? Это ведь 2,03». Брумель молчит. «2,03 – повторяет Шавлакадзе. – Понимаешь, 2,03. Ты эту высоту с места взять сможешь». А он молчит. Как-то отупел разумом, чувствами, мышцами, всем... «2,03, – продолжает уговаривать Шавлакадзе. – Соберись! Тебе и прыгать не надо. Подумай только, что всего-навсего 2,03, и перелетишь сам...»

Брумель слушал и еле представлял себе это. Перед своей последней попыткой несколько раз подходил к месту разбега, подолгу смотрел на непокорную планку и отходил. Он вдруг совершенно некстати вспомнил себя молоденьким рабочим в общежитии Львовского жиркомбината, в комнате на двенадцать человек; соседи его почти все курили, по ночам резались в карты, не обходилось без спиртных напитков; сам он в коротком осеннем пальтишке, разбитых ботинках и уже всюю заглядывался на девушек, подойти к которым не решался в подобном жалком обличье.

«Господи, – в смятении думал он, – за что ж так меня судьба на ржавые гвозди бросает? Что я кому сделал? А вдруг так и не возьму сейчас. Да нет, это 2,03. Понимаешь, 2,03. Да, я понял», – сказал он сам себе наконец. Он спокойно побежал вперед и почти без усилия перелетел через планку. На следующей высоте проблем не имел.

Ощущение катастрофы все еще не покидало его, когда он,

выхода в невысокую железную калитку из прыжкового сектора, увидел неестественно округленные от пережитого глаза Гавриила Витальевича Коробкова, руководителя легкоатлетической команды. И со всего маху ударился лбом в верхнюю перекладину железной калитки, почти теряя сознание на руках подхватившего его Коробкова и понимая, что проигрывать американцам они просто не имеют права.

На вечерних финальных соревнованиях вроде ничто не обещало неприятностей. Но беда не приходит одна. Разгоряченный интенсивной тренировкой, Шавлакадзе пошел в душевую и неожиданно для себя открыл кран холодной воды и принял холодную ванну. Схватил радикулит, такой жестокий, что не мог разогнуться. Попросил Брумеля взобраться ему на спину, потоптать ее ногами, но боль не отпускала. Судьи не хотели допускать его к финалу.

В таком состоянии Шавлакадзе нашел силы и остался среди основных соискателей золотой медали, выжал из себя все что мог и закончил соревнование на пятом месте с результатом 2,14. И прикрывал «тылы» Брумеля. Ходил за ним по сектору, как тень, «накачивая» на третью попытку на высоте, которая самому покорилась...

«Ты и только ты должен выиграть эту Олимпиаду... Собирайся!» И это к нему поспешил Брумель, взяв с первой попытки 2,18. Как в лучшие времена.

Потом оба следили за Томасом, который ушел на футбольное поле и бродил там, настраиваясь на последний прыжок. И уже Роберт первым поздравляет своего друга, счастливого от того, что сумел сделать почти неосуществимое – в своей наихудшей спортивной форме добился самого почетного для каждого спортсмена звания олимпийского чемпиона.

Трудно найти другой пример отношения великого спортсмена к главному своему сопернику, так не похожее на «инстинкт убийцы» во имя победы. В свете этого выступление Шавлакадзе в Токио стоит вровень с его римским высшим достижением.

ОТЛОЖИВ СКРИПКУ В СТОРОНУ

Был у Давида Гванцеладзе шанс стать олимпийским чемпионом. В Риме, куда его не взяли.

Для Давида олимпийский год начался как нельзя лучше. В первой декаде марта он выиграл в Тбилиси свою первую золотую медаль чемпиона страны в легком весе по классической борьбе. И на сборах в подмосковном Подольске, где окончательно определялся состав советской олимпийской сборной, был на первых ролях. Как и целый ряд его грузинских друзей, бывших крепкими сборниками – Омар Эгадзе, Годердзи Читиашвили, Мераб Гудушаури, Автандил Коридзе, Гиви Картозия, Ростом Абашидзе. Великолепная семерка. Но вмешались обстоятельства далекие от спорта.

Из грузинских участников сборов поездки на Олимпийские игры удостоились трое: Картозия, Коридзе и Абашидзе (запасным). Коридзе стал олимпийским чемпионом, Картозия – бронзовым призером.

В легком весе тренерский совет желанную путевку отдал Григорию Гамарнику, который до этого проиграл Давиду Гванцеладзе. Чемпион мира 1955 года был на восемь лет старше Давида и выше головы прыгнуть не смог – занял пятое место. Почетно, но не более того.

По прошествии времени можно только гадать, что улыбалось советской команде в лице Гванцеладзе. Одно бесспорно: несправедливость Подольска – нарушение спортивного принципа отбора кандидатов – через четыре года аукнулась в Токио, саднила незаживающей раной в зале Комадзава, когда Давид вышел на ковер своей первой и единственной Олимпиады, да и позже объясняла многое.

Он честно отработал шесть кругов олимпийского испытания на прочность, триумфатором которого суждено было стать не ему.

Турецкий борец Казим Айваз за два года до Токио проделал рискованный эксперимент – из своего среднего веса перешел в полусредний. И стал чемпионом мира в Толидо. В следующем, 1963 году в Хельсинборге чемпиона раскусили соперники и поставили на место, вынудили Айваза уже во втором круге

выбыть из борьбы.

В Токио 24-летний Айваз, не отличавшийся высоким техническим мастерством, с лихвой компенсировал этот недостаток большой физической силой, отличными волевыми качествами и особо тонким «чувством борьбы». Свои доводы представил конкурентам в весе до 70 килограммов, которые были сильны как никогда. Три встречи турок выиграл по очкам и только последнюю, четвертую – с румыном Буларкой, серебряным призером Олимпиады, свел вничью.

Благосклонность капризного жребия, преимущество Айваза во встречах с фаворитами турнира и обстоятельства, неудачно сложившиеся для его главных соперников, пострадавших в междоусобных схватках, создали редкостное положение. Айваз стал олимпийским чемпионом, не борясь в финале! Его конкуренты, отягощенные грузом шести штрафных очков после предыдущего круга, оспаривали лишь последующие два места.

Гванцеладзе оказался в их компании. А ему оставалось обижаться только на себя. Судьи судьями, но в предварительных схватках следовало крепче держать соперников на мосту, класть тех, кто тебя слабее. Кого он, что называется, «убивал» на многих международных турнирах, включая чемпионат мира в Швеции. Победы Давида по очкам над немцем Шульцем, югославом Хорватом, финном Тапио чередовались с проигрышами Айвазу и Буларке.

Победа в шестом круге над японцем Фуита (четвертое место) обеспечила Гванцеладзе бронзовую олимпийскую медаль. И право же, было неудобно потом прочесть мнение известного специалиста, что Давид оказался борцом со слабыми нервами, не проявил воли к победе в сложных ситуациях. Борцы со слабыми нервами олимпийские медали не выигрывают. Вспомним: только пятым был чемпион мира-63 югослав Хорват. С Хорватом у Гванцеладзе счет особый. Любителям классической борьбы памятен разгром, учиненный им югославу на международном турнире на приз Ивана Поддубного, с блеском выигранным Давидом. (А всего он трижды становился победителем этих очень престижных соревнований (1962, 1963, 1964).

И вот летом 1963 года – мировой ковер в Хельсинборге и

новая встреча старых знакомых. В решающей трехминутке Гванцеладзе перевел югослава на мост – есть два выигрышных очка, но соперник рискует и неожиданно получает поддержку со стороны судей, среди которых особенно активничает его соотечественник – генеральный секретарь Международной любительской федерации борьбы (ФИЛА) Милан Эрцеган. Объявляют ничью и чемпионом мира Хорвата! Гванцеладзе – второй.

Потом был олимпийский Токио.

Через год, на очередном чемпионате мира в Тампере Давида не увидели в советской команде. Тренеры заменили его на москвича Геннадия Сапунова. Записали в неудачники борца редкостной силы и таланта, обладателя пяти золотых медалей чемпионатов страны и еще двух золотых – за победу в команде. А ведь тогда всесоюзные чемпионаты по накалу борьбы мало уступали мировым.

Дато родился 28 марта 1937 года в Батуми. Родители мечтали видеть его музыкантом. И надо сказать, до поры до времени он прилежно посещал училище по классу скрипки, дошел до седьмого класса, но всем сердцем рвался в спортивный зал. Наконец, эта любовь пересилила. Скрипка была отложена в сторону, а сам 14-летний юноша появился в группе известного тренера Акакия Миминошвили.

И надо сказать, попал в добрые и надежные руки. Миминошвили по профессии был моряк. Он усаживал учеников на ковер в кружок, сам устраивался рядом, и текли бесконечные беседы о секретах борьбы, уроки, которые им предстояло усвоить в жизни. Акакий Миминошвили наставлял учеников, среди которых был и будущий трехкратный чемпион мира Ростом Абашидзе: «Ребята, ваш главный тренер – борьба. Главнее ее на ковре никого нет. Учить вас будет борьба, а тренировать – я, ее заместитель. Кто из вас усвоит эти наши уроки, тот и будет настоящим борцом».

Такое воспитание чувств не могло не дать плоды.

Уже через два года Давид выиграл первенства Батуми и Аджарии среди юношей, едет на первенство Грузии, где занимает призовое третье место. В следующем, 1954 году он – чемпион республики. В августе в Сталинграде всесоюзное лично-ко-

мандное первенство. Дато выигрывает две схватки на туше, еще три – по очкам и занимает первое место в полулегком весе.

Лиха беда начало. И вот через годы я перечитываю телеграмму Гиви Картозия из Ростова-на-Дону в редакцию газеты «Лело» о двойном успехе Гванцеладзе и Гудушаури на юношеском первенстве СССР-55. Дато удостоился еще и приза за лучшую технику.

Послушаем Мераба Гудушаури: «Тот год был для нас примечателен тем, что Гиви Картозия завоевал свой второй титул чемпиона мира. Накануне нашего отъезда он приехал в Тбилиси из Неаполя. Пришел к нам на сборы, рассказал о соревнованиях, триумфатором которых стал, и пожелал нам успехов. Но тут слово взял капитан команды Дато и попросил выехать с нами на соревнования, быть нашим представителем. Мы понимали состояние Гиви Александровича, он только прошел труднейший турнир, вдали от дома, а тут юнцы обращаются к нему с такой просьбой. Но Картозия был не только великим борцом, он еще и великий человек. Он принял наше предложение, и в нашем успехе большая доля его заслуги».

Через год Давид предпринимает еще один важный шаг в жизни – становится студентом экономического факультета Тбилисского государственного университета, одним из первых из молодого поколения борцов выполнил норматив мастера спорта, побеждает в товарищеских матчах с командами Швеции, Польши, Румынии...

Давид был уникальным борцом, продолжает свой рассказ Мераб Гудушаури из легендарной борцовской плеяды шестидесятых годов. И я слушаю воспоминания человека, который одновременно с Гванцеладзе выиграл золотую медаль чемпиона СССР. Это был двойной успех друзей, долгие годы шедших параллельным курсом в большом спорте. С первого дня, когда в знаменитый борцовский зал Петра Иорданишвили впервые заглянул батумский паренек Дато Гванцеладзе, умник и добряк, математик, перебравшийся в Тбилиси за высшим борцовским образованием. То была великая дружба. С 1954 года ни одного дня не проводили они друг без друга. Дато был шафером на свадьбе Мераба и Люси, крестным их старшего сына Ираклия. Оба в составе сборной СССР (Кочергин,

Тростянский, Гудушаури, Коцюба, Житенев, Гванцеладзе, Колесов, Залусский. Тренеры – Кожарский, Иорданишвили. Руководитель спортивной делегации начальник управления борьбы Ленц. Капитан команды – Гудушаури, комсорг Колесов, будущий олимпийский чемпион Токио в среднем весе) весной 1960 года выехали соревноваться в матчевых встречах с западногерманскими борцами. Это была первая поездка в ФРГ советских спортсменов, которые под ноль побеждали в Зальцбурге, Кельне... Встречали их очень тепло. Особенно запомнилась поездка в Шифферштадт, где они были гостями Вилфрида Дитриха, олимпийского чемпиона Рима по вольной борьбе в тяжелом весе, участника пяти Олимпийских игр. Знаменитый хозяин с одинаковым успехом выступал в классической и вольной борьбе, завоевал редкую коллекцию 10 олимпийских и мировых медалей разного достоинства. На этот раз он был занят строительством своей дачи, и гости из Советского Союза охотно приняли участие в импровизированном «субботнике».

Уникальность Давида Гванцеладзе – в его спортивном долголетии. Оно включает три периода борьбы 50-, 60- и 70-х годов. Член сборной СССР (1956-1969), заслуженный мастер спорта (1971), он стал одним из лучших наших тренеров, в 1971-1972 годах возглавлял сборную Грузии по классической борьбе, проявив незаурядные организаторские способности, а также Управление единоборств Республиканского спорткомитета в 1980-1981 годах.

Давид ушел из жизни в неполные пятьдесят лет, а как много успел сделать – великие победы на ковре, великие дела.

Заслуженный мастер спорта СССР, трехкратный чемпион мира Ростом Абашидзе сказал о своем земляке–батумчанине: «Дато был фанатично предан борьбе. Став тренером, всего себя отдавал ученикам. К борцам относился, как к братьям. На ковре, как и в жизни, был честным, бескомпромиссным, отчаянным и очень ранимым».

В 1982 году прославленный чемпион ушел из большого спорта – на работу в народном хозяйстве и здесь остался на высоте, стал заместителем директора комбината, авторитет его по-прежнему очень высок.

Как-то попалась мне на глаза книга Дмитрия Иванова и в ней – слова Романа Руруа, олимпийского чемпиона Мехико, четырехкратного чемпиона мира, поразившие меня своей неожиданностью, искренностью: «В Грузии было много хороших борцов, и я попал в команду республики лишь после того, как меня включили в состав сборной Союза... Я и не мечтал, что меня поставят рядом с Эгадзе, Гванцеладзе, Коридзе, Абашидзе... Я опускал глаза, когда они были рядом».

Вместе с Омаром Эгадзе, вице-чемпионом мира и пятикратным чемпионом Советского Союза, мы вспоминали эту давнюю ситуацию. Омар тогда сказал мне: «Это была действительно великая команда, которая, как правило, занимала первое-второе места, а ее участники становились чемпионами мира и олимпийскими чемпионами. Согласен с моим другом Романом и мог бы продолжить список наших палаванов, но делать этого не стану, не хочу кого-либо пропустить. Но одного все же назову – Гиви Картозия. Человек огромной физической силы, легендарный атлет, первый прославивший борьбу на весь мир».

И все же, что это было? Счастливое сближение планет, способствовавшее появлению стольких редких самородков? Трудно сказать что-то определенное. Борцовская база была хуже нынешней, но в зале была какая-то приподнятая атмосфера, соответственное отношение к тренировкам и товарищам по спорту. А, может, они просто молоды были, и все у них получалось.

НЕСРАВНЕННАЯ НОНА

Генеральный секретарь Международной шахматной федерации госпожа Инке Баккер поднялась на трибуну и, посмотрев в празднично настроенный зал, сказала: «Мы приветствуем сейчас новую чемпионку мира. Мне могут возразить: уместно ли здесь определение «новая»? Но взгляните на Гаприндашвили: конечно же, она новая молодая чемпионка! Каждые три года она вновь и вновь доказывает, что является сильнейшей в мире!»

Сама виновница торжества, на чью коронацию пришел, кажется, весь Тбилиси, сидела торжественно-серьезная в шахматном дворце, равного которому нет в мире, и рассеянно думала, что вот еще одно тяжелейшее испытание осталось позади, этот матч с Наной Александрия, играть который было трудно, и каждое очко, несмотря на преимущество в счете, требовало очень большой затраты физической и нервной энергии. Хозяйка большого шахматного дома, она и на этот раз осталась хозяйкой положения на этой сцене, к которой несколько недель было приковано внимание всего мира. Несмотря на торжественность момента, она не испытывала большой радости, только усталость, и одно твердо знала: до конца года на шахматы и смотреть не будет. Эту усталость от груза испытаний, кажется, излучали и глаза Дато. Сын сидел напротив, в первом ряду кресел, и судьи не имели претензий к одному из самых заинтересованных зрителей, который знал шахматные ходы, научился «болеть» и теперь терпеливо ждал, когда она спустится в зал.

В двадцать один год она стала чемпионкой мира, в том же возрасте, что и Вера Менчик, и, неловко просовывая голову в лавровый венок на сцене московского Дома культуры «Красный пролетарий», еще не очень ясно представляла, какое тяжелое бремя, чемпионки бремя, взвалила отныне на свои плечи. Добившись тогда большого преимущества в поединке двух поколений, когда крепость Елизаветы Быковой рухнула под острым комбинационным натиском, от борьбы, близкой к мужскому стилю игры, она не очень-то понимала, что стала лидером молодого поколения, победа которого открыла новую страницу в развитии женских шахмат, что пример играющей чемпионки вдохновит землячек, приведет к огромной популярности шахмат и в конечном счете выльется в бурный взрыв и почти синхронное появление талантов, дав основание утверждать, что в Грузии девочки рождаются шахматистками.

Будущая чемпионка мира росла в Зугдиди, в семье агронома Терентия Гаприндашвили, в окружении пяти братьев, и хотя, как единственная девочка, и пользовалась в семье особым вниманием взрослых, но со стороны братьев ни на какие привилегии рассчитывать не могла. Эта суровая любовь, дух

веселого коллективизма, царившие в семье, в их играх, создали в ней, по признанию чемпионки, не только устойчивый и активный иммунитет к «звездной» болезни, но и нетерпимость к любой несправедливости, к любому нарушению общепринятых правил, обстановки великой Игры, уважать которую она научилась с детства; в семье осуждались чванство, кичливость, упивание собственным успехом.

Эта жизненная позиция помогла ей с честью справиться со славой, выстоять в атмосфере всеобщего восхищения, когда огромная толпа удивленных и умиленных людей приходила по вечерам к парадному подъезду Малого зала театра Руставели, чтобы взглянуть на пятнадцатилетнюю девочку, выигрывавшую партию за партией в полуфинале «взрослого» чемпионата страны. С каждой новой победой ажиотаж болельщиков рос, как спущенная под гору снежная лавина. В газете «Советский спорт» появился дружеский шарж: под столом лежит забытая кукла, а ее хозяйка взобралась на стул и увлеклась новыми игрушками – шахматами.

Шутки шутками, но когда во время турнира в Тбилиси Нона покидала театр, где игрались партии, ее сопровождали два милиционера, чтобы провести через толпу восторженных читателей. Это не могло не беспокоить ее первого шахматного наставника Карселадзе. Вахтанг Ильич даже написал статью в редакцию учительской газеты, прося любителей шахмат сдерживать свои эмоции; но шахматистку повышенное внимание к ее персоне мало волновало и, как ни странно, даже помогало, создавая счастливое, какое-то особенно приподнятое настроение, удивительным образом способствующее гармонии творчества. Уже тогда, в середине пятидесятых годов, в ее игре проявилось редкое в таком возрасте сочетание острого комбинационного зрения и тяготения к последовательным действиям, обнаруженное руководителем шахматного кружка Тбилисского Дворца пионеров. Карселадзе стремился сочетать в игре Ноны романтический порыв, здравый смысл, эрудицию.

Такое воспитание чувств было продолжено и развито заслуженным тренером СССР Михаилом Шишовым и рижским гроссмейстером Айваром Гипслисом, другом и земляком ее давнего кумира Михаила Таля, которые очень деликатно

постарались сохранить открытое Карсладзе и сделали все для совершенствования шахматистки и придания блеска ее шахматному дару.

В шестьдесят первом талант Гаприндашвили созрел для штурма шахматного трона. 20-летняя студентка Тбилисского института иностранных языков выиграла турнир претенденток, а в следующем – победила в матче четвертую чемпионку мира Елизавету Быкову с астрономическим счетом 9:2. На праздничной церемонии закрытия матча Быкова подарила счастливой сопернице свою книгу о Вере Менчик с примечательным посвящением: «Ноне Гаприндашвили – достойной продолжательнице великих традиций».

Тигран Петросян (он станет чемпионом мира в 1963 году, а еще через трехлетие – двукратным) писал в газете «Правда»: «До начала матча, наверное, все думали, что за шахматный венец разгорится острая, увлекательная борьба. Но молодая грузинская девочка многие встречи проводила под свою диктовку, и окончательный результат 9:2 (семь побед, четыре ничьих) достаточно красноречиво отражает соотношение сил в этой схватке. Да, победила сильнейшая».

Специалисты обратили внимание на средства, используемые ею для достижения цели.

В турнире претенденток в Югославии (1961) решающей оказалась партия с хозяйкой турнира – Милункой Лазаревич. 20-летняя Нона играла по обыкновению смело, и, казалось, перешла грань допустимого риска. Ее король попал в опасное положение. Многие в зале считали, что Нона должна проиграть. И вдруг она сделала ход ферзем, совершенно неожиданный, но на самом деле сильнейший. Мотивы жертвы не сразу поняли даже высококвалифицированные зрители. А когда поняли...

«За такой ход, – сказал гроссмейстер Игорь Бондаревский, – ей следовало бы присвоить звание мастера спорта среди мужчин». «Вы не правы, – возразил ему венгр Силади после того, как позиция Лазаревич мгновенно рассыпалась, – ваша Гаприндашвили – настоящий гроссмейстер».

Это утверждение вызвало улыбку, но потом все поняли, насколько пророческим оно оказалось. Нона не раз выполняла

норму мастера среди мужчин.

К тому времени она стала международным гроссмейстером среди женщин и задалась целью добыть это высокое звание в споре с мужчинами.

Путь к нему начался в 1963 году в Гастингсе, в мужском турнире мастеров. Неожиданно для многих она разделила первое-второе места и завоевала право играть через год в главном турнире, где заняла высокое пятое место. Именно в Гастингсе в течение одного вечера ей дважды сдал партию будущий гроссмейстер Хартстон. Один раз признавая свое поражение, а потом этот эпизод захотели снять для телевидения, и соперники снова сели за шахматный столик, чтобы повторить процедуру сдачи.

На мужском турнире в Дортмунде в 1974 году Нона красиво выиграла у итальянца Сервати. Партия обошла мировую печать, хотя в одной статье было написано, что она заставила сдать шахматистку. Гаприндашвили пришлось немало потрудиться, чтобы приучить шахматный мир к своим победам над представителями сильного пола.

На международном мужском турнире в Лон-Пайне за победу боролись 14 международных гроссмейстеров и 16 международных мастеров. Финиш принес сенсацию. Впервые в истории мужских соревнований победила шахматистка. Нона разделила первое-четвертое места, выполнив норму гроссмейстерского балла. Она первая женщина, которой присвоено это звание в 1978 году. Однако было бы неверно утверждать, что основные подвиги Гаприндашвили совершила в борьбе за шахматное равноправие. Она – 11-кратная олимпийская чемпионка, 5-кратная чемпионка СССР, 2-кратная победительница Кубка европейских чемпионков, почетный гражданин Тбилиси, кавалер орденов Ленина, «Знак Почета», Вахтанга Горгасала 1-й и 2-й степени, Олимпийского ордена МОК, заслуженный мастер спорта. По итогам референдума Ассоциации спортивных журналистов она названа грузинской спортсменкой №1 XX века.

Так шахматы, которым Нона Гаприндашвили обязана многим – некоторыми чертами характера, спортивными и творческими радостями, жизненным успехом, властно вошли в ее жизнь, стали страстью, но в то же время и обязанностью.

Бывало, не хотелось садиться за шахматный столик, раскрывать югославский «Информатор», эту Библию шахматистов, но это настроение она гнала прочь, понимая, что как чемпионка несет ответственность за свои действия и уж наверняка за свое отношение к шахматам. Обязанности депутата Верховного Совета Грузии, председателя женской комиссии ФИДЕ отнимали немалую часть ее строго распланированного бюджета времени, но общественная работа доставляла радость, наполняла жизнь новым содержанием и гордостью за свой шахматный авторитет, который помогает служить людям.

Потом добавились конкретные дела первого президента (1989-1996) и почетного президента (с 1996) Национального Олимпийского Комитета и Федерации шахмат Грузии. Вспоминая годы президентства, сама считает, что это было не менее значительно, чем ее титулы.

На многотрудный путь вступила Гаприндашвили, когда в детские годы, соревнуясь с братьями и соседскими мальчишками в футболе (у нее горели ладони при воспоминании, как она, семилетняя девочка, стоя в воротах, отбила одиннадцатиметровый штрафной удар), исподволь развивала и укрепляла гордость шахматистки, которая приводила ее в мужские турниры и вызвала к жизни символический клуб гроссмейстеров, чье самолюбие сильно пострадало в партиях с первой шахматисткой мира.

Однажды по окончании международного турнира в Югославии одна из соперниц, шутя, предостерегла ее: «Ты вот все время выигрываешь, а ведь к этому привыкнут, а потом, знаешь, будет трудно. Так что смотри, иногда стоит и проиграть». В этой шутке была изрядная доля правды. На протяжении двух десятков лет она действительно приучила мир к своим победам.

Когда Гаприндашвили выиграла свой третий матч за мировое первенство, болельщики преподнесли ей оригинальный сувенир – брошку в виде пластинки с вычеканенной короной. В трех зубчиках короны, похожей на графическое изображение ферзя, поблескивали самоцветы, а два других оставались пустыми. Поклонники шахматного искусства намекали, что ожидают от чемпионки мира еще по крайней мере двух побед на высшем уровне. В 1975 году брошка Гаприндашвили

приобрела законченный вид. Пять матчей на первенство мира – пять побед.

Правда, абсолютный рекорд принадлежит Вере Менчик, которая титул чемпионки мира завоевывала ни мало ни много – девять раз. В довоенные годы мировые чемпионаты проводились чуть ли не ежегодно, и все победы первой королевы шахмат, трагически погибшей от фашистской бомбы при налете на Лондон в 1944 году, приходится на период в семнадцать лет.

Но послушаем мнение экс-чемпиона мира Макса Эйве: «По моему глубокому убеждению, Нона Гаприндашвили значительно превосходит знаменитую Веру Менчик. Игра ее намного разносторонней, ярче. Это шахматистка широкого плана, больших творческих возможностей».

Находясь в расцвете творческих сил, зените славы, Нона как-то призналась, что с годами и новыми турнирами ей все труднее будет сохранять тот образ чемпионки, который она создала в своем воображении и которому старалась соответствовать все эти годы. Но какие бы испытания ни ждали ее в будущем на тернистом шахматном пути, в одном она убеждена твердо: никогда она не унизит свое чемпионское достоинство, никогда не вступит в противоречие с ее понятиями о справедливости, скромности, чести, никогда не нарушит тех правил игры, борьбы, состязания, в которые на всю жизнь поверила зугдидская девочка.

Гаприндашвили, со свойственной ей ответственностью за каждый свой шаг, за каждый ход, не могла не задумываться, кому со временем передаст чемпионскую эстафету.

Осенью 1978 года она в упорной борьбе проиграла матч на первенство мира Майе Чибурданидзе.

«Для меня большая честь играть с Ноной Гаприндашвили». Эти слова Майи справедливы с того момента, когда она открыла для себя мир шахмат. Первая очная встреча состоялась 28 января 1973 года в сеансе с часами королевы шахмат против восьми девочек-призеров первенства Тбилиси, организованном шахматным клубом «Саморине». Он транслировался по Грузинскому телевидению. Эти слова были произнесены в бархатный сезон на мысе Пицунда, когда 17-летняя чемпионка СССР начала свой самый ответственный матч.

Прибавив к своему титулу непривычную приставку «экс», Гаприндашвили осталась выдающейся шахматисткой современности, и победу Майи справедливо расценивали, как победу всей грузинской шахматной школы, и, хоть это грустно и парадоксально звучало, как победу Гаприндашвили, так много сделавшей для развития шахматного искусства. Так считал я и написал в газете, время подтвердило правоту моих слов. На следующее утро меня остановил на развилке улиц Ленина и Меликишвили, возле здания филармонии, незнакомец. Он представился как профессор Тбилисского государственного университета: «Мы в профессорской обсуждали вашу статью в «Заре Востока» и нашли ее очень объективной, одинаково уважительной для обеих шахматисток».

Утрата шахматной короны обычно сопровождается снижением творческих и спортивных результатов, но на игре Гаприндашвили это мало отразилось. Спустя месяц она вместе с Майей Чибурданидзе, Наной Александрия и Еленой Ахмыловской в составе сборной СССР выиграла золотые олимпийские медали в Буэнос-Айресе. Победы в трех чемпионатах страны (1981, 1983, 1985), на последующих шахматных Олимпиадах, международных турнирах, наконец, присуждение первого шахматного «Оскара» среди женщин в 1982 году подтвердили ее неизменную принадлежность к мировой элите.

И мне вспоминается 1956 год. Шахматная секция ТГУ. Мы, чемпионы различных факультетов, всей командой разгрызаем крепкие орешки – этюды, которые предлагает решить наш замечательный руководитель – Иосиф Крихели, в скором будущем международный гроссмейстер по шахматной композиции. Кто-то побывавший на вчерашнем туре полуфинала первенства страны с восторгом спешит поделиться впечатлением от игры этой неудержимой в своем лидерстве Ноны Гаприндашвили. «Скажет «шах!» - и весь народ: вааа!»

КАКАЯ ЖИЗНЬ БЕЗ БОРЬБЫ

Оба зала – бокса и борьбы – предел мечтаний тбилисских мальчишек, располагались под западной трибуной динамовского стадиона. Вначале для Мераба все говорило в пользу бокса: залитый светом квадрат ринга, дробные очереди пневматической груши и, конечно, пример дяди, Левана Гудушаури, чемпиона Советского Союза по боксу в полутяжелом весе в личном и командном зачете. Потом вдруг его планы изменились. То ли из-за невнимательности тренера, то ли обиды, услышанной в его словах, только Мераб сделал выбор – пересек короткое расстояние до зала борьбы, где в полумраке прохладного после солнечного утра вестибюля смотрели со стенда портреты Шалвы Чихладзе, Константина Коберидзе, Вагаршака Мачкаляна, Давида Цимакуридзе – сильных, молодых, отягощенных приятной тяжестью чемпионских медалей.

Так, в год олимпийского дебюта советского спорта пришел он к заслуженному тренеру Георгию Вардзелашвили, одному из наставников, кто умел расправлять худенькие плечи мальчишек в богатырскую стать мастеров ковра. Начинал неторопливо, как подобает уверенному в себе человеку. Выиграл первенство Тбилиси и Грузии в своей возрастной группе не только в классической борьбе, но и вольной. Сегодня, видя мое удивление, объясняет: «Я ведь еще дома, в Казбегском районе, начинал с чидаобы».

Надо сказать, что большая и дружная семья Гудушаури из села Сно Казбегского района всегда дружила со спортом. Дед Евстафий обладал колоссальной физической силой и завидным здоровьем, умер в 102 года от воспаления легких. Двоюродная сестра Мераба, Лиана, дочь дяди Левана, – баскетболистка. Другой дядя, Арчил, тоже фронтовик, был горнолыжником. Двоюродный брат Мурман – известный борец, чемпион Грузии, это он уговорил Мераба заняться классической борьбой. Младший брат Элгуджа – борец-классик, мастер спорта международного класса.

В 1953 году 15-летнего Мераба ввели в основной состав сборной Грузии. И смотрины его на всесоюзном ковре состоялись в Сталинграде: первое место в команде, второе – в личном зачете. Проходит год, и Мераб уже победитель первенства СССР

среди юношей.

- У меня дома хранится реликвией телеграмма Гиви Картозия, - рассказывает Мераб Ираклиевич, - он прислал ее в редакцию газеты «Лело» из Ростова, где мы с Давидом Гванцеладзе стали первыми. Победитель чемпионатов мира 1953 и 1955 годов в Неаполе и Карлсруэ, он согласился на нашу с Дато просьбу и поехал с нами, на соревнованиях опекал нас, его советы были бесценны. В 1952 году я с отцом и дядей Леваном был среди зрителей в Госцирке на товарищеском матче борцов Грузии и Армении. Их борьба напоминала единоборство сказочных дэвов. Действо переносило меня в мир, где чудеса на ковре творили Валико Вешагури, Годердзи Читиашвили, Джука Чликадзе, Вано Пирцхалаишвили, Вагаршак Мачкалян, Давид Цимакуридзе и, конечно, великий Гиви Картозия. Я, новичок, был покорен изысканным стилем борьбы, его физической силой. Ничего подобного я в жизни не видел. На себе испытал его бескорыстное отношение к делу. Он излучал добро, всегда отдавал больше, чем сам получал от жизни. Чего стоит одно его начинание, когда по инициативе Гиви грузинские палаваны-чемпионы мира и Олимпиад каждой весной посещают село Гиоргицминда Сагареджойского района, родину великого Арсена Мекокишвили. Это не простая поездка к Арсену - ритуал, утверждение правил жизни, если хотите знать, годовой отчет о собственном вкладе в борьбу.

Каждая минута, проведенная с Гиви, была подарком судьбы. Незабываемы учебно-тренировочные сборы в Москве, Подольске, Владивостоке, Анапе, Душети, когда после изнурительных занятий в зале он организовывал вылазки в лес за грибами, которые удивительным образом снимали усталость, буквально заряжали энергией. С Гиви Картозия мы дружили семьями. Я крестный его внука Гиви, сына Медеи и Папуны, тезки великого деда. На нашу с Люсей свадьбу он пришел в наш родительский дом на Плеханова вместе с борцами, со всей большой борцовской семьей. Я очень многим обязан в спорте и по жизни моему старшему другу. Как пусто стало в жизни без Гиви.

Как борец Мераб начинался дома, на всесоюзных соревнованиях, где всего труднее, несравненно труднее, чем на чемпионатах мира. Полулегковесу Гудушаури в разные годы противостояли борцы мирового класса Владимир Сташкевич,

Олег Караваев, Константин Вырупаев, Роман Дзnelадзе, Геннадий Сапунов, Евгений Зубковский...

А если вспомнить, что он совершал дерзкие «набеги» в легкую весовую категорию, где доминировал Автандил Коридзе, нетрудно представить, какого мужества и труда стоило Мерабу Гудушаури пройти строй победителей Олимпийских игр и чемпионов мира.

Его борцовская душа узнала сладость побед. Мастера контрприемов, умного тактика, обладателя колоссальной силы побаивались. До высоких целей рукой подать. В пятьдесят седьмом он остановился в одном шаге от золотой медали чемпиона страны. Чемпиона мира Сташкевича заставил коснуться ковра лопатками. Наутро решающая встреча с Зубковским. Ворочался без сна всю ночь и, как результат, перегорел. Золото досталось ворошиловградцу. Гудушаури – второй, Сташкевич – третий. В следующем чемпионате страны во Львове тройка призеров расположилась в ином порядке: Сташкевич, Гудушаури, Зубковский. Россиянину с преимуществом в один балл удалось взять реванш у Мераба, которому в виде утешения достался выигранный престижного Кубка Ядрана в югославском Сплите, где он тушировал турка Музахира Силле, будущего чемпиона Римской олимпиады. В том же году он – капитан сборной профсоюзов Грузии, которая выиграла командное первенство ВЦСПС. Сам капитан при этом не проиграл ни одной схватки, победив и в личном зачете.

Чемпионат СССР 1960 года проводился в Тбилиси. Мог ли Мераб огорчить земляков? И снова для него главная опасность исходила от Сташкевича, в решающей схватке чемпион мира первым боролся в партере и ничего существенного из выгодного положения не извлек, а потом попался на знаменитый накат Гудушаури. Повторился львовский счет 2:1, но на этот раз в пользу тбилисца. На втором месте – олимпийский чемпион Мельбуерна 22-летний Вырупаев. Мераб – чемпион СССР и видит в этом знак судьбы в олимпийском году. Все дороги ведут в Рим – столицу Игр. Для него она могла начаться с Подольска, со сбора кандидатов в олимпийцы. Среди полуплегковесов ставку делали на Гудушаури, и он не обманул ожиданий – в один день победил Сташкевича, Кацюбу, Житенева. Казалось, все вопросы сняты, но приехал из Москвы председатель Спорткомитета СССР

Николай Романов, и его ждал сюрприз. В трех видах борьбы – классической, вольной и дзюдо – среди двадцати кандидатов половину составляют грузины. Спорткомитет СССР отказывает в олимпийской путевке действующим чемпионам страны Гудушаури и Гванцеладзе, которые уже в те годы показывали современную борьбу и могли рассчитывать на олимпийское золото. В Рим отправились другие кандидаты – Вырупаев (3-е место) и Гамарник (5-е место).

Так были нарушены спортивный принцип, спортивная справедливость.

Через год, в 1961-м, госпожа удача снова отвернулась от Мераба. В самое неподходящее время – на чемпионате мира в Йокогаме.

Чемпионату мира предшествовали отборочные соревнования сильнейших спортсменов в московском спортивном зале «Крылья Советов» в последние дни февраля. Наибольшее количество претендентов – пять – было в полулегком весе. Чемпион СССР Гудушаури победил по очкам экс-чемпиона мира и обладателя Кубка мира ростовчанина Сташкевича, свел вничью встречу с чемпионом СССР 1957 года Зубковским (Луганск), выиграл по очкам у олимпийского чемпиона 1956 года Вырупаева (Иркутск) и победил с явным преимуществом чемпиона Ленинграда Кацюбу. Парадокс, но бессменного участника сборной впервые вывезли на мировое первенство (команда была очень сильная, говорит мне сегодня, словно оправдывая других).

И он принялся за дело – в первой схватке победил по очкам с большим преимуществом чеха Тота, японца Мурано, иранца Шлинякхани, немца Шульца. Его встреча с египтянином Мустафой Сили закончилась вничью. В шестом (последнем!) круге в схватке с турком Ильмазом оба борца оказываются за пределами ковра и падают с высокого помоста. У Гудушаури сломаны три ребра, и врач его снимает с турнира. Этот досадный случай отбрасывает Мераба на четвертое место. Чемпионом мира становится Мустафа Сили, турок – второй, иранец – третий.

Старший тренер сборной Вячеслав Кожарский говорит ему недовольно: «Не оправдал доверие Родины». В шестьдесят втором в сильнейшем по составу отборочном турнире к международным соревнованиям на приз Ивана Поддубного Гудушаури – победитель. Во втором круге выиграл у любимого ученика

Кожарского – чемпиона мира Геннадия Сапунова, одного из самых техничных борцов. Припечатал армейца лопатками к коврику, после чего спросил у наставника: «На этот раз, думаю, я оправдал доверие Родины, Вячеслав Петрович?»

Путь на престижный турнир открыт. Но к тому времени Мераб решил оставить большой спорт. И в его личной жизни произошли большие события. В 1960 году он женился. Людмилу встретил на приемных экзаменах в Грузинский сельскохозяйственный институт, красавицу-баскетболистку и члена сборных СХИ и Грузии, верного друга на всю жизнь. Это была любовь с первого взгляда. Но Люся полушутя-полусерьезно сказала: «Выйду за тебя замуж, если станешь чемпионом». И он им стал, а вскоре взял новый барьер – защитил диплом в институте.

С появлением семьи пришлось серьезно задуматься о будущем.

Десять лет отдано Мерабом спорту. Самые титулованные борцы не могут похвастаться результатами поединков с ним; более того счет побед в его пользу со Сташкевичем, Вырупаевым, Силле, Дзnelадзе, Зубковским... Но все труднее сгонять вес, выдавливая в парной каждый лишний грамм. А рядом растет паренек из Мухурчи, крепкий как молодой дубок. Приехал в столицу для спорта, работы и устройства жизни. В жутком безденежье снимал у хозяйки угол. Отработав на заводе смену, шел в вечернюю школу. И занимался в зале борьбы семь дней в неделю, по две тренировки в день, закаляя тело и сердце, как человек, задумавший подняться на большую высоту. И смотрел, как тренируются старшие, не мечтая, что его поставят рядом, и думал самолюбиво: «Взрослые, если они уважают младших, первые должны говорить: «Здравствуй дорогой, как живешь?» Тогда молодые смелее станут». И не чурался никакой работы, первый кинулся помогать – доставить в Госцирк из знаменитой кузницы чемпионов на Орджоникидзе борцовские ковры; не имея билета, спрятался под коврами от контролеров и с горящими глазами следил за выступлениями сильнейших борцов страны. В том памятном году, пока не услышал: «Гудушаури не может согнать вес».

Но послушаем самого Романа Рура: «В 61-м меня включили в сборную Грузии. Первым номером в полулегком весе был Мераб Гудушаури. Через год на заседании тренерского совета

он сказал, что в команду на первенство страны нужно включить не его, Гудушаури, а Руруа. А за год до этого он делал со мной, что хотел, «дни авиации» мне устраивал. Я больше летал, чем стоял на ковре. Был он моим постоянным спарринг-партнером. Я при нем вырос. Он очень много мне дал и в технике, и в тактике. Очень справедливый – меня предложил в команду. Как знать: если бы на месте Мераба был бы другой человек, может, мой приход в большой спорт был бы значительно позднее. Он мой друг».

Задумавшись над этими словами, за которыми большая жизнь, подумаем, какого тренера лишилась в свое время отечественная борьба. Впрочем, и на тренерском поприще Мераб успел поработать, правда, недолго – старшим тренером в «Локомотиве», когда по комсомольскому призыву ушел в органы, имея специальность агронома и диплом юрфака ТГУ, проработал в правоохранительных органах, вырос в профессионала высочайшего класса, занимал ответственные должности (здесь налицо пример отца, Ираклия Евстафьевича Гудушаури – организатора и лидера, крупного хозяйственника и партийного работника). Выбрал работу по характеру – в уголовном розыске – тяжелую и очень опасную – и три десятка лет оставался на переднем крае борьбы с преступностью, последовательно пройдя от оперуполномоченного УВД г. Тбилиси до заместителя начальника управления по борьбе с коррумпированной преступностью МВД СССР по Грузинской ССР и начальника штаба МВД Грузии. Он – кавалер Ордена Вахтанга Горгасала 3-й степени, больших серебряного и бронзового орденов Международной федерации борьбы (ФИЛА).

Мераб Ираклиевич рассказывает: «Меня беспокоит наметившийся раскол в обществе, потому особо хочу отметить важную и положительную роль, которую играет сегодня Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II в консолидации общества. Я довольно близко знаком с этим в высшей мере скромным и высокообразованным человеком, и наши беседы часто затрагивают проблемы спорта и, в частности, борьбы. Его Святейшество считает их важным средством воспитания молодежи, гармоничного развития личности».

Вместе с полковником запаса Мерабом Ираклиевичем Гудушаури рассматриваю фотоснимки. На одном – он на нью-

йоркской улице с младшим братом Элгуджей, чемпионом СССР среди юношей 1965 года и среди молодежи 1967 года, двукратным победителем мирового первенства борцов-железнодорожников в тяжелом весе, начальником Управления единоборств Спорткомитета Грузии. Оба брата в партикулярных костюмах. Широкими плечами закрывают вид на небоскреб, а рядом с ними внушительная фигура копа в черной форме, этакого супермена из американских полицейских фильмов, что стреляют с обеих рук, а вокруг валяются наркодельцы. Я не удержался и спросил, какого он мнения о новых центурионах, и услышал: «Видишь ли, стреляют-то они намного хуже нас».

В ОДНОЙ СВЯЗКЕ

Место действия – горы Центрального Тянь-Шаня, хребет Терской-Ала-Тау. События семидесятилетней давности. Первовосходители Каракольского пика по северо-западному гребню возвращались в базовый лагерь, когда увидели круто взметнувшуюся в небо вершину. «Смотрите, какой джигит!» – воскликнул кто-то. Это восклицание определило имя второй по высоте вершины хребта. С тех пор заоблачные 5170 метров приковывали взоры альпинистов из разных краев.

У красавицы вершины был гордый и жестокий нрав. Простых путей к ней нет. На север, запад и юг она обрывается крупными обледенелыми стенами и ребрами. Неустойчивая погода, большое количество осадков, сильная заснеженность и раннее наступление осени – вот нелестная характеристика района, в который предстояло отправиться альпинистам. В августе шестьдесят пятого года группа челябинского «Буревестника» поднялась на вершину Джигит по контрфорсу северной стены и далее по северной стене, и удостоилась серебряных медалей чемпионата страны.

Положили глаз на нее и грузинские альпинисты. Вскоре в альпийском лагере «Шхельда» Гиви Картвелишвили и Мито Шарашенидзе, рассматривая помещенную в «Советском спорте» фотографию Джигита с маршрутом челябинцев, выразительно посмотрели на Михаила Хергиани. Тигр скал тогда готовился

к своему знаменитому штурму «зеркала» Ушбы, ее отвесной северо-западной стены.

Хергиани в ответ тихо сказал: «Я бы попытался...» - «Может быть, сходим вместе, Миша?!» - предложили ему. Он ничего не ответил, только улыбнулся своей доброй улыбкой.

Они так и не разгадали, что означала эта улыбка. Может быть, согласие. А может, чемпион скалолазов подумал, что им, молодым, рано идти на такую стену? Если это так, то он, конечно, был прав, рассуждали друзья.

Крайне суровая по метеоусловиям, устрашающего вида полуторакилометровая стена северного фасада пика манила, но маршрут по центру большого треугольника северной стены в силу своей сложности не допускал и мысли о его прохождении в ближайшие годы, оставался не по силам горовосходителям.

С годами сложность восхождений возрастала, но проблема вершины оставалась нерешенной.

Но выбор был сделан и вызов горам брошен.

Одиннадцать лет спустя грузинским альпинистам удалось пройти этим маршрутом на вершину, мечта о которой, как тень, следовала за ними на все горы, и каждую они рассматривали как подготовку к той, главной.

Золотые медали в классе технических восхождений чемпионата СССР 1976 года – награда за их мастерство, дань мужеству. Но только сами участники знали, какой ценой заработана эта спортивная форма, пик которой пришелся на июль-август 1976 года, высокий моральный дух и даже юмор на маршруте в сеансах радиосвязи.

Успех обусловила многолетняя схоженность команды. Каждый из ее участников – бывалый альпинист. Самые старшие (команда молодая, средний возраст ее 36 лет) ходили в горы два десятка лет.

Тренер твердо знал, что на отполированной льдом стене, под непрекращающийся снегопад и яростные порывы ветра, и позже в сидячих ночевках (палатку-«памирку» удалось раскрыть только у самого гребня горы), не дрогнут, отлично выполняют любую работу идущие с ним, не опустят руки, глянув на притаившуюся внизу бездну, на вершину, до которой еще шестнадцать дней пути. Остается, стиснув зубы, забыв об усталости, упрямо лезть

вверх, вытягивать вплоть до вершинного гребня тяжелеющие с каждым днем рюкзаки.

Эти мысли не раз приходили в голову Гиви Картвелишвили, которого товарищи окрестили душой команды. Сам он своих заслуг подчеркивать не любит, предпочитая разговорам о них хорошо сделанное дело. А в том, что оно будет сработано на совесть, они не сомневались.

Сватаясь к красивой невесте – готовь богатый калым, советуется восточная пословица.

Прежде чем внести гору Джигит в заявочный лист, они с наибольшей пользой провели предыдущие сезоны, определяя контуры будущей золотой команды, тех единственных, кого в решающий час возьмешь в связку. Так Гиви и его друзья, которые к тому времени прошли три маршрута на Кавказе и в Средней Азии, отмеченные золотыми медалями ранних восхождений, и все они высшей, шестой категории трудности. Неприветливый Чатын, двуглавая Ушба, похожая на копье в полете, мрачная Бодхона в Фанских горах. Выбор не случайно пал на эти маршруты. Ушба своим климатом, а Бодхона большой крутизной наиболее сходны с условиями, ожидаемыми на северной стене Джигита. Бесценный опыт стенных восхождений на классических маршрутах – богатый калым команды центрального совета ДСО «Гантиади» к ногам гордой красавицы горы, и она дрогнула сердцем.

Гиви Картвелишвили, руководитель и тренер экспедиции, капитан команды Мито Шарашенидзе, Тамаз Баканидзе, Мурад Чичинадзе, Тариел Лукашвили, Георгий Зумбадзе. Инженер-строитель, металлург, художник, студент, метеоролог, физик объединились в едином порыве вверх. В горах мало быть ловким, сильным, выносливым, надо любить их и иметь доброе сердце, иначе попадешь в беду.

Уже в базовом лагере штурмовая группа выдержала испытание на прочность. Наверх выходили шестеро, а их было одним больше. И тогда Роман Гиуташвили, опытный альпинист и мастер спорта, благородная душа, отказался от штурма в пользу товарищей. Только горвосходитель может оценить великодушные этого поступка.

Спокойствие воцарилось в их душах на вершине, при виде

этого края снега и скал, окаменевших волн грозных исполинов. Они выиграли поединок, и теперь им предстоял спуск по западной стене, которая была разведана заблаговременно, для обеспечения безопасности в случае плохой видимости. О медалях, на которые они претендовали по праву первопроходцев, тогда не думали.

Радость пришла позже, когда спало напряжение схватки и на леднике внизу они увидели счастливые лица спешащих навстречу участников вспомогательной группы, терпеливо ожидавших их на этой прочной, удивительно родной земле.

В декабре того же 1976 года традиционная встреча Совета ветеранов союзной Федерации собрала цвет отечественного альпинизма: первооткрывателя вершины Победа на Тянь-Шане Августа Летавета, чьим именем назван пик на Памире, заслуженного мастера спорта Виталия Абалакова, многих первовосходителей вершин, «снежных барсов». Их вывод был однозначен: никогда еще в истории советского альпинизма не было столь сложного подъема.

Успех штурмовой группы разделили заместитель начальника экспедиции Тенгиз Беришвили, руководитель вспомогательной группы Заал Кикодзе, Гия Саджая, Тамаз Шарашенидзе, их товарищи, вынесшие на своих плечах тяжесть работы, без которой невозможен блеск золотых медалей.

С годами менялся состав штурмовых групп, менялось распределение функций каждого участника, но костяк этой великой команды оставался дружным, спаянным коллективом, верным ее традициям. За восемь лет (два сезона 1978 и 1980 годов выпали из-за опасности схода лавин и болезни основного участника) завоевано шесть комплектов медалей чемпионатов СССР в техническом и высотно-техническом классах. Два золота, три серебра, одна бронза – таким метким попаданием в «десятку» успеха не могла похвалиться ни одна команда.

В 1979 году, взойдя на пик Таджикского университета по канту восточного ребра и показав лучший результат в высотно-техническом классе, во второй раз стали чемпионами СССР Гиви Картвелишвили (капитан команды), Иракий Гелдиашвили, Тамаз Баканидзе, Роман Гиуташвили, Тариел Лукашвили, Мурад Чичинадзе.

До этого были восхождения на пик Евгения Абалакова на Памире, пик Кюкюртлю в районе Приэльбрусья, безымянная памирская вершина (6100 м), пик Давида Агмашенебели в Казбегском районе.

Было ясно: команда так громко заявившая о себе, пополненная молодыми спортсменами Тбилиси, Кутаиси, Рустави, Сванетии, готова к встрече с Гималаями – заветной мечтой каждого альпиниста.

И такая экспедиция комплектовалась на базе альпийского клуба «Кавкасион» и СКА. 20 апреля – 15 мая 1991 года планировалось совершить восхождение на десятый восьмитысячник планеты Аннапурну (8091 м) по северному ребру. В составе первой грузинской гималайской экспедиции было двести человек, включая команду шерпов. Но в очередной раз вмешалась политика...

К чести команды она выделила из своих рядов первого грузинского альпиниста, взошедшего в 1991 году на третий полюс планеты Эверест – Романа Гиуташвили – в 54 года!

Вместе с ним в одной связке в составе международной команды готовился к штурму Эвереста Гиви Картвелишвили, но скоростная смерть отца заставила его вернуться домой уже из Катманду. Роману Гиуташвили не хватило всего полгода, чтобы его имя было внесено в Книгу рекордов Гиннеса как мирового рекордсмена. Самым «старым» покорителем Эвереста признали американца, а Картвелишвили, находящийся в отличной спортивной форме, на год старше Романа, так что...

Рано отказываться от хрустальной мечты, считали Гиви и его друзья. В сентябре 1998 года они собрались в Казбегском районе, чтобы еще раз помериться силой с горами – главный инженер ремонтно-механического завода Бесо Бакрадзе, заместитель начальника управления Министерства по делам беженцев и расселению, кандидат технических наук Мито Шарашенидзе, директор республиканского центра детского туризма Минпроса Тариел Лукашвили, писатель и геолог Дато Джавахишвили, историк Георгий Бердзенишвили, Гриша Старчик, Гурам Каландадзе, молодые альпинисты из Тбилиси, Каспи...

Встретились и вспомнили тех, кто не смог прийти, – Ираклия Гелдиашвили, Дэви Тархнишвили, Мурада Чичинадзе, Георгия

Зумбадзе, погибших на Ушбе 27 февраля 1984 года, бывших гордостью и славой грузинского альпинизма.

С этой трагедией связано письмо – крик боли – вдовы российского альпиниста, также встретившего смерть в горах в 1980 году. С письмом я ознакомился в доме Гиви. Вот оно:

«Дорогой Гиви! Нет слов и слез, которые выразят боль, разрывающую наши души в эти дни. Знаю, что вы все вместе в нашем общем горе, но я и дети тоже с вами, в Тбилиси...

К сожалению, не знаю родных Ираклия, Гоги, Мурада.

Но я знаю тебя, для которого эти золотые, близкие сердцу ребята больше, чем друзья, больше, чем братья, больше, чем простые смертные. Поэтому я пишу тебе, хотя нет слов, только воспоминания об их теплых растерянных взглядах, словах, когда они не знали, что сказать мне в то ужасное лето 1980 года, и боль, страшная боль, держащая душу в тисках...

...Дэви, Ира, Гоги, Мурад...

Конечно, все мы будем жить дальше, мы привыкнем к этой боли, будем лелеять ее в наших душах, пока живы, будем пить и за их здоровье...

Но, мои родные хорошие друзья, умоляю вас, не испытывайте Богов. Наши чудесные, красивые Горы – Боги! И им решать, кому вернуться в суетную жизнь, а кому остаться у них.

Я понимаю, что многие из вас и дальше будут заниматься этим коварным, но прекрасным делом, называемым Альпинизм. Но это так тяжело терять вас, терять людей, которые составляют всю нашу жизнь, жить с этими потерями, любить их...

Всем-всем вам мой поклон.

Я вас всех очень-очень люблю. Маша».

Разгулявшаяся непогода тогда вынудила отказаться от восхождения в Казбегском районе. Но пока бьются сердца, лица их всегда будут обращены к горам, где бывает страшно, но встречаются особенные люди, доверяющие друг другу свою жизнь, на этой заоблачной спортивной арене в поединке со смертью, где, как нигде, проявляются сила и величие человека.

РАЗВОДЯТ ДРУЗЕЙ ОКЕАНЫ

Жизнь невозможно повернуть назад. Поверим Алле Пугачевой, которая всенародно объявила о своем открытии. Но соблазн велик. Почему бы не вернуться, к примеру, в Тбилиси середины 70-х годов, в гостиничный номер «Иверии», на семейный совет Чибурданидзе, обсуждающий вопрос, как помочь Гуфельду и автору этих строк написать книгу о Майе, которой только исполнилось пятнадцать. Талант, что называется, виден невооруженным глазом. В «Советском спорте» появилось сообщение Эдуарда Ефимовича: «Есть в Кутаиси девочка одна...» Событие само по себе сенсации не содержащее. Но когда о нем проговорился шахматный гроссмейстер с мировым именем, имеющий в активе победу над Талем, оно дорогого стоит. Итак, решено. Пишем. Не слишком ли рано, сомневаемся, приступая к работе. Через несколько лет книга эта окажется запоздалой. Справимся? Вы еще спрашиваете?

Семья Майи добросовестно выкладывает на стол все, чем богата. Тонкий альбом с фотографиями шахматного вундеркинда, тетрадка в клетку – воспоминания первой учительницы, пара-другая почтовых открыток. Не густо. С грустью вспоминаем находчивого солдата из сказки, знавшего рецепт супа из топора. Но назвали груздем...

Работаем без отрыва от производства на шахматном и газетном фронтах. Гуфельд к тому же выполняет обязанности тренера девочки. Я прибегаю к последнему резерву, к праву на десятидневную творческую командировку в любую точку страны – к холодным водам Балтики или по следам Чехова на Сахалин. Пока раздумываю, как бы не продешевить, сменился редактор. Захожу в кабинет к новому. Выслушивает недоверчиво, не каждый день меняют прошлогоднюю командировку на десятидневный творческий отпуск. «В самом деле, не использовали?» Я готов поклясться. Редактор-новобранец облегченно вздыхает, узнав, на что я собираюсь растратить свою премию. Отвечает откровенностью на откровенность: «А я уезжаю в Москву, на съезд журналистов». Остается пожелать друг другу успехов, что мы и делаем с облегчением. А до успеха – времени с воробьиный нос. Но обговорены подробности, и шахматный рыцарь уезжает в Баку, на очередной турнир. Я запираюсь дома и колдую над

рукописью. Скоро книга сказывается и скоро пишется. Вот и друг – свалился как снег на голову. Читает готовую книгу. Мой соавтор сияет, как новенький доллар США. Говорит моей жене: «Он у тебя гений». Приятно, когда тебя называют гением даже в шутку. А если серьезно, специалисты потом не припомнили другого случая, чтобы о шестнадцатилетней шахматистке была написана (и издана!) книга – такого в литературе еще не было. Как не было и того, чтобы шахматную корону оспаривала школьница.

Вы не помните? Вспомните, какой шахматный ветер-крепчак дул в сентябре 1978-го на мысе Пицунда. После первых партий матча на первенство мира Гаприндашвили – Чибурданидзе руководитель пресс-центра, международный мастер Михаил Юдович-старший в беседе с корреспондентом Грузинформа заметил: «Четвертая партия в психологическом плане может оказаться переломной». Мы оба тогда не знали, что конкретно имел в виду обозреватель, но он оказался прав. Так считали и честно написали в вышедшей в Москве книге «Семнадцать весен Майи». «Слушай сюда, – говорит мне Гуфельд, забыв, что он родом не из Одессы – из Киева, – звон идет по всему Союзу из-за нашей остроты». Я подозрительно смотрю на него. Не он ли растрезвонил. Сейчас, по прошествии времени, не устаю любоваться ее классической красотой. Проводись чемпионаты мира в этой области, думаю, она вернулась бы призером по меньшей мере.

Вы улыбнулись. А вот повод для новой улыбки. Майя – чемпионка мира. В 17 лет! Об этом стало известно накануне через всезнаюку телетайп. И уже не секретом – фактом должно стать достоянием читателей газеты «Заря Востока». Кому поручить почетное право написать очерк о чемпионке? Для молодого моего коллеги, самого приткого из присутствовавших в то утро на планерке, была одна кандидатура – Михаил Ботвинник. Пытаюсь объяснить, что патриарх шахмат не будет писать в номер. При всем уважении знаменитого чемпиона к Грузии и грузинской газете. Редактор вопрошающе смотрит в мою сторону. Подозреваю, что он перелистывал нашу книгу «Все еще впереди». Смелый прогноз стал реальностью усилиями очаровательной девочки из Кутаиси. Телеграфные агентства не скупятся на восторженные оценки, вспоминая попутно наше

пророчество. Но об этом станет известно позже, а пока получаю задание заменить Ботвинника, который об этом не подозревает. Пишу в номер, наступая на горло собственной песне. Больше думаю о количестве строк, и с качеством, думаю, все в порядке. Незаметно бежит время. Появляется Гуфельд, ревниво заглядывает в гранки из-за моего плеча и смотрит умоляюще, как Коля Остен-Бакен на польскую красавицу Ингу Зайонц. Но я тверд и непреклонен. И дважды на одни грабли не наступлю.

Но что это мы все о Майе? Время обратиться к персоне ее именитого наставника. С Гуфельдом я познакомился в середине 60-х годов, когда он женился и переехал на постоянное жительство в Тбилиси. Наше знакомство было «заочным», по телефону, полчаса мы соревновались в остроумии и разошлись, убедившись в примерном равенстве сил.

В юности Эдику и в голову не приходило, что он станет шахматистом. Большинство ребят из его киевской школы №131, что рядом со стадионом, на улице Руставели, увлекалось футболом. Он только что вернулся с мамой в разрушенный Киев из Самарканда (отец погиб в первые месяцы войны), учился во втором классе, еще путался в таблице умножения, но каждую свободную минуту бежал на стадион.

У него на всю жизнь осталось убеждение, что во время войны многим родителям приходилось закрывать грудь своих детей, как это сделал легший на амбразуру пулемета молодой русский парень Александр Матросов. Вспоминал, как эвакуировались из Киева. Транспорта для беженцев практически не было, использовался любой шанс вывезти семьи военнослужащих. Им предоставили одну из последних возможностей покинуть столицу Украины, к которой уже приближались немецкие войска, – в пульмане, перевозившем пшеницу. Состав был загружен почти до самого верха, и ехать пришлось прямо на зерне. И тут появился немецкий самолет. Фашист летел прямо над поездом, высунув голову и обстреливая из пулемета безоружных беженцев. Эдик, конечно, еще не понимал, что мог быть убитым, ему просто было очень любопытно. Немец свесил голову в шлеме и очках и ухмылялся, поливая их свинцом. И его бабушка раньше Матросова совершила аналогичный поступок. Она втиснула Эдика в верхние слои зерна, накрыла какими-то оказавшимися под рукой вещами и заслонила своим телом.

Эдик последовательно постигал премудрости великой игры: дворовая команда, футбольная секция городского Дворца пионеров, последние разбитые ботинки и первая настоящая футболка. «Гуфа, давай!» – кричали ему с трибуны, и худенький правый инсайд забивал голы, получая замечания от судей за азартные возгласы и чрезмерную жестикуляцию. После придинок судей он отводил душу за шахматами. На футбольных тренировках, стоило ему ошибиться, тренер поучал: «Это тебе не шахматы – тут думать надо!» Но продолжал сражаться на двух фронтах. Когда любовь к шахматам пересилила, Эдик сделал свой выбор. К тому времени он играл в юношеских первенствах Киева и за сборную команду школьников Украины, вместе с Андреем Бибой и Виктором Каневским, впоследствии знаменитыми футболистами киевского «Динамо».

Вершиной своей футбольной карьеры сам считал участие с капитанской повязкой в матче сборной шахматистов социалистических стран против команды «остального мира» на студенческой Олимпиаде в Хельсинки в 1961 году (он дважды достаивался золотых медалей этих престижных соревнований).

С этим «раздвоением личности» Гуфельда связан забавный эпизод. Ему довелось давать интервью спортивной газете «Журнал ду Бразил». Его расспрашивали о футболе, а футбольного короля Пеле – о шахматах. Пеле потом прислал замечательные сувениры – цветные фото с символикой бразильских клубов и письмо, начинавшееся словами: «Амиго Эдуардо...» Об этом Эдуард рассказал в редакции «Комсомольской правды» и о том, как на пляже в Тунисе играл в футбол с Фишером. На следующий день открывает газету и читает, что «Гуфельд, кстати, играл успешно в футбол против Пеле». Звонок в редакцию Гуфельда, который сам был мастером розыгрышей, прояснил обстановку – ночной редактор подумал, что на доске Гуфельд мог выиграть у шахматиста Фишера, а на поле – у футболиста Пеле. Гуфельду, возвеличенному до небес, оставалось утешаться сентенцией О' Генри: «Благословен будь, наивный...»

Со многими выдающимися иностранными шахматистами ему не довелось встречаться за шахматной доской, о чем сожалел не раз, а ведь выступление в крупных турнирах все равно, что игра виртуоза скрипача на скрипке Страдивари. Хотя вниманием корифеев шахматного мира не был обойден. В 1967 году

на межзональном турнире в тунисском городе Сусе его представили Фишеру. Американец эмоционально отреагировал: «А, Гуфельд! Я вас знаю! Я видел вашу партию со Смысловым».

Партия была сыграна в том же году на IV Спартакиаде народов СССР в матче Украина-Москва и вызвала огромный интерес столпившихся вокруг доски участников турнира. По встревоженным лицам товарищей по команде он понял, что они расценивают шансы в пользу экс-чемпиона мира. Каково же было общее удивление, когда последовала жертва двух фигур подряд. В этот момент Гуфельд увидел Михаила Ботвинника. Изучающе посмотрев на доску, а затем на его физиономию, патриарх шахмат отошел и взял под руку Геллера, который играл с Петросяном и встал со своего стула. Они о чем-то пошептались. Много-много лет спустя Геллер передал другу содержание разговора. «Ефим Петрович, – спросил Ботвинник, – что это за босяк играет в вашей команде?!» Игра Гуфельда в этой партии шла настолько вразрез с общепринятыми «правилами поведения» на шахматной доске, что могла вызвать ассоциацию с уличным хулиганством. На другой день после партии, завершившейся поражением Смылова, Ботвинник подошел к Гуфельду. «Эдуард Ефимович, – подчеркнуто уважительно обратился он, – какого вы мнения о вчерашней вашей комбинации?» – «Мне кажется, что черные нигде не стоят хуже» – «Я проанализировал партию. Мне тоже так показалось». Свой рассказ Гуфельд завершает предельно скромно и с достоинством: «Есть шахматисты, которым эта партия нравится даже больше, чем моя «бессмертная». Например, об этом мне говорил Геллер. Но я все же придерживаюсь старого мнения...»

«Бессмертная», она же «Джоконда», партия Багиров-Гуфельд (Кировабад, 1973 г.) – подлинный шедевр моего друга, созданный в его звездный час, была признана второй среди десяти лучших партий XX века, отобранных для конкурса Белградским телевидением, а в роли жюри выступали миллионы телезрителей.

Советские шахматисты летели самолетом на межзональный турнир в Бразилию, когда Гуфельд предложил для разминки проанализировать позицию из своей «бессмертной партии». Это была поистине дискуссия на высоком уровне не только потому, что во время перелета Рим-Рио-де-Жанейро самолет поднялся

над Атлантическим океаном на 12 тысяч метров... Вряд ли ему бы посчастливилось на земле организовать дискуссию с участием Смыслова, Кереса, Геллера, Полугаевского, Бронштейна, Васюкова, Савона и других именитых шахматистов. Пролетев четверть земного меридиана, Гуфельду удалось отстоять свою оценку позиции.

Опубликовав эту партию в американском журнале «Чесс лайф энд ревью», редакторы сочли ее настолько значительной, что посвятили Роберту Фишеру. Гуфельд писал: «Ни одна партия не принесла мне такого творческого удовлетворения, как эта. До сих пор чувствую себя счастливым, вспоминая о ней. И тогда забываются все спортивные неудачи, а остается радость осуществленной мечты».

Известный шахматный писатель Виктор Васильев подметил, что в силу своего самолюбия Эдуард особенно ярко играет против известных гроссмейстеров. «Тут он действует с предельной отдачей. Натура очень эмоциональная, даже экспансивная, Гуфельд в шахматных спектаклях играет не главные, а чаще всего характерные роли, но в них бывает иногда чудо как хорошо!» Как тут не вспомнить отзыв Михаила Талья: «Гуфельд – это шахматист, который под настроение может обыграть кого угодно».

В красивой «коллекции скальпов», собранных Гуфельдом, победы над экс-чемпионами мира Смысловым, Талем, Спасским, гроссмейстерами Бронштейном, Полугаевским, Штейном, Ваганяном, Белявским, Псахисом, Хюбнером, Гортом, Глигоричем... Особое удовольствие ему доставлял такой факт: в серии «Выдающиеся шахматисты мира» читатель найдет, пожалуй, только одну партию, отлично выигранную у Гуфельда – в книге о Петросяне.

Вспоминаю 70-е годы, когда Эдуард Ефимович был самым популярным автором нашей «Зари Востока». Он появлялся в редакционных кабинетах, и тогда падала до нуля производительность труда работников отделов и секретариата: говорил и показывал Эдуард Гуфельд! Он оставался гроссмейстером мирового класса, играл в турнирах, но принадлежал и к числу избранных, интересно пишущих о шахматах, которых вообще раз-два и обчелся. В чехословацком шахматном издании «Ческословенски шах» завели даже рубрику «Из анекдотов Эдуарда Гуфельда». И своими познаниями, любопытнейшими историями он делился

в «Заре». Помню, в Тбилиси проходило первенство СССР по шахматам (первая лига). Эдик играл с переменным успехом. Как-то поделился со мной своей заботой: «Понимаешь, играю, но больше думаю, чтобы такое интересное написать тебе в номер».

Таким он был в жизни – обладатель золотой медали командного первенства СССР, многократный чемпион Вооруженных Сил, участник многих международных турниров, первенств страны, заслуженный тренер СССР и Грузии, шахматный наставник пятикратной чемпионки мира Майи Чибурданидзе и женской сборной Грузии, старший тренер олимпийской женской сборной СССР... Певец шахматной красоты, видный теоретик, журналист и литератор. Труженик в шахматах, знавший большие победы и все же не реализовавший до конца свой огромный потенциал. Тонкий психолог и опытный наставник, к услугам которого многие годы прибегал претендент на мировое первенство Ефим Геллер (Геллер шутил: «Еще неизвестно, кто кого тренирует»). Чего стоит его плакат в ответственный период соревнования: «Генацвале, до бессмертия 4 очка!» Он знал радость творчества и сокрушительные катастрофы, когда от желанной цели его отдаляли капризы судьбы и вероломство людей. Переживал, когда его отстранили от работы тренером Майи Чибурданидзе, достигшей с ним пика славы и которую в новогодней анкете назвал своим лучшим шахматным произведением.

А потеря Майи куда значительнее. В Маниле подарила Се Цзюнь на блюдечке с голубой каемочкой не яблочко – шахматную корону, хотя на порядок сильнее талантливой китаянки, что и доказывала на каждой Олимпиаде, разбивая ее на первой доске в пух и прах. И хотя у нашей чемпионки, чье имя занесено в Книгу рекордов Гиннеса, пять титулов чемпионки мира, досада не оставляет каждого, кто фатально полюбил эту выдающуюся шахматистку.

И снова вспоминается пятизвездный «Манила-отель», солидный, старинный, классический особняк, где Се играла почти что в домашних условиях. На Филиппинах проживает до двух миллионов китайцев, столько же и коренного населения. Старинная китайская поговорка учит: «Кто хочет украсть тигренка, должен отважиться влезть в логово тигра». Поговорка уж очень китайская, но кроме отваги, отправляясь на матч, нелишне было

сохранить чувство опасности. Опасности подстерегают нас на каждом шагу. В Маниле партии игрались в том же отеле, в так называемом митинг-холле, где зрители располагались в нескольких метрах от столика, за которым играли шахматистки. И любому человеку с длинными руками под силу не только взять с него яблоко или банан, но и снять пешку с доски. И подсказать не слишком громко на китайском языке, который Майя, конечно же, не успела выучить. Но кто мешал поместить рядом грузина или еврея, вменив им в обязанность ту же функцию.

Не будем сыпать соль на незаживающую рану. Придается все, даже шахматы. И пойдем девочку, которой вместо куклы дали эти жестокие фигурки и велели их двигать, двигать...

Не знаю, утешился ли Эдуард после шахматных и жизненных невзгод, читая в странах Юго-Восточной Азии лекции на Гуфельд-инглиш, который его слушатели понимали лучше литературного английского. Последний раз я его видел в начале девяностых годов, когда по первому звонку приехал к нему в военный городок на Черноморской улице, где он жил в «офицерском» корпусе. Эдик только вернулся из зарубежной поездки. На проспекте Руставели шла непонятная, странная война. Он все порывался сварить кофе для меня, но воды в кране не было. Его беспокоили боли в ногах, он с трудом ходил. «Что мне делать?» – спросил меня растерянно. – «Уезжай немедленно в аэропорт, – говорю, – в Киев, к маме».

Больше мы не виделись. Он переехал в Лос-Анджелес, стал чемпионом США среди ветеранов, опередив знаменитых американцев Арнольда Денкера и Артура Бисгайера, издал свою главную книгу – «Моя жизнь в шахматах», с партиями, среди которых я обнаружил посвященную мне: «Моему другу из Грузии Арсену Еремяню». Иногда названивал из «американского Авлабара». «Целуй Грузию, – сказал мне из-за океана, – нет лучше страны в мире». И с каждым телефонным звонком его голос звучал все реже и глуше, как шум колес ушедшего поезда.

23 сентября 2002 года Эдуард скончался в медицинском центре «Синай» Лос-Анджелеса, так и не выйдя из комы после обширного инсульта.

ГОВОРИМ - ТЕННИС, ПОДРАЗУМЕВАЕМ - МЕТРЕВЕЛИ

О своем выборе говорит как о случайном. Любил и другие виды спорта, но рядом с домом были теннисные корты, он как-то пришел туда и с тех пор не покидает. Все, по его словам, было предельно просто – пришел, взял ракетку, начал играть. В этом признании есть что-то от ликующего сообщения Гая Юлия Цезаря с театра военных действий. На деле все было иначе. Алик уговорил старшего брата Петра, довольно сильного в масштабах Грузии теннисиста, познакомить его с тренером. Петра тогда отговаривали: стоит ли, дескать, мал еще. Но тот данное слово сдержал, и Алик предстал перед человеком, кому, как признается, будет вечно благодарен. С детства прикипел душой к динамовским кортам, к этому виду спорта, в котором один известный теннисист различает три слагаемых успеха высококлассного игрока – выносливость стайера, скорость спринтера, реактивное мышление шахматиста в сильном цейтноте. Наивно было бы требовать всех этих качеств от одиннадцатилетнего мальчика, и разброс спортивных интересов в детстве следовало ограничить и направить на достижение главной цели.

У Арама Хангуляна, ветерана отечественного тенниса и одного из лучших в стране тренеров, была своя теория дремучего леса, напоминающая ситуацию из немецкой сказки о Гензеле и Гретель, заведенных отцом-дровосеком в лесную чащобу, откуда не выбраться. Арам Герасимович считал, что все занимающиеся вторгаются в труднодоступные лесные заросли, и настоящими мастерами становятся те, кто самостоятельно сумеет выйти. Не подразумевался ли под этой благословенной солнечной полянкой центральный корт Уимблдона, предел мечтаний теннисистов? Наставник на самом деле метил выше. Лучший его ученик Александр Метревели потом скажет: «При всех своих достоинствах Арам Герасимович обладал особым даром педагога, воспитателя. Для него мало было вырастить просто хорошего спортсмена, мастера, чемпиона. Он стремился воспитать еще и человека, личность».

Наш давний разговор происходил в доме Метревели. Оба обстоятельно вспоминали детали минувших турниров, хотя

хозяин поневоле прислушивался к голосам в соседней комнате – младший сын, Александр, женится, и надо обсудить с новыми родственниками немало организационных дел, ставших неожиданно общими.

...На всесоюзных зимних юношеских соревнованиях в Москве внимание специалистов тенниса привлек худенький, стройный мальчик из Грузии – легкостью движений и тонким чувством мяча. Он эмоционально переживал ход поединка, проиграв очко, вопрошающе смотрел на тренера, а после проигрыша встречи и вовсе расстроился.

Таким было начало пути в большом спорте, а начался он счастливо. Алик скоро стал первой юношеской ракеткой страны, выиграл в команде Кубок Галеа – неофициальное командное первенство Европы среди юношей, победил в юношеском и молодежном первенствах английского графства Кент, стал вторым призером Уимблдонского турнира юношей.

И тут его подстерегла беда. Отлично прошла предсоревновательная тренировка. Разделяющее первую и вторую неделю турнира воскресенье – традиционный день загородного отдыха. Гвоздь его – футбольный матч сборных команд Европы и Америки. Алик вышел на газон, идеальный как на «Уэмбли», забывая, что в футболе фамилия Метревели уже прозвучала и громко и убедительно. Но привычка свыше нам дана, сказал поэт. На первых минутах Алик забил свой гол. И снова выходит один на один с вратарем, замахивается для удара и хватается за ногу – травма колена. Она могла стать концом его спортивной карьеры. И после операции колено немного побаливало, особенно в затянувшихся матчах. И психологический барьер неуверенности от ощущения, подсознательно мешавшего ему быстро передвигаться по корту, принимать смелые, оригинальные решения, от которого он избавился разве что в сезоне семидесятого.

Собственный спортивный путь делит на три этапа. Первый – знакомство с азами, изучение азбуки тенниса (1955-1960 гг.). Второй – выход на всесоюзную арену, борьба с чемпионами СССР различных лет Сергеем Лихачевым, Тоомасом Лейусом, Михаилом Мозером, Рудольфом Сивохиным, Андреем Потаниным, учеба у них (1960-1965 гг.). Третий этап начался с 1966 года, после завоевания звания чемпиона страны в одиночном

разряде в финальном матче с Вячеславом Егоровым.

Игровой интеллект, отточенная техника помогли ему уже к середине шестидесятых одержать победы над звездами мирового тенниса Панчо Гонзалесом, Джимми Коннорсом, Лью Хоадом, Марти Маллиганом, Илие Нэстасе...

После матча на Кубок Дэвиса в 1968 году в Италии властелин грунтовых кортов Никколо Пьетранжели с досадой сказал Александру: «Много лет выступаю на мировой арене, но никто, кроме тебя, не наносил мне такого жестокого удара. Проигрывать всегда неприятно, а с разгромным счетом 0:6, 0:6, 1:6 во сто крат тяжелее».

В июле шестьдесят шестого в Бостаде, небольшом городке на юге Швеции, сильнейшие мастера мира боролись за звание победителя открытого первенства Скандинавии, а оно досталось тбилисскому динамовцу Метревели, который в финале низверг первую ракетку мира того года испанца Мануэля Сантану, как и в четвертьфинале – Пьетранжели, отыграв у них матчболы.

Эти победы вселяли надежду, что Метревели первым в истории отечественного тенниса войдет в первую десятку сильнейших теннисистов-профессионалов, он этого добился в 1974 году, став девятым, и еще первым номером среди любителей.

Дебютировав в составе сборной СССР в 18 лет, Александр Метревели два десятка лет защищал ее честь; бок о бок с ним выступал еще один воспитанник грузинской теннисной школы Теймураз Какулия, земляки завоевали немало чемпионских титулов в парном разряде. Не будем забывать, что Метревели, бессменному лидеру команды, противостояли лучшие теннисисты планеты всей. Остаться в их обойме из года в год – это ли не свидетельство высшей спортивной доблести и мастерства?

Ответ находим в отзыве лидера советского тенниса послевоенных лет, известного спортивного теле- и радиокomentатора Николая Николаевича Озерова: «Метревели – теннисист от Бога. Когда смотришь его игру, испытываешь истинное наслаждение. Это – не просто игра. Это – высокое искусство. Здесь есть все, что присуще большому искусству, большому теннису: грозные атаки, искусная защита, филигранная техника и, наконец, яркая фантазия, тонкая импровизация, без которых настоящее искусство немислимо. Метревели – первый среди советских теннисистов, кому удалось в полной мере овладеть

техническими и тактическими премудростями универсальной игры, продемонстрировать на практике многие передовые идеи тенниса 60-70-х годов».

Уимблдон – теннисный рай в пригороде Лондона. Турнир неожиданностей и крушения авторитетов. В 1967-м корреспондент газеты «Таймс» передал Метревели игрушечный пистолет, с шутливым предложением застрелиться. История мирового тенниса действительно такого не знала – проиграть с матчболов три матча в трех разрядах – в одиночном, мужском и смешанном парных!

Особенно трагична была четвертьфинальная встреча вместе с Анной Дмитриевой против сильнейших в мире бразильянки Марии Буэно и австралийца Кена Флетчера. Наша пара имела матчболы и три из них на подаче Метревели в решающем гейме и проиграла.

В турнире следующего года, сильнейшем по составу участников, впервые скрестили ракетки профессионалы и любители. Самый болезненный удар профессиональному теннису нанес Метревели, дважды обыграв американца Гонзалеса, «летающего Панчо», которого называли лучшим игроком всех времен и народов. Сначала в одиночном разряде, потом в третьем круге соревнований смешанных пар, с Розмари Казалс.

В финале смешанных парных встреч Ольга Морозова и Метревели выходят на площадку против Флетчера и первой ракетки мира Маргарет Смит-Корт. И очень близки к успеху, но проигрывают вторую партию, имея три сетбола 12:11 и 40:0 на подаче Морозовой.

На торжественном приеме по случаю окончания турнира не было одного из героев торжества – Алику оказывали помощь врачи госпиталя «Святая Мария». Очевидцы финала не подозревали, что при падении он повредил кисть правой руки.

«Только не подумайте, что проиграли мы из-за моей травмы, - возражал он сочувствующим. - В решающий момент нам не хватило психологической устойчивости, к тому же мы уступали соперникам в некоторых деталях техники».

Ситуация повторилась через два года. Метревели и Морозова снова имеют реальные шансы стать первой парой мира. В поединке с той же Казалс и румыном Нэстасе. В решающей партии, при равенстве выигранных геймов 5:5 на подаче со-

перников, счет стал «меньше». У нашей пары скрытый матчбол – следующим подавал Александр. Отбитый мяч повисает над самой сеткой, убить его проще простого.

В этот момент американка совершает перебежку, и Метревели выбирает, казалось бы, один из беспроигрышных вариантов – сильно играет в Казалс. Мяч непостижимым образом попадает в обод ее ракетки и перелетает на сторону наших спортсменов. Следует новый удар – на этот раз в промежуток между соперниками, и его каким-то чудом отбивает Казалс. Стало «ровно». Этот сет наша пара проиграла, как и решающую партию – 6:8.

Звездным часом своей блистательной карьеры Метревели считает уимблдонский финал-73 в одиночном разряде, когда играл с Яном Кодешем. Победив в полуфинале беспорного фаворита турнира Джимми Коннорса. С лидером команды Чехословакии он провел более двадцати встреч на различных турнирах и в большинстве их одерживал победы. И был для Яна неудобным соперником.

«Я настраивался на трудный поединок, - вспоминал грузинский теннисист, - знал, легким финал не будет. Но все планы спутал сильный дождь. Пришлось организаторам отложить женскую встречу, после которой нам предстояло выйти на корт. Потом все изменилось, и я не успел психологически настроиться на борьбу. Кроме того отвернулась удача, что немаловажно в соперничестве равных соперников. Вторую партию мог выиграть одним ударом, но упустил эту возможность. Матч проиграл – 1:6, 8:10, 3:6, но и сегодня горжусь, что был участником финала одиночного разряда Уимблдонского турнира».

А ведь мог и победить, что доказал через год выигравшем матча у Кодеша в принципиальной встрече на Кубок Дэвиса.

Так говорил и играл Александр Метревели, заслуженный мастер спорта. 29 раз он становился чемпионом СССР и 16 – чемпионом Европы в различных разрядах. Шестикратный абсолютный чемпион страны. Двукратный победитель чемпионата Южной Австралии и дюжины австралийских и индийских штатов, многочисленных международных турниров. В рамках розыгрыша Кубка Дэвиса им проведено 105 встреч, в 78-ми одержаны победы. Эти цифры – красноречивое свидетельство эры Метревели в отечественном теннисе, его полного превосходства над соперниками.

ЭТАЛОН ДРУГА

Познакомились они без малого шестьдесят лет назад. Судьба свела их вместе в городе-герое на Волге, на юношеском чемпионате СССР по классической борьбе 1954 года, чтобы уже не расставаться, подружиться и, более того, породниться. Назовем их: Мераб Гудушаури из Тбилиси и Степан Казарян, участник команды Еревана. Или, как представляют героев известного фильма Георгия Данелия – жителей солнечной Грузии и солнечной Армении.

По воспоминаниям моего друга, восстановим события минувших дней. Как-то сразу Мерабу пришлось по душе его новый знакомый – смуглый, прекрасно сложенный для своих лет. Поселили их команды в большой комнате вместе со сборной Казахстана, в составе которой были будущие мировые знаменитости Анатолий Колесов, Валерий Анисимов, Вадим Псарев.

Но это будет, а пока по завершении соревнований все вместе гуляли по сталинградским улицам, встречая повсеместно незалеченные следы войны, посещали места, памятные по сообщениям Совинформбюро.

Боролся Степа в весе 52 кг, боролся великолепно, все схватки проводил на высоком техническом уровне, завершая как правило досрочно – занял в финале второе место. Одному только борцу оказалось по силам опередить Степана и стать чемпионом, но какому! Олегу Караваеву. Да-да, тому самому, кому через несколько лет покорились все мыслимые чемпионские вершины: СССР (5 раз), мира (дважды) и Римской олимпиады 1960 года.

Мераб Гудушаури, как и Степан, занял второе место в полулегком весе. В день отъезда обменялись адресами, еще не зная, как часты будут их встречи на первенстве ЦС «Буревестника», ВЦСПС, других кубковых и межведомственных соревнованиях. Так началась их дружба. А потом была встреча на первенстве мира 1975 года, памятным тем, что советские борцы завоевали 8 золотых медалей, в Минске, где день рождения Гудушаури – 13 сентября – отмечали степановы сыновья Вартан и Армен (Мераб Ираклиевич крестный Армена, а его отец – Мераба-младшего, внука его друга). И еще одна, более дальняя, на чемпионате мира 1979 года в американском городе Сан-Диего, куда оба приехали в качестве почетных гостей и особо почитаемых людей в большой мировой борцовской семье,

где их, тогда еще советскую спортивную делегацию, разместили в одном из коттеджей института, комендантом которого оказался некто Кероп, соотечественник и друг Степана, так что лучшего ежеминутного внимания нельзя было и пожелать. Очень скоро пришли и другие степановы друзья из армянской диаспоры – организовали поездку в Лос-Анджелес, в знаменитый дельфинарий; ходили на соревнования, а по завершении их пригласили Мераба, Степана и старшего тренера сборной В.Миронова в институтский коттедж, который также оказался в ведомстве Керопа, на Тихоокеанском побережье, на шашлыки, в полном соответствии с кавказской кухней.

На сегодняшний день Степан Левонович по праву считается одним из самых уважаемых людей в мире борьбы. Уроженец Еревана, гражданин мира, как в шутку себя он называет, с 2003 года работает генеральным секретарем Технического департамента Международной федерации объединенных стилей борьбы (ФИЛА), где занимал различные должности с 1975 года, занимается научной работой. К тому же он – заслуженный тренер СССР и Армении, заслуженный гостренер и деятель спорта РА, почетный мастер спорта СССР, судья всесоюзной и международной категорий (с 1965 г.), уже в 27 лет возглавлял сборную Армении по классической борьбе, будучи младше некоторых своих подопечных. Воспитал до трех десятков мастеров спорта, среди которых немало самых именитых.

Многие годы возглавлял республиканское сельское добровольное спортивное общество «Севан», открыл 34 спортшколы, 17 из них с борцовской специализацией. В одной из них, в Масисе, был подготовлен олимпийский чемпион Атланты Армен Назарян, первый в независимой Армении. В 1968 году С.Казарян сроком на два года командирован в Камбоджу на тренерскую работу, за которую удостоивается высшей правительственной награды.

Круг обязанностей и кипучая деятельность Степана Левонича, и это несмотря на его 78 лет, внушает большое уважение. Профессор Казарян проводит тренерские и судейские семинары ФИЛА, посетил с лекциями 90 стран мира.

«Приезжает и к нам, в Грузию с семинарами, – рассказывает Мераб Гудушаури, – помогает нашим судьям освоить новые правила, занимается с молодыми борцами. Большая дружба связывала Степана Казаряна с нашими первыми олимпийскими чемпионами Давидом Цимакуридзе и Гиви Картозия. Когда в апреле 1966 года трагически погибли в автоаварии два друга, два великих спортсмена

Автандил Коридзе и Роман Дзнеладзе, приехавшую на похороны армянскую делегацию борцов возглавил мой друг Степан. Такое не забывается! Он и сейчас дружит с нашими выдающимися чемпионами – Леваном Тедиашвили, Романом Руруа, Лери Хабеловым... Всех не перечислишь. Всегда для нас он остается дорогим и желанным гостем. Степан – эталон друга.

Весной 2013 года Тбилиси принимал первенство Европы по греко-римской, вольной и женской борьбе. В этом огромная заслуга Степана Левоновича Казаряна, свидетельство его большого авторитета в ФИЛА, уважения выдающихся достижений грузинской школы борьбы.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ ТАЛАНТА

В то погожее майское утро на площади перед Тбилиским Дворцом спорта происходили удивительные события. Возле новенького «Икаруса» толпились знаменитые борцы. Прохожие, как ни спешили, останавливались и интересовались причиной богатырского сбора. Эти крепкие мужчины ехали к памятнику Арсена Мекокишвили, зажечь свечи в память товарищей, которых уже не было с ними, – традиция, начало которой положено Гиви Картозия.

Потом была крутая дорога вверх, к сельскому кладбищу, к памятнику великану, мудрому и добродушному, кто в сорок лет вышел на олимпийский ковер Хельсинки и сошел с него победителем.

Их узнавали в селе. Старики обнажали головы и кланялись, женщины плакали. Какой-то дед говорил правнуку: «Они к Арсену идут. Борцы...»

На первой остановке в пути первыми вышли два спортивных начальника – председатель Тбилисского спорткомитета Леван Тедиашвили и заместитель председателя республиканского совета «Трудовых резервов» Вахтанг Балавадзе, и, словно доказывая, что попали в эту компанию по праву, а не как высокое начальство, сошлись в поединке по правилам грузинской борьбы чидаоба, давшей путевку в большой спорт не одному десятку чемпионов.

Леван из этих мест, из соседнего села Гегмоубани. А на-

чиналось все в 1965 году на празднике борьбы в Какабети, где 17-летний Леван поборол всех соперников. Предложили ему помериться силой с тяжеловесом, который на тридцать килограммов был тяжелее, он и тут через полторы минуты втер соперника лопатками в опилки. Мог ли остаться незамеченным самородок, который окончил ту же сельскую школу, что и легендарный Арсен Мекокишвили, и первым учителем его в спорте был Вано Мекокишвили из прославленного рода прирожденных виноградарей и богатырей. Нет, конечно. Цепким взглядом высмотрел его среди сельских парней Вахтанг Балавадзе, двукратный чемпион мира по вольной борьбе. Увез в Тбилиси – учиться на чемпиона.

«Профессор борьбы» вспоминал: «Через несколько лет Леван сказал мне, что перестанет уважать себя, если через год не выигрывает чемпионат мира. Пришлись мне по душе его слова: себя узнал в этих словах, сам в чемпионы рвался. Все получалось правильно: если борешься – побеждай!»

Первые победы давались непросто. Много соперников, молодых и сильных, стояли перед Леваном на пути к вожделенной награде на всесоюзном ковре, и самый опасный из них махачкалинец Юрий Шахмурадов. Раз за разом встречались они, а победа ускользала от Левана. Друзья отговаривали: «Чудак! Ну куда ты лезешь напролом. С Шахом открытая борьба ни у кого не получается». Он добился-таки своего – на чемпионате СССР-71 победил Шахмурадова, а победивший Шахмурадова обычно становился чемпионом мира. И Тедиашвили стал им в 23 года.

Первая поездка домой, к своим старикам, порадовать золотой медалью. А потом в Гиоргицминда, к Арсену. Обрадовался седоголовый палаван: «Молодец, сынок. На одного чемпиона мира стало больше в Сагареджо».

Пока 1971 год. Через год – Олимпиада в Мюнхене. Левана взяли в команду после долгих споров на тренерском совете. Отвоевал олимпийскую путевку в категории 82 кг у махачкалинца Юрия Шахмурадова и минчанина Виктора Новожилова.

Балавадзе вспоминал еще один секрет успехов Тедиашвили – хладнокровие!

«На Олимпиаде в Мюнхене спросил меня, сколько времени остается до поединка с американцем Джоном Петерсоном. Я

посмотрел на часы – примерно час. – «Ну тогда я посплю немало». И тотчас заснул. Ребята волнуются, суетятся вокруг, а он спокойно спит. Разбудил я его за пятнадцать минут до начала схватки. «Во сне жирафа видел. Что бы это значило?» Размялся и говорит: «Я сейчас сильно выиграю». И выиграл финальную схватку. С огромной разницей в очках – 14:2».

Последний день олимпийского турнира борцов вольного стиля. Идут к спортивной арене дагестанец Загалав Абдулбеков и минчанин Алексей Медведь, а навстречу им Леван – не человек, а само солнце, вспоминали потом.

О своих победах рассказывает с иронией, не хвастая их весомостью, но есть среди них две из разряда вечных.

То, что произошло на раскаленном под солнцем, как сковорода, тегеранском стадионе «Фарах», на чемпионате мира-73, навсегда вошло в историю.

Тедиашвили покорила иранцев. Они передавали ему своих детей, помня народную примету – если мальчишка поцелует сильный человек, мальчишка вырастет пехлеваном. А какому отцу не хотелось, чтобы его сын походил на палавана из Грузии.

Чемпион мира стоял на пьедестале почета во время награждения, держа на руках Нину – младшую дочь Анзора и Надежды Двалишвили. Они работали в Иране в числе советских специалистов и каждый раз переживали, когда их именитый земляк выходил на ковер.

Вы думаете, на этом все кончилось? Как бы не так. Леван вспоминал: «Стал я чемпионом. Думал, отдохну. Город посмотрю, с женой шаха познакомлюсь – красивая женщина! И вдруг беда. В нашей команде самбистов заболел борец второго среднего веса. И тогда Вахтанг Балавадзе, мой тренер, говорит руководителю делегации Аркадию Ленцу: «Леван несколько лет занимался самбо, был даже призером первенства страны среди юношей. Поставьте его в команду – не подведет. Медаль у нас будет. Это я обещаю твердо».

Только сказал, смотрит – идет Леван в окружении друзей, рассказывает анекдот про кахетинца, хохочет громче всех.

Легко сказать, после изнурительного турнира борцов-вольников снова идти в бой. Но послушаем его самого: «Я же мушкетер по натуре, а мушкетеры не сдаются! Согласился... А уснуть не могу, думаю: уже сто лет самбо не занимался, забыл,

как от болевых приемов защищаться, попадусь – руку сломают! Что делать: взял часы – три ночи... Пошел к Гене Георгадзе, он «мухач», уже успел стать чемпионом. Говорю: «Гена, покажи, как от болевых защищаться». Спрашивает: «А который час?» Говорю: «Только два. Детское время!» Пошли мы в зал. До пяти утра я его мучил... Немножко поспали, и стал я чемпионом...»

Вот как играючи в течение шести дней Леван стал дважды чемпионом мира. А какой ценой досталась победа, знали он сам, истерший подушечки на пальцах о жесткие, как наждак, куртки самбистов, и друзья по команде, отчаянно болевшие за него, и первый среди них Гена, который после этой фантастической Левановой победы требовал: «Ты напиши, что по самбо твой тренер Георгадзе... Ночной тренер!..»

Каскад побед обрушил Леван на головы земляков, а кому-то это показалось мало. Рассказывает об этом с обычным юмором: «Когда я в 1973 году вернулся из Тегерана с золотыми медалями двух чемпионатов мира, первым делом поспешил из аэропорта в Кахетию. Так поклялся себе: вначале обрадую мать. Как въехал в Сагареджо, дорогу моей машине преградила группа ребят. Я открыл дверцу, и в этот момент направляется ко мне один парень и говорит: «Не стыдно тебе, почему и в классической борьбе не выступил – не привез в Сагареджо и третью золотую медаль!» Такое ненасытное сердце болельщика!»

И еще рекорд из области фантастики. Через год на чемпионате мира в Стамбуле за три секунды положил на лопатки швейцарца Мартинети, сильного и опытного атлета. А думал – придется повозиться с ним все 9 минут.

Не было равных Тедиашвили на Монреальской олимпиаде-76: из семи схваток пять выиграл на туше, две – по очкам. Решающий поединок с олимпийским чемпионом Мюнхена Беном Петерсоном. Очень хотел американец рассчитаться за проигрыш брата в Мюнхене. В начале второго периода он ведет – 4:2. но Леван выдерживает натиск и сам удачно контратакует. Гонг останавливает финальный поединок при счете 11:5 в его пользу!

В чем секрет громких успехов чемпиона? В постоянной заряженности на победу и, конечно, в огромном таланте, помноженном на огромное же трудолюбие. И старания его не остались неоцененными. Левана знают и почитают во всем мире. Он – почетный гражданин Токио и Махачкалы, Красно-

ярска и штата Огайо, почетный шериф штата Калифорния. И чего только нет в этой коллекции званий и титулов, которых бы хватило на вагон с тележкой. Конечно, вы правы. Вот и я несколько лет назад подумал, что всех их он охотно отдал бы за диплом почетного гражданина Тбилиси. Скоро коллекция Левана стала полной – заметили его и отцы города, оценили, а то не зря говорят о пророке в своем отечестве. До этого больше жаловали вниманием творческую интеллигенцию и партийных работников. Конечно, и они не сидели сложа руки, пахали, кто во что горазд, и все же...

Путеводной звездой для него была честная и мужественная жизнь родителей, волнующая повесть о долге и любви. Александру Михайловну в Сагареджо называли тетей Шурой. Эта русская женщина родом из Вологодской области, учительница, вышла замуж, жила в Ярославле, растила двух сыновей. Но война прервала спокойствие и счастье в доме. Погиб на фронте муж, от недоедания и болезней умер ребенок. Второго – Германа – мать брала с собой в госпиталь, где работала санитаркой. Мальчик подружился с Китесом Егоровичем, солдатом из Кахетии, который получил тяжелые ранения руки и ноги в боях под Севастополем, переживал, когда разлучили его со старшим другом. Потом пришло письмо – Китес Егорович приглашал в Грузию Александру с сыном. Она подумала: погощу месяц-другой, отогрею, подкормлю ребенка, а осталась на всю жизнь. В 1948 году в новой семье родился второй сын – Леван. Как два крепких дубка росли братья – Герман Ерикалов и Леван Тедиашвили (Китес Егорович не мог лишиться старшего фамилии погибшего отца).

Герман первый приобщил Левана к занятиям вольной борьбой. Сам стал мастером спорта и тренером, готовил своего знаменитого брата к решающим контрольным встречам сборной в Конче-Заспе под Киевом перед Московской олимпиадой, был первым советчиком и спарринг-партнером.

Сын рабочего лесоводческого совхоза и потомственного виноградаря, Леван рано познал физический труд. И отвечая мне на вопрос, где следует искать и как растить молодую смену, сказал: «Не секрет, что сельская молодежь превосходит городскую в физическом плане. Силу не приобретешь одними занятиями в тренажерных залах. Видимо, на сельских борцовских аренах следует черпать резервы, искать будущих чемпионов».

Январь 1980 года. Тбилисский международный турнир по вольной борьбе на приз Вахтанга Балавадзе. Леван – пятикратный победитель традиционного турнира. На этот раз ставка – олимпийская путевка. Среди соперников могучие чемпионы Ярыгин, Бисултанов, Магомедов, Мате.

Судьба первого места решалась в поединка Тедиашвили-Мате. С преимуществом в одно очко победил молодой борец из Донецка.

Последний контрольный предолимпийский турнир, последняя попытка. И снова чаша весов качается в поединке богатырей, каждый из которых достоин победы. Истекают последние секунды, а счет равный – 4:4. Илья успевает провести прием и взять у Левана решающее очко. Скоро он стал чемпионом Московской олимпиады.

1 февраля 1981 года. Последний выход Тедиашвили на арену Тбилисского Дворца спорта, во время традиционного международного турнира. В окружении самых сильных и самых уважаемых соперников. Юрий Шахмурадов, Иван Ярыгин, Сослан Андиев, Илья Мате приехали чествовать своего Теда, который 13 лет входил в состав сборной СССР, оставаясь ее бессменным капитаном восемь лет! Будучи душой и совестью большого коллектива, собравшего народные самородки со всей необъятной страны.

Он стоял среди друзей, слушая рукоплескавший ему зал, и думал, что не исполнилась его мечта – порадовать Грузию третьей медалью олимпийского чемпиона. Здесь же были сыновья Левана – Вахтанг и Бесарион. Два очаровательных малыша провели короткую схватку, в которой не было победителя. Отец в знак победы поднял руки обоих. Он стоял на арене и думал, какими вырастут его сыновья.

Через 12 лет отец с Вахтангом будет в числе защитников Сухуми. 23 сентября, во время бомбежки аэропорта, погиб один человек – 19-летний Вахтанг Тедиашвили, награжденный Орденом Вахтанга Горгасала 3-й степени посмертно. Об этой трагедии писал в редакцию «Московского комсомольца» Дмитрий Холодов, которого также не пощадила вражеская пуля.

Уйдя из спорта, в первые четыре года Леван поменял немало мест, долго не находя в послеспортивной жизни дело по душе, руководствуясь завещанным отцом правилом – жить по сове-

сти (помнил: «Умей разделить орех на девять братьев, потому что богат тот, кто умеет отдавать»). Работал следователем, на комсомольской и партийной работе, председателем колхоза в селе Какабети, губернатором в регионе Кахети, в Парламенте Грузии, всегда был среди людей и для людей. В этом секрет популярности прирожденного вожака. Двукратный чемпион мира и вице-чемпион Олимпийских игр в Токио Гурам Сагарадзе, приложивший руку к становлению Левана-борца, как-то сказал: «Такие люди нужны, как воздух».

Когда кинорежиссер Георгий Шенгелая начал пробы актеров для фильма «Хареба и Гоги», он убедился, что просто обязан отыскать народных богатырей, схожих и фактурой и характером с главными героями. Перепробовав все варианты, он предложил спортсменам сниматься в кино. И получил твердый отказ. Леван Тедиашвили отвечал, что, уйдя из спорта, еще недостаточно вжился в образ председателя колхоза. Омар Пхакадзе, первый советский чемпион мира в велосипедном спринте, не желая обидеть знаменитого режиссера, объяснил, что работает тренером и не хочет позориться перед учениками. Георгий Шенгелая, огорченный отказом, идет в ЦК партии за советом. Фильм стоял в списке картин, посвященных кинематографистами 70-летию Октябрьской революции, и нельзя было председателю колхоза «Красный Октябрь» оставаться в стороне. И Леван, как и его друзья, согласился, но одно условие все же оговорил. Съёмки по времени совпадали с уборкой урожая, и режиссер перенес их поближе к колхозу, Гомборскую дорогу – к селу Какабети, а реку Алазани заменила в фильме Иори.

Леван Тедиашвили, вначале проявивший такую непреклонность, за новое для себя дело взялся не шутя. И свидетельство налицо – приз «Золотая арча» за лучшую мужскую роль на X международном кинофестивале стран Азии, Африки и Латинской Америки (Ташкент, 1988). И на этот раз остался верен себе, пригрозив, что будет получать первые призы на всех последующих международных кинофестивалях.

Леван Тедиашвили рассказывал с привычным мягким юмором: «Моя биография изобилует курьезами. Прежде председательствовал в колхозе в Какабети. Приму решение, и если оно не по душе кому-то, обязательно скажут, уж не путает ли он колхоз со спортом. Потом я председатель в Тбилисском городском

спорткомитете и если находится недовольный – слышу – не путает ли он спорт с колхозом. Не знаю, что я думаю, но дали мне сыграть роль в кино и приз вручили. Киноактерам говорю: если вы такие крепкие – попробуйте выступить в международном борцовском турнире. Кто из вас победит?»

Желающих принять вызов чемпиона не нашлось.

МОЦАРТ ГИМНАСТИКИ

Она могла стать талисманом Мюнхенской олимпиады, изящная девочка с огромными зелеными глазами. На открытии Игр шла в первой колонне олимпийцев, рядом с трехкратным олимпийским чемпионом Александром Медведем, несшим, как пушинку, в вытянутой руке алый советский флаг. В первый день соревнований она прорвалась к гимнастическому помосту, вместе с командой ходила от снаряда к снаряду, радовалась, будто сама выступала.

В 13 лет Нина Дронова обещала стать самой молодой участницей Олимпиады, но среди соревнующихся ее не увидели. Минчанка Тоня Кошель, запасная сборной, могла о себе сказать: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Чужое несчастье. Нелепый случай – пищевое отравление в Москве – дорого обошелся Нине, когда врачи «Кремлевки» боролись за молодую жизнь. В четыре часа утра, из-под капельницы, без сил, мчали ее в машине в аэропорт, к улетавшей в Германию олимпийской сборной.

Людмила Турищева, Любовь Бурда, Ольга Корбут, Тамара Лазакович, Эльвира Саади, Антонина Кошель. Какое созвездие гимнастических талантов! Абсолютная чемпионка мира, две чемпионки Олимпиады в Мехико, чемпионка Европы, победительницы международных турниров. И среди них уверенно чувствовала себя совсем юная гимнастка из Тбилиси Нина Дронова, для которой делали исключение, допуская на соревнования взрослых. Это не мое мнение – Ларисы Латыниной. Латынина в 1958-м впервые стала абсолютной чемпионкой мира. В том же году в Тбилиси родилась Нина Дронова.

Рассчитывали на нее? Безусловно, иначе не взяли бы на Олимпиаду. Старший тренер советской сборной любимец в команде

не имела. Были девочки, скажет потом Латынина, которыми особенно дорожила – из-за их таланта, за божью искорку. «Помните Нину Дронову? Условий у нее для тренировок почти никаких не было, а она все равно блистала, как бриллиант. Вот ее-то я очень хотела сохранить для команды. И не съешь она этой проклятой колбасы перед Олимпиадой-72 в Мюнхене, и зазвучало бы ее имя звонко. Жаль, очень жаль, что не получилось».

Полно, Лариса Семеновна, легендарная чемпионка, обладательница девяти золотых олимпийских медалей. Вам ли было не знать, что даже не полностью восстановившаяся после отравления Дронова рвалась в бой, от азарта у нее горели ладони, щеки. Заменявшая ее Антонина Кошель упала на брусьях и еще пару раз, и в финалы на отдельных снарядах не попала. «А наша Нина не падала», - говорит мне с гордостью Валентина Климова, которую взрослая Дронова все еще звала мамой.

Уже живя в Атланте, Ольга Корбут, словно подтверждая свою репутацию звезды с характером, сказала: «В спорте у меня не было подруг – одни соперницы». Узнав об этом из газеты, Нина только улыбнулась: «Это потому, что Оля не жила в Тбилиси». Вся ее жизнь говорит в пользу бескорыстной дружбы. Мама, Маргарита Иосифовна, оказалась в детдоме на оккупированной территории, и потом трудными дорогами добиралась до Тбилиси, где нашла свою судьбу, познакомилась с мужем, который умер слишком рано, 32 лет от роду. Осталась мать одна с тремя дочками на руках. Нина – средняя из них. В восемь лет ее приняли в ДЮСШ «Гантиади» Тбилисского авиационного завода имени Димитрова в заботливые руки заслуженные тренеры Грузии Серго Бурджанадзе и Валентина Климова, многократная чемпионка республики, увлеченная гимнастикой на всю жизнь. Через восемь месяцев прервались их занятия с новенькой, которая была чуть сильнее, гибче, прыгучее, смелее остальной малышни. Пришло большое горе в Нины дом – умер отец. Уезжая в отпуск к морю, Валентина Ивановна уговорила Маргариту Иосифовну отпустить Нину с ней – пусть отвлечется, развеется. Потом была совместная поездка в Москву, на финальные соревнования IV Спартакиады народов СССР, где девочка, замирая от восторга, смотрела все эти пируэты, бланши, прыжки-олени в исполнении знаменитых чемпионок.

У нее от природы неэластичная кисть, и ее преследовали

травмы рук, а она, еще ребенком, вернувшись домой из Москвы, тайком от тренера смогла освоить на брусьях технику дуги с поворотом на 540 градусов – вертушку Бурды, и обыграла на соревнованиях Любу, первооткрывательницу этого сложнейшего элемента, к слову сказать, абсолютную чемпионку СССР. За внешнее сходство с мальчишкой, задиристый характер Нину прозвали Сережкой. Одухотворенность, поэзия движений, умение создавать музыку в музыке пришли к ней позже, а пока, описывая пору ученичества суперзвезды, журналисты чаще вспоминали ее детскую возню с куклами, по соседству с гимнастическими снарядами. В спортзале вместе с Климовой она готовила школьные уроки, устав от дневных треволнений, дремала у нее под мышкой, маленькая и хорошенькая, как котенок. Поздно вечером Сергей Александрович и Валентина Ивановна отводили сонную Нину домой, держа за руку – она боялась собак, но успевала заметить красивые звезды.

В 11 лет Нина стала мастером спорта, через год впервые вошла в десятку сильнейших гимнасток СССР и в десятку лучших спортсменов Грузии. И еще дважды повторила этот успех.

Влюбленный в гимнастику обозреватель «Советского спорта» Станислав Токарев писал: «Никогда и нигде в мире не было более талантливой гимнастки. Нина создана для гимнастики. Если можно было построить идеальную человеческую конструкцию – физическую и психологическую – для того, чтобы оказаться вдруг на ступень выше Латыниной и Чеславска (поймите меня правильно – я отдаю должное этим великим гимнасткам), то нельзя было бы придумать ничего большего».

Трудно поверить, но это о 12-летней гимнастке, которая, устав физически и морально, в 18 лет уйдет из большого спорта, оставаясь символом вечности гармонии, добра и красоты, какой ее увидел кинорежиссер Элем Климов в фильме «Спорт, спорт, спорт» – в новелле без всякого текста, в которой средствами монтажа сопоставлены прекрасные женские лица с полотен мастеров Возрождения и удивительное, вдохновенное лицо маленькой девочки в гимнастическом купальнике – лицо Нины Дроновой. Широко раскинув руки, она выходит на ковер. Потом на экране возникают кадры дисгармоничного, уродливого в своей разорванности мрачного мира Сальвадора Дали, и снова – загадочная улыбка Джоконды, снова – улыбка современной девочки.

Дроновская улыбка.

Станислав Токарев: «Без доли преувеличения я должен сказать, что этот ребенок – уникальное явление в мировой гимнастике, Моцарт гимнастики, если хотите. Ее двигательные возможности неограниченны, она на лету схватывает и усваивает технику таких элементов, которые взрослым не под силу, а главное, она уже сейчас, в свои тринадцать лет, умеет жить под музыку так, как, может быть, Наташа Кучинская и мало кто еще».

Крушение авторитетов произошло за год до начала Олимпиады-72, летом на V Спартакиаде народов СССР. Команда белорусских гимнасток победила признанных лидеров – спортсменов Украины и Москвы. Чемпионкой стала 17-летняя Тамара Лазакович из Витебска, сумев обыграть олимпийских чемпионки в Мексике Ольгу Карасеву, Зинаиду Воронину, Ларису Петрик, Людмилу Турищеву. Но выдающийся успех белорусской спортсменки сразу потускнел в тот же день, 17 июля, когда пришла новость из Уфы, где по спартакиадной программе соревновались juniors.

«Это самое выдающееся достижение Нины, - рассказывала Валентина Климова, - стоит вспомнить, что Нине было 13 лет и ее в порядке исключения допустили на соревнования (при возрастном цензе 14 лет). Выступления гимнасток на арене уфимского Дворца спорта совпали со съемками приключенческого фильма «Корона Российской империи, или Снова неуловимые» Эдмонда Кеосаяна, и съемочная группа в полном составе вместе с артистами цирка горячо поддерживала Нину. Сплошное умопомешательство на трибунах. Судьи роняли карандаши. Наша девочка в самом деле сотворила чудо, превзойдя в неофициальном зачете результат Лазакович, ни одним движением не выдавая свою детскость. У нее гроссмейстерская сумма в многоборье – 38,95 балла из 40 возможных. Тамара в заочном споре проиграла ей 0,285 балла. У обеих одинаковые высшие результаты в упражнениях на бревне и брусьях – по 9,65. Нина была сильнее в опорном прыжке (9,65 против 9,435 в Москве) и вольных упражнениях. В последних под гром аплодисментов исполнила поворот на 720 градусов. Судейский вердикт – 10 баллов! Подобного триумфа не знала гимнастика со времен Наташи Кучинской».

Из Уфы семиклассница тбилисской средней школы N97

уезжала в ранге абсолютной чемпионки спартакиады среди девушек, добавив к большой золотой медали высшие награды за победу на всех четырех снарядах.

И понятен небывалый интерес общественности к выступлениям Дроновой. Спортивный журналист Борис Семенов беседует с Ларисой Латыниной: «Что будет с Ниной через год, когда грядет Олимпиада?» – «Пока еще Нина ребенок. Талантливый, но все же ребенок» – «Значит, вы не возьмете ее в сборную?» – «Это для печати?» – «Да» - «Для Нины год – срок огромный. Я отвечу вам будущей весной».

Старший тренер женской сборной чего-то не договаривала. Дронова ринулась в новый бой, укрепляя свои амбиции. Месяц спустя, выступая в составе сборной страны на традиционных международных соревнованиях юных гимнастов социалистических стран в польском городе Катовице вместе с подругами по команде была первой, победила в многоборье и выиграла золото на трех снарядах. В ноябре 1971-го стала абсолютной чемпионкой на международной встрече гимнастов СССР, Японии, США, Венгрии в японском городе Нагоя, опередив по сумме многоборья Людмилу Турищеву и Ольгу Корбут, победила на трех снарядах.

Рассказывает Валентина Климова: «Предолимпийские сборы прошли в минском Дворце спорта. За десять дней до Олимпиады гимнасты переехали в столицу. Серго Бурджанадзе посадил Нину в московский поезд, а мы отбыли домой. В Тбилиси нас встретила ошеломляющая новость: «Дронова отравилась». Мы, ее тренеры, до этого не были включены в спортивную олимпийскую делегацию, это право предоставили Ларисе Латыниной и тренеру Турищевой Славе Растороцкому. Мы все же успели к открытию Олимпиады в составе профсоюзной делегации. На параде увидели Нину в роли ассистентки знаменосца советской команды и поняли, что пролетели Олимпиаду. Это был ужасный удар!»

С годами боль не утихает. История гения и злодейства повторилась. Кто были нелюди, скормившие Нине, совсем еще ребенку, пачку изафенина? В случае тривиального пищевого отравления колбасой все бы обошлось промыванием желудка, а тут препарат проник в кровь...

На что могла рассчитывать Нина в Мюнхене, стало очевид-

но все в том же олимпийском году, в начале декабря, когда на турнире в Нагоя она опередила в многоборье сильнейших гимнасток мира, включая абсолютную олимпийскую чемпионку Людмилу Турищеву.

Япония, с ее культом детей и гимнастики, сравнивала Нину с веткой цветущей сакуры, называла девочкой ста тысяч надежд. Сохранились японские газеты с фотоснимками Дроновой на первой полосе, словно парящей над ковром, над адресованным ей огромным транспарантом «Моцарт гимнастики». Это имя к ней тоже пристало на годы. И Эйдзо Кэнмоцу, трехкратный олимпийский чемпион и абсолютный чемпион мира, поздравляя Нину с завоеванным кубком, осторожно держал в железной ладони ее маленькую ладошку, и другой кумир японцев – пятикратный олимпийский чемпион Мицуо Цукахара, стоя аплодировал, когда она, закончив вольные, счастливая всеобщим обожанием, крылато раскинув длинные руки, по-детски вприпрыжку сбежала с помоста.

В Лондоне, на стадионе «Уэмбли», после победы на международном турнире «Все чемпионы» 1974 года ее назовут букетом нарциссов – национальной эмблемы валлийцев – и надеждой русских на золотую олимпийскую медаль в Монреале. «Она идет по счастливым следам маленькой Ольги», - сообщал репортер «Дейли экспресс», забыв, что «маленькая» Корбут на три года старше Дроновой.

«Какой-то злой рок меня преследовал, - говорит Нина. - Я одна во всем виновата – ленилась, не сделала, что могла. Бог дал мне талант, а не сказал, как им распорядиться. Все давалось слишком легко, мне бы больше серьезности, старательности, как у Турищевой. Но в молодости кажется, что праздник никогда не кончится».

Услышав откровение чемпионки мира 1974 года, одной из самых лиричных гимнасток, я мысленно содрогнулся. На вопрос, сколько раз она была чемпионкой страны среди девушек, отвечает: «Много. Особенно на брусьях и в вольных упражнениях. Я даже сбилась со счета».

Окончив Грузинский институт физической культуры, она пришла тренером-хореографом в свою при заводскую школу гимнастики и десять лет обучала детей. Победительница крупнейших турниров, мастер спорта международного класса, осталась

уникальным явлением в мировой гимнастике, а заслуженным мастером спорта так и не стала – поскупились чиновники от спорта.

Личная жизнь ее складывалась удачно, вышла замуж. Дочь Наташа – выпускница Государственного медицинского университета, лечащий врач тбилисского роддома и крестница ее лучшей подруги, чемпионки мира Русудан Сихарулидзе, унаследовала от матери дроновскую улыбку. А глаза у нее синие...

Что еще человеку надо для счастья? И все же я не удержался, спросил.

«Я держала в руках олимпийское золото, - сказала Нина. – Спортсмен всю жизнь мечтает об олимпийской вершине, а я стояла на ней».

Непрошенные гости украли из дома все ее именные медали и кубки – результат яркой спортивной жизни, не подозревая, что покушаются на народное достояние. «Думали, наверно, что они и в самом деле золотые», - говорит Нина. Остались у нее одни фотографии и немногословные газетные вырезки.

Моцартом гимнастики называли Нину Дронову.

КАК ПРОРУБИЛИ ОКНО В МИР

Свою олимпийскую победу Шота Чочишвили сенсационной не считал. До Олимпиады-72 в Мюнхене ему не доводилось побеждать на крупных турнирах, он и чемпионом страны не успел стать будучи введенным в состав сборной. Но из любой схватки, независимо от ее исхода, научился извлекать пользу. А все потому, что еще до знакомства с дзюдо неудачи его не угнетали, а скорее удивляли. Шло время, а Шота Чочишвили почему-то звезд с неба не хватал. Правда, тренеры обратили внимание на то, что в полутяжелой весовой категории ему лучше всего удастся выступать против иностранцев. И это его свойство быть неудобным соперником для зарубежных мастеров, видимо, сыграло решающую роль при включении новобранца в олимпийскую сборную, дало преимущество в соперничестве с другими претендентами. Его вера в собственные возможности, когда он, 22-летний, нацелил себя на золотую медаль, передалась наставникам, особенно старшему тренеру советской сборной

Владлену Андрееву.

За считанные недели до Олимпиады, после тренировки, сидит Шота с борцами, отдыхает. Подходит Андреев и говорит: «Ребята, рядом с вами будущий олимпийский чемпион». Другим он такое не говорил. Тренер сборной Бидзина Мазиашвили попробовал повлиять на своего российского друга и коллегу: «Что ты смущаешь парня похвалой? Чего этим добиваешься?» Андреев: «Мы ни разу не выигрывали золото на Олимпиаде. Это эксперимент!»

Эксперимент еще надо было блестяще поставить. На одной из последних тренировок проверялась готовность олимпийцев. В контрольную серию входили шесть приемов, которые следовало выполнить дважды. Андреев считал: если борец успеет провести 12 приемов за 25 секунд, значит, со здоровьем у него полный порядок. Шота выполнил задание за 22 секунды!

Где успел накопить силу юный богатырь с голубыми глазами?

Шота объяснял: «В нашем селе Гвлеви, что в километрах десяти от Гори, мальчишки неугомымы, целыми днями носятся как угорелые. С горы на гору или на ровном месте бегут, как будто задалась целью победить в олимпийском марафоне. И бороться успевают до полного изнеможения. И я благодаря такой закалке в состоянии без перерыва провести на татами три полных схватки подряд».

Это Шота сказал в ранге олимпийского чемпиона, а пока ему предстояло оправдать аванс тренеров, которые в известной мере рисковали своей репутацией, хотя останься он без медали, никто косога взгляда не бросил бы там, где золото доставалось японцам и голландцам.

Шота на роду было написано стать сокрушителем авторитетов. О чемпионских лаврах он начал мечтать еще и потому, что долгие годы одним из сильнейших мастеров чидаобы был его отец, Самсон Чочишвили, неоднократный чемпион Грузии, хотя в ту пору этот титул официально не присваивался. Но быть сильнейшим в Карельском районе, традиционном центре чидаобы, много значило.

После того как Шота случайно зашел в спортзал Горийского педагогического института в январе 1969 года, увидел парней в кимоно, сразу уловил большое сходство дзюдо и чидаобы в

приемах, познакомился с хозяином зала – знаменитым тренером Гурамом Папиташвили, его сердце было покорено этой экзотической борьбой.

Это Папиташвили предложил Шота попробовать силы на татами и скоро сказал: «Поедешь в Москву. Там прояви себя не хуже, чем здесь, и все будет в порядке».

Опытный наставник как в воду глядел. Вскоре Чочишвили зачислили в молодежную сборную страны, и в том же 1969 году он взял еще один важный барьер – стал студентом Горийского педагогического института, в чьих стенах закалялось мастерство еще одного выдающегося представителя горийской школы дзюдо – Анзора Киброцашвили. Очень скоро Шота стал спарринг-партнером старшего друга, слушал, зачарованный, его рассказы о турнирах, поединках сильнейших, великих чемпионов.

Анзору было что вспомнить.

...Исао Инакума, сильный как тигр, оказался в отчаянном положении. В схватке за золото с Киброцашвили. Еще один Анзор, подумал олимпийский чемпион в тяжелом весе. Год назад в Токио ему противостоял абсолютный чемпион Европы Анзор Кикнадзе. Вспомнились строки мудрого Кобаяси: «Тихо, тихо ползи, улитка, по склону Фудзи, вверх до самых высот».

Сейчас этот совет неуместен. Инспектору токийской полиции следовало спешить. Этот молодой грузин, которого не увидели среди олимпийцев в бронзовом токийском зале Будокан, не прост. На третьей минуте поймал чемпиона на молниеносный прием, оцененный судьями как вадза-ари, и невдомек великому Инакуме, что соперник извлек его из арсенала национальной борьбы. Кисрули зовется он у грузин.

Вадза-ари – большое преимущество в дзюдо, почти очко. Исао идет вперед, пытается ухватиться за отвороты кимоно Анзора, провести переднюю подножку, против которой не нашли противоядия сильнейшие тяжеловесы; ему остается уповать на счастливый случай и традиционное японское терпение.

Эта схватка для Анзора – восьмая за день, и он устал. Пока он ближе к заветной цели – он чемпион мира почти четырнадцать минут. Остается бороться 40 секунд до рождения самой громкой сенсации мирового первенства-65. Киброцашвили вспоминал недобрым словом сомнительный эксперимент организаторов турнира – продлить продолжительность схваток до 15 минут

вместо положенных десяти.

И вот развязка: на исходе поединка Инакума все же провел ответный прием, также оцененный как вадза-ари, и ему присуждается победа. Киброцашвили, вице-чемпион мира, увидел в раздевалке друзей, испытавших, как и он, величайший стресс. Парнаоз Чиквиладзе плакал от обиды. Анзор Кикнадзе ругался и смеялся нервным смехом.

Из Рио-де-Жанейро Киброцашвили вернулся заслуженным мастером спорта. На Олимпиаду меня не взяли, сказал мне спустя сорок лет. Хотя силен был, как никогда. В течение полугода доказал свою готовность к Играм на учебно-тренировочных сборах в Москве, Алуште, Подольске и позже – во Владивостоке и Находке, откуда уже виден был Токио. Накопленной силы хватило на целый год, когда он стал вторым в мире.

Весной того олимпийского года было европейское первенство.

Они ступили на испанскую землю в составе одной из первых советских спортивных делегаций. После тридцати лет отчуждения, исторической несправедливости, в упор не замечаемые фоторепортерами в мадридском аэропорту. И газеты еще не привыкли к их трудным фамилиям. Этот город, насчитывающий дюжину школ дзюдо, навещаемых японскими профессорами института Кодокан, еще предстояло покорить. И сделать это во Дворце спорта, крытом велотреке, в присутствии 12 тысяч мадридцев, тонких знатоков борьбы. Киброцашвили вместе с Боголюбовым, Степановым, Бондаренко, Кикнадзе выступал в командном турнире. В матче СССР – Франция специалисты выделили его схватку с Леберра. Наши к тому времени вели 2:0, и французы очень рассчитывали на своего экс-чемпиона Европы. Киброцашвили провел ложную атаку, а затем пятки Леберра мелькнули в воздухе, и он упал на татами. Иппон – чистая победа в дзюдо. Не было равных горийскому борцу и в личном турнире. Обладателя двух золотых медалей Киброцашвили назвали лучшим техником среди участников. После их победы в финале над голландцами испанские газеты признали, что советская команда на голову выше соперников.

Словно извиняясь за прохладную встречу, гостеприимные испанцы показали свои вихревые танцы. Когда одна из девушек, сбросив легкие сандалеты, подошла к обоим Анзорам, пригласила

шая в круг, зал подхватил их имена. В первый и единственный раз чемпионы Европы исполняли грузинские танцы под аккомпанемент гитары и кастаньет.

Киброцашвили и Кикнадзе – победители первого европейского чемпионата по дзюдо 1962 года, прорубили окно в Европу в этом виде спорта с Японских островов. Тогда в германском Эссене, вспоминал Киброцашвили, на церемонии награждения его поцеловала красивая девушка, для нас это было в диковинку. Но новичками их называли недолго. После встречи Киброцашвили с Мейнаром английская пресса отмечала: никогда раньше их борец не встречал более сильного соперника, агрессивного в партере и стойке. Анзору предстояла схватка с итальянцем Вентурелли после травмы бедра. Врач запретил ему выходить на ковер, но команда боролась за первое место, и Киброцашвили поставил победную точку.

Чемпионских медалей европейского первенства по дзюдо у Киброцашвили семь, из них три – в личном зачете. В 1959-м он, студент физико-математического факультета Горийского педагогического института, впервые пришел в его борцовский зал, ставший кузницей чемпионов чидаоба, самбо и дзюдо. Именно в такой последовательности заслуженный тренер СССР Гурам Папиташвили и его коллеги культивировали эти виды борьбы, готовя воспитанников всемирно известной горийской школы чемпионов дзюдо. Парень из Ахмета, побеждавший в 12-13 лет взрослых в конных скачках, в том же году стал чемпионом Грузии в национальной борьбе, в команде горийского института выиграл всесоюзные вузовские соревнования самбистов. Стал сильнейшим самбистом страны. Поздравление Роже Кулона, президента ФИЛА, свидетеля этой победы, было признанием самбо, которое стало школой подготовки наших дзюдоистов.

Анзор смолоду прикипел душой к японской борьбе, прославляющей победу ловкости на дороге грубой силы, к ее терминам, звучавшим как переводы из древнеяпонской поэзии, к белому кимоно, чистому как искусство дзюдо, принесшего ему мировое признание.

В 1969-м он во второй раз стал чемпионом СССР по самбо в тяжелом весе, а в декабре в Горийском пединституте провозжали его из большого спорта. В актовом зале – спортивная элита: Нина Думбадзе, Вахтанг Балавадзе, Анзор Кикнадзе, Генрих

Шульц, Гурам Папиташвили... «Рано уходит Киброцашвили», – сказал Вахтанг Балавадзе. Того же мнения Владлен Андреев, старший тренер сборной, в которой состоял Анзор со дня ее основания.

Беседовал я с Анзором Георгиевичем, заслуженным тренером СССР, судьей международной категории, талантливым командиром производства и успешным бизнесменом, и не отпускала одна мысль: не рано ли поспешили проводить его, тридцатилетнего, из большого спорта? «Сейчас понимаю, – сказал он, – что ошиблись мы с Анзором Кикнадзе, могли еще побороться год – два. Гиви Онашвили, бронзовый призер Мюнхенской олимпиады в тяжелом весе, в острой конкуренции с нами, мог бы значительно прибавить и в Мюнхене стать олимпийским чемпионом».

Налицо преемственность побед чемпионской когорты: Анзор Кикнадзе, Анзор Киброцашвили, Парнаоз Чиквиладзе, Гиви Онашвили, Шота Чочишвили...

В стремительном рывке паренька из села Гвлеви в олимпиадники есть железная закономерность, подмеченная Андреевым: «На Чочишвили благоприятно повлияло, что вырос он в горах, – стал крепким, как камень, юношей, с детства увлекался грузинской борьбой, наверно, сказалось и то, что в Грузии было много выдающихся борцов, было с кого брать пример. Он первый олимпийский чемпион среди советских дзюдоистов. Этим все сказано».

Хронология событий того первого сентябрьского дня в мюнхенском «Баскетболхолле» запомнилась Шота на всю жизнь. Соревнования проводились в один день – с половины третьего до одиннадцати вечера. В первом круге после отказа соперника Чжо Ду Йонга из КНДР ему присудили победу. «Следующий, – вспоминал Чочишвили, – двукратный чемпион мира Фумио Сасахара. Что называется без разминки – сразу в пасть ко льву. Но запас нервной энергии у меня был большой. Я смело бросился в бой и провел подсечку».

Японец оказался не только сильным, но и весьма хитрым. Он сумел провести бросок и получил преимущество. Бежали минуты, а Шота, как ни старался, не мог провести больше одного приема. И вдруг почувствовал, что настал момент для броска через плечо. Откуда-то с трибуны донеслась подсказка тренера

Гурама Папиташвили: «Кисрули». И этот прием из благословенной чихаобы помог бросить чемпиона мира на татами. Чистая победа за 5 минут 10 секунд. «Иппон!» – объявил изумленный арбитр в абсолютной тишине, наступившей в зале.

Поражение от Дэвида Старбрука, когда двое судей из трех посчитали англичанина чуть активней, заставило его искать счастье в «утешительной» группе, где он разметал на татами трех соперников – Пьера Альбертини (Франция), Джеймса Вугля (США), Пауля Берта (ФРГ), разделавшись с ними за пять с лишним минут.

И вот финал – повторная встреча с грозным Старбруком. На этот раз Чочишвили действовал не только смело, но и мудро. Все трое судей присудили ему победу, значение которой четко сформулировал 74-летний Шохей Хамано, старший тренер японской сборной, на то время единственный в мире обладатель девятого дана, – «в дзюдо начинается новая эра!»

Родоначалники дзюдо вынуждены были уступить соперникам три чемпионские медали из четырех разыгрываемых, а Хамано, пятнадцать лет стоявший у штурвала всех японских сборных, подал в отставку.

Через четыре года, на Олимпиаде в Монреале Шота Чочишвили увидели в абсолютной категории. В первом круге с оценкой вадза-ари он победил Радомира Ковачевича из Югославии, во втором – Владимира Новака (Чехословакия). В третьем круге решением судей победа с незначительным перевесом была отдана японцу Харуки Уэмура, который и стал олимпийским чемпионом. В схватке за третье место Чочишвили победил по очкам (кока) француза Жан-Люка Роже.

К золоту Мюнхена Шота добавил серебро европейских и всесоюзных чемпионатов, бронзу VI Спартакиады народов СССР-75, победы на международных турнирах в Тбилиси (73, 75, 76), Японии, Бельгии (73); он – победитель открытого первенства Голландии, Чехословакии (74), абсолютный чемпион Грузии по грузинской борьбе (72, 77)...

Этот более чем внушительный список кое-кому показался малым, как будто быть вторым или третьим среди самых сильных людей планеты не есть знак высшей спортивной доблести.

Над всеми подвигами Шота Чочишвили возвышается победа на Японских островах, как священная для каждого японца

гора Фудзияма, несокрушимая, видная издалека и отовсюду. Достигнутая в нужное время и нужном месте, в звездный час и день, на пределе человеческих возможностей, что удается только самым сильным духом.

Уже рано попрощавшись с большим спортом (замучили травмы!), выдающийся борец через восемь лет, в 1989 году победил в Токио президента популярной в Японии и США труппы «Нью-джапан про-реслинг» профессиональных борцов Антонио Иноки, в чьем послужном списке был и «миллионный» бой с Мохаммедом Али.

Когда Шота провел против кумира японцев отличный болевой прием, хозяева 54-тысячного «Дома Токио» сначала застонали от горя, а потом десять минут не отпускали победителя с ринга, скандируя: «Чо-ча! Чо-ча!»

Тогда в Японию выехали тяжеловесы Виктор Зангиев, Владимир Беркович, чемпион Европы по вольной борьбе Ваха Евлоев, олимпийский чемпион Шота Чочишвили, Салман Хасимиков, 4-кратный чемпион мира по вольной борьбе. Их встречали восторженный прием и обожание зрителей, выступали они в красных или голубых трико, без устрашающих масок и раскрасок, но бороться приходилось в полную мощь – в команде Иноки было больше пятидесяти кэтчистов из США, Канады, Мексики, Голландии, Японии. При посещении тренировок сумистов, которые сами короли, наших встречали аплодисментами и поклонами – благодарность за филигранную технику, остроумные комбинации. Так на родине родоначальников дзюдо пришел к Чочишвили успех на профессиональном ринге.

Шота Чочишвили после завершения спортивной карьеры был избран вице-президентом Национального Олимпийского Комитета и Федерации дзюдо Грузии, в историю которых навечно вписано его имя. Вспоминаются слова чемпионов Монреальской олимпиады киевлянина Сергея Новикова (тяжелый вес) и Владимира Невзорова из Майкопа (полусредний вес):

- Шота, все началось с тебя!

МЫ ГЛАДИАТОРЫ

Нодар Ахалкаци не скрывал досады. За окном догорал осенний день, звенели мячи – тбилисские динамовцы готовились к ответной кубковой встрече в Будапеште. Первая дома была проиграна вчистую, с крупным счетом, и это внушало опасение за судьбу двухраундового поединка с МТК, опытным соперником, ошибок не прощающим.

«Сезон выдался для нас трудный, – сказал Ахалкаци, – ряд ведущих игроков травмирован, а половина состава представлена молодыми футболистами без опыта ответственных встреч. Поэтому приходится латать состав, решать сложные проблемы во всех линиях. Мы играли без травмированного Давида Кипиани, а что означает для команды потеря Кипиани, хоть и временная, говорить не приходится – из двенадцати голов динамовцев в играх осеннего чемпионата страны-76 десять забиты Давидом или при его участии. Говорю об этом, чтобы яснее увидели стоящие перед командой задачи, ее нынешнее состояние. На игру с МТК мы вышли с установкой делать ставку на первую четверть часа, забить быстрый мяч, а потом отойти назад и играть со спокойной головой. Наши молодые игроки с этой задачей не справились, прежде всего из-за отсутствия у них опыта международных встреч».

В сезоне их у команды действительно было мало. Динамовцы выехали на турнир в Испанию, где провели две игры, не имея при этом ни одной тренировки, да еще незадолго до этого на тренировочном сборе сыграли со студенческой сборной Японии. Так впустую был растранижен пятидневный интервал в неудачном эксперименте союзной федерации с двумя однокруговыми турнирами, который не пошел на пользу ни отечественному футболу в целом, ни сборной страны, готовящейся принять участие в четвертьфинале первенства Европы и футбольном турнире Олимпиады в Монреале, ради которой принесли в жертву всесоюзный чемпионат, ни командам высшей лиги, подчеркнув серьезный кризис. А ведь весной тбилисские динамовцы радовали нешаблонностью действий, техничной темповой игрой, задором молодых, уверенностью ветеранов. И бронзовые медали были наградой игрокам и молодому тренеру из новой волны специалистов, которого до этого знали как интересного нападающего, начальника команды и помощника многоопытного Михаила Якушина, «хитроумного

Михея», для кого в футболе не было секретов. А потом Нодара Ахалкаци увидели во главе Управления футбола Спорткомитета Грузии, и этот новый человек, опровергая каламбур, связанный с его фамилией и назначением, новичком никак не был, и в руководимой им команде в том семьдесят шестом появилось немало интересных современных веяний, хотя не всегда удавалось сыграть, как задумывали, как хотелось бы, и специалисты ждали если не постоянства результатов, то постоянства игры – свидетельства высокого класса.

Но уже пришла к динамовцам долгожданная победа в розыгрыше Кубка СССР – шестой финал оказался счастливым. Уверенно прошли они первого соперника в европейском Кубке кубков – «Кардифф Сити», и тренер валлийцев Джеймс Эндрюс признал, что тбилисская команда, о которой они мало что знали, больше по прессе, укомплектована техничными игроками, играет в европейской манере и по уровню подготовки не уступает сильным клубам первой лиги чемпионата Англии.

Но почему невесел ее молодой тренер? Он объясняет: из-за не совсем правильной реакции на отдельные выступления наших футболистов. Зритель на трибуне может не знать, что в матче с венгерским клубом МТК Кантеладзе не вышел на поле по причине болезни, а не по прихоти тренеров, но вести себя должным образом во время соревнования он обязан.

«Мы гладиаторы, – сказал мне Ахалкаци, – уже через два дня после матча с венграми команда сыграла в Москве с армейцами, 27 октября в Донецке – с «Шахтером», 30-го дома – с «Зенитом». Прибавьте к этому многие часы, потерянные в аэропортах в ожидании летной погоды, и согласитесь с заслуженным тренером СССР Виктором Масловым: «А когда же тренироваться?» В самом деле, когда? 4 ноября, на следующий день после кубкового матча в Будапеште, мы прибудем в Москву, а уже шестого предстоит играть с торпедовцами, которые всерьез нацелились на золотые медали. Просили мы перенести эту встречу хотя бы на два дня, но нам отказали. Речь идет не только о физических возможностях футболистов – за два дня можно восстановить силы – об их психологической подготовленности к очередной встрече.

Смешно говорить, но поражение с венграми сказалось на снабжении динамовской базы продуктами. Отправленный за мясом снабженец вернулся с пустыми руками: «Отказали». Мне в ноябре

выводить игроков на заснеженное поле московского стадиона, а я сегодня не уверен, что могу предложить им кусок хорошо прожаренного мяса».

Кусок мяса – вспомнилась проблема боксера, героя одноименного лондонского рассказа. И там он довершил бы дело! Вот чего не хватало Тому Кингу, когда он наносил решающий удар («Гладиаторов кормили», – согласился со мной наш именитый борец Мераб Гудушаури, кому я рассказал о том разговоре). Словно читая мои мысли, Ахалкаци тогда продолжал: «Люди видят только парадную сторону футбольного действия. Большая его часть невидима глазу. Об этом в газете не напишешь».

А если написать? Разговор со старшим тренером динамовцев Тбилиси пошел в номер без купюр. На следующий день в ЦК партии редактору выговаривали за смелость, о чем он рассказал, вернувшись с понедельничного совещания. «И все же мы правы», – говорю ему, напоминая мудрую сентенцию Ильи Чавчавадзе в мастерском переводе Арсения Тарковского: «Диво ли считать счастливец братом? Нет не этим славен подвиг твой! То ли дело – братство с небогатым, угнетенным горькою судьбой!» – «Да, конечно», – согласился редактор без обычной уверенности в голосе.

Мог и я отнести на свой счет слова Ахалкаци о гладиаторах, когда с марта по ноябрь, на протяжении всего долгого футбольного сезона, писал в номер отчеты о матчах, звонил в Англию, Венгрию, Мексику... Искал динамовцев по всей Швейцарии накануне кубкового матча с «Грассхопперсом», ради нескольких строчек в газете, новости, вынесенной в заголовок: «В Цюрихе идет снег». Строчка эта и сегодня мне представляется прекрасной, как название песни Сальваторе Адамо.

Нет, не забывается с годами тот разговор с Ахалкаци на динамовской базе, в рабочей комнате, места в которой хватало только на узкую армейскую койку и стол, который был хозяину обеденным и письменным. «Футболисты спят за стеной, – сказал он, – а ты сидишь всю ночь, читая и исписывая тонны бумаги, ведь чтобы иметь право учить, надо знать все новое, много знать...»

Так говорил великий тренер из триумвирата Бесков – Лобановский – Ахалкаци, с чьим именем связаны громкие успехи динамовцев Тбилиси в 70-80-е годы – победы в двух розыгрышах Кубка СССР, в чемпионате страны, наконец, победный финал в Дюссельдорфе.

13 мая 1981 года на «Райнш-стадионе» прекрасная режиссура футбольного спектакля Ахалкаци, высокая техника и яркий талант импровизации динамовского коллектива, голы Гуцаева и Дараселия во втором тайме помогли победить «Карл Цейс» (Иена, ГДР). Котэ Махарадзе, которому довелось вести свой самый счастливый репортаж, писал: «Нашлись «специалисты», которые высчитали корень моей фамилии – грузинское слово «махаре», что в дословном переводе означает: «Обрадуй меня!» или «Сообщи мне радостную весть!» В тот день прославленный актер и спортивный комментатор, по его собственному признанию, полностью оправдал семантическую основу своей фамилии.

РАВНЕНИЕ НА ФЛАГ

Последнюю минуту финальной схватки борцов вольного стиля зал наблюдал стоя. Решалась судьба золотой олимпийской медали в полутяжелом весе, которую до начала Игр безоговорочно все отдавали Лери Хабелову. Он уже в первой пятиминутке выиграл два балла и теперь хладнокровно отбивал азартные наскоки Хейко Бальца. Борцу из Германии удастся отыграть один балл, но не более.

Олимпийским чемпионом Барселоны объявляется Хабелов. Его приглашают для награждения, а он не спешит подняться на пьедестал почета. На флагштоке поднят российский флаг, и Хабелов, представитель объединенной команды СНГ, предлагает сменить его на грузинский. Пожелание это логичное, отвечает положению и правилам, и судьи ничего не имеют против.

На пресс-конференции олимпийский чемпион объяснил: «В Сеуле одна роковая ошибка обернулась для меня проигрышем и потерей чемпионского звания. Сегодня я не мог ошибаться. Вы спрашиваете, как это Арсен Фадзаев защищает честь России, а я в числе посланцев Грузии. Сам я осетин, но в отличие от владикавказца Фадзаева родился в Тбилиси, здесь начиналась для меня дорога в спорт. Сейчас у нас сложная политическая обстановка, междоусобица, конфликт, который, уверен, скоро затухнет. Буду счастлив, если моя сегодняшняя победа поможет способствовать примирению наших народов. Этому делу и еще моей матери посвящаю победу».

Слова олимпийщика из Грузии журналисты немедленно разнесли по телеканалам и страницам газет.

Хабелов действительно родился 5 июля 1964 года в Тбилиси, в его колоритном районе – Авчала, откуда вышли многие именитые чемпионы. В семье инженера-электрика, начальника цеха завода «Центролит» Габриела и домохозяйки Юлии Хабеловых, кроме старшего сына Лери, росли его брат Реваз и сестра Инга. Лери учился в 118-й средней школе, и сейчас, по прошествии лет, вспоминает счастливейшую пору любви, которой были окружены он и его сверстники, когда школа, учитель, ученики, родители были одной большой семьей, объединенной общей целью, и каждый выполнял свое назначение.

Поначалу он, всерьез увлеченный музыкой (у него абсолютный слух), и не помышлял о вольной борьбе. Но однажды 12-летний мальчуган заглянул в борцовский зал общества «Трудовые резервы» и встал в строй занимающихся. Он не подозревает, что его успехи скоро стремительно пойдут в гору, что ему судьбой уготовано стать преемником великого Левана Тедиашвили в его весе, полномасштабным хозяином ковра на протяжении полутора десятка лет.

Он пока только учится, набирается богатырской силы, закаляется в горниле турнирных испытаний. Воспитанник выдающихся грузинских тренеров специализированной ДЮСШ Ладо Мествиришвили и Вано Николадзе мужал с каждым соревнованием, на голову превосходя соперников.

После победных для Лери молодежного первенства мира, юношеского первенства мира (оба в 1983 г.), Кубка мира-84 среди молодежи Иван Ярыгин пригласил его во взрослую сборную СССР. Главный тренер команды, двукратный олимпийский чемпион Мюнхена и Монреаля, ревниво следил за сменой в своей полутяжелой весовой категории. Чем привлек его внимание новобранец? Ярыгин объяснял – отменными физическими данными, силой и выносливостью, тонким позиционным чутьем, бесстрашием и рассудительностью, мастерской борьбой в стойке и в партере. Вы спросите, что еще нужно для больших побед. И будете правы. И они пришли – беспроигрышные серии на много лет.

В 1985 году он сенсационно победил на традиционном международном турнире по вольной борьбе в Тбилиси. Его весовая категория до 100 килограммов собрала цвет мирового спорта

– олимпийский чемпион Москвы Илья Мате, чемпионы мира Аслан Хадарцев, Хасан Орцуев, Петр Наниев, чемпион Европы Магомед Магомедов, а еще американцы, турки, иранцы, немцы...

Недавний юниор и новичок сборной Хабелов победил в первой схватке ташкентца Хадарцева, а в финальной – ленинградца Наниева.

«Аслан, - сказал Хабелов, - был для нас, молодых, эталоном». И эта победа показалась ему добрым знаком.

Выпускник Грузинского института физкультуры, он через несколько месяцев в Якутске в финале нанес второе поражение Хадарцеву, став чемпионом СССР и первым номером сборной перед поездкой на чемпионат мира 1985 года.

Из Будапешта вернулся победителем, дав повод специалистам объявить о начале эры Хабелова в полутяжелом весе. Трудно поверить, что эти выдающиеся победы пришли к нему в 21 год. Легкость, с какой они были достигнуты, оказали недобрую службу молодому богатырю. В считанные месяцы достигнув всего, что иным борцам не под силу за всю спортивную жизнь, он, похоже, пресытился быстрым успехом.

В 1985 году в Ереване состоялся товарищеский матч советских и американских борцов. Хабелов в ранге действующего чемпиона мира борется с опытным Даном Северином, которого пару месяцев назад опередил в Будапеште (американец был шестым). Преимущество Лери в первом периоде бесспорно – он ведет 7:0, но встреча закончилась победой Северина – 8:7. Потом сам не мог объяснить, что же произошло, жизнь тогда ему была не в радость. Тренеры, в порядке перестраховки, выводят действующего чемпиона мира из состава сборной. На ответную матчевую встречу в США едет Аслан Хадарцев, он побеждает на чемпионатах СССР (Хабелов второй) и мира 1986 года.

Хабелов нашел в себе силы триумфально вернуться на большой ковер. Он победитель Спартакиады народов СССР. Наставники сборной по-прежнему верят в него, и, окрыленный доверием, он блистательно выигрывает чемпионат мира-87 во французском Клермон-Ферране, не отдав соперникам ни одного балла. Он доказал, и прежде всего себе самому, что снова готов бороться за наивысшие награды.

Так считал 23-летний Лери Хабелов, признанный лучшим спортсменом Грузии 1987 года.

Перед Сеульской олимпиадой он явный фаворит. Ярыгин утверждал: «Молодость Хабелова, его далеко не раскрытый потенциал позволяют мне с уверенностью сказать – он еще три-четыре года способен оставаться лидером среди полутяжеловесов мира». А он второй на Олимпиаде после пяти побед, три из которых были на туше. Что же произошло в Сеуле?

Хабелов вспоминал: «В финале я боролся за золото с румыном Василе Пушкашу и проиграл – 0:1. Днем победил многоопытного немца Уве Нойперта, а вечером вышел бороться с тем, кого в предолимпийском году на чемпионате мира в Манчестере положил на лопатки за 12 секунд. Пушкашу не смог взять у меня ни одного балла в предыдущих наших встречах, обычно проигрывая на туше. Я, видимо, не настроился должным образом перед решающим поединком. Не последнюю роль сыграла моя травма».

Стоп! Об этой травме следует сказать особо – она многое объясняет. И что самое обидное, Лери получил ее за два часа до начала соревнований, на разминке, которую один из тренеров, Артемьев, решил провести. На влажном ковре нога Лери скользнула в сторону и связка не выдержала большого веса.

Вердикт врачей категоричен – с такой травмой нечего и думать выходить на ковер. Его нечем заменить, и правила против него – до начала взвешивания остается двадцать минут. И главное – не в характере Хабелова уходить с ковра, даже получив травму, когда в тебя верят главный тренер и товарищи по команде.

А боль нечеловеческая, просто невыносимая. Но он продолжает классно бороться, кладет соперников одного за другим – Фреда Солов из Западного Самоа, бразильца Флориано Спеси, могучего монгола Болда Жавхлантуга... Вечером глотает таблетки снотворного, чтобы часа на два провалиться в тяжелый сон, а потом до утра грызет подушку, пытаясь обмануть неотпускающую боль.

Для выхода в финал ему надо непременно выиграть у старого знакомого, сильного и техничного немца Уве Нойперта, двукратного чемпиона мира (1978, 1982).

Лери эту схватку выиграл, но какой ценой! К полному разрыву правой паховой связки в первый день соревнований добавились надрывы брюшных и бедренных мышц. Ярыгин осторожно, чтобы не обидеть великого борца, предлагает сняться с турнира, не очень надеясь получить согласие. А подопечный верен себе – после шести уколов, с неутраченной болью полон решимости

бороться за олимпийское золото.

«Я потом много думал, анализировал ситуацию, - вспоминает Хабелов. - Я понимал, что румын - не подарок. Техникой он не блистал, но был выносливым и очень сильным... Только в одном я просчитался - думал, что Пушкашу будет меня атаковать, ведь я был абсолютно беззащитен».

40-летний Пушкашу не знает, какое счастье ему привалило. Помня силу своего самого трудного соперника, не идет на сближение, бегаёт по ковру - бережет лопатки. Во второй половине схватки у обоих борцов по два предупреждения. Хабелов рискует, идет в наступление, пытается провести бросок и срывается вниз. По тогдашним правилам риск наказывался. Пушкашу получает один балл - драгоценный подарок от судей, который делает его олимпийским чемпионом. Хабелов - второй. Счастливый румын, похоже, так и не понял, что соперник из-за травмы с трудом держался на ногах.

Так неожиданно завершился сеульский олимпийский турнир - сенсацией у борцов вольного стиля. Можно только догадываться, какой огонь мщения пылал в груди вице-чемпиона Олимпиады. Хабелов решил расчитаться с соперниками в следующем олимпийском четырехлетии, и, надо сказать, сильно преуспел. Конечно, надо было подумать о лечении. На него ушел почти год. На чемпионате СССР 1989 года в Махачкале он третий, после чемпиона Московской олимпиады москвича Санасара Оганисяна и чемпиона мира, первого абсолютного чемпиона мира-89 из Красноярска Ахмеда Атавова. А потом начал набирать чемпионские обороты: выиграл тбилисский международный, чемпионаты мира в Токио и Варне, международный турнир серии Гран-при на призы Ивана Ярыгина в Красноярске...

На Олимпиаде-92 в Барселоне, избегая повторно наступать на одни и те же грабли, по собственному признанию, боролся по-другому, сам себя не узнавая.

«Человека осторожнее меня на Олимпиаде не было», - признается великий борец, заслуженный мастер спорта. Но и в кустах не отсиживался - последовательно им были побеждены по очкам турок Али Кайали, борец из ЮАР Иоханнес Росус, болгарин Мечислав Маковеев, венгр Шандор Киш, поляк Анджей Радомски...

Вот каким запомнился финал заслуженному мастеру спорта СССР и заслуженному тренеру СССР и России, доктору педагоги-

ческих наук, профессору Юрию Шахмурадову: «Такого волнения он (Лери Хабелов – А.Е.) никогда в жизни не испытывал и думал, что свихнется от нервного напряжения. Он считал каждый свой шаг. Его противник, немец Хейко Бальц, был смелым, агрессивным и рискованным борцом. Правда, до Барселоны Хабелов не раз побеждал его, но он хорошо помнил, что у Пушкашу он тоже до поры до времени выигрывал».

Как признался потом Лери, он откровенно боялся. Но не соперника, а Сеула – не хотел, чтобы Сеул догнал его. На второй минуте Лери сбил немца в партер, получив один балл. Потом, будучи нижним в партере, в борьбе поднялся в стойку – еще плюс один балл. На последней минуте, гася невообразимый наступательный пыл соперника, перед самым гонгом сознательно нырнул в партер. 2:1 – и Лери Хабелов олимпийский чемпион!

В 1993-1996 годах он по приглашению Ивана Ярыгина выступает за команду России. Чемпион РФ в тяжелом весе, в 1993-м снова чемпион мира (в пятый раз!).

На третьей для него Олимпиаде в Атланте после третьего круга из-за травмы вынужден сойти с дистанции.

Это последние выступления Лери Хабелова, олимпийского чемпиона, вице-чемпиона Олимпийских игр, 5-кратного чемпиона мира, обладателя Кубка мира, 4-кратного чемпиона Европы, 3-кратного чемпиона СССР. Он возвращается домой, в Грузию.

34-летний борец, кавалер орденов Вахтанга Горгасала II степени и Чести – первый заместитель председателя Департамента спорта Грузии. В феврале 2005 года его избрали первым вице-президентом НОК Грузии. Работает, отдавая опыт и знания делу организации и развития отечественного спорта, готовит надежную молодую смену. Заслуги великого борца перед отечеством получили новое признание. Лери Хабелов – председатель парламентского Комитета по спорту, президент Национального Олимпийского Комитета Грузии.

ГРОМ ПОБЕДЫ

На олимпийское стрельбище она вышла уверенно. Предстартовое волнение, столь понятное, как рукой сняло. Обстановка на линии огня была знакомая, почти домашняя. Сеул годом раньше, в сентябре, оказал гостеприимство этой обаятельной девушке, стал свидетелем победы Нино Салуквадзе в розыгрыше Кубка мира, с мировым рекордом.

В 1987 году, под занавес года, на международном турнире «Советский патриот», она победила в обеих олимпийских дисциплинах – стрельбе из спортивного и пневматического пистолета.

Несмотря на громкий успех, 18-летнюю спортсменку, к тому времени многократную чемпионку СССР, не включили в состав сборной, выезжавшей на чемпионат Европы в Финляндию, в город Лахти, с попавшими в основу команды ростовчанкой Мариной Добранчевой и москвичкой Ириной Кочеровой. Нино – среди юниорок, которые соревновались параллельно со взрослыми.

Так уже в Финляндии тренеры решили снять урожай золотых медалей и в юниорском турнире. И вроде все было расставлено по полочкам, комар носу не подточит. Кстати, тренером молодежной команды был отец Нино, Вахтанг Моисеевич Салуквадзе. Но Нино нарушила этот порядок. Она заняла первое место в стрельбе из пневматического пистолета с 589 очками, что превышало рекорд мира среди юниорок, и на три очка – результат победительницы взрослого чемпионата Европы Кочеровой.

Это достижение Нино не было откровением для специалистов. На олимпийском стрельбище в подмосковных Мытищах проводился чемпионат СССР по расширенной программе. В стрельбе из пистолета женщины, как и мужчины, соревновались в двух видах – скоростной стрельбе и на дистанции 50 метров. Так вот Салуквадзе первенствовала во всех четырех видах программы; стреляя из спортивного пистолета, она опередила Добранчеву на 5 очков и почти на столько же – во второй олимпийской дисциплине. Еще две золотые медали добыла в неолимпийских видах в командных соревнованиях в составе армейских стрелков.

Конечно же, такую золотую девушку безоговорочно включили в олимпийскую сборную. 19-летняя спортсменка из Тбилиси

не ставила перед собой столь высокой цели – выиграть Олимпиаду в Сеуле в стрельбе из спортивного пистолета, но показать максимум возможного, считала, было ей вполне по силам.

«Я даже как-то не сразу поверила в свою победу, - вспоминала впоследствии. - Во время стрельбы обычно не слежу за соперницами, за информационным табло. Стараюсь не отвлекаться. О своей победе узнала, когда раздались аплодисменты и ко мне бросились поздравлять участники и судьи».

Так предельно просто, с обычной для себя скромностью, рассказывала о своей выдающейся победе олимпийская чемпионка. Второе место заняла японка Томоко Хасегава, третье – Ясна Шекарич (Югославия).

Став олимпийской чемпионкой, Нино Салуквадзе была в шаге от сеульского золотого дубля, который покорился Марине Добранчевой-Логвиненко в Барселоне в 1992 году. Во втором виде программы – стрельбе из пневматического пистолета – Нино в предварительной серии установила мировой рекорд и лидировала. Но в финале отступилась от своего принципа – не удержалась, захотела узнать результат основной конкурентки Ясны Шекарич. Взглянула на табло. Сербка и на этот раз отставала от нее. На одно очко.

Нино разволновалась, стала думать о конечном результате. За этим отступлением от, казалось бы, навсегда усвоенного правила последовала расплата. Несколько не вполне удачных выстрелов, и спортсменки поменялись местами. Шекарич – олимпийская чемпионка, Нино – обладательница серебряной олимпийской медали. Не скрывает слез, но винить должна только себя. Ох, и досталось ей от отца, никогда не дававшего поблажки своей самой знаменитой ученице.

Еще одна медаль – бронзовая – оказалась на счету Добранчевой.

Вахтанг Салуквадзе – пятикратный чемпион СССР по пулевой стрельбе, мастер спорта международного класса, как действующий чемпион рассматривался первым номером в олимпийской сборной, готовящейся к Играм 1968 года, но в Мехико не выступал из-за болезни.

Этот пробел в спортивной биографии семьи с блеском восполнила дочь Вахтанга Моисеевича – Нино, которую по итогам олимпийского года Национальный Олимпийский Комитет

СССР и журнал «Олимпийская панорама» назвали лучшей спортсменкой Грузии и лучшей в стране в технических видах спорта. Это было признание редкой самоотдачи и упорства Нино.

Спортивное оружие рано заменило ей игрушки. Бывало, ребенком подсядет к отцу и смотрит, как старательно он готовит пистолет к соревнованиям. Вначале Вахтанг Салуквадзе не думал, что дочь, единственный в семье ребенок, всерьез увлечется этим неженским видом спорта, к слову, не пользующимся популярностью в республике, не отвечая характеру грузин. И основания так думать у него были. Рано раскрывшая способности в музыке, танцах, прилежная на занятиях в школе, непоседа вне дома, Нино остановила выбор на баскетболе и уже познала вкус победы в городском первенстве. Но вмешался случай. Баскетбольную секцию школы перенесли в Надзаладеви, и добраться туда из Дигоми было сложно.

Надо сказать, что и до этого девочка посещала с отцом стрельбище в Авчала, нравилось собирать золотые гильзы, и когда мать, Нуну Салуквадзе, сказала – отведи ее в свой вид спорта, то за Нино осталось право выбора. И она выбрала пистолет.

Вахтанг Салуквадзе был действующим спортсменом ДОСА-АФ Грузии, а потом СКА ЗакВО, а потому не мог тренировать дочь и привел будущую чемпионку к Отару Квирикашвили, который, после окончания службы друга в армии, предложил Вахтангу Моисеевичу создать в армейском спортклубе группу из 10 детей вместе с Нино и тренировать их.

Сам стрелковый ас, он последовательно помогал дочке овладевать навыками незнакомого дела. Само по себе попадание в цель при стрельбе стоя – задача из нетрудных, когда площадь опоры меньше, чем при двух других положениях, и центр тяжести системы стрелок-оружие находится очень высоко над площадью опоры. А тут еще требуется соколиная зоркость глаза, сила и устойчивость руки, сотни раз поднимающей на тренировках и соревнованиях оружие, которое для ребенка и взрослого одинаково – весом больше килограмма. И еще – наивысшая сосредоточенность и психологическая выдержка на стрельбище, когда ты один-одинешенек в мире безмолвия, искусственно создаваемом наушниками, и никого рядом, ни родной души, в самый напряженный и ответственный момент, когда победа или неуспех зависят от одного, последнего, выстрела, а глаз и

разум сосредоточены на одной точке на мишени, когда кроме этой точки ничего на свете нет, а разум спорит с сердцем, и ты принимаешь решение – нажимаешь на спусковой крючок.

В 1984 году ее ввели в сборную школьников Грузии, и через год уже в роли лидера команды Нино вернулась из Ташкента с четырьмя золотыми медалями всесоюзной Спартакиады школьников, с репутацией отличного снайпера, чьи результаты росли не по годам.

Подошла пора первых международных соревнований. В 1985 году началась ее дружба-соперничество с Ясной Шекарнич, которая длится более четверти века. В Хорватии, в Осиеке, родном городе Ясны, и центре стрелкового спорта. Ясна на несколько лет старше, но это не мешает им дружить, а спустя годы и семьями, благо и характером они очень схожи.

Прошел год, и Нино увидели среди участниц первого для нее взрослого чемпионата Европы, в составе сборной страны. В городе Зуле на территории тогдашней ГДР. И хотя ее результаты уже тогда были выше показанных подругами по сборной, ей доверили только один вид программы – стрельбу из спортивного пистолета. Тогда ей вместе с Добранчевой и Кочеровой удалось установить мировой рекорд, первый из добрых двух десятков рекордов, которые впоследствии она записала в свой актив.

В послужной список выдающейся спортсменки, которая в 1988, 1989 и 1999 годах по итогам спортивных референдумов была названа лучшей спортсменкой Грузии. Нино Салуквадзе – заслуженный мастер спорта, многократная чемпионка мира и Европы, победительница розыгрышей суперкубков мира, кавалер орденов Вахтанга Горгасала II степени, Чести, олимпийского ордена НОК Грузии, член НОК Грузии и вице-президент Федерации стрельбы. На чемпионате мира 1989 года ее объявили лучшим стрелком планеты по всем видам оружия среди женщин.

После окончания Грузинского института физической культуры (1990) и аспирантуры она получила право обучать молодежь стрелковому делу.

Нино Салуквадзе принадлежит выдающийся рекорд – она участница семи Олимпиад, триумфатор и обладательница олимпийских медалей всех трех достоинств. И не вина Нино, что на ряде Игр ее результаты были ниже тех, которые вправе были ждать от выдающейся грузинской спортсменки. Отдадим

должное чемпионке, которой приходилось готовиться к крупнейшим соревнованиям четырехлетия в неотапливаемых, разоренных и растащенных по кирпичикам тирах, куда сам приход на тренировку был актом спортивной доблести и мужества.

Не будем забывать – после триумфа Нино в Сеуле следующее олимпийское четырехлетие отмечалось большими переменами в политической жизни страны, что отразилось на результатах нашей чемпионки.

Через два года, выступая на облюбованном, «своем» стрельбище в Мытищах, на очередном мировом чемпионате Салуквадзе оказалась не готова спорить с сильнейшими стрелками. Привычной спортивной формы достичь не удалось, и неутешительные результаты не замедлили сказаться.

В стрельбе из пневматического оружия посланная ею пуля угодила в семерку. Не удачливее она оказалась и в финале другой олимпийской дисциплины, не попав в число призеров.

Но еще большие неожиданности были впереди. В следующем году независимая Грузия отмежевалась от советского спорта. Об этом Салуквадзе узнала в аэропорту по возвращении из Норвегии, где в составе советской сборной выиграла звание чемпионки мира в стрельбе из пневматического пистолета.

Вынужденный годовой перерыв оказался огорчительным для Нино.

На Олимпиаду в Барселоне 1992 года, где грузинские спортсмены выступали в объединенной команде СНГ, Нино отправилась в ранге победительницы отборочного чемпионата Содружества независимых государств и престижного турнира «Советский патриот» в обеих олимпийских дисциплинах. Но радости ей это не прибавило.

Как потом признавалась сама спортсменка, она чувствовала себя психологически совершенно истощенной, не была уверена в своих силах. И Олимпиада подтвердила худшие опасения – пятое место в стрельбе из спортивного пистолета, а во втором виде программы осталась за бортом финала, замкнула первую десятку.

Какое-то странное чувство раздвоенности не покидало ее по ходу Игр, вроде все же оставались в Советском Союзе, но одновременно стали независимы, выступали под своим флагом и с собственным гимном. Но все это было непривычно и тревожно...

Еще один выдающийся успех из спортивной биографии.

Нино Салуквадзе первой из грузинских спортсменов завоевала олимпийскую лицензию на Игры в Пекине в 2008 году. И завоевала бронзовую медаль в стрельбе из пневматического пистолета на 10 метров.

Двадцать лет спустя!

Из дома приходили тревожные вести – шла война. В олимпийской деревне грузинская делегация 9 августа обсуждала возможность прервать выступления на спортивных аренах. А Нино выполняла свой долг – защищала честь родной Грузии, как подобает славной дочери, как подобает чемпионке. После предварительной серии она была четвертой, но в финале, опередив представительницу Монголии, завоевала третье место.

10 августа она стояла на пьедестале почета вместе с победительницей Игр китайкой Го Вэньцзюнь и россиянкой Натальей Падериной и взволнованно смотрела, как поднимается ввысь флаг ее Грузии. Одной из первых грузинскую подругу поздравила олимпийская чемпионка Сеула Ясна Шекарич, которая на этот раз была шестой.

Аккредитованные на Олимпиаде журналисты отметили теплые поздравления, которыми обменялись второй и третий призеры закончившихся соревнований стрелков.

«С Наташей Падериной мы часто встречаемся на различных соревнованиях, и нас связывают теплые отношения, - сказала тогда Нино Салуквадзе. - Ошибки политиков не в силах изменить эти отношения».

Присутствующий на награждении президент Международного Олимпийского Комитета (МОК) граф Жак Рогге сказал: «Если бы меня попросили рассказать, что мне запомнилось об Олимпиаде в Пекине, я бы рассказал вот эту историю. Через два дня после начала боевых действий в Южной Осетии российская и грузинская спортсменки (серебряный и бронзовый призеры в пулевой стрельбе Наталья Падерина и олимпийская чемпионка-88 в составе сборной СССР Нино Салуквадзе) пожали друг другу руки и обнялись на олимпийском пьедестале. Мне кажется, это выдающееся проявление спортивного духа и единства».

Эхо грома побед Нино Салуквадзе слышно в самых отдаленных точках планеты.

ПЕШКОМ НА ЭВЕРЕСТ

Мы сидим с Бено Кашакашвили в моем доме, внесенном в реестр исторических памятников Старого Тбилиси, поглядываем в окно, на Хлебную площадь, где по признанию Александра Дюма-отца, полтора года назад ему надавали тумачков. Говорим о событиях, описать которые было бы не под силу прославленному романисту, автору книги «Кавказ». Мы говорим о Гималаях, откуда мой собеседник вернулся пару дней назад, и, глядя на руководителя экспедиции «Кавказ-99», ловлю себя на мысли, что не нахожу в его облике ничего от суперменов, которыми нас потчует телевидение.

В самом деле, что заставляет молодого человека, выходца из обеспеченной семьи, сына директора Руставского металлургического комбината и ученого Гурама Кашакашвили, моего старого знакомого и командира производства, как величали крупных специалистов своего дела, идти в горы и не просто горы, а самые что ни на есть высокие, и взойти на вершину, которую непальцы называют Джомолунгма – Богиня-мать Земли. Третий полюс мира больше известен как Эверест – в честь сэра Джорджа Эвереста, начальника индийской геодезической службы. Парадоксом воспринимается факт, что этот господин не видел горы, носящей его имя.

Остановимся на последнем названии высочайшей вершины мира. Слушаю и рассматриваю фотографии руководителя экспедиции и восхождения, и все не могу забыть услышанную в редакции газеты наивную реплику опытного журналиста: «А побывали ли они действительно на вершине?» Как, дескать, докажут. Кашакашвили – президент руставского альпинистского клуба «Альпиндустрия», видимо, хорошо знакомый с такими сомнениями, хладнокровно приступает к доказательству. Последуем за его рассказом, благо экспедиция проводилась по его идее и в рамках программы «Мирные горы» Ассоциации альпинизма и скалолазания Грузии и могла быть выполнена специалистами высокого класса, какими они себя утвердили в альпинистском мире.

С подключением горвосходителей из Азербайджана, Армении, Северного Кавказа, но последние по финансовым соображениям участвовать в экспедиции отказались.

Наши же земляки в декабре-феврале провели тренировочные сборы в Казбегском районе, совершили восемь восхождений, а потом самолетом компании «Австрийские авиалинии» (спонсора экспедиции наряду с «Тбилкредитбанком») отправились в Непал.

Экспедиция вызывала интерес не только высоким профессионализмом, но и теплом дружеского общения, так ценным в обществе этих особенных людей, которые доверяют друг другу собственную жизнь и неизмеримо счастливы, глядя на уходящие вдаль горы.

«Все-таки мы грузины», - говорит мне Бено и раскрывает секрет: среди тщательно выверенного и сжатого до предела груза экспедиции находилось некоторое количество грузинского коньяка. Какого именно? ОС - если интересно. Пили понемногу, по 50-100 граммов, но и их было достаточно, чтобы почувствовать себя как дома и угостить гостей.

Есть в этой экспедиции несколько обстоятельств, которыми особенно гордятся участники восхождения. Команда не скрывала, что идет на рекорд, один из самых престижных. На то время самым пожилым восходителем на Эверест был Рамон Баланко Суарес из Венесуэлы. Он это сделал в 1993 году в возрасте 60 лет и 160 дней. И команда идет на риск, на безумие, задерживается на десять-двенадцать дней в предштурмовом лагере, давая возможность тренеру Льву Саркисову «подрости», поднять на один день планку рекорда Суареса. Это в условиях, когда погода портилась на глазах, а она, как известно, главное в Гималаях.

Лев Саркисов в итоге был занесен в Книгу рекордов Гиннеса за 2000 год как самый возрастной покоритель Эвереста. Со временем это достижение, понятное, подверглось штурму. Всех превзошел Мин Бахадур Шерхан. 76-летний непалец 25 мая 2008 года стоял на «макушке» Эвереста. Рекорд на все времена!

Сейчас, когда цель достигнута, я понимаю, что не только спортивная сторона этого достижения стояла на кону. Больше двигала людьми дружба.

Воспитанник грузинской альпинистской школы Лев Саркисов и Саридан Мурсагулов шли в одной связке. Не правда ли пример для политиков? Мурсагулов - президент Федерации альпинизма Азербайджана, член Национального Олимпийского Комитета, как и Лева, остается своим в этой спаянной команде и никакой он не чужой - родился и вырос в Марнеульском районе, здесь его родные и близкие. Высшее образование получил в Баку, где и живет.

Мурсагулов на большой высоте почувствовал боли в поджелудочной железе и печени. Американская медицинская экспедиция Святого Чарльза передала его показатели по спутнику, и по настоянию американского профессора азербайджанский альпинист был снят на самых подступах к вершине. Понятно, очень переживал.

Не меньше огорчилась команда, но надо было идти дальше, к решающему броску на южном маршруте.

Саркисова и Мурсагулова альпинистская судьба свела снова, как и положено, в горах. В городе Баязет в 2005 году – на ежегодной альпиниаде, где российских спортсменов не включают в группу, которая совершит восхождение на гору Арарат. По причине далекой от спорта.

Саридан – лидер азербайджанских альпинистов – на радостях объявляет, что Лева пойдет на Арарат, но Лев Аршакович отказывается, он не понимает, как это Саркисов есть в списке, а россиянин – жителя города Сочи Андрея Александрова, покорителя Эвереста (2000), и специального корреспондента газеты «Ноев Ковчег» краснодарца Вартаана Вартаняна, в списке нет.

В конце концов визовые формальности к обоюдному удовольствию улаживаются.

1 сентября 2005 года тройка Саркисов, Александров и Вартанян – на вершине библейской горы-прародительницы.

Но вернемся к нашей гималайской экспедиции.

К ночи погода ухудшилась, повалил густой, мокрый снег. Порывы ветра сотрясали палатки. Но прогноз погоды, переданный американскими и английскими метеорологами, обещал ее улучшение. И следовало спешить.

Из лагеря вышли в десять часов вечера, включив фонари с батарейками, рассчитанными на 15 часов работы. Оглянувшись, Бено насчитал до тридцати пяти световых сигналов, ползущих по горе. Через несколько часов они обошли почти всех. Впереди шли несколько шерпов и один европеец. К двум часам ночи ветер усилился, и многие группы повернули назад, заторопились в лагерь. Из восьмидесяти горвосходителей на маршруте осталось с десятков человек, включая их группу.

Гуджабидзе и Саркисов получили ожоги глаз, так называемую снежную слепоту, но продолжали рубить ступеньки, шаг за шагом приближаясь к цели. Гуджабидзе к тому же нес кинокамеру.

И вот счастливый миг. В 10 часов утра 12 мая 1999 года группа вышла на вершину. Бено Кашакашвили, Афи Гигани, Бидзина Гуджабидзе, Лев Саркисов, шерпы Чаван Рита и Навангле испытывали огромное облегчение. Забыв об усталости, обменивались рукопожатиями, хлопали друг друга по спине, задыхаясь от физических усилий. Отключили кислородные баллоны, все еще плохо контролируя свои действия, кто-то забыл снять кислородную маску.

Настал самый волнующий момент. На ледорубах подняли флажки четырех государств-участников восхождения – Грузии, Азербайджана, Армении и Непала. Они сделали свое дело. Теперь можно было оглядеться вокруг, полюбоваться могучим соседом великаном Макалу, грозными хребтами Тибета. Сделали памятные и панорамные снимки. Смотрели, дивясь, на оранжевый матрас шерпа Бабу Шири, несколькими днями раньше поднявшегося на Эверест без кислородного баллона, установившего на вершине палатку и проводшего в ней всю ночь, в общей сложности 21 час. Удивительное достижение, и трудно сказать что в нем больше удивляет – неисчерпаемость ресурсов человеческого организма или смелость духа, граничащая с безумием, подвергающим жизнь смертельному риску.

Саркисов с самой высокой трибуны обращается к армянам всего мира с пожеланиями счастья и благополучия.

Пробыв один час на вершине, группа приступила к спуску.

Внизу их ждали поздравления, сертификаты восходителей на Эверест, выданные министерством туризма и гражданской авиации Непала. На брифинге в министерстве им выразили сердечную благодарность за предоставленную возможность побывать на вершине шерпам Чаван Рите и Навангле, для которых это было первое восхождение.

Особо отмечали стабильность успехов экспедиции. По условиям команда должна включить в заявочный лист не меньше семи участников. Этим седьмым стал для них японский альпинист Кен Ногучи, предпринявший свою четвертую попытку на Эвересте. До высоты 8000 метров шел с ними, а потом, в условиях испортившейся погоды, на пределе сил спустился в лагерь. 13 мая он все же взошел на вершину. Как собственную удачу команда вправе рассматривать и выдающееся достижение Эльзы Авилы Карсолио, супруги знаменитого мексиканского альпиниста Карлоса Карсолио, повторившего удивительный рекорд итальянца Райнхольда Месснера, покорителя 14-ти высочайших вершин всех континентов.

Эльза взошла на вершину и стала первой женщиной Латинской Америки, покорительницей Эвереста. Но и без Карсолио достижение команды впечатляет. Семь участников восхождения – явление крайне редкое.

Я СКАЗАЛ ЛЮБЯ

«Смотри, кто пришел, – сказал участник двух Олимпиад Юрий Дьячков жене, принимая меня в своем доме на улице Атарбекова, – друг детства». Таких встреч, к сожалению, все меньше – иных уж нет, а те далече. «Где ты был до сих пор?» – упрекнул меня олимпийский чемпион Хельсинки Рафаэл Чимишкян. «В самом деле, где был?» – повторил чемпион мира в Мар-дель-Плата Зарбег Бериашвили, которому я рассказал про этот неожиданный упрек. Нас, коренных тбилисцев с Авчала и Сололаки, действительно многое связывает, в чем я убедился в разговоре за двумя бутылками ледяного шампанского, стоившего мне легкой ангины.

В рассказах о спорте не удержаться от рассуждений об этой удивительной сфере человеческой деятельности, хотя после «Оды о спорте» Пьера де Кубертэна все разговоры о нем кажутся пустой болтовней. После этого признания в любви, взволнованного и страстного, как библейская Песнь Песней. И все же, и все же...

«У каждого в мечтах Эверест, Выше галки заходятся в игре, Распрекрасная из невест, Несыгранная роль Гамлета», – писал я в стихотворении «Жена альпиниста». Говоря об Эвересте как извечной мечте человечества к достижению высоты, мы забываем, что Бог словно бы специально вылепил эту Гору-красавицу, Гору-убийцу на пределе человеческих возможностей, на зыбкой грани жизни и смерти. Спорт высших достижений сегодня – та же зона повышенного риска, а не легкая прогулка в горах. Те же шахматы – игра мудрецов и художников, да и другие виды спорта, которые не спешат назвать олимпийскими. Каждая их травма, каждый стресс долго пульсируют болезненной точкой.

Вспоминаю давнюю шахматную партию на ведомственных командных соревнованиях, мало что решавшую. Мой соперник на первой доске, просмотрев в результате комбинации потерю легкой фигуры, захотел взять ход назад. И дело не только в том, что мой визави, мастер спорта международного класса, но в вольной борьбе, повел себя неспортивно – я пошел ему навстречу. Оба поступили ужасно, нарушив закон спорта – бороться честно и открыто, после чего было бессмысленно продолжать поединок. И по прошествии двадцати лет воспоминание об

этом ссаднит душу...

Так что же испытывают спортсмены, которых разделяли один шаг и несколько мгновений от высшей цели на Олимпиадах и чемпионатах мира из-за фатальных случайностей? Какой же пожар пылает в их душе все эти годы!

Продолжаю верить, что только добрый и хороший человек может быть значительным, великим спортсменом. Эта же мысль, на мой взгляд, верна в отношении писателя и журналиста. «Ты пропускаешь героев через свое сердце», – сказал мне знакомый писатель. А иначе и быть не могло. Добро – вот камертон, которым мы определяем непреходящую ценность литературного произведения, будь то роман, рассказ или стихотворение. Очень хочется верить в победу добра в наше время ядерного безумия и оголтелого терроризма, что оно спасет мир.

СЛОВО О ДРУГЕ

МОИСЕЙ БОРОДА**ЧУЖОГО ГОРЯ НЕ БЫВАЕТ**

С удовольствием представляю рассказ «Завещание Гроссмана» моего старшего тбилисского друга Арсена Еремяна – журналиста, писателя, чей жизненный и творческий путь неотделим от Тбилиси, от удивительной, редкой в своей интернациональной искренности атмосферы дружбы, творчества – и сочувствия страданиям другого, понимания фундаментальной трагедии жизни.

Представляемый читателю рассказ впечатляет многоплановостью понимания почти непередаваемой словами трагедии Катастрофы, того, что мы называем Шоа, а европейское сознание – привычным и почти заезженным словом «Холокост». Это понимание имеет свои корни – трагедия Катастрофы перекликается в сознании автора, в его рассказе с другой трагедией, трагедией 1915 года, прозвучавшей миру (неуслышанным!) набатом. Трагедии эти в рассказе неразрывны, и столь же глубоко, как они связаны друг с другом, связаны они с жизнью, судьбой, трагедией Василия Гроссмана, по сути убитого той же зловещей силой торжествующего в своей безнаказанности антигуманизма, что приводила, приводит и, необузданная, будет приводить людей на край рва. Отсюда и название рассказа.

За плечами у Арсена – десятилетия, но общаясь с ним, я с радостью вижу, насколько он молод душой. Видимо поэтому, выбирая фотографию для этой публикации – первой его публикации в Израиле – я выбрал фото молодого Арсена.

Радует, что этот замечательный по своему художественному уровню, эмоционально потрясающий рассказ, отвечающий самым высоким требованиям Литературы, был опубликован и за рубежом, где сразу получил широкое признание.

2013г.

НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ

ОПАЛЯЮЩИЙ ЖАР

Все зависит от того, КАК вы читаете стихи.

Я их читаю доверчиво.

Я свято верю в то, что не дело литературоведа влезать в «кухню» поэта и поучать автора, какими ему пользоваться рифмами, метафорами, сравнениями, ритмами... Правила игры диктует поэт. Если он – Поэт. А я лишь благодарно подчиняюсь.

Арсен Еремян – поэт. Ему и командовать. Пусть он объяснит мне, что такое поэзия. Я прилежный ученик.

Наш город – город стихов. В Тбилиси могут общаться стихами, говорить тосты стихами, иногда мне кажется, что мои земляки и сны видят в стихах. Тбилисца удивить стихами очень сложно, а уж профессионального филолога, каковым является автор этих заметок, и подавно. Арсен Еремян смог удивить, настолько свежие его строчки, настолько – и это главное – незаемные!..

Два года тому назад мне довелось с радостью и изумлением узнать, что в моем городе, где все – через одного – слагают рифмованные строчки, живет поэт, который без малейшей пошлости (от слова «пошлО», то есть затвержено, надоело, всем известно), с чувством меры, вкуса и достоинства пишет свои стихотворения. Сквозняк! Свежий ветер! Пастернак ценил в поэзии «неслыханную простоту», и мне неизвестны иные мерилы поэтического дарования.

Невыносимо, если поэт на кого-то похож. Нетерпимо, если поэт все время с кем-то аукается, перекликается. «Неслыханно» и «просто» пишет Арсен Еремян.

Мне посчастливилось прочитать и первую книгу стихов поэта «Автограф», и вторую – «Высота». Когда вы прочитаете обе эти книги, вы с легкостью убедитесь, что А.Еремян способен удивлять не только своим поэтическим миром – своеобразным и ярким, но и тем, что он, издав вторую книгу своих стихов, не просто расширил представление читателя о себе, но и сделал какой-то необыкновенный новый шаг, вписался в новый поворот. И это тот редкий-редкий случай, когда поэт не только одолевает свой многотрудный путь, но сам и является этим путем – со всей страстностью и чувственностью, мудростью и гневом, мужественностью и нежностью. А стихи – как версты на этом пути, по которому я следую – с интересом и доверием.

Как уже было сказано, я принимаю правила поэта и не навя-

зываю своих.

Я принимаю прерывистый ритм его стихотворений, потому что понимаю и чувствую – это его прерывистое дыхание, это взволнованная речь неравнодушного человека. Стихи А.Еремяна так написаны и так читаются - сбивается дыхание, сердце бьется торопливо, эмоции волнами накатывают одна за другой, а память прокручивает и прокручивает свою бесконечную киноленту. Отсюда – сбивка ритма, отсюда – картинки как стоп-кадры, отсюда – интенсивность рассказа. Сгоряча, выстраданно. И я тоже попадаю в этот ритм. Если он сбивается, видимо, мне, читателю, необходимо встряхнуться, оглядеться и посмотреть вокруг повнимательнее.

Арсен Еремян – очень неповерхностный поэт. И я принимаю его неточные рифмы. Конечно, нам известен постулат, озвученный Арсением Тарковским, - «неточные рифмы – это плохой тон». Но несомненно и другое. Поэт – раб языка. И иной раз сам язык выдвигает с поэтом невероятные вещи, извлекая из своих глубин настолько неожиданные явления, что поэту остается только записывать под диктовку родного языка. А.Еремян делает рифмами языковые созвучия, он смело нарушает рифмо-ритмические каноны и при этом магистрально пронесет через свои тексты мощный интеллектуальный посыл, афористичный, хоть с ходу записывай, запоминай и цитируй. Поэтому он и дарит читателю стихотворения, отмеченные авторской самобытностью.

Конечно, в ремесле поэзии (а поэзия – и ремесло) почти невозможен поэт - недоучка, плохой и неблагодарный ученик, родства не помнящий. Я хорошо знаю, что А.Еремян – очень начитанный человек, и в его стихах можно заметить знание поэзии Пастернака, Тарковского, Самойлова... Думаю, что ему родственен и К.Симонов – поэт в прозе и прозаик в поэзии, сумевший облагородить и воспеть то, что, казалось бы, вообще находится за гранью стихотворчества.

Но по прочтении второй его книги, я стала сомневаться в этом. Думаю, что Арсен Еремян – сам себе учитель, и может набирать себе учеников и последователей, если, конечно, найдутся достойные.

Я надеюсь многому научиться у автора «Автографа» и «Высоты». Он ироничен. Он щедр. Он отходчив. Он исключительно благодарный человек. Он умеет любить. Наверное, по прочтении стихотворений Арсена Еремяна и нам, его благодарным читателям, перепадет немного той Любви, которой наполнены его книги.

2011г.

ВЗГЛЯНИ НА ДОМ СВОЙ

Книги, посвященные родному городу, - их много не бывает. Как не может быть слишком любви, или избытка верности, или чересчур надежды.

Книги могут быть только разными. По жанру - мало ли какими! Но принципиальное, категориальное различие существует лишь одно - литература и нелитература. Непреклонный Мандельштам говорил о плохих текстах: «Это вне литературы».

В сборнике рассказов Арсена Еремяна читатель обнаружит и личные воспоминания автора (а чего только он ни повидал и ни сохранил в своей «жадной» памяти), и эти воспоминания зачастую будут пересекаться с читательскими, особенно, если читатель - тбилисец, и удивительные рассказы его героев, поведенные персонально автору, и почти все они будут потрясающе новыми... Но главное наслаждение будет заключаться в том, что читателю предстоит встреча с подлинной литературой, то есть с настоящим искусством владения словом и мыслью. Сколько таких книг? Вот именно, единицы. Поэтому книга А.Еремяна больше своего названия «Робинзоны в городе», больше посвящения «Родному Тбилиси...» и больше авторского эпиграфа из собственного стихотворения «Тебе был свет дан в теплом городе/И в нем нашел свою судьбу». Каждый из рассказов настолько неохватнее своей темы, насколько небо больше звезды.

А.Еремян уважает своего читателя и ставит перед ним очень высокую планку - своего мастерства, своего опыта. Скромность здесь не к месту, поэтому автор не собирается ни упрощать мастерства, ни умять опыт.

Восприятие этой книги будет поэтапным. С самого начала мгновенно ты очарован языком. Затем понимаешь, что у автора есть стиль - не чувство стиля, а именно авторский стиль, и это главное в прозе, без наличия стиля за прозу лучше не браться. После ты с удивлением замечаешь, что попутно, почти походя, узнаешь много тебе неизвестного, и вынужден признать - автор, пожалуй, гораздо начитаннее тебя. Потом ты оказываешься заморожен сюжетами - в каждом рассказе есть несколько самостоятельных историй, скрепленных неожиданными ассоциативными связями. Читателя переполняют эмоции - от сострадания до радости, от боли до гордости. Улыбка сквозь слезы или слезы сквозь смех, бог весть... Отношения с автором складываются персональные, развиваются, как полагается, и заканчиваются, как должно: ухаживание, роман,

союз. Автор берет тебя в плен, и вот ты уже в его власти, в его мире, и плывешь в его лодке, а тебе кажется, что правишь сам... Но вдруг начинаешь самостоятельно ложиться на курс, распознавать подводные рифы, замечать маяки...

Сказать, что эти рассказы похожи на стихотворения в прозе, все равно, что сказать – море похоже на море. А лучшим описанием моря Чехов считал предложение из детского сочинения: «Море было большое». Поэтому можно ограничиться определением: проза А.Еремяна – это поэзия. А что такое поэзия? Классиком замечено: «Есть реальности, которые, по-видимому, лучше вовсе не определять. Разве есть покроя одежды, достойный Милосской богини?»

И тем не менее. Яркая ассоциативность и жесткий рационализм, исключительная образность повествования, четкая структура построения и наличие его внешнего и внутреннего ритма, абсолютная метафоричность и мировосприятия и изложения, тяга к парадоксу не как к фокусу мышления, но как к возможной форме самого мышления – вот что отличает рассказы А. Еремяна и делает их больше, чем рассказы, больше, чем прозаическое произведение вообще. А это уже похоже на новый жанр.

Арсен Еремян блестяще старомоден. Настолько, насколько старомодны нравственность и профессионализм. Он очень разборчив, даже придирчив, потому что, говоря словами автора, «честен и прям, что... важнее капитала».

Тематика его рассказов разнообразна, а образы яркие, но иногда внезапно безжалостны. Даже жестоки. Читать подчас тяжело. Ноловишь себя на мысли – а каково было пережить, а каково написать?

Эту книгу мог написать не только тот, кто умеет писать, но и тот, кто умеет слушать и сопереживать. «Как замечено не только мною, - пишет он, - мне и рубля не накопили строчки, но журналистика одарила радостью встреч с людьми, вспоминая которых чувствую себя богатым и счастливым. С годами отсеиваются шелуха необязательных слов и отношений, отличаешь золото от позолоты, забываются сиюминутные обиды, остается тепло и щедрость человеческого общения».

Мне неизвестно, ленив ли автор, но то, что он любопытен, - несомненно. Именно поэтому ему удастся найти тех персонажей, которых до него найти не смогли или не додумались, разговорить и вызвать на полную откровенность тех, кто откровенничать не любит и не привык. Не говоря уже о том, что автор щедр и на собственные воспоминания, а они дорогого стоят. Так что каждый

из рассказов А. Еремяна (как и любой документ в его огромном и драгоценном архиве) – или абсолютный эксклюзив или абсолютный раритет, как, например, «Сольвейг не прибежала на лыжах», или «Завещание Гроссмана», или «Посылка из Нью-Йорка», или «Мученик с Вознесенской улицы» ...

Автор живет непросто, а чувствует легко. И поэтому (хотя, как известно, любое сравнение всегда хромает) сравнения А.Еремяна «не хромают», ведь в союзе образ+сравнение рождается метафора, которая намного значительнее сравниваемого. Откроем книгу наугад, выборочно: «Она такая юная, что сам себе кажется современником Лермонтова», «Стоит коленопреклоненный Пиросмани, с каменными мышцами молотобойца и боксерской челкой, прижимая к крутой груди неживого от страха молодого барашка, который, кажется, прыгнул ему на руки из строчки Мандельштама», «В одном из них (садов), таком малом, что на него можно было накинуть его форменную шинельку, он высмотрел скромную светловолосую девушку...», «Александровский сад – большая пятнистая кошка на солнце – голова на Головинском проспекте, хвост упирается в парадный подъезд гостиницы «Лондон», «Она идет вдоль бассейна, где, как амы – японские ныряльщицы за жемчугом – кувыркаются на воде папиросные коробки табачной фабрики «Бозарджианць и К^о», компаньоном его был мой отец», «Я шел по этому сонному царству, провожаемый настороженными взглядами потерянного поколения кошек, которые, как старые сплетницы, разглядывали меня и не собирались дать стрекача»...

Не знаю наверняка, кого считает своими учителями в литературе А.Еремян. Думаю, что, как все хорошо образованные и глубоко начитанные филологи, он вольно и невольно учился у всех, кого читал и любил, сохраняя при этом самобытность. Это, в конце концов, дело чести – быть собой, в данном случае – быть сугубым реалистом, оставаясь совершенным романтиком. В подобном стиле, богатом и сложном по изложению, несложном по восприятию, щедром для ума, пронзительном для сердца, писал Константин Паустовский. Параллели в принципах построения и изложения очевидны: простая физика (доступная четкому пониманию и определению структура повествования и предметная фактура первого плана образов) и сложная метафизика (второй и третий планы идеального значения почти у каждого образа), мгновенная завязка, развитие повествования в нескольких направлениях при единой сюжетной магистрали, несколько историй, переплетенных друг с другом, несколько кульминаций, а значит, несколько «лож-

ных» развязок и исключительное эмоциональное напряжение на протяжении всего произведения...

По тональности, по особенностям восприятия мира рассказы А.Еремяна во многом созвучны атмосфере в произведениях великих американских прозаиков «потерянного поколения». Говорить о языке бессмысленно, потому что за него мы должны благодарить не только Фицджеральда, Хемингуэя и Фолкнера, но и Р.Райт-Ковалеву, И.Кашкина, Е.Калашникову. Но, во всяком случае, совпадает взгляд на действительность - иронический и отчаянный, безжалостный и жертвенный, беспощадный и всепрощающий... «Гремит оркестр, кружатся пары, катятся волны вальса, поющего о боли и грусти, о невозможности счастья», - пишет А.Еремян. Но эти боль и грусть, эта невозможность, являются именно болью и грустью, иногда - жестокой невозможностью, словно горькое отражение в зеркале... Но ненависти в них нет. «Мир, освещаемый правдивым и тонким самоанализом поэта, не может не быть страшен,- писал Иннокентий Анненский, - но он не будет мне отвратителен, потому что он - я».

«Я сказал любя»,- признается Арсен Еремян. Воистину. Именно в подобных случаях - несчастых, как снег летом, - и возникает подлинное единение автора и читателя, которому в ответ остается лишь процитировать бессмертное «Любовью за любовь вознагражу я», и, дочитав сборник рассказов «Робинзоны в городе» до конца, перелистнув последнюю страницу, открыть эту книгу заново, чтобы с волнением перечитать.

2009г.

ЛЕОНИД ЗОРИН

ГРУЗИНСКИЙ ФЕНОМЕН

О грузинском феномене, о целом созвездии даровитых девушек-шахматисток, говорят порой с изумлением, но всегда - с восторгом.

В самом деле, чем объяснить этот бурный ызрыв, это почти синхронное появление талантов?

Объяснения ищут в традиционном увлечении шахматами, в дисциплинированности и волевых качествах молодых грузинок, в особом складе их ума - трезвого и одновременно наделенного

богатым воображением.

Как бы то ни было, факт остается фактом, - сегодняшние женские шахматы нельзя себе представить без этих уже прогремевших имен, возглавляемых чемпионкой мира несравненной Ноной Гаприндашвили, практически не уступающей мастерам сильного пола.

Книга Э.Гуфельда и А.Еремяна «Все еще впереди» рассказывает об одной из «стаи славных» - пятнадцатилетней Майе Чибурданидзе, первой в истории шахмат, вступающей в борьбу за мировое первенство в столь юном возрасте.

Один из авторов, известный международный гроссмейстер, стал тренером Майи после ее приобщения к серьезным шахматам, и это придает особую весомость его наблюдениям и выводам.

В доходчивой и непринужденной форме книга рассказывает о творческом росте юной претендентки, если только эти слова применимы к девочке, у которой действительно «все еще впереди».

Появление книги закономерно. Шахматистка, завоевавшая звание чемпионки мира, заслуживает того, чтобы о ней рассказали достаточно подробно и, в какой-то мере удовлетворили огромный интерес, который испытывает к этому незаурядному явлению многомиллионная армия любителей шахмат.

Попутно авторы с глубоким уважением и душевной щедростью рассказывают и о других рыцарях этого древнего искусства, об их судьбах, далеко не всегда легких, об их творчестве, которое вдохновляло и вдохновляет самого молодого гроссмейстера.

Возможно, перечислению и описанию шахматных соревнований, в которых приняла участие Майя Чибурданидзе, отдан известный приоритет перед рассказом о ней самой, но не следует забывать, что одним из авторов, как я уже сказал, является ее тренер. Видимо, литератора ограничивал педагог.

Книга эта была в своем первоначальном виде создана еще до того, как Майя завоевала шахматную корону. Но и сегодня, когда она достигла вершины, основная мысль авторов остается в силе – все еще впереди!

1980г.

ДАВИД ИМЕДАШВИЛИ**ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СПОРТИВНОЙ ЖИЗНИ**

С автором книги «Гром победы» я познакомился давно. С начала 60-х, когда я, второкурсник ТГУ, появился в редакции «Вечернего Тбилиси» – новичком в журналистике. Арсен Еремян, фактически мой ровесник, был уже признанным автором, человеком редкой эрудиции и знаний.

Наверное, мне тогда повезло: рядом с Арсеном работали и такие мастера пера, как Теймураз Степанов-Мамаладзе, Леван Палавандишвили, Эмиль Минасян, Александр Буслаев, Семен Свердлин. Легко убедиться, что недостатка в учителях я не испытывал. Но что-то нас сблизило с Арсеном – то ли успешное выступление в команде «Вечерки» против шахматистов армянской газеты «Советакан Врастан», то ли совместно написанный фельетон «Операция мат-пат», опубликованный в «Известиях» и затем перепечатанный рижским журналом «Шахматы», редактируемым самим Михаилом Талем.

С тех пор прошло много лет, но мы продолжали наши дружеские отношения, которые плавно переходили в творческие. Когда Арсен предложил мне быть редактором книги, я согласился не раздумывая. Признаюсь, почему: во-первых, читать его материалы одно удовольствие, а во-вторых, я понимал, что буду иметь дело не с обычными статьями, а с исследованиями, которые не просто возвращают нас в прошлое, но делают соучастниками тех великих событий.

Я назвал бы эту книгу энциклопедией спортивной жизни с 30-х годов до окончания XX века, вплоть до Сиднейской олимпиады 2000 года.

Достаточно прочесть хотя бы один из очерков, чтобы понять, что Арсен знает спорт не понаслышке. На протяжении ряда лет он заведовал отделом информации и спорта в республиканской газете «Заря Востока», писал почти обо всех видах спорта, от футбола и альпинизма до шахмат, и, конечно же, о чемпионах.

Мне хотелось бы вспомнить его книги о Майе Чибурданидзе – симбиоз обширных знаний и научного предвидения этого огромного явления в шахматах. Когда Майя только собиралась играть в первом претендентском матче на первенство мира, ее безусловно должна была вдохновить книга Арсена Еремяна и тренера шахматистки – международного гроссмейстера Эдуарда

Гуфельда. Специалисты не припомнят другого случая, чтобы о 16-летней девочке была написана и, главное, издана книга. Когда через год Майя стала чемпионкой мира, крупнейшие издания, информационные агентства цитировали название этой книги – «Все еще впереди» и саму книгу. Потом, после этой победы, появилась другая, не менее увлекательная и глубокая книга «Семнадцать весен Майи», изданная в Москве 75-тысячным тиражом и быстро ставшая библиографической редкостью.

Друзья знают Арсена Еремяна как автора поэтических произведений и рассказов, с которыми он выступает со студенческих лет. Они нашли своего читателя. «Перед нами истинный и талантливый писатель. Казалось бы, многие страницы его прозы – о спорте, это пристрастие очень заметно. Но ум и глубокая наблюдательность отодвигают тему на второй план, как у всякого настоящего писателя», - отмечала в редакционной статье ереванская «Элитарная газета» в 1998 году.

Эта книга – плод многих переживаний, надежд и сомнений, бессонных ночей... Она написана в минуты творческого озарения, которое, очевидно, посещает Арсена чаще других. Мы предлагаем вам эту книгу с хорошей завистью. Вам предстоит прочесть ее, совершить увлекательнейшее путешествие в Страну спорта, населенную могучими палаванами и прекрасными амазонками. Вам предстоит радость встречи с прошлым, настоящим и будущим грузинского спорта, убедиться в неиссякаемости его народных талантов. И в этом ценность и привлекательность нашей работы.

2002г.

ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ

ПО ТУМАНЯНОВСКИМ ЗАВЕТАМ

Я прошел довольно долгий и тернистый жизненный путь, и смело могу сказать: мало встречал таких, как Арсен Еремян, добрых, душевных людей. Редкий, отличный от других, блеск слегка прищуренных глаз придавал его улыбающемуся лицу своеобразный свет.

Со временем автор прекрасных стихов, он почему-то отошел от поэзии, стал известным журналистом; предметом его второго, не менее сильного увлечения стал спорт – он часто публикует неординарные, неизменно интересные статьи о наших выдающихся

спортсменах, и в них остается многосторонне образованным литератором, поэтом. В этом всех убеждает его новый, блестящий сборник документальных рассказов и очерков «Гром победы», эта сжатая до предела малая летопись грузинского спорта XX века.

Я вовсе не удивился, когда несколько лет назад услышал от Арсена: его вдруг посетило неодолимое желание снова писать стихи, и за короткий срок он написал целую книгу. Я тогда еще назвал это подвигом.

Я прочитал эту книгу – с удовольствием и радостью. Радует, что Арсен Еремян полностью сохранил детскую непосредственность и правдивость, что, по мнению многих, верный признак истинного таланта; ни в одной его стихотворной строчке не ощущается фальшь, назойливая патетика; одна печаль по ушедшему в волнах времени, что характерно для каждой эпохи. И это чистое движение души, грустная тональность не миновали лирики моего друга.

Он часто обращается к библейским мотивам и старые образы, архетипы искусно вплетает в ткань своих лирических повествований. Каждый из нас знает: мир изобилует бесчисленными соблазнами, и большинство людей не могут удержаться от искушений, сплошь и рядом грешат. Об этом с тревогой сказано в полном сомнений первом стихотворении «Quo vadis»: «Рай потерять – проделки змея,/ Брести, не оставляя след,/ Своих усилий не жалея./ Не сорок – много больше лет./ Неопалимый куст найти,/ Извечные прочесть скрижали,/ Но снова мысль тебя ужалит:/ Куда идти, куда идти?»

Таким же символичным выглядит одно из ключевых стихотворений сборника «Высота»; тающий след воздушного лайнера наводит поэта на мысль о бренности человеческого существования. Он всегда верен своей врожденной скромности, без малейшего колебания может поставить свою подпись за предельную честность, безграничную преданность высочайшему проявлению духовности человека, поэзии, и поэтому финальные строки звучат так свободно, непринужденно: «И вроде шумным путь мой не был,/ Так пусть уделом будет мне/ Оставить свой автограф в небе/ И раствориться в тишине».

Очень порадовало, что так понравившееся мне стихотворение «Голый король» посвящается большому ученому-математику, человеку исключительного дарования, редкой честности и прямоты Георгию Чогошвили, которого я лично знал (жил по соседству с моей тетушкой, в Театральном тупике, позади оперного театра). Как усматривается из стихотворения, Арсен с ним был в дружеских

отношениях, иначе «профессор-пророк» не высказал бы молодому парню, большую часть своего времени, энергии отдававшего журналистике, столь откровенно свое наставление: «Ступайте в литературу!» Верно найдена интонация – душа и главная опора всякого стихотворения; это и некоторая ирония чувствуется с первых же строк: «Дважды не войдешь в одну реку,/ В редакцию можно войти/ И знают потомки абреков,/ Как деньги на спирт найти».

Из-за повседневных забот поэт не смог должным образом следовать мудрому совету старшего друга, хотя осознавал и назубок знал чеканную формулу Пастернака: «Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех». Сожаление и упрек самому себе откровенно высказаны в этих строках: «Остался слугой двух господ,/ Не вникая особо в интриги,/ И соломинка мой плот/ В бушующем океане книги».

Арсен Еремян основательно, в деталях знает творчество грузинских символистов, их тесные, дружеские связи с русскими собратьями по перу. Это чувствуется в целом ряде стихотворений. Лиризмом и трагической тональностью выделяется мастерски написанное «В хашной», в котором слышен отголосок знаменитого стихотворения Тициана Табидзе, посвященного гибели Сергея Есенина. Вообще Арсену Еремяну особенно близки мир и судьба Тициана Табидзе (достаточно вспомнить «Альтернативу»).

По этой книге можно убедиться, как Арсен Еремян – коренной тбилисец – безмерно любит перенесшую сотни различных потрясений Грузию и как почитает он такую же многострадальную свою историческую родину, Армению, чье далекое прошлое по прошествии лет оживает в его воображении библейскими мотивами и грандиозными картинами в наилучших стихах.

С огромной теплотой обрисован облик зверски казненного палачами большого поэта Егише Чаренца. Несколько строф этого стихотворения наглядно покажут, как близка поэту эта поистине библейская страна, с которой он связан полными животворным соком корнями: «Страна садов и древних песен,/ Сплошь образованных камней,/ Сквозь веренищу зим и весен/ Ты всех милее будешь мне.../ Не пожелай землю иную,/ А эту поцелуй и тронь,/ Таковую жесткую, родную,/ Как старой матери ладонь./ Иду я улицей широкой,/ И где настигнет нас конец?/ Так под ухмылку злого рока/ Шагнул в бессмертие Чаренц». Свои беглые заметки, первые впечатления не могу закончить, не упомянув дорогого каждому грузину имени. Это Ованес Туманян, которого за светлую, пронизанную добротой поэзию, за чуткость и большие человеческие

достоинства, глубоко почитали, уважали и особенно любили грузинские поэты-современники, и это со всей отчетливостью, сердечностью выражено в их творчестве. Достаточно вспомнить, с каким благоговением писал о нем, как оплакивал кончину незабвенного старшего собрата глава грузинских символистов Григол Робакидзе, который преданного друга Грузии Ованеса Туманяна назвал Светозарным. Более емкий и подходящий эпитет трудно подобрать для воскрешения образа бессмертного автора поэмы «Ануш».

Со всей прямотой могу сказать: Арсен Еремян проявил себя как самый яркий и преданный потомок своего великого и славного предшественника, живет и творит по его мудрым заветам. Уверен – на облик моего давнишнего друга отражается негасимый отблеск личности Ованеса Светозарного.

Никогда не отрекись от такого преданного друга и единомышленника, как Арсен; он давно стал частью моей жизни, и я горжусь тем, что в нашем городе ходит, мечтает и творит человек, который всегда старается чем-то порадовать ближнего, облегчить ему пребывание на этой грешной земле.

Дай Бог нам побольше таких людей!

2009г.

КАМИЛЛА-МАРИАМ КОРИНТЭЛИ

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ЭПОХА

Как-то, году в 93-м, при встрече Арсен Еремян обмолвился, что написал новые рассказы. Я попросила принести их мне, в редакцию «Литературной Грузии», где я работала заместителем главного редактора. Он предоставил восемь рассказов – на выбор. Были выбраны и опубликованы все восемь!

Прошли годы, и Арсен подарил мне свою, тогда только вышедшую, книгу «Гром победы» (а всего у него книг больше десяти) – это целый каскад прекрасных рассказов, вернее, инфорассказов, инфоновелл о выдающихся грузинских спортсменах (и не только грузинских). Это книга-история, книга-мемориал, отразившая эпоху – противоречивую, сложную, и воссоздавшая атмосферу спортивной жизни минувших лет, в которой было место и силе духа, и дружбе, и чистоте.

А потом последовал сборник стихов «Автограф», в котором

Арсен Еремян предстал перед читателем как самообытный поэт со своим неповторимым голосом. Книга вызвала заслуженный резонанс, и круг почитателей таланта автора еще более расширился.

И вот теперь передо мной его новая книга – сборник рассказов разных лет. Ее название – «Робинзоны в городе» – интригует и одновременно от него веет детством, самой дорогой порой нашей жизни и, пожалуй, во многом самой определяющей.

Итак, три книги солидного объема и интересного содержания. Это очень много для человека, активно работающего в журналистике, для газетчика, чей труд – ежедневный и еженощный. Посвященные согласятся со мной. Ведь книги писались в обстановке непреходящей спешки долгого газетного дня, дневной текучки, рабочих совещаний, между ночными дежурствами с читкой и правкой газетных полос...

Героев своих рассказов автор иногда долго и упорно разыскивает, становясь исследователем и следопытом. Он кропотливо собирает и бережно хранит документы и фотографии, большинство из которых по-настоящему уникально. Арсену удастся разыскать и разговорить людей, окружавших героя своего будущего рассказа. Потому-то эти рассказы документально точны и в то же время художественны, а образы в них – яркие и живы. Автор подмечает и передает такие неожиданные детали, нюансы, которые превращают его повествование в яркие и незабываемые картины. Читая эти рассказы-документы, которых больше нигде не найти и которые живописуют реальные события и реальных людей, я вспомнила нашумевшее в свое время произведение Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь». И мне подумалось, что обе книги Арсена Еремяна – «Гром победы» и «Робинзоны в городе» – вполне могли бы называться «Люди, события, эпоха».

Да, именно эпоха оживает вместе с героями рассказов Арсена Еремяна.

И вот что еще важно: автор – уроженец Тбилиси, города, в котором на протяжении веков жили многие и многие поколения рода его матери. Он любит этот город, знает и ценит его традиции и обычаи, для него здесь дорог каждый камень, здесь ему все понятно, знакомо, близко. Тбилиси – у него в крови, и автор необыкновенно щедро делится этим драгоценным чувством любви к своим корням с читателем. И читатель не может не почувствовать этого. А ведь привязанность к родным местам значит очень много – это основа, на которой стоит писатель и откуда он обозревает миры и времена.

2009г.

ВИЛЕН МАРДАЛЕИШВИЛИ**ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ**

Интересную, оригинальную книгу написал наш дорогой коллега, заслуженный журналист Грузии, литератор и филолог Арсен Еремян. Его сборник художественно-документальных рассказов и стихов «22 июня» посвящен участникам Великой Отечественной войны и 70-летию ее начала, дню памяти и скорби. Авторский проект – приложение к ежемесячному общественно-политическому журналу «Русский клуб» (координатор проекта – заслуженный деятель искусств РФ Николай Свентицкий).

В книгу вошли рассказы, очерки и стихи – хроника военных событий, скорбное повествование о судьбах реальных людей, известных героях фронта (только Героев Советского Союза в сборнике четыре! Это – Ермолай Коберидзе, Ярослав Иоселиани, Сергей Оганов, Ираклий Цицишвили) и скромных бойцах, которые ежедневным трудом сражались на передовой и в тылу во имя жизни и победы.

Особый интерес к книге вызывает то обстоятельство, что со многими из своих героев автор был лично знаком, встречался за годы собственной журналистской деятельности, дружил и поддерживал переписку. Конечно, круг этих лично знакомых был много шире, чем их представлено в книге «22 июня».

Какой же глубокий след Великая Отечественная оставила в жизни этих людей, о которых мастерски рассказывает Арсен Еремян, к стати, первый пропагандист в Грузии Брестской эпопеи.

Известного грузинского писателя и литературоведа Александра Каландадзе застала война 22 июня политруком роты 333 стрелкового полка в Брестской крепости, которую он защищал со своими друзьями, среди них было немало грузин, имена которых дошли до нас во многом в его высокохудожественных романах и воспоминаниях о четырех тяжелейших годах, вместивших участие в польском антифашистском подполье, восстание военнопленных в концлагере на юге Франции, бои в составе интернациональной бригады Сопротивления, День Победы, когда его советского капитана, офицера связи, удостоенного французских почетных наград – военного креста с серебряным крестом, медали «За храбрость», пронесли на руках по многим улицам освобожденного Парижа.

Нельзя без сердечной боли и сопереживания читать страницы о посещении Александром семьи погибшего во время штыкового

удара друга Пантелеймона Абхазава, к старикам которого он едет в 1958 году по поручению Брестского музея – в село Нигвзиани в Западной Грузии. Или о героической семье Ананиашвили – командире Георгие, Грише – грузине и его 17-летней дочери Елене, расстрелянных карателями. Уже в 60-х годах прошлого столетия нашлись в Брестской области живые участники войны, с конкретными именами, которые рассказали о десятках боевых операций с участием нашего земляка Георгия Ананиашвили.

Наш Джансуг Чарквиани в 12 лет с двумя друзьями решил сбежать на войну, но его чудом вернули домой родители... Но что заставит его забыть военные годы, и позже, уже будучи известным поэтом, он написал замечательное стихотворение «Иринола» - о 15-летней грузинской девушке Ирине Схиртладзе, которая в Польше сражалась с фашистами и погибла.

Всего пять суток было отведено бойцам инженерного батальона под командованием 25-летнего архитектора и инженера Ираклия Цицишвили на строительство моста через Днепр. И они его построили раньше заданного срока, помогая войскам, спешащим освободить Киев. Командир батальона 29 октября 1943 года был удостоен Золотой звезды Героя.

Сколько еще наших земляков, которыми мы гордимся, попали в эту книгу Арсена Еремяна! Некоторые, к сожалению, ушли из жизни, иные волею судьбы встречают 70-летие со дня начала величайшей в истории войны XX века с верой в будущее и не теряют надежды.

И пусть она никогда не будет утрачена!

2011г.

ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ

ЗВЕЗДНЫЕ ЧАСЫ ЧЕМПИОНОВ

Поэтичность в книге заслуженного журналиста Грузии Арсена Еремяна «Гром победы», недавно увидевшей свет, совмещена с подлинной фундаментальностью. Это позволяет отнести книгу одновременно и к художественному, и к справочно-энциклопедическому жанру, сочетающему взволнованно-эмоциональный тон повествования со скрупулезной точностью и выверенностью фактологического материала – черта, характерная и для всего ранее написанного нашим автором.

Я большой любитель шахмат и, без ложной скромности скажу,

- знаток шахматной литературы. Так вот, книги Арсена о замечательной нашей шахматистке Майе Чибурданидзе (они вышли в свет 20-25 лет назад) я отношу к числу лучшего, что написано о великой игре вообще и ее ярчайших представителях в частности. Всегда с большим интересом читал и читаю я статьи Арсена Еремяна, посвященные спорту и его замечательным представителям, и меня больше всего удивляет эта его «всеядность», универсальная осведомленность буквально во всех видах спорта, его поразительное умение замечать и фиксировать не только внешнюю сторону описываемого события (а это тоже очень важное качество), но и редкостный дар проникать в самую суть проблемы и выявлять ее глубинное, а иногда и драматическое содержание.

Книга (с интереснейшими фотографиями) имеет подзаголовок «90 рассказов про спорт». Она посвящена спортсменам Грузии, «сильным, как древние викинги, далеко от родных пенатов прославившим свою маленькую и прекрасную страну. Тем, чьи выступления на спортивных аренах воспринимались всенародно как праздник», охватывает события нашей спортивной жизни с 30-х годов ушедшего столетия и до Олимпийских игр – 2000 в Сиднее.

Книга «Гром победы» приурочена к полувековому юбилею участия грузинских спортсменов в этих крупнейших соревнованиях и пятидесятилетию грузинского олимпизма. Она включает документальные рассказы и очерки о выдающихся спортсменах – представителях 22 видов спорта.

В каждой главе читатель ощущает присутствие автора, знакомого с описываемыми событиями до мельчайших подробностей, и потому очерки эти можно назвать «инфоновеллами».

Для иллюстрации этой мысли достаточно привести главу об Александре Гербстмане (1900-1982) – шахматном композиторе с мировым именем и, казалось бы, далеко от Грузии, кстати, так до недавнего времени думал и ваш покорный слуга. Арсен Еремян «откопал» где-то и теперь сообщает, что, оказывается, Гербстман учился в Тбилисском университете, был участником первого студенческого шахматного турнира 1919 года, (занял второе место). Выясняется, что Гербстман в 1924 году встречался в Тбилиси с Тицианом Табидзе, Паоло Яшвили, Сергеем Есениным...

Известно также, что Александр Иосифович был победителем шахматного конкурса, объявленного в 1954 году газетой «Ахалгазда комунисти». Вот вам еще один факт, связывающий выдающегося этюдиста с нашей страной.

Таким образом, налицо еще одно достоинство рецензируе-

мой книги: вызывая широкие и разветвленные ассоциации, она стимулирует мысль читателя на самостоятельные поиски и размышления.

Рассказывая о «звездных» часах наших чемпионов, автор не обходит молчанием и некоторые редкие драматические страницы их биографий – необъяснимые, казалось бы, неудачи в ответственных соревнованиях. Он тщательно анализирует их причины, связанные со стечением неблагоприятных обстоятельств: неподвижные болезни и травмы, субъективизм и бездушные чиновников от спорта, пристрастность и необъективность иных спортивных судей, а иногда, к сожалению, и неоправданное собственное благодушие.

Картина благодаря этому получается не только многомерная, но и психологически очень достоверная. А без этого, как известно, не может быть подлинной, неприкрашенной и правдивой истории не только спорта, но и исторической науки вообще.

2002г.

ДМИТРИЙ ТУХАРЕЛИ

«ГОДА СОБЫТИЯМИ ВЫСТРОИВ...»

Арсена Еремяна я знаю уже много-много лет – он был в моем семинаре и хорошо запомнился мне, не только потому, что был блестящим студентом, вообще одним из самых лучших за все долгие годы моей работы в Тбилисском государственном университете, но еще и потому, что его отличали по-настоящему замечательные человеческие качества. Он большой труженик, и остался таким. Ему свойственна исключительная уважительность в общении, что характерно для людей не только хорошо воспитанных, но воспитанных в достойной семье.

Сегодня мой бывший студент Арсен Еремян – заслуженный журналист Грузии, член Федерации журналистов Грузии, автор многих книг. И вот я держу в руках сборник его стихотворений «Автограф».

Самое главное и значительное для меня в этой книге – это то, что ее автор тбилисец. Но не только. Сейчас понятие «тбилисец» стало очень растяжимым, и тбилисцем считает себя всякий, кто недавно приехал в столицу из деревни. А автор – калакели, горожанин. Именно этим словом определяется настоящий житель Тбилиси, старого Тбилиси, и именно это обуславливает общий дух

и настрой сборника. Поэт пишет о разных жизненных эпизодах, положительных и отрицательных, вспоминает различные события, происходившие в Грузии, Тбилиси, Армении, Советском Союзе, и его отношение к изображаемым явлениям соответствует представлениям о добре и зле, принципам морали. И подобное положение имеет прямое отношение к личности автора: поэт – человек, любящий и ценящий мир, людей, природу, Тбилиси, свою родину, свои исторические корни. Вообще весь тон сборника очень доброжелательный, ни в чем не нарушающий евангельских заповедей.

Нет сомнений, что автор не просто очень талантлив. На мой взгляд, в сборнике «Автограф» есть не просто замечательные, но и бесподобные стихотворения, написанные на самом высоком уровне мастерства – «В хашной», «Самайя», «Заклинание», «Чужая невеста», «Ничего между нами не было...», «На волне, как на войне»... Но А.Еремян еще и очень образованный литератор – в произведениях рассеяны отзвуки известных высказываний и афоризмов, упоминаются многие факты истории, явлений культуры, мифологии, литературные образы и исторические личности, и эти упоминания как правило всегда уместны.

С другой стороны, не надо забывать, что постоянные изменения и в жизни, и в литературе – это абсолютный закон. Но это такой закон, который никто не сможет сформулировать точно, потому что никто не сможет определить характер подобных изменений. Сегодняшние нарушения сегодняшних правил поэтики, нынешнее своеобразие могут являться зачатками новизны и завтра обозначить новое направление. Но качество подобного своеобразия и вектор завтрашнего канонического направления предугадать невозможно.

Мастерство автора поистине многогранно. Очень важно, что оно проявилось и в следующем – каждое стихотворение А.Еремяна умещается на одной странице, и крайне редко переходит на следующую. Такова особенность всего сборника, и это характерное свойство творческого почерка автора. Подобная манера имеет значительные преимущества – автор краток, почти лапидарен, его изложение динамичное, сжатое, энергичное, и поэтому стихотворения укладываются в сознании читателя сразу, в секунду, запоминаются с ходу, они не могут наскучить или утомить.

В сборнике все стихотворения представлены в циклах и прекрасно сгруппированы, хотя визуально не отделяются друг от друга (это вообще примечательно, сегодня очень редко можно встретить циклы поэтических произведений). Какие циклы усматриваются в сборнике «Автограф»? Как зачин ко всей книге – стихотворения

«Quo vadis» и «Несмолкаемая немота». Томление духа, путь исканий и познания – вот что отражают эти стихи.

Армения – особая тема для автора, которая проявляется во всей книге во многих видах – от стихотворений «Улица Чаренца», «Пушкинский перевал» и «Гергеры» до ностальгического признания «Как давно в Армении я не был»... Кстати, эпиграфом к своей книге А.Еремян выбрал строку Егише Чаренца «Печать свою на мне прожгите, мастера!»

Отдельный цикл этого сборника – стихотворения, посвященные Тбилиси, его старым районам. Это строки, написанные поэтом, не только родившимся и выросшем в этом городе, но и человеком, глубоко и искренне любящим свою родину – Тбилиси. Но основополагающим, смыслообразующим стержнем сборника «Автограф» являются, я бы сказал, озарения поэта, когда мы наблюдаем, как отдельные случаи и реальные образы становятся явлениями искусства и превращаются в серьезные обобщения.

Среди авторских сведений о сборнике упоминалось, что это избранные произведения. Значит, у автора имеются и другие стихотворения, которые он не включил в книгу. Нам они не известны, но общий уровень сборника избранного настолько высок, что это позволяет нам предполагать, что оставшиеся за его границами стихотворения не вошли в «Автограф» не потому, что написаны на более низком уровне, но потому, что, видимо, среди них не нашлось подходящих к тем циклам, которые представлены в сборнике. И это естественно, и еще одно свидетельство чувства меры и вкуса автора – он отобрал нужные стихи в необходимом количестве.

В сборнике читателю будет небезынтересно ознакомиться и с примечаниями. Меня они и заинтересовали и обрадовали. Они подтверждают представление об авторе как о человеке знающем и начитанном. Ну что ж, свидетельствую, что он не напрасно учился в ТГУ. Его познания в истории, культуре, мифологии, поэтике действительно разнообразны и основательны.

2010г.

ЛЕВАН ЧЕЛИДЗЕ

О ДЕВОЧКЕ, КОТОРАЯ ЛЮБИТ ВЫИГРЫВАТЬ

Издательство «Ганатлеба» предложило читателю книгу «Все еще впереди», рассказывающую об одной из «стаи славных» - шестнадцатилетней Майе Чибурданидзе, первой в истории шахмат вступающей в борьбу за мировое первенство в столь юном возрасте.

Один из авторов книги – международный гроссмейстер Эдуард Гуфельд – является нынешним тренером Майи. Второй автор – журналист Арсен Еремян, человек безгранично влюбленный в шахматы. Содружество авторов оказалось весьма плодотворным – книга написана ярко, живо, читаешь ее с неослабевающим интересом, то и дело откладывая в сторону, чтобы осмыслить то или иное выдвигаемое авторами положение; проанализировать ту или иную информацию или наблюдение, как правило, полное мысли и остроты вывода.

Книга о Майе и, главное, о том сказочном мире шахмат, который ее окружает, мире, полном парадоксов, сюрпризов, психологических загадок, борьбы характеров, напряженности, таинственности и юмора – подарок, конечно же, не только любителям шахмат.

Шахматы – одна из духовных ценностей человечества – не могут рассматриваться в отрыве от жизни, от человеческих судеб и пульса сегодняшнего дня. Небольшая книжка изобилует в этом отношении очень богатым материалом. Мы узнаем о путях и отдельных подробностях шахматной биографии Ноны Гаприндашвили, вице-чемпионки мира Наны Александрия, наших славных девушек Нино Гуриели, Наны Иоселиани и других шахматных амазонок Грузии. С необыкновенной любовью пишут авторы о человеке, имя которого «в летописи выдающихся турниров, в которых блистают его ученики, мелькает светом звезды, погасшей незаметно и тихо». Речь идет о тренере Ноны и Наны Вахтанге Ильиче Карселадзе, личности яркой и незаурядной в лучшем понимании этого слова.

Как известно, шахматы – удел людей одаренных и артистичных. Недаром же в прошлом прославленных игроков именовали не иначе, как маэстро. В компании таких людей (а мы, читая книгу, то и дело оказываемся рядом то с одним из них, то со вторым, то с третьим) никогда не бывает скучно.

Все еще впереди, – гласит заголовок книги. Конечно же, авторы имеют в виду самые главные встречи, самые яркие победы и достижения. Нам остается присоединиться к этим предсказаниям, и пусть они сбудутся сполна для симпатичной, остроумной, словоохотливой и безмерно талантливой девушки, которая на вопрос, что вам нравится в шахматах, отвечает с неповторимой непосредственностью подростка: «Я люблю выигрывать».

1977г.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

БОРОДА МОИСЕЙ – музыковед, композитор, литератор. В 1971 г. окончил Тбилисскую консерваторию, работал на кафедре эстетики и искусствоведения. В 1989 г. получил международную исследовательскую стипендию фонда Александра фон Гумбольдта. С 1989 г. живет и работает в Германии. Автор более 60 научных трудов в области музыкального языка, математических методов исследования музыки, общей теории музыкального текста; ряда камерно-инструментальных композиций для различных инструментов, исполненных в Германии, Грузии, Испании и США, и трех сборников прозы.

ЗАРДАЛИШВИЛИ НИНА – филолог, литературовед. Окончила с отличием филологический факультет и аспирантуру Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Преподавала историю и теорию литературы на филфаке ТГУ. Работала диктором и корреспондентом Государственного телерадиокомитета Грузии. Член редколлегии журнала «Русский клуб». Автор научных статей и эссе. Составитель и редактор ряда художественных и публицистических изданий. Участник международных научных конференций. Автор стихов и поэм, опубликованных в поэтических сборниках и альманахах Грузии и России.

ЗОРИН ЛЕОНИД – писатель, драматург, сценарист. Родился в Баку. Окончил Азербайджанский государственный университет им. С.М. Кирова и Литературный институт им. М. Горького. Автор пьес «Варшавская мелодия», «Царская охота», «Медная бабушка», «Покровские ворота» и др. Кавалер ордена «Знак Почета», ордена Дружбы народов.

ИМЕДАШВИЛИ ДАВИД (1941-2006) – заслуженный журналист Грузии. Окончил журфак ТГУ. В различные годы – заведующий отделом спорта редакции газеты «Молодежь Грузии», заведующий грузинским отделением Агентства печати Новости (АПН), зав. бюро РИА «Новости», генеральный директор агентства Black Sea Press. Кавалер ордена Чести.

КВИТАИШВИЛИ ЭМЗАР – поэт, доктор филологии. Окончил филфак ТГУ. Работал в редакции журнала «Цискари», старший научный работник Института грузинской литературы им.

Ш.Руставели. Лауреат Государственной премии Грузии. Автор двух десятков сборников стихотворений и эссе на грузинском и русском языках. Кавалер ордена Чести.

КОРИНТЭЛИ КАМИЛЛА-МАРИАМ – писатель, журналист, переводчик. Окончила филфак ТГУ. Член Союза писателей и Федерации журналистов Грузии. Заместитель главного редактора журнала «Литературная Грузия» в 80-90-е гг. Автор сборника стихов и переводов «Гранат цветет» (Тб., 2001).

МАРДАЛЕИШВИЛИ ВИЛЕН – журналист. Работал в редакциях ведущих газет республики. В 1986 г. Союзом журналистов Грузии назван лучшим журналистом года. Лауреат Государственной премии Совета Министров Грузии (1989), премии имени Нико Николадзе СЖ Грузии (2003), премии Международного фонда журналистов «Золотое перо» (2005). Автор пяти книг. Кавалер ордена Чести.

ТОРАДЗЕ ГУЛБАТ – музыковед, филолог. Окончил филфак Тбилисского государственного университета, теоретико-композиторский факультет и аспирантуру Тбилисской государственной консерватории. Кандидат искусствоведения. Профессор Тбилисской консерватории. Заслуженный деятель искусств Грузии. Автор многочисленных статей и книг о музыкальной культуре, футболе и шахматах.

ТУХАРЕЛИ ДМИТРИЙ (1925-2012) – филолог. Окончил филфак и аспирантуру Тбилисского государственного университета. Участник Великой Отечественной войны. Доктор филологических наук, профессор ТГУ. Автор более 200 статей, 2 монографий.

ЧЕЛИДЗЕ ЛЕВАН (1934-1995) – филолог, литератор, журналист, сценарист. Окончил филфак ТГУ и Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Автор сценариев кино- и телефильмов, а также книги рассказов и повестей «Всеми забытая история» (Тб., 1990).

СОДЕРЖАНИЕ

К. Гамсахурдиа. ПУСТЬ ВЕЧНЫМ БУДЕТ НАШЕ БРАТСТВО!.....5

Рассказы разных лет

ВЕЛИКАЯ ОБЩНОСТЬ.....	9
ДОМИНАНТА	10
СОБАКА И УЛИЦА.....	15
СТРАХ.....	17
РОБИНЗОНЫ В ГОРОДЕ.....	21
БЕСАМЕ МУЧО.....	24
ИДУЩИЕ НОЧЬЮ.....	27
МАЛЬЧИК НА СТУПЕНЬКЕ	31
ВОТ КАКАЯ БЕДА	33
ОЧКИ НАДЕНЬ	36
ПОСЫЛКА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА	41
ВИРТУОЗЫ ДОКТОРА ВЕРДИЯНА	48
УРОКИ ГИГОЛОВА.....	54
ЧЕТЫРЕ ДЕВУШКИ И МОРЕ.....	60
«КУНАК КУНАКУ ЕСТЬ БРАТ...»	65
КАК ДАНАИДЫ В СТАРИНУ.....	67
МЫ НАХОДИМ РУКОПИСЬ	72
АВТОПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ ВРЕМЕНИ	76
ТЯЖЕЛОВЕС В ЖУРНАЛИСТИКЕ.....	79
ВСЕ ПРОХОДИТ	87
СМЫСЛ ВСЕЙ ЕГО ЖИЗНИ.....	93
ТЕНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА	100
СЕ-ГО-КЮ	102
МУЧЕНИК С ВОЗНЕСЕНСКОЙ УЛИЦЫ	105
ШАГНИ В БЕЗДНУ	112
БРИЛЛИАНТЫ ВСЕГДА В ЦЕНЕ	116
СОЛЬВЕЙГ НЕ ПРИБЕЖАЛА НА ЛЫЖАХ.....	124
МАРИНА	129
ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ.....	133
«НЕ ПЛАЧЬТЕ ОБО МНЕ ...».....	136
ДВЕНАДЦАТЬ РАЗГНЕВАННЫХ МУЖЧИН	140
НАМ ТАНКОВ НЕ ДАВАЛИ.....	145
ГЛАДИАТОР ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ	149
ЭТИ ДВАДЦАТЬ МИНУТ	154

С ШЕКСПИРОМ ПОД РУКУ	157
ПЕПЕЛ СЕВАСТОПОЛЯ СТУЧАЛ В ЕГО СЕРДЦЕ	161
«В НЕБЕСАХ МЫ ЛЕТАЛИ ОДНИХ...»	164
ОПАСНОЕ СХОДСТВО	167
ЭТОТ СУХОПУТНЫЙ КРЕЙСЕР «ВАРЯГ»	170
ЛИЧНО ИЗВЕСТЕН	179
В СТЕПИ ПОД РОСТОВОМ.....	182
ЗАВЕЩАНИЕ ГРОССМАНА.....	185

Стихотворения. 1999-2012

QUO VADIS.....	197
НЕСМОЛКАЕМАЯ НЕМОТА	197
АВТОГРАФ	198
ГОЛЫЙ КОРОЛЬ	199
МУЗА.....	200
БЫЛОЕ	201
АЛЬТЕРНАТИВА.....	201
НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА	202
ИРОНИЧНО.....	203
ЭВАРИСТ ГАЛУА.....	204
ЗАВИДУЮ ВЕТРУ.....	204
ВЫЗОВ.....	205
ИСТИНА.....	206
ОБ ОДНОМ ЖАЛЕЮ.....	206
ОТЦУ.....	207
СТАРОЕ РУЖЬЕ	208
СЧАСТЬЕ.....	209
МАНГЛИСИ	209
«БЫСТРОТЕЧНЫ ГОДОВ ЛИВНИ...».....	210
ТАЛИСМАН	210
ПЯТЬ ЧАСОВ УТРА	211
МГНОВЕНИЕ	211
ОДИНОЧЕСТВО	212
ДОРОГА К ХРАМУ	213
ТОЧКА	213
ПИРОСМАНИ.....	214
ИСТОКИ.....	215
САЯТ-НОВА	216
В ХАШНОЙ	217

МАРТ.....	218
ПЛАЧ ПО ДЕРЕВУ.....	219
РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ.....	220
СТАКАН ВОДЫ.....	220
МКИНВАРИ.....	221
ОЧАРОВАННАЯ ДУША.....	222
«САМАЙЯ».....	223
В ГОРАХ.....	224
ВОЗВРАЩЕНИЕ.....	225
ЗИМА.....	225
ИСХОД.....	226
НЕ ОГЛЯНИСЬ.....	227
«КАК ДАВНО В АРМЕНИИ Я НЕ БЫЛ...».....	227
УЛИЦА ЧАРЕНЦА.....	228
7 ДЕКАБРЯ 1988.....	229
В АРМЕНИИ.....	230
«ГИДРОЦЕНТРАЛИ СЛАВЯ ВАХТЫ...».....	230
СТАРАЯ КНИГА.....	231
ГЕГАРД.....	232
ПУШКИНСКИЙ ПЕРЕВАЛ.....	233
ГЕРГЕРЫ.....	233
ПОГОНЯ.....	234
ТРИЗНА.....	235
МУЗЕЙ В СОЧИ.....	236
КЕРЧЬ.....	237
ПАМЯТЬ.....	238
КИНОТЕАТР В СУХУМИ.....	238
ОБЕЛИСК.....	240
ВОЗВРАЩЕННЫЙ АД.....	241
ПОЛНОЧНАЯ СТОЯНКА.....	242
ОСТРОВ БЕДЫ.....	243
АССИРИЙСКАЯ КЛИНОПИСЬ.....	248
«СВАЛИЛАСЬ ТЫ СНЕГОМ НА ГОЛОВУ...».....	249
ЭКСЛИБРИС.....	249
ПОДАРОК.....	250
В СТЕПИ.....	251
ЧИТАЯ ГЕЙНЕ.....	253
АМАДЕЙ.....	253
БЕТХОВЕН.....	255

ПЕВЕЦ	256
ПЕРВАЯ ЧИТАТЕЛЬНИЦА	257
ЖЕНА АЛЬПИНИСТА.....	257
ОБЕЩАНИЕ	258
СНОВА ТЫ	259
МОРЕ	260
ЕЛЕНА	261
МОМЕНТ ИСТИНЫ.....	262
ПЕСНЯ.....	263
ПЕТЕРБУРГСКИЙ МОТИВ.....	264
СЛЕПОЙ ТРОЛЛЕЙБУС	265
ДЕВУШКА ЕСТ СЛИВЫ.....	266
ЮДИФЬ	267
НА ВОЛНЕ, КАК НА ВОЙНЕ	268
ЗАВТРАК НА ТРАВЕ	269
МОЯ КОРРЕСПОНДЕНТСКАЯ	270
СОПЕРНИКИ	271
РОМАНС.....	271
«ТИТАНИК».....	272
КОРОЛЕВСКАЯ ИГРА	273
ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ	274
«МЕДЛЕННО, КАК СТИХОВ СТРОЧКИ...».....	274
НАСРЕДДИН В БУХАРЕ	275
ПРОВОДЫ ЛЮБВИ.....	276
ЗОЛУШКА НА БАЛУ	277
НОЧНЫЕ ДЕМОНЫ.....	278
ПОХВАЛА РАЗУМУ.....	279
В РЕСТОРАНЕ	279
ИНФАРКТ	280
ОПАЛЯЮЩИЙ ЖАР.....	281
ДОН КИХОТ	282
«КАК ВРЕДЕН СЕВЕР ДЛЯ МЕНЯ...»	282
РЕМБО.....	283
ОБМАНЧИВАЯ ЗЫБЬ.....	284
ДВА ЧАСА ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ.....	284
КОГДА ПОВЕЗЕТ.....	285
ЛОРКА	286
НАБЕГ.....	286
АМУНДСЕН	287

НОЧНОЙ ПОЕЗД	288
ГАЛАКТИОН.....	289
ДВОЙНИКИ.....	290
КАМЕШКИ.....	290
НЕ В СРОК	291
ВСТРЕЧА.....	292
НОЧНЫЕ БАБОЧКИ	293
«ДЕНЬГИ ВСЕ ЖЕ ПАХНУТ...».....	294
«НИКТО НЕ УСЛЫШАЛ ОБВАЛА ГРАД...».....	294
ВОЗВЫШЕННОСТЬ	295
НЕЗНАКОМКА.....	295
«ПЛАКАЛА ДЕВА В ТРАМВАЕ...».....	296
ИТОГ НЕ ЗНАЯ ДО КОНЦА	296
ЗОВ	297
ТРАФАЛЬГАР.....	298
ЖЕЛАНИЕ	298
ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ	299
СУХОЙ ФОНТАН.....	300
ЗАЧЕТ	300
37-Й.....	301
МТАЦМИНДА	302
ГЮГО.....	303
ТАЙНА	304
МЕА СУЛРА.....	304
ЗВОНОК.....	304
БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ.....	305
ХМЕЛЬ.....	306
КЕРОСИН	306
ХЛЕБ.....	307
ОТКРОВЕНИЕ.....	308
СМЕРТЬ ПОЭТА.....	309
СЕРДЦЕ В ГОРАХ	310
ГЛОССАРИЙ	311
Славное имя	
ПОЛЕТ СОКОЛА.....	323
«КРЕЙСЕР» СПУСТИЛСЯ С ГОР	329
«ГОМЕР ЖИЛ В НАШЕЙ КВАРТИРЕ»	336

КАРУЗО ФУТБОЛА	340
СУЛИКО.....	348
ТЯЖЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ.....	354
ЧЕМПИОН, СЫН ЧЕМПИОНОВ	359
ВРАТАРЬ НА МЕСТЕ.....	364
ДЯДЯ ПАВЛИК	371
ОБРЕЧЕННЫЙ НА ЛИДЕРСТВО	373
СВЕТЛОЕ ИМЯ	378
КАК СОЗДАВАЛИ ЭПОХУ РЕГБИ.....	384
НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ	387
БОГАТЫРЬ ГРАНИТА КРЕПЧЕ	394
ЖЕЛЕЗНЫЙ ТБИЛИСЕЦ	401
ЧЕМПИОН НА ВСЕ ВРЕМЕНА	408
ЛЕТОПИСЕЦ В ШАХМАТНОМ ЗАЗЕРКАЛЬЕ	412
ТРЕТИЙ НЕ ЛИШНИЙ.....	416
ВРАТАРЬ СТАЛИНА.....	419
У КАЖДОГО В МЕЧТАХ ЭВЕРЕСТ.....	427
ФИНТ МЕСХИ	431
СПАРТАКОВСКИЙ ХАРАКТЕР	435
ДОГОНЯЮЩИЙ СЕБЯ	443
МОЛНИЯ НА ТРЕКЕ	449
КАК ПТИЦА ДЛЯ ПОЛЕТА	457
«ЭТО ЗОЛОТО БУДЕТ НАШИМ!»	462
ГВОЗДИ Б ДЕЛАТЬ ИЗ ЭТИХ ЛЮДЕЙ	467
КОГДА РАССЕЯЛСЯ ДЫМ СРАЖЕНИЙ	471
ИМ СНИЛАСЬ САБЛЯ.....	476
ВЫСОТА	481
ОТЛОЖИВ СКРИПКУ В СТОРОНУ	487
НЕСРАВНЕННАЯ НОНА	492
КАКАЯ ЖИЗНЬ БЕЗ БОРЬБЫ	500
В ОДНОЙ СВЯЗКЕ	506
РАЗВОДЯТ ДРУЗЕЙ ОКЕАНЫ	512
ГОВОРИМ – ТЕННИС, ПОДРАЗУМЕВАЕМ – МЕТРЕВЕЛИ.....	520
ЭТАЛОН ДРУГА.....	525
БЕСКОНЕЧНОСТЬ ТАЛАНТА	527
МОЦАРТ ГИМНАСТИКИ	534
КАК ПРОРУБИЛИ ОКНО В МИР	540
МЫ ГЛАДИАТОРЫ	548
РАВНЕНИЕ НА ФЛАГ	551

ГРОМ ПОБЕДЫ	557
ПЕШКОМ НА ЭВЕРЕСТ.....	563
Я СКАЗАЛ ЛЮБЯ	567

Слово о друге

Моисей БОРОДА	
ЧУЖОГО ГОРЯ НЕ БЫВАЕТ	571
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ	
ОПАЛЯЮЩИЙ ЖАР	572
ВЗГЛЯНИ НА ДОМ СВОЙ	574
Леонид ЗОРИН	
ГРУЗИНСКИЙ ФЕНОМЕН	577
Давид ИМЕДАШВИЛИ	
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СПОРТИВНОЙ ЖИЗНИ	579
Эмзар КВИТАИШВИЛИ	
ПО ТУМАНЯНОВСКИМ ЗАВЕТАМ	580
Камилла-Мариам КОРИНТЭЛИ	
ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ЭПОХА.....	583
Вилен МАРДАЛЕИШВИЛИ	
ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ	585
Гулбат ТОРАДЗЕ	
ЗВЕЗДНЫЕ ЧАСЫ ЧЕМПИОНОВ	586
Дмитрий ТУХАРЕЛИ	
«ГОДА СОБЫТИЯМИ ВЫСТРОИВ...»	588
Леван ЧЕЛИДЗЕ	
О ДЕВОЧКЕ, КОТОРАЯ ЛЮБИТ ВЫИГРЫВАТЬ	590
КОРОТКО ОБ АВТОРАХ	592

На форзацах –

Кавказское землячество. Петроград. 1915.

В первом ряду в центре – отец автора, студент Петроградского политехнического института имени Петра Великого Левон Еремян.

Олимпийские чемпионы, чемпионы мира. Роман Руруа, Давид Цимакуридзе, Михаил Саладзе, Ростом Абашидзе, Шота Ломидзе, Гиви Картозия.

Еремян А.Л.

Позови меня как сына –

Тб., 2013. - 604с.

Отпечатано в типографии ООО “ГРИФОНИ”.

არსენ ერემიანი – ფილოლოგი, ლიტერატორი, რედაქტორი. დაამთავრა თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის ფილოლოგიის ფაკულტეტი. მუშაობდა გაზეთების – “ვეჩერნი თბილისი”, “ზარია ვასტოკას” (“თავისუფალი საქართველო”), “იბერია-სპექტრის” რედაქციებში, აგრეთვე პარტიულ სამუშაოზე; არის საქართველოს დამსახურებული ჟურნალისტი, ჟურნალ “რუსული კლუბის” მთავარი რედაქტორის მოადგილე. არსენ ერემიანის ნიგნები გამოცემულია თბილისსა და მოსკოვში, ქართულ და რუსულ ენებზე. ესენია ლექსების, მოთხრობების და ნარკვევების კრებულები – “მაიას ჩვიდმეტი გაზაფხული” (1980), “გამარჯვების ქუხილი” (2002), “ავტოგრაფი” (2007), “რობინზონები ქალაქში” (2009), “22 ივნისი” (2011), “სიმაღლე” (2011) და სხვები.

არსენ ერემიანი – რანსაზერ, გრასკანაგეტ, ჯანაგირ: აკარითელ ღ მრჩილსიქი აესთასკან ხანაღსარანი რანასირასკან ჟასიღსთსორ: აღასათელ ღ «ახენრნი სრჩილსიქი», «ღარიქა ღისთისკა», «გრიდღია-საესსორ» ჭერქერი ჯანაგირღსიონსერიღ, კარელ ღ კიღსასესკან აღასათანღ: კრასთანნი კასათასკაღირ ღიღნაღსთ: «ნიღსსი კიღს» ხანღესი გღსაღირ ჯანაგირი თნღასკაღ: ა.ერემიანნი გრქერიღ ღიღს ზნ თნსელ მრჩილსიღიღ ზღ სიღსკაღიღ, კრასგერენ ზღ ზიღსერენ: გრანღ ზნ` რანასათნღღიღსიონსერი, აასთაღკაღენერი ზღ ასკნარკნერი ღიღიღაღიღნერი` «საღასი თასანიღღ გარიღნსერიღ» (1980), «ღაღქანასკი ირიღ» (2002), «ღინღნაგირი» (2007), «ნიღინღინსერიღ ქაღაღსიღ» (2009), «ღიღსიღსი 22» (2011), «რარღიღსღ» (2011) ზღ ასღ:

Arsen Eremyan - philologist, literary man and editor. Graduated from the Faculty of Philology of Tbilisi State University. Worked in the newspapers «Vecherniy Tbilisi», «Zarya Vostoka» («Svobodnaya Gruziya»), «Gruziya-Spektr» and for the party. Honored journalist of Georgia. Deputy editor-in-chief of the magazine «Russian Club». Books by A.Eremyan were published in Tbilisi and Moscow both in Georgian and Russian languages. He is author of collections of poems, short stories and essays - «Seventeen springs of Maya» (1980), «The Thunder of Victory» (2002), «Autograph» (2007), «Robinsons in the City» (2009), «June 22» (2011), «Height « (2011) and others.

Издатель -
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Издание осуществлено при поддержке
Международного благотворительного фонда «КАРТУ»

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

АРСЕН ЛЕВОНОВИЧ ЕРЕМЯН
ПОЗОВИ МЕНЯ
КАК СЫНА

Редактор
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ

Дизайн-верстка
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Технический редактор
ДАВИД АБУЛАДЗЕ

Над книгой работали
АЛЕНА ДЕНЯГА
НАТАЛЬЯ ЦИТЛАНАДЗЕ
НИНО ЦИТЛАНАДЗЕ
ИМЕДА СИНАТАШВИЛИ

არსენ ერემიანი
შვილი დავითასა
(რუსულ ენაზე)